

9(05)
Б 95

БЫЛОЕ

ЖУРНАЛЪ ПОСВЯЩЕННЫЙ ИСТОРИИ
ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

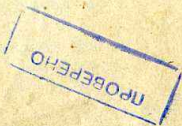

39219

БИБЛИОТЕКА
Отечественного Дома
Ленинград

ГОДЪ ПЕРВЫЙ
№ 10 ОКТЯБРЬ 1906

ПЕТЕРБУРГЪ

СОДЕРЖАНІЕ.

	стр.
1. Движеніе семидесятихъ годовъ по Большому процессу (193-хъ). Старина	1
2. Воспоминанія чайковца (<i>окончаніе</i>). С. С. Синегуба	31
3. „Дѣло о лицахъ, обвиняемыхъ въ сношеніяхъ съ лондонскими пропагандистами“ (по неизданнымъ источникамъ). (<i>Продолженіе</i>). М. К. Лемке	80
4. Коронація въ Колымскѣ (<i>изъ воспоминаній</i>). Н. А. Тана	121
5. Самодержавіе Николая I-го и французское общественное мнѣніе. (<i>Окончаніе</i>). Е. В. Тарле	138
6. Первое мая въ Россіи. В. П. Акимова-Махновца	163
7. Процессъ 17-ти народовольцевъ въ 1883 году	193
8. Въ Шлиссельбургѣ. М. В. Новорусскаго	261
9. Эпизодъ изъ жизни В. Г. Бѣлинскаго (<i>по неизданнымъ даннымъ</i>) П. Щ.	280
10. Семья декабристовъ (<i>по неизданнымъ матеріаламъ</i>) М. О. Гершензона	288
11. Историческая библиографія: <i>П. Кропоткинъ</i> —Записки революціонера— Д. П. Сильчевнаго . <i>Ф. Данъ</i> . Изъ исторіи рабочаго движенія и социаль-демократіи въ Россіи. Е. Д. Кусковой	318
12. Современная лѣтопись	336

	стр.
13. Материалы, документы и мелкия замѣтки. (О смерти М. Д. Райко—д-ра Попялковскаго—78. Къ процессу И. М. Ковальскаго— Х. Г. Гринбергъ-Нонъ —160. Арестъ И. Н. Мышкина— М. С. Александрова —259).	
14. Огь Шлиссельбургскаго Комитета	360
15. Объявленія	361

Къ этой книгѣ приложены портреты: М. Ф. Грачевскаго, С. Ф. Ковалика, А. В. Будевича и Н. А. Серно-Соловьевича.

Сергій Филиппович
КОВАЛИКЪ.

Движеніе семидесятыхъ годовъ по Большому процессу (193-хъ)¹⁾.

I.

Состояніе общества, предшествовавшее движенію.

Дѣятельность лицъ, участвовавшихъ въ Большомъ процессѣ (193), не покрываетъ всего движенія 1873—4 годовъ, но составляетъ настолько значительную его часть, что можетъ дать полную его характеристику. Это тѣмъ болѣе справедливо, что въ процессъ попали лица, случайно выхваченные изъ среды революціонной молодежи семидесятыхъ годовъ на всемъ обширномъ пространствѣ Европейской Россіи.

Въ движеніи участвовало нѣсколько лицъ изъ Нечаевского процесса—Долгушинъ, судившійся въ 70-хъ годахъ особо, Волховской и Голиковъ, одно лицо, имѣвшее нѣкоторыя, частнаго впрочемъ характера, отношенія къ караковцамъ—Войнаральскій, одно лицо, осужденное за политическую дѣятельность въ 60-хъ годахъ—Муравскій и наконецъ одно, участвовавшее въ организации «Земля и Воля» шестидесятыхъ-же годовъ—Рѣчицкій. Несмотря на это, движеніе 70-хъ годовъ не имѣло въ строгомъ смыслѣ слова никакихъ корней въ предыдущихъ движеніяхъ. Нѣтъ никакой возможности констатировать преемственную связь лицъ, участвовавшихъ въ слѣдующихъ одно за другимъ движеніяхъ. Идеиная связь конечно существовала между всѣми общественными и революціонными движеніями, но и ее нельзя считать непосредственной. Идеи, выдвигнутыя революціонерами даннаго періода, проникали въ общество, усваивались въ болѣе или менѣе переработанномъ видѣ передовыми людьми и входили въ той или другой степени въ составъ прогрессивнаго міросозерцанія. Революціонеры слѣдующаго періода воспитывались на книгахъ и статьяхъ, написанныхъ въ духѣ этого прогрессивнаго міросозерцанія, и въ свою очередь вырабатывали новыя революціонныя идеи, которыя также проникали въ общество и т. д. Въ нашей литературѣ до сихъ поръ не вполнѣ оцѣнено влияніе

¹⁾ Статья эта принадлежитъ одному изъ наиболѣе крупныхъ участниковъ процесса 193-хъ. Она предполагаетъ знакомство читателя съ этимъ процессомъ. См. сборникъ Базилевскаго „Госуд. преступленія въ Россіи“, т. III.

революционных идей на мирозерцание передовой части общества, а между тем без всяких натяжек можно доказывать, что творцами идей, входящих в круг понятий нашей интеллигенции, нередко бывали молодые люди, выступавшие в разное время на революционный путь. Вопреки мнѣнию получившаго печальную извѣстность Льва Тихомирова, можно съ большимъ правомъ утверждать, что революционеры—это начало, а либералы концы ¹⁾. Здѣсь не мѣсто развивать эту мысль—она брошена мимоходомъ, все-же предыдущее разсужденіе направлено лишь къ выясненію того, что для изученія исторіи движенія семидесятыхъ годовъ нѣтъ надобности обращаться къ предшествующимъ движеніямъ, но темъ болѣе необходимо имѣть ясное представленіе объ общественныхъ настроеніяхъ разсматриваемаго періода. Поэтому въ нижеслѣдующихъ строкахъ я попытаюсь обрисовать вкратцѣ состояніе общества и главнымъ образомъ интеллигенціи къ началу семидесятыхъ годовъ.

Шестидесятые годы составили эпоху въ развитіи русскаго общества. Освободительное движеніе прокатилось широкой волной и коснулось самыхъ разнообразныхъ слоевъ общества. Къ нему примкнули не только молодежь, но и изъ пожилыхъ людей всѣ тѣ, кто не былъ въ корень разращенъ крѣпостнымъ правомъ и всѣмъ предыдущимъ режимомъ. Въ результатѣ получилось довольно стройное выступленіе въ первый разъ на сцену исторіи такъ называемаго общества, во главѣ котораго стали разночинцы, придавшие ему демократическій характеръ. Отличительнымъ признакомъ тогдашняго интеллигентна была непоколебимая вѣра въ силу человѣческаго ума. Никому въ то время не приходило въ голову вопроса, что важнѣе въ жизни, умъ или чувство. Всѣмъ было ясно, что всякое рѣшеніе ума должно осуществиться въ жизни.

Прекраснымъ образцомъ этой вѣры въ умъ можетъ служить разсужденіе Добролюбова о самодурствѣ. Добролюбовъ рекомендовалъ идейному читателю смѣло вступать въ борьбу съ самодурами, доказывая имъ, съ точки зрѣнія своей идеи, всю неправоту и непоследовательность ихъ. Неоконченный сегодня споръ долженъ продолжаться завтра и въ концѣ концовъ—вѣрилъ Добролюбовъ—самодуръ, не имѣющій никакой идеи, долженъ уступить. Кто помнитъ шестидесятые годы, знаетъ, что такъ было и въ дѣйствительности—нѣрѣдко заслуженный генералъ пассивалъ передъ мальчишкою-студентомъ и умѣрлялъ проявленія своего самодурства ²⁾. Вѣра въ умъ приводила къ побѣдѣ надъ невѣжествомъ всякаго рода.

Подъ влияніемъ этой вѣры лидеры шестидесятниковъ смѣло прилагали выработанный умомъ критерій истины къ политическимъ, общественнымъ и экономическимъ отношеніямъ и создавали планы

широкихъ реформъ, которыя должны были перестроить на новыхъ началахъ всю жизнь страны. Патріархальная и совершенно однородная условія существованія большей части русскаго народа и почти полное отсутствіе промышленности не давали благоприятной почвы для теорій вѣной противоположности классовыхъ интересовъ. Реформаторы должны были принять дѣятельное участіе не въ борьбѣ классовъ, а въ борьбѣ культуры съ невѣжествомъ и предрассудками. Создавъ освобожденіемъ крестьянъ условія видимаго равенства всѣмъ гражданамъ, шестидесятники должны были думать о дальнѣйшемъ переустройствѣ на началахъ разума всей жизни народа, какъ въ политическомъ, такъ и въ социальномъ отношеніяхъ. О дифференціи «политики» и «экономики» еще не могло быть рѣчи—она явилась позднѣе.

Активное выступленіе общества въ шестидесятыхъ годахъ продолжалось, однако, не долго. Полу-реформы, благоразумно данная правительствомъ, сильно ослабили активность общества и способность его къ инициативѣ. Для болѣе умѣренной части его казалось вѣроятнымъ, что за этими реформами послѣдуютъ другія, которыя уничтожатъ всѣ несовершенства жизни. Самодуръ, побѣжденный идеями, думала эта часть общества, умретъ окончательно. Однако, не только широкая обѣщанія конституціи, но и сравнительно не очень крупная частичная реформа въ состояніи произвести расколъ въ обществѣ, не организованномъ въ сильная политическія партіи. Полу-реформы 60-хъ годовъ, безъ всякаго сомнѣнія, ослабили интенсивность движенія. Ими на половину, если не болѣе, была убита «политика», ибо зачѣмъ жестокая политическая борьба, если и безъ нея правительство разумно уступаетъ идейному меньшинству. Еще менѣе можно было ожидать, что правительство, согласившееся на освобожденіе крестьянъ, станетъ рѣзко на защиту господствующихъ классовъ общества и, послѣ надѣянія крестьянъ землею, не допустить никакихъ дальнѣйшихъ реформъ экономическаго характера. «Экономика» поэтому продолжала привлекать умы и выражалась главнымъ образомъ въ народничествѣ того времени, пытавшемся прийти на помощь обездоленному крестьянству и надѣявшемся убѣдить государственныхъ людей (какъ прежде самодура) вести экономическую политику въ интересахъ народа. вмѣстѣ съ тѣмъ, по мѣрѣ ослабленія общественной инициативы, все болѣе и болѣе дѣлалась замѣтной тенденція извѣстной части интеллигенціи къ нравственному самоусовершенствованію. Прогрессъ личности въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, казалась, обезпечиваетъ прочностъ движенія. Знаменитый русскій революционеръ Бакунинъ считалъ эту тенденцію весьма вредной для общественаго дѣла вообще и революціоннаго въ особенности. Онъ, между прочимъ, отрицательно относился къ легальной дѣятельности Чернышевскаго, считая его однимъ изъ главныхъ провинностиковъ теоріи нравственнаго самоусовершенствованія личности. Въ общемъ разсужденія Бакунина правильны, но Чернышевскій будилъ столько-же духъ общественной инициативы, какъ и индивидуальный прогресса.

¹⁾ См. «Начало и концы» Льва Тихомирова.

²⁾ Извѣстный критикъ «Русской Мысли» Протопоповъ, начавшій свою литературную карьеру прекрасной статьёй, напечатанной въ «Отчетахъ» Запискахъ подъ заглавіемъ «Литературная злоба дня», совершенно ошибочно утверждалъ, что вышеизложенное разсужденіе Добролюбова было плодомъ увлеченія, пассивности котораго повятна современному (восьмидесяте годы) гимназисту.

Ничто так не вредит истинной политикѣ, какъ национализмъ, развращающій болѣе всего господствующую народность. Возбужденіе національной розни, какъ это мы видимъ на примѣрѣ Австріи, ведетъ къ полной бездѣятельности даже конституціонной механизмъ; тѣмъ болѣе оно заглушаетъ всякія политическія требованія въ странѣ, не пользуясь благами политической свободы. Подъ влияніемъ возбужденнаго національнаго чувства, господствующая народность перестаетъ цѣнить блага политической свободы и предпочитаетъ имъ надѣленіе своихъ соплеменниковъ такими правами и льготами, которыя дали бы имъ несомнѣнный перевѣсъ въ столкновѣніяхъ хотя и съ менѣе численными, но болѣе культурными народностями. Мы еще недавно были свидѣтелями того, что многіе русскіе люди (теперь они называются «истинно русскими») рукоплескали Бобрикову за подавленіе финляндской свободы. Имъ казалось важнѣе уничтожить преимущества Финляндии, чѣмъ требовать равной доли свободы и для себя.

Гражданская война 1863 года въ Польшѣ имѣла развращающее влияніе на русское общество такого же характера, какъ и репрессіи въ Финляндіи, но по степени значительно ихъ превосходящее. Люди, допускавшіе въ принципѣ право на культурное самоопредѣленіе каждой націи, растерялись, когда началась гражданская война между двумя родственными народами; поддерживать поляковъ имъ казалось несомѣстимымъ съ чувствами патриотизма, поэтому они, въ большинствѣ, перешли на сторону правительства. Катковъ отлично воспользовался моментомъ и выставивъ «русское» знамя, успѣлъ въ короткое время уволить въ сѣти реакціи массу колеблющихся умовъ. Политика, убитая на половину реформами, была, такимъ образомъ, окончательно доведена къ величайшему удовольствію реакціонеровъ, и самодуръ воскресъ. Въ это время въ реакціонномъ лагерѣ, къ которому всегда принадлежало и правительство, началъ складываться въ опредѣленную форму софізмъ, твердо усвоенный такъ называемыми государственными людьми нынѣшняго «конституціоннаго» кабинета, а именно, что экономическія требованія населенія или отдѣльныхъ классовъ его могутъ быть допустимы, какъ не угрожающія общественному порядку, политическія-же ни въ какомъ случаѣ, такъ какъ они ведутъ въ случаѣ удовлетворенія ихъ къ революціи (скорѣе наоборотъ).

Изъ предшествующаго ясно, что ко времени семидесятыхъ годовъ политическіе интересы въ русскомъ обществѣ должны были въ значительной мѣрѣ заглохнуть. Такъ и было въ дѣйствительности. Либерализмъ, кажется, никогда—ни прежде, ни послѣ—не былъ такимъ дряблымъ, какъ въ семидесятыхъ годахъ. Въ связи съ этимъ и общество отличалось необыкновеннымъ бесиліемъ, равнаго которому не было даже въ 80-хъ годахъ. Въ этотъ мрачный періодъ русской жизни, подъ влияніемъ систематической репрессіи, стала проявляться нѣкоторая солидарность общества, какъ единственное оставшееся у него средство самообороны. Ни одинъ изъ возникшихъ въ 80-хъ годахъ мелкихъ вопросовъ не заста-

валъ общество раздѣленнымъ. Когда во время министерства Горемыкина не совсѣмъ кстати былъ поднятъ вопросъ о законности, то почти всѣ органы печати въ своихъ передовыхъ статьяхъ дружно прокричали: законность! законность! Также единодушно откликнулась печать на вопросъ о народномъ образованіи и другія мелкія злобы дня. Въ семидесятыхъ годахъ и этой солидарности самообороняющихся нельзя было наблюдать. Какъ въ обществѣ, такъ и въ литературѣ былъ полнѣйшій разбродъ по вопросамъ самымъ элементарнымъ. Я здѣсь разумю вопросы практическаго характера; что-же касается до принципивъ, то, конечно, въ этомъ отношеніи не могло быть разногласія между людьми передовыхъ направленій.

Болѣе всего объединяло людей прогрессивнаго направленія народничество. Подъ влияніемъ литературы съ одной стороны и всего склада русской жизни съ другой, въ міросозерцаніи передовыхъ людей народническія идеи занимали одно изъ первыхъ мѣстъ. Степень идеализаціи народа находилась, казалось, въ отношеніи, прямо пропорціональномъ со степенью отчужденности интеллигенціи отъ народа, и съ ея стороны замѣтно было страстное желаніе слиться съ народомъ хотя бы въ области идей. Съ упраздненіемъ «политики» образовалось какъ-бы пустое мѣсто въ міросозерцаніи интеллигенціи, и эту пустоту передовые люди стремились заполнить народничествомъ.

Славянофильство, хотя и было побѣждено въ 60-хъ годахъ западническимъ, но еще не окончательно умерло. Передовые круги общества были не чужды нѣкоторыхъ пережитковъ славянофильскихъ идей. Самые завзятые западники переоцѣнивали, напр., значеніе русской общины и готовы были вѣрить, что въ ней народъ сохранилъ средство обновить не только свою, но и европейскую жизнь. Само общество понимало, что эти пережитки славянофильства еще болѣе толкали русскую интеллигенцію въ сторону народничества.

Послѣ крымской войны появилась масса книгъ, преимущественно переводныхъ, по естествознанію, которое популяризировалось также и въ журналахъ. На этихъ точныхъ знаніяхъ воспитывались шестидесятники съ ихъ вѣрою въ человѣческую умъ. Въра эта мало ослабла и въ 70-хъ годахъ, но питалась уже изъ другихъ источниковъ. Семидесятники накинудись, главнымъ образомъ, на социальную науку. Въ 1870 году появился на русскомъ переводѣ первый томъ «Капитала». Стройностью системы и глубиной критики Марксъ произвелъ на интеллигентную молодежь большое впечатлѣніе, которое по силѣ можно сравнить развѣ съ тѣмъ, которое въ свое время вызвалъ Дарвинъ. Немногіе, конечно, одолѣли Маркса, но идеи его, изложенныя въ «Капиталѣ», стали входить въ общій оборотъ. Другія, болѣе раннія произведенія Маркса оставались неизвѣстными широкой публикѣ; поэтому экономическимъ материализмомъ и вопросамъ исторіософіи семидесятники, читавшіе только 1-й томъ «Капитала», мало занимались. Широко распространилось

лишь чисто экономическое учение Маркса о трудовой ценности и взгляды его на отношения между трудом и капиталом. Семидесятники опутали в своих сердцах ненависть к эксплуатации труда капиталистами и без колебаний признали освобождение труда одной из первых задач всякой прогрессивной программы. Далее этого не шло значение Маркса и никто из семидесятников не признавал его отцом научного социализма. Молодежь того времени и после прочтения «Капитала» продолжала оставаться на точках зрения так называемого ныне «утопического» социализма и признавала своими учителями Чернышевского, а вскоре потом Лаврова и Бакунина.

Наибольшее значение в смысле выработки мировоззрения имело для семидесятников сочинение П. Л. Лаврова «Историческая повесть». Оно будило в душ интеллигента те чувства, которые были заложены в ней всею предыдущей историей, и призывало к уплате долга народу за полученное образование. На этой книге, можно сказать, воспитывалось целое поколение. Ни одна статья того же Лаврова, написанная более свободным языком в нелегальном журнале «Впередь», не могла сравниться, во отношении влияния на молодежь, с «Историческими письмами».

Известно, что в странах, в которых отсутствует политическая свобода, а печать задушена в тисках цензуры, наука, одна сохраняющая некоторую, впрочем весьма ограниченную долю свободы, становится средством распространения прогрессивных идей и приобретает в некоторой степени партийный характер. Лавров первоначально выступил в нашей литературе, как философ, которого не признала молодежь, питавшаяся идеями Чернышевского и Добролюбова. Наш философ скоро понял, что наука в России должна играть служебную роль, содействуя распространению идей равенства и свободы. В этом отношении Лавров едва-ли не лучше всех других писателей умел пользоваться своими научными знаниями.

Не только наука, но и господствующий научный метод должен был у нас служить той же цели укрепления передовых идей. Индукция и дедукция пригодны были в то время, когда наука являлась самоцелью. В шестидесятых годах, в период широкого распространения научных знаний, ни о каком другом методе не могло быть речи. В семидесятых годах, с утратой смысла в решении основных вопросов жизни, в связи с отмиранием выше ослаблением активности общества, нужен был такой метод, который открыл бы ум начинающего мыслителя и вдохнул бы в него недостающую смелость. К услугам интеллигенции и явился субъективный метод, первым провозвестником которого явился Лавров¹⁾. Он доказывает в

своих «Исторических письмах», что критически мыслящая личность имеет право свои субъективные идеалы ставить в главу угла изучения истории. В процесс истории, учить наш мыслитель, мы неизбежно видим прогресс. «Волею или неволею, приходится прилагать к процессу истории субъективную оценку, т. е., усвоив, по степени своего нравственного развития, тот или другой нравственный идеал, располагать все факты истории в перспективу, по которой они содействовали или противодействовали этому идеалу». Критически мыслящая личность, взяв свои силы, должна рваться на борьбу с установившимися историческими формами общества. Кто строил историю, спрашивает Лавров? «Одинокая борющаяся личность». Наш автор конечно понимал бессилие таких одиночек, поэтому он далее разъясняет читателю, каким путем «обращались слабая личности в общественную силу». Вокруг личности образуются партии, и сила единичная превращается в силу коллективную.

Теория Лаврова поднимала энергию мыслящего интеллигента и укрепляла в нем веру в свои силы, толкала его на борьбу с устаревшими формами. Гете как-то выразил, что объективизм присущ прогрессивным эпохам, а субъективизм — регрессивным. Если это изречение и можно признать в известной степени верным, то к семидесятым годам его следует применить несколько в другом смысле. В реакционную эпоху начала 70-х годов только субъективизм мог выступить в качестве революционной силы, объективизм мог бы только констатировать господство реакции.

Нигилизм имел немаловажное значение для семидесятых годов. Появившись в 60-х годах, как крупная общественная сила, перестроившая взаимные отношения личностей в обществе, нигилизм, отринув авторитеты, расчистил почву для восприятия здорового прогрессивного мировоззрения. Нигилизм продолжал существовать и в начале 70-х годов, но с обезличением общества перестала играть роль активного фактора в освободительном движении, ожидая как бы толчка, чтобы снова послужить делу освобождения родины. Между прочим, нигилизм содействовал сокращению потребностей интеллигента и облегчал образование коммун для совместной жизни и взаимного развития индивидуумов. Не подлежит сомнению, что только нигилизм обезпечил возможность участия женщин в движении. Без него мужчины и женщины, подчиняясь устаревшим приличиям, были бы слышком разобщены, чтобы работать рука об руку.

Таковы главнейшие условия, при которых выступила на сцену революционная молодежь в семидесятых годах.

¹⁾ Лавров нигде в своей книге не называет своего метода субъективным. Разработкой субъективного метода, как одного из наиболее пригодных для изучения социологии, занялся у нас Н. К. Михайловский, который поэтому и считается часто творцом этого метода.

Молодежь ко времени начала семидесятых годов.

Молодежь, группировавшаяся около университетских центров, не имела къ началу 70-х годов опредѣленнаго міросозерцанія. Тѣмъ не менѣе она, какъ и во всѣ другія времена, обнаруживала склонность къ прогрессивнымъ идеямъ. Она сильно тяготѣла къ передовому органу печати того времени—«Отечественнымъ Запискамъ». Каждый мѣсяцъ при выходѣ журнала можно было встрѣтить около конторы его студентовъ, торопившихся получить только что отпечатанную и еще не разосланную книжку. Въ числѣ наиболѣе любимыхъ писателей были: Глѣбъ Успенскій, Щедринъ, Михайловскій и Елисѣевъ. Послѣдній, въ своихъ блестящихъ внутреннихъ обзорѣняхъ, давалъ руководящую точку зрѣнія на текущія событія.

Радикальное направление всегда болѣе другихъ направлений привлекало мыслящую молодежь. За рѣдкими исключениями, она или принимала радикальную программу или представляла *tabula rasa*. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ часть молодежи, хотя еще не большая, была сьорганизована въ радикальскія кружки, которые находились во всѣхъ университетскихъ центрахъ, по одному въ городѣ, а въ Петербургѣ въ количествѣ 15—20. Кружки вели себя довольно конспиративно и окружены были нѣкоторою таинственностью, что, можетъ быть, болѣе всего содѣйствовало ихъ престижу въ средѣ молодежи. Она знала, что въ кружкахъ можно пріобрѣтать книги, но остальные дѣла ихъ были для всѣхъ тайною. Въ дѣйствительности практическая дѣятельность большинства кружковъ была довольно слаба, и строго выработанныхъ программъ у нихъ не было.

Наибольшее значеніе, какъ по числу участниковъ, такъ и по размѣрамъ практической дѣятельности имѣлъ кружокъ Чайковцевъ, образовавшійся изъ такъ называвшейся Вульфовой коммуны. Въ эту коммуну, случайно или сознательно, былъ подобранъ народъ, выдающийся для того времени по своему умственному и нравственному развитію. Сначала она существовала, какъ простая коммуна для общежитія и саморазвитія. Въ періодъ нигилистическаго отрицанія всякихъ предрассудковъ, коммуна рѣшила съѣсть принадлежавшую ей собаку, что—по разсказу бывшаго члена коммуны потомъ эмигранта Александрова—благополучно и исполнила. Реакціонеры изъ правительственнаго лагеря не знали этого факта, иначе они воспользовались-бы имъ на судѣ для очерненія нигилистической молодежи, которую они всячески старались уличить въ развратъ и другихъ безнравственныхъ поступкахъ. Между тѣмъ, не подлежѣе сомнѣнію, что нигилисты безконечно менѣе повинны въ отступленіяхъ отъ нравственныхъ правилъ, чѣмъ бюрократы и обыватели безъ принциповъ, разрѣшающіе себя подъ прикрытіемъ

брачныхъ узъ и разныхъ установившихся приличій самые противонравственные поступки. Мужскія сорочки, носившіяся нигилистами, во всякомъ случаѣ, лучше скрываютъ наготу женскаго тѣла, чѣмъ балльные костюмы съ вырѣзками чуть не до пояса. Въ данномъ случаѣ, питаніе собачьимъ мясомъ, если оно имѣло мѣсто, было лишь простымъ испытаніемъ стойкости убѣждений и свободы отъ предрассудковъ. Этотъ незначительный случай хорошо иллюстрируетъ нравственную силу и стойкость, которая проявили Чайковцы потомъ въ своей практической дѣятельности.

Въ числѣ петербургскихъ радикальскихъ кружковъ былъ кружокъ Долгушина, кончившаго свою жизнь въ Шлиссельбургѣ. Этотъ кружокъ, не доживъ до разгара движенія, первый почувствовалъ неудовлетворенность половинчатою дѣятельностью современныхъ радикаловъ и ранѣе другихъ выступилъ на чисто революціонный путь.

Многіе радикальскіе кружки занимались развитіемъ рабочихъ, которымъ они читали по извѣстной, болѣе или менѣе обдуманной программѣ систематическія лекціи, и, кажется, всѣ кружки до одного—распространеніемъ среди молодежи лучшихъ легальныхъ книгъ. Нити этого предпріятія находились въ рукахъ Чайковцевъ. Имъ удалось съ издателями нѣкоторыхъ книгъ войти въ соглашеніе, по которому эти книги продавались имъ съ большою уступкою. Молодежь того времени не имѣла большихъ денежныхъ ресурсовъ и не въ состояніи была пріобрѣтать такія цѣнные книги, напр., какъ *Биологія* Спенсера; въ кружкахъ же она продавалась вмѣстѣ 4 р. за 1 р. Впрочемъ, дѣятельность провинціальныхъ кружковъ была довольно слаба, а въ Харьковѣ и Казани почти совсѣмъ прекратилась къ началу 70-хъ годовъ. Болѣе или менѣе замѣтной была только работа Петербургскихъ кружковъ, преимущественно Чайковцевъ. Кромѣ нихъ былъ чрезвычайно популяренъ среди петербургскихъ рабочихъ въ 1872 и 73 годахъ нѣкто Низовкинъ. По популярности съ нимъ могъ сравниться развѣ Синегуевъ, который изъ всѣхъ Чайковцевъ отличался наибольшимъ успѣхомъ среди рабочихъ. Низовкинъ, хотя и избѣгалъ пропаганды крайнихъ идей, но былъ арестованъ осенью 1873 года среди другихъ революціонеровъ и выдалъ во время дознанія всѣхъ извѣстныхъ ему Чайковцевъ и много другихъ лицъ. У него явилась какая-то манія выдавать даже чины, производившіе дознаніе, пытались отдѣлаться отъ него подъ благовиднымъ предлогомъ и не слушать его послѣ того, когда онъ разсказалъ все, что знаетъ. Я распространился о Низовкинѣ потому, что далѣе объ немъ не будетъ рѣчи. У Низовкина былъ талантъ популяризаціи, и онъ, кромѣ того, умѣлъ подбирать себѣ помощниковъ, въ числѣ которыхъ обвинитель по процессу 193-хъ называетъ Доводчикова, читавшаго рабочимъ лекціи даже по физиологіи. На лекціи Доводчикова собирались рабочіе не только съ Выборгской стороны, гдѣ была квартира Низовкина, но и съ Васильевского острова и изъ за Невской заставы. На рабочихъ, привлеченныхъ Низовкинымъ, въ свою очередь пытались воздѣй-

ствовать Чайковцы, чтобы привить имъ болѣ радикальные взгляды, а лучшихъ, можетъ быть, ввести даже въ свой кружокъ.

Радикальскіе кружки, казалось, должны были послужить кадрами для начинающагося движенія семидесятихъ годовъ, но это имъ удавалось лишь въ слабой степени. Впрочемъ, не только въ этомъ случаѣ, но и вообще, приходится наблюдать, что существующія въ данный моментъ организации, какъ бы онѣ не готовились къ ожидаемому стихийному общественному или народному движенію, не успѣваютъ становиться во главѣ ихъ и направлять движеніе по заранѣе намѣченному плану. Самый болѣе успѣхъ, который когда либо доставался на долю такихъ организаций, заключался въ томъ, что имъ удавалось, наконецъ, объединиться съ движеніемъ и до нѣкоторой степени руководить имъ, но уже тогда, когда движеніе болѣе или менѣе опредѣлилось. Изъ Петербургскихъ кружковъ это въ извѣстной мѣрѣ удалось только Чайковцамъ, остальные-же кружки или исчезли въ волнахъ движенія, или замкнулись на прежней маленькой программѣ.

Часть учащейся молодежи, разочаровавшись въ российскихъ университетахъ, направилась въ началѣ 70-хъ годовъ въ Цюрихъ; русская колонія доходила тамъ до 300 человекъ. Большинство мало обращало вниманія на лекціи, читавшіяся мѣстными профессорами, отчасти по незнанію языка, но еще болѣе потому, что искало другой науки, другихъ знаній. Вопросы о судьбахъ человѣчества вообще и родины въ особенности, о томъ участіи, которое каждый человекъ, вѣрующій въ лучшее будущее, долженъ принять въ рѣшеніи этихъ судебъ, всегда привлекали молодежь, здѣсь-же въ свободной странѣ, при неограниченномъ правѣ собранія, они скоро стали обсуждаться съ невѣдомою дотошъ страстностью. Профессорами въ цюрихской колоніи явились Лавровъ и Бакунинъ. Въ короткое время молодежь набралась революціоннаго духа и раздѣлилась на два враждующіе лагеря, лавристовъ и бакунистовъ. Нѣсколько человекъ бакунистовъ устроили въ Цюрихѣ обширную бібліотеку¹⁾, главнѣйшая часть которой состояла изъ книгъ въ то время запрещенныхъ въ Россіи. Когда въ средѣ молодежи стали обрисовываться два направленія, бібліотека стала яблокомъ раздора между учредителями—бакунистами и «народомъ»—лавровцами. Кромѣ того было не мало и другихъ недоразумѣній, которыя обыкновенно имѣютъ мѣсто между двумя близкими фракціями.

Осенью 1873 года появился правительственный указъ, призывавшій молодежь, проживавшую въ Цюрихѣ, возвратиться въ Россію и угрожавшій, въ случаѣ неисполненія этого требованія, разными репрессіями, вплоть до запрещенія въѣзда въ Россію. Колонія, за немногими исключеніями, рѣшила подчиниться указу. Молодежь, уже настроенная революціонно, рѣшила, что она не имѣетъ права закрывать себѣ путь на родину, гдѣ ее ожидаетъ работа болѣе производительная, чѣмъ за границей. Къ такому рѣшенію подтал-

¹⁾ Библіотека эта теперь находится въ Парижѣ.

кивало молодежь и начавшееся движеніе въ Россіи, отголоски котораго доходили до Цюриха.

Возвратившаяся на родину молодежь, усвоившая готовое революціонное ученіе отъ его основоположниковъ Лаврова и Бакунина, казалось, должна была явиться авангардомъ и даже организаторомъ начавшагося въ Россіи движенія, но этого не случилось. Мѣстные, не уѣзжавшіе за границу дѣятели взяли верхъ и Цюрихцы, между которыми были бесспорно выдающиеся люди, принуждены были встать въ ряды, не претендуя на руководящую роль. Мѣстные кружки, не порывавшіе ни на одну минуту съ родной, съ одной стороны находились въ менѣе благоприятныхъ условіяхъ, будучи принуждены тратить время и силы на самостоятельную разработку революціонныхъ идей, но съ другой стороны имѣли большое преимущество въ томъ, что въ этой работѣ они шли рука объ руку со всей молодежью и успѣли приобрести надъ ней влияние, котораго не имѣли Цюрихцы. Но, быть можетъ, главной причиною второстепеннаго значенія возвратившихся изъ Цюриха молодыхъ людей было обстоятельство, что они въ громадномъ большинствѣ принадлежали къ лавровскому направленію, которое въ Россіи скоро принуждено было уступить первое мѣсто бакунизму. Этотъ послѣдній почти исключительно былъ представленъ мѣстными кружками, такъ какъ цюрихскіе вожаки его не возвратились въ Россію. Отпаденіе Цюрихцевъ отъ лавризма началось уже тотчасъ по прѣздѣ ихъ на родину. Такъ напр. Иванъ Яковлевичъ Чернышевъ (Кіевскій), проявившій потомъ большую энергію въ подготовительномъ періодѣ революціоннаго движенія, будучи въ Цюрихѣ завязавшій лавровцемъ, съ первыхъ-же дней своего пребыванія въ Россіи объявилъ себя бакунистомъ—анархистомъ.

III.

Когда именно началось революціонное движеніе. Безучастность общества. Соціалистическій характеръ движенія.

Едва-ли кто въ состояніи точно установить даже начала революціоннаго движенія 70-хъ годовъ. Сенатъ, судившій участника его въ числѣ 193 человекъ, призналъ, что въ 1872 году четыре лица—Войнаральскій, Коваликъ, Мышкинъ и Рогачевъ, умышленно образовавъ тайное сообщество, привлекли къ нему подсудимыхъ. Дата эта опровергается уже тѣмъ, что изъ названныхъ лицъ не было двухъ, которые были-бы между собою знакомы въ 1872 году. Вѣрнѣе опредѣлить дату прокуроръ, составившій обвинительный актъ. Онъ считаетъ началомъ движенія осень 1873 года. Прокуроръ знаетъ собственно время арестовъ, которое, если вѣрится въ недреманное око, не могло далеко отстоять отъ времени начала движенія. Броженіе существовало много раньше—доказательствомъ можетъ служить долгушнское дѣло—но я готовъ, хотя и по другимъ мотивамъ, чѣмъ прокуроръ, считать началомъ настоящаго,

стихийного движения осень 1873 года. Около этого времени появился первый печатный орган русской революции—журнал „Вперед“, издававшийся Лавровымъ въ Цюрихѣ. Почти одновременно отпечатано было евангеліе анархистовъ — „Государственность и анархія“ Бакунина. Кроме того лѣтомъ въ большихъ городахъ, за отсутствіемъ молодежи, не могло происходить никакого движения. Слѣзается она осенью. Такъ было и въ 1873 году и сейчасъ-же начались постоянныя сходы съ Цюрихцами и безъ нихъ. Изъ этихъ данныхъ явствуетъ, что осенью 1873 года, если движеніе и не началось, то во всякомъ случаѣ приобрѣло стихійный характеръ.

Движеніе семидесятыхъ годовъ было по существу революціоннымъ. Въ немъ приняла участіе исключительно молодежь, состоявшая преимущественно изъ учащихъ въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Бакунинъ любилъ подчеркивать это обстоятельство, утверждая, что въ Россіи столько революціонеровъ, сколько уходящей молодежи въ университетахъ, гимназіяхъ и семинаріяхъ (примѣрно 40 тысячъ). Общество стояло въ сторонѣ отъ движенія и долго не догадывалось о немъ, несмотря на начавшіеся аресты. Печать до 1875 года, въ то время, когда среди молодежи все живое пришло въ бурное движеніе, продолжала тоскливо жаловаться на застой. Это объясняется полной обособленностью молодежи. Она всегда знала по журналамъ, что дѣлается въ остальномъ мірѣ, міръ-же не могъ знать, что происходитъ въ ея средѣ. Къ тому-же разнѣ между „отцами“ и „дѣтьми“, рѣзко выраженная въ 60-хъ годахъ, продолжала существовать лишь въ нѣсколькой смягченной формѣ и въ 70-хъ годахъ. Въ общество конечно проникали слухи объ арестахъ то тамъ, то здѣсь, но большинство не имѣло понятія, зачѣмъ и почему. Газеты въ семидесятыхъ годахъ были слабо распространены и не могли, отчасти и по цензурнымъ условіямъ, оповѣстить общество о томъ, что происходитъ у него чуть не передъ глазами. Между тѣмъ движеніе получало все болѣе и болѣе крупный характеръ, становясь поворотнымъ пунктомъ въ исторіи русской революціи. Революціонная дѣятельность, переставъ быть случайной, стала сосредоточиваться въ рукахъ партій, не прекратившей своего существованія, хотя и въ другомъ видѣ, до настоящаго времени.

Обособленіе молодежи отъ остального общества придало движению необыкновенную силу. Въ семидесятыхъ годахъ молодежь попыталась одна, безъ всякаго содѣйствія склонныхъ къ компромиссамъ старшихъ возрастовъ, поршнить всѣ проклятыя вопросы, не дающіе человечеству мирно существовать, и рѣшила возложить на свои плечи всю работу по обновленію міра. Подобно первымъ христианамъ, она отрекалась отъ міра (привилегированнаго, въ которомъ жила) и собственныя выгоды и могла самоотверженно отдаться борьбѣ со зломъ, не заботясь даже о насущномъ хлѣбѣ. Подвигъ, приковывающій при всякихъ условіяхъ наше вниманіе даже въ мелкомъ дѣлѣ, ради котораго онъ совершается, тѣмъ бо-

лѣ импонировалъ, когда не вѣдающая личныхъ, эгоистическихъ интересовъ молодежь бралась за рѣшеніе коренного вопроса русской жизни, за переустройство всей государственной и общественной жизни на началахъ свободы и правды. Общество, въ лицѣ лучшихъ своихъ членовъ, въ концѣ концовъ выразило, хотя и заднимъ числомъ, свое сочувствіе героической молодежи, несмотря на то, что ею намѣчены были революціонныя средства борьбы—единственныя, которыя могли быть пущены въ ходъ активнымъ меньшинствомъ.

Выше было показано, что къ началу семидесятыхъ годовъ русская интеллигенція утратила вѣру въ политическую дѣятельность. Молодежь конечно еще болѣе стала отрицать политику и склоняться къ чистому социализму. Изъ трехчленной формулы, завѣщанной великой французской революціей, *liberté* отодвинута была на задній планъ и подчеркнута *egalité*. Въ случайныхъ и нарочитыхъ собраніяхъ интеллигентной молодежи, имѣвшихъ мѣсто до начала движенія, часто дебатировался вопросъ о значеніи конституціи и, болѣею частью она признавалась не только не необходимой, но даже вредной. Радикалы обыкновенно доказывали, что только социальныя преобразования могутъ спасти Россію, политическая-же программа ихъ оставалась не ясной.

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ молодежь вообще и радикальныя ея кружки въ особенности стали все болѣе и болѣе склоняться къ признанію революціоннаго пути единственно спасительнымъ въ борьбѣ за счастье народа и за социалистическій строй жизни. Это сознаніе должно было роковымъ образомъ привести ко включенію въ прежнія программы кружковъ политической борьбы, а затѣмъ и къ полному торжеству политики, что и обнаружилось въ дальнѣйшей эволюціи революціоннаго движенія въ началѣ 80-хъ годовъ. Съ другой стороны народническія тенденціи были еще сильнѣе выражены въ міросозерцаніи молодежи, чѣмъ у остальной демократической части русскаго общества 70-хъ годовъ. Это обезпечивало за революціоннымъ движениемъ социалистическій характеръ. У насъ революція всегда ставитъ своей цѣлью социальный переворотъ и не можетъ быть сведена исключительно на политическія преобразованія, хотя бы и самыя радикальныя.

IV.

Характеристика движенія. Стихийность его.

Выше было замѣчено, что наиболѣе естественно считать началомъ революціоннаго движенія семидесятыхъ годовъ появленіе программныхъ революціонныхъ изданій. За годъ до выпуска первой книжки „Впередъ“ въ кружкахъ циркулировала литографированная программа журнала, кажется, два раза передѣльвавшаяся. Наиболѣе вліятельный гонимъ при ея редактированіи имѣли чайковъ. Лавровъ, будучи безъ сомнѣнія выдающимся мыслителемъ и обладая

большой эрудицией, не въ состоянии былъ проявить творчества въ новой для него области революціонныхъ идей и все время своего участія въ революціонной литературѣ не столько направлялъ молодежь, сколько слѣдовалъ за нею, дошедши со временемъ даже до признанія въ главныхъ чертахъ программы „Народной Воли“.

Принявъ продиктованную Чайковскими программу „Впередъ“, Лавровъ не могъ проводить ее настолько послѣдовательно, чтобы не вызывать никакихъ недоразумѣній у читателей журнала. Въ написанной имъ самимъ руководящей статьѣ перваго номера, подъ заглавіемъ „Знаніе и Революція“ сказано до известной степени прежній Лавровъ, философъ и профессоръ, склонный признать, что наука есть единственная или по крайней мѣрѣ первоэлементарная сила въ переустройствѣ общества. Значеніе знаний было несомнѣнно преувеличено Лавровымъ, чѣмъ и воспользовались лица болѣе крайняго направленія, раздѣлявшія взгляды Бакунина на революцію. Они, въ то время еще очень немногочисленные и только начавшие формироваться въ кружки, рѣшили дать сраженіе лавровцамъ по поводу названной выше статьи и собрали въ Петербургъ большую сходку на квартирѣ-коммунѣ, нанятой на имя Блавазѣчина, или Ковалика. Большинство прибывшихъ на сходку были приверженцы Лаврова и между ними и бакунистами начались горячіе споры. На сходкѣ присутствовали между прочимъ и Чайковскій, скрывавшійся отъ преслѣдованій жандармовъ, но не выступавшій ораторомъ. Болѣе или менѣе серьезной критикѣ подвергъ статью Лаврова въ длинной рѣчи Каблиць (Юзовъ). Въ основаніи рѣчи была положена совершенно невѣрная мысль. Каблиць проводилъ полную аналогію между процессомъ накопленія знаний и таковымъ же процессомъ капитала. Рѣчь несмотря на свою парадоксальность произвела нѣкоторое впечатлѣніе; ею Каблиць приобрьлъ между прочимъ послѣдователя въ лицѣ известнаго потомъ Богдановича—Кобозева и близко къ нему стоящей Палицной. Сами бакунисты находили рѣчь Каблица слабой и слыхкомъ искусственной. Но возраженія были еще слабѣе, и бакунисты одержали первую, впрочемъ довольно слабую побѣду. На ту-же тему вскорѣ происходили пренія въ квартирѣ Кавказцевъ, которые были въ то время послѣдователями Лаврова. На сходкѣ говорили изъ бакунистовъ Коваликъ, Чернышевъ и др. На этой сходкѣ бакунисты укрѣпили занятая позиція. Обѣ упомянутыя сходки ни по характеру произнесенныхъ рѣчей, ни по всей своей обстановкѣ вообще, не выдѣлялись среди другихъ сходокъ, но я остановился на нихъ потому что онѣ были характерны для той фазы движенія, въ которой анархисты стали разрывать свои силы. Разговоры все время вертѣлись вокругъ центрального пункта, на которомъ думали укрѣпиться лавровцы, чтобы помѣшавъ головокружительному стремленію молодежи изъ университетовъ въ народъ. Среди бакунистовъ были безъ сомнѣнія энергичные люди, но и лавровцы могли похвалиться энергіей, знаніями и вообще всѣмъ, что даетъ перевѣсъ въ спорахъ, но съ перваго-же собранія становилось очевид-

нѣмъ, что окончательная побѣда останется за анархистами. Она обезпечивалась настроеніемъ молодежи, находившейся въ такомъ приподнятомъ состояніи духа, что малѣйшая искра зажигала пороховъ. При такихъ условіяхъ крайнія направленія всегда одерживаютъ верхъ надъ болѣе умѣренными.

Повышенное настроеніе молодежи не поддается описанію, его можно только иллюстрировать примѣрами. Нерѣдко можно было встрѣтить небольшіе кружки самообразования или просто группы молодежи, которые еще ничего не слышали о начавшемся революціонномъ движеніи и тѣмъ не менѣе въ одинъ вечеръ послѣ болѣе или менѣе незначительныхъ словъ, сказанныхъ агитаторами, сразу и окончательно переходили въ революціонный лагерь. Иногда для этого достаточно было прочесть какую-нибудь книжку или даже статью. Примѣромъ можетъ служить быстрый переворотъ, случившійся съ сестрами члена оренбургскаго кружка Федоровича, оставившаго имъ нѣсколько запрещенныхъ книгъ. Изъ переписки, приведенной въ обвинительномъ актѣ, видно, что самъ Федоровичъ пораженъ былъ быстротою перемены, которую онъ увидѣлъ при свиданіи съ сестрами. Другой примѣръ: Одинъ молодой студентъ, прослушавъ споры на сходкѣ, задумался надъ вопросомъ, что онъ долженъ дѣлать, приобрьтъ-ли дальнѣйшія познанія въ высшемъ учебномъ заведеніи, или же немедленно приняться за работу въ народѣ. Когда онъ высказалъ свои сомнѣнія старшему товарищу, тотъ, не имѣя намѣренія повліять на рѣшеніе юноши въ ту или другую сторону, замѣтилъ, что, при отсутствіи вѣры въ свои силы ему ничего не остается другого, какъ продолжать свое ученіе, когда-же явится эта вѣра, то онъ самъ будетъ знать, что ему дѣлать. Юноша тутъ-же постарался заглянуть въ свою душу и объявилъ товарищамъ, что онъ вѣритъ, бросаетъ учебное заведеніе и идетъ въ народъ. Еще одинъ интересный примѣръ. Въ концѣ 1873 или въ началѣ 1874 года Коваликъ посылтъ Харьковъ и, не найдя тамъ никакого замѣтнаго движенія, обратился къ бывшему студенту Говорухѣ-Отроку, который ранѣе принималъ участіе въ кружкѣ, занимавшемся распространеніемъ полезныхъ, легальныхъ книгъ, въ это-же время, удалившись отъ всякой общественной дѣятельности, испытывалъ нѣкоторое разочарованіе и начиналъ впадать въ апатію. Разговоръ съ Коваликомъ возбудилъ въ немъ энергію. По желанію своего собесѣдника онъ собралъ десятка два студентовъ, семинаристовъ и гимназистовъ и выступилъ на сходкѣ пропаторомъ анархизма, съ ученіемъ которой онъ только что самъ познакомился. Въ два-три дня образовался революціонный кружокъ съ болѣе или менѣе опредѣленной программой, нѣкоторымъ раздѣленіемъ труда и собственной небольшой кассой, въ которую члены таскали рубли изъ жалкихъ средствъ, бывшихъ въ ихъ распоряженіи. Очевидно, время направило умы этихъ людей на поиски руководящихъ идей, которыя могли-бы привести въ равновѣсіе ихъ мятущуюся душу и служить маякомъ въ ихъ дальнѣйшей жизни и дѣятельности. Исканіе истины настолько охва-

тило учающаяся молодежь, что его не чужды были юноши, только что начинающие мыслить. Одинъ самый молодой семинаристъ, случайно или по зову товарищей присутствовавшей на описанныхъ собраніяхъ, настолько проникся высказывавшимся мыслями, что тутъ-же отдалъ послѣдній свой рубль въ кассу и только для собственнаго успокоенія спросилъ, не будетъ-ли прятать емъ къ его вступленію въ кружокъ то обстоятельство, что въ семинаріи онъ имѣетъ единицу за поведеніе.

Во всѣхъ умственныхъ центрахъ почва для революціонной пропаганды была подготовлена всѣмъ предшествующимъ режимомъ вообще и школьнымъ въ частности настолько хорошо, насколько этого могли желать пропагандисты. Не даромъ князь Мещерскій, послѣ одного изъ полученныхъ имъ откровеній, утверждалъ, что наша школа при Толстомъ была школою политическаго разврата. Молодежь вездѣ задыхалась въ тѣсныхъ рамкахъ жизни и школы, обрекающихъ людей на полное ничтожество и тѣмъ самымъ лишавшихъ ихъ всякой возможности уплатить народу, какъ училъ Лавровъ. Поэтому понятно, что анархисты, толкашіе молодежь изъ школы въ народъ, должны были одержать верхъ надъ лавристами, которые удерживали своихъ адептовъ въ оскверненныхъ храмахъ науки съ цѣлью всесторонней ихъ подготовки къ будущей полезной работѣ.

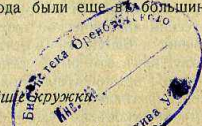
Въ борьбѣ анархистовъ съ лавровцами, какъ это всегда бываетъ при столкновеніи близкихъ направленій, не обходилось безъ взаимныхъ заподозриваній, намѣшекъ и т. п., высказываемыхъ отдѣльными, болѣе увлекающимися личностями. Про лавровцевъ разсказывали, что одинъ изъ ихъ генераловъ въ страстномъ желаніи уничтожить анархію, съѣлъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, анархическій листокъ. Генералъ, сидя въ вагонѣ и замѣтивъ пристальные взгляды одного пассажира, сталъ будто-бы понемножку жевать и проглатывать анархическую прокламацію. Между лавристами встрѣчались люди, стремившіеся быть plus royalistes, que le roi mѣme. Они доводили ученіе Лаврова до абсурда, требуя отъ каждаго интеллигента изученія всѣхъ наукъ по знаменитой классификаціи ихъ въ іерархическомъ порядкѣ, сдѣланной Огюстомъ Контомъ, что сводилось въ сущности къ прохожденію почти всѣхъ факультетовъ университета. Бакунисты ставили это въ упрекъ всѣмъ лавристамъ вообще и стремленіе ихъ къ приобрѣтенію знаній объясняли желаніемъ оправдать свое ничегонеделаніе и въ то же время сохранить престижъ революціонеровъ. Къ такому-же ничегонеделанію лавристы, по мнѣнію ихъ противниковъ, приглашали и всю учащуюся молодежь. Болѣе-же всего обвиняли лавристовъ, или правильнѣе ихъ вожаковъ, въ стремленіи къ генералству. При общей боязни генеральства, свойственной семидесятиникамъ, подчеркивался каждый неправильный шагъ виднаго члена кружка и истолковывался въ смыслѣ желанія его присвоить себѣ власть и вліяніе. Въ наиболѣе активныхъ кружкахъ генеральство, если-бы и существовало, не могло бросаться въ глаза. Лидеры этихъ круж-

ковъ въ своей кипучей дѣятельности не только шли плечемъ къ плечу съ рядовой молодежью, но нерѣдко занимали самую опасную позицію. Поэтому понятно, что обвиненія въ генеральствѣ выдвигались преимущественно противъ лавровцевъ, практическая дѣятельность которыхъ была слабѣе, чѣмъ у анархистовъ. Съ своей стороны лавристы относились недовѣрчиво къ бакунистамъ и обвиняли ихъ въ невѣжествѣ, истолковывая борьбу съ официальной наукой въ смыслѣ полного отрицанія всякихъ знаній... Одинъ наивный лавровецъ былъ крайне пораженъ, узнавъ, что извѣстный анархистъ, котораго рѣчи онъ слышалъ на сходкѣ, имѣетъ университетскій дипломъ. Всѣ эти и подобныя обвиненія высказывались, разумеется, въ интимныхъ кружкахъ, публичные-же дебаты протекали вполне корректно; борющіяся стороны громили на сходкахъ слабая стороны направлений, а не недостатки отдѣльныхъ лицъ. Несмотря на нѣкоторыя пораженія, нанесенныя Лавровскому направленію осенью, послѣдователи его къ концу 1873 года были еще въ большинствѣ.

V.

Бакунисты и ихъ главнѣйшіе кружки.

Бакунинъ, исключенный въ 1872 году, по инициативѣ Маркса, изъ Интернационала Гаагскимъ конгрессомъ за образъ дѣла въ средѣ своего тайнаго общества, скоро сталъ открыто развивать свое историческое ученіе. Въмѣсто существующаго государства онъ выставлялъ идеалъ анархіи, т. е. безвластна, осуществляемый въ вольномъ союзѣ общинъ, организованномъ снизу вверхъ. Къ этому ученію стали примыкать бывшіе члены Интернационала въ романскихъ странахъ. Въ времени начала русскаго движенія Бакунинъ былъ уже главою анархической партіи въ Италиі и руководилъ дѣятельностью анархистовъ въ Испаніи. Чтобы быть ближе къ Италиі, онъ поселился въ Локарно (кантонъ Тичино), почти сплошь населенномъ итальянцами. За свою предъидущую дѣятельность Бакунинъ былъ осужденъ въ нѣсколькихъ странахъ и не могъ появляться ни въ Францію, ни въ Германію. Въ Италиі ему также было-бы небезопасно жить. Для обезпеченія себѣ большей свободы дѣйствій, Бакунинъ напечаталъ въ газетахъ заявленіе, что онъ удаляется отъ всякой общественной дѣятельности. Это заявленіе однако-же не ввело въ заблужденіе итальянскую полицію, продолжавшую за нимъ зорко наблюдать издали. Въ Локарно онъ занималъ виллу, купленную для него итальянскими анархистами. Здѣсь его часто посѣщали итальянцы и получали необходимыя указанія. Между прочимъ у него постоянно можно было встрѣтить извѣстныхъ потомъ въ Италиі Каффиеро и Коста. Русскіе молодые люди совершали къ нему частныя полоничества, но онъ, избѣгая вредной по его мнѣнію популярности, старался по возможности уклоняться отъ свиданій и охотно принималъ у себя только лицъ, болѣе

БИБЛИОТЕКА
Всего Дома
Формы

ЗЗЗЗ

ММММ

или менее известных своей деятельностью в России. Правую руку его считался Росс, проживающий в то время в Цюрихѣ.

Одинъ изъ бывшихъ Чайковцевъ Теофанъ Никандровичъ Лермонтовъ, вышедшій изъ кружка по какимъ-то недоразумѣнямъ, задумалъ составить свой собственный кружокъ. Предварительно онъ съѣздилъ за границу, гдѣ видѣлся съ Бакунинымъ и уговорился распространять въ Россіи анархическія идеи и устроить анархическую организацию. Проживая на квартирѣ Сергѣя Филипповича Ковалика, онъ открылъ ему свои планы. Коваликъ, склонный и ранѣе къ анархизму, отправился въ свою очередь къ Бакунину и получилъ тѣ-же инструкціи, что и Лермонтовъ. Независимо отъ нихъ Владиміръ Карповичъ Дегагоріо-Мокрѣевичъ имѣлъ въ свою очередь свиданіе съ Бакунинымъ и рѣшился принять участіе въ организаціи анархической партіи.

На свиданіяхъ съ Бакунинымъ рѣшено было не оглашать его прикосновенности къ русскому революціонному дѣлу. Руководители русской анархической партіи должны были дѣйствовать отъ своего имени, а Бакунинъ — оставаться негласнымъ центромъ, подобно тому, какъ это было устроено въ Италіи и Испаніи. Кромѣ того будущіе организаторы анархической партіи находили нужнымъ въ конспиративныхъ цѣляхъ не посвящать пока членовъ устраиваемыхъ ими кружковъ въ идею общей анархической организаціи и установить ее фактически путемъ взаимныхъ сношеній главъ кружковъ или наиболѣе авторитетныхъ лицъ. Этотъ способъ оправдывался также и настроеніемъ молодежи, стремившейся къ полной индивидуальной самостоятельности и унаследовавшей отъ времени господства радикальскихъ кружковъ боязнь генеральства. вмѣстѣ съ генеральствомъ молодежь боялась также и дисциплины, необходимой во всякой правильной организаціи. Революціонная молодежь еще не получила въ то время необходимой и достаточной подготовки для подчиненія партійной дисциплинѣ и потому отдѣльные лица, понимавшіе ея значеніе, старались по возможности маскировать свою организаціонную дѣятельность. Они допускали, что личнымъ вліяніемъ на членовъ кружковъ можно достигнуть той общности дѣйствій, которая въ установившихся политическихъ партіяхъ обеспечивается болѣе всего дисциплиною. Планъ анархической организаціи рушился вмѣстѣ съ крушеніемъ кружковъ, члены которыхъ засажены были въ тюрьмы.

Изъ перечисленныхъ выше лицъ Лермонтовъ и Коваликъ дѣйствовали въ Петербургѣ, а Мокрѣевичъ въ Кіевѣ. Первый собралъ около себя кружокъ изъ новыхъ лицъ, а послѣдніе переорганизовали существовавшіе кружки. Петербургскіе кружки, какъ дѣйствовавшіе въ столицѣ, имѣли болѣе широкое вліяніе на распространеніе анархическаго ученія въ другихъ городахъ, поэтому составъ ихъ я считаю нужнымъ перечислить подробно.

Въ кружокъ Лермонтова входили слѣдующія лица:

1) Моисей Абрамовичъ Рабиновичъ былъ молодой человѣкъ лѣтъ 17. Онъ проявлялъ большую энергію и настолько усвоилъ

себѣ опытность агитатора, что представлялся большинству имѣвшихъ съ нимъ дѣло вполне зрѣлымъ человѣкомъ. Въ отсутствіе Лермонтова онъ выступалъ представителемъ кружка, а отчасти и руководителемъ. Въ прежнее время, когда еще не было изобрѣтено такъ называемыхъ аттестатовъ зрѣлости, молодые люди достигали настоящей зрѣлости, т. е. полного развитія умственныхъ силъ раньше, чѣмъ теперь. Это объясняется тѣмъ, что имъ приходилось чуть не съ малолѣтства вести борьбу съ родителями, а часто и борьбу за существованіе и ученіе. Тѣмъ не менѣе слишкомъ раннее развитіе Рабиновича вызывало удивленіе даже со стороны близко знавшихъ его лицъ, и опасеніе какого-нибудь недоброго конца. Опасенія эти сбылись. Просидѣвъ до суда два или три года въ одиночкѣ, Рабиновичъ рѣшилъ, что такая крупная сила, какъ онъ, не должна пропадать даромъ. Онъ задумалъ надуть жандармерію своимъ мнимымъ предательствомъ и, выйдя на волю, продолжать свою революціонную дѣятельность. Насколько въ этомъ планѣ замѣшанъ былъ шкурный интересъ, знаетъ только совѣсть Рабиновича. Но по всемъ обстоятельствамъ дѣла, нужно думать, что онъ въ известной степени по крайней мѣрѣ былъ искрененъ. Онъ предавалъ только людей, которые по его мнѣнію, почти совпадавшему съ дѣйствительностью, уже достаточно были скомпрометированы и участіи которыхъ онъ не могъ ухушить. Въ заявленіи, поданномъ имъ слѣдственной власти, онъ кромѣ того объявлялъ, если его выпустятъ на свободу, воспользоваться своею популярностью среди революціонеровъ, узнать всѣ ихъ планы и выдать правительству. Власти оказались предусмотрительно-недовѣрчивыми, выслушавъ все, что имъ разсказалъ Рабиновичъ, они оставили его до суда въ тюрьмѣ. Во время суда, на одномъ изъ происходившихъ ежедневно митинговъ заключенныхъ (политическіе сидѣли въ одиночныхъ камерахъ дома предварительнаго заключенія, выбили у себя окна и вели общую бесѣду) Рабиновичъ принесъ покаяніе передъ товарищами и получилъ формальное прощеніе..... Онъ былъ сильно удрученъ своимъ поступкомъ и будучи посланъ по суду на житье въ Иркутскую губернію, скоро дошелъ до самаго худшаго вида сумасшествія и умеръ.

2) Софья Александровна Лешеръ фонъ Герцфельдъ — самая старшая женщина-революционерка. Она во время процесса была въ возрастѣ 40 лѣтъ. Она еще до движенія 70 годовъ имѣла связь съ радикалами. Въ 1872 г. въ имѣніи своей матери въ Новгородской губ. она устроила школу, въ которой учителемъ былъ Долгушинецъ Гамовъ. Впослѣдствіи она снова была изобличена въ революціонную дѣятельность, осуждена на каторгу, по отбытіи которой была отправлена на поселеніе въ Забайкальскую область, гдѣ и умерла въ концѣ 90-хъ годовъ.

3) Варвара Ивановна Ваховская, нынѣ по мужу Бончъ-Осмоловская, была въ то время молодой дѣвушкой. По окончаніи Каменецъ-Подольской гимназіи, гдѣ она уже обращала вниманіе своими выдающимися способностями и интересомъ къ общественнымъ дѣ-

ламь, она отправилась для завершения образования в Цюрих и вернулась оттуда в 1873 году ярой анархисткой.

4) Евгения Константиновна Судзиловская, ныне по мужу Волынская, сестра известного доктора Росселя (Николая Судзиловского), проживающего ныне на Сандвичевых островах. Она раньше других членов кружка отправилась на практическую работу и некоторое время торговала в лавочке, откуда вела пропаганду между крестьянами.

5) Кириак Родионович Милоглазкин, студент технологического института.

Основатель кружка Лермонтов вскоре после суда умер в тюрьме.

В кружок Ковалика входили:

1) Иван Павлович Блазевич, студент института путей сообщения, ранее был в военной гимназии, откуда должен был выйти вследствие поражения легкого. Отличался значительными способностями и вдумчивостью, которую может быть в известной степени обязан своему физическому недостатку.

2) Сестра его Клеопатра Павловна Блазевич, невестка Ковалика, расставшаяся с ним после ссылки его в центральную тюрьму, куда никто из посторонних не допускался. Она отличалась энергией и рьятельностью характера; некоторое время для ознакомления с жизнью работниц, она работала на фабрике в Петербурге.

3) Лемени-Македонъ, студент технологического института, человек со средними способностями, но в высшей степени упорный и настойчивый, умер до суда в заключении. Ранее всех членов кружка он захотел окунуться в рабочую жизнь и поступил на завод простым рабочим.

4) Фрость, студент, умерший до начала крупных арестов и не привлекавшийся к процессу.

5) Митрофан Александрович Гриценков, студент, производил впечатлительные очень серьезного молодого человека и совершал noteworthy агитационные поездки совместно с Коваликом. На дознании он давал подробные показания, хотя, может быть, и не повзвдивши никому.

6) Николай Иванович Паевский, студент-медик. Он позже других вступил в кружок, но скоро проявил большую энергию и находчивость, особенно после начавшихся крупных арестов, когда он появлялся в разных городах Приволжья и внутренних губерний. Во время отсутствия Ковалика из Петербурга оставался представителем кружка.

7) Александр Константинович Артамонов, студент университета. Он пользовался известным влиянием в студенчестве и слыл за человека, в высшей степени безкорыстного и нравственного. Судьба его была такова, чтобы именно он, будучи избран распорядителем на одной студенческой вечеринке, забрал часть выручки без ведома других распорядителей и передал ее револю-

ционную кассу. Только известная всем его нравственная качества извлекли его от неприятностей со стороны студентов, отрицательно относившихся к такого рода поступкам.

К кружку Ковалика принадлежал также Каблиць и другие, преимущественно женщины. По возвращении Ковалика из за границы Каблиць с компанией, как констатирует обвинительный акт, отделился от кружка Ковалика и составил свой самостоятельный кружок. Кружок этот заслужил ироническое прозвище «вспышкострателей» за то, что некоторые его члены доводили до крайности значение мелких крестьянских бунтов. Подобно тому, как некоторые юные марксисты измывали деятельность социаль-демократа только количеством устроенных им стачек рабочих, вспышкостратели считали мерилом полезности революционера количество вызванных им мелких бунтов.

В конце 60-х годов Каблиць был студентом в Киевском университете и состоял в радикальном кружке. В 1870 или 1871 году он был приглашен Коваликом, избранным в г. Мглин Черниговской губернии мировым судьей и председателем съезда мировых судей, в секретари съезда, откуда и должен был меньше чем через год уйти вместе с Коваликом. Люди, близко знавшие Каблиця, характеризовали его, как человека способного и доброго, но слишком зарывающегося в книги. Кто-то даже острит, что ум Каблиця блистал бы ярче, если бы он мог забыть половину того, что вычитал из книг. Характеристика эта близка к истине. Уже из приведенной выше речи Каблиця видно, что он пользовался для выражения своих мыслей, без всякой пользы для дела, формами и терминами, созданными для других целей известными учеными. Эта черта еще более бросается в глаза в статье его напечатанной в «Неделе» и подписанной псевдонимом Юзовъ, под заглавием «Ум и чувство». Статья, вызвавшая в свое время резкую отповедь со стороны Н. К. Михайловского, почти вся состояла из цитат, выписанных из разных ученых книг, самому же Каблицю принадлежали только связки в роде: «но, и, а потому и пр.». В этой статье Каблиць явился неудачным выразителем начинавшей в семидесятых годах реакции против одиночной и безпредельной власти «Ума». Семидесятники начинали обращать внимание и на роль, которую в человеческих делах играет чувство, а Каблиць вследствие этого поставил по выражению Михайловского ум на запятки, как лакея, а чувство посадил в карету на барское место.

Перейдя, во время «диктатуры сердца» из нелегального положения в легальное, Каблиць пробовал свои силы в создании основ народничества. В трудах своих по этому вопросу, Каблиць, полагая, что он остается верным хранителем традиций 70-х годов, делал ошибку, подобную той, которую он допустил в рассуждениях об ум и чувств. Народничество, составлявшее лишь средство для революционной деятельности, он

ставил цѣлью, и у него ничего не вышло. Система его во всякомъ случаѣ оказалась болѣе уязвимою для критика, чѣмъ система, съ которой потомъ выступилъ другой основоположникъ легальнаго народничества, извѣстный В. В.

Каблицъ и его quasi-ученыя разсужденія въ настоящее время забыты, а между тѣмъ онъ, во всякомъ случаѣ, былъ выдающимся человѣкомъ и въ движеніи семидесятыхъ годовъ оставилъ свои слѣды. Между прочимъ онъ былъ однимъ изъ первыхъ революціонеровъ, носившимъ съ мыслью о полезности царубійства. Семидесятники категорически высказывались противъ царубійства и въ доказательство справедливости своего мнѣнія ссылались на чисто тактическія соображенія. Царубійство, говорили они, должно вызвать репрессию, которая легко могла-бы раздвинуть широко уже разошедшееся, но еще не окрѣпшее движеніе. Впрочемъ, вопросъ этотъ даже не обсуждался на сходкахъ. Каблицъ не велъ пропаганды царубійства, но въ публическіе ходили слухи, что онъ, съ цѣлью подготовки какого-то террористическаго акта, ѣздилъ въ Лондонъ. Этотъ слухъ подтверждается указаніемъ, сдѣланнымъ въ обвинительномъ актѣ, что туда были ему переведены деньги въ количествѣ свыше 3000 рублей. Каблицъ, извѣстный у насъ болѣе подъ псевдонимомъ Юзова, умеръ въ 80-хъ годахъ.

Въ кружокъ Каблицъ входили:

1) Иванъ Яковлевичъ Чернышевъ, бывший товарищъ Каблицъ по Кіевскому университету. Его не слѣдуетъ смѣшивать съ другимъ Чернышевымъ, самарцемъ, умершимъ во время слѣдствія, и похороны котораго вызвали небольшую демонстрацію. Иванъ Яковлевичъ Чернышевъ ускользнулъ отъ ареста и скрылся. Возвратившись изъ Цюриха онъ не пропустилъ ни одной сходки и большую часть ихъ собиралъ самъ. Въ этомъ отношеніи никто не могъ сравниться съ нимъ по энергіи и неутомимости, съ которою онъ бѣгалъ по Петербургу. На сходкахъ онъ любилъ говорить, но рѣчи его не были достаточно выразительны.

2) Николай Яковлевичъ Стронскій, студентъ изъ кружка Полтавскаго земледѣцтва, умеръ во время суда.

3) Вѣра Павловна Рогачева, урожденная Карпова, вышла фиктивно замужъ, съ цѣлью освободиться отъ власти родителей, за Дмитрія Михайловича Рогачева; впоследствии она вторично вышла замужъ за Иллита-Свитыча, судившагося по процессу Ковальскаго въ Одессѣ. Въ 1873 году Рогачевой было 17 лѣтъ; она всей душою отдавалась дѣлу, но по своему откровенному характеру была мало способна къ конспиративности. Въ Петербургѣ она ходила работать на фабрику, потомъ съ большинствомъ членовъ кружка перѣехала въ Кіевъ, гдѣ и была арестована одновременно съ коммуню.

4) Цвиленева, бывшая писцомъ въ сѣздѣ мировыхъ судей въ Мглинѣ въ то время, когда Каблицъ былъ секретаремъ. Она умерла до процесса.

5 и 6) Сестры Щукины, вышедшія замужъ одна за Каблицъ,

другая за Стронскаго. Онѣ получили небольшое приданое, которое цѣлкомъ и внесли въ кассу кружка.

Изъ краткихъ свѣдѣній о лицахъ, входившихъ въ составъ только что описанныхъ трехъ кружковъ, можно видѣть, что лица эти ничѣмъ особеннымъ не отличались отъ остальной революціонной молодежи, принявшей участіе въ движеніи. Это болѣею частью были обыкновенные средние люди со всеми достоинствами и недостатками, присущими тогдашней революціонной молодежи. Побѣда анархизма надъ другими теченіями объясняется не выдающимся личнымъ составомъ анархическихъ кружковъ, а строгою логичностью ученія и господствующимъ настроеніемъ молодежи.

Кромѣ петербургскихъ кружковъ дѣятельно пропагандую анархическихъ идей занимался Кіевскій кружокъ, организованный Дебагоріо-Мокривичемъ. Кружокъ имѣлъ довольно многочисленный составъ и представлялся хорошо сплоченнымъ. Мокривичъ имѣлъ талантъ убѣждать людей. Если онъ начиналъ часто ходить съ какими-нибудь молодыми человѣкомъ, то можно было съ увѣренностью ожидать, что совратитъ его. Дѣятельность кружка будетъ описана ниже, что-же касается самого Мокривича, то онъ счастливо избѣгъ ареста въ 1874 г. и былъ взятъ значительно позже въ одной кіевской квартирѣ. Мокривичъ былъ осужденъ на каторгу, но смѣнившись съ однимъ уголовнымъ, бѣжалъ изъ Сибири и затѣмъ проживалъ за границей. Взгляды его рѣзко измѣнились: изъ самаго послѣдовательнаго отрицателя онъ сталъ защитникомъ культурной работы. Онъ, между прочимъ, участвовалъ въ журналѣ «Самоуправленіе» конституціоннаго направленія. Въ бытность свою эмигрантомъ онъ издалъ свои воспоминанія, читающіяся съ большимъ интересомъ¹⁾.

Почти въ самомъ началѣ организациі кружка въ него вступилъ молодой человѣкъ Яковъ Васильевичъ Стефановичъ, сынъ священника. Мокривичъ и другіе сразу оцѣнили его, какъ человѣка, подающаго большія надежды. Вскорѣ онъ сталъ играть видную роль въ кружкѣ и затѣмъ съ частью членовъ отдѣлился отъ Мокривича и сорганизовалъ знаменитое Чигиринское дѣло. Во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ на ряду съ Народной Волей существовала другая фракція подъ названіемъ чернопредѣльцы. Въ ихъ органѣ «Черный Передѣлъ» съ одной стороны и прежде всего развивались народническіе взгляды, съ другой (отчасти) марксизмъ²⁾. Стефановичъ считался чернопредѣльцемъ, но когда это направленіе стало падать, присоединился къ Народной Волѣ не безъ тайной, повидимому, надежды повліять на дѣятельность Исполнительнаго Комитета въ желательномъ для него направленіи. Сидя въ тюрьмѣ онъ писалъ исторію революціоннаго движенія въ Россіи, которая должна и теперь храниться въ департаментѣ полиціи или

Ред.

¹⁾ Вышелъ и въ Россію.

²⁾ Марксизмъ «Чернопредѣльцевъ» состоялъ лишь въ томъ, что они считали экономическія отношенія фундаментомъ всѣхъ другихъ отношеній.

другом надежномъ мѣстѣ. Это было въ началѣ 80-хъ годовъ, когда въ обществѣ ожидали конституціи. Стефановичъ по всей вѣроятности взялся за упомянутый трудъ въ надеждѣ доказать ссылками на факты изъ исторіи революціоннаго движенія, что только конституція можетъ спасти правительствомъ отъ революціи. Во всякомъ случаѣ имя его ругается за то, что онъ не могъ дать жандармамъ никакихъ компрометирующихъ партію матеріаловъ, но, тѣмъ не менѣе, нѣкоторые изъ товарищей относились неодобрительно къ дѣлу составленія исторіи движенія для агентовъ правительства. Въ это же приблизительно время Стефановичъ, бывший чернопередѣлецъ, окончательно очистилъ свое міросозерцаніе отъ приписки народничества и усвоилъ программу социаль-демократизма, или, по крайней мѣрѣ, близкую къ нему.

VI.

Петербургскіе революціонные кружки.

Наряду съ перечисленными чисто анархическими кружками болѣе или менѣе видную роль въ распространеніи и организаціи революціоннаго движенія играли и другіе петербургскіе кружки.

Самымъ старымъ и вліятельнымъ изъ нихъ былъ кружокъ Чайковцевъ, названный такъ по имени Николая Васильевича Чайковского, человѣка съ большимъ практическимъ умомъ, много содѣйствовавшего организаціи кружка. Въ такой-же степени справедливо было-бы назвать кружокъ Натансоновскимъ, по имени Марка Андреевича Натансона, находившагося во время разгара движенія 70-хъ годовъ въ ссылкѣ и потому не принимавшаго участія въ первыхъ стадіяхъ движенія. Кружокъ имѣлъ свои средства и огромныя по тому времени связи. Москва, Кіевъ и Одесса находились въ постоянныхъ съ нимъ сношеніяхъ и часто получали отъ него директивы. Ссылныя знаменитости, такъ или иначе, но неизбежно попадали подъ опеку кружка. Берви (Флеровскій), написавшій известную въ свое время книгу «Положеніе рабочего класса въ Россіи», П. Л. Лавровъ, П. Н. Ткачевъ и др. пользовались услугами кружка. Онъ устраивалъ также и побѣги ихъ.

Въ кружкѣ, въ числѣ другихъ, состояли двѣ женщины, Перовская и Ободовская, считавшіяся молодежью 70-хъ годовъ лучшими женщинами въ Россіи. Имъ не уступали по силѣ способностей и характера и нѣкоторыя другія, напр. А. И. Корнилова. Прочіе члены кружка, безъ различія половъ, представляли собою также болѣе или менѣе крупныя силы. Кромѣ Натансона и Чайковскогого назову Петра Алексѣевича Кропоткина, Сергѣя Михайловича Кравчинскаго (Степняка), Дмитрія Александровича Клеменса, Леонида Эммануиловича Шишко, Сергѣя Сильча Синегуба, Василія Аполлоновича Стаховскаго, Ивана Ивановича Гауэнштейна, Михаила Васильевича Купріанова (умеръ послѣ суда), сестеръ Корниловыхъ, изъ ко-

торыхъ одна Александра Ивановна, нынѣ по мужу Морозъ, судилась по процессу 193, Николая Аполлоновича Чурушина, Анну Дмитріевну Кувшинскую, впоследствии Чурушину, Льва Тихомирова, Драго и пр. Обвинительный актъ въ числѣ членовъ кружка называется и Рогачева, вслѣдствіе близости его къ Кравчинскому, но это не вѣрно. Кравчинскій и Шишко (а также Рогачевъ) были оставшими артиллерійскими офицерами, среди которыхъ въ то время можно было встрѣтить людей вполне интеллигентныхъ, убѣжденныхъ прогрессистовъ и даже почти нигилистовъ¹⁾.

Изъ числа перечисленныхъ лицъ Кропоткинъ пріобрѣлъ обще-европейскую извѣстность и живетъ въ Англіи; Кравчинскій, также не безызвѣстный въ Европѣ, раздавленъ побѣдой въ Лондонѣ; Клеменсъ избралъ ученую карьеру; Шишко эмигрировалъ; Синегубъ остался въ Сибири, чтобы дать воспитаніе своему многочисленному семейству; Чурушинъ возвратился въ Вятскую губ., Левъ Тихомировъ, сыгравъ видную роль въ Народной Волѣ, перешелъ въ сотрудники къ г. Грингмуту. Изъ остальныхъ, какъ перечисленныхъ выше, такъ и опущенныхъ, нѣкоторые и теперь участвуютъ въ освободительномъ движеніи. Чайковскій въ началѣ 1874 г. отказался отъ революціонной дѣятельности и принялъ отъ Маджикова новую религію—богочеловѣческую. Они потомъ вмѣстѣ устроили въ Америкѣ религіозную коммуну. Послѣ крушенія этого предпріятія Чайковскій поселился въ Англію и присоединился къ анархистамъ. Въ настоящее время онъ проживаетъ за границею. Натансонъ былъ арестованъ за организацію «Земля и Воля» и второй разъ за «Народоправство», но отдался сравнительно легко (если считать легкою десятилѣтнюю ссылку въ Сибирь).

Движеніе застало нѣсколько въ располѣ существовавшіе кружки, въ томъ числѣ и чайковцевъ. Послѣ болѣе или менѣе продолжительныхъ обсужденій, они принуждены были признать анархизмъ, но до самаго послѣдняго времени полного единства въ этомъ отношеніи не достигли. Купріановъ, напр., никогда не держался этого ученія. Синегубъ, Тихомировъ и Стаховскій арестованы были ранѣе, чѣмъ чайковцы приняли анархическую программу. Самымъ дѣятельнымъ и убѣжденнымъ анархистомъ въ кружкѣ былъ князь Кропоткинъ, оставшійся и доселѣ таковымъ. Записка его, содержащая начатки анархій, будетъ приведена ниже. Какъ выдающійся мыслитель, Кропоткинъ не только воспринялъ готовое ученіе, но и подвергалъ его дальнѣйшей детальной разработкѣ. Особенно онъ любилъ останавливаться на моментѣ анархическаго переворота и смѣлымъ размахомъ кисти рисовалъ картину глубокаго революціоннаго состоянія челоуѣчества, предшествующаго торжеству анархій. Другимъ убѣжденнымъ анархистомъ среди чайковцевъ былъ Чурушинъ.

Ко времени появленія ученія анархій у чайковцевъ существо-

¹⁾ Подковникъ Лобовъ, бывшій нигилистъ 60-хъ годовъ, былъ однимъ изъ членовъ Дирихтской Колоніи. У него собирались лауроны.

вала своя болѣе или менѣе разработанная программа революціонной дѣятельности. Это обстоятельство не могло не играть роли задерживающаго фактора въ усвоеніи новаго ученія. Съ другой стороны большіе кружки, какъ и всякія широкія организации, всегда отличаются нѣкоторою костностью и неповоротливостью—имъ трудно приспособиться къ новымъ требованіямъ времени. Всѣ эти обстоятельства были причиною того, что кружокъ не сыгралъ той крупной роли, на которую, казалось, имѣлъ право по всемъ своимъ даннымъ. Тѣмъ не менѣе, и онъ внесъ свою лепту—и не малую—въ дѣло распространенія анархическихъ идей. При обсужденіи практическихъ вопросовъ члены его защищали болѣе умѣренные способы дѣятельности и нѣрѣдко являлись сдерживающимъ началомъ для молодежи, предохраняя ее отъ немедленнаго осуществленія агитациі въ народъ съ цѣлью подготовки почвы для всеобщаго возстанія. Допуская въ принципѣ постановку этихъ задачъ, нѣкоторые члены кружка проводили мысль, что, идя въ народъ, молодежь должна прежде всего изучить ту среду, въ которой хочетъ работать и съ которою должна слиться. Кропоткинъ сравнительно рѣдко появлялся на сходкахъ, будучи занятъ пропагандою среди рабочихъ. Кромѣ Кравчинскаго и Чарушина, наибольшую популярность на собраніяхъ молодежи пользовался Клемесъ. Онъ ранѣе занимался съ рабочими, успѣлъ совершить нѣсколько экскурсій въ крестьянскую среду и прекрасно усвоилъ себѣ народный говоръ. Молодежь читала въ немъ знатока народа и съ удовольствіемъ его слушала. Несмотря на эти качества и ему не всегда удавалось одержать побѣду надъ анархистами, изъ которыхъ еще никто не имѣлъ опыта, вынесеннаго изъ пропаганды въ народѣ. Молодежь неудержимо рвалась впередъ и не всегда была удовлетворена благоразумными рѣчами. Въ этомъ нельзя не видѣть доказательства того, что самая благоразумная осторожность не всегда достигаетъ цѣли въ периоды сильнаго возбужденія умовъ. Извѣстныя дѣйствія, какъ бы они ни казались по существу неблагоразумными, неизбѣжно должны совершиться. Съ точки зрѣнія наибольшей пользы для дѣла большее благоразуміе со стороны зрѣлѣйшихъ людей, быть можетъ, заключается въ полномъ объединеніи не только въ цѣляхъ, но и въ общемъ характерѣ практической дѣятельности съ неблагоразумными горячими головами.

Изъ всего сказаннаго выше очевидно, что главная роль въ распространеніи революціонно-анархическаго движенія по всему лицу русской земли должна была перейти къ болѣе молодымъ анархическимъ кружкамъ и къ отдѣльнымъ убѣжденнымъ анархистамъ въ родѣ Кропоткина.

Подъ влияніемъ чайковцевъ и анархистовъ образовалось нѣсколько новыхъ кружковъ изъ учащейся молодежи, или-же старыя кружки земледѣвчье и самообразования были направлены на революціонную дѣятельность. Упомяну о главнѣйшихъ изъ нихъ краткѣ. Кружокъ артиллеристовъ состоялъ болѣею частью изъ

бывшихъ воспитанниковъ Михайловскаго артиллерійскаго училища и находился почти исключительно подъ влияніемъ Чайковцевъ. Еще въ 1872 г. Кравчинскій, Рогачевъ и Шишко имѣли сношенія съ группою воспитанниковъ названнаго училища, преслѣдовавшею цѣлю самообразования. Въ этой группѣ находились между прочимъ: Александръ Давыдовичъ Аитовъ, Николай Никитичъ Тепловъ, Владимиръ Андреевичъ Усачевъ и Михаилъ Дмитріевичъ Нефедовъ. Всѣ они вышли потомъ изъ училища и поступили въ высшія учебныя заведенія. Когда они стали спланиваться въ кружокъ, къ нимъ присоединились Сидоракцій, женившійся на Ободовской—человѣкъ съ большими способностями, но нѣсколько ненормальный, Өоининъ и др. Въ очень близкихъ отношеніяхъ съ ними находился также Александръ Осиповичъ Лукашевичъ, въ послѣдствіи по другому дѣлу осужденный на каторгу. Кружокъ былъ хорошо подобранъ и въ цѣломъ представлялъ замѣтную силу.

Для подготовки къ ремеслу артиллеристы подъ руководствомъ или же только при участіи Шишко и другихъ Чайковцевъ устроили первую въ Петербургѣ солидную мастерскую, въ которой интеллигентная молодежь обучалась слесарному дѣлу, а отчасти и революціонному. Мастерская эта имѣла извѣстное значеніе въ исторіи революціоннаго движенія въ Петербургѣ. Въ ней перебивало много народа и она стала своего рода революционнымъ клубомъ.

Изъ членовъ кружка Тепловъ и Аитовъ вскорѣ отказались отъ чисто революціонной дѣятельности. Подъ влияніемъ вдохновенной проповѣди Маликова, основателя бого-человѣческой религіи, они, вмѣстѣ съ учителемъ своимъ, убѣдились, что только пропагандой социализма во имя религіи и непритвореніемъ злу можно спасти народъ и доставить ему счастье. Это не мѣшало прокуратурѣ привлечь ихъ къ большому процессу. Въ настоящее время Аитовъ живетъ въ Парижѣ.

Къ артиллеристамъ были близки Оренбуржцы или Голоушцы, названные такъ по имени одного изъ основателей кружка, Сергѣя Сергѣевича Голоушева. Отецъ его былъ жандармскимъ полковникомъ, а мать поддерживала все время сношенія съ сыномъ-революционеромъ и въ извѣстной степени сочувствовала ему. Голоушевъ, учаъ въ Петербургѣ, сохранилъ связи, которая у него были на родинѣ, въ Оренбургской губерніи. Въ одну изъ своихъ побѣдокъ въ Оренбургъ онъ познакомился съ лишеннымъ всѣхъ правъ состоянія Муравскимъ, проживавшимъ тамъ съ 1870 года послѣ отбытія каторги. Муравскій былъ осужденъ въ шестидесятыхъ годахъ по политическому дѣлу и въ разматриваемое время былъ уже пожилымъ человѣкомъ (около 40 лѣтъ).

Митрофанъ Даниловичъ Муравскій, извѣстный подъ кличкою «Отецъ Митрофанъ», почуявъ начинающееся броженіе умовъ, воспринялъ духомъ, скоро усвоилъ основную идею движенія 70 годовъ и началъ пропагандировать среди Оренбургской молодежи необходимость идти въ народъ съ цѣлью не только просвѣщенія его, но и подготовки къ возстанію. Ближе всего онъ сошелся съ гимнази-

стомъ Павломъ Орловымъ, впоследствии осужденнымъ по другому дѣлу на каторгу и убитымъ въ Якутскомъ округѣ, гдѣ онъ отбылъ поселене. Въмѣстѣ съ Орловымъ Муравскій вошелъ въ кружокъ Оренбуржцевъ, но остался на мѣстѣ, чтобы осуществить свою программу. Вскорѣ онъ отправился въ народъ, странствовалъ по Белебеевскому и Челябинскому уѣздамъ и былъ арестованъ въ Челябинскѣ. Не выходя изъ предѣловъ Оренбургскаго края, Муравскій не могъ имѣть сколько-нибудь широкаго вліянія на молодежь. Не имѣя особыхъ организаторскихъ способностей и не обладая выдающимся талантомъ творчества, Муравскій не могъ ни въ какомъ случаѣ стать во главѣ движенія, но по глубинѣ своей натуры и убежденности, граничащей съ религиозною вѣрою, безъ всякаго сомнѣнія, оказался-бы виднымъ дѣятелемъ въ крупныхъ центрахъ и привлекалъ бы къ себѣ молодежь своими душевными качествами.

Отецъ Митрофанъ былъ какъ рецидивистъ осужденъ по процессу 193 на каторгу и умеръ въ Андреевской центральной тюрьмѣ, находившейся въ Харьковскомъ уѣздѣ. Сидя въ тюрьмѣ онъ, подъ вліяніемъ размысливъ наединѣ и чтенія исключительно духовныхъ книгъ (другихъ не давали), поддался религиозному настроенію и становится «отцомъ» не только по кличкѣ, но и по образу своихъ мыслей. Отрицая всецѣло начинавшійся терроръ, какъ чисто политическое средство борьбы, онъ мечталъ о новаго рода народническо-революціонной дѣятельности, освѣщаемой религіей, не официально конечно, а такой, какъ она представлялась его уму. Независимо отъ своего религиознаго настроенія Муравскій производилъ на окружающихъ впечатлѣніе угодника или святого. Тюремный священникъ питалъ къ нему глубокое уваженіе и при отпѣваніи его произнесъ рѣчь, въ которой называлъ раба Божія Митрофана святымъ и рекомендовалъ присутствующимъ молить этого святого, чтобы онъ и имъ пріуготовилъ царствіе небесное. Къ счастью для священника, въ числѣ присутствовавшихъ не было членовъ жандармеріи и прокурорскаго надзора.

Въ кружкѣ Голоушева между прочимъ принимали участіе: Клеопатра Осиповна Лукашевичъ, сестра вышеупомянутаго Лукашевича, присоединившаяся потомъ къ Самарскому кружку, Марья Ивановна Веревокина, невѣста Голоушева, пропагандировавшая среди крестьянъ Оренбургскаго края, Леонидъ Михайловичъ Щигольевъ, Соломонъ Львовичъ Аранзонъ, Леонидъ Рейнгольдовичъ Траубенбергъ, Петръ Петровичъ Воскресенскій и Дмитрій Васильевичъ Федоровичъ.

Всѣ они кромѣ Клеопатры Лукашевичъ, по мужу Осиповой, попали въ Большой процессъ также, какъ и артиллеристы.

Изъ Саратовскаго землячества образовался кружокъ Саратовцевъ, въ которомъ наиболѣе замѣтными личностями были Воронцовъ и Ломоносовъ, оба студенты—медики. Члены кружка своимъ здоровымъ видомъ и соответствующимъ ростомъ производили впечатлѣніе вольныхъ сыновъ степей. Кружокъ считался довольно серьезнымъ, но очень рано распался. Воронцовъ, будучи уже ском-

прометированъ, скрылся, а Ломоносовъ отсталъ. Ихъ дѣло продолжалъ мѣстный кружокъ въ Саратовѣ, состоявшій изъ семинаристовъ и гимназистовъ. Наиболѣе дѣятельнымъ членомъ этого послѣдняго кружка былъ братъ Ломоносова семинаристъ, Петръ Андреевичъ Ломоносовъ.

Еще болѣе, чѣмъ Саратовцы, общались занять видное мѣсто Самарцы, составивше такъ называемый кружокъ Городецкаго.

Левъ Сергѣевичъ Городецкій, побывавъ на нѣсколькихъ сходкахъ, довольно скоро усвоилъ руководящія идеи движенія. По образу мыслей своихъ онъ ближе всего былъ къ Чайковцамъ и скорѣе сталъ выступать на сходкахъ противъ крайнихъ анархистовъ—вспышкочислителей. Онъ спорилъ также и съ другими анархистами, проводя въ то-же время въ своемъ кружкѣ чисто-анархическую программу. На сходкахъ онъ какъ-бы мыслить вслухъ и самая возраженія его, казалось, имѣли цѣлью вызвать дальнѣйшее развитіе обсуждаемыхъ мыслей. Это въ связи съ другими качествами Городецкаго и недожизненнымъ его способностямъ заставляло ожидать, что онъ займетъ извѣстное, болѣе или менѣе видное мѣсто въ движеніи, но этого не случилось. Не успѣвъ проявить вполне своихъ талантовъ, Городецкій былъ рано арестованъ и на допросахъ давалъ болѣе откровенныя показанія, чѣмъ можно было ожидать отъ него.

Въ кружокъ Городецкаго входили также лица, подававшія надежды: студентъ Павелъ Чернышевъ, похороны котораго вызвали демонстрацію, Кововъ и Бухъ, впоследствии осужденные по другимъ дѣламъ.

Городецкій и товарищи сохранили связи съ Самарой и на ряду съ другими прѣзжими агитаторами содѣйствовали образованію и быстрому росту Самарскаго, мѣстнаго кружка, о которомъ подробнѣе сказано будетъ ниже.

Кромѣ перечисленныхъ выше, въ Петербургѣ было еще нѣсколько земляческихъ кружковъ самообразованія, которые въ большей или меньшей степени усвоили себѣ революціонную идею движенія. Такъ существовали Полтавскій, Пермскій кружки и др. Нѣкоторые изъ Полтавцевъ примкнули къ революціонной организаціи; въ числѣ ихъ былъ напр. студентъ Максимовъ, Павелъ Дмитріевичъ, пропагандировавшій среди крестьянъ Полтавской губерніи и судившійся по процессу 193.

Пермаки чрезвычайно медленно усваивали идеи, циркулировавшія среди радикальной молодежи, и участія въ революціонной работѣ не приняли.

Кромѣ всѣхъ описанныхъ кружковъ, рѣшившихся (кромѣ Пермскаго) приступить къ революціонной дѣятельности, въ Петербургѣ было еще нѣсколько кружковъ лавровскаго направленія. Члены этихъ кружковъ посѣщали также сходки, на которыхъ рѣшались революціонные и народническіе вопросы, но во всемъ составляли правую сторону движенія. Они признавали этическую сторону народническо-анархическаго ученія, говорили объ уплатѣ народу долга

и признавали движеніе въ народъ, но лишь въ формѣ занятія вѣстными профессіями, полезными народу: медициной, адвокатурой, учительствомъ и пр., летучую-же пропаганду совершенно отрицали. Такъ какъ лавровцамъ нужно было подготовиться къ указаннымъ профессіямъ и прежде всего окончить университеты, то въ дѣйствительности они, за ничтожными исключениями, въ народъ не пошли и въ дальнѣйшей революціонной дѣятельности участія не приняли.

Кромѣ лавровцевъ были еще два-три кружка молодежи, которые хотя и признавали конечною цѣлью революцію, но ближайшей задачей для интеллигентной молодежи считали науку. Кружки эти не имѣли никакого значенія. Самый азартъ, съ которымъ они защищали науку, никѣмъ не отрицавшуюся, заставлялъ подозревать, что они опасались тоже увлечься въ сторону практической дѣятельности и громкими фразами думали заглушить закрывшіяся въ ихъ душу сомнѣнія.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Старикъ.

Воспоминанія чайковца.

(Окончаніе ¹⁾).

XX.

Отсутствіе физической работы и живыхъ впечатлѣній чрезвычайно разстраивало нервы, дѣлало душу раздражительной и мнительной. Былъ со мной, напр., такой казусъ.

Отъ тоски я былъ радъ всякому живому существу, почему я прикормилъ прилетавшихъ къ моему окну голубей, которые между двумя рамами на подоконникѣ свили гнѣздо и вывели голубенятъ. Богородицкій не протестовалъ противъ этого, даже и противъ того, чтобы голуби залетали ко мнѣ въ камеру.

Кромѣ голубей, я прикормилъ еще и мышъ.

Каждое послѣ-обѣда я оставлялъ ей у стола и мясца, и хлѣбца, и рису, словомъ, что-нибудь изъ того, что было у меня на обѣдѣ. Послѣ обѣда я ложился на постель и начиналъ смотрѣть въ тотъ уголь, гдѣ была дырочка подъ нижнимъ плинтусомъ. Въ дырочкѣ появлялась маленькая острая мордочка съ ушками и маленькими черными глазами, и нюхала воздухъ. Затѣмъ маленькій сѣренькій звѣрокъ стремительно пробѣгалъ изъ норки въ противоположный уголь камеры и оттуда начиналъ свое путешествіе по камерѣ, обнюхивая все попадавшееся по пути—спичку, окурокъ, перо вылетѣвшее изъ подушки; наконецъ, звѣрокъ достигалъ мѣста у стола, гдѣ на полу была приготовлена ему трапеза, и начиналъ угощаться самымъ свободнымъ образомъ. Мѣсяца три, если не больше, мы жили со звѣркомъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Я чувствовалъ какую-то непонятную отраду при появленіи въ камерѣ моего маленькаго друга,—и иногда ночью, улегшись въ постель, я слышалъ подъ подушкою у себя шорохъ, и затаивъ дыханіе, я заглядывалъ осторожно подъ край подушки и видѣлъ тамъ своего дружка въ видѣ маленькаго комочка, насторожившаго ушки. Но замѣтивши меня, онъ стремглавъ улепетывалъ во своия. Забирался онъ на постель по краю спущеннаго одѣяла. Когда выпадали

¹⁾ См. Былое кн. 8 и 9.

такіе дни, что мой сѣренкій другъ по какимъ-либо своимъ недосугамъ не показывалъ въ моей камерѣ,—можетъ быть, вѣроломно избѣгивъ мнѣ, гостилъ у другою заключеннаго,—мнѣ дѣлалось то-сливо на душѣ, какъ это ни смѣшно...

Какъ-то въ одинъ изъ дней свиданія Ларисса пришла въ обѣденное время, такъ что когда я послѣ свиданія вошелъ въ камеру, я нашель на столѣ только-что принесенный обѣдъ. Пообѣдавъ, я, по обыкновенію, отдѣлилъ порціи и для своего маленькаго дружка и сожителя. Звѣрокъ появился, какъ всегда, поѣлъ изъ брошенной ему на полъ снѣди, и отошедши недалеко отъ стола, вдругъ свалился на бокъ, судорожно заерзалъ ножками, затѣмъ вытанулъ и околѣлъ...

Я кинулся къ нему. Но чѣмъ я могъ спасти своего друга?! И ужасная мысль охватила мою душу. Я моментально вспомнилъ ходившую на волѣ розказню, что жандармы отравляютъ заключенныхъ медленными ядъ, подмѣшивая ядъ въ пищу, постепенно усиливая его дозу. Мышь поѣла моей пищи; того количества яда, какое было въ ея порціи, было, очевидно, вполне достаточно, чтобы ее убить... Несомнѣнно, что меня отравляютъ. Сдѣлавъ такое открытіе, я поднялъ мышъ, подошелъ къ электрическому звонку и далъ протяжный, тревожный, настоятельный звонокъ, который заключенные подавали всегда, когда настоятельно надо было видѣть дежурнаго. На мой звонокъ очень быстро появился присяжный, котораго я про себя звалъ лисицей, и открылъ форточку съ обычными вопросамъ—«что угодно?»

— А вотъ-что, началъ я. Вотъ мышъ. Она поѣла остатковъ отъ моего обѣда и околѣла. Я думаю, что въ моей пищѣ есть ядъ. Попросите ко мнѣ полковника.

Встревоженно захлопнувъ форточку, присяжный полетѣлъ къ полковнику.

Минутъ черезъ пять, взволнованный и плохо сдерживая раздраженіе, влетѣлъ въ мою камеру Богородцкій и накинулъ на меня:

— «Что вы это тутъ выдумываете?! Какой ядъ у васъ въ пищѣ?!... Пищей я завѣдываю! Неужели вы думаете, что я могу травить людей?! Какъ вамъ не стыдно!»

Но смекнувъ, вѣроятно, глядя на меня, стоявшаго съ мышью въ рукѣ, что мое душевное состояніе далеко не изъ сладкихъ, онъ уже мягко заговорилъ: «Ну, какъ не стыдно! Даромъ только себя разстраиваете!.. Присяжный,—обратился онъ къ унтеру, — отодвинъ стульчакъ!.. Вотъ, для вашего успокоенія смотрите, въ углу бѣлый порошокъ видите? Это—мышьякъ. Такъ много развелось мышей въ камерахъ, что я рѣшилъ ихъ травить. И насыпалъ вездѣ за стульчаками мышьяку,—конечно, когда арестованные гуляли. Присяжный, уберите мышъ и этотъ мышьякъ сейчасъ же долой!»

Я успокоился. Мысль объ отравленіи меня показалась мнѣ самому нелпной.. Но бѣднаго моего маленькаго друга я лишился.

Тоскливо сидѣны безъ перестукиванія и безъ всякихъ сноше-

ній съ товарищами, съ книгою—днемъ, со своею собственною тѣнью на стѣнѣ—ночью, длилось болѣе года.

Желтые стѣны камеры, превратившейся въ моемъ воображеніи въ гробъ, въ который я былъ заживо похороненъ; тѣ же безличныя для меня часове, одни и тѣ же присяжные унтера, все тотъ же съ круглыми глазами, съ красной короткой шей, съ бритыми грубыми щеками, приземистый усатый Богородцкій,—изо дня въ день все одно и то же надоѣдало до невозможности и сѣдало мою жизнь, какъ ржавчина сѣдаетъ желѣзо,—медленно и упорно.

Ждалъ я мучительно суда и не могъ понять, почему меня такъ долго не судятъ?

Но къ этому времени крѣпость стала набиваться заключенными. Это я узнавалъ по тому, что по сторонамъ моей камеры въ ночной тишинѣ я уже слышалъ, какъ ходили сосѣди,—по тому, что стали ходить на прогулку не каждый день, а черезъ день и даже черезъ два,—по тому, что чаще стали раздаваться звонки и щелканья замковъ у камеръ. Да и изъ залпковъ жены зналъ я о походахъ, открытоиъ «опричникаи», какъ называли мы тогда прокуроровъ и жандармовъ, противъ молодежи, двинувшейся въ народъ съ агитационными цѣлями.

Однажды вечеромъ сидѣлъ я за своимъ столикомъ и читалъ книгу. Только слышу, то и дѣло раздается настойчивый глухой стукъ. Кто-то простучитъ извѣстное число разъ и приостановится на нѣкоторое время, затѣмъ вновь простучитъ и опять приостановится. Я подумалъ, что это неспроста. Сталь я считать число ударовъ: не выйдетъ ли буква въ порядкѣ алфавита? Первый рядъ ударовъ, очевидно, ногой объ полъ, далъ мнѣ букву к, второй рядъ—т, третій—о. Получилось слово: кто.—О! какая благодать! Значитъ можно разговаривать. Я отступилъ въ отвѣтъ и сталь выбивать свою фамилию. И мнѣ было отстукнуто: значитъ, понять товарищ! Тогда сталь отстучивать слово—кто. Получилъ отвѣтъ: Аранзонъ.—Великолѣпно! Слышу стукъ дальше, получается фраза: раздѣлили азбуку, шесть строкъ—пять буквъ. Превосходно! Значитъ, живемъ! Я взялъ листикъ папиросной бумажки и получилъ:

- 1) а б в г д
- 2) е ж з и к
- 3) л м н о п
- 4) р с т у ф
- 5) х ц ч ш щ
- 6) ы э ю я

Первые удары означали строчку, удары вслѣдъ за ними—букву въ строчкѣ. Съ недѣлю перестукиваніе шло съ задержками и съ заглядываніями въ листикъ,—затѣмъ оно все шло глаже и слаже, наизустъ, съ массою сокращеній, что значительно облегчало разговоръ.

Перестукиванье меня воскресило! Не говоря уже о томъ, что

душа ожила, потому что перестукивание вводило меня въ общение съ міромъ родныхъ по духу, милыхъ, хотя и незнакомыхъ, но уже горячо любимыхъ человѣческихъ существъ, — душа моя, лишенная столь долгое время живыхъ впечатлѣній и изголодавшаяся по нимъ, стала обогащаться и впечатлѣніями, и свѣдѣніями о внѣшней жизни, гнѣть одиночества значительно ослабѣла; не говоря уже объ этомъ, но перестукивание подняло жизненность моего организма. Въ первую же недѣлю перестукиванія, — а стучалъ я сначала, стоя у изголовья кровати, въ полъ ногою, — у меня явился аппетитъ, котораго я уже давно не испытывалъ; стали исчезать безсонницы, и я началъ спать довольно крѣпко.

Жизнь сдѣлалась много содержательнѣе.

На первыхъ порахъ перестукиваніе преслѣдовалось нашими тюремщиками. Присяжные унтеръ-офицера подкрадывались потихоньку къ двери, безшумно совсывали ключъ въ замокъ форточки и внезапно открывъ ее, что называется, накрывали увлекшагося своеобразной бесѣдой узника.

Вслѣдъ затѣмъ докладывалось полковнику, который прибѣгалъ възбѣшенный, грозилъ разными репрессіями, карцеромъ, отнятіемъ прогулокъ, книгъ, свиданій.

Меня улавливали, главнымъ образомъ, два присяжныхъ унтера: тотъ, котораго я называлъ про себя Лисцею, и финнъ Фертикъ. Богородцкій являлся и, не смотря на расположеніе ко мнѣ, уговаривалъ не нарушать крѣпостной инструкции, грозя въ противномъ случаѣ доложить коменданту, что должно было повлечь за собою отнятіе свиданій съ женой, — лишеніе это было бы для меня очень тяжкимъ.

Но развѣ можно было замиравшему человѣку отказаться отъ представившейся возможности жить?

И перестукиванія продолжались. Къ чести Богородцкаго сказать, ни къ какимъ репрессіямъ онъ не прибѣгъ. По крайней мѣрѣ, что касается лично меня, то унтера перестали меня улавливать, а Богородцкій, зашедши однажды вечеромъ, замѣтилъ мнѣ: «Ну что, — все перестукивается?» — Перестукиваются, полковникъ! Грѣшень! Да вѣдь жить хочется! Не охота помирать отъ тоски. — Онъ только покачалъ головой, улыбаясь своими круглыми глазами.

XXI.

Въ апрѣлѣ 1875 года узналъ я, наконецъ, почему нѣтъ и нѣтъ суда надо мною.

Какъ то въ камеру около полудня вошелъ Богородцкій съ присяжнымъ, несшимъ мою одежду, и заявилъ мнѣ, что я вызываюсь въ комиссію жандармскаго генераль-лейтенанта Слезкина.

Въ сопровожденіи присяжнаго и конвойнаго я былъ введенъ въ верхній этажъ того же рavelина, въ нижнемъ этажѣ котораго давались мнѣ до сихъ поръ по пятницамъ свиданія. Меня ввели въ большую комнату и оставили на нѣкоторое время одного. Одно

изъ оконъ этой комнаты было у самаго пола и выходило на Неву; оно было полукруглое и небольшое и изъ него виднѣлась черезъ Неву набережная и дворцы. Въ другое высокое окно виднѣлась какъ-то стѣна.

Минуть около пяти — я былъ одинъ.

Вдругъ отворилась дверь, и на порогѣ появилось фигура жандармскаго офицера, довольно молодого, бригаго съ усами блондина; пристально поглядѣвъ онъ на меня своими смѣлыми и наглыми голубыми глазами, — затѣмъ затворилъ дверь и удалился.

Это былъ, какъ я потомъ узналъ, штабсъ-капитанъ Лѣсникъ. Спустя нѣсколько минутъ, дверь отворилась опять, и на меня смотрѣлъ пристально уже новый субъектъ, въ военномъ мундирѣ, съ краснымъ воротникомъ; это смотрѣлъ своими небольшими темно-сѣрыми глазами, нѣсколько, какъ бы усталыми, горбоносый, съ опущенными усами жандармскій подполковникъ Новицкій. Посмотрѣвъ онъ на меня, — и молча удалился. Дверь снова закрылась.

Что сей сонъ значить? подумалъ я. — Придутъ, какъ гоголевскія крысы, поглядятъ и уйдутъ прочь!

Наконецъ, вновь появился Лѣсникъ и пригласилъ меня слѣдовать за нимъ. Я былъ введенъ въ одну изъ комнатъ, расположенныхъ по обѣимъ сторонамъ того корридора, по которому мы шли съ Лѣсникомъ. Здѣсь стоялъ столъ, за которымъ на одномъ концѣ сидѣлъ подполковникъ Новицкій, а на другомъ, взиави съ нимъ, сидѣлъ молодой чиновникъ въ штатской формѣ съ синими очками по носу, бритый и несматичный. — Это былъ товарищъ прокурора Екатеринбургскаго окруж. суда Шубинъ, прикомандированный на этотъ разъ въ штабъ прокурора Саратовской судебной палаты Жихарева.

Меня пригласили сѣсть за столъ. На столѣ лежала изрядная кучка книжекъ и брошюръ. Указывая на эту кучку, Шубинъ заявилъ, что эти книги и брошюры, въ количествѣ 40 экземпляровъ, взяты у моего ученика рабочаго Степана Зарубаева при арестѣ его въ его родной деревнѣ въ Тверской губ., куда онъ, послѣ того какъ былъ выпущенъ изъ тюрьмы въ 1875 г., отправился съ цѣлями пропаганды.

На вопросъ о томъ, откуда онъ, Зарубаевъ, получилъ эти книжки, тенденціозная, противуправительственного содержанія, въ большинствѣ изданныя заграницей, Зарубаевъ сказалъ, что ихъ далъ ему учитель Синегубъ, и что при первомъ арестѣ въ Петербургѣ онъ не былъ у него найденъ, потому что хранились въ ящикѣ зарытомъ во дворѣ въ землю, откуда онъ ихъ извлекъ послѣ выхода изъ тюрьмы.

Я никогда такого количества книгъ и брошюръ Зарубаеву не давалъ, да и зналъ навѣрняка, что тѣ книжки, которыя я давалъ Зарубаеву, у него были отобраны при первомъ обыскѣ и мнѣ ихъ показывали на дознаніи. Поэтому я категорически отрицалъ показаніе Зарубаева, и заявилъ, что Зарубаевъ вретъ на меня. Я по

заглавиям книг увидѣлъ, что эти книги даже не были изданы и не могли быть изданы въ бытность мою на волѣ. Тутъ были — «Сказка о четырехъ братьяхъ» Льва Тихомирова, которую онъ писалъ на моей квартирѣ и только весьма незадолго до моего ареста ее кончалъ въ рукописи; тутъ была «Хитрая механика», о которой я никакого представления не имѣлъ и которую я только тутъ въ первый разъ увидѣлъ; тутъ были Наумовскіе — «Ежъ», «Мірской учетъ» и «Юровая», — первая даѣ въ 1873 году были журнальными статьями въ Отеч. Зап., и я оттуда читалъ ихъ рабочимъ, а обѣ «Юровой» я и понятія не имѣлъ. Были и другія книжки, о которыхъ я тоже ничего не зналъ и не слышалъ. Объ этомъ я заявилъ, т. е. указалъ, что многія изъ книгъ не были изданы отдѣльно, а другія ходили въ рукописяхъ въ бытность мою на волѣ и поэтому дать ихъ Зарубаеву въ заграничномъ изданіи я физически не могъ; я предложилъ Новицкому и Шубину, чтобы они обстоятельно разсѣдовали, когда именно изданы эти книжки. Моимъ увѣреніямъ и совѣту не придали, конечно, никакого значенія и снабженіе Зарубаева 40 экз. тенденціозныхъ революціонныхъ книжекъ сочли за главное основаніе для привлеченія меня къ большому дѣлу, — къ сообществу, расквашенному свои сѣби по всей имперіи, по всему «отечеству», спасителями котораго явились на этотъ разъ прокуроръ Суд. Палаты огромный Жихаревъ и шефъ жандармовъ, генералъ-адъютантъ, почти карликъ, — Потаповъ.

Вотъ почему я не могъ дожидаться суда, обѣщаннаго Геракովымъ по дѣлу, слѣдствіе по которому онъ закончилъ и которое онъ передалъ для составленія обвинительнаго акта прокурору. Мое и Стаховскаго дѣло притегнули къ большому дѣлу, благодаря показанію Зарубаева. Такія же книжки, какія были взяты у Зарубаева, находились у массы другихъ лицъ, подвергавшихся обыскамъ и аресту впродолженіи 1874 года. Это указывало властямъ на якобы общность злоумышленія.

Исторія же съ показаніемъ Зарубаева была такова. Послѣ того, какъ Зарубаева выпустили въ 1874 году изъ тюрьмы, при чемъ онъ узналъ, что слѣдствіе по моему дѣлу кончено и что мѣсяца черезъ два-три будутъ судить меня, онъ поселился снова за Невской Заставой. Здѣсь онъ столкнулся съ однимъ изъ членовъ Долгушинскаго кружка, съ бывшимъ студент. Технолог. Инстит. и съ моимъ старымъ знакомымъ Чиковымъ. При отъѣздѣ Зарубаева въ деревню лѣтомъ 1874 года (т. е. черезъ 1/2 года послѣ моего ареста), Чиковъ снабдилъ его упомянутыми выше 40 книжками для пропаганды, съ которыми онъ и былъ арестованъ во второй разъ въ августѣ или въ сентябрѣ мѣсяцѣ. На допросѣ онъ, на вопросъ — откуда у него эти книжки, указалъ на меня, полагая съ полной увѣренностью, что со мной давно уже власти покончили и что я, Стаховскій и Тихомировъ давно осуждены и пребываемъ въ мѣстахъ значныхъ. Такимъ указаніемъ на лицо, которое уже осуждено, Зарубаевъ прекращалъ дальнѣйшій разговоръ объ этихъ книжкахъ на вопросахъ и дальнѣйшія старанія разузнать, кто именно далъ

ему книжки. О томъ же обстоятельстве, что Чиковъ арестованъ и будучи переведенъ изъ крѣпости въ Литовскій замокъ, успѣлъ тамъ ко времени ареста Зарубаева помереть отъ скоротечной чахотки, Зарубаевъ не зналъ. Въ результатѣ получился какъ бы невольный съ его стороны оговоръ меня, что его бѣднугу очень мучило. Когда намъ уже пришлось встрѣтиться на судѣ и объясниться, я успокоилъ его, что не однѣ эти книжки виноваты, а и показанія другихъ лицъ по нашему процессу.

Съ апрѣля 1875 г. жизнь моя въ крѣпости измѣнилась. Свиданія давались уже не въ присутствіи полковника, а въ присутствіи тов. прок. Шубина или штабсъ-капитана Лѣсника, и не тамъ, гдѣ раньше, а въ тѣхъ помѣщеніяхъ, гдѣ производилось дознаніе комиссіи г.-л. Слезкина. Переписка съ женой черезъ ротъ превратилась, и такъ какъ нужны въ папиросной бумажѣ уже не было, то я бросилъ курить и съ этого началъ перемѣну въ повседневномъ режимѣ.

Я положилъ себѣ ежедневно часа два по утрамъ заниматься гимнастикой, которая, впрочемъ, состояла главнымъ образомъ въ маханіи руками въ различныхъ направленіяхъ, и въ этомъ маханіи я достигъ того, что могъ, не сходя съ мѣста, сдѣлать болѣе 9000 взмаховъ.

Кромѣ того, я выпросилъ у Богородскаго разрѣшенія мыть полъ въ своей камерѣ, а также и въ пустыхъ камерахъ. Сказать по правдѣ, полы были страшно запущены, слои грязи покрывали ихъ; пыль на стѣнахъ и на корнизяхъ лежала толстыми слоями. Если бы не еженедѣльная баня (на первыхъ порахъ, впрочемъ, когда насъ сидѣло мало; потомъ стали водить рѣже) и не еженедѣльная смѣна бѣлья носильного и постельнаго, въ такомъ грязномъ помѣщеніи дѣло безъ паразитовъ не обошлось бы. Богородскій охотно разрѣшилъ мнѣ мойку половъ, для чего мнѣ были даны и тряпки. Для чистоты я смывалъ насающую грязь съ пола и нижнихъ карнизовъ, пока достигъ того, что полъ моей камеры, карнизы, подоконникъ, стульчакъ и деревянный шкафчикъ подъ умывальникомъ, были, что называется, идеально чисты. Раковина умывальника была всегда смыта, мѣдный кранъ — сиялъ, стѣны камеры обтерты сухой тряпкой отъ пыли. Каждый день вытиралъ я мокрой тряпкой полъ и всѣ деревянныя части моей камеры. Видъ моей камеры даже Богородскаго приводилъ въ удивленіе и онъ, какъ-то въ присутствіи доктора, указывая на чистоту моей камеры, сказалъ:

«Вотъ, посмотрите, докторъ! Настоящая тутъ барышня живетъ! Чистота-то какая!»

Перемылъ я полы и во многихъ другихъ камерахъ. Помню поразила меня своей необычайной грязью и запущенностью, гдѣ нѣсколько мѣсяцевъ сидѣлъ Рабиновичъ (молодецкій юноша, привлекавшій по нашему дѣлу; чрезвычайно способный, умный, съ большою памятью; онъ сошелъ съ ума въ Восток. Сибири). И чего только не было притоптано и приклеено къ полу этой камеры — и окурки, и спички, и перья, и крошки хлѣба и булки, и засохшіе

плевки. Нѣсколько дней я бился надъ этой камерой, пока привелъ ее въ надлежащую чистоту.

Перестукиваніе, маханіе руками и мытье половъ приводили къ тому, что я бѣл и спалъ превосходно. Нервы мои укрѣплялись. Тоска почти совсѣмъ меня покинула. Кромѣ того, мнѣ было разрешено пріобрѣтать молоко, и Богородскій устроилъ это; я имѣлъ къ обѣду каждый день стаканъ очень хорошаго молока.

И ко времени перевода меня изъ крѣпости въ домъ Предв. Заключенія, я изъ захирѣвшаго, исхудалаго неврастеника, желтаго по цвѣту лица, вялага и снѣдаемаго тоской до мысли о самоубійствѣ, превратился въ юношу бодрого, почти жизнерадостнаго, съ хорошимъ цвѣтомъ лица. Такъ что тов. прок. Шубинъ, видѣвшій меня въ апрѣлѣ и маѣ 1875 г. на допросѣ и на свиданіи въ крѣпости, увидѣвъ затѣмъ меня въ Д. П. Зак., тоже на свиданіи съ женой, заявилъ мнѣ, что онъ просто пораженъ перемѣной происшедшей во мнѣ за это время, съ мая 1875 г. по начало 1876 года.

«Я, говорилъ онъ, видя васъ въ крѣпости, былъ увѣренъ, что вы умрете!»

Но богъ не захотѣлъ—и свиньи не съѣли,—и я остался живехенекъ до днесі!

За время сидѣнія въ крѣпости я заново переучилъ гимназическій курсъ математики,—настолько изучилъ французскій и англійскій языкъ, что довольно свободно прочелъ «Ventre de Paris» Зола и маленькую исторію Англии Дикенса. Кромѣ того, прочиталъ я массу книгъ. Я прочиталъ что было по русски Брема, Милля, «Капиталь» Маркса (Политич. экон. Милля и «Капиталь» Маркса—прочиталъ вторично, такъ какъ уже былъ знакомъ съ ними на волѣ); налегъ очень на исторію, и по русской исторіи я прочиталъ все, что было въ крѣпостной бібліотекѣ (а это былъ самый лучшей ее отдѣлъ)—изъ Костомарова, Соловьева, Сергѣевича, Хлѣбникова, Бестужева-Юмина и др., всю исторію среднихъ вѣковъ Стасюлевича, не говоря уже о тѣхъ книгахъ, какія приносила мнѣ съ воли жена по различнымъ отраслямъ знанія и по беллетристикѣ.

Первые полтора года сидѣнія я ничего больше не дѣлалъ, какъ только читалъ и читалъ.

Я перечиталъ всѣ старые номера журналовъ «Вѣстника Европы» и «Дѣла», какіе только нашлись въ крѣпостной бібліотекѣ; прочиталъ даже нѣсколько разрозненныхъ номеровъ какого-то медицинскаго журнала.

Продолжалъ я читать и потомъ, когда представилась возможность перестукиваться, а въ Д. Пр. Закл. и переписываться съ товарищами. И надо правду сказать, на волѣ я никогда столько не прочелъ бы, сколько въ тюрьмѣ,—и что всего главнѣе, прочитанное невольно продумывалось, такъ какъ отсутствіе впечатлѣній дѣлало прочитанное почти единственнымъ матеріаломъ для мысли. Жизнь не давала бы такой возможности сосредоточиваться на прочитанномъ матеріалѣ, какую давала тишина одиночества и тоска по впечатлѣніямъ и событіямъ.

И какъ было бы тяжело одному въ четырехъ стѣнахъ безъ такого друга и спасителя, какъ книга!

И еслибы я обладалъ отъ природы болѣе выдающимися способностями памяти и ума, то по выходѣ изъ тюрьмы я былъ бы энциклопедически образованнымъ человѣкомъ, послѣ прочтенія въ крѣпости и въ Д. П. З. такой массы книгъ какъ по различнымъ отраслямъ человѣческаго знанія, такъ и по художественной литературѣ. Къ моему огорченію я не сдѣлалъ таковымъ, но и тѣмъ, что смогли удержать и усвоить мои способности, я обязанъ тюрьмѣ.

XXII.

Во время моего сидѣнія въ крѣпости я удостоился посѣщенія Великаго князя Николая Николаевича Старшаго и шефа-жандармовъ Потапова.

Однажды дверь моей камеры растворилась и послѣ того, какъ она нѣсколько мгновеній простояла открытой, въ ней появилась высокая фигура великаго князя. Онъ вошелъ, что называется, царскою походкою, переставляя ноги, не сгибая ихъ, — въ военномъ картузѣ на головѣ, котораго не снялъ во все время разговора, не смотря на то, что въ камерѣ была икона.

Вслѣдъ за нимъ, перескакивая то на одну, то на другую сторону князя, вошелъ въ комнату небольшого роста офицеръ съ сербрынными эксельбантами и такими же погонами, его адъютантъ гр. Шуваловъ, тоже не снявшій картуза, вѣроятно, изъ подражанія великому князю.

За этими двумя, съ какимъ-то растеряннымъ видомъ, вошелъ согбенный сѣдой старичекъ съ добродушнымъ лицомъ, нашъ крѣпостной плацъ-маіоръ, а за плацъ-маіоромъ Богородскій, который, какъ въ роки, остановился возлѣ умывальника, такъ и остолбѣнѣлъ съ руками по швамъ, съ круглыми неподвижными глазами, устремленными въ пространство.

Дверь притворилась.

Князь и Шуваловъ подошли къ моей койкѣ, на которой я сидѣлъ съ книгой въ рукахъ. Я поднялся.

— Кто? задалъ мнѣ вопросъ князь.

— Фамилію мою угодно вамъ знать или званіе? въ свою очередь спросилъ я князя.

— Фамилія?

— Синегубъ.

— Кто!

— Дворянинъ.

— Давно арестованъ?

— Скоро годъ.

— За что?

— За пропаганду среди рабочихъ.

— Что же говорилъ рабочимъ?

— Говорилъ о ихъ тяжеломъ положеніи и о причинахъ этого безрадостнаго положенія.

— И говорилъ, конечно, что все начальство виновато?

— Нѣтъ, не одно начальство. Причинъ тяжелаго положенія народа много.

— И книжки читаль?

— Да, читаль и книжки.

— И все запрещенныя, все запрещенныя! вмѣшиваясь въ разговоръ, произнесъ черноглазый и съ видимымъ недоброжелательствомъ ко мнѣ Шуваловъ.

— У моихъ учениковъ не взято ни одной запрещенной книжки, отвѣтилъ я.

— Отецъ есть? прервалъ насъ князь.

— Есть.

— Служить?

— Нѣтъ.

— Служить?

— Да.

— Гдѣ?

— Въ военной службѣ.

— Гдѣ?

— Въ уланахъ.

— Гдѣ?

Я поколебался: что же отвѣчать на это послѣднее: гдѣ? И на удачу отвѣтилъ: онъ участвовалъ въ турецкой войнѣ 28 года.

— Старикъ?

— Да, за восемьдесятъ.

Князь повернулся. Плясъ-маюръ и Богородскій выскочили изъ камеры. Распахнулась опять дверь.

Князь вышелъ, но, остановившись въ дверяхъ, бросилъ вопросъ еще:

— Когда арестованъ?

— 12-го Ноября 1873 года, отвѣтилъ я—и дверь закрылась.

Князь былъ высокаго роста, стройный и, въ картузъ, его лицо было куда красивѣе, чѣмъ оно на карточкахъ, гдѣ его портитъ скошенный лобъ. Красивые большіе голубые глаза, съ оттънкомъ грусти, были устремлены почти во все время разговора на окно моей камеры, раза два взглянули эти глаза и на меня и, какъ мнѣ показалось, взглянули не злобно и безъ высокомерія. Да и въ тонѣ разговора, несмотря на болѣе чѣмъ странную отрывочность вопросовъ, безъ мѣстоименія «ты» или «вы», ничего недоброжелательнаго не слышалось. И это посѣщеніе великаго князя не оставило во мнѣ никакого непріятнаго впечатлѣнія и не испортило мнѣ душевнаго настроенія. Напротивъ, какъ неожиданное событіе въ моей, столь бѣдной событіями, тюремной жизни въ одиночкѣ, оно было живымъ впечатлѣніемъ для меня.

И я, ходя въ этотъ день изъ угла въ уголокъ моей камеры, вос-

производилъ въ своемъ воображеніи во всѣхъ деталяхъ это неожиданное посѣщеніе великаго князя.

Совсѣмъ другое впечатлѣніе оставило послѣ себя посѣщеніе шефа жандармовъ Потапова. (Я говорю, шефа жандармовъ Потапова, основываясь на словахъ Богородскаго, котораго я спрашивалъ—кто это меня посѣтилъ?)

Я ходилъ, по обыкновенію, изъ угла въ уголокъ, и замечтался до самозабвенія. Пронеслось въ моемъ воображеніи дѣтство, со всею его горечью въ школьной жизни, съ большою заброшенностью и въ физическомъ, и въ духовномъ отношеніи. Тѣмъ съ болѣею отрадою останавливалась мечта на тѣхъ моментахъ дѣтства, которые были отмѣчены ласкою счастья и теплотой людской. И вотъ на этотъ разъ я въ мечтаніяхъ своихъ прожилъ со своимъ отцомъ, котораго въ дѣтствѣ глубоко любилъ, и котораго, несмотря на всю разницу нашихъ міровозрѣній (онъ—крѣпостникъ, дворянинъ, гордящійся «бѣлой костью»), я—революціонеръ, народникъ) и потомъ всегда неволью любилъ, и безпредѣльно добрая душа котораго всегда меня плѣняла,—мнѣ, кажется и до днесь, что болѣе добраго и мягкаго человѣка я не встрѣчалъ больше на своемъ жизненномъ пути.

И вотъ въ ту минуту, какъ я любящею мечтою жилъ со своимъ отцомъ и въ своемъ шаганіи отошелъ отъ двери къ противоположной стѣнѣ камеры, дверь отворилась, и ко мнѣ быстро подошелъ маленькій, черныиый, съ черными, подернутыми блескомъ какой-то злости, глазами, генералъ, на погонахъ котораго стояла буква А. П.

Я, еще не стряхнувшій съ себя мечтательно любящаго настроенія, скрестивъ руки, смотрѣлъ сверху-внизъ на этого маленькаго генерала. Онъ былъ не только меньше ростомъ меня, но даже меньше Богородскаго, который въ это время стоялъ на вытяжку у двери.

— Какъ ваша фамилія? спросилъ, глядя на меня своими злыми глазами, генералъ.

— Синегубъ.

— А званіе ваше?

— Дворянинъ.

— Вы чегниговской губерніи? (генералъ сильно картавилъ).

— Нѣтъ, Екатеринославской.

— А въ Чегниговѣ нѣтъ у васъ брата?

— Кажется, тамъ мой двоюродный братъ судебнымъ слѣдователемъ.

— Вы когда агестованы?

— 12 Ноября 1873 года.

— Это за пропаганду среди габочихъ?

— Да, за пропаганду.

Генералъ, глядя въ упоръ на меня, покачалъ головой.

— А отецъ у васъ есть.

— Да, есть!

— Служить гдѣ нибудь?

— Нѣтъ, онъ—помѣщик,—живетъ въ деревнѣ своей. Онъ ужъ глубокой старикъ! съ любовью въ голосѣ, еще, очевидно подъ влияніемъ предыдущаго настроенія, отгнѣтилъ я.

— А!.. генералъ снова покачалъ головой и, повернувшись, направились къ двери; тутъ онъ на порогѣ приостановился и, искрививъ свой ротъ въ поганую улыбку, произнесъ:

— Хогошъ! хогошъ!.. утѣшилъ стагика, нечего сказать! и скрылся.

Дверь захлопнулась и я, какъ человѣкъ, которому плюнули неожиданно въ душу, оставался нѣкоторое время огорченнымъ въ своемъ углу.

Проклятый маленькій генералъ отравилъ мнѣ весь день.

Я шагаль по своей камерѣ, и въ душѣ моей поднималась горець, болѣзненно мучительная горець! Я никакъ не могъ себѣ простить,—съ чего это я вздумалъ говорить съ нимъ объ отцѣ такимъ тономъ любви, словно съ человѣкомъ, въ которомъ можно было найти сочувствіе этому тону!

— «Вотъ онъ, палачъ, плюнулъ мнѣ въ душу за этотъ тонъ!» говорилъ я себѣ. «Плонулъ, захлопнулъ дверь и скрылся! Да и плюнулъ-то отошедши отъ меня на благородную дистанцію!»

И долго спустя потомъ, я не могъ вспомнить спокойно этой сцены, и когда переживалъ ее въ мечтѣ своей,—я надолго портилъ себѣ этой мечтой настроеніе.

XXIII.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1875 года, послѣ двухлѣтняго сидѣнія въ Петропавловкѣ, я былъ перевезенъ въ Д. П. З., такъ какъ слѣдствіе по большому процессу было передано прокурорамъ. Подъ наблюденіемъ прокурора Саратовскаго суд. палаты Жихарева, получившаго за наше дѣло—«за спасеніе отечества» — званіе сенатора, и его помощниковъ Шубина, Меркулова, Мясоѣдова слѣдствіе производило въ зданіи Петербургскаго Окружнаго суда и др. судебныхъ учреждений, слѣдователемъ, кажется, если не ошибаюсь, Перфильевымъ.

Въ первые дни по прибытіи въ Д. П. З. я былъ просто убитъ,—такъ урочающе подбѣствовала на меня обстановка Предварилки. Я уже успѣлъ привыкнуть къ большой высокой камерѣ, безъ матовыхъ стеколъ въ окнѣ, по которой я имѣлъ возможность шагать изъ угла въ уголь, что прямо стало моей потребностью. А тутъ? Камера въ 4 шага по діагонали изъ угла въ уголь, въ три шага шириною. Камера загромождена кроватью, столикомъ, табуреткой, раковиной умывальника, стульчакомъ, согрѣвающей трубой и полками для посуды — такъ, что ходить по ней нѣтъ возможности. Чтобы хоть нѣсколько свободнѣе ходить по камерѣ, надо было бы каждый разъ опускать столікъ и табуретку, поднимать кровать,—а это была возня надѣждливая и мало дававшая

узику простора. Камера была такъ низка, что, ставъ на табуретку, привинченную къ стѣнѣ, я могъ достать рукой до потолка. Двойная желѣзная рама въ окнѣ была съ матовыми стеклами. Правда, она могла быть нѣсколько пріотворена сверху на всю длину очень коротенькой цѣпочки, прикрѣпленной къ ней и къ вѣншему косяку окна; пріотворялась оконная рама для очистки воздуха, если вентиляціи при помощи отверстія внизу одной изъ стѣнъ и отверстія вверху надъ дверью камеры въ корридоръ было недостаточно. Въ отверстіе отъ пріоткрытой рамы можно было видѣть кое-что во дворѣ, если залѣзть на раковину умывальника, устроенную подъ подоконникомъ.

Словомъ, на первыхъ порахъ я почувствовалъ себя дѣйствительно въ гробу, надъ которымъ нависалъ не полукруглый, а видѣлъ крыши сводъ. Послѣ же перваго свиданія съ женой, — свиданія въ темной клѣткѣ съ двумя густыми рѣшетками, которая освѣщалась сверху черезъ рѣшетку же даже днемъ свѣтомъ газоваго рожка,—послѣ свиданія, при которомъ я не только не могъ поцѣловать руку моей жены, а даже не могъ ясно рассмотретьъ черезъ рѣшетки ея лицо,—я впалъ прямо въ отчаяніе.

Пища, которой кормили арестантовъ въ Предварилкѣ, сравнительно съ крѣпостной, показалась на первыхъ порахъ просто отвратительной. Каждое утро отворялась часовъ въ семь утра форточка въ двери и надзиратель произносилъ въ нее: «кипяточку!» Желаніи пить чай подавалъ свою оловянную миску или чайникъ, если имѣлъ таковой, и одинъ изъ двухъ арестантовъ (уголовныхъ), возившихъ по галлереемъ огромный котелъ съ кипяткомъ, наполняя поданную посуду. Кто имѣлъ чай, заваривалъ и пилъ чай, кто не имѣлъ, обходился кипяткомъ. На день полагалось три фунта чернаго хлѣба; на обѣдъ давалась миска щей или супа, куда опускалась столовая ложка рѣзаннаго кусочками варенаго мяса, а затѣмъ—каша гречневая или пшенная. Вечеромъ опять кипяточекъ. На первыхъ дняхъ мнѣ не успѣли еще доставить денегъ съ воли, и я не зналъ, кромѣ того, возможно ли въ Предварилкѣ имѣть свои деньги,—поэтому былъ безъ чаю и сидѣлъ на казенной пищѣ. Отвратительный черныи хлѣбъ, много хуже крѣпостного, вызывалъ у меня мучительную изжогу, что еще больше угнетало меня и вгоняло въ меланхолію.

Но это состояніе длилось недолго. Уже черезъ недѣлю пребыванія въ Предварилкѣ я увидѣлъ, что она заключаетъ въ себѣ много такого, что дѣлало ее неизмѣримо цѣннѣе, съ моей точки зрѣнія, Петропавловки. Правда, камера была куда болѣе похожа на гробъ, чѣмъ крѣпостная, но я въ ней болѣе признаваемъ болѣе человѣкомъ, чѣмъ въ крѣпости: я сидѣлъ въ этой камерѣ въ своей одеждѣ и въ своемъ бѣльѣ, а не въ арестантскомъ; я имѣлъ свой чайникъ, свой стаканъ или кружку; я имѣлъ у себя свое маленькое хозяйство. Хотя газъ гасился въ 9 часовъ вечера, но я имѣлъ право купить свои свѣчи и сидѣть хотя до утра; я имѣлъ право не только читать книги, но и писать, такъ какъ по правиламъ

Предварилки заключенный могъ имѣть письменныя принадлежности въ камерѣ—перо, карандашъ, чернила, бумагу (эту послѣднюю считомъ, въ тетради, пронумерованной и скрѣпленной подписью кого либо изъ начальниковъ тюремныхъ). На свои деньги могъ заказывать обѣдъ у тюремнаго повара, могъ выписывать черезъ надзирателя всякую снѣдь, а съ разрѣшенія доктора даже могъ имѣть въ камерѣ виноградное вино.

Съ воли для заключеннаго могли приносить и книги, и одежду, и всякія угощенія.

Но всего важнѣе была полная возможность сношенія съ товарищами и сношенія съ волей! Было еще удобство, каковаго въ крѣпости не было, это возможность посѣщать церковь, гдѣ государственныхъ преступниковъ вводили въ особыя клѣтушки, изъ которыхъ они черезъ небольшое, менѣе полчетверти въ квадратѣ, отверстіе съ рѣшеткой, могли созерцать, что происходило въ храмѣ. Такъ какъ стѣнки этихъ клѣтушекъ были очень тонки, и хорошии гвоздемъ ихъ можно было легко пробурить, то это давало возможность намъ, пришедшимъ въ церковь, поговорить и пошептаться другъ съ другомъ; а изъ нѣкоторыхъ клѣтушекъ черезъ отверстіе можно было видѣть — при ввѣдѣ въ церковь и выводѣ изъ нея,—товарища, видѣть, правда, на мгновение, но и это давало большую отраду.

Однажды, въ то время, когда подкатилъ къ моей камерѣ котель съ супомъ и я, получивъ мясо, подавъ въ форточку свою миску для супа,—молодой арестантъ, наливъ мнѣ супу, и пользуясь тѣмъ, что надзиратель отошелъ къ сосѣдней камерѣ съ другимъ арестантомъ, раздѣлявшимъ мясо, бросилъ мнѣ черезъ открытую еще форточку бумажный шарикъ, шелкнувъ ловко пальцами и произнеся, почему-то, «баронъ Фитингофъ!»

Я моментально поднялъ шарикъ, и какъ только закрылась форточка, я развернулъ его; это была записка отъ моего любимаго друга Тигрыча, (т. е. Льва Тихомирова). Писаль онъ пока немного, но указывалъ на возможность пользоваться арестантникомъ при подачѣ киятки, обѣда или щетки съ воскомъ для натирания асфальтоваго пола камеры, что должны были дѣлать сами заключенные. Впрочемъ, арестантниками мы пользовались весьма недолго, такъ какъ ихъ смѣняли постоянно другіе, но за то среди младшихъ надзирателей оказались истинные наши друзья и истинные наши благодѣтели. Они не только передавали записки изъ камеры въ камеру, но носили записки и на волю, конечно, за это имъ платили.

Хотя нѣкоторые изъ нихъ, какъ напр. Фасюра и морякъ Мельниковъ, совершали это безкорыстно, они отъ всякой платы рѣшительно отказывались.

Все таки, несмотря на значительныя облегченія по сравненію съ крѣпостнымъ режимомъ, тоска въ концѣ концовъ вдвоялась въ душу и иногда бывали дни, когда рѣшительно не зналъ, куда себя дѣвать. Все надоѣдало до невозможности... И это тягостное состоя-

ніе все чаще и все больше овлаждало душой въ первый день пребыванія въ Предварилкѣ. Но съ наступленіемъ 77 года въ Предварилкѣ совершилось много такого, что значительно оживило заключенныхъ. Мы пережили неожиданныя и крупныя событія, хотя и съ довольно трагическимъ характеромъ.

XXIV.

Въ 1876 году въ Предварилкѣ были совершены два покушенія на побѣгъ.

Я расскажу ихъ такъ, какъ я ихъ помню, хотя легко можетъ быть, что въ частностяхъ я буду ошибаться. Надѣюсь, что меня поправятъ тѣ товарищи по заключенію, которые помнятъ эти событія лучше.

Выше я сказалъ, что между младшими надзирателями Предварилки у насъ были истинные друзья; съ ихъ помощью, по инициативѣ двухъ выдающихся въ революціонной средѣ людей: Сергѣя Ковалика и Порфирія Войнаральскаго, были устроены двѣ попытки бѣгства.

Чтобы можно было осуществить затѣянное, надо было выполнить нѣсколько предварительныхъ условий.

Всѣхъ галлерей съ одиночными камерами было шесть, и четыре изъ нихъ составляли одинъ ярусъ, а двѣ—другой, отдѣлявшійся отъ перваго яруса потолкомъ.

Оказалось, что третья галлерей перваго яруса упиралась своимъ балкономъ въ наружную стѣну Предварилки, въ ту стѣну, огромныя матовыя окна которой выходили на улицу (или на Шпалерную, или на Киронную,—забылъ). При этомъ балконъ оканчивался какъ разъ подъ однимъ изъ этихъ оконъ. Оно было створчатымъ и запиралось на замокъ, ключъ отъ котораго находился всегда у дежурнаго старшаго надзирателя. Отъ середины этого же балкона, къ той же стѣнѣ, шло колѣно его, оканчивавшееся площадкой, на которой помѣщается столъ и стулъ. Это—мѣстопребываніе дежурнаго старшаго надзирателя. Надъ столомъ его висѣли крупныя стѣнные часы; сюда былъ проведенъ электрической звонокъ изъ конторы, гдѣ пребывали дежурные помощники управляющаго Д. П. Закл. Тутъ же всю ночь горѣлъ газовый рожокъ; тутъ же дежурный старшій надзиратель (ихъ было два въ 1-мъ ярусѣ и 2 во второмъ) дремалъ по ночамъ на своемъ стулѣ, въ упованіи, что одинъ изъ неспавшихъ троихъ младшихъ надзирателей всегда успѣетъ его разбудить, въ случаѣ появленія начальства.

На означенное окно обратилъ свое вниманіе Коваликъ, сидѣвшій на третьей галлерей и сообщилъ запиской о своемъ открытіи своему приятелю Войнаральскому. У этихъ двухъ энергичнѣйшихъ дѣятелей среди агитаторовъ 1874 года тотчасъ же зародилась мысль устроить побѣгъ. Съ помощью двухъ надзирателей—Баранова на третьей галлерей, и Иванова на четвертой (изъ жандармовъ и котораго

мы съ любовью звали «наше золото») они обсудили обстоятельно, какъ осуществить эту мысль.

Для этого надо было, во 1-хъ, украсть у старшаго надзирателя ключъ, которымъ онъ запиралъ камеры съ государственными преступниками; дѣло въ томъ, что ключемъ младшихъ надзирателей можно было отпереть только тѣ камеры, которыя ручкой приделанной къ замку были заперты на два взвода; камеры же съ государственными преступниками запирались еще старшимъ надзирателемъ съ помощью особаго ключа на третій взводъ и могли быть отперты только этимъ ключемъ. Ключъ этотъ всегда хранился у старшаго надзирателя и только старшій надзиратель отпиралъ наши камеры. Нужно было, слѣдовательно, ловко стибрить у старшаго надзирателя ключъ, снять съ него восковой слѣпокъ и заказать по немъ на волѣ соответствующій ключъ. Всей душой сочувствовавшей Ковалику и Войнаральскому и очень ловкій надзиратель Барановъ взялся обдѣлать это и обдѣлалъ самымъ превосходнымъ образомъ. Ключъ былъ готовъ и переданъ Войнаральскому, такъ какъ онъ въ качествѣ больнаго пользовался льготой имѣть форточку въ двери открытой день и ночь, для большей вентиляции и большаго доступа воздуха изъ корридора. Высунувши руку изъ форточки, было легко отпереть ключомъ камеру.

Во 2-хъ, надо было отобрать у старшаго надзирателя еще и ключъ отъ створчатаго окна на улицу, къ которому подходила колѣнкомъ третья галлерей.

Въ 3-хъ, надо было усыпить въ ночь побѣга снотворнымъ снадобьемъ дежурнаго старшаго надзирателя и младшаго надзирателя 2 галлерей (на 1-й галлерей тогда не было надзирателя, такъ какъ тамъ не сажали заключенныхъ, вслѣдствіе полной непригодности камеръ для жилья). Барановъ выполнить и эти два условия.

Коваликъ и Войнаральскій, подготовивъ все для побѣга, не хотѣли воспользоваться возможностью ѣхать только для себя,—а предложили еще нѣсколькимъ товарищамъ. Пожелали принять участіе въ побѣгѣ Кротокинъ, сильно захирѣвшій въ тюрьмѣ, Волховскій, тоже то и дѣло болѣвшій, Тихомировъ, Шишко и Чарушинъ. Не помню—были ли еще участники въ этомъ. Весьма возможно, что въ числѣ ихъ былъ еще и Муравскій.

Въ одну изъ ночей, когда на четвертой галлерей былъ Ивановъ, а на третьей Барановъ, когда пробило два часа, Войнаральскій отперъ своимъ ключемъ камеру черезъ форточку. Я, зная о совершившемся, сидѣлъ близъ своей открытой форточки и съ замيرانіемъ сердца въ темнотѣ своей камеры ждалъ исхода затѣяннаго предприятия.

Войнаральскій прошелъ по четвертой галлерей къ камерамъ Волховскаго, Тихомирова и Чарушина; спустившись въ 3 галлерей выпустили Ковалика и Шишко, со 2 галлерей выпустили Кротокина. Затѣмъ вся компанія сгрудилась на площадкѣ третьей галлерей подъ завѣтнымъ окномъ. Уже его открыли, уже стали укрѣплять веревки изъ полосъ простыни за перила галлерей... На своей

площадкѣ спалъ на стулѣ подъ газovýmъ рожкомъ старшій надзиратель Ефимовъ, угоненный снотворнымъ снадобьемъ. Вдругъ я слышу,—мимо моей камеры пробѣжалъ шепча довольно ясно русское ругательство «Наше золото». Очевидно, что-то стряслось! Дѣйствительно стряслось: Ефимовъ неожиданно проснулся, и такъ какъ съ его площадки превосходно была видна площадка, гдѣ столпились бѣгуны, то онъ сразу увидѣлъ неподходящую тамъ компанію и бросился туда со всѣхъ ногъ. Дѣло сорвалось. На подмогу къ бѣгунамъ ринулись Павловъ и Барановъ и стали урезонивать Ефимова не поднимать тревоги. Кое какъ уломали его, правда, съ условіемъ заплатить ему за молчаніе 500 руб. съ ругательствомъ Баранова и Иванова и съ условіемъ, чтобы всѣ вышедше изъ камеръ возвратились туда обратно, что съ горькимъ чувствомъ и пришлое выполнить.

Ефимовъ всѣхъ ихъ вновь заперъ своимъ ключемъ, но почему-то не смекнулъ отобрать поддѣльный ключъ, и онъ остался у Войнаральскаго.

По полученіи на волѣ отъ жены Войнаральскаго 500 р., Ефимовъ недѣли черезъ полторы уволился отъ службы въ д. пр. закл. Черезъ недѣли двѣ-три ушелъ изъ д. п. з. и «наше золото». Но Барановъ остался и какъ ни въ чемъ не бывало продолжалъ надзирательствовать на третьей галлерей и носить записки на волю. На мѣсто Иванова на четвертой галлерей поступилъ молодой надзиратель Ерофеевъ, сразу вступившій съ нами въ дружественныя отношенія, хотя объ устройствѣ побѣга кого-либо изъ насъ не дерзалъ и думать. На третьей галлерей вторымъ надзирателемъ, кромѣ Баранова, поступилъ новый, молодой, бравый морякъ Мельниковъ, развитый и уже сильно задѣтый «тлетворнымъ» духомъ. И онъ не замедлил вступить въ дружескія отношенія съ политическими.

Такимъ образомъ, на первыхъ четырехъ галлерейхъ половина младшихъ надзирателей были приятели «политиковъ». Они носили записки на волю, передавали записки, книги и пр. изъ камеры въ камеру.

Изъ четырехъ старшихъ надзирателей, только одинъ маленькій, сѣдой, усаый Даниловъ—въ 5 и 6 галлерей,—передавалъ записки отъ заключеннаго къ заключенному, за что мы выписывали ему табакъ и чай,—остальные были суцья собаки,—шпіоны, наушники передъ начальствомъ, старавшіеся и сами изображать изъ себя маленькихъ помазанниковъ божіихъ.

Такъ какъ поддѣльный ключъ остался въ рукахъ Войнаральскаго, а на третьей галлерей оставался Барановъ, то неутомонные Коваликъ и Войнаральскій не могли успокоиться и не сдѣлать еще попытки ѣхать.

Дѣйствительно Барановъ вновь взялся отпереть завѣтное окно и усыпить кого надо. И вотъ, какъ кажется, въ апрѣлѣ 1876 года (хотя можетъ быть я ошибаюсь), въ одну прекрасную ночь Войнаральскій и Коваликъ вышли изъ камеръ, подошли къ окну третьей галлерей и Коваликъ прелбагополучно спустился на панель улицы, зашелъ за уголь и сталъ поджидать товарища.

Сталь спускаться Войнаральской, но не достигнувсажени полторы до земли, принужденъ былъ оторваться отъ веревки и, подвернувъ при этомъ ступню, хромая сбѣжигъ за уголъ. Дѣло въ томъ, что въ тотъ моментъ, какъ фигура Войнаральскаго скользянула по веревкѣ вдоль стѣны, въ улицу выѣхала извозчья пролетка, на которой ѣхаль съ вечерки подвыпившій офицеръ Чечулинъ. Какъ только онъ увидалъ спускающуюся изъ окна тюрьмы фигуру, онъ поднялъ тревогу, зова городового. Раздался свистокъ, появились еще городовые и по указанію Чечулина бросились за уголъ, куда скрылся Войнаральскій, присоединившійся уже къ Ковалику. И, конечно, ихъ рабовъ божіихъ поймали и вмѣстѣ съ Чечулинымъ они очутились въ полицейскомъ участкѣ, гдѣ къ великому своему отчаянію Чечулинъ узналъ въ одномъ изъ бѣгуновъ своего хорошаго знакомаго Войнаральскаго! Говорили потомъ, что бѣдный Чечулинъ чуть съ ума не сошелъ отъ горя и сознанія того, что онъ былъ причиною поимки двухъ государственныхъ преступниковъ. Ковалика и Войнаральскаго привезли вновь въ д. пр. заключенія, но очень скоро перевели ихъ въ Петропавловку.

Вслѣдствіе этого побѣга, надзиратели Ерофеевъ и Мельниковъ, дежурившіе въ 12 часовъ въ ночь побѣга, были арестованы по подозрѣнію въ устройствѣ этого побѣга и изъ нашихъ сторожей были превращены въ нашихъ товарищей по заключенію. Ихъ посадили въ одиночныя камеры д. п. з. Ерофеевъ былъ этимъ обстоятельствомъ довольно удрученъ; Мельниковъ же по прежнему былъ здоровъ и веселъ. Конечно, мы дѣлали всевозможное, чтобы смягчить ихъ участь: съ воли наши дамы, истинныя благодѣтельницы всѣхъ тогда заключенныхъ въ д. п. з., приносили имъ и деньги, и угощенія,—и мы дѣлились съ ними всѣмъ, чѣмъ могли. Мы обучили ихъ перестукиванью, привлекли ихъ въ свои, уже тогда функционировавшіе клубы.

Продержавъ въ заключеніи не болѣе полугодя, ихъ освободили, не привлекая ни къ какой отвѣтственности, такъ какъ никакихъ доказательствъ ихъ участія въ устройствѣ побѣга обнаружено не было, ибо, и дѣйствительно, они объ побѣгѣ ровнехонько ничего не знали.

Все устраивавшій и все знавшій Барановъ прѣблагополучно оставался надзирателемъ и только послѣ второго побѣга онъ вскорѣ перепосылся надзирателемъ въ общія камеры, гдѣ я видѣлъ его еще осенью 1877 года.

XXV.

За демонстрацію 6 декабря 1876 года на площади Казанскаго собора, въ числѣ другихъ былъ арестованъ и осужденъ на 15 лѣтъ каторги—Боголюбовъ¹⁾. Съ его именемъ связана такъ называемая «треповская исторія», съ которой въ свою очередь связанъ знаменитый процессъ Вѣры Засуличъ.

¹⁾ Емельяновъ.

Треповская исторія разыгралась въ Предварилкѣ въ 1877 году лѣтомъ, уже не только послѣ осужденія, но и утвержденія приговора надъ «декабристами», которые оставались пока въ Предварилкѣ, ожидая съ часу на часъ перевода ихъ въ Литовскій замокъ для отправки въ Сибирь или въ одну изъ харьковскихъ централокъ.

Чтобы ясно представить себѣ все происшедшее во время треповской исторіи, надо познакомиться съ порядками, существовавшими въ д. п. з. и прежде всего съ его устройствомъ.

Д. пр. закл.—это неправильный многоугольникъ. Устроенъ онъ такъ, что стѣны корпуса его замыкаютъ собою довольно обширную площадку; это его дворъ, изъ котораго можно было выйти на улицу черезъ одну только арку съ воротами. На этотъ дворъ выходили окна одиночныхъ камеръ всѣхъ шести галлерей и окна камеры общихъ, а также и окна конторы и лазарета съ одиночными камерами. Посреди двора была воздвигнута невысокая башня, отъ которой, какъ отъ центра, были расположены по радіусамъ своеобразныя камеры, узкія у входа ихъ и расширяющіяся къ окружающей. Узкая часть такой камеры заключала въ себѣ дверь, черезъ которую выпускали узника, а широкая—была рѣшетчатая; по бокамъ же были стѣны глухія. Крыши эти камеры не имѣли, и стоявшій на башenkѣ, словно пожарный на каланчѣ, надзиратель, могъ обозрѣвать камеры и могъ видѣть, что дѣлалось внутри ихъ. Мы называли эти камеры—«загонами». Загоны служили мѣстомъ прогулки для заключенныхъ въ одиночныя камеры и, главнымъ образомъ, для государственныхъ преступниковъ, которыхъ никогда въ общія камеры не садили и которые, поэтому, общими прогулками по правиламъ тюрьмы не пользовались.

Такъ какъ большинство одиночныхъ камеръ было занято государственными преступниками, главнымъ образомъ, тѣми, которые привлекались по нашему процессу (193-хъ) и которые просидѣли въ одиночкахъ въ ожиданіи суда очень долго (я, Тихомировъ и Стаховскій сидѣли съ конца 1873 г., другіе съ начала и со середины 1874 г. за малыми исключениями), то мы, заключенные, считали себя вправѣ перестать покоряться арестантской инстинкціи. Это наше непокорство Леонидъ Дическуло выразилъ въ такой краткой формулѣ: «насъ законопачиваютъ, а мы расконопачиваемся!» И мы, дѣйствительно, начали расконопачиваться по всѣмъ направленіямъ.

Прежде всего мы нарушили строгое тюремное предписаніе—не разговаривать другъ съ другомъ, и къ перестукиванью мы присоединили—«клубы».

Со стороны эти клубы могли бы показаться не особенно интересными мѣстами, но для людей лишенныхъ въ продолженіи цѣлыхъ годовъ права и возможности разговаривать съ близкими сердцу друзьями и товарищами по «неволѣ» и по дѣлу, клубы представляли нѣчто столь привлекательное, милое и драгоцѣнное, что открытіе ихъ влило въ замирающая отъ тоски сердца и души благодатную струю жизни и отрады.

Съ 6-го этажа до первого шли трубы; по обѣ стороны каждой трубы располагались стульчаки, колѣна которыхъ вливались въ трубу. Открывши крышку стульчака, и промывъ его раковину водою, каждая 12-ть одиночныхъ камеръ могли безпрепятственно разговаривать. Мы этимъ воспользовались, и вотъ группа товарищей, могшихъ разговаривать по одну и ту же трубу — составляла одинъ клубъ, другая такая группа — другой клубъ и т. д.

Такимъ образомъ, разговоръ производился съ помощью перестукиванья и съ помощью трубъ въ клубахъ. Такой установившейся у насъ порядкомъ былъ воспѣтъ Дмитріемъ Ивановичемъ Соловьевымъ, бывшимъ нѣкогда редакторомъ издававшегося въ 70-хъ годахъ небольшого журнальчика «Сіаніе» (насколько помнится — иллюстрированного). Это стихотвореніе онъ прислалъ мнѣ черезъ надзирателя, за подписью — «маркизъ Донъ-Капустосъ». Къ сожалѣнію, память моя сохранила только два куплета изъ этого острого стихотворенія, которые тутъ и привожу.

Стукъ по стѣнамъ... стукъ по трубамъ...
Нѣмой разговоръ...
Засѣданія по клубамъ...
Въ воздухѣ — топоры!..
Жизнь безъ дѣла и движенія.
Въ камерѣ морозъ...
И желудка несваренье...
И.....

Стихотвореніе это — очевидная пародія на Фетовское «Шопоть, робкое дыханье, трели соловья»...

Учрежденіе «клубовъ» было крупнѣйшимъ нарушеніемъ тюремныхъ правилъ, — но начальство сразу же опѣшило, сообразивъ, что съ «симъ зломъ» ему рѣшительно ничего не подѣлать. Заключенныхъ сотни и слѣдовательно сотни соклубистовъ, — не хватить надзирателей для прекращенія засѣданій по камернымъ клубамъ, тѣмъ болѣе, что засѣданія открывались преимущественно по вечерамъ, послѣ ужина, когда гасилась газъ и надзиратели ослабѣвали въ своей бдительности, одолѣваемые сномъ отъ скуки и безсмысленнаго торчанія на галлерѣхъ.

Такъ какъ бороться съ клубами было физически невозможно, то внутренняя администрація Предварилки, поерепеннившись сначала, вскорѣ махнула на клубы рукой и молча признала фактъ ихъ существованія.

Второе крупное нарушеніе тюремной инструкціи проявили мы въ томъ, что поотвинчивали тяжелыя оконныя желѣзныя рамы и поносили ихъ долей. Это давало намъ возможность не только разговаривать другъ съ другомъ, сидя на подоконникахъ, но, что всего отраднѣе было для насъ, мы могли видѣть многихъ изъ товарищей! Въ открытыя окна мы могли слушать пѣніе, — а у насъ были хорошіе пѣвцы — Бенецкій, Жебуневъ Сергѣй, Соловьевъ, Поповъ и др., при слушаньи мы могли прослушать вдохновенную рѣчь Мышкина.

И съ этимъ зломъ тюремная администрація подѣлать ничего не могла.

Заключенные днемъ снимали рамы, а на ночь снова ставили ихъ на мѣсто, вволюшку наиздѣвавшись и вдосталь наговорившись другъ съ другомъ.

Изъ окна былъ виденъ весь дворъ и башенка съ загонами, гдѣ, какъ въ клѣткахъ звѣрица звѣри, такъ гуляли товарищи, съ которыми можно было перемахиваться (вмѣсто перестукиванья), а сидѣвшимъ внизу можно было даже перекидываться фразами.

Третье нарушеніе тюремной инструкціи заключалось въ томъ, что мы, открывъ окно, позаволили такъ называемыхъ у насъ — «коней». «Кони» это шуруки, изъ мотауза, которые мы провели изъ окна въ окно, отъ сосѣда къ сосѣду и внизъ, и въ бокъ. Съ помощью этихъ коней мы могли передавать товарищамъ рѣшительно все и записки, и книги, и угощенья, получаемыя съ воли, и одежду.

Съ «конями» начальство повело сначала упорную борьбу. Оно посылало сторожей съ огромными пожарными лѣстницами обрывать «коней» крючками; во время отсутствія заключеннаго, надзиратели входили въ камеру и уничтожали коней.

Но на мѣсто сорванныхъ «коней» появлялись новыя и на глазахъ у начальства, созерцаваго дѣянія заключенныхъ изъ оконъ канцелярїи, мы преспокойно продолжали пересылать на «коняхъ» не только мелкія вещицы, но и штаны, и сапоги.

Эло нарушенія инструкціи начинало принимать въ глазахъ начальства слишкомъ большіе размѣры; у него начала накапливаться досада, но чаша его терпѣнія переполнилась, когда ко всѣмъ указаннымъ выше нарушеніямъ инструкціи мы присоединили новое.

Обыкновенно, мы покорно гуляли въ загонахъ. Загоновъ было 17-ть, но въ загоны выводили гулять одновременно не однихъ государств. преступниковъ, а и уголовныхъ арестантовъ, сидѣвшихъ въ одиночкахъ, пока шло слѣдствіе по ихъ дѣламъ. Уголовныхъ разсаживали по загонамъ такъ, чтобы они раздѣляли другъ отъ друга государственныхъ и чтобы послѣдніе не могли во время прогулки перестукиваться и разговаривать, черезъ тонкія стѣнки загоновъ. Въ одинъ разъ на прогулкѣ въ загонахъ находилось 9 государственныхъ и 8 уголовныхъ.

Мы смекнули, что стоитъ намъ перелѣзть черезъ рѣшетку загона во дворъ Предварилки и мы будемъ гулять вмѣстѣ, всѣ 9-ть, по этому двору, а не бѣгать взадъ и впередъ въ одиночку по короткому загому. Мы могли бы тогда не только издали видѣть другъ друга, но и пожать руку, и обнять другъ друга и посмотреть другъ другу съ любовью въ дружескія очи. Мы и стали поступать такъ: каждый изъ насъ по одиночкѣ надзиратель выводилъ изъ камеры, впускалъ въ загоны и заиралъ дверь загона на засовъ. Затѣмъ, мы всѣ девять гуляющихъ преспокойно перелѣзали черезъ рѣшетку загона и начинали гулять вмѣстѣ. Надзиратель, стоявшій на башенкѣ, сладить съ 9 человѣками не могъ; начальство, въ лицѣ того

или другого дежурного помощника управляющего Д. П. Зак., приходило, увѣщивало, грозило взасканіями,—но все это ни къ чему не приводило: 9-ть человекъ гуляли вмѣстѣ положенныя имъ для прогулки двадцать минутъ и возвращались спокойно въ свои камеры.

Въ концѣ концовъ, какъ намъ казалось, начальство примирилось и съ этимъ зломъ. Надзиратели просили насъ только, чтобы мы заходили въ загоны, а тамъ, молъ, какъ знаете. Мы такъ и сдѣлали: въ загоны заходили, насъ надзиратели запирали, а потомъ мы перелѣзали во дворъ.

Дѣло шло довольно мирно, пока управляющимъ Д. П. З. былъ полковникъ Ѳедоровъ, человекъ, какъ кажется, довольно добродышечный. Но онъ, къ несчастью, дѣломъ отправился въ отпускъ, а его временно замѣстил Курнѣевъ, изъ питерскихъ полицейскихъ. Онъ тотчасъ же доложилъ о найденныхъ имъ безпорядкахъ въ Д. П. З. градоначальнику Трепову, подъ главнымъ завѣдываніемъ котораго находился Д. П. З.

И вотъ, утромъ, въ одинъ изъ лѣтнихъ дней 1877 года (въ іюль или іуль), когда многіе изъ насъ, а въ томъ числѣ и я, сидѣли на подоконникахъ, а въ загоны была введена партія товарищей, въ которой былъ и Боголюбовъ, вошелъ во дворъ въ сопровожденіи Курнѣева и надзирателей — самъ Треповъ, въ сѣромъ генеральскомъ пальто на опашку.

Въ это время, какъ входилъ Треповъ, почти всѣ гулявшіе въ загонахъ товарищи успѣли уже перелѣзть во дворъ, и только одинъ, почтенный по наружности и спокойствію нрава Кадьяничъ флегматично перелѣзалъ черезъ рѣшетку загона.

Треповъ остановился. Кадьяничъ спокойно опустился на землю и подошелъ къ остальнымъ товарищамъ по прогулкѣ. Нѣсколько въ сторонѣ отъ остальныхъ товарищей стоялъ Боголюбовъ.

Когда генераль вмѣстѣ съ Курнѣевымъ проходили мимо гуляющихъ, всѣ, а въ томъ числѣ и Боголюбовъ, поклонились ему, приподнявъ шляпы. Треповъ прошелъ дальше по двору. Курнѣевъ на ходу негромко что-то докладывалъ ему. Надо полагать, объяснялъ ему—кто былъ въ числѣ гуляющихъ, и конечно, объяснилъ ему при этомъ, что поодаль отъ остальныхъ стоявшихъ Боголюбовъ уже осужденъ и приговоренъ къ каторгѣ. Я говорю, что надо полагать, что именно было такое указаніе на Боголюбова, такъ какъ генераль, какъ только выслушалъ то, что докладывалъ ему Курнѣевъ, быстро повернулся и прямо направился къ Боголюбову.

— „Ты какъ смѣешь стоять предо мною въ шапкѣ!“ крикнулъ во весь голосъ Треповъ, и не успѣвъ Боголюбовъ опомниться отъ совершенно неожиданнаго наскока, какъ Треповъ съ крикомъ „шапку долой!“ размахнулся правой рукой съ цѣлью сбить съ Боголюбова шапку. Ударилъ-ли онъ Боголюбова по головѣ, или Боголюбовъ, инстинктивно увертываясь отъ удара, взмахнулъ въ сторону головой, но во всякомъ разѣ шапка съ головы Боголюбова слетѣла.

Сидѣвшіе въ это время на окнахъ товарищи видѣли эту сцену, слышали крики Трепова, многимъ показалось, что Треповъ Боголюбова ударилъ, и всѣ они, какъ по электрическому току, крикнули въ одинъ разъ: „Палачъ! мерзавецъ Треповъ! Вонъ подлецъ!“ Всѣ, сидѣвшіе спокойно въ камерахъ, услыхавъ неистовый крикъ товарищей, бросились къ окнамъ и, узнавъ въ чемъ дѣло, присоединились къ бунту. Крикъ сотенъ голосовъ, стукъ въ желѣзные наружные подоконники,—шумъ былъ небообразимый.

Треповъ стоялъ во дворѣ и безсильно металъ злобные взгляды на всѣ шесть этажей Предварилки. И когда шумъ нѣсколько стихъ, Треповъ крикнулъ Курнѣева, указывая на Боголюбова: „Увести его и выпоротъ.“ Боголюбова подхватили два надзирателя, одинъ изъ которыхъ по росту подходилъ Боголюбову подъ локоть только,— и увели его. Вслѣдъ за нимъ удалился Треповъ съ Курнѣевымъ.

Въ Предварилкѣ поднялся сухой адъ. Около трехсотъ сидѣвшихъ въ одиночныхъ камерахъ подняли стукъ въ подоконники и въ двери камеръ. Въ двери, обитыя желѣзомъ, били тяжелыми рамами.

Минутъ черезъ двадцать-тридцать явился вновь во дворъ Курнѣевъ и нагло сообщилъ сидѣвшимъ во 2-й галереѣ, что Боголюбова выпоролъ. Ему дѣйствительно дали 13 ударовъ розгами.

Послѣ этого извѣстія поднялся новый взрывъ неистовствъ. Кричали, били оловянной посудой въ желѣзные подоконники, били рамами въ двери, ломали у кого хватало силы все, что только могло быть исковеркано и изломано въ камерахъ. Тогда Треповъ выслалъ на заключенныхъ въ одиночныхъ камерахъ отрядъ городовыхъ.

Поснимавъ съ груди свои номера, городовые подъ предводительствомъ помощниковъ управляющаго Куриленка, Кутайсова и Константиновскаго и трехъ старшихъ надзирателей ходили по всѣмъ галереямъ. Гдѣ раздавался стукъ въ то время, какъ они подходили, та камера отпиралась помощниками или надзирателями, свора городовыхъ врвалась въ камеру, и начиналось битье и топтанье ногами заключеннаго. Избитаго выволакивали изъ камеры и тащили въ карцеръ. Нѣкоторые пострадали очень сильно. Такъ, арестованный по нашему дѣлу Петропавловскій (Каронинъ) былъ избитъ городовыми, которыми предводительствовалъ Куриленко, и этотъ послѣдній билъ избѣтнаго писателя по головѣ коробокъ съ камерными ключами, когда его вталкивали въ карцеръ. Рабочаго Ковалева по процессу 50-ти избили жестоко, ставивъ его съ подоконника, на который онъ вскочилъ, какъ только свора городовыхъ появилась на порогѣ его камеры. Онъ ухватился руками за желѣзную рѣшетку окна и крикнулъ товарищамъ: «братцы! бьютъ!»

Его ухватили городовые за ноги и стали рвать внизъ; руки Ковалева не выдержали и онъ съ высоты подоконника свалился лицомъ на раковину умывальника и потомъ на полъ, гдѣ его избивали такъ, что изъ карцера, куда его уволокли, его въ тотъ же

день перевели в лазарет, где он и пролежал больше недели. Избили и хвораго в то время Волховскаго. Вѣчный труженник, не могшій, кажется, и часу пробить безъ работы, онъ постоянно хворалъ, въ особенности головными болями, и въ нѣкоторые дни къ этимъ болямъ присоединялась абсолютная глухота, такъ что съ нимъ ни говорить, ни перестукиваться нельзя было. Въ послѣднее время передъ треповской исторіей онъ сидѣлъ въ самой угловой камерѣ 4 галлерей и былъ на положеніи больного и, если не помѣшанъ былъ въ лазаретъ, то лишь потому, что въ лазаретѣ одиночныя камеры всѣ были заняты.

День треповской исторіи—былъ однимъ изъ дней абсолютной глухоты для Волховскаго; онъ ничего не слышалъ, лежалъ хворый и читалъ. Что-то ему понадобилось отъ надзирателя и онъ позволилъ. Въ Предварилкѣ позвонить можно было только разъ, причѣмъ изъ стѣны у двери выскакивала дугообразная желѣзная пластинка, по которой ходившій по галлерѣ надзиратель и узнавалъ, изъ какой камеры звонили.

Такъ какъ надзиратель зачастую почему-либо звяканья выпадающей пластинки не слышалъ и по галлерѣ не прохаживался, а гдѣ-нибудь сидѣлъ или бесѣдовалъ съ надзирателемъ же или заключеннымъ, то, чтобы привлечь наконецъ вниманіе надзирателя, позвонившій заключенный начиналъ стучать ногой въ дверь. Такъ случилось и на этотъ разъ. Позвонивъ и подождавши нѣкоторое время, но видя, что надзиратель не идетъ, Волховскій, по обычаю, сталъ стучать ногой въ дверь. Какъ на грѣхъ въ это время въ томъ концѣ галлерей, гдѣ былъ Волховскій, проходилъ отрядъ городовыхъ подъ предводительствомъ помощн. управл. Кутайсова. Услыхавъ стукъ въ камерѣ Волховскаго, не взирая на то, что Волховскій былъ на положеніи больного, о чемъ Кутайсовъ не могъ не знать, онъ впустилъ въ его камеру городовыхъ. Изумленнаго Волховскаго, ничего не вѣдаващаго, что происходило вокругъ, больного и на этотъ разъ глухого, схватили городовые за руки и поволокли въ карцеръ и пока вели въ карцеръ, били его по большой головѣ своими кулачками. Мнѣ потомъ этотъ золотой и рѣдкій по душѣ человекъ рассказывалъ: «И бьютъ-то, вѣдь, подлецы непременно по головѣ,—словно это ни на что негодная для человека посуда!»

Меня не побили только потому, что въ тотъ моментъ, какъ проходили городовые по галлерѣ, я, уставши отъ взмаховъ тяжелой желѣзной рамой при стучаньи въ дверь, въ которой я попортилъ и оконце, и форточку, и желѣзную обивку, сидѣлъ на кровати и едва могъ отдышаться. Мой же сосѣдъ, рабочій Семеновъ, только что отдохнувшій и принявшійся за стукъ, былъ избитъ и заточенъ въ карцеръ.

Въ этотъ день мы ничего не ѣли съ утренняго чая,—и не потому только, что не до ѣды было, а и потому, что къ нашимъ камерамъ обѣда и кипятка не «подкатывали», такъ какъ надзиратели боялись подходить къ камерамъ, по крайней мѣрѣ, тѣ изъ

нихъ, которые не были нашими друзьями. Мы бунтовали до вечера.

Это былъ день, въ который приходили къ намъ на свиданья родные и знакомые. Свиданья въ это время давались не только съ родными, но и со знакомыми; такъ Говоруха-Отрокъ имѣлъ свиданья съ Михайловскимъ, Тихомировъ съ Соней Перовской, числившейся тогда его невѣстой. Свиданья давались уже прямо въ камерѣ безъ всякихъ свидѣтелей и по нѣскольку часовъ подрядъ.

Пришедше въ этотъ день на свиданье не были допущены и, стоя еще на улицѣ, слышали крикъ, стукъ и гулъ, несшійся изъ Д. Пр. 3. Узнавъ о происходившемъ бунтѣ, они, конечно, способствовали тому, что и вообще объ этомъ узнали въ городѣ.

Вечеромъ товарищи, узнавъ объ ужасномъ положеніи товарищей запертыхъ въ карцеръ,—о Ковалевѣ и Волховскомъ, нуждавшихся въ докторѣ, о кн. Цицановѣ, который очутился въ ужасномъ карцерѣ, гдѣ онъ не только задыхался до обмороковъ, но гдѣ черезъ $\frac{1}{4}$ часа у него на дснахъ появились язвы,—откомандировали меня къ начальству съ требованіемъ освободить товарищей изъ карцеровъ, если не всѣхъ, то хоть больныхъ, а остальныхъ дозволить намъ накормить и напоить; нѣкоторыхъ заключенныхъ томила въ карцерѣ жажда, и имъ подавали воду.

Курнѣва почему-то уже не было, и меня, по заявленію надзирателя, вызвалъ старшій помощникъ управляющаго Д. П. 3.—Бобылевскій, замѣнявшій управляющаго. Я предъявляю ему требование товарищей. Онъ обусловливалъ выпускъ товарищей изъ карцеровъ—прекращеніемъ шума. Я ушелъ, ничего не обѣщавши, такъ какъ товарищи не уполномочивали меня соглашаться на какія бы то ни было условія со стороны начальства.

Вскорѣ, впрочемъ, мы узнали, что Ковалевъ и Цицановъ въ общемъ лазаретѣ и имъ оказана медицинская помощь, и что Волховскій, какъ и другіе товарищи (Голоушевъ, Смирновъ, Петропавловскій, Грачевскій и др.) уже находятся въ своихъ камерахъ.

На другой день мы съ утра подняли снова стукъ и трюкъ. Въ этотъ день я получилъ отъ Муравскаго (по нашему дѣлу) записку, въ которой «дѣдъ», какъ мы его звали (нѣкоторые называли его «отцомъ»), предлагалъ обратиться къ товарищамъ съ совѣтомъ прекратить бесполезный шумъ и перестать бить «неодушевленные предметы», а постараться бить «предметы одушевленные»,—и начать это съ Трепова, а кончить помощниками управляющаго, которые проявили особую ревность при избіеніи заключенныхъ, какъ, напр., Куриленко. Для этого надо было успокоиться на недѣлку, по крайней мѣрѣ, и показать, что все вошло въ свою норму. Затѣмъ, нѣсколько человекъ напишутъ каждый отъ себя, какъ это практиковалось и раньше, заявленія градоначальнику о необходимости улучшенія пищи, или о разрѣшеніи имѣть инструменты для занятія въ камерѣ ремесломъ и т. п. Такъ какъ на такія заявленія Треповъ являлся лично въ Д. П. 3. и заходилъ въ камеру къ подавшему заявленіе для выслушанія личныхъ объясненій, то къ

кому онъ къ первому зайдетъ, тотъ и долженъ неожиданно кинуться на Трепова и чѣмъ попадо и какъ сумѣеть исковеркать его физиономію; послѣ этого начать избіеніе помощниковъ управляющаго. Я нашла планъ Муравскаго довольно подходящимъ и, по соглашенію съ нимъ, послали черезъ коней въ этомъ духѣ записку за его и мою подписью ко всѣмъ товарищамъ. Не помню сейчасъ ясно, наша ли записка подѣйствовала такъ, что тюрьма утихла, или тогда же было получено извѣстіе съ воли, что «партия, выпоровшая товарица прокурора Поскочина», проситъ тюрьму успокоиться, такъ какъ она беретъ на себя отомстить Трепову за его поруганіе надъ Боголюбовымъ и всей тюрьмой. Какъ бы то ни было, наша тюрьма утихла. Но тюремное начальство не утихло. На четвертый или на пятый день послѣ бунта, оно стало обходить камеры, и у кого камеры оказались особенно попорченными въ какомъ бы-то ни было отношеніи, того низводили въ камеры на первую галлерею,—въ камеры полутемныя и сырыя, равносильныя карцерамъ.

Низвели и меня, несмотря на то, что я въ это время числился на положеніи больного. Просидѣвъ двое сутокъ въ сырой съ заплеснѣвшими стѣнами камерѣ, у меня очень сильно разболѣлась правая нога,—въ родѣ ревматизма что-то. Я позвалъ доктора и просилъ, чтобы онъ приказалъ перевести меня, какъ больного, въ сухую камеру. Докторъ съ сожалѣніемъ сказала, что онъ бесцельно это сдѣлать, что теперь тюремная администрація никакими снисхожденіями проявлять не намѣрена, и посоветовала написать заявленіе прокурору окружнаго суда, тоже имѣвшему отношеніе къ Д. П. З., что я и сдѣлалъ. На четвертый день меня вызвали къ т. пр. окр. суду Платонову, который сталъ меня спрашивать о томъ, что я знаю о производяемомъ побойщѣ и о заключенныхъ въ карцерѣ. Все, что я узналъ за это время, я рассказалъ ему весьма охотно, такъ какъ Платоновъ не скрывалъ передо мною своего порицанія и негодованія на поведеніе Трепова и всей тюремной администраціи въ совершившейся исторіи. Тѣмъ не менѣе, меня все таки оставили въ камерѣ 1-й галлерей, ибо по словамъ Платонова—«пока» все дѣло въ рукахъ администраціи, а не судебной власти. Я понялъ, почему помощники управляющаго Константиновскій и Куриленко такъ нагло и хамски-начальственно держали себя въ эти дни.

Наконецъ, день на пятый—шестой сидѣнья на 1-й галлерей, Константиновскій вошелъ въ мою камеру и, насколько могъ любезно, предложилъ мнѣ выбрать любую свободную камеру въ любой галлерей. Я нѣсколько былъ удивленъ; что сей сонъ значитъ? Но воспользовался предложеніемъ и попросился на 6 галлерей, гдѣ сидѣлъ въ это время Тихомировъ, въ сосѣднюю съ нимъ пустую камеру, чтобы поближе быть къ своему любимому другу.

Вся любезность тюремной администраціи на этотъ разъ обяснилась очень скоро тѣмъ, что по дѣлу о треповской исторіи было назначено слѣдствіе, которое и было поручено слѣдователю

по особо важнымъ дѣламъ Книрому. Впрочемъ, слѣдствіе это было прекращено, а дѣло засунуто подъ сукно, и еслибы не Вѣра Засудица, то никогда бы треповская исторія не вылезла на судъ общественный... Но и планъ дѣла Муровскаго не былъ приведенъ нами въ исполненіе, мы не стали избивать «одушевленные» предметы и бунтъ прекратили, такъ какъ съ воли было получено извѣстіе, что за насъ отомстятъ.

Вскорѣ, къ тому же, намъ, привлеченнымъ къ процессу 193-хъ, были вручены обвинительные акты. Съ одной стороны обвинительный актъ вызвалъ, по инициативѣ «дѣда», составленіе опроверженія лжи тамъ нагроможденной, для чего всякій изъ обвиняемыхъ прислалъ «дѣду» свои указанія, въ чемъ составитель акта нагаль; съ другой стороны, актъ побудилъ насъ приступить къ рѣшенію вопроса, какъ держать себя на судѣ. Рѣшено было обратиться на арену ознакомленія общества съ нашими стремленіями и съ тѣмъ, какъ мы дѣйствовали, и явиться обвинителями народныхъ враговъ. Каждый изъ кружковъ, вошедшихъ въ составъ 193-хъ обвиняемыхъ,—чайковцы, киевляне, одеситы, саратовцы и др.—стали съ этою цѣлью готовить рѣчь. Лично я брался за произнесеніе рѣчи отъ кружка чайковцевъ и занялся составленіемъ рѣчи, обдумываніемъ ея, перепиской по поводу ея съ друзьями: Тихомировымъ, Волховскимъ, Стаховскимъ, Купріяновымъ, а на волѣ съ Соней Перовской, которая даже во время процесса не была арестована и на судѣ приходила съ воли.

XXVI.

18-го сентября 1877 года наконецъ-то наступилъ день долгожданнаго суда! Сначала 193-хъ подсудимыхъ выводили въ судъ, засѣдавшій въ зданіи окружнаго суда, всѣхъ вмѣстѣ, такъ что мы занимали не только мѣсто залы, предназначенное для подсудимыхъ, и часть котораго носила у насъ названіе—«гологовъ»; но и всѣ мѣста для публики. Для всей многочисленной стражи нашей мѣста въ залѣ не оставалось и только кое-гдѣ торчало изъ нея по нѣсколько фигуръ, между стѣнами и мѣстома, гдѣ были мы.

На «гологовъ» обыкновенно приводили Ковалюка, Войнаральскаго, Рогачева, Рабиновича, Костюрина и еще кого-то, но кого, теперь не помню.

Пока шло чтеніе обвинительнаго акта и совершался приводъ многочисленныхъ свидѣтелей къ присягѣ, насъ приводили всѣхъ 193-хъ въ залъ суда, но когда окончилась эта процедура, особе присутствіе единаго, въ распоряженіи слѣдствія, порѣшило раздѣлить насъ на 17 группъ и начать разбирательство дѣла по группамъ.

Это постановленіе вызвало взрывъ негодованія у подсудимыхъ и, по возвращеніи въ этотъ день изъ суда, между подсудимыми вездѣ по клубамъ состоялись рѣшенія—протестовать противъ суда. Правда, къ протесту пристали далеко не всѣ, но съ увѣренностью

можно сказать, что за протестъ было никакъ не меньше половины подсудимыхъ. Протестъ долженъ былъ заключаться въ заявленіи суду, что мы его не признаемъ, и что допущенное имъ раздѣленіе насъ на группы нарушаетъ наше право знать все, что происходитъ на судѣ, а слѣдовательно и интересы нашей защиты. Сначала было постановлено не идти на судъ, когда явятся приглашать туда, и прежде всего должны были это сдѣлать тѣ, которые входили въ составъ первой группы. Въ первую же группу попали, между прочимъ, всѣ бывшіе на лицо члены чайковскаго кружка.

Я отчетливо помню, что было рѣшено возложить заявленіе протеста на одного изъ чайковцевъ;—посланный долженъ былъ заявить протестъ отъ всѣхъ подсудимыхъ съ требованіемъ оставить насъ въ покоѣ въ тюрьмахъ и судить насъ заочно, какъ судьямъ будетъ угодно. Выборъ палъ на меня. Я приготовилъ такую маленькую рѣчь: «Я заявляю особому присутствію Правительствующаго сената отъ себя и отъ всѣхъ товарищей, уполномочившихъ меня на это, что мы не признаемъ вашего суда, такъ какъ вы нарушили наши права и интересы нашей защиты. Мы требуемъ судить насъ заочно и просимъ оставить насъ въ нашихъ тюрьмахъ, гдѣ мы столько лѣтъ ожидали хотя бы приличнаго суда—и не дождались». Въ день, назначенный для судебного засѣданія, я, по приглашенію тюремныхъ властей идти въ судъ, вышелъ изъ камеры въ галлерею и внизу попалъ въ кучку непротестующихъ, которые шли туда же. Помощникъ управляющаго и надзиратель, выпускавшіе меня изъ камеры, были удивлены, что я безъ всякихъ возраженій и разговоровъ пошелъ въ судъ, въ то время, какъ большинство изъ первой группы заявляло о своемъ нежеланіи идти въ судъ и оставались въ своихъ камерахъ. Тюремная власть, не зная, какъ имъ быть съ протестантами, оставляли ихъ въ покоѣ, пока изъ суда не было приказано тащить протестантовъ въ судъ силою, если они не пойдутъ добромъ.

Когда я пришелъ въ судъ, я былъ введенъ на «гологоу». На прежнихъ мѣстахъ сидѣла публика. На головоѣ сидѣли уже Рогачевъ и Рабиновичъ, которыхъ притащили силою, раньше, чѣмъ привели меня. Я заявилъ протестъ отъ себя и отъ пославшихъ меня товарищей, въ словахъ приведенныхъ мною выше. И лишь окончивъ я свою маленькую рѣчь, какъ предсѣдатель суда Петерсъ заявилъ: «вонъ его!» Меня подхватили два жандарма и поволокли, но прежде чѣмъ успѣли вывести меня за рѣшетку, Петерсъ крикнулъ снова: «Вы будете отвѣчать на вопросы?»—Нѣтъ, я съ такимъ судомъ не хочу разговаривать.—«Вонъ его!» заоралъ Петерсъ и меня вывели. Въ то время, какъ меня вытаскивали изъ залы суда, Рогачевъ и Рабиновичъ, перевѣсившись черезъ барьеръ головои, въ свою очередь кричали суду: «Мы присоединяемся къ протесту Синегуба! требуемъ вывести и насъ изъ суда!». Петерсъ не обращалъ на нихъ никакого вниманія, пока Рабиновичъ не крикнулъ: «вы не судьи—а опричники», а Рогачевъ не обозвалъ судъ—шемякиннымъ судомъ. Тогда вывели изъ суда и ихъ. Изъ подсудимыхъ женщинъ,

сидѣвшихъ далеко отъ насъ на противоположной сторонѣ отъ Головои, нѣкоторая (я помню Кувшинскую и Сашу Корнилову) тоже закричала, что онѣ присоединяются къ заявленному мною протесту, но Петерсъ только грубо крикнулъ въ ихъ сторону: «А вы тамъ—сидите!»

Мое представительство отъ товарищей не было признано судомъ, и въ этотъ день силкомъ таскали въ судъ всѣхъ подсудимыхъ, притавшихъ къ протесту, и кого-то даже на рукахъ принесли солдаты, такъ какъ не могли заставить идти. Всѣ приводимые протестанты приносили по адресу суда или оскорбленія, или даже чѣлныя рѣчи. Изъ числа подсудимыхъ первой группы наиболее остроумную и ѣдкую рѣчь по отношенію къ суду произнесъ Волховскій; произнесъ при томъ подъ самой носъ суду, такъ какъ пользаясь своей глухотой, Волховскій добился того, чтобы предсѣдатель призвалъ его съ мѣста подсудимаго къ самому судейскому столу.

Надо отдать справедливость суду, что, по его распоряженію, всѣхъ протестантовъ, послѣ того, какъ они заявили протестъ, больше въ судъ уже не таскали, но пока разбирались дѣло группы, каждый разъ передъ засѣданіемъ суда въ форточку камеры просовывалась голова надзирателя и раздавался вопросъ: «въ судъ пожалуете?» Встрѣтивъ отрицательный отвѣтъ, форточку захлопывали и подсудимыхъ оставляли въ покоѣ. По окончаніи судебного слѣдствія по первой группѣ, въ ночь съ 11 на 12 ноября 1877 г., нѣсколько человекѣтъ, показавшихся властямъ почему-то наиболее яркими протестантами, перевели изъ Д. П. З. въ Петропавлов. крѣпость. И я туда попалъ снова послѣ 2 лѣтняго пребыванія въ Д. П. З. Впрочемъ, попали потомъ туда и другіе меньше ярые протестанты и даже вовсе къ протесту не приставшіе, какъ напр. Тимофей Квятковскій, братъ Александра Квятковскаго, повѣшеннаго за участіе во взрывѣ Зимняго дворца въ 1880 году.

Въ означенную выше ночь, часамъ къ двумъ, стали насъ выводить сонныхъ изъ камеръ. Коваликъ, Рогачевъ, Сажинъ, Волховскій, Максимовичъ и я были сведены внизъ и сгружены въ одной комнатѣ. Мы недоумѣвали—что съ нами думають сдѣлать? У многихъ изъ насъ рождалась мысль,—ужъ не задумали-ли жандармы везти насъ въ III отд. и тамъ драть за оскорбленія, нанесенныя сенату? По правдѣ сказать, эта мысль леденела мою душу,—такое насиліе надъ собой я не перенесъ бы; это было бы для меня смертнымъ приговоромъ. А Сажинъ, напр., смотрѣлъ на это довольно просто и говорилъ: «Что же? вѣдь это такой же актъ насилія, какъ и заковка въ кандалы, какъ избіеніе кулаками и ногами въ камерухъ, какъ изсѣченіе шашкой! Актъ насилія надо мной—беззащитнымъ и безоружнымъ—несколько меня не позоритъ, въ какой бы формѣ не проявился,—такой актъ позоритъ насильниковъ, а не меня.»—Отъ разума я вполнѣ соглашался съ мнѣніемъ этого замѣчательно умнаго и сильнаго душою человека,

но чувство мое никакъ не могло помириться съ мыслью быть выпоротымъ. И пока я, посаженный въ карету, не увидѣлъ, что меня везутъ къ Петропавлов. крѣпости черезъ Николаевскій мостъ,—я былъ приговоренъ къ смерти.

Въ карету посадили меня вмѣстѣ съ Анатоліемъ Фаресовымъ, съ которымъ ѣхать было мнѣ не особенно приятно, такъ какъ не задолго до суда я съ нимъ основательно разругался и прекратилъ съ нимъ знакомство за тѣ дикія и неосновательная съ его стороны нападки на молодежь и за ту враждебность ко всему нашему движенію, которые сталъ выказывать Фаресовъ въ бесѣдахъ и въ перепискѣ со мной.

За время сидѣнія въ одиночкѣ онъ перемѣнилъ свое радикальное направленіе на земско-либеральное. Перемѣна, какъ мнѣ казалось, была совершенно искренняя, но меня злило его просто скверное отношеніе къ убѣжденіямъ и стремленіямъ своихъ бывшихъ единомышленниковъ, до такой степени скверное, что я, разговаривая съ нимъ однажды въ клѣтушкахъ церкви Д. П. З., вспылить и рѣзко замѣтилъ ему, что ему остается только присоединиться къ жандармамъ въ искорененіи насъ и въ борьбѣ съ нами. На что онъ мнѣ рѣзко же замѣтилъ: «Нѣтъ я буду бороться съ вами всѣми силами души, но не насиліемъ, а словомъ!»

Такую же враждебность и такую же перемѣну фронта проявилъ и Говоруха-Отрокъ. Этотъ всѣ революціонные кружки молодежи, кромѣ, впрочемъ, чайковцевъ,—мѣшалъ съ грязью. Объ чайковцахъ онъ говорилъ мнѣ: «собственно и вы всѣ нуль въ политическомъ отношеніи, но ужъ очень вы симпатичные люди!» Какъ извѣстно, Говоруха-Отрокъ ударился даже не въ земство, а прямо въ катковщину и сталъ подъ знаня «Русск. Вѣстника».

Справедливость требуетъ, однако, замѣтить, что ни Фаресовъ, ни Говоруха-Отрокъ все время суда не считали согласнымъ съ честью не пристать къ протесту противъ суда, нарушившаго наши права. Правда, во время суда Говоруха-Отрокъ былъ еще далеко отъ катковщины и находился, повидому, въ приятельскихъ отношеніяхъ съ Н. К. Михайловскимъ, который приходилъ даже къ нему на свиданіе въ Д. П. З., гдѣ и я видѣлъ вблизи знаменитаго писателя. Говорили, что и Михайловскій не особенно симпатизировалъ дѣятельности сидѣвшей тогда въ тюрьмахъ радикальной молодежи; а побывавъ на нашемъ процессѣ во время нашего протеста, будто бы, выразился объ насъ, что мы со своимъ протестомъ напомнили ему дикарей, пытавшихся закрыть шапками жерла выставленныхъ противъ нихъ пушекъ.

XXVII.

Въ концѣ марта 1878 года намъ въ камеры Петропавловской крѣпости былъ доставленъ печатный приговоръ судившаго насъ Особ. Пр. Сената. Я и Стаховскій были приговорены Особ. Пр. Сената къ 9 лѣтней каторгѣ въ крѣпостяхъ, но относительно

насъ двоихъ судъ постановилъ ходатайствовать передъ царемъ о замѣнѣ каторги поселеніемъ въ Сибирь въ мѣстахъ не столь отдаленныхъ.

Мой незабвенный защитникъ Владиміръ Николаевичъ Герардъ, котораго я называлъ про себя—«чистокровнымъ джентльменомъ», и отъ котораго не успѣлъ отказаться во время своего протеста передъ судомъ, почему онъ и посѣщалъ меня въ крѣпости вплоть до вхожденія приговора въ законную силу, побывавъ у меня послѣ объявленія приговора, поздравилъ меня съ избавленіемъ отъ каторги.

«Ну, это еще бабушка на двое сказала», смѣясь замѣтилъ ему я, вполнѣ, впрочемъ, не сомнѣваясь въ душѣ, что ходатайство суда будетъ царемъ уважено.

Владиміръ Николаевичъ горячо сталъ увѣрять меня, что никогда царь въ ходатайствѣ суда не отказывается, что до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, такого случая не было. Увы! на этотъ разъ незабвенный Влад. Ник. ошибся! Царь не уважилъ ходатайства суда относительно цѣлыхъ 12 человекъ.

Судъ приговорилъ Мышкина, Ковалика, Войнаральскаго, Рогачева и Добровольскаго къ 10 лѣтней каторгѣ, меня, Шишко, Чарушина, Союзова, Квятковскаго—къ 9 лѣтней, Сажина и Брешковскую къ 5 лѣтней. Судъ не ходатайствовалъ только за одного Мышкина, такъ какъ Мышкинъ-де отягчилъ свое преступленіе покушеніемъ на убійство казака въ Якутской области, при его неудачной попыткѣ освободить Чернышевскаго. Обо всѣхъ остальныхъ ходатайствовалъ о замѣнѣ каторги—Ковалику, Войнаральскому, Рогачеву и Муравскому поселеніемъ въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ Сибири, мнѣ—поселеніемъ въ мѣстахъ не столь отдаленныхъ; Шишко, Чарушину, Союзову, Квятковскому—житьемъ въ Сибирь безъ лишения всѣхъ правъ, а лишь съ ограниченіемъ, Сажиную и Брешковскую—сылкой въ одну изъ отдаленныхъ губ. Европейской Россіи. Но относительно всѣхъ этихъ лишь царь ходатайство не уважилъ и лишь приказалъ засчитать намъ годы сидѣнія въ одиночкахъ въ срокъ каторги. Отсюда получился курьезъ, что я, по мнѣнію суда болѣе виновный и заслужившій даже по ходатайству болѣе тяжелаго наказанія, чѣмъ Квятковскій (я лишился всѣхъ правъ и ссылался на поселеніе, Квятковскій шелъ на житие съ огранич. правъ) наказывался легче. По приказанію царя мы оба шли въ каторгу, но изъ моихъ 9 лѣтъ каторги сразу высчиталось 4 года 8 мѣсяцевъ сидѣнія до приговора и мѣсяцевъ въ дорогѣ, а у Квятковскаго, много позже арестованнаго и просидѣвшаго только 1½ года, исключались только эти послѣдніе да мѣсяцевъ дороги.

Говорили въ то время, что мы были обязаны отклоненіемъ ходатайства суда царемъ шефу жандармовъ Мезенцеву и министру юстиціи Палену, которые, возмущившись мягкостью приговора,—помилуйте! одинъ только Мышкинъ изъ 193 подсудимыхъ угодили на каторгу безъ всякаго ходатайства!—представили царю свои соображенія на счетъ невозможности такого скандала. Чуть не пять лѣтъ

мудрили надъ созданиємъ процесса, спасая отечество, создали процессъ-монстръ въ 193 человека, на шумѣли на весь русской міръ, и вдругъ гора мышъ родила: изъ всѣхъ крамольниковъ, представшихъ предъ сенаторами, даже съ точки зрѣнія этихъ послѣднихъ, только одинъ оказался безповоротно достойнымъ каторги. Скандаль.

Жихаревъ, Желеховскій, Палень и Потаповъ (тогда уже спятившій съ ума и замѣненный Мезенцевымъ)—терпѣли, очевидно, полное фіаско. Этого допустить нельзя было. И вотъ мы 12-ть явились козлами отпущенія съ цѣлью хоть нѣкотораго смягченія скандала.

Хотя намъ и былъ объявленъ приговоръ, но до іюля мѣсяца насъ и не думали отправить въ мѣста назначенія и мы все продолжали пребывать въ Петропавловкѣ. Правда, относительно насъ осужденныхъ крѣпостной режимъ былъ смягченъ чрезвычайно. Намъ не только дали въ камеры бумагу и карандаши, а желающимъ и грифельныя доски, но позволяли передавать черезъ присяжныхъ унтеръ-офицеровъ другъ другу и книги, и угощенія, которыя намъ доставляли съ воли родные и знакомые. Мало этого, намъ разрѣшили гулять совмѣстно группами не менѣе 9 человекъ заразъ, и мы, перестукиваясь, группировались для прогулокъ по своему желанію, что дало намъ возможность перезнакомиться другъ съ другомъ поближе.

Вмѣстѣ съ нами былъ въ это время въ крѣпости и осужденный по нашему процессу—Феофанъ Лермонтовъ. Вскорѣ по привозѣ его во второй разъ въ крѣпость изъ Предварилки, онъ захворалъ воспаленіемъ верхнихъ оболочекъ спинного мозга и, благодаря тюремной обстановкѣ и плохому медицинскому уходу, постепенно умиралъ. Въ хорошіе майскіе и іюньскіе дни кровать Лермонтова выносилась и ставилась у стѣнки той баньки, которая была посреди крѣпостного нашего двора—садика,—и не могшій уже совершать прогулокъ ходя, Лермонтовъ лежалъ на ней, а возлѣ него были товарищи тѣхъ группъ, которая выпускались на прогулку. Такъ какъ Лермонтовъ былъ одинъ изъ большихъ почитателей моей музы,—онъ, вообще, питалъ слабость къ поэтамъ,—то я иногда садился на его кровать и, окруженный товарищами, читалъ громко свои стихи къ немалой усадлѣ больнаго.

Лермонтовъ былъ далеко незаурядный человекъ. Обладая большимъ умомъ и феноменальной памятью, что давало ему возможность запоминать цѣлыя отрывки изъ сочиненій Милля, Ласала, Миртова, Добролюбова, Чернышевскаго, Дарвина, Спенсера и массы другихъ прочитанныхъ имъ серьезныхъ сочиненій, не говоря о беллетристикѣ, Лермонтовъ, обладая даромъ слова, могъ въ спорѣ засыпать противника массою ссылокъ на авторитеты, иногда съ подлиннымъ цитированіемъ ихъ наизусть. Бывало въ рѣчахъ своихъ онъ, безсознательно для себя, говорилъ словами этихъ авторитетовъ какъ своими собственными. На волѣ это покорило ему свѣжую молодежь и онъ, несомнѣнно, былъ однимъ изъ воротилъ въ кружкахъ

молодежи въ 70—73 годахъ. Въ началѣ 70-хъ годовъ онъ былъ нѣкоторое время въ кружкѣ чайковцевъ, но чайковцы, нетерпимые къ нѣкоторымъ его неригористическимъ наклонностямъ, разошлись съ нимъ.

Помню я, какъ въ одну изъ прогулокъ, возлѣ кровати Лермонтова въ группѣ гуляющихъ шли дебаты о дѣяніяхъ Стефановича и Дейча въ Чигиринскомъ у. Киевской губ. Объ этомъ только-что было получено нами извѣстіе и было свѣжей темой нашихъ размышленій и толковъ. Я и Лермонтовъ не одобряли способа, которымъ добились Стефановичъ и Дейчъ образования дружинъ среди крестьянъ Чигиринскаго у. Они дѣйствовали съ помощью обманныхъ золотыхъ грамотъ, яко-бы, отъ царя добытыхъ, а такая ложь передъ народомъ казалась намъ не только не дозволительной съ этической точки зрѣнія, но и большой политической ошибкой, такъ какъ ею у крестьянъ лишь закрѣпилось то пагубное заблужденіе относительно царя, которое является въ Россіи однимъ изъ величайшихъ тормазовъ для освобожденія народа. Насколько мнѣ помнится, то среди сидѣвшихъ тогда въ крѣпости по нашему дѣлу почти у всѣхъ было такое отношеніе къ способу дѣйствія Стефановича и Дейча, и лишь относительно одного Муравскаго—нашего «дѣда»,—я помню, что онъ одобрялъ и способъ ихъ дѣйствія. Правда и то, что все-таки большой успѣхъ Стефановича и Дейча, ихъ ловкость и энергія подкупали всѣхъ насъ и значительно смягчали и наше отношеніе къ способу ихъ дѣйствія и во всякомъ разѣ въ нашемъ представленіи ихъ образы были окружены ореоломъ героевъ и крупныхъ борцовъ за народное дѣло.

Бѣдный Лермонтовъ былъ назначенъ къ ссылкѣ въ одну изъ отдаленныхъ губ. Европ. Россіи, былъ изъ крѣпости переведенъ въ Литовскій замокъ, а оттуда посаженъ на поѣздъ, несмотря на то, что онъ, что называется, дышалъ уже на ладонѣ. Недалеко отъѣхавъ отъ Питера, онъ умеръ въ вагонѣ и трупъ его былъ обратно привезенъ въ Петербъ и похороненъ начальствомъ невѣдомо гдѣ. Также невѣдомо гдѣ похоронило крѣпостное начальство и дорогого моего друга, котораго я глубоко полюбилъ съ первыхъ дней нашего съ нимъ знакомства, Михрюту Купріянова. Этотъ, выдѣляющийся по своему необычайному уму, юноша умеръ въ крѣпости въ іюнѣ 1878 г., какъ говорили, отъ воспаления брюшины, или какъ заподозрѣвалъ полковникъ Богородскій,—отъ отравленія спичками. По крайній мѣрѣ Богородскій, сообщившій мнѣ о смерти Михрюты, выразилъ мнѣ это свое подозрѣніе. Можетъ быть его подозрѣніе и было справедливо. Въ силу наслѣдственности (отецъ пошелъ съ ума, мать—отравилась, прабабушка со стороны отца—уморила себя голодомъ) Купріяновъ былъ склоненъ къ душевному заболѣванію. Сидя въ одиночномъ заключеніи онъ заболѣвалъ одно время забвеніемъ именъ существительныхъ. Въ апрѣлѣ же мѣсяцѣ этого года его сестра Надежда, съ которой онъ былъ очень друженъ и которая до разгрома кружка чайковцевъ состояла въ числѣ его членовъ, умерла отъ родильной горячки, и эта смерть люби-

мой сестры сильно потрясла его. Я нѣсколько разъ гулялъ съ нимъ въ крѣпостномъ садикѣ и, послѣ смерти сестры, замѣтилъ значительную переѣмъ въ его душевномъ настроеніи. Въ одну изъ послѣднихъ съ нимъ прогулокъ я обратился къ нему даже съ вопросомъ—здоровъ ли онъ? Онъ имѣлъ видъ больного и очень печальнаго человѣка. Онъ сказалъ, что чувствуетъ себя уже нѣсколько дней нездоровымъ, но что ему противно звать доктора. Больше мнѣ не пришлось уже его видѣть и въ одно изъ июньскихъ утръ ко мнѣ зашелъ Богородицкій въ камеру и заявилъ конфиденціальнымъ тономъ, что Курпrianовъ въ эту ночь умеръ. На смерть ему я написалъ эти стихи:

Гнета не снесъ ты судьбою даннаго,
Смерть замѣнила тюрьму!
Ахъ, воскресить тебя друга желаннаго
Гдѣ же я силы возьму?
Такъ неотступно желанье напрасное
Въ сердцѣ скорбящемъ моемъ,
Чтобъ твои умная очи прекрасная
Прежнимъ зажглися огнемъ!
Вновь чтобъ проснулася мысль твоя сильная,
Чистыя думы твои,
Вновь чтобъ забилось сердце обильное
Силою гордой любви!
Чтобы пришелъ ты къ намъ снова сіяющей
Блескомъ здоровья и силъ—
Чтобы ты вновь, на добро уповающей
Съ нами борьбу раздѣлилъ.
Боже мой! гнетомъ желанья безсильнаго
Тяжко сдавило мнѣ грудь!
Ахъ! ужъ не вырвать изъ мрака могильнаго
Друга,—назадъ не вернуть!

Стихи эти я прочиталъ товарищамъ во время прогулки,—и произвелъ ими впечатлѣніе³⁾. Перепсланные на волю они были потомъ напечатаны въ сборникъ пѣсенъ, издававшихся за границей.

XXVIII.

Во время этихъ совмѣстныхъ прогулокъ въ крѣпостномъ садикѣ я близко узналъ еще одного замѣчательнаго въ революціонной средѣ человѣка—Феликса Волховскаго, чудной образъ котораго и сейчасъ стоитъ, какъ живой, передъ моими глазами и при воспоминаніи о которомъ сердце мое переполняется глубокою и нѣжною любовью.

Несмотря на то, что онъ въ то время не былъ еще старымъ человѣкомъ,—ему было не болѣе 32 лѣтъ, онъ уже былъ значи-

³⁾ Долженъ замѣтить, что много времени спустя, уже въ 90-хъ годахъ, въ числѣ другихъ своихъ стихотвореній я представлялъ на судъ поэта П. Я. и это мое стихотвореніе, которое онъ, какъ впрочемъ и большинство моихъ стиховъ, совершенно забривалъ.

тельно съдъ и убѣдили его молодую голову годы тюрьмы и неустаннаго труда. Усидникъ еще въ нечаевскомъ процессѣ 1869 г., по которому онъ высылалъ никакъ не менѣе двухъ лѣтъ въ одиночкѣ, онъ въ 1874 г. былъ привлеченъ къ нашему процессу. Онъ былъ провинціальнымъ членомъ кружка чайковцевъ и жилъ въ Одессѣ. Сгруппировавъ вокругъ себя кружокъ изъ молодежи, въ которомъ, между прочимъ, состояли тогда членами Соломономъ Чудновскій, Андрей Франжолі, Лангансъ, Дическуло, Макаревичъ, Глушковъ, Жебуневъ Сергѣй, Желябовъ,—онъ, обладавшій какой-то чудодѣйственной силой обаятельности, беззавѣтно привязалъ къ себѣ это юношество и отправилъ многихъ изъ нихъ на пропаганду въ деревни Екатеринославской и Херсонской губ. Но когда начался походъ саратовскаго прокурора Жихарева, вдохновляющагося изъ Питера шешомъ жандармовъ Потаповымъ и министромъ юстиціи Паленомъ, противъ страшной крамолы, раскинувшей свои сѣти по всѣмъ градамъ и весямъ Руси, то и Феликсъ Волховскій, и его кружокъ попались въ лапы опричниковъ и были заточены въ одиночныя тюрьмы сначала провинціальныя, а потомъ—въ столичные.

Другого столь обаятельнаго человѣка, который при первой же встрѣчѣ съ нимъ заполнялъ сердце, какъ Феликсъ Волховскій, я зналъ на своемъ вѣку только одного еще—Екатерину Брешковскую.

Я не разъ задумывался надъ этимъ свойствомъ этихъ людей: гдѣ и въ чемъ таился источникъ этой обаятельности, которая сразу покоряла душу и уже на этомъ фонѣ всѣ ихъ недостатки, всѣ шероховатости ихъ совсѣмъ стирались и исчезали? Признаюсь, я не рѣшилъ этого психологическаго вопроса.

Феликсъ Волховскій обладалъ необычайно живымъ, полнымъ блеска остроуміемъ умомъ, чудной памятью болѣшимъ образованіемъ, рѣдкимъ даромъ рассказчика и талантомъ писателя и поэта. Быть въ его обществѣ, даже когда онъ выходилъ на прогулку хворымъ, составляло большое наслажденіе. Неугомонный умъ, даже во время жестокихъ головныхъ болей, которыми онъ часто страдалъ въ тюремномъ заключеніи, вѣчно сверкалъ остроуміемъ, живостью и находчивостью. Онъ былъ притомъ необычайно нѣжный, ласковый и тонко деликатный человѣкъ. Но только не съ врагами,—долженъ оговориться. Передъ врагами онъ совершенно преобразовывался и становился безпощаденъ и дерзокъ. Онъ меня поражалъ еще одной чертой—это необыкновенной трудоспособностью. Вѣчно эта голова работала. Волховскій безъ дѣла, когда онъ остается одинъ въ своей тюремной камерѣ,—невозможное явленіе; всегда онъ то за книгой, то за писаніемъ. Онъ принималъ участіе въ литературѣ какъ въ легальной, такъ и въ нелегальной, и писалъ и прозой, и стихами (кромѣ оригинальныхъ стиховъ, онъ печаталъ и переводныя). По внѣшнему виду онъ не производилъ впечатлѣнія крѣпкаго, здороваго человѣка, но умные, черные глаза его, своимъ вѣчно юнымъ блескомъ, говорили ясно, что въ его удлинненномъ

въ горизонтальномъ направленіи черепѣ живеть неугасимый, неувядаемый здоровый духъ и что этого духа не убить никакими тюрьмами, никакими способами гоненія. Такимъ именно сохранила моя память образъ этого человѣка.

Тутъ же въ крѣпости, на этихъ же прогулкахъ я узналъ и еще очень крупнаго человѣка, нашего «дѣда» (или, какъ нѣкоторые изъ насъ звали его, «отца») Митрофана Муровскаго, которому, впрочемъ, только въ крѣпости именно въ это время исполнилось 41 годъ, при чемъ я, какъ тюремный поэтъ, восхлѣлъ это обстоятельство въ юмористическомъ стихотвореніи, прочитанномъ виновнику торжества у постели Лермонтова, окруженнаго товарищами. Лермонтовъ, впервые узнавъ, что я могу писать и юмористическіе стихи, пришелъ въ восторгъ и предсказывалъ мнѣ «будущность», какъ поэту. Надо замѣтить, что у «дѣда» не было вовсе сѣдины ни въ волосахъ головы, ни въ его прекрасной, длинной, чуть не по поясъ, широкой бородѣ. Но въ послѣдніе дни на прогулкахъ я замѣтилъ, что у дѣда съ одного краю его бороды—одинъ волосъ совершенно бѣлый. Я не преминулъ указать и товарищамъ на это печальное обстоятельство: дѣдъ сталъ сѣдѣть! Вотъ въ моемъ-то стихотвореніи и фигурируетъ этотъ единственный сѣдой волосъ дѣда нашего.

Онъ спалъ... А въ крѣпость въ часъ
полночный
Вдругъ фея юности вошла,—
И къ «дѣду» въ номеръ одиночный
Корзинку чудную внесла;
Въ корзинкѣ же въ травѣ душистой,
На мху и мягкомъ, и пушистомъ,
Среди цвѣтвъ,—какъ райскій плодъ
Виднѣлся,—«41 годъ».
И тихо, тихо, сколь возможно
Она къ кровати подошла.
Край одѣяла осторожно
Рукою нѣжной отвела
И молвила: «Мой юный другъ!»
«Да забудь путь твой, какъ цвѣтвami,
«Усыанъ дружбой и мечтами,
«Любовью женщины...» Но вдаргъ
Ея прервался дивный голосъ!
Испуга гнѣвнаго полна,
Вдаргъ въ бородѣ густой она
Сѣдой огромный видить волосъ!
Одинъ,—но все же сѣдина!—
— «Скажите?!—онъ ужъ сѣдъ!»
О боги!
«Ужъ какъ его ни беругъ,
«Онъ сѣдъ!.. Ужъ лучше-бъ былъ
безногій!

Прошло болѣе четверти вѣка съ тѣхъ поръ, какъ я въ послѣдній разъ видѣлъ дѣда, но и сейчасъ я отчетливо вижу передъ собой его фигуру. Сухошавый, роста выше средняго, совершенно

прямой, съ походкой, которую я называлъ царскою, съ широкой и длинной бородой, съ крутымъ нависшимъ лбомъ, съ густыми бровями, изъ подъ которыхъ глядѣли чудные синіе глаза, серьезные и грустные,—онъ невольно останавливалъ на себѣ вниманіе и сразу впускалъ къ себѣ почтеніе.

Умный, много про себя передумавшій и перестрадавшій человѣкъ, принадлежавшій, какъ однажды выразился про него Волховскій въ разговорѣ со мной, «къ породѣ жваныхъ», въ томъ смыслѣ, что всякое горе свое онъ пережевывалъ про себя и никогда отъ него нельзя было услышать ни малѣйшей жалобы, ни малѣйшаго нытья, онъ былъ мало разговорчивъ и совершенно былъ чуждъ той черты, которая присуща людямъ—«спорщикамъ». При общемъ разговорѣ или спорѣ онъ слушалъ, но если не раздѣлялъ какого-нибудь высказываемаго при этомъ мнѣнія, то ограничивался тѣмъ, что вставлялъ въ разговоръ короткія замѣчанія, всегда яркія и полная значенія. Кромѣ того, онъ былъ ядовито остроуменъ. Такъ какъ онъ слегка заикался передъ тѣмъ, какъ съядовитничать, то его остроу пріобрѣтали въ разговорѣ особый характеръ, какъ я называлъ,—характеръ стрѣлъ. Если дѣдъ на мигъ запнулся въ рѣчи, значитъ, сейчасъ вылетитъ изъ его устъ сатирическая стрѣла,—и дѣйствительно, она вылетала бѣдая, мѣткая и острая, зачастую сразу освѣщавшая предметъ дебатовъ съ такой стороны, которая или совершенно упускалась изъ виду, или значеніе которой не усматривалось съ достояльной ясностью и полнотой. По всему своему душевному складу это былъ непримиримый врагъ всякаго насилия и всякаго неравенства, серьезный и беззаветный другъ всѣхъ угнетенныхъ.

Это, впрочемъ, онъ доказалъ всю свою жизнью со дня юности до того момента, когда его замучили въ одной изъ харьковскихъ централокъ.

Мало онъ видѣлъ радости въ своей жизни, мало пожилъ онъ и на волѣ. Со студенческой скамьи онъ попалъ въ каторжную работу и былъ въ Сибири въ одной каторжной тюрьмѣ съ Чернышевскимъ. Лѣтъ тридцати пяти-шести онъ вернулся въ Россію, хотя и былъ поселенцемъ, съ разрѣшенія начальства къ матери въ Уфимскую губ., но не болѣе какъ черезъ годъ была снова арестованъ. Отсидѣвъ въ одиночкѣ около 4-хъ лѣтъ, онъ по процессу 193-хъ былъ приговоренъ къ каторгѣ, и хотя судъ ходатайствовалъ о замѣнѣ десятилѣтней каторги ссылкой на поселеніе въ отдаленныя мѣста Сибири, царь ходатайства не уважилъ. Это обстоятельство лишило дѣда всякаго надежды на близкую возможность быть на свободѣ и, какъ показалось мнѣ и Волховскому, дѣдъ послѣ объявленія приговора въ окончательной формѣ—заскорбѣлъ, заскорбѣлъ про себя, не выдавъ этой скорби ни передъ кѣмъ изъ людей ни однимъ словомъ,—и только похудѣлъ дѣдъ сильнѣе, и грустные глаза его стали еще скорбнѣе. Да, такой приговоръ оказался для него смертнымъ приговоромъ,—онъ центральки не вынесъ и умеръ, не выдавъ больше и призрака свободы.

Мало зная оъ воли, но всѣ минуты своей недолгой свободы оъ отдавъ всецѣло на служеніе народу. Но и въ стѣнахъ тюрьмы оъ былъ въ числѣ тѣхъ элементовъ, которые спасаютъ души заключенныхъ отъ пагубнаго дѣйствія долговременныхъ мукъ тюрьмы, поддерживаютъ въ нихъ способность борьбы съ нравственными и физическими пытками, которымъ подвергаютъ ихъ проклятые палачи.

«Дѣдъ» былъ источникомъ энергіи въ тюрьмѣ.

Въ Д. П. З., при нападеніяхъ тюремнаго начальства на заключенныхъ, при отстаиваніи условій на возможность существованія въ тюрьмѣ, при вопросѣ, какъ отозваться и реагировать на выходки судебныхъ властей, на то или другое общественное явленіе, внѣ тюрьмы совершившееся,—я глубоко увѣренъ въ томъ,—у каждаго товарища по заключенію являлся всегда вопросъ: «а что скажетъ дѣдъ?»

Даже можно было не соглашаться съ дѣдомъ, вступать съ нимъ въ дебаты устные или письменные, но зная то, что думаетъ дѣдъ по данному жгучему обстоятельству, было такую же для насъ необходимою, какъ въ сумерки необходимъ источникъ свѣта, когда нужно во что бы то ни стало разобрать написанное.

Нѣкоторые изъ заключенныхъ, вступившіе съ дѣдомъ въ переписку или имѣвшіе счастье попасть въ одинъ съ нимъ клубъ, обязаны ему своимъ полнымъ духовнымъ возрожденіемъ и искренно считали и называли его своимъ духовнымъ отцомъ.

Если бы такихъ людей, какъ дѣдъ, Волховскій, Мышкинъ, Брешковская, не было среди плѣнныхъ борцовъ за освобожденіе родины, плѣнные не вынесли бы гнета и, что всего важнѣе, подъ ихъ вліяніемъ плѣнные не переставали быть борцами даже въ тюрьмѣ. Эти люди—были конденсаторами боевой энергіи, безъ которыхъ энергія боевой плѣнной массы неизбежно изсякла бы подъ давленіемъ неволи и тоски. Они охраняли душу живу въ гонимыхъ и терзаемыхъ борцахъ за освобожденіе родины.

Да будетъ же свѣтла на вѣки память о нихъ!

XXIX.

Когда насъ изъ Предварилки вновь привезли въ крѣпость, въ ней сидѣли подслѣдственные—Натансонъ, Шамаринъ, Габель и Тютчевъ. И въ то время, какъ мы, послѣ объявленія приговора, пользовались различными льготами (общими прогулками, общеніемъ другъ съ другомъ, намъ были разрѣшены письменныя принадлежности, разрѣшено было получать съ воли не только книги, но и всякія угощенія,—и тѣми и другими мы могли дѣлиться другъ съ другомъ), подслѣдственные же подвергались всей тягости крѣпостнаго режима. Къ нашему перестукиванію, къ разговорамъ и даже къ пѣнію въ форточкѣ оконъ начальство относилось равнодушно и не преслѣдовало за это. Этимъ пользовались, конечно, и подслѣдственные, и начальство не имѣло возможности лишить ихъ

этого, хотя отъ времени до времени и насакивало на нихъ за это. Но подслѣдственные пожелали пользоваться и всѣми остальными льготами, т. е. полнымъ общеніемъ съ нами осужденными и общими прогулками съ нами. И заявили въ этомъ смыслѣ начальству свое требованіе. Они, впрочемъ, поставили и другое требованіе, что въ случаѣ невозможности удовлетворить ихъ первое требованіе, чтобы ихъ перевели въ другія мѣста заключенія, въ которыхъ для подслѣдственныхъ нѣтъ такого режима, какъ въ крѣпости. Въ случаѣ же отказа со стороны начальства удовлетворить выставленныя требованія, они рѣшили начать голодовку. Начальство категорически отказало имъ въ удовлетвореніи требованій и они заголодали.

Чтобы поддержать ихъ въ борьбѣ съ начальствомъ, объявили голодовку и мы—осужденные.

Мы мотивировали свою голодовку тѣмъ, что не можемъ ѣсть, разъ мы знаемъ, что наши товарищи по заключенію голодаютъ, и прекратимъ голодовку, какъ только прекратятъ голодать они.

Внѣ стѣнъ тюрьмы наша голодовка вызвала большую тревогу среди нашихъ родныхъ и знакомыхъ. Матери, жены, невесты, сестры, отцы и братья стали осаждать III Отдѣленіе, главнымъ образомъ шефа жандармовъ Мезенцева, настоятельными просьбами успокоить насъ и удовлетворить требованія заключенныхъ, не давъ имъ донести себя до голодной смерти.

Нѣкоторымъ изъ родственниковъ нашихъ Мезенцевъ, какъ говорили тогда, отвѣчалъ: «Пусть умираютъ: я приказалъ заказать гроб!».

Три дня мы отказывались отъ пищи, ничего не ѣли, хотя воду изъ-подъ крана пили. Я туго перевязывалъ животъ длиннымъ трехугольнымъ платкомъ, предназначеннымъ для повязки шеи, ложился на кровать и старался, вообще, какъ можно меньше двигаться. Мнѣ казалось, что именно эти средства способствовали тому, что я не чувствовалъ ни малѣйшаго позыва ѣсть.

Хотя Мезенцевъ фронтдирующе и заявилъ нѣкоторымъ изъ нашихъ родственниковъ (двумъ или тремъ матерямъ) о приказаніи приготовить для насъ гроба, тѣмъ не менѣе на четвертый день нашей голодовки въ крѣпость явился его адъютантъ генераль-майоръ Бачмановъ.

Богородицкій почему-то привелъ его ко мнѣ.

Въ мою камеру, вмѣстѣ съ Богородицкимъ, вошелъ хорошо, мощно-сложенный, еще далеко нестарый, очень выхолонный генералъ, съ ласковыми манерами и голосомъ, съ синими глазами съ поволокой.

Онъ усѣлся на табуретку, а я присѣлъ на кровать, возлѣ которой остановился въ почтительной позѣ Богородицкій. Генералъ вынулъ порттабакъ и любезно предложилъ мнѣ папироску. Я отказался, заявивъ, что курю мало и не нарушаю положенной нормы.

Бачмановъ спросилъ меня,—почему мы объявили голодовку, чѣмъ мы недовольны?

Я объяснил ему, что дѣло не въ насъ, что мы никакихъ требованій отъ себя не предъявляемъ. Мы—осужденные—просто не можемъ ѣсть, когда тутъ же возлѣ насъ, такіе же узники, какъ и мы, быть можетъ, на волосокъ отъ смерти.

— А я думаю, генераль, что и вы, если бы были на нашемъ мѣстѣ, не смогли бы ѣсть, зная, что за стѣнкой вашей камеры—товарищъ по судьбѣ умираетъ съ голоду,—говорю я.

— Ну, понятно! разумѣется! Я вполне понимаю васъ!—увѣрялъ генераль.

— Тѣмъ болѣе, продолжаю я, что вотъ хоть я, напр., просидѣвшій безъ суда въ этой же крѣпости болѣе двухъ лѣтъ, вполне понимаю всю тяжесть положенія подслѣдственныхъ товарищей и всей душою сочувствую ихъ желанію облегчить это положеніе.

— А что же они желаютъ?—спрашиваетъ Бачмановъ.

— Они желаютъ, чтобы имъ дозволено было имѣть общеніе съ нами, съ осужденными, что нисколько не повліяетъ ни въ какомъ отношеніи на ходъ слѣдствія по ихъ дѣлу,—или чтобы ихъ перевели, по крайней мѣрѣ, въ другія мѣста заключенія, гдѣ режимъ менѣе тяжелъ для подслѣдственныхъ, чѣмъ тутъ въ крѣпости.

— А вы какъ узнали о ихъ желаніи?

— Обычнымъ нашимъ путемъ,—перестукиваніемъ.

— А вы давно уже въ заключеніи?

— Болѣе 4-хъ лѣтъ.

— Ахъ! Боже мой! и все въ одиночномъ заключеніи?! это—ужасно!. Но теперь ваше дѣло уже окончено?

— Да, окончено.

— И къ чему вы приговорены?

— Приговоренъ сенатомъ къ 9-ти годамъ каторжныхъ работъ.

— Ахъ! Боже мой!.. Такъ все таки я попросилъ бы васъ, а черезъ васъ и вашихъ товарищей, прекратить вашу голодовку.

— Мы не можемъ прекратить голодовку, пока будутъ голодать подслѣдственные.

— А если ихъ требованіе о переводѣ ихъ въ другія мѣста заключенія будетъ удовлетворено, тогда вы прекратите голодовку?

— Да, конечно. У насъ тогда не будетъ резона голодать.

— Въ такомъ разѣ я попрошу васъ объявить товарищамъ, что я—адъютантъ шефа жандармовъ—уполномоченъ удовлетворить требованіе подслѣдственныхъ, и сегодня же они будутъ переведены въ другія мѣста заключенія, какъ они того хотятъ.—Генераль всталъ и, любезно улыбаясь, спросилъ: вы какъ сообщите товарищамъ? Постучите имъ, да?

— Да, вѣрнѣе всего, что постучу.

— А не постучите ли вы имъ сейчасъ, пока я здѣсь у васъ?

— Нѣтъ, я уже потомъ постучу. Сейчасъ, сказать по правдѣ, я буду стѣсняться васъ.

— Жаль! ну, какъ хотите! Мнѣ любопытно было посмотрѣть,

какъ это вы перестукиваетесь... Прощайте! Желаю вамъ отъ души всякаго добра; всякаго добра! Повѣрьте, отъ души желаю!..

Когда Бачмановъ ушелъ, я, спустя нѣкоторое время, созвалъ стукомъ ближайшихъ товарищей къ форточкамъ оконъ и сообщилъ имъ о посѣщеніи Бачманова и о томъ, что онъ прикажетъ сегодня же перевести въ другія тюрьмы подслѣдственныхъ, о чемъ и просилъ увѣдомить всѣхъ голодающихъ.

Мы чувствовали себя, нѣкоторымъ образомъ, побѣдителями. Начали ожидать увоза изъ крѣпости подслѣдственныхъ товарищей. Тѣ изъ насъ, которые сидѣли внизу и которые могли въ окна своихъ камеръ слышать стукъ колесъ экипажа, подбѣжавшаго къ воротамъ нашего зданія,—слышали этотъ стукъ. Щелканье замковъ въ нѣкоторыхъ камерахъ и шаги уходящихъ по коридору, свидѣтельствовали, что увозъ подслѣдственныхъ начался. Съ помощью перестукиванія мы стали вызывать подслѣдственныхъ, никто изъ нихъ не отвѣчалъ,—значитъ, ихъ въ камерахъ нѣтъ. Очевидно, ихъ изъ крѣпости увезли! Итакъ—побѣда за нами!

Въ виду того, что желанія подслѣдственныхъ удовлетворены, по камерамъ ходитъ полковникъ Богородскій и спрашиваетъ насъ—не пожелаемъ ли мы пообѣдать? Конечно, пообѣдать весьма намъ желательно, тѣмъ болѣе, что и причины отказываться отъ обѣда нѣтъ. Намъ приносятъ обѣды. Я ѣмъ съ большимъ апетитомъ и черезъ нѣкоторое время послѣ обѣда готовъ кричать—«караулъ!» отъ нестерпимой рѣзы и боли въ желудкѣ. Требую доктора. Докторъ закатываетъ мнѣ лошадиную дозу касторки...

XXX.

Прошло два или три дня. Въ эти дни были свиданія. На свиданіи я получилъ записку, въ которой меня увѣдомили, между прочимъ, о томъ, что Сергій Кравчинскій задумалъ убить Мезенцева въ отомщеніе за насъ, за его жестокость къ намъ во время нашей голодовки, за то, наконецъ, что онъ насъ надулъ, и подслѣдственныхъ перевели по его приказанію не въ другія мѣста заключенія, а въ рavelины той же крѣпости. И всѣ они очутились изъ подслѣдственнаго отдѣленія въ рavelинахъ, кромѣ Тютчева, котораго изъ крѣпости перевели въ одну изъ полицейскихъ тюремъ. Какъ оставшіеся въ рavelинахъ, такъ и Тютчевъ продолжали и тамъ, начатую ими, голодовку.—Это сообщеніе о подслѣдственныхъ удалось провѣрить чрезъ крѣпостную стражу.

Поднялся вопросъ о возобновленіи и нами голодовки, такъ какъ мы оказались не побѣдителями, а самымъ подлымъ образомъ надутыми людьми.

Противъ возобновленія голодовки высказалось нѣсколько заключенныхъ, въ томъ числѣ и я. Я былъ противъ возобновленія голодовки по слѣдующимъ соображеніямъ.

Изъ сообщеннаго съ воли было видно, что наша голодовка вызываетъ намѣреніе совершить террористическій актъ убійства

Мезенцева. Я же был против начинания террористической борьбы вообще, а тем более против таких актов, которые мотивируются тюремными историями из-за смягчения тюремного режима в том или другом месте заключения.

Если наша тюремная голодовка из-за общих прогулок и пр. является причиной террористического акта, который вызовет тяжкие реакционные воздействия на все общество, я прекращаю голодовку и призываю к тому же и товарищей. Я поэтому стала возражать против возобновления голодовки.

Затем я написала большое послание Кравчинскому, как старому другу, в котором убеждал его отказаться от мысли убивать Мезенцева, и высказала ему, почему я считаю в данный момент выступление на террористический путь несвоевременным и политически ошибочным. Я и сейчас ясно помню те доводы, которые я выставляла против начинания террористической борьбы вообще и в частности против убийства Мезенцева и которые состояли в следующем:

Наш девиз—«все для народа при помощи самого народа»,—поэтому всякое наше действие должно быть понятно народу и должно вызвать его сочувствие.

И то и другое может иметь место только тогда, когда действие партии будет основываться на интересах народа, будет непосредственно из них вытекать.—Наша же партия—партия народная—едва начала свое существование. Цельным рядом политических процессов на нее, наконец, обращено внимание, так называемого, общества, которое стало проникать несомненным сочувствием к нам: мы в его глазах окружены ореолом мученичества. И откуда этот именно ореол одно из сильнейших завоевательных наших орудий по отношению к «обществу».

Что же касается народной рабочей среды, то наша партия едва лишь стала проникать в эту среду и далеко еще в ней не укрепились; для огромного большинства народа—наша партия совершенно неизвестная величина, и то, что мы делаем—остается для народа или совсем невъзданным, или непонятным, или не вызывает его сочувствия. Наша партия не может еще пока свои действия, а в особенности террористический, мотивировать чисто народными интересами, так как наш народ еще не знает и потому мы и не можем еще явиться в его глазах защитниками его интересов. Наша задача—проникать в народ и все больше охватывать его своим влиянием. Это—единственная наша задача и никакой другой у нас—у народной партии—не может быть. Но для такой задачи нужна обширная партия, а обширностью, количеством членов народная партия, к сожалению, похвастать пока не может.

Начинать же нам борьбу «огнем и мечем», т. е. террористическую борьбу, с такой огромной организованной силой, какой является наше правительство, за которого и темнота народных масс, у которого и миллион солдат, у которого, словом,

огня и меча значительно больше, чем у народной партии,—начинать такую борьбу, по меньшей мере, не расчетливо. Что произойдет оттого, что будет убит Мезенцев?

Ведь у правительства таких Мезенцевых хоть пруд пруди: одного убили,—тотчас же полсотни новых таких же готово занять его место. А наша партия будет принуждена отдать, вслед за убийством, сотни! Будут эти сотни гнить в тюрьмах, падать духом в джунглях Сибири от неволи, от нужды и полной оторванности от жизни по душ; огромная их часть будет превращена в абсолютно бесполезных, заживо вычеркнутых злом силой из списка живых борцов за народное дело. Мезенцева можно сделать из любого бутяра, из любого жандарма. А сотни членов народной партии сразу не замбит новыми. Чтобы человек выработался в члена народной партии—надо время, надо известный путь развития. И рисковать отдать за одного Мезенцева сотни своих—это ужасно! Для немногочисленной, едва начавшей зародиться народной партии, это была бы почти смертельная рана.

Во 2, убийство Мезенцева вызовет реакцию, которая упадет не только на нашу партию, но и на общество, да, пожалуй, отчасти и на народ. «Общество», которое только что начало поднимать голову и устами наших защитников на судах стало выражать свое недовольство правительству за нашу гибель, за мучительство, которое над нами учиняется, оно при виде реакционной гидры струсит, забьется в свои заячьи норы, и мы потеряем то, что приобрели в форме его сочувствия. И как бы мы пренебрежительно не относились к этому обществу, но должны признать, что оппозиционно настроенное, оно для нас много ценнее, чем настроенное по заячи.

В 3, затрата сил на террористический акт (в данном случае на убийство Мезенцева), не связанный с понятными для народа и с истинными его интересами, не этими интересами мотивированный,—для народной партии есть затрата неосновательная, не соответствующая настоящей главной задаче партии непосредственного воздействия на народную среду.

На основании этих соображений я даже «заклинала» Сергея всем для него святым не совершать убийства Мезенцева, в особенности, по такому ничтожному в государственном отношении поводу, как наша голодовка из-за общения подсудимых с осужденными.

Получив мое письмо, Кравчинский заказал передать мне, что он ответит мне обстоятельно, но, к моему сожалению, он уже не успел этого сделать, так как дня через три-четыре меня увезли в Сибирь.

Это мое послание прочитала и Соня Перовская и тоже заказала передать мне, что подписывается под моим письмом обоими руками.

Впрочем, должен заметить, что впоследствии я изменил

свое отношение к террору. Я признал его, во 1-х, роковым неизбежным явлением в русской политической жизни,—ничѣм неотвратимым рефлексомъ живого государственнаго организма на гнучія муки гнета и насиія, чинимаго надъ нимъ жестоко, безпоощадно и систематически организованною шаюкою уголовныхъ преступниковъ—убійцъ, воровъ, лгуновъ, развратниковъ,—въ рукахъ которыхъ очутилась государственная власть; во 2-хъ, только террористическіе факты оживляли вниманіе замирающаго политическаго общества и фиксировали его на главномъ злѣ русской жизни—самодержавной бюрократіи и полицейскомъ произволѣ; только террористы вносили гнучую струю въ организмъ угасающаго политическаго народа и затемняли ореолъ святости и неприкосновенности того, что всѣ были склонны считать совершенно незаслуженно святымъ и неприкосновеннымъ.

То обстоятельство, что Соня Перовская еще въ 1878 г., какъ мнѣ сообщали тогда, раздѣлявшая тогдашне мое отношеніе къ террору, уже 1881 г. была казнена, какъ главная участница и организаторъ въ главныхъ террористическихъ дѣяніяхъ, включая убійство Александра II, еще болѣе утвердило меня въ роковомъ характерѣ террора на Руси.

Терроръ такой же неизбежный спутникъ русскаго деспотизма, какъ безработица неизбежный спутникъ капитализма. Я даже думаю, что и разсуждалъ я въ 1878 году не въ террористическомъ духѣ лишь потому, что былъ изолированъ тюремными стѣнами отъ реальныхъ воздѣйствій русской жизни. Будь я на волѣ, вращаясь я въ сутолокѣ боевой жизни русскихъ народниковъ,—и русская жизнь неизбежно привела бы меня къ террору.

Впоследствии я узналъ, что Кравчинскій задумалъ казнить Мезенцова не только за отношеніе къ намъ во время нашей голодовки, но и за утвержденіе по его настоянію царемъ приговора надъ Ковальскимъ, разстрѣляннымъ въ Одессѣ, и за всѣ ужасы въ харьковскихъ центральныхъ тюрьмахъ, которымъ подвергались заключенные тамъ товарищи по внушенію изъ Питера Мезенцовымъ.

XXXI.

Юль близился къ двадцатымъ числамъ. Начальство начало отпирать осужденныхъ изъ крѣпости партіями. Въ крѣпость прѣзжали чиновники губернскаго правленія, и осужденныхъ на каторгу выводили по одиночкѣ въ помѣщеніе, гдѣ они засѣдали, а тамъ приведеннаго раздѣвали до гола, ставили подъ мѣрку для опредѣленія роста, записывали затѣмъ имѣвшіяся на его тѣлѣ примѣты. По этимъ даннымъ составляли, такъ называемый, статейный списокъ каторжника.

Уже были увезены Мышкинъ, «Дѣдъ», Рогачовъ, Коваликъ и Войнаральскій; уже мы получили извѣстіе о неудавшейся попыткѣ освободить Войнаральскаго, при переводѣ его изъ Харьковъ въ централку. Увезли Шишко, Соксова, Волховскаго, Сажина и др.

Причеиъ бѣднаго Сажина, совершенно неожиданно, отдѣлили отъ партіи по прибытіи ея въ Москву, и въ то время, какъ другихъ увезли въ Сибирь (Шишко и Союзова на каторгу въ Кару), Сажина препроводили въ харьковскую централку, хотя ему изъ назначенныхъ пяти лѣтъ каторги оставалось только не болѣе 2 1/2 лѣтъ.

Впрочемъ, я увѣренъ, что зтотъ рѣдкой душевной силы чело-вѣкъ, съ твердымъ характеромъ и непреклонной волей, не особенно былъ убитъ такой шуткой надъ нимъ со стороны опричниковъ.—«Что-жъ, по всей вѣроятности сказалъ онъ, смѣясь своими не-большими, умными и пронизательными глазами,—бываетъ и хуже!» И дѣйствительно, онъ въ своей жизни видаль и не такіе ужасы. Для пережившаго, въ качествѣ непосредственнаго участника въ уличной борьбѣ парижскихъ коммунаровъ, всѣ ужасныя расправы версальцевъ, централка, пожалуй, могла показаться лишь не совсемъ удобнымъ мѣстомъ принудительнаго отдохновенія. Въ централкѣ его продержали чуть не цѣлый годъ лишній! Лѣтъ черезъ 11, послѣ того, какъ я его видѣлъ въ послѣдній разъ въ крѣпостномъ дворикѣ, я встрѣтился съ нимъ въ Сибири (въ Читѣ) въ 1889 г., и нашель его все такимъ же живымъ, бодрымъ и мощнымъ. Централка, какъ и предварительная тюрьма, были тягостны для него только тѣмъ, что приходилось быть ему безъ настоящаго дѣла, безъ хлопотъ и живой работы, —«а то бы все ничего, пожалуй, терпѣть можно!» А вотъ безъ хлопотъ и живого дѣла и ноги у него нить начинаютъ, и поясницу ломить, и съ головой не сладить, то и дѣло боится! И ужъ тутъ никакая медицина не поможетъ. Но—дано ему дѣло, и черезъ день-два ужъ онъ сверкаетъ своими умными глазами, ужъ всѣ хвори, какъ рукой сняло, и голова и руки работаютъ, и проявляетъ онъ свое свойство, какъ фокусникъ Пинети, быть въ одно и то же время въ несколькихъ мѣстахъ и усматривать своими пронизательными глазами, черезъ его бѣлыя очки, сразу все, что творится во всѣхъ четырехъ сторонахъ горизонта. Бакунинъ считалъ его (по заграничному—мистера Росса), какъ сообщалъ мнѣ Мачтетъ,—«своей правой рукой» по дѣламъ анархистской фракціи Интернационала въ Женевѣ. (Съ Мачтетомъ мнѣ пришлось довольно долго сидѣть въ одномъ клубѣ въ Д. П. З. въ 1876 г.). Усталый, находчивый, дальновидный и въ то же время чело-вѣкъ крупнаго и властнаго характера, Сажинъ принадлежалъ къ числу людей, которые вызываютъ глубокую и безза-вѣтную къ себѣ привязанность со стороны однихъ, и не менѣе глубокую ненависть со стороны другихъ. Мнѣ разсказывали, къ сожалѣнію я забылъ кто именно, что знаменитый въ свое время авторъ «Отшельниковъ» писатель Соколовъ такъ привязался за границу къ Сажину, что не только готовъ былъ за него положить голову, свою на плаху, но при немъ нельзя было молвить слова неодобрительнаго о Сажинѣ,—кроткій по характеру Соколовъ впадалъ въ бѣшенство при зашитѣ своего обожаемаго! Лично я, съ тѣхъ поръ какъ узналъ Сажина въ тюрьмѣ, искренно всегда

любилъ его, какъ челоѣка крупнаго и дѣльнаго на всякомъ поприщѣ, чуждаго всякихъ мелочныхъ чувствъ, превосходнаго товарища. Во всякомъ дѣлѣ на него можно было положиться, какъ на каменную гору, и въ простомъ житейскомъ, и въ рискованномъ революціонномъ.

Наконецъ, въ ночь съ 21 на 22 июля, около 12 часовъ ночи вошли въ мою камеру Богородцкій и присяжный унтеръ-офицеръ, котораго я звалъ харьковцемъ, и предложили мнѣ слѣдовать за ними. Въ халатѣ и чиркахъ появился я за ними и былъ введенъ въ тотъ аппаратъ, гдѣ раньше производилось дознание Слезинкиныхъ и гдѣ не задолго до этого дня чиновники губернскаго правленія раздѣвали и осматривали меня, чтобы записать мои примѣты.

Это довольно длинный залъ. Здѣсь стоялъ длинный столъ, за которымъ при слабомъ освѣщеніи лампъ засѣдало три или четыре чиновника. Въ полумракѣ у двери, въ которую мы вошли, стоялъ жандармскій унтеръ-офицеръ, возлѣ котораго остановился и мой харьковецъ; нѣсколько поодаль красовался высокій бронецъ съ черными усами и съ черными большими конскими глазами, жандармскій поручикъ Петровъ, возлѣ котораго остановился Богородцкій.

Между столами, за которыми сидѣли чиновники, и этой группой людей, находилась какая-то небольшая роста фигура въ черномъ штатскомъ платьѣ. У ногъ этой фигуры находились желѣзная наковальня и молотокъ. На близъ стоящемъ отъ этой фигуры стулѣ лежала арестантская одежда, и на спинкѣ стула висѣли кандалы. Фигура подошла ко мнѣ и промолвила: «пожалуйте!»

Я подошелъ къ стулу.

— Сбросьте вашу одежду! говоритъ фигура.

Я сбрасываю.

— Вотъ рубаха,—надѣньте.

Надѣваю неприятно колющую жесткую рубаху.

Далѣе слѣдуютъ такіе же подштанники, затѣмъ—сѣрые суконные штаны, затѣмъ сѣрый халатъ съ бубновымъ желтымъ тузомъ на спинѣ.

— Сядьте на полъ, говоритъ фигура.

Я сажусь.

Фигура накладываетъ мнѣ на ноги кандалы. Въ залѣ водворяется полная тишина,—и въ этой тишинѣ рѣзко начинаетъ раздаваться стукъ о наковальню молотка, заклепывающаго кандалы. Присутствующая публика не шевельнется,—словно этотъ звукъ ударилъ этихъ людей по сердцу, и оно на время приостановилось въ своемъ бѣніи.

Неужели всѣмъ имъ—и чиновникамъ, и Богородцкому, и Петрову, и двумъ унтеръ-офицерамъ—было тяжело видѣть, какъ челоѣка заковываютъ въ цѣпи,—юношу,—вымученнаго въ тюрьмѣ, не убійцу, не вора, не преступника? Неужели?

Кандалы заклепаны. Чирки надѣты на ноги, обернутыя въ портянки.

— Встаньте, прерываетъ молчаніе фигура.—Вотъ вамъ ремень,—подвяжите цѣпи.

— Однако,—какъ неловко,—улыбаясь, говорю я.

— Надо привыкать! говоритъ фигура, подавая мнѣ сѣрую круглую безъ козырька фуражку, которую я тутъ же надѣваю на голову.

Итакъ, я готовъ: потомственный дворянинъ по высочайшему повелѣнію подвергнуть заковокъ въ кандалы, находясь еще за десяткомъ тысячъ верстъ отъ мѣста каторги.

Жандармскій поручикъ Петровъ говоритъ: «Юдинъ,—прими!»; а самъ направляется къ чиновникамъ и наклоняется надъ какой-то бумагой.

Высокій, румяный, красивый и франтоватый Юдинъ подходитъ ко мнѣ: «Пожалуйте сюда!» и уводитъ меня черезъ боковую дверь въ маленькую комнату, гдѣ сидѣлъ и, очевидно, ждалъ насъ еще жандармъ простой.

Подъ ихъ конвоемъ я выхожу за ворота, гдѣ стоитъ обыкновенная извозчичья карета.

Къ воротамъ вышли Богородцкій и мой харьковецъ. Я подхожу къ дверцѣ кареты.

— Прощайте, господинъ Синегубъ. Дай Богъ вамъ здоровья! напутствуетъ Богородцкій.

— Прощайте, баринъ, прощайте баринъ, трогательно восклицаетъ харьковецъ, нѣсколько разъ кланяясь мнѣ на прощанье.

Тронутый ихъ добрыми напутствіями и сажусь въ карету между двумя лучшами прощальными пожеланіями и сажусь въ карету между двумя жандармами. Меня повезли на вокзалъ Николаевской дороги.—Въ каретѣ меня вдругъ поразила мысль: «Странно! Я—въ кандалахъ, въ полной арестантской амуниціи, а для харьковца—я все таки остался баринъ!» «Прощайте, баринъ» кричалъ онъ мнѣ на прощанье и не замѣчалъ всей ироніи, скрытой въ его прощальномъ привѣтствіи.

С. Синегубъ.

О смерти Мих. Дм. Райко.

(16 авг. 1882 г.)

В очерк жизни и деятельности П. С. Поливанова, изд. Мягкова («Александровский валинь», стр. 143) рассказывается, что когда при попытке Поливанова совместно с Райко освободить из Саратовской тюрьмы своего товарища М. Новицкого, 16 авг. 1882 г. они помчались от острога по Московской улице, телёжка при повороте наскочила на тумбу и опрокинулась: «вскочив на ноги, Поливанов и Райко, отстреливаясь, пытались прорваться сквозь круг нападающих (тюремной конвой и сбывавшийся на шум выстрелов народ), но было уже поздно спастись: вскорь всё трое былишиблены с ног и жестоко избиты. Райко прожил послѣ расправы только часть».

Такимъ образомъ согласно этому сообщенію смерть Райко послѣдовала отъ нанесенныхъ ему жестокихъ побоевъ.

Мнѣ совершенно случайно пришлось быть свидѣтелемъ вскрытія трупа убитаго Райко.

Я только что кончилъ въ этомъ году гимназію и пріѣхалъ на двѣ недѣли погостить въ Саратовъ, въ семью своего дяди М. С. Бѣляскаго, бывшаго городовымъ врачомъ г. Саратова 16 авг. дядя, пріѣхавши вечеромъ изъ города на дачу, сообщилъ, что «въ этотъ день была совершена попытка освободить изъ мѣстнаго острога политическаго заключеннаго. „Преступникъ“, во время прогулки, перескочивши тюремную ограду, съѣлъ въ поджидавшую его у ограды телёжку, и экипажъ быстро помчался... Выстрѣломъ конвойнаго, пытавшагося задержать бѣглецовъ, одинъ изъ соучастниковъ побѣга, одѣтый кучеромъ, былъ *убитъ*, при чемъ телёжка опрокинулась»...

Въ качествѣ будущаго медика меня очень интересовала процедура вскрытія трупа, и я упрости дядю взять меня съ собой на вскрытіе...

Въ полицейскомъ сараѣ на столѣ лежалъ трупъ молодого человѣка въ новой суконной поддевкѣ, запачканной грязью.

Интеллигентное лицо, бѣлое тѣло съ тонкой кожей, въ особенности тонкое ниже бѣлья, выдавало, что подъ кучерской поддевкой кроется не простолюдинъ...

Отсутствіе медицинскихъ познаній въ то время лишало меня возможности сознательно слѣдить за актомъ судебно-медицинскаго осмотра и вскрытія. Помню, однако, что наружныхъ поврежденій (ссадинъ, кровоподтековъ,

синяковъ) на тѣлѣ не оказалось и что по заключенію врача, производившаго вскрытіе (М. С. Бѣ—скаго) смерть послѣдовала отъ нанесенной конвойнымъ *огнестрѣльной раны* въ голову.

Рана, нанесенная Райко, несомнѣнно была смертельная и потому сообщеніе, будто Райко и Поливановъ, вскочивши на ноги, пытались прорваться, очевидно, грѣшитъ противъ истины. Сопоставляя въ своей памяти слышанный тогда мною рассказъ Бѣ—скаго о побѣгѣ съ данными вскрытія, —на сколько онѣ уцѣлѣли въ моей памяти,—я предполагаю, что, по всей вѣроятности, раненый смертельно Райко, падая изъ телёжки, судорожно натянулъ или рванулъ возжи, отчего телёжка опрокинулась... Новицкий и Поливановъ могли встать на ноги и, отстрѣливаясь, пытаться прорваться сквозь цѣпь преслѣдователей, но Райко, смертельно раненый, вѣроятно, лежалъ уже безъ сознанія...

Совершенно спокойное его лицо,—какъ сохранилось оно въ моей памяти,—не искаженное предсмертной судорогой, говорило скорѣе даже за то, что смерть была, вѣроятно, моментальной.

Возможно, конечно, что вмѣстѣ съ Поливановымъ и Новицкимъ подвергся жестокимъ побоямъ и испускающій духъ Райко, но расправа могла быть совершена, очевидно, уже надъ трупомъ!..

Д-ръ Мед. Поляковскій.

22 іюля 1906 г.

„Дѣло о лицахъ, обвиняемыхъ въ сношеніяхъ съ лондонскими пропагандистами“.

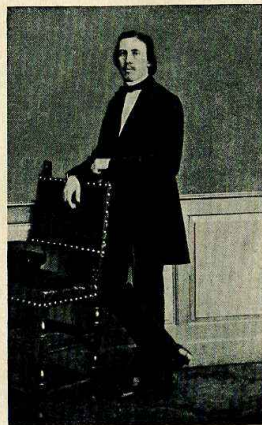
(По неизданнымъ источникамъ).

(Продолженіе ¹⁾).

Арестъ А. И. Ничипоренка и письма М. А. Бакунина. Арестъ Н. А. Потъхина.

8-го августа Потаповъ сообщилъ комиссіи рядъ интересныхъ бумагъ, касавшихся новаго лица—*Андрея Ивановича Ничипоренка*. Было ясно, что послѣдній находился въ сношеніяхъ съ «русскими изгнанниками». Все это открылось, благодаря любезности австрийскаго министра полиціи, предупредительно поддѣливагося съ русскимъ правительствомъ своими интересными свѣдѣніями.

Вотъ что писалъ австрийскій министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ фонъ-Рехбергъ Іоганнъ-Бернгардъ, графу Ревертеру 18 іюня н. с. 1862 года. Черезъ Пескьеру проѣзжалъ русскій подданный, по паспорту кол. регистраторъ Андрей Ничипоренко. При обыскѣ его въ бюро пограничной полиціи найдены итальянскія прокламаціи и большое количество писанныхъ по-русски, призывавшихъ къ пожертвованіямъ въ «общій фондъ» Герцена и Огарева. Послѣ отъѣзда его изъ Пескьеры въ Венецію и Триестъ, были получены свѣдѣнія, что въ тотъ же обыскъ найдены еще нѣсколько незапечатанныхъ писемъ, оставленныхъ имъ, вѣроятно, для того, чтобы они не попали въ руки австрийскаго правительства. По этимъ письмамъ видно, что Ничипоренко — одинъ изъ выдающихся помощниковъ революціонныхъ эмиссаровъ. Напримѣръ, два рекомендательныхъ письма Саффи къ Гарибальди и Пеллаци, три Бакунина къ Гарибальди же и др. «Во всѣхъ этихъ письмахъ, сообщалъ графъ Рехбергъ,—Ничипоренко представленъ не только, какъ искренній другъ Герцена и Бакунина, но и какъ лицо, къ которому можно имѣть

Николай Александрович
СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧЪ.

¹⁾ См. „Бюлетъ“, № 9.

полное довѣріе относительно исполненія возложенныхъ на него порученій; открываются также указанія на дѣйствія и возбужденія славянской пропаганды, коей планы направлены нынѣ же на возстаніе въ Богеміи и должны распространиться послѣ первой удачи на Моравію и Венгрію и на провинціи турецко-славянскія». Поэтому Рехбергъ просилъ Ревертера извѣстить обо всемъ этомъ русское правительство и прибавлялъ, что объ арестованіи Ничипоренка въ Австріи и въ Турціи сдѣланы уже соотвѣтствующія распоряженія.

Направляя копію этой бумаги въ комиссію, Потаповъ сообщилъ, что русское правительство не успѣло арестовать Ничипоренка на своей границѣ, и онъ пробѣжалъ въ Полтавскую губернію, но что тамъ, въ Прилудкомъ уѣздѣ, 28 іюля онъ найденъ, арестованъ и уже препровожденъ въ Петропавловскую крѣпость.

Нѣкоторое время спустя Потаповъ прислалъ въ комиссію нѣсколько литографированныхъ листовъ — это были копіи писемъ, отобранныхъ австрійскою полиціей у Ничипоренка и любезно изготовленныхъ ею для полицействовавшего сосѣда...

Приведу всѣ эти документы въ русскомъ переводѣ, сдѣланномъ уже въ нашемъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и — оговариваюся — не всегда вполне соотвѣтствующемъ оригиналу.

Первое (по-русски) — записка М. А. Бакунина на его визитной карточкѣ: «Другу Налбандову отъ Герцена, Огарева и меня общій и сердечный поклонъ. Просимъ мы васъ принять подателя сего, А. И. Ничипоренко, какъ нашего друга, къ которому вы можете имѣть безусловно такое же довѣріе, какъ къ намъ самимъ. Hôtel du Louvre, 228».

Второе — французское письмо Бакунина «генералу Гарибальди».

10 маі 1862 г. Лондонъ.
10. Paddington Green W.

«Беру смѣлость направить къ вамъ друга и соотечественника, который прямо пріѣхалъ изъ Россіи и который можетъ дать вамъ всевозможныя свѣдѣнія о томъ, что нынѣ происходитъ въ нашемъ отечествѣ. Это человѣкъ испытанной скромности и осторожности, справедливый и умный, хорошо поставленный, чтобы знать многое, и который все дѣло представить вамъ въ настоящемъ видѣ. Герценъ его знаетъ хорошо, и, вѣроятно, будетъ тоже рекомендовать».

«Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Россія идетъ быстрыми шагами къ революціи. Когда она разразится? Вотъ вопросъ. Можетъ въ 1863 году, можетъ нѣсколько лѣтъ позже. Мы употребляемъ всѣ возможныя усилія, чтобы ее ускорить и соединить съ движеніемъ живыхъ народовъ Европы. Въ моемъ послѣднемъ письмѣ я вамъ жаловался на затрудненія со стороны Польши, нынче мы сдѣлали большій шагъ; по моему воззванію, изъ самой Польши прислали намъ полякъ. Мы нашли, чего искали такъ долго въ польской эмиграціи и всегда тщетно; сердце и умъ широкій и ясный, не романтической; однимъ словомъ, истиннаго представителя нынѣшнихъ

интересов и положения Польши. Представитель молодого поколѣнія, которое поняло, что весь польскій вопросъ въ крестьяннѣхъ. Мы подадимъ другъ другу руку, и съ той минуты будемъ работать вмѣстѣ. Наша цѣль, это уничтоженіе Московско-Петербургской централизаціи, эмансипаціи и совершенная свобода, автономія и независимость польскихъ провинцій, и не польскихъ, которыя составляютъ Россійское государство; война на смерть и истребленіе Австрійской имперіи; точно также, какъ и противъ Турецкой, отчасти и противъ Пруссіи, насколько она состоитъ изъ польскихъ провинцій,—и общая федерація всѣхъ славянскихъ народовъ. Мы желали бы подать руку мадьярамъ и очень желали бы, чтобы они отказались отъ идеи преобладанія надъ прочими славянскими народами и вмѣсто того, чѣмъ стремиться къ основанію Венгерскаго королевства, чтобы бросить всѣхъ венгерскихъ славянъ въ станъ австрійскаго дома, мы желали бы, чтобы они поняли, что для нихъ одно средство выйти побѣдителями,—это составить федерацію изъ всѣхъ славянскихъ племенъ Венгрии, т. е. мадьяръ, румынъ и славянъ. Совершенное равенство этой федераціи могло бы сдѣлать ее какъ бы оболочкой для всѣхъ восточныхъ, болѣе обширныхъ федерацій.

«Вотъ наши мечты, общія; и, можетъ, наступитъ время, что вы призваны будете быть посредникомъ, играть эту великую роль между всѣми славянскими племенами, такъ дурно соединенными, и безъ единства коихъ Австрія никогда не можетъ быть побѣждена. Что я проповѣдую теперь, это соединеніе славянъ съ мадьярами, во что бы то ни стало, даже еслибы современемъ они сдѣлались нашими врагами,—потому что они никогда не могутъ быть такъ опасны и могущественны, какъ австрійцы.

«Я долгомъ считаю изложить вамъ наши мысли, чтобы объяснить присылку къ вамъ подателя сего письма. Еще разъ скажу, онъ вполне заслуживаетъ вашего довѣрія, столько-же, сколько считаете насъ самихъ достойными оного. Онъ пользуется вполне нашимъ. Мы желали сколько возможно соединить нашу націю съ вашей. Италия, по положенію, интересамъ и сравнительной юности, настоящій другъ славянъ. Намъ дѣлать будетъ нечего, а сражаться будемъ противъ общаго врага, Австріи. Мы простираемъ нашу вражду немного далѣе, чѣмъ вы; мы естественные враги нѣмцевъ. Ненависть славянъ къ нѣмцамъ равняется ненависти итальянцевъ къ Австріи. Такъ же, какъ послѣдняя способствовала уничтоженію Италии, также ненависть нѣмцевъ способствуетъ уничтоженію славянъ. Напримѣръ, еслибы Наполеонъ III вздумалъ идти на Рейнъ, что совсѣмъ не невозможно, мы нашли бы это несправедливымъ по теоріи, но противиться этому положительно не стали бы; напротивъ, воспользовались бы (неразборчиво), чтобы ниспровергнуть Австрію, чтобы освободить польскія провинціи въ Пруссіи и внести революцію въ Россію. Откуда начнется движеніе? Подастъ-ли сигналъ честолюбіе и внутреннія обстоятельства Франціи? Будеть-ли это внезапное возстаніе народовъ итальянскаго, мадьярскаго, сла-

вянскаго, армянскаго и греческаго? будетъ-ли это, все таки, русская революція? Вотъ въ чемъ вопросъ. По крайней мѣрѣ, употребимъ все стараніе, чтобы эти возстанія способствовали и достигли одной цѣли: совершенное освобожденіе Италии, возстаніе и освобожденіе всего Востока. Не нужно Австріи и нѣмецкаго владычества, но вмѣстѣ съ тѣмъ не нужно и царизма и имперіи въ Россіи. На мѣсто всего этого автономія и федерація всѣхъ свободныхъ народовъ.

«Дѣло великое, но не невозможное. Есть минуты, въ которыя только мелкое и умѣренное неисполнимо.

«Начнемъ съ соединенія славянъ съ итальянцами.—Молодой человекъ, переговоривши съ вами, отправится въ Вѣну; оттуда въ Прагу; онъ пройдетъ всю Венгрію до Сербіи; наконецъ изъ Бѣлграда онъ отправится въ Галацъ, потомъ въ Малороссію, гдѣ онъ будетъ работать для устройства этого чуднаго края, *Украины*, не польской, не московской, но самой по себѣ, населенной 15 милл. душъ смысленаго народа.

«Генераль, если вы находите истинно полезнымъ соединеніе славянъ съ Италіей, если вы имѣете вѣру въ дѣйствительность и пользу нашего дѣйствія, если вы имѣете къ намъ довѣрѣ, то говорите съ нимъ также откровенно, какъ вы бы говорили съ нами. Это человекъ, котораго мы испытали и который оказалъ намъ, т. е. нашему дѣлу, большія услуги. Скажите ему, чего вы желаете; сдѣлайте ему порученія въ тѣ города, которые онъ посѣтитъ; назовите ему людей, которыхъ онъ долженъ видѣть, и скажите ему, можетъ ли онъ и насколько употребить свое имя и представить насъ славянамъ, какъ вашихъ вѣрныхъ союзниковъ и друзей; онъ не перейдетъ границы и не скажетъ ничего ни больше, ни меньше. Я васъ попрошу особенно сказать ему ваше мнѣніе о вопросѣ, который, мнѣ кажется, чрезвычайно важнымъ.

«Предположимъ, что Австрія готовится къ войнѣ противъ васъ или противъ Франціи, даже противъ обоихъ вмѣстѣ; вѣроятно, будутъ дѣлать новый наборъ. Я знаю изъ хорошихъ источниковъ, что нашлось бы много молодыхъ людей, которые рѣшились бы дезертировать, *если бы они были увѣрены*, что найдутъ въ Италиі не только пріютъ, но что будутъ приняты въ итальянскіе легіоны; и когда объявится война, вы изъ нихъ составите легіоны,—чешскіе, словакскіе, кроатскіе и сербскіе и т. д. Если бы мы были увѣрены, что это дѣло возможно, мы стали бы работать для приготовленія его; но не можемъ взять на себя послать людей въ изгнаніе, не обезпечивъ ихъ кускомъ хлѣба.

«Я прошу у васъ извиненія, генераль, что такъ долго бесѣдовалъ съ вами. Мнѣ остается только пожать вамъ руку и поблагодарить за дружескую записку.

«Вамъ преданный

М. Бакунинъ.

«Позвольте дать вамъ на всякій случай вѣрный адресъ.

London. Miss W. Welzche. For remitting to miss Eliza Jones. 10. Paddington Green W.

«Р. S. Другъ, о которомъ я вамъ говорю, податель этого письма, называется *Андрей Ничипоренко*. Онъ, вѣроятно, явится къ вамъ въ сопровожденіи другого русскаго, добраго малаго, но нѣсколько неосторожнаго и болтливаго. Герценъ въ своемъ письмѣ, конечно, будетъ вамъ его рекомендовать, но только изъ вѣжливости. Но мы просимъ вашего довѣрія только другу Ничипоренко, который въ этомъ дѣлѣ гораздо умнѣе».

Третье—нѣмецкое письмо Бакунина къ Фрику, а для австрійскаго и русскаго правительствъ—неизвѣстно кому адресованное.

12 мая 1862 г. Лондонъ.
Paddington Green. W.

«Мой любезный, хотя лично не знакомый мнѣ другъ, письмо, которое вы писали Адольфу, точно также, какъ и старая, испытанная дружба моя съ вашимъ братомъ, даетъ мнѣ право обратиться къ вамъ письменно».

«Податель сего мой лучший другъ, сельскій житель, т. е. по настоящему малороссъ. Прошу васъ имѣть къ нему полное довѣріе, которое онъ вполне заслуживаетъ; и я ручаюсь за него, какъ за человѣка осторожнаго, твердаго характера и нами всѣми хорошо испытаннаго. Онъ можетъ многое сообщить вамъ о настоящемъ положеніи Россіи. Онъ явится къ вамъ сейчасъ послѣ свиданія съ Гарибальди, и потому сообщить вамъ и съ этой стороны много интереснаго; я съ нимъ посылаю вамъ открытую, но отнюдь не для печати или распространенія написанную статью къ вашему брату о славянскихъ дѣлахъ. Изъ нея вы узнаете наше направленіе и нашъ взглядъ. Все остальное и подробности сообщить вамъ мой другъ. Все, что знаю о васъ, заставляетъ меня надѣяться, что мысли наши одинаковы, и что вы признаете полезнымъ соединиться съ нами. Я предлагаю вамъ воспользоваться этимъ случаемъ; время намъ устроиться. Гроза близка, и когда она разразится, поздно будетъ думать о пріготовленіяхъ, тогда мы должны будемъ дѣйствовать, но чтобы дѣйствовать, мы должны знать, куда, съ кѣмъ и съ какими силами. Вотъ почему нужно устройство и общее пониманіе другъ друга. Если вы раздѣляете это убѣжденіе, пріѣзжайте и привозите нѣсколько вѣрныхъ друзей въ Лондонъ, чтобы воспользоваться выставкой, такъ какъ я, въ сами вѣроятно понимаете, не могу явиться въ Прагу. Хорошо было бы, если бы вы угворили нѣсколькихъ хорватовъ и сербовъ на подобную же поѣздку».

«Если вы предпримете эту поѣздку, то начинайте устройство съ Богомъ. Ищите не многихъ, но выбирайте людей энергическихъ, просвѣщенныхъ, не честолюбивыхъ, осторожныхъ и особенно съ влияніемъ на народъ и на молодежь. Большая осторожность нужна въ этомъ первомъ выборѣ, потому что коварный, даже слабый или болтливый членъ можетъ испортить все дѣло. Прежде всего утвер-

дитесь въ Богеміи, потомъ можете распространяться, въ Моравію, Венгрію и даже въ турецко-славянскія земли. Больше необходимо передать вамъ мой другъ. Будьте очень осторожны съ этимъ письмомъ; сожгите его по прочтеніи, и если хотите, то съ согласія моего друга можете показать его двумъ, и не болѣе, какъ тремъ, испытаннымъ друзьямъ и то если таковыя окажутся въ Прагѣ. Точно такъ прошу васъ быть осторожнымъ съ личностью моего друга, для того, чтобы черно-желтая полиція не узнала, что русскій, занимающійся славянскими дѣлами и интересующійся ими, мой другъ и посѣщаетъ васъ. Не говорите о немъ ни съ кѣмъ безъ его положительнаго разрѣшенія. Извините, что я вамъ это напоминаю. Но осторожность есть душа всякаго предпріятія. Тогда только будетъ намъ довѣрять, когда будутъ знать, что мы никого не компрометировали. Что же касается до открытаго письма, то вы можете показать его всѣмъ по вашему усмотрѣнію, не говоря, что вы получили его черезъ кого нибудь или по почтѣ. Прежде всего мы должны думать о вѣрномъ средствѣ вести переписку. Вы должны мнѣ прислать одинъ или два невинныхъ адреса, чтобы я могъ безъ опасенія писать къ вамъ въ Прагу и получать отъ васъ письма. Вы должны сейчасъ выдумать символическій языкъ, и прислать мнѣ въ родѣ словаря. Мой другъ сообщитъ вамъ мой адресъ».

«Теперь прощайте, и да пособитъ Духъ Славянскій будущности».

«Вашъ другъ, если вы этого желаете,

М. Бакунинъ.

«Держите какъ можно меньше бумагъ, жгите все, что нѣтъ непремѣнной нужды сохранять».

Четвертое—приложеніе къ только что приведенному письму, статья въ видѣ открытаго письма Бакунина къ брату Фрика; она напечатана уже мною на стр. 255—264 августовской книжки «Былого».

Пятое—нѣмецкое письмо Бакунина Куслиану, правительствамъ же тоже неизвѣстно кому адресованное.

20 мая 1862 г.

«Любезный братъ,

«Диктую и даже на нѣмецкомъ языкѣ, по причинѣ, которую ты, вѣроятно, одобришь; впрочемъ, совершенно надежный человѣкъ передастъ тебѣ записку моего сочиненія тоже на нѣмецкомъ языкѣ, которая тебѣ объяснитъ все».

«По твоей развѣвшейся въ эти два года открытой политической дѣятельности, я имѣю право считать тебя за достойнаго, энергическаго и вмѣстѣ съ тѣмъ осторожнаго славянина. Вышлите намъ изъ вашей среды, на вашъ счетъ, представителя, журналиста также какъ политика, какъ безпристрастнаго, такъ и талантливаго че-

долька, как Курелацъ. Старую разорванную сѣть надо опять соединить, и на основаніяхъ перваго славянскаго конгресса.

«Не сомнѣвайся, не имѣй недостатка въ предосторожности, намъ можетъ вскорѣ понадобится правдивый докладъ о вашемъ положеніи.

«Будь здоровъ, уничтожь это письмо, не забывая насъ и по-мощи, сколько позволятъ силы, нашему общему дѣлу. Подателю сего, во всякомъ случаѣ, съ полнымъ довѣріемъ передай твой собственный взглядъ, ваши надежды и цѣли. Шафарикъ и Штуръ воскреснутъ въ насъ».

Пятое—нѣмецкое письмо Бакунина неизвѣстному адресату:

12 мая 1862 г. Лондонъ.
10 Paddington Green. 10.

«Помните ли, любезный другъ, нашу встрѣчу на желѣзной дорогѣ въ маѣ 1848 г., когда оба ѣхали въ Прагу на славянской конгрессъ? Помните ли наше житье вмѣстѣ во время конгресса въ Прагѣ? Гдѣ Притца? Остался ли онъ добрымъ славяниномъ? Что вы все тотъ же, я это знаю; что до меня касается, то я, не смотря на 8-ми-лѣтнее заключеніе въ тюрьмахъ и 4-хъ-лѣтнее изгнаніе въ Сибири, не только что не измѣнилъ своимъ старымъ чувствамъ, напротивъ, они еще глубже и больше. Нынѣ я не буду пробовать примирять славянъ съ нѣмцами, какъ дѣлалъ это въ Богеміи въ 1849 г. Впрочемъ, вы узнаете мои мысли изъ открытаго письма, которое я вручилъ сельскому жителю и моему другу; вмѣстѣ съ тѣмъ позвольте его вамъ отрекомендовать. Онъ другъ, которому вы безусловно можете довѣриться; было бы приятно, если бы вы съ нимъ сошлись, и вмѣстѣ съ тѣмъ помогли бы ему познакомиться съ добрыми славянами и поближе узнать состояніе славянъ».

«Мой другъ дастъ вамъ мой адресъ.

М. Бакунинъ».

Затѣмъ, письмо Герцена и Огарева отъ 12 мая 1862 года, объ открытій сбора въ «общій фондъ», напечатанное на отдѣльныхъ листочкахъ и помѣщенное тогда же одновременно и въ «Колоколь».

Вотъ оно:

«Въ отвѣтъ на нѣсколько писемъ, полученныхъ изъ Россіи, мы считаемъ нашей обязанностью сказать, что мы готовы учредить при редакціи «Колоколь» сборъ денегъ, предназначаемыхъ на общее наше русское дѣло; мы беремъ на себя не только обязанность хранения денегъ, но и тяжелую отвѣтственность употребленія ихъ. Что мы поступимъ съ полной чистотой и полнымъ вниманіемъ, въ этомъ, вѣроятно, предлагающие прислать деньги не сомнѣваются. Само собою разумѣется, что мы будемъ вести строгую отчетность и отдадимъ *ясный отчетъ* тогда, когда онъ будетъ возможенъ».

*Александръ Герцена.
Николай Огаревъ».*

12 мая 1862 г.

Наконецъ, два письма знаменитаго итальянскаго эмигранта—Саффи. Первое къ секретарю Гарibaldi—Беллаци отъ 11 мая 1862 г.:

«Любезный Беллаци!

«Г. Ничипоренко отличный русскій патриотъ и другъ Герцена и Бакунина; представится генералу Гарibaldi съ письмами къ нему отъ Герцена, Бакунина и меня. Желая быть полезнымъ генералу по связямъ своимъ и свѣдѣніямъ о славянскомъ племени, онъ, какъ молодой человѣкъ, исполненный патриотическихъ чувствъ и познаній, можетъ оказать важныя услуги. Послѣ кратковременнаго путешествія по Итали, онъ побѣдетъ по славянскимъ землямъ вдоль Дуная и потомъ въ Европейскую Турцію и въ Грецію. Генераль можетъ воспользоваться его предложеніемъ съ полнымъ къ нему довѣріемъ, я же его рекомендую тебѣ, чтобы ты предупредилъ генерала о его великодушномъ предложеніи и о желаніи объясниться съ генераломъ. Остаюсь любящимъ тебя другомъ».

А. Саффи».

Второе—къ самому Гарibaldi:

«Эти строки вамъ представитъ русскій патриотъ г. Ничипоренко, котораго рекомендую вамъ отъ своего имени и отъ имени друзей, Герцена и Бакунина. Онъ можетъ оказать весьма важныя услуги дѣлу народной эмансипаціи по знаніямъ своимъ о славянской народности. Послѣ кратковременнаго пребыванія въ Итали, Ничипоренко собирается предпринять путешествіе по придунайскимъ землямъ, и вы можете воспользоваться его связями и дѣйствіями во всемъ, въ чемъ, по вашему благоусмотрѣнію, сочтете нужнымъ. Пользуясь случаемъ и пр. Вашъ покорный слуга

А. Саффи».

Читатель видитъ, что, дѣйствительно, Ничипоренко везъ очень важныя бумаги, и неизвѣстно, чѣмъ бы закончилось подготовляемое тогда славянское движеніе, если бы не арестъ «почталіона», брошившаго приведенныя письма подъ скамейку на станціи Пескьеръ.

Ничипоренко, какъ увидитъ читатель, не игралъ особенно выдающейся роли въ политическомъ движеніи шестидесятыхъ годовъ, но, благодаря довѣрью Герцена, бывшаго убѣжденнымъ въ его «большомъ характерѣ», исполняя кое-какія порученія. Въ романѣ «Некуда» Лѣсковъ обилил его (названнаго Пархоменко) помянои, думая такимъ простымъ способомъ отвести ихъ отъ защищаемого имъ всѣми силами Бени; въ «Загадочномъ же человѣкѣ» онъ просто наклеветалъ на него. Къ Лѣскову мы еще вернемся, а теперь намъ не слѣдуетъ забыть указаніе самого Кельсiewa на Ничипоренко, какъ на одного изъ лондонскихъ корреспондентовъ, считавшагося тогда однимъ изъ передовыхъ петербургскихъ дѣятелей. При этомъ Кельсiewъ называетъ его «личностью несимпатич-

ною», но отдает ему должное, именно как корреспонденту, говоря, что доставляемая имъ свѣдѣнія всегда были вѣрны и замѣчательны.

Теперь комиссія предстояло изловить то таинственное лицо, которое бѣжало къ Гарибальди вмѣстѣ съ Ничипоренкомъ и на которое Бакунинъ не совсѣмъ то полагался. Опытный ищейка Потаповъ имѣлъ уже у себя свѣдѣнія, что это былъ акціонный чиновникъ, писатель *Николай Антиповичъ Потъхинъ*. Комиссія постановила арестовать его немедленно. Въ серединѣ августа Потъхина арестовали и тоже привезли въ Петропавловку.

Арестъ маркиза де-Траверсе, О. М. Бѣлозерскаго и П. П. Лялина.

8-го же августа Потаповъ сообщилъ комиссії, что маркизъ *де-Траверсе* арестованъ и отправленъ въ Петропавловскую крѣпость. 12-го числа жандармскій полковникъ Дурново прибылъ на квартиру брата жены Траверсе—правителя особой канцелярши министра внутреннихъ дѣлъ, камергера Шидловскаго, для осмотра бумагъ маркиза, но ничего подозрительнаго не нашелъ.

Одна комната, за немнѣнимъ ключей, чтобы отворить ее, была тогда же опечатана. На слѣдующій день ее удалось открыть, найти бумаги и отправить ихъ въ III отдѣленіе. Государственный контролеръ, генералъ Н. Н. Анненковъ, сообщилъ кн. Голицыну, что маркизъ служить въ его вѣдомствѣ въ качествѣ чиновника особыхъ порученій VI класса и аттестуется хорошо.

24-го іюля на хуторѣ въ Новоузенскомъ уѣздѣ Самарской губерніи былъ арестованъ *Олимпій Михайловичъ Бѣлозерскій*. Переписки при немъ никакой не оказалось, но зато нашли три книги: «Опытъ состоянія Россіи» изд. въ Лондонѣ на франц. языкѣ, «Вѣра» т. е. законъ Моисеевъ, берлинское изданіе въ переводѣ Мандельштама, и Вольтерова «Дѣвственница» («La pucelle»). 7 августа онъ былъ заключенъ въ Петропавловскую крѣпость.

11 августа въ деревнѣ Ивановкѣ Сумскаго уѣзда, Харьковской губерніи, арестованъ бывшій членъ харьковскаго губернскаго комитета по крестьянскому дѣлу *Пименъ Петровичъ Лялинъ*, и къ 20 августа тоже заключенъ въ Петропавловку. Ни запрещенныхъ книгъ, ни подозрительныхъ писемъ при немъ не нашли, но комиссія признала обвиненія, падавшія на Лялина, столь важными, что предписала Потапову отобрать *всѣ* его бумаги. Сейчасъ же были запрошены мѣстная власть о поведеніи этого семидесятилѣтняго старика. Жандармскій полковникъ сообщалъ Потапову, что Лялинъ «человѣкъ строгой жизни, въ сношеніяхъ съ другими честенъ и благороденъ, характера энергичскаго, преданъ занятіямъ, особенно, какъ членъ губернскаго по крестьянскому дѣлу присутствія, занимался и писалъ очень много; высказывалъ себя постоянно противъ всѣхъ неблагонамѣренныхъ идей молодежи; общее мнѣніе совершенно въ его пользу». Губернаторъ писалъ

почти то же самое министру внутреннихъ дѣлъ. Поиски бумагъ обнаружили письма какой-то Хрушевой, гдѣ она выражала сочувствіе «Колоколу», долгоруковской «Будущности» и пр., и самый «Колоколъ», «Будущности» и переписанный № 3 «Великорусса».

Итакъ, понемногу, комиссія собирала всѣхъ въ крѣпость, твердо вѣруя, что отыщетъ корень и всѣ нити пропаганды.

Корреспонденція Н. А. Серно-Соловьевича.

Теперь вернемся къ Серно-Соловьевичу, томившемуся въ Алексѣевскомъ рavelинѣ.

Братъ его Владиміръ рѣшилъ просить свиданія и обратился за этимъ 9 августа къ Потапову. Тотъ передалъ просьбу на усмотрѣніе комиссії и кстаті препроводилъ ей перехваченное при перлюстраціи письмо Константина Серно-Соловьевича къ брату Александру, уѣхавшему еще раньше за границу. Константинъ писалъ, что, помня ихъ условіе, телеграфировать, въ случаѣ неприятностей для Николая, онъ не могъ этого сдѣлать, потому что не нашелъ адреса. Теперь, узнавъ его, сообщаетъ объ арестѣ Николая. «Во все время обыска онъ былъ совершенно покоенъ; только маленький рюмачекъ покрывалъ его щеки; онъ увѣрялъ меня, что ничего особеннаго нѣтъ и что онъ увѣренъ, что его скоро выпустятъ». 8 іюля онъ, Константинъ, былъ у Потапова, чтобы узнать, гдѣ Николай, и просить свиданія. Жандармскій камергеръ отвѣтилъ, что братъ въ крѣпости, но свиданія невозможны. На просьбу доставить Николаю бѣлье тоже получилъ отказъ. Далѣе Константинъ пишетъ: «Потаповъ разспрашивалъ меня, гдѣ ты; я отвѣчалъ, что положительно не знаю; потомъ я узналъ, что въ слѣдственной комиссії сказали, что старшій братъ не такъ опасенъ, но что другіе опаснѣе и что только что ты вернешься—тебя возьмутъ. Прощу тебя, любезный Саша, не пріѣзжай покуда въ Петербургъ».

Комиссія радовалась, имѣя въ рукахъ это письмо. Она призвала Константина Серно-Соловьевича и учинила ему допросъ, остановившись главнымъ образомъ на томъ, почему же братья ожидали чего нибудь неладнаго съ Николаемъ? На это былъ полученъ отвѣтъ: «Объяснѣе писать брату было вслѣдствіе закрытія магазина въ первый разъ; что касается совѣта не возвращаться въ Петербургъ, то онъ данъ потому, что Александръ очень боленъ, но хотѣлъ вернуться, если магазинъ будетъ закрытъ. Объ арестованіи его въ случаѣ возвращенія говорилъ по городу». Мало узнала комиссія, но, вѣсакіи, пріобщила перлюстрованное письмо къ дѣлу. Что касается свиданія Николая съ Владиміромъ, то комиссія отказала въ его просьбѣ, разрѣшивъ, однако, написать черезъ нее обо всемъ, что нужно сообщить Николаю.

Тогда же до свѣдѣнія комиссії дошло, что наканунѣ ареста Николай Серно-Соловьевичъ передалъ ящикъ съ кажими то бумагами Трубникову, издателю «Биржевыхъ Вѣдомостей». Постановлено

было отобрать ящикъ и осмотрѣть. Но оказалось, что былъ переданъ не ящикъ, а свертокъ акций, облигаций и кредитокъ, и не Трубникову, а сестрѣ его жены—Вѣрѣ Васильевнѣ Ивашевой.

Владимиръ написалъ брату письмо, на которое Николаемъ написанъ слѣдующій отвѣтъ:

«Отвѣчаю тебѣ, дорогой другъ, на письмо твое отъ 7 сентября.

1. *Доверенность* посылаю, я прибавилъ къ ней *право передачи* другому лицу; это необходимо на тотъ случай, еслибы тебѣ пришлось почему либо—отъѣзду, неохотѣ, болѣзни—поручить дѣла кому нибудь другому. Кромѣ того, сколько мнѣ помнится, у меня были *два* доверенности по дому: одна на *управленіе*, другая на *закупку и продажу*. Справься, пожалуйста, въ бумагахъ, такъ ли.

2. Принявъ участіе въ конкурсѣ Власова, изучи хорошенько свои права и обязанности. Это ты найдешь въ *сводѣ законовъ* т. XI, объ учрежд. коммерческаго суда. Св. З. есть въ библиотекѣ. Вообще позволь мнѣ дать тебѣ совѣтъ—при всякомъ дѣлѣ обращаться къ своду З. и прочитывать подлежащія статьи. Это на всю жизнь принесетъ пользу. ¹⁾

3. Страховая деньги, дѣйствительно, внесены впередъ по 18651. *Полисы* находится въ правленіи Гор. Кред. Общ. Кстати, надо взять полисы на застрахованные мною во время пожара *магазинъ и библиотеку*. Всѣ русскія общества отказались принять на страхъ и потому пришлось обратиться къ иностраннымъ. *Отказные документы* русскихъ обществъ надо сохранить. Квитанціи иностр. общ. частью у Пыпина, частью, кажется, въ моемъ сундукѣ. Агенты общ. помѣщаются въ 1-мъ стр. общ., въ Петерб. стр. общ. или 2-го стр. общ.—надо взять 4 *полиса*.

4. Сдача помѣщенія Крону возбуждаетъ во мнѣ много думъ. Что можетъ быть характеристичнѣе: закрытая читальня смѣняется пивной. Недостааетъ, чтобы сняли мою квартиру подъ б.....! Вѣдь одна—неизбѣжное дополнение другой (т. е. пивная и другое заведеніе). Снимщики подъ пивную буквально осаждали меня... Мѣсто для нихъ раздольное, но я упорно отказывалъ: вѣдь только слава, что пивная или портерная—въ сущности, тотъ же кабакъ. Впрочемъ, тутъ дѣйствовали чисто индивидуальныя побужденія. Меня корбила мысль объ этомъ страшномъ растлѣніи народа, я не хотѣлъ служить ему своимъ домомъ. Признаюсь, я предпочелъ бы *другое* торговое заведеніе не только при равныхъ условіяхъ, но даже по той цѣнѣ, за какую при мнѣ ходила лавка, т. е. 400 р. въ годъ. Впрочемъ, я уже предоставилъ тебѣ быть полнымъ хозяиномъ. Если не является другихъ наемщиковъ на лавку, значитъ, ей придется долго стоять пустою: это значитъ бояться вѣхъ въ помѣщеніе, бывшее запечатаннымъ, стало быть «несчастное». Въ такомъ случаѣ при нынѣшнихъ обстоятельствахъ придется волею-неволею впустить хоть пивную. Но во всякомъ случаѣ при этомъ

не премини принять слѣдующія предосторожности: 1) условливайся не съ цѣловальникомъ, а лично съ *Крономъ*, съ которымъ заключи контрактъ, 2) контрактъ *не долгие*, какъ на годъ, 3) и при томъ самой *строжайшей*, т. е. не въ смыслѣ притѣсненія, а въ томъ, чтобы оградить свой домъ отъ разврата. Справься въ Св. Зак. въ *уст. объ акціяхъ питейной и уст. о благоустройствѣ и благоученіи* и не отступай на ни юту отъ требованій закона. *Недопущеніе* дѣвокъ, азартныхъ игръ, буйства и т. п. непременно должно быть *оговорено* въ контрактѣ съ предоставленіемъ владѣльцу права, въ случаѣ нарушенія этихъ условій, требовать *слонны* сидѣлка, а потому *отказатъ* отъ квартиры ранѣе срока, 4) При составленіи контракта *посовѣтуйся* съ кѣмъ нибудь изъ знакомыхъ домовладельцевъ, имѣющихъ въ домѣ трактиръ или подобное заведеніе, 5) *не дурно прислать мнѣ черновыя*.

«А самое главное, чтобъ дворникъ держалъ ухо востро! Если подручный пьетъ—смигни его. Потолкуй съ булочникомъ нашимъ; не удастся ли ему дворить въ этой пивной нѣмецкіе порядки; онъ, вѣрно, будетъ *habitué*, такъ какъ не разъ пытался склонить меня въ пользу пивной, говоря: *Das kann ja doch sehr ausständig werden*». Пусть же постарается объ *austand*! ²⁾

5. Въ числѣ принадлежностей бывшей читальной не забудь *тазовый аппаратъ*. Если его не купишь снимщикъ лавки, то пока въ немъ нѣтъ надобности, пусть остается въ его пользованіи, но въ контрактѣ надо оговорить, что онъ—наша собственность, и въ случаѣ нужды, какъ газометръ, такъ и трубы и рожки могутъ быть *сняты нами*. Стоимость нашихъ аппаратовъ показана въ счетѣ мастера, находящемся, вѣроятно, вмѣстѣ съ прочими счетами книжной лавки въ магазинѣ.

6. Деньги, данныя мусорщику, надо будетъ *зачесть* при расчетѣ. Слѣлай ему новый расчетный листъ.

7. Облигация, вышедшая въ тиражъ, если не ошибаюсь, принадлежитъ къ разряду *сентябрьскаго* срока—стало % уже нельзя получить. При случаѣ увѣдомь меня о курсѣ облигаций и о твоихъ дѣйствіяхъ по этой операци.

8. Въ отвѣтъ о 280 р. % по Шлоссеру боюсь ошибиться, не надѣясь на память. Насколько помню, эти 280 р. должны быть взяты изъ денегъ за проданнаго Шлоссера и обращены на уплату % въ Гор. Кред. Общ. А можетъ быть эти деньги уже зачтены въ счетъ по Шлоссеру и въ такомъ случаѣ не требуютъ никакого распоряженія. Просмотривъ счета, ты увидишь, которое изъ двухъ предположеній истинно. Шлос. для перевода получилъ, за что несказанно благодаренъ. Цѣлый день сижу надъ нимъ, но результаты относительно количества работы пока не соответствуетъ моимъ желаніямъ. Перевозу не болѣе 8-10 печатныхъ стр. въ день. Стало бытъ, полученныя 200 стр. будутъ готовы черезъ три недѣли. ¹⁾

¹⁾ Очевидно, Серно-Соловьевичъ хотѣлъ этимъ сказать, что братъ его, стоя на формально-правовой точкѣ, добивался кое-чего въ его пользу.

²⁾ Серно-Соловьевичъ издавалъ извѣстное сочиненіе Шлоссера, которое для скорости переводился сразу нѣсколькими: Чернышевскимъ, В. А. Обручевымъ, М. И.

9. О Бирж. вѣдом. я неточно выразился: я именно и подразумеваю объявление. Въ маленькой комнатѣ сдѣлать полки и, если можно, безъ большихъ хлопотъ, замѣнить плиту маленькой желѣзной печью; шкафы мой можно вынести.

10. Пожалуйста, чтобы *изданія* наши были хорошо *просмотрены*. Въ дѣтской книжкѣ тьма орфограф. ошибокъ, я нѣкоторыя исправилъ, но прочелъ бѣгло. «О пишь» надобно *потропить*. Какъ только первые листы пройдутъ черезъ цензуру, надо заплатить переводчику 100 рублей. Въ первомъ письмѣ писалъ о статьяхъ Якушкина, которая должны быть изданы подъ заглавиемъ: *Путевыя письма, ч. 2-я*. Условие съ нимъ у Пылина. Статьи у меня въ или на столѣ въ магазинѣ: все печатное: Современ., Основа, Сѣв. Пч., Совр. Лѣтоп., остальные надо собрать какъ я писалъ¹⁾.

«Вопросы твои далеко не пугаютъ меня; напротивъ, они доказываютъ мнѣ, дорогой другъ, не только крайнюю внимательность и истинную братскую заботливость, но и отличную дѣятельность твою. Заботы о дѣлахъ сильнѣе всего тревожили меня, и теперь, благодаря тебѣ, я совершенно покоенъ на этотъ счетъ. Зато же какъ и благодаря тебѣ мысленно каждый день. Извѣстие о маленькѣ весьма успокоило меня. Я совершенно здоровъ и бодръ духомъ. Обнимаю родныхъ, еще разъ сердечно благодарю тебя и горячо, братски жму руку.

Твой Николай Серно-Соловьевичъ.

«Скажи Пылину, что какъ только начнется дѣятельная подписка на С.П. Вѣд., пусть производитъ конторщику тотъ же окладъ, какъ другому приказчику, т. е. 40 р. въ мѣс., кушанье и чай.

«Черезъ какую контору посланы книги въ *Екатеринбургскую гимназію* и исправила ли комиссія *Перевозчикъ* путаницу съ транспортомъ въ *Вятку* и *Черниовъ*? и не упустили изъ виду написать туда?»

Однако, комиссія не нашла удобнымъ отправленіе этого письма и постановила пробыть его къ дѣлу, сообщивъ коменданту крѣпости объ объявленіи Серно-Соловьевичу, что письма его съ подобными выраженіями отправляемы не будутъ.

Всѣ письма на имя братьевъ Серно-Соловьевичей и магазина доставлялись съ почты въ III отдѣленіе, а оттуда въ комиссію и передавались по адресу только тогда, если не заключали въ себѣ ничего маломальски подозрительнаго.

Такимъ образомъ были задержаны и подшиты къ дѣлу слѣдующія четыре письма:

И. С. Тургенева.

12 июля 1862 г.
С. Спаское.

«Милостивый Государь, Николай Александровичъ, спѣшу благодарить Васъ за скорую и обязательную высылку денегъ г-жѣ Бут-

Михайловымъ, самими Серно-Соловьевичемъ и другими. Въ крѣпости эта работа продолжалась.

²⁾ Перваго письма Серно-Соловьевича изъ крѣпости въ дѣлѣ нѣтъ.

кевичъ; я имѣю уже извѣстіе отъ нея, что она ихъ получила. Также прошу Васъ сдѣлать мнѣ одолженіе и сохранить у себя въ конторѣ письма, которыя могутъ прийти на мое имя въ Петербургъ, такъ какъ я недѣлю черезъ три тамъ буду. Примите увѣреніе въ моемъ совершенномъ уваженіи

Ив. Тургеневъ.

А. А. Чернезова.

11 июля 1862 г.
Лондонъ.

«Неимовѣрно быстро проходитъ здѣсь время между осмотрами выставки и посѣщеніемъ народныхъ гульбищъ. Рѣшительно минутами считаешь свободное время. Подѣлиться впечатлѣніемъ рѣшительно некогда. Потому, не отнимая у тебя много времени на чтеніе моихъ каракуль, скажу только, что здѣсь житею отличное, я здоровъ и благополученъ. Ты спрашиваешь объ одномъ господинѣ, рекомендованномъ тебѣ письмомъ. Онъ человекъ очень хорошій, знающій свое дѣло, на него можно положиться. Пожалуйста, давай мнѣ какія нибудь порученія, только за это пиши что нибудь о Россіи. Я начинаю понимать mal du pays. Я получилъ письмо отъ Саши изъ Берлина и ничего изъ него немогъ понять. Напиши, пожалуйста, что подѣлывается у васъ въ Питерѣ.

Твой А. Ч.

Л. П. Шелгуновой.

Пароходъ „Работники“.

«Добрѣйшій другъ мой Серно. Пишу Вамъ наскоро и вотъ почему: мы въ Тюмени сѣли на такой пароходъ, который не долженъ стоять въ Тобольскѣ болѣе двухъ часовъ. Мы все и жалѣли, что не успѣемъ повидаться съ кѣмъ хотимъ¹⁾. Намъ начали разспрашивать и такъ какъ здѣсь причина нашего желанія провести нѣсколько часовъ въ Тобольскѣ показалась очень уважительной, намъ и устроили вотъ что: пересадили и меня и Н. В. ²⁾ на другой пароходъ, который придетъ туда часами шестью раньше. Вы вѣрно догадываетесь, съ кѣмъ хотимъ мы видѣться; онъ обогналъ насъ между Пермью и Екатеринбургомъ. Родной мой и милый Серно, чѣмъ дальше я уѣзжаю, тѣмъ больше и больше думаю о Васъ и люблю Васъ; образки я не ношу потому, что на одной станціи стала мыться, сняла ихъ и чуть было не забыла, это такъ меня перепугало, что я ихъ сняла, но теперь, всетаки, не оставила ихъ и взяла съ собой. Переводить я начала, и думала, что трудно, однако же нѣтъ, нисколько. Хорошій мой, голубчикъ, не забывайте же меня и думайте хоть столько же, сколько я думаю о Васъ. Пишите мнѣ побольше».

¹⁾ Ст. М. И. Михайловымъ.

²⁾ Мужа ея.

Н. В. Шелгунова.

Примеч.
29 июля 1862 г.

«Добрѣйшій Николай Александровичъ, извините, что позволяю себѣ беспокоить Васъ. Дѣлаю это потому, что мнѣ нельзя поступать иначе, и потому, что Вы на меня не разсердитесь за это. Да и въ самомъ дѣлѣ, къ кому мнѣ обратиться?»

«Путь скверный; Сибирь—Сибирь и силь, какъ говорятъ сосланные сюда; жарко и трясеть, вѣсть нечего, въ гостиницахъ и на станціяхъ дерутъ, но ѣдемъ и ужъ недалеко до мѣста! Черезъ недѣлю или десять дней оставимся. По поводу моей фамилии вышло въ Иркутскѣ маленькое недоразумѣніе со стороны полиціи. Потребовали мой видъ—что здѣсь никогда не водилось, и продержали его въ полиціи дня два. Оказалось, что ищутъ графа Шуазеля. А онъ проѣхалъ въ Забайкалье около 12 числа.

«Странныя вѣсти дошли до насъ: «Современникъ» и «Русское Слово» запрещены. Надолго ли? Не слѣдуетъ ли думать, что имъ и совсѣмъ не позволятъ существовать?»

«Есть у меня статья у Благосвѣтлова: «Кто лучше». Отдавалъ ее Александръ Александровичъ¹⁾. Какая участь постигла ее? Въ какіе журналы писать? Не явятся ли сборники? Не ожилъ ли «Вѣкъ»? Теперь бы, кажется, можно, деньги найдутся. Жаль, если «Вѣкъ» угаснетъ.

«Стоитъ ли завести большую статью, листовъ въ 10, о бѣдности и о разныхъ теоріяхъ и системахъ правительственныхъ мѣръ къ ея уничтоженію—куда можно будетъ помѣстить ее? Если некуда—незачѣмъ и тратить время.

«Что дѣлаетъ и гдѣ А. А.?» Когда Вы ждете его возвращенія? Говорятъ, Ваша читальня закрыта.

«Вотъ рядъ вопросовъ, на которые намъ интересно бы получить отвѣты. Будьте такъ добры, не пропустите ни одного, и если моя статья осталась безъ кормила и весла, введите ее въ какуюнибудь журнальную гавань, за приличное, разумѣется, вознагражденіе.

«Самъ я буду странствовать въ Забайкальѣ, а письма прошу адресовать такъ—ихъ ко мнѣ перешлютъ: Забайкальской области, черезъ станцію Шелопугинскую въ Казаковскій золотой промыселъ, Его Высокоблагородію Петру Ларионовичу Михайлову²⁾. И только.

«Жена здорова и очень, очень, очень Вамъ кланяется. Я равнобѣрно, но еще въ большемъ количествѣ «очень».

«А скучно по Петербургу—здѣсь тоска и сердце болитъ, читая газетныя извѣстія—чего они тамъ взваливаютъ пожары на студентовъ!»

«Будьте здоровы. До свиданія. Непремѣнно жду отвѣта. Простите, что дѣлаю Вамъ лишніе хлопоты, посылая письмо страховымъ: слишкомъ дорожу отвѣтомъ.

Н. Шелгуновъ».

Разумѣется, эти письма были приняты во вниманіе...

Допросы Владимірова, Петровскаго и Шибаева.

14, 16 и 20 сентября были сдѣланы три допроса Владимірову.

Въ Россію онъ проѣхалъ изъ Лондона въ первыя числа декабря 1861 г., а изъ Петербурга въ Москву, на мѣсто,—въ концѣ марта 1862 г. Отъ разговоровъ съ Герценомъ, Кельсиевымъ и другими о политикѣ не уклонялся, потому что искалъ этимъ пополнить свое скудное образованіе. «Кельсievъ уговорилъ меня дѣйствовать вмѣстѣ съ нимъ противъ правительства. При прощаньи я не далъ слова, но и не отказался». Приѣхавъ въ Россію, много разсказалъ объ эмигрантахъ пріятелю Аркадѣву и устроилъ ему полученіе «Колокола». Потершился по дѣламъ службы среди помѣщиковъ и купцовъ, пришелъ къ заключенію, что идеи пропагандистовъ и русской молодежи—ошибка и потому всякую политику бросилъ. Ни Герценъ, ни другіе не дѣлились съ нимъ никакими своими планами. При отъѣздѣ Герценъ очень просилъ сообщить въ Петербургъ, напримѣръ, Кавелину, что онъ никогда не поручалъ Бени собирать подписи къ адресу на имя государя о дарованіи конституціи. Кромѣ того, онъ просилъ устроить подписку въ пользу Бакунина. Бени сказалъ Владимірову, что онъ не собираетъ никакихъ подписей и ничего объ адресѣ не знаетъ. О Бакунинѣ никому не заикнулся, какъ только узналъ отъ издателя «Биржевыхъ Вѣдомостей» Скачкова, бывшаго съ нимъ въ берлинскомъ университетѣ, что «это недостойный человѣкъ»...

Кельсievъ очень много говорилъ съ нимъ объ оппозиціонномъ настроеніи раскольниковъ. Онъ же просилъ какъ то взять ему мѣсто на пароходѣ въ Норвегію, куда хотѣлъ ѣхать для распространенія лондонскихъ изданій, но почему то потомъ отказался отъ своего намѣренія. Пріятелямъ Аркадѣву и Журавлеву послалъ по экземпляру листка «Земская Дума». Ничипоренко иногда получалъ отъ него газеты и книги. Что касается портрета Герцена, то, уѣзжая въ Москву, онъ передалъ Евгению Печаткину портреты двухъ дочерей и сына Герцена и просилъ его передать ихъ вмѣстѣ съ даннымъ раньше портретомъ самого Александра Ивановича Ветошникову. Письмо Герцена отъ 7 декабря ему передалъ на вокзалѣ уже Кельсievъ и, приѣхавъ въ Петербургъ, Владиміровъ передалъ его Ничипоренку, прося все сдѣлать вмѣстѣ него. Потомъ Ничипоренко вернулъ письмо. Письмо Огарева написано къ кому то по просьбѣ самого Владимірова въ видѣ рекомендаціи для скорѣйшаго полученія мѣста. Кажется, оно адресовалось къ г. Запаснику, бывшему часто у Герцена во время изу-

¹⁾ Братъ Серно-Соловьевича.

²⁾ Родному брату сосланнаго М. И.

чения в Лондонѣ банковской системы. Деспотизмомъ въ черновомъ письмѣ называлъ арестъ студентовъ и высылку профессора Павлова.

На дополнительномъ допросѣ Владиміровъ показалъ, что Кельсievъ просилъ его уничтожить свои портреты гдѣ бы и у кого бы онъ ихъ не увидѣлъ въ Россіи. Однажды Ничипоренко просилъ Владимірова переслать въ Лондонъ 60 фунтовъ стерл.: часть Бакунину, остальное женѣ Кельсiева. Онъ переслалъ ихъ Суздальцеву и просилъ распределить по усмотрѣнію Ничипоренка. Кромѣ того, Ничипоренко отослалъ черезъ него семь или восемь писемъ въ Лондонъ, всѣ писанныя его рукой. Затѣмъ Владиміровъ убѣрялъ комиссію въ своей полной благонадежности, сообщивъ, однако, что когда то подписался на адресъ государю.

Комиссія была довольна откровенностью Владимірова и поручила полковнику Дурново произвести тщательное разслѣдованіе прикосновенности къ дѣлу всѣхъ только что названныхъ лицъ.

Тѣмъ временемъ рѣшено было допросить Петровскаго.

Онъ показалъ, что въ 1860 году вышелъ въ отставку и жилъ уроками и сотрудничествомъ въ воронежскихъ «Филологическихъ Запискахъ».

Съ Кельсievымъ познакомился въ Петербургѣ года четыре назадъ черезъ покойнаго товарища Сабурова. Еще раньше арестованнаго Ветюшкова получилъ отъ него одно письмо, переданное неизвѣстнымъ. Тамъ Кельсievъ просилъ сотрудничать въ «Колоколѣ» и «Общемъ Вѣщѣ», но Петровскій не сталъ отвѣчать. О прїѣздѣ Кельсiева въ Россію ровно ничего не зналъ, пока Кельсievъ не пришелъ къ нему и не склонялъ участвовать въ «Сборникѣ» по расколу. Сколько онъ пробылъ въ Москвѣ—не знаетъ, но помнитъ, что останавливался въ гостиницѣ Челышевой и имѣлъ паспортъ на имя турецкаго подданнаго Василя Яни. Изъ указанныхъ имъ лицъ, Петровскій познакомился только съ Шibaевымъ. При отъѣздѣ Кельсiева въ Лондонъ Петровскій обѣщалъ ему помочь по «Сборнику», но не для возбужденія раскольниковъ противъ правительства, что совершенно бесполезно.

«При прїѣздѣ своемъ въ Москву Кельсievъ говорилъ мнѣ, что въ Петербургѣ онъ познакомился съ кружкомъ тамошнихъ сектантовъ и старообрядцевъ, что еще раньше прїѣзда въ Россію онъ познакомился съ нѣкоторыми раскольниками въ Пруссіи, гдѣ у нихъ существуетъ печатаніе книгъ церковныхъ, что кромѣ того, онъ думаетъ познакомиться съ помощниками, изъ которыхъ нѣкоторые были у него въ Лондонѣ. Меня собственно его прїѣздъ подбодрилъ къ дальнѣйшимъ занятіямъ расколомъ, ибо онъ обѣщалъ познакомить меня съ духовенствомъ раскольничьимъ, съ архіепископами, отъ которыхъ я бы могъ самымъ лучшимъ образомъ узнать о современномъ состояніи раскола».

Но вотъ черезъ десять дней послѣ этого допроса, 5 октября, Петровскій вдругъ рѣшилъ быть вполне чистосердечнымъ и въ отъѣмъ всего показаннаго раньше сдѣлалъ новая показанія...

Впервые онъ познакомился съ Кельсievымъ въ мартѣ 1862 г. черезъ младшаго изъ братьевъ Орфано, Александра. Послѣдній пришелъ и сказалъ, что наканунѣ узналъ отъ князя Павла Петровича Трубецкого, что Кельсievъ въ Москвѣ ищетъ челоуѣка, хорошо знакомаго съ расколомъ, которому бы можно было предложить помочь въ распространеніи его изданій и доставленіи новыхъ свѣдѣній. Орфано спросилъ его, не возьметъ ли онъ на себя эту миссію. Петровскій согласился, и они отправились къ Трубецкому. Тамъ было какой-то неожиданный гость и ихъ направили на квартиру Орфано, сказавъ, что туда слѣдуетъ явиться и Кельсievъ. Дѣйствительно, Кельсievъ пришелъ съ Алексѣемъ Александровичемъ Козловымъ. Дома были и братья Орфано; подошелъ и Трубецкой. Кельсievъ сдѣлалъ Петровскому предложеніе лично и получилъ согласіе. Потомъ они видѣлись каждый день. Бывала у Петровскаго и Марія Александровна Челишева, но только какъ случайно тогда гостившая у него. У Кельсiева бывали Шibaевъ и Сивовъ, но Петровскій ихъ не встрѣчалъ. Планъ Кельсiева—«соединить различныя согласія раскола и секты въ одну дѣятельность—пропаганду какъ сочиненій ихъ расколоточителей, которыя онъ предполагалъ издавать въ Лондонѣ, такъ равно и его заграничныхъ изданій: «Сборника» и пр. и тѣмъ самымъ распространять какъ эти послѣднія, такъ и идеи, въ нихъ заключающіяся». Прїѣздъ же въ Россію имѣлъ цѣлью: «найти людей, согласныхъ содѣйствовать его намѣренію, устроить и обезпечить правильныя и постоянныя сношенія и, наконецъ, достать денегъ на предполагаемыя изданія». Денегъ, однако, Кельсievъ не досталъ.

Знакомство Петровскій почти никакихъ не успѣлъ завести, потому что сначала искалъ мѣста, а потомъ собрался жениться. На третій день послѣ свиданія съ Кельсievымъ, послѣдній познакомилъ Петровскаго съ Шibaевымъ, сказавъ, что черезъ него онъ уже познакомится съ Александромъ Львовичемъ Сивовымъ и какому то «Семеномъ Семеновичемъ». Но по отъѣздѣ Кельсiева, Шibaевъ отъ этого уклонился. Тогда Петровскій самъ сошелся съ ними въ Кремлѣ на святой, когда бывають собесѣдованія съ раскольниками. Потомъ онъ дважды не засталъ Сивова дома, а тотъ его. «Семень Семеновичъ» его избѣгалъ. Петровскій утверждалъ, что эти лица были неискренни, общая Кельсievу всякое содѣйствіе, потому что имъ хотѣлось только одного—видѣть напечатанными свои раскольничьи книги.

Оставляя свой лондонскій адресъ и нѣсколько рукописей на имя Тимофѣевой, Кельсievъ просилъ переслать ихъ ему черезъ Виктора Ивановича, Касаткина съ которымъ совѣтовалъ познакомиться, отъ Петровскій и сдѣлалъ. Самъ Кельсievъ познакомился съ Касаткинымъ въ 1860 г. въ Лондонѣ. А. А. Котляревскій узналъ о прїѣздѣ Кельсiева въ Москву въ день его отъѣзда изъ нея. Кожанчикова видѣлъ у него одинъ разъ. Къ Ничипоренку Петровскій писалъ, по просьбѣ Кельсiева, о высылкѣ для послѣдняго денегъ, чтобы онъ могъ выѣхать изъ Москвы въ Петербургъ.

Намѣрения ихъ не были осуществлены даже и частью, потому что Петровский скоро убѣдился, что «въ различныхъ даже наиболѣе удаленныхъ отъ правительства согласіяхъ раскола, нѣтъ вообще раздраженія противъ правительства и нѣтъ желанія силой достигнуть торжества своихъ вѣрованій; характеръ почти всѣхъ согласій по преимуществу пассивный, и слова апостола, что гонимая церковь—правая, часто повторяются ими». Онъ подлился этимъ своимъ заключеніемъ съ Кельсьевымъ, писавшимъ ему трижды: первое письмо у Шибаева, второе—порвано, а третье—арестовано у Ветошникова.

Показанія Петровскаго были, разумѣется, очень цѣнны. Они вскрывали важные факты, между которыми крупнѣйшимъ былъ смѣлый прїѣздъ Кельсева не только въ Петербургъ, но и въ Москву; III Отдѣленіе прозвало его и потому Потаповъ хотѣлъ хоть теперь показать свое усердіе и очень допытывался на допросахъ всякихъ мелочей.

Къ массѣ лицъ, названныхъ комиссію раньше, теперь прибавилась еще цѣлая группа, чуть было не избѣжавшая правосудія... Мало того, что открывались уже всѣ инициалы и ребусы, но были и новыя лица. Пока занимались ихъ отысканіемъ, комиссія продолжала допросы, все болѣе и болѣе дававшіе ей твердую почву.

27 и 28 сентября былъ допрошенъ Шибаевъ, назвавшій себя «двадцатисемилѣтнимъ старообрядцемъ-поповцемъ». Онъ сознался, что видѣлъ Кельсева въ прїѣздъ того въ Москву и черезъ него познакомился потомъ съ Петровскимъ, Касаткинымъ, Трубецкимъ, Афанасьевымъ и Козловымъ. Касаткинъ говорилъ ему, что имѣетъ сообщниковъ въ лицѣ петербургскаго литератора Максимова, и тверскихъ дворянъ—Унковскаго и Евролеуса, и что у него есть знакомства въ III Отдѣленіи, гдѣ онъ можетъ, въ случаѣ надобности, похлопотать о старообрядцахъ. Шибаевъ показалъ также, что Кельсievъ останавливался въ Петербургѣ у Кожанчикова и Николая Серно-Соловьевича, къ которымъ просилъ направлять и всѣ рукописи для заграничной печати. Фамили Кельсева Шибаевъ такъ и не зналъ. Любопытно, что Шибаевъ утверждалъ, что Кельсievъ бронетъ, а Петровский—что блондинъ. Надо думать, что Кельсievъ, не чуждый нѣкоторой утрировки въ конспираціи, надѣвалъ парикъ бронета для сношеній съ нѣкоторыми лицами, потому что нельзя же допустить, чтобы Шибаевъ ошибался, совершенно, однако, не отказываясь отъ знакомства съ нимъ.

Артуръ Бени. Арестъ Воронова. Допросы Бѣлозерскаго, Серно-Соловьевича, Траверсе и Лялина.

Изъ новыхъ лицъ, привлеченныхъ къ дѣлу, благодаря откровенности Владимірова, Петровскаго и отчасти Шибаева, прежде всего было обращено вниманіе на великобританскаго подданнаго *Артура Бени*, 21 сентября комиссія прислала Потапова учредить за нимъ

секретный надзоръ. Въ тотъ же день было постановлено произвести обыски у *Аркадьева* и *Журавлева*.

2 октября III отдѣленіе доставило въ комиссію особую записку о Бени, котораго характеризовало, какъ «человѣка замѣчательныхъ способностей». По его свѣдѣніямъ, до прїѣзда въ Россію подъ осень 1861 г. Бени былъ въ короткихъ, даже дружескихъ отношеніяхъ съ Герценомъ. «Теперь онъ много полемизируетъ съ нимъ въ письмахъ и настолько полюбилъ Россію, что собирается принять русское подданство». Видя такой аттестатъ, комиссія рѣшила просить Потапова «пригласить къ себѣ Бени и предложить ему объяснить сношенія свои съ Герценомъ и узнать, неизвѣстны ли ему другія лица въ Петербургѣ, бывшія въ сношеніяхъ съ лондонскими пропагандистами, равно не видялся ли онъ съ прїѣзжавшимъ сюда изъ Лондона, въ мартъ нынѣшняго года, Василиемъ Кельсьевымъ».

Ниже намъ придется говорить довольно много о Бени, а пока я считаю нужнымъ сказать лишь нѣсколько словъ.

Въ шестидесятыхъ годахъ имя это было знакомо очень многимъ. Теперь, на порядочномъ отдаленіи отъѣнка его становится легче, потому что она можетъ основываться уже на документахъ, и труднѣе—потому что многіе штрихи, опредѣляющіе личная качества, стерлись отъ времени. Во всякомъ случаѣ можно и должно категорически отрицать прежде всего какія-то дружественныя отношенія между Герценомъ и Бени, о которыхъ есть данныя въ литературѣ и «Энциклопедическомъ словарѣ» Брокгауза. Никакой дружбы между ними не было, со стороны Герцена не было даже и полного довѣрія. Послѣдующій матеріалъ—тому доказательство. Затѣмъ тоже не менѣе категорическому отрицанію подлежитъ серьезность Бени, какъ политическаго, вѣрнѣе—революціоннаго работника. Онъ, было, подошелъ къ дверямъ этого поприща, но потомъ сразу отвернулся отъ нихъ, промѣнявъ опасную дорогу на спокойный путь рядомъ съ такими господами, какими были Лѣсковъ, П. С. Усовъ, Мельниковъ-Печерскій и прочіе. Это все, что можно сказать о немъ, оставая въ сторонѣ и всякіе неупрѣвренныя на его счетъ слухи.

4 октября былъ сдѣланъ допросъ Бѣлозерскому. Онъ показалъ, что воспитывался въ 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, а съ 1849 г. служилъ въ артиллеріи; выйдя въ отставку въ 1857 г., съ января 1862 г. поступилъ управляющимъ имѣніемъ Джурича и вскорѣ поѣхалъ, по его порученію, за границу. Въ Лондонъ прибылъ въ срединѣ мая и пробылъ тамъ дней сорокъ, познакомившись съ Герценомъ, Огаревымъ, Бакуниннымъ и Кельсьевымъ. Протрившись и позадолжавъ небольшую сумму и боясь англійскихъ законовъ одолжниковъ, онъ обратился къ Бакунину, какъ къ старому артиллеристу, съ просьбой о помощи. Тогда то Бакунинъ и познакомил его съ остальными эмигрантами. Съ Кельсьевымъ онъ сошелся, чтобъ просить его содѣйствія по распространенію муки Джурича, такъ какъ вся торговля Самарской губерніи въ рукахъ раскольниковъ. Для сближенія съ послѣдними онъ и привезъ «Фору». О планахъ русскихъ изгнанниковъ онъ ровно ничего не знаетъ.

10 октября Потаповъ сообщилъ комиссії, что обыскъ у Аркадьева сдѣланъ, но бумаги еще не разобраны¹⁾. А на слѣдующій день онъ далъ знать, что въ Тифлисѣ арестованъ долго отыскиваемый бывшій учитель Кубанской гимназіи *Вороновъ* и отправленъ въ Петропавловку.

Наконецъ, 16 октября былъ сдѣланъ первый допросъ Николаю Серно-Соловьевичу. Привожу отвѣты его полностью; вопросы ясны сами собой.

«Николай Александровичъ Серно-Соловьевичъ, изъ потомственныхъ дворянъ; 27 лѣтъ; православный, на исповѣди бываю; холостъ; имѣю мать, трехъ братьевъ, сестру, дѣла, бабку, многихъ дядей и тетокъ, мать по болѣзни находится за границей, остальные родные частью въ Петербургѣ, частью въ другихъ мѣстахъ; недвижимаго имущества не имѣю; воспитывался въ Александровскомъ лицѣѣ, кончилъ курсъ въ 1853 г.; постоянное мое жительство въ Петербургѣ; занимался службою, литературою, науками, книжною торговлею, служилъ въ государственной канцеляріи и въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, въ первой былъ старшимъ помощникомъ экспедитора, перейдя во второе былъ командированъ дѣлопроизводителемъ въ калужскій комитетъ по крестьянскому дѣлу и потомъ состоялъ при земскомъ отдѣлѣ; въ отставку съ декабря 1859 г. по домашнимъ обстоятельствамъ. Подъ судомъ и слѣдствіемъ не былъ.

«О всѣхъ родныхъ свѣдѣній не имѣю; изъ ближайшихъ знаю, что два брата въ Петербургѣ, третій братъ отправился везною, по болѣзни, за границу, а сестра была во время моего ареста съ мужемъ въ Черниговской губерніи. О послѣднихъ двухъ лицахъ, т. е. братѣ и сестрѣ, дальнѣйшихъ свѣдѣній не имѣю, гдѣ они теперь.

«Получивъ воспитаніе въ лицѣѣ, служивъ въ двухъ вѣдомствахъ, будучи акціонеромъ различныхъ компаній, участвуя, какъ úplномоченный матери, въ дворянскихъ и городскихъ собраніяхъ, занимаясь науками, литературою и торговлею, я имѣю въ Россіи, а преимущественно въ мѣстѣ своего постоянного жительства весьма большое знакомство въ кругахъ, принадлежащихъ къ моимъ занятіямъ и положенію; поводомъ къ знакомствамъ этимъ послужили однородная дѣла и занятія, сношенія обусловливаются тѣми же дѣлами и занятіями. За границей я былъ нѣсколько разъ, частью для свиданія съ матерью, частью для ученыхъ финансовыхъ занятій. Поэтому за границей я знакомъ, съ одной стороны, съ множествомъ лицъ, съ которыми встрѣчался въ путешествіяхъ, съ другой—съ государственными людьми или учеными, съ которыми ознакомили занятія.

«Съ лондонскими изгнанниками и ихъ сообщниками сношеній не имѣю, злоумышленной пропаганды противъ правительства не распространялъ, никакихъ сообщниковъ не знаю и не знаю.

«Въ продолженіе моей жизни близкихъ знакомыхъ было большое количество, такъ что я не могу съ точностью упомянуть и назвать этихъ лицъ. Что касается до переписки, то она находится въ рукахъ комиссіи».

Комиссіи очень не понравились эти очень уклончивые отвѣты и она просила Серно-Соловьевича дать ихъ въ иномъ, болѣе опредѣленномъ видѣ. Тогда онъ написалъ. «Не находя ничего неумѣстнаго въ правдѣ, такъ какъ всѣ мои бумаги были взяты при моемъ арестѣ, а корреспонденція послѣ ареста не доходить до меня, я могу только повторить прежнія свои показанія».

Возмущенная комиссія вынесла опредѣленіе: «предъявить Серно-Соловьевичу 183 ст. св. законовъ уголовныхъ т. XV и если онъ за этимъ не согласится дать требуемаго отъ него показанія, то, не домогаясь такового, составить о семъ актъ для пріобщенія къ дѣлу». Но Серно-Соловьевичъ игнорировалъ комиссію и молчалъ.

Въ тотъ же день, 16 октября, былъ допрошенъ и маркизъ де-Траверсе. Онъ показалъ, что родился въ 1829 г., воспитывался въ Александровскомъ лицѣѣ, который окончилъ въ 1850 г. Женатъ на М. Н. Шидловской, съ Бакунинымъ былъ въ перепискѣ исключительно о его женѣ, которую узналъ еще во время службъ въ Сибири. Лялина знаетъ давно. Пріѣхавъ изъ Лондона, передалъ ему письмо Бакунина черезъ Налбандяна. Въ Лондонѣ ѣздилъ въ январѣ 1862 г., познакомился тамъ съ Герценемъ и его друзьями исключительно съ цѣлю узнать «имѣютъ ли отношенія здѣшня прокламаціи къ прокламаціямъ лондонскимъ». «Стоить припомнить, что сестра моя замужемъ за бывшимъ оберъ-полицеймейстеромъ и это любопытство мое весьма извинительное—писаль маркизъ Бакунинъ увѣрилъ его, что петербургскія прокламаціи не печатаются въ Лондонѣ и обѣщаль ему сообщить обо всемъ, что будетъ предпринимаемо лондонскими пропагандистами (sic?). Съ Кельсиевымъ познакомился и далъ ему черезъ Бакунина 300 рублей безъ отдачи, но, по просьбѣ Кельсѣева, передалъ эти деньги Ничипоренку въ Петербургѣ».

Въ другой разъ Траверсе признался, что зналъ о поѣздкѣ Кельсѣева въ Россію, но не вѣрилъ возможности ея совершения. Затѣмъ онъ пояснилъ, что познакомился съ Ничипоренкомъ черезъ Виктора Павловича Гаевского, съ которымъ былъ въ лицѣѣ. Уѣжая за границу, Ничипоренко сказалъ, что письма въ Лондонъ надо передавать теперь Гаевскому, у котораго тамъ есть рука. Одно письмо и было отправлено. Гаевскій потомъ рассказалъ маркизу, что Кельсѣевъ останавливался у Ничипоренка, состоящаго агентомъ лондонскихъ эмигрантовъ. Любопытно, какъ характеризовалъ ихъ хотѣвшій отдѣлаться отъ крѣпости маркизъ:—«Кто знаетъ частную жизнь Бакунина—а я ее довольно хорошо знаю— тотъ не увлечется его идеями. Герценъ противъ меня предупрежденъ кѣмъ то, Огарева я только видѣлъ, а о Кельсѣевѣ не стоить говорить... Затѣмъ чувствуя, что Гаевскій и Налбандянъ выданы имъ съ головой, маркизъ счелъ нужнымъ прибавить, что первый изъ нихъ

¹⁾ На допросѣ Аркадьева показалъ, что получивъ яство «Земская Дума», сейчасъ же уничтожилъ его. За нимъ былъ учрежденъ полицейскій надзоръ.

возмущался «Молодой Россіей», а второй—исключительно торговый человекъ.

На просьбу отца Траверсе о свиданіяхъ съ сыномъ вмѣсто заблѣвшей жены подѣлывалъ отказъ.

Черезъ нѣсколько дней комиссія съ легкостью получила отъ маркиза еще нѣкоторыя указанія, напримѣръ, что съ Герценомъ его познакомилъ Дмитрій Каншинъ, сынъ откупщика; что письмо, посланное въ Лондонъ Ничипоренку, привезъ ему изъ Москвы Любенковъ. На вопросъ комиссіи, что бы сдѣлалъ Траверсе, если бы узналъ, что связь русскихъ и заграничныхъ прокламацій несомнѣнна, маркизъ имѣлъ наглость отвѣтить: «исполнилъ бы долгъ мой и донесъ кому слѣдуетъ»...

Лялинскія показанія тоже производятъ непріятное впечатлѣніе.

Во время харьковскихъ губернскихъ дворянскихъ выборовъ «убѣждалъ дворянство не составлять никакого адреса и не дѣлать никакой демонстраціи». Молодежь всегда удерживалъ отъ демократическихъ идей, увидя въ 1849 г., къ чему онъ привели за границей. Герценъ вреденъ своею дѣятельностью. Въ іюнѣ 1862 г. написалъ Бакунину, съ которымъ познакомился въ Томскѣ, въ 1856 г., бывъ тамъ по дѣламъ. Бакунинъ тогда былъ очень признателенъ государю за милость, оказанную многимъ политическимъ преступникамъ, но «разговоры» его были непріятны. Теперь, узнавъ, что онъ уже въ Лондонѣ, Лялинъ написалъ ему съ двумя цѣлями: первая—отклонить Бакунина отъ дружбы съ Герценомъ, вторая—узнать, какими путями дѣйствуетъ послѣдній, чтобы соборазно съ этимъ бороться съ его пропагандой. «Я не скрываю, что въ этомъ письмѣ я помѣстилъ нѣкоторыя выраженія, несогласныя съ моими понятіями и противорѣчащія тому, какъ я пишу и говорю публично, но я помѣстилъ эти выраженія съ тою цѣлью, чтобы, принаравливаясь къ духу Бакунина, вызвать его на открытость, которая могла бы быть полезна для него самого, такъ равно могла бы открыть возможность противодѣйствовать пропагандѣ, дѣйствующей во вредъ благосостоянію нашего общества». За незнаніемъ адреса Бакунина адресовалъ письмо Носкову, со сѣбу по имѣнію, въ Ахенъ. Въ заключеніе Лялинъ просилъ освободить его на поруки.

Прежде чѣмъ допрашивать Кожанчикова, комиссія ждала получить матеріалъ для допроса отъ жандармскаго полковника Дурново. Вотъ что онъ сообщилъ ей. Кожанчиковъ ѣздилъ въ Москву какъ разъ во время пребыванія тамъ Кельсѣева и держитъ эту поѣздку въ большомъ секретѣ. Останавливался онъ у своего пріятеля, тоже книгопродавца—Базунова. Въ Петербургѣ у него живетъ много народу. Серно-Соловьевича, Аксакова и Ничипоренка знаетъ въ лицо и прислуга. Въ теченіе мѣсяца у него часто бывалъ какой то господинъ, по примѣтамъ похожій на Кельсѣева. Дурново хотѣлъ во что бы то ни стало узнать о визитахъ Кельсѣева и для этого подослалъ къ управлющему Кожанчикову—Свириденку — шпіона, переодѣтаго французскимъ кондукторомъ,

который на чистомъ французскомъ языкѣ огорошилъ Свириденку вопросомъ: не знаетъ ли онъ, гдѣ найти Яни, очень нужною по важному дѣлу? Но маневръ не удался: Свириденко не растерялся и, подумавъ, отвѣтилъ: «эта фамилія мнѣ незнакома». Шпіонъ удалился несолоно хлебавши. Что касается пребыванія Кельсѣева у Серно-Соловьевича, то объ этомъ ничего узнать нельзя, потому что вся его тогдашняя прислуга у него уже не живетъ и выѣхала изъ Петербурга.

На этомъ миссія Дурново въ Петербургѣ была признана пока законченной и его командировали въ Москву съ разбитымъ полицейскимъ Мироновичемъ, потомъ такъ прославившимся по процессу Сарры Беккеръ. Оттуда Дурново сообщилъ, что Кельсѣевъ жилъ въ Москвѣ съ 29 марта до 7 апрѣля. Оказывается, что онъ бывалъ почти ежедневно у служащаго въ московскомъ архивѣ Александра Николаевича Афанасьева. Кельсѣева сопровождалъ какой то красивый блондинъ. У Афанасьева въ это время бывало довольно много народу: братья Орфано, Яковъ Анисимовичъ Ошмянцевъ, Трубецкой, Козловъ и др. Самъ Афанасевъ вообще держитъ себя подозрительно. Съ Козловымъ очень коротки братья Юлій и Иванъ Мистинскіе, съ Козловымъ—Челишева и Свириденко. О Касаткинѣ почти ничего узнать не удалось. Трубецкой держитъ себя весьма надменно, и крестьяне и дворяне недovolны имъ, какъ мировымъ посредникомъ. Козловъ, Орфано и Ошмянцевъ одѣваются по-русски. Солдатенковъ, Большаковъ и Сивовъ подозрѣнны не внушаютъ. Затѣмъ Дурново сообщилъ ужъ безусловнымъ вздоръ: въ октябрѣ 1862 г. Кельсѣевъ снова былъ въ Москвѣ и останавливался въ той же гостиницѣ.

Допросы Потѣхина и Ничипоренка.

Между тѣмъ комиссія дѣлала свое дѣло — допрашивала всѣхъ, кого засадила въ крѣпость.

20 октября былъ вызванъ Потѣхинъ. Онъ показалъ, что ему 27 лѣтъ, холостъ, воспитывался въ московскомъ университетѣ, кончилъ его въ 1858 г. и уѣхалъ лѣчиться за границу, потомъ жилъ въ Парижѣ. Вскорѣ за тѣмъ получилъ мѣсто по откупамъ у Кокорева въ Каменецъ-Подольскѣ, гдѣ и пробылъ въ качествѣ главнаго ревизора до іюня 1860 г., когда былъ вызванъ Кокоревымъ въ Петербургъ и получилъ въ управленіе его главную контору. Въ сентябрѣ того же года онъ, однако, оставилъ тяготившее его мѣсто и отдался литературѣ, пока не получилъ казеннаго мѣста по акцизу въ Полтавской губерніи, гдѣ и служилъ до апрѣля 1862 г., когда поѣхалъ за границу, чтобы приглядѣться тамъ къ взиманію акциза и побывать на лондонской всемірной выставкѣ. Вернулся въ Россію въ послѣднихъ числахъ мая.

Ничипоренка онъ зналъ въ числѣ многихъ другихъ литераторовъ. За границую познакомился съ Герценомъ, у котораго встрѣтилъ Огарева, Мартынова и Бакунина. Хотѣлось «анализировать

эти личности». Переписки съ ними никогда не вель. О письмѣ Бакунина къ Гарибальди ничего не знаетъ, но самъ просилъ Герцена или Бакунина дать рекомендательное письмо къ Гарибальди, потому что зналъ, что иначе не увидѣлъ бы всемірно извѣстнаго «генерала».

За границу поѣхалъ вмѣстѣ съ Ничипоренкомъ, сослуживцемъ по полтавскому акцизу, потому что дорожилъ его знаніями англійскаго и нѣмецкаго языковъ. Выѣхавъ изъ Петербурга, они прихватили еще съ собой Николая Степановича Курочкина, доѣхавшаго съ ними только до Берлина. Оттуда, познакоившись съ купцами Кандинскимъ и Сабашниковымъ, они вчетверомъ поѣхали въ Лондонъ. Ничипоренко предупредилъ Кельсiewa, чтобы она подготовила имъ недорогое помѣщеніе ¹⁾. По прїѣздѣ всѣ четверо пошли къ ней и получили адресъ нанятой для нихъ квартиры. Вечеромъ Ничипоренко вошелъ въ комнату Потѣхина съ письмомъ къ Герцену, въ которомъ просилъ свиданія, и предложилъ ему написать такое же. Потѣхинъ послѣдовалъ совѣту. Герценъ отвѣтилъ имъ, что ждетъ въ такой то день вечеромъ. У самаго подѣзда они встрѣтили Альбертини. Потѣхинъ задержался съ нимъ въ передней, а Ничипоренко былъ уже въ кабинетѣ Герцена. Въ этотъ разъ они познакомились съ Бакунинимъ, Огаревымъ, сыномъ и дочерью Герцена. Пообѣдали въ тотъ день въ ресторанѣ съ Бакунинимъ и Альбертини. Бакунинъ предложилъ Потѣхину заняться распространеніемъ ихъ изданій, но получилъ отказъ. Послѣ этого, разумеется, Герценъ и Бакунинъ отказались рекомендовать его Гарибальди. Наканунѣ отъѣзда изъ Лондона Ничипоренко, Потѣхинъ, Бакунинъ, Герценъ и Огаревъ сошлись въ ресторанѣ Кюна, гдѣ и распрощались. Но, придя поздно ночью домой, Ничипоренко отправился къ Бакунину, сказавъ Потѣхину, что ему слѣдовать за нимъ неудобно. Вернувшись, онъ сказалъ, что Бакунинъ рекомендуетъ его Гарибальди въ томъ письмѣ, гдѣ пишетъ и о немъ (это, разумеется, было только благовидный отказъ). Поѣхали. До Пескьеры все шло благополучно. Тамъ по обыкновенію отобрали паспорта, а вещи приняли на таможенно. Ничипоренко растерялся и поплѣднѣлъ. Потѣхина осмотрѣли внимательно и возвратили паспортъ. Вдругъ Кандинскій передалъ ему бумажникъ Ничипоренко. «За чѣмъ?» — «Не знаю». Потѣхинъ развернулъ бумажникъ, увидѣлъ ассигнаціи и нѣсколько писемъ и рѣшилъ скорѣе вернуть ихъ черезъ Кандинскаго же Ничипоренку. Тотъ нехотя взялъ и скрылся. Черезъ нѣсколько минутъ Потѣхина позвалъ кто то въ ту комнату, гдѣ былъ Ничипоренко. Очень растерянный, онъ сказалъ ему: «что вы со мною сдѣлали! тутъ ле-

жать важныя вещи!». Затѣмъ быстро вынулъ изъ бумажника нѣсколько писемъ и разорвалъ ихъ, а остальные бросилъ въ темный уголь, подъ скамейку. Затѣмъ онъ былъ осмотрѣнъ, и всѣ четверо благополучно сѣли въ поѣздъ и направились по Итали. Прїѣхали въ Венецію. Вдругъ Ничипоренко объявилъ, что ѣдетъ въ Триестъ, а оттуда черезъ Константинополь въ Одессу. Такъ и сдѣлалъ, удививъ всѣхъ внезапной переменной маршрута. Потомъ Потѣхинъ встрѣтилъ Ничипоренка уже на мѣстѣ службы.

Это откровенное признаніе въ связи со всѣмъ, ранѣе извѣстнымъ, дало достаточный матеріалъ для допроса самого Ничипоренка, который и былъ произведенъ 25 октября.

Онъ родился въ 1837 г., въ с. Подлицахъ Прилуцкаго уѣзда Полтавской губерніи; учился въ петербургскомъ коммерческомъ училищѣ, которое окончилъ въ 1857 г. и поступилъ въ кабинетъ его величества, гдѣ служилъ до конца 1861 г., оттуда перешелъ въ департаментъ податей и сборовъ, а въ июлѣ 1862 г.—занялъ должность акцизнаго надзирателя прилуцкаго уѣзда.

Предупредивъ, что все его показаніе «искренно и чистосердечно», Ничипоренко продолжалъ. Въ коммерческомъ училищѣ былъ друженъ съ писателемъ Аверкіевымъ и Кельсiewымъ. По окончаніи училища эти отношенія прервались, а потомъ о Кельсiewѣ онъ уже ничего не зналъ. Черезъ товарища по училищу, Ашмарина, онъ узналъ, что жившій въ Лондонѣ Владиміровъ, тоже воспитанникъ коммерческаго училища, посылаетъ ему вырѣзки изъ англійскихъ газетъ и «Колокола». Ничипоренко просилъ выслать такой матеріалъ и ему. Владиміровъ исполнилъ просьбу и какъ то сообщилъ Ничипоренку, что Кельсiewъ ищетъ переводчика евангелія на малороссійскій языкъ. Ничипоренко отправился къ Шевченку. Тотъ обѣщалъ переговорить кое съ кѣмъ, но потомъ отвѣтилъ, что переводъ они хотять издать сами и при томъ въ Петербургѣ.

Служа въ столицѣ, Ничипоренко слушалъ лекціи въ университетѣ и преподавалъ бухгалтерію нѣкому Шредеру, у котораго познакомился съ Гаевскимъ, а у профессора Березина—съ Кавелинымъ. Живя у профессора Вернадскаго въ качествѣ наставника его сына, Ничипоренко познакомился съ Лѣсковымъ, прїѣхавшимъ изъ Кіева и тоже жившимъ нѣкоторое время у Вернадскаго. Черезъ Лѣскова онъ познакомился съ Курочкинымъ, Траверсе, Громекой, Писаревскимъ, Мельниковымъ и другими. Николай Курочкинъ, Альбертини, Громека и Гаевскій брали у него «Колоколъ». Въ началѣ 1861 г. Ничипоренко отправилъ черезъ Владимірова въ Лондонъ два письма Кельсiewу. Лѣтомъ того года прїѣхалъ изъ Лондона Бени и привезъ ему рекомендательное письмо отъ Кельсiewa.

Наскучивъ жить въ Петербургѣ и сойдясь съ Бени, они поѣхали по Россіи, чтобы побывать подольше въ Полтавской губерніи. Въ Москвѣ они были у Каткова и графини Садьясъ, въ Орловской губерніи заѣхали къ братьямъ Якушкинымъ и познакомились, че-

¹⁾ Въ Кенгсбергѣ Ничипоренко встрѣтилъ Кельсiewa, съ которымъ они и продолжали путь до Берлина. Курочкинъ зналъ, съ кѣмъ они ѣдутъ, а Потѣхинъ Кельсiewъ былъ представлялъ, какъ знаній молодая, ищущій по свѣту правой вѣры. Кельсiewъ въ это время хлопоталъ объ устройствѣ въ Кенгсбергѣ особаго контрабанднаго дѣла для перевозки лондонскихъ изданій («Заря», 1871 г. янв., 25).

резь Бени, съ Тургеневым¹⁾. Поживь въ деревнѣ, Ничипоренко увидѣлъ, что въ Петербургѣ масса лжи и натянутости въ либеральномъ настроеніи общества. Эта мысль тамъ еще приходила ему въ голову; въ ней его поддерживалъ литераторъ Максимовъ. Однако, надо было ѣхать въ столицу, чтобы искать мѣста на родинѣ. Въ это время Ничипоренко отправилъ Владимірову пять писемъ Гаевского и четыре Альбертини и одно письмо Шапова Кельсіеву. Вскорѣ вернулся изъ Лондона Бени и привезъ «Колоколь». Два номера Ничипоренко далъ Гаевскому. Затѣмъ пріѣхалъ изъ-за границы маркизъ Траверсе и передалъ ему письмо Кельсіева и 300 рублей для него. Кельсіевъ въ письмѣ просилъ деньги эти оставить у себя впредь до уведомления.

Въ это время «съ внутреннимъ переворотомъ, который во мнѣ развился, я сталъ искать и соответственной дѣятельности и сталъ сотрудничать «Сѣверной Пчелы», газеты консервативной, но болѣе правдивой... Какъ то сидя въ редакціи, Ничипоренко увидѣлъ мальчика отъ Бени. Вышелъ къ нему и вдругъ—передъ нимъ стоитъ Кельсіевъ. Было остроуно свиданіе его съ Максимовымъ, но при разныхъ точкахъ зрѣнія на расколъ они ни къ чему не пришли. Максимовъ свелъ Кельсіева съ Кожанчиковымъ, и они условились поѣхать въ Москву. На другой или на третій день Кельсіевъ, по совѣту Герцена, перебрался къ Серно-Соловьевичу. Гдѣ онъ бывалъ и что дѣлалъ за время пріѣзда—Ничипоренко не знаетъ. Изъ 300 рублей онъ взялъ у него 50, а 150 просилъ послать въ Лондонъ его женѣ черезъ Владимірова, уже пріѣхавшаго въ Петербургъ. Самъ Владиміровъ о пріѣздѣ Кельсіева тогда ничего не зналъ. На Николаевскій вокзалъ Ничипоренко проводилъ Кельсіева лично. Вскорѣ онъ получилъ изъ Москвы его письмо съ просьбой послать 50 рублей Петровскому. Затѣмъ Ничипоренко заболѣлъ и слегъ въ постель. Кельсіевъ вернулся изъ Москвы, забѣжалъ къ нему и, сказавъ, что уѣзжаетъ въ Лондонъ, ушелъ.

Лѣтомъ Ничипоренко самъ собрался за границу. Передъ отъѣздомъ къ нему зашелъ Николай Серно-Соловьевичъ, просилъ розыскать въ Кенигсбергѣ Кельсіева и сказать ему, что письмо его получено и что или онъ, или братъ Александръ пріѣдутъ. Ничипоренко все это исполнилъ и взялъ отъ Кожанчикова письмо къ Герцену, въ которомъ тотъ просилъ разрѣшенія на изданіе въ Россіи его прежнихъ сочиненій. Герценъ просилъ передать, что право это уже принадлежитъ Серно-Соловьевичу. Въ Берлинѣ онъ распрашивалъ Кельсіева о поѣздкѣ, но тотъ ничего не рассказывалъ. Изъ Лондона Ничипоренко уѣхалъ раньше возвращенія туда

¹⁾ Поѣздка эта, въ которую они прѣехали Тверь, Москву, Нижній-Новгородъ и другіе города, на самомъ дѣлѣ для собиранія подписей въ адресу о дарованіи Россіи конституціи, не привеза ровно ни къ какимъ результатамъ; подлинникъ адреса Бени хранилъ потомъ у себя, а когда Ничипоренко поѣхалъ въ Лондонъ, то захватилъ его показать Герцену и другимъ. Кельсіевъ говоритъ, что видѣлъ этотъ документъ съ нѣсколькими подписями.

Кельсіева, много колесившаго по Европѣ на пути изъ Россіи въ Англію. Весь рассказъ Потѣхина о путешествіи ихъ правдивъ.

Когда Бакунинъ узналъ маршрутъ Ничипоренко изъ Лондона на Парижъ, Италію и Одессу, то предложилъ ему рекомендательныя письма, выразилъ желаніе, чтобы онъ повиделся съ Гарибальди и для этого далъ письма свои и Саффи, сказавъ, что Герценъ пришлетъ ему въ Парижъ письмо къ Серно-Соловьевичу и Гарибальди. Бакунинъ упорно заводилъ разговоры о пропагандѣ, но Ничипоренко «ему отвѣчалъ двусмысленно, ни да, ни нѣтъ, потому что считалъ, что начинать споръ и дѣлать опроверженія это значить только терять слова» передъ человѣкомъ, который дошелъ до того, что сталъ ругать нѣмецкую науку...

Въ Парижѣ Ничипоренко дѣйствительно получилъ отъ Герцена записку съ письмомъ къ Серно-Соловьевичу и съ десяткомъ воззваній о пожертвованіяхъ въ «общій фондъ». Все это онъ передалъ Тургеневу для передачи Серно-Соловьевичу. Къ* Гарибальди не поѣхалъ и вообще рѣшилъ съ нимъ не видѣться. Послѣ того, какъ у него были отобраны въ Пескьерѣ воззванія объ «общемъ фондѣ», Ничипоренко рѣшилъ ѣхать въ Россію, чтобы самому прибыть туда, а не быть привезеннымъ въ качествѣ арестанта. «Я съ чистымъ сердцемъ ѣхалъ въ Россію, потому что у меня никакихъ не было черныхъ мыслей и глупыхъ намѣреній. Въ Малороссію я ѣхалъ единственно за тѣмъ, чтобы служить честно государю и отечеству, помогать роднымъ и въ тиши заниматься науками».

Черезъ нѣсколько дней Ничипоренко прибавилъ, что самъ проводилъ Кельсіева къ Серно-Соловьевичу, потому что тотъ не зналъ послѣдняго въ лицо и боялся ошибиться. Въ Петербургѣ Кельсіевъ пробылъ 5—6 дней, а въ Москвѣ—около двухъ съ половиною недѣль. Шаповъ писалъ не Кельсіеву, какъ онъ показалъ раньше, а кн. Вяземскому отвѣтъ на его стихотвореніе въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Затѣмъ черезъ мѣсяцъ, уже въ концѣ ноября, Ничипоренко еще кое что добавилъ и пояснилъ, вызванный на это вопросами комиссіи. Такъ, онъ показалъ, что всѣ письма Бакунина уничтожили или вырвали; что относительно пропаганды въ Малороссіи не имѣлъ ни съ кѣмъ никакихъ разговоровъ; что Кожанчиковъ и Кельсіевъ поѣхали въ Москву въ одномъ поѣздѣ; что онъ не говорилъ Владимірову, что исполнилъ всѣ порученія Герцена, изложенныя въ письмѣ послѣдняго къ Владимірову, а сказалъ только, что поговоритъ о Бени съ Альбертини, Громекой и Николаевъ Курочкинымъ. При передачѣ Тургеневу въ Парижѣ письма Герцена къ Серно-Соловьевичу, присутствовалъ Налбандянъ, которому Ничипоренко вручилъ карточку Бакунина.

Не даромъ Тургеневъ въ письмѣ къ Герцену отъ 12 февраля 1863 года, т. е. послѣ всѣхъ этихъ показаній Ничипоренко, говорилъ: «Ничипоренко всё и все выдаетъ». Иначе этихъ правдивыхъ показаній и назвать, разумѣется, нельзя.

Конечно, комиссія торжественвала: она понимала уже почти все ходъ сношеній съ пропагандистами...

Бумаги и допросъ Налбандяна.

Теперь время вернуться къ Налбандяну, котораго мы оставили, какъ только его привезли изъ Нахичевани въ Петропавловскую крѣпость.

Сначала о тѣхъ армянскихъ бумагахъ, которыя были взяты при его арестѣ.

Они очень негладко переведены тѣмъ же Аскархановымъ, который познакомилъ комиссію съ «поваренной книгой». Прежде всего письмо Свачьянца изъ Константинополя отъ 14 мая 1862 г. Тамъ, между прочимъ, было написано:

«Письмо Ваше отъ 9 мая изъ Парижа получилъ. Присланное письмо къ *г. Мартиросу*¹⁾ донинѣ еще не доставлено ему: прошу не гнѣваться на это, но выслушать спокойно и со вниманіемъ. Съ тѣхъ поръ, какъ вы оставили нашъ городъ, я стараюсь получить то, о чемъ говорили *г. Мартиросу*; тогда можно будетъ смѣло доставить ему мое письмо. Но тщетно. Безконечные вопросы въ народѣ и дѣла тѣхъ людей, къ которымъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ я имѣлъ довѣріе, а нынѣ не имѣю, такіе люди обезкураживаютъ меня. Думаю, что сказать—*илтеме здѣсь банкира*, когда мы его не имѣемъ, поставить меня въ критическое положеніе, да и товарищи наши не позволяютъ сообщить такого рода дѣло тому человѣку, который, какъ цѣлое общество полагаетъ, можетъ повредить. Подумайте хорошенько и напишите ко мнѣ, слѣдуетъ ли вручить ему мое письмо. Я совершенно спокоенъ на счетъ вашихъ распоряженій, до меня касающихся. Стараясь я имѣть здѣсь локу братства (Отелло) и получилъ позволеніе открыть ее. Эта ложа, подъ именемъ Гайкъ или Оріонъ, будетъ состоять подъ покровительствомъ Англіи, отъ которой также получено позволеніе, представляющее этому братству право созывать тайныя собранія, въ родѣ франкмасонской ложи, но попросе ее. Цѣль этого братства состоить въ томъ, чтобы имѣть попеченіе о немущихъ и больныхъ братьяхъ и снабжать ихъ деньгами. Когда, за недостаткомъ денежныхъ средствъ, наша ложа не въ силахъ будетъ помогать бѣднымъ и больнымъ братьямъ, тогда главная лондонская ложа должна помогать намъ деньгами. Поступающій въ братство долженъ внести полфунта стерлинговъ и еженедѣльно по шести пенсовъ. По предмету учрежденія благотворительнаго общества встрѣчаются со стороны нѣкоторыхъ лицъ препятствія, но не непобѣдимыя: полагаю, что это черезъ нѣсколько дней войдетъ въ порядокъ. Собрали мы довольно денегъ. Письма къ вѣншимъ агентамъ еще не отправлены; это возбудитъ въ васъ негодованіе, я и самъ негодуя на то, но слѣдовало такъ; на дняхъ все будетъ отправлено. Съ Каталянцомъ я видаюсь: онъ очень хорошій, но смиренный человѣкъ. Нужно было бы имѣть здѣсь нѣсколько лицъ вашего закала, тогда

заранѣ воспользовались бы. Прибыль сюда изъ Тороса (Тавра) одинъ монахъ; я старался войти съ нимъ въ сношеніе и съ трудомъ могъ созвать двадцать или тридцать человѣкъ; мы дали ему денегъ, частью я, частью одинъ изъ пріятелей, на покупку учебныхъ книгъ и на дорожныя издержки, на счетъ же остальныхъ обѣщаль постараться для нихъ. Апатія для меня смерть, я также думаю, какъ и вы. Нашъ народъ мало трудится и трудится надъ такимъ дѣломъ, которое вы презираете; при волорѣ о любви къ своей націи всѣ говорятъ громко, но у однихъ эта любовь лицемерная, а у другихъ пустая; когда же нужно дѣйствовать, тогда нѣтъ никого. Отъ этихъ разсказовъ не должно намъ отчаиваться: я намѣренъ трудиться всегда, хотя знаю, что отъ этого труда скоро постарѣю».

Читатель, разумѣется, понялъ, что на самомъ дѣлѣ рѣчь шла не о масонской ложѣ, а о революціонной организаціи армянъ. Въ этомъ убѣждаетъ насъ и взятый у Налбандяна шифръ, имѣющій очень большое значеніе для дешифровки вообще его перепіски, извѣстной соотечественникамъ. Привожу его полностью:

Открыть торговый домъ — сосредоточить и умножить войска. У побережья Чернаго моря имѣть мѣсто—въ Трапезонтѣ имѣть одноо комиссіонера. Имѣть тамъ банкира—имѣть тамъ комитетъ. Покупать лень—съ горцами начать переговоры и заключить союзъ. Бумагопашество—въ Киликии водворить колонію. Европейскій курсъ—рука помощи отъ европейскихъ государствъ. Имѣть кредитъ—издавать газету. Самсона пріятель—Россія. Бейрутскій пріятель—Франція. Манчестерскій пріятель—Англія. Женевскій пріятель—Италія. Константинопольскій пріятель—Персія. Трестскій пріятель—Польша. Парижскій пріятель—«нельзя расшифровывать иенимени»—написалъ Аскархановъ, получившій, очевидно, отъ кого-то соответствующую инструкцію. Но потомъ кто-то написалъ—Чарторижскій. Лондонскій пріятель—Герценъ. Ливорнскій пріятель—Гарибальди. Фабриковаторъ—публицистъ. Больной—Арменія. Хлопчатая бумага—Киликія. До жатвы выдать деньги—возбудить національность. Для покупки товара—для возстанія. Мартиросъ—Мадания. Алминкаръ—Бакунинъ. Часы—штукое ружье. Хронометръ—пушка. Послать индиго—склонить англичанъ сдѣлать высадку въ Киликии. Пашня для посѣва индиго—Александретта. Возвысить цѣну на товары—собрать деньги. Мука—Порохъ. Пешинца—ядро.

Ясно кажется, о чемъ писалъ Свачьянецъ Налбандяну...

Наконечъ, у него былъ вѣзть маршрутъ путешествія, очень важный для всякаго, кто хотѣлъ бы ознакомиться съ пространствомъ, на которомъ Налбандянъ дѣйствовалъ въ качествѣ энергичнаго агента—пропагандиста. Я не буду приводить всѣхъ датъ, но упомяну лишь всѣ пункты его остановокъ въ хронологическомъ порядкѣ: 15 іюня 1860 г. Петербургъ, Москва, Нахичевань, Тифлисъ, Ечмиадзинъ, Тифлисъ, Поті, Трапезонтъ, Константинополь, Мессина, Неаполь. 27 декабря 1860 г. Генуя, Парижъ, Лондонъ,

¹⁾ Взятое курсивомъ получить объясненіе ниже.

Парижъ, Лондонъ, Парижъ, Марсель. 20 апрѣля 1861 г. Александрия, Каиръ, Аденъ, Цейлонъ, Мадрасъ, Калькута, Александрия. 29 сентября 1861 г. Иерусалимъ, Александрия, Смирна, Константинополь, Марсель. 2 января 1862 г. Парижъ, Лондонъ, Парижъ.

На допросахъ 13, 16, 18, 23, 24 и 25 октября Налбандянъ разсказалъ свою биографію, уже известную читателю, и затѣмъ очень уклончиво отвѣчалъ на вопросы комиссіи. Хафавова зналъ съ дѣтства. Въ Лондонѣ познакомился съ Герценомъ, Бакунинымъ и Огаревымъ. Отношеній съ ними никакихъ не имѣлъ, если не считать хлопотъ о выпискѣ жены Бакунина изъ Сибири въ Тверскую губернію, для чего познакомился съ Тургеневымъ и Траверсе. Только что приведенное письмо и шифръ объясняли конечно такъ, что это самая невинная вещь, напримѣръ, что константинопольскіе армяне желаютъ при помощи Мадзини перейти въ итальянское подданство и т. д.

Комиссія очень была недовольна ловкостью сочинявшаго всякія легенды Налбандяна и отказала его брату, Лазарю, въ свиданіяхъ съ заключеннымъ. Только настоячивыя представленія, что свиданіе необходимо для выясненія нѣкоторыхъ вопросовъ по наследственному процессу нахичеванцевъ, вѣденному Налбандяномъ въ Индіи, склонили комиссію дать имъ чисто дѣловое свиданіе.

Допросы Воронова и Бени.

25 февраля былъ допрошенъ Вороновъ.

Онъ показалъ, что родился въ 1832 году, вдовъ, воспитывался въ гимназіи, а потомъ въ харьковскомъ университетѣ, который кончилъ въ 1853 г. Затѣмъ учительствовалъ въ разныхъ городахъ до смерти жены въ 1861 г., а послѣ поѣхалъ путешествовать и въ мартѣ 1862 г. выѣхалъ за границу. Сотрудничалъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», въ «Русскомъ Словѣ», «Журналѣ для воспитанія» и «Одесскомъ Вѣстникѣ». Въ Лондонѣ на выставкѣ былъ въ апрѣлѣ и не имѣлъ намѣренія знакомиться съ эмигрантами, но случайно познакомился съ Бакунинымъ. Рядомъ съ Вороновымъ въ отелѣ жилъ Н. П. Морозовъ, командированный для подготовки къ кафедрѣ харьковскимъ университетомъ, и заболѣлъ ¹⁾. Онъ посѣтилъ его и встрѣтилъ тамъ Бакунина. Бакунинъ хотѣлъ курить, но у Морозова это было запрещено докторомъ. Вороновъ предложилъ ему свою комнату. Тамъ М. А. сталъ упрекать его, что онъ ни съ кѣмъ изъ нихъ не познакомился. Разговоръ перешелъ на «Колоколь», который Вороновъ подвергъ критикѣ, доказывая, что онъ очень далекъ отъ реальныхъ условий русской жизни и пр. Бакунинъ нашелъ его мнѣніе справедливымъ и сказалъ, что Герценъ былъ бы очень благодаренъ, если бы лично могъ выслушать его.

¹⁾ Въ августѣ 1863 г. Морозовъ вернулся въ Россію и преподавалъ въ университетѣ физикъ.

Но въ первое посѣщеніе свое Вороновъ не нашелъ случая поговорить съ Герценомъ, отрываемымъ все время гостями, и потому было назначено особое свиданіе за обѣдомъ. Герценъ неохотно слушалъ его и подъ конецъ ушелъ къ себѣ въ комнату, оставивъ Воронова съ Огаревымъ. Бакунинъ не обращалъ на это вниманія и нѣсколько разъ просилъ Воронова устроить перевозку контрабанды «Колокола» на Кавказѣ. Для этого онъ просилъ его заѣхать въ Парижъ къ пріятелю Налбандяну и поговорить съ нимъ. Передъ самымъ отъѣздомъ Вороновъ получилъ отъ Бакунина два письма: Налбандяну и Траверсе, но не передалъ ихъ.

Комиссія приняла эти показанія къ свѣдѣнію. Одновременно она просила Потапова собрать свѣдѣнія «объ образѣ жизни, занятіяхъ и политическомъ направленіи» Ашмарина, Альбертини, Николая Курочкина, Громеки, Максимова, Шапова и Кожанчикова и учредить за ними секретный надзоръ. Черезъ нѣсколько дней такая же просьба была возбуждена относительно Хрущевой, Александра Ивановича Носкова и Подлѣснаго.

4 ноября Потаповъ прислалъ комиссіи показаніе Бени и сообщилъ отъ себя его биографическія данныя. Бени сынъ пастора мѣстечка Томашева-Мазовецкаго, Варшавской губерніи; мать англичанка, родилась въ Лондонѣ, воспитывалась въ петроковской гимназіи. Въ 1857 г. переѣхалъ въ Англію и принялъ великобританское подданство. Послѣ смерти покровительствовавшей тетки, переѣхалъ въ Парижъ слушать курсъ медицины. Познакомившись тамъ съ золотопромышленникомъ Томашевскимъ, пріѣхалъ съ нимъ въ Петербургъ въ 1860 г., чтобъ вскорѣ ѣхать на работу въ Сибирь ¹⁾. Средства Томашевскаго были чѣмъ-то разстроены и Бени пришлось остаться въ Петербургѣ безъ копѣйки ²⁾. Тогда онъ обратился къ В. С. Курочкину, съ которымъ познакомился еще въ Лондонѣ, и черезъ него и Тургенева вошелъ въ кругъ литераторовъ, особенно близко сойдясь съ Ничипоренкомъ. Потомъ уѣзжалъ ненадолго въ Лондонъ и, вернувшись въ концѣ сентября 1861 г., сталъ сотрудничать въ «Сѣверной Пчелѣ». При этомъ Потаповъ сообщалъ, что, ѣхавъ въ Россію съ «социалистическими воззрѣніями», заимствованными у Герцена, Огарева и Кельсева, Бени увидѣлъ, что все это фантазія и потому навлекъ на себя подозрѣніе, что онъ агентъ тайной полиціи.

А что же писалось самимъ Бени?

Съ Герценомъ старался познакомиться уже въ 1857 г., т. е. съ самаго начала пребыванія своего въ Англіи. Всѣ теоріи знаменитаго эмигранта казались очень симпатичными. Однажды, въ концѣ 1858 г., въ магазинѣ иностранныхъ книгъ Роланда онъ встрѣтилъ Герцена и рекомендовался, какъ слухавшій въ военномъ министерствѣ. Былъ вскорѣ у Герцена раза два-три и познакомился съ семействомъ и Огаревымъ. «Въ основныхъ политическихъ принци-

¹⁾ На самомъ дѣлѣ Бени рассчитывалъ заняться тамъ пропатадой.

²⁾ На самомъ дѣлѣ Томашевскій просто раздумалъ приглашать Бени.

пахъ я сдѣлался его ученикомъ и всякій разъ, когда ему случалось заговорить о болѣе общихъ предметахъ, я слушалъ его съ глубокимъ уваженіемъ и вниманіемъ¹⁾. Бени вѣрилъ, что Россія можетъ осуществить идеалы социализма. Въ юльѣ 1859 г. онъ оставилъ службу и переехалъ въ деревню. Въ это время познакомился съ Кельсевичемъ на почвѣ перевода Пятикнижія¹⁾. Когда пріѣхалъ изъ деревни въ Лондонъ, всегда посѣщалъ Герцена. Изъ польской эмиграціи знакомъ только съ Шульчевскимъ, секретаремъ и главнымъ руководителемъ лондонскаго комитета партіи Чарторижскаго. Многие поляки участвуютъ въ печатаніи и книжной торговлѣ Герцена. Что касается плановъ послѣдняго относительно Россіи, то подробно Герценъ никогда съ нимъ объ этомъ не говорилъ да, вѣроятно, и плановъ никакихъ не имѣлъ. Переѣзжая въ 1860 г. въ Парижъ, Бени просилъ у Герцена рекомендательныхъ писемъ и получилъ два: къ кн. Долгорукову, издателю «Будущности», и Тургеневу. Разъ Герценъ прислалъ ему письмо съ просьбой передать его Мѣрославскому. Послѣдній выразилъ удивленіе, зачѣмъ Бени, полякъ по отцу, знакомится съ русскими. Переѣхавъ въ Россію и поживъ здѣсь, Бени ясно увидѣлъ, что «не только социалистическіе планы Герцена, но даже болѣе умѣренныя требованія «Великорусса» смѣшны и преждевременны въ Россіи».

Когда до него дошли слухи о подозрѣніяхъ въ шпіонствѣ, одновременно онъ узналъ о болѣзни второй тетки, жившей въ Англии, и потому рѣшился ѣхать въ Лондонъ и, если возможно, вынудить у Герцена какое нибудь письменное или другое ручательство въ своемъ прежнемъ знакомствѣ съ нимъ и въ томъ, что онъ считаетъ его неспособнымъ на подобное дѣйствіе²⁾. Онъ не скрылъ отъ Герцена о перемѣнѣ своихъ политическихъ взглядовъ и получилъ отъ него категорическій отказъ, мотивированный тѣмъ, что у Герцена нѣтъ такихъ людей въ Петербургѣ, которые могли бы реабилитировать Бени въ общественномъ мнѣніи.

Прерву здѣсь показанія Бени.

Онъ дѣйствительно выѣхалъ въ Лондонъ неожиданно. Въ сентябрѣ 1861 г. онъ вручилъ прѣезжавшему черезъ Петербургъ въ Парижъ Тургеневу большое письмо къ Герцену, о которомъ Иванъ Сергѣевичъ увѣдомлялъ Александра Ивановича 7 октября н. с. Герценъ получилъ письмо только 18 ноября и на другой же день отвѣчалъ Бени, но не кончилъ отвѣта и, повидимому, потому, что въ періодъ его составленія и переписки Бени самъ былъ уже въ Лондонѣ и имѣлъ съ Герценомъ личный разговоръ. Изъ черновика отвѣта Герцена, который я привожу ниже, можно видѣть, что Бени и лично говорилъ съ нимъ о двухъ предметахъ: о собираніи подписей подъ составленнымъ имъ адресомъ государю о дарованіи конституціи и о реабилитированіи своего имени. Что касается перваго, то вотъ что писалъ Герценъ:

«Письмо Ваше пришло, какъ Вы знаете теперь, только вчера, слишкомъ черезъ два мѣсяца. Отвѣчать прежде, стало, я не могъ, но обстоятельства были таковы, что вреда отъ этого нѣтъ. Предполагаемый вами адресъ могъ бы при теперешней реакціи погубить васъ и многихъ. Адресъ умѣренный, о которомъ вы пишете, можетъ и недуренъ схода о главномъ вопросѣ: о выкупѣ крестьянскихъ земель, тамъ и не упомянуто), но върядъ ли успѣете что нибудь сдѣлать. Вы сами въ письмѣ дотронулись до большого мѣста. Такія предпріятія удаются только кореннымъ жителямъ; въ слѣшкомъ чужды русской средѣ. Если мысль вашего адреса соотвѣтствуетъ потребностямъ общества, она пойдетъ, для нея вамъ, стало, нечего дѣлать. Недостаточно имѣть вѣрную мысль, надобно ясно знать средства подъ руками. Вы говорите о успѣхѣ распространенія «Колокола» и о затрудненіяхъ адреса—ясно, что вы можете дѣлать и чего вы не сдѣлаете до тѣхъ поръ, пока вы не приобретете дѣйствительнаго права гражданства между русскими и дѣйствительнаго знанія всѣхъ (пропускъ слова) русской жизни. Говоря объ адресѣ, вы давали чувствовать, что это согласно съ нашимъ мнѣніемъ. Вѣроятно, вы говорили съ людьми, очень мало читающими «Колоколь»: они вамъ прямо сказали бы, что мы не можемъ соглашаться, послѣдовательно, на такой адресъ, а можемъ только не *лишать* ему, такъ какъ не мѣшаемъ Долгоруковской конституціи. На счетъ книгъ и «Колокола» мы говорили. Двѣ такія вещи, какъ тайная пропаганда книгъ и явная или полуявная агитация—несовмѣстимы... 1).

Ясно, что Герценъ не прочь былъ имѣть Бени агентомъ, самое большое—по распространіи своихъ изданій, потому что эту работу онъ поручалъ иногда людямъ и совсѣмъ мало знакомымъ. Но, какъ мы уже знаемъ изъ показаній Ничипоренка, Бени не внялъ совѣту Герцена и, обольщая себя успѣхомъ, пустился съ Ничипоренкомъ по Россіи для собиранія подписей подъ своимъ адресомъ...

Что касается отвѣта Герцена (уже устнаго) на просьбу о реабилитациіи, то въ подтвержденіе показанія Бени приведу слова Кельсевича: «Герценъ отказалъ ему въ подобнаго рода удостовѣреніи и отказался отъ всякой съ нимъ солидарности»²⁾.

Возвращаемся къ показаніямъ Бени.

Въ первый числахъ декабря 1861 г. онъ вернулся въ Петербургъ. «Подозрѣніе на мой счетъ возросло до того, что почти всѣ мои здѣшніе знакомые отъ меня отвернулись». Тогда, весной 1862 г., онъ написалъ Герцену отреченіе отъ всѣхъ заимствованныхъ у него взглядовъ, и послалъ его черезъ П. Адксѣева, уѣзжавшаго въ Лондонъ, но просилъ опустить его гдѣ нибудь въ Англии въ почтовый ящикъ. Письмо было адресовано къ родственнику Бени—Кливленду, который и долженъ былъ передать его

¹⁾ Письма К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева къ А. И. Герцену, Женева 1892 г., стр. 142.

²⁾ «Заря», 1871 г., июнь, стр. 21.

¹⁾ Объ этомъ знакомствѣ Кельсевичъ разсказалъ на стр. 4—6 июльской книги «Заря», 1871 г.

по назначенію. Отвѣта не получилось. Желая доказать Герцену, что онъ человѣкъ не личностей, Бени написалъ въ «Сѣверной Пчелѣ» письмо, въ которомъ, нѣсколько не касаясь самого Герцена, возставалъ противъ неприличнаго тона катковской «Замѣтки» по адресу издателя «Колокола».

О прїѣздѣ въ Россію Кельсіева весною 1862 г. Бени узналъ только въ сентябрѣ и то стороной.

Допросъ Петровскаго. Бумаги Траверсе.

Я уже говорилъ, что полковникъ Дурново сообщалъ комиссіи о вторичномъ прїѣздѣ Кельсіева въ Москву въ сентябрѣ 1862 г., т. е. въ самый разгаръ веденнаго уже слѣдствія. Въ началѣ ноября Дурново повторилъ свое сообщеніе и уже въ совершенно утвердительной формѣ. Очевидно, и комиссія и III Отдѣленіе были этимъ очень встревожены, и потому рѣшено было командировать немедленно въ Москву молодца-Дренякина...

Тѣмъ временемъ работа продолжалась.

10-го ноября Петровскій заявилъ, что бронега Кельсіева, о которомъ говоритъ Кожанчиковъ, онъ не знаетъ и категорически утверждаетъ, что Кельсіевъ блондинъ, что ни онъ, ни Трубочкой, ни братья Орфано, Козловъ и Ошмянцевъ во время прїѣзда Кельсіева у Афанасьева не бывали; что Кельсіевъ бесѣдовалъ съ Петровскимъ всегда наединѣ, а при другихъ говорилъ о пустякахъ.

16-го ноября комиссія имѣла въ рукахъ еще новый интересный матеріалъ, а именно нѣсколько писемъ, отобранныхъ Дренякинымъ у маркизы Траверсе, по указанію маркиза; они хранились въ его кабинетѣ, въ конвертѣ съ надписью «Татьянѣ Борисовнѣ Потемкиной».

Помимо тѣхъ писемъ Бакунина, которая напечатаны мною въ июльской книжкѣ «Былого» на страницахъ 199—201, 203—204, 206—207 [четыре письма къ Н. С. Бакунину¹], 204—206 [Наблданяну], 201—202 [Маткевичу], 197—199 [К. Б. Кукелю], 207—208 [Тургеневу] и 195—197 [своей женѣ], въ конвертѣ были еще и слѣдующія.

Письмо Александра Александровича Бакунина къ Михаилу Александровичу:

13-ю пятницу 1862 года.
Флоренція.

«Здравствуй Миша, я ѣду въ Россію; хотѣлъ бы видѣть тебя, но денегъ у меня теперь 160 франковъ; какъ быть, не знаю.—Жду отъ тебя письма; теперь я къ твоимъ услугамъ; подумай и рѣши, какъ и что мнѣ дѣлать? Изъ дому не получаю ни строчки, что съ ними не знаю.—У меня пока въ головѣ Tabula Rasa; т. е. я не имѣю никакой опредѣленной цѣли, но за то я и ничѣмъ не связанъ; рѣшеніе мое принести по силамъ и возможности пользу на общее дѣло; а потому и ѣду въ Россію, если нѣтъ особенной

нужды вамъ во мнѣ здѣсь, или гдѣ бы то ни было.—Я здоровъ и силенъ и бодръ, и жду твоего совѣта; въ меня видѣли, хотя и не въ нормальномъ видѣ, но все же можете обо мнѣ судить, и слѣдовательно воспользоваться моимъ предложеніемъ, какъ заблагодарсудите, а я не отказываюсь ни отъ какого; пиши же мнѣ поскорѣе, я жду твоего письма. До свиданья.

Твой братъ А. Бакунинъ.

«Поклонись отъ меня Герцену и Огареву и Мартыанову, и послѣднему отъ меня скажи, что онъ и съ земскимъ царемъ далеко не уйдетъ; времена Атиллъ и Гунновъ далеко ушли; а вотъ если бы онъ придумалъ чѣмъ извѣститься или сойтись народу съ войскомъ—другое дѣло. До свиданья, да не сердись на меня за мое молчаніе; мнѣ было не до себя и не до васъ и ни до кого въ мірѣ. Виновать и каюся, но не раскаиваюсь; пожалуйста же пиши, до свиданья.

Твой А. Б.»

На послѣдней страницѣ подлинника рукою М. А. Бакунина написано:

«Милая Natalie. Еще нѣсколько словъ. Прилагаю письмо къ генералу Кукелю—вѣроятно, твоему знакомому—въ Иркутъ. (написанное перечеркнуто).

«Прилагаю письмо къ Antonie¹)—ради Бога, перешли его немедленно въ Иркутскъ.—Если нѣтъ курьера, если не знаешь случая, то обратись за совѣтомъ и помощью къ молодому маркизу де-Траверсе, который, вѣроятно, успѣлъ съ тобою познакомиться. Онъ живетъ въ Гончарной улицѣ, въ домѣ Прокоповича.

«Съ Маткевичемъ ты можешь познакомиться черезъ Спасовскаго²), адвоката братьевъ».

Затѣмъ очень цѣнное письмо жены Михаила Бакунина къ мужу, любовитное именно въ силу полного отсутствія подобныхъ писемъ въ литературѣ о «вѣчномъ бунтарѣ»:

14-ю іюня 1862 г.

«Милый другъ Michel,

«Жду позволенія съ Петербурга, чтобы ѣхать къ тебѣ, я не знаю, когда я съ тобою увижусь, грустно очень грустно; покамѣстъ я воображала себя совершенно свободной, я спокойно ждала случая, чтобы поѣхать къ тебѣ, но теперь, когда я знаю, что хоть бы ихъ тысячу представилось, я все таки не могу ѣхать,—такъ тяжело, что передать трудно. Но все же мы съ тобою увидимся во что бы ни стало, никто не въ состояніи намъ помѣшать; будь увѣренъ, что самое мое сильное и неизмѣнное желаніе, это быть съ тобою вмѣстѣ и по возможности составить твое счастье.

¹) Жеффъ.

²) В. Д. Спасовича.

«До свиданія, мой милый дорогой другъ. Любящая и уважающая тебя *Бренчанинова* 1).

Наконецъ, любопытное письмо Н. В. Альбертини литератору Степану Степановичу Громеку, сблвавшемуся изъ жандармовъ герценовскимъ корреспондентомъ...

16/4 апреля 1862 г.

«Пишу къ вамъ, дорогой Степанъ Степановичъ, чрезъ моего добраго лондонскаго знакомаго, Налбандова. Пользуюсь этимъ слушаемъ, чтобъ сказать вамъ многое, чего иначе нельзя было сказать. Ежели чего нибудь не скажу, за кратковременностію срока, остающагося мнѣ для написанія письма,—то вамъ доскажетъ самъ Налбандовъ, чловѣкъ вполнѣ пользующійся уваженіемъ лондонскихъ русскихъ.»

«Прежде всего о «Русскомъ Вѣстникѣ», о моемъ, а болѣе всего о вашемъ участіи въ немъ.—Степанъ Степановичъ, ради Бога подумайте о томъ, что вы дѣлаете. Вы и Катковъ—элементы не соединимые. Вамъ нельзя быть вмѣстѣ. Вы понимаете вещи тѣмъ чувствомъ, которое всегда есть у людей съ сердцемъ. «Русскій Вѣстникъ» все понимаетъ не иначе, какъ холоднымъ разсудкомъ; тѣ разсуждаетъ, когда надо чувствовать. Какъ же вамъ итти вмѣстѣ съ Катковымъ. Въдъ можно удивляться его уму, его знаніямъ, логичности его выводовъ, заключеній, стройности хода его мысленія, ловкости оборота въ мысли, въ словѣ; но сердце ваше всегда будетъ далеко отъ него. У васъ *никогда* не будетъ съ нимъ сочувственныхъ сторонъ. Онъ васъ мало-по-малу *подчинитъ* (именно, *подчинитъ*) своему холодному міросозерцанію.—Вы потеряете ту теплоту чувства, которая даетъ такую силу вашимъ словамъ; вы начнете резонировать. Вы научитесь этому мало-по-малу въ вашихъ частныхъ съ нимъ сношеніяхъ, въ вашихъ работахъ съ этимъ чловѣкомъ, который такъ ловко умѣетъ свою мысль, мысль сухую, ученую, кабинетскую, навязывать людямъ, къ нему близкимъ.—Вспомните, какъ часто вы расходились съ «Русскимъ Вѣстникомъ». Въ чемъ былъ этотъ разладъ?—Ежели вы хорошенько анализируете всѣ случаи, то найдете, что разладъ именно былъ въ томъ, что «Р. В.» относился къ дѣлу съ холоднымъ педантизмомъ ученаго, тогда какъ вы своимъ сердцемъ чувли, проводили другою рода стороны, недоступныя «Русскому Вѣстнику». Вспомните студенческую исторію. Ваши отношенія къ ней и «Русскаго Вѣстника» должны показать вамъ, въ чемъ ваше несоходство.»

«Что же, и вы готовы отказаться отъ того дара, который составляетъ вашу силу?—Въ вашемъ талантѣ есть одна родственная черта съ нашимъ величайшимъ публицистомъ 2), это—то, что вы оба много понимаете сердцемъ. Теперь поставьте же рядомъ Каткова и Герцена, спросите себя, что у нихъ родственнаго, и могутъ

1) Подпись была условная.

2) Герценовиъ.

ли они работать въ одномъ журналѣ? 1)—Что вы скажете? На мѣсто Герцена поставьте себя,—дѣло будетъ тоже самое, и выводъ тотъ же. Не даромъ онъ васъ такъ любитъ; не даромъ говорилъ какъ-то, что вотъ бы отдохнулъ ему, а «Колоколь»—еслибъ только можно было—пусть бы издавалъ Громека 2). Онъ чувствуетъ въ васъ родственную себѣ натуру, онъ видитъ васъ ясно.»

«Но есть еще другая сторона дѣла. У Каткова вы будете работникомъ подчиненнымъ, подвластнымъ,—что бы онъ тамъ ни говорилъ и какія бы ни были его условія.—У Краевского какъ вы были, такъ и будьте, и будете въ газетѣ 3) больше, чѣмъ гдѣ нибудь,—какъ панъ, какъ набольшій. Что лучше для васъ?»

«Но есть и еще нѣчто. Въ газетѣ Каткова вашъ талантъ изсякнетъ отъ тѣхъ причинъ, о которыхъ я говорилъ выше. Случится то же, что случилось бы, еслибъ вы поступили нѣкогда въ «Сѣверную Почту» 4), хоть и отъ другой причины,—тамъ отъ внѣшней невозможности говорить свободно, здѣсь отъ незамѣтнаго для васъ подчиненія чужому уму, который вы уважаете. Въ *Голосѣ* вы будете свободны. Вашъ талантъ найдетъ себѣ просторъ, найдетъ арену, какая для васъ нужна. Тутъ онъ раскроется, какъ только онъ можетъ раскрыться при благоприятныхъ условіяхъ. Тамъ вы только жалкимъ образомъ раздѣлите крушеніе стараго судна, которое уже начало гнить и съ которымъ, на послѣднихъ его порахъ, вы будете имѣть неблагоприятное связать свою участь. Здѣсь вы сами капитанъ,—сами строитель корабля,—сами осначиваете его, сами устраиваете его, какъ знаете,—и корабль вашъ новенькій, отправляется въ путь съ попутнымъ вѣтромъ. Будетъ неудача, сядетъ онъ на мель, разобьетъ его,—будетъ ваша вина, ваша бѣда,—но, по крайней мѣрѣ, не останется на вашей совѣсти упрека себѣ въ томъ, что имѣли неблагоприятное дырвому кораблю поручить свою участь.»

«Значеніе Каткова—падаетъ. Многочисленна ли его партія? Съ какою злобою говорить о немъ наши лучшие люди? Или вы, можете быть, хотите спасти его, пожертвовать своимъ именемъ для поддержанія авторитета Каткова?—Это благородно. На это, я знаю, вы способны.—Но я, любя васъ, вижу прежде всего опасность для васъ отъ этого союза. Вы авторитета его не поддержите, а себя погубите.»

«Наконецъ, въ 130 № «Кол.» вы получите и еще одинъ аргументъ противъ вашей рѣшимости пристать къ Р. Вѣст.—«*Къ какой ли принадлежишь партіи?*»—Возмутительна, какъ не возмутительны статьи Чичерина.—«Вдѣ наши шутовскія партіи»—возму-

1) Когда Альбертини писалъ эти строки, Катковъ уже вступилъ на поле патриотической борьбы по адресу Герцена.

2) Разудбѣлся, Герценъ говорилъ такіа вещи въ шутку, которой Альбертини не разоралъ.

3) Съ января 1863 г. Катковъ готовился издавать «Московскія Вѣдомости, «Кравескій—«Голосъ»».

4) Преджественница «Правительственнаго Вѣстника».

тили васъ,—вѣдь рѣшимость *не принадлежит даже и къ серьезнымъ партиямъ, если бы они когда нибудь явились*,—не есть ваша рѣшимость. Вѣдь этотъ холодный доктринаризмъ, развивающій теорію консерватизма въ обществѣ, гдѣ все перестраивается и перерабатывается, не находитъ въ васъ сочувственной струны.—Какъ же вы пойдете со всѣмъ этимъ рука объ руку.

«Степанъ Степановичъ, ежели ваше рѣшеніе непоколебимо, то вы извините меня,—что я рѣшился все это высказать. Мои сердечныя отношенія къ вамъ, моя искренняя любовь къ вамъ давали, казалось, право мнѣ сказать вамъ это все. Но ежели ваше рѣшеніе еще не принято окончательно, если это такъ только,—то я въ восторгѣ, что мое мнѣніе объ этомъ пунктѣ сошло съ вашимиъ».

«Мнѣ кажется, что ежели даже вы и дали слово Каткову, то отказаться вамъ есть еще полная возможность. Вы давали его, ничего не зная о *Голосѣ* (Тутъ виноватъ, конечно, Андрей Ал., ¹⁾—своею несчастною страстью секретничать; хотя бы онъ тутъ, наконецъ, убѣдился, что секретничать съ людьми близкими къ дѣлу никогда не слѣдуетъ). Теперь, когда очутился *Голосъ*, въ силую самаго положенія дѣлъ принадлежитъ *Голосу*. Есть основаніе взять слово назадъ. Да и времени къ тому же еще много. Катковъ вашими отказомъ не будетъ поставленъ въ затруднительное положеніе».

«Мнѣ представляются тѣ соображенія, которыя заставили васъ пойти на союзъ съ Катковымъ. Для васъ безотрадно положеніе литературы. Тамъ Чичеринъ, Павловъ и всѣ приспѣшники правительства; тутъ ярые свистуны ²⁾. Въ срединѣ стоитъ маленькая кучка людей «*Отеч. Зап.*» и гигантъ Катковъ. Катковъ и мы сходимся между собою въ одномъ пунктѣ: какъ онъ, такъ и мы равно далеки и отъ Чичерина, и отъ свистуновъ,—но и только въ этомъ одномъ пунктѣ. Во всемъ остальномъ между нами *должна* быть пропасть непроходимая. Васъ смущаетъ то, что мы сами невидная, незамѣтная, даже не сила, а такъ себѣ что-то, а Катковъ сила признанная. Изъ за одной отрицательной стороны Каткова,—изъ за того, что онъ—не Чичеринъ и не свистуны,—да еще изъ за того, что онъ сила, вы примыкаете къ нему, забывая, что васъ отталкиваетъ въ положительной сторонѣ Каткова. Но вотъ вамъ мое убѣжденіе.—Пойдете смѣло въ *Голосъ*, съ вѣрою,—и мы, можетъ-быть, приобрѣтемъ силу, т. е. вы ее приобрѣтете. Не вливайте новаго вина въ старыя мѣха; смотрите, чтобъ вино не смѣшалось съ грязью. А лучше пойдете-ка съ своимъ виномъ съ новыми мѣхами,—можетъ быть,—и будетъ вино знатное».

«Хотѣлъ писать и о другомъ кое о чемъ, но ужъ некогда. Другой разъ».

«Вотъ только самое необходимое».

«Здѣсь нужны свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ Бѣлоруссіи и Ма-

¹⁾ Краевскій.

²⁾ Кличка сотрудниковъ «Современника».

доруссіи. Объ одной изъ нихъ вы можете добыть отъ человѣка близкаго; о другой—скажите, кому найдете возможнымъ».

«Покорнѣйше прошу засвидѣтельствовать многуважаемой Катеринѣ Федоровнѣ ¹⁾ мое глубокое уваженіе, а вашихъ милыхъ дѣтей поцѣлуйте за меня крѣпко».

Вашъ Н. А.

«Многуважаемому и добрѣйшему Ипполиту Федоровичу, ежели, только онъ въ Петербургѣ, передайте мой нижайшій поклонъ».

«Н. В. Вы не повѣрите, какъ тяжело отозвалось здѣсь ваше извѣстіе о *союзѣ* съ Катковымъ. Вѣдь, этого союза—ежели только вы не шутите,—объяснилъ для А. И. ²⁾ паденіе такихъ людей, какъ друзья его Евг. Коршъ, Кетчеръ, нынѣшнихъ друзей Чичерина. Это все отъ того, по его словамъ, что у насъ *дѣйствительно* нѣтъ еще политическаго чутія и политической честности».

«Какъ вы видите, я выступаю противъ васъ со всѣми возможными аргументами. Есть еще одинъ. Вамъ дорого ваше честное имя.—Для меня ваше честное имя очень дорого. Вотъ именно поэтому вамъ не слѣдуетъ быть съ Катковымъ.—Настанетъ время, когда быть съ Катковымъ будетъ также безчестно, какъ быть Чичериннымъ,—потому что оба они равно враги нашего движенія».

«Вотъ вамъ все».

«Откуда у васъ такой примирительный взглядъ? *Все люди честные?*—Да вамъ то именно нужно видѣть въ нихъ подлость, чувствовать ихъ такими; чувствовать ихъ *подлостью въ данную минуту*,—и тогда вы будете противъ нихъ страшною силою».

«Вонъ оно, видите ли уже теперь, куда пошло,—на признаніе честности въ Чичеринѣ, Соловьѣвѣ. Да вы забываете, что кромѣ мѣщанской честности есть другая,—честность политическая, честность общественнаго дѣятеля; та честность, которая всякаго порядочнаго человѣка заставляетъ произносить съ уваженіемъ имя Михайлова, имена 13 тверскихихъ посредниковъ, хотя бы самъ и не былъ того мнѣнія, что Михайловъ. А для нихъ, для вашихъ *честныхъ людей*, что такое *Михайловъ*—безголовый свистунъ? Тверскіе дворяне—что? Шутовское явленіе?»

«Полно, не отъ васъ бы слушать такія вещи».

«Я началъ такъ любезно, а кончилъ съ сердцемъ. Сами виноваты. Вы должно быть тамъ расхандрились».

«*Наше Время*, хотя и поздно, но всетаки пришлите съ первою оказіею».

Читатель, вѣроятно, недоумѣваетъ, какимъ образомъ попали всѣ эти письма къ маркизу де-Траверсе. Очень просто: прѣбхавъ въ Петербургъ, Налбандианъ вручилъ ихъ ему съ просьбой передать по назначенію, т. е. Н. С. Бакуниной, но маркизъ счелъ за лучшее оставить ихъ у себя...

Разумѣется, комсісія понимала истинную цѣну этихъ докумен-

¹⁾ Жена Грозеки.

²⁾ Герцель.

товъ и представила по этому случаю всеподданнѣйшій докладъ, въ которомъ особо указала на то, что въ перепискѣ съ Бакунинымъ состоитъ начальникъ штаба войскъ, въ Восточной Сибири расположенныхъ, генераль-маіоръ Б. К. Кукель ¹⁾. Александръ II хотѣлъ посадить Кукеля въ крѣпость, и только заступничество выдвинувшаго его Н. Н. Муравьева-Амурскаго спасло этого симпатичнаго администратора отъ каземата. Все ограничилось отставкой и опалой.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Мих. Лемке.

Коронація въ Колымскѣ.

(Изъ воспоминаній).

Колымская эпопея есть только небольшая часть огромной и трагической ссыльно-каторжной истории. Но въ своемъ родѣ она необыкновенно характерна. Фантастическая страна, заброшенная гдѣ-то на крайнемъ сѣверѣ, почти за предѣлами Азіи, имѣла свои особые нравы и даже преимущества. Въ Колымскѣ былъ предѣлъ, дальше идти было некуда, развѣ топить людей въ полярномъ морѣ. И зотъ географическій предѣлъ русскаго царства отчасти уже находился за предѣломъ власти русскаго правительства. Ибо даже его бесконечно длинныя лапы, вѣтвистыя, какъ у осьминога, не хватаютъ такъ далеко, за 12,000 верстъ. Или если и хватаютъ, то сѣверная зима отмораживаетъ имъ концы щупальцевъ и лишаетъ ихъ осязанія.

Колымская ссылка отчасти была самоотрицаніемъ. Еще одинъ шагъ и можно было попасть въ Америку. Пора описать эти удивительныя условія безъ недомолвокъ и безъ сокращеній и поставить нѣкоторыя точки надъ политическими і. Я передамъ здѣсь одинъ небольшой эпизодъ во всей его неприкосновенности, только измѣнивъ имена тѣхъ, кто еще живъ и здравствуетъ.

Когда въ общезитіи упомянешь Колымскъ, всегда задаютъ вопросъ, какой Колымскъ, Верхній, Средній или Нижній. Между тѣмъ всѣ три Колымска составляютъ одинъ и тотъ же Колымскій округъ. Средне-Колымскъ есть центральный пунктъ округа и считается городомъ. Въ немъ восемьдесятъ два дома, пятьсотъ жителей и столько же собакъ. Нижне-Колымскъ есть селеніе на пятьсотъ верстъ внизъ по рѣкѣ Колымѣ, Верхне-Колымскъ лежитъ на пятьсотъ верстъ вверхъ по рѣкѣ; это даже не селеніе, а только церковь и при ней три дома: два поповскихъ и одинъ дячковскій.

Ссылные съ самаго начала завоевали себѣ право разъѣзда по округу и почти каждый изъ нихъ считалъ неперемѣннымъ долгомъ посѣтить всѣ три Колымска. Но наша общественная жизнь сосредоточивалась въ городѣ Средне-Колымскѣ, и именно къ этому пункту относится мой рассказъ.

Это было въ маѣ 1893 года, на четвертый годъ моего пребыванія въ Колымскѣ. Насъ было больше пятидесяти человекъ, боль-

¹⁾ П. А. Бротоккинъ рассказываетъ въ своихъ „Запискахъ революціонера“, что, будучи назначенъ къ Кукелю адъютантомъ, онъ очень быстро сталъ съ нимъ въ дружескія отношенія и пользовался бібліотечкой генерала, получавшаго всѣ лучшіе русскіе журналы и имѣвшаго полную коллекцію лондонскихъ изданій Гердена.

шей частью административных. Мы дѣлились на двѣ категории, — краткосрочныхъ и долгосрочныхъ. Краткій срокъ означалъ крайнюю молодость, случайный арестъ и отсутствие вины, даже съ полицейской точки зрѣнія. Напримеръ, изъ Одессы была прислана цѣлая партия юношей, вѣрнѣе говоря, подростковъ. Старшему во время ареста было семнадцать лѣтъ, младшему — четырнадцать съ половиной. Ссылали ихъ по словамъ приговора «за знакомство съ революционерами».

Краткому сроку впрочемъ предшествовало долгое тюремное заключеніе, часто болѣе двухъ лѣтъ. Хожденіе по этапнымъ мытарствамъ отъ Москвы до Колымска длилось иногда еще дольше и въ концѣ концовъ эти юноши прибывали въ Колымскъ, какъ разъ во время, когда въ праздникъ свое совершеннолѣтіе.

Долгосрочные были восьмилѣтніе и десятилѣтніе. Мы напримеръ передъ ссылкой жандармскій полковникъ сказалъ: «Десять лѣтъ это задатокъ. А за дальнѣйшее я вамъ ручаюсь». Наши впрочемъ не унывали и даже въ Сибири вели съ начальствомъ малую войну. Иные попали въ Колымскъ уже по сибирскимъ дѣламъ за этапные споры или за мѣстные протесты.

Нѣсколько человекъ принадлежали къ знаменитой ссыльной партиі, которая на всѣхъ тридцати этапахъ отъ Томска до Иркутска устроила послѣдовательно тридцать протестовъ. Однимъ изъ членовъ этой партиі былъ Н. Л. Зотовъ, послѣдствіемъ повѣшенный въ Якутскѣ. Этапная дорога была ужасная, грязная, голодная, съ мошкаррой въ лѣсу и съ клопами на ночлегѣ. Конвойные офицеры были пьяны, а солдаты бѣзди драться, однимъ словомъ, въ поводахъ для протеста недостатка не было. Въ заключеніе партия была жестоко избита въ Иркутскѣ и передана суду за сопротивленіе конвою. Слѣдствіе было заочное и тянулось необыкновенно долго. Судъ тоже заочный. Года черезъ два наши товарищи въ Колымскѣ получили изъ Иркутска приговоръ, осуждавшій ихъ на разные сроки тюремного заключенія. Исправникъ былъ поставленъ въ тупикъ, такъ какъ въ Колымскѣ не было тюремъ. Въ концѣ концовъ мы выручили его. Тюрьма была замѣнена домашнимъ арестомъ. Подъ арестное помѣщеніе мы уступили большую залу нашего общаго дома. Исправникъ платилъ намъ за наемъ, также за освѣщеніе и отопленіе этой тюрьмы.

Казенныя деньги пришлили намъ весьма кстати, ибо наши дѣла были очень запутаны. Приѣхали мы зимою. Ничего у насъ не было. Все пришлось заводить вдругъ. Пищу и дрова нужно было по мѣстному обычаю запасти сразу вплоть до іюня. Въ городскихъ лавкахъ не было ни мяса, ни рыбы. Пришлось ѣхать за припасами къ якутамъ на озера и къ чукчамъ на тундру и везти съ собой товары для обмѣна. Не мудрено, что мы въ первую же зиму вѣзли въ неоплатные долги къ мѣстнымъ купцамъ. Потомъ мы эти долги платили изъ скуднаго казеннаго пособія, но никакъ не могли не то что уплатить, а даже сократить итогъ. Каждые полгода староста дѣлалъ подсчетъ и все выходила почему то одна и та же

роковая цифра: три кола на брата (111 рублей). Послѣ подсчета староста принимался загонять экономію на нашихъ желудкахъ, пока дѣло не доходило до открытаго возмущенія. Въ обыкновенное время мы получали на завтракъ кусокъ такъ называемаго бѣлаго якутскаго масла, сбитаго и замороженнаго вмѣстѣ съ пахтаньемъ, и шестую часть небольшого ржаного хлѣба. Староста начиналъ колотъ масло мельче и печь хлѣбъ еще меньшаго размѣра. Мы съ своей стороны понемногу забирали свои завтраки за день или за два впередъ. Мало-по-малу самые голодные и настойчивѣе входили въ неоплатные долги на 20, 30 и даже 50 завтраковъ. Такіе должики мутили общественное мнѣніе не хуже Катилины въ Римѣ и требовали амнистии. Но послѣ амнистии три кола снова являлись во всей неприкосновенности. Поэтому мы ничего не имѣли противъ этого новаго тюремнаго пособія.

Нечего говорить, что ни о какомъ дѣйствительномъ арестѣ рѣчи не было. Нѣкоторые изъ «арестованныхъ» уѣзжали въ дальніе поѣздки на мѣсяцъ и на два. А залой мы пользовались по-прежнему.

Впрочемъ въ видѣ тюремнаго символа полиція ежедневно присылала намъ стражу, точнѣе говоря — одного стража. Это былъ какой нибудь молодой казакъ, который заявлялъ, что онъ «на вѣсти присланъ» и садился на давку въ нашихъ снѣгахъ или въ кухню, поминутно вскакивая и вытягиваясь во фрунтъ, когда кто нибудь проходилъ мимо. Впрочемъ, добраться до кухни было для казака дѣло вовсе не легкое. Дворъ у насъ былъ большой, крѣпко загороженный. Калитка была далеко отъ домовыя двери, а у калитки постоянно лежали злыя собаки. Въ Колымскѣ вѣздятъ на собакахъ, и въ нашемъ дворѣ было десятка полтора собакъ. Эти псы были мѣстной породы, часто куплены у тѣхъ же колымскихъ собакъ, но попадая на нашъ дворъ, они тотчасъ же задирали носъ и объявляли непримиримую вражду всѣмъ остальнымъ жителямъ городка, — двуногимъ и четвероногимъ. Якуты входили въ нашъ дворъ съ опаской и еще отъ калитки начинали громко кричать и вызывать подмогу. Замѣчательно, что въ то же самое время къ каждому новому товарищу, прѣѣзжавшему изъ Якутска, тѣ же собаки ластились, какъ къ старому пріятелю.

Наиболѣе зловреднымъ нравомъ отличалась Дамка, та самая, которую такими розовыми красками описалъ мой товарищъ Н. Осиповичъ въ одномъ изъ своихъ рассказовъ. Эта Дамка не лаяла, не бросалась. Она только подходила сзади и хватала зубами за икру.

Едва очутившись на нашемъ дворѣ, недѣли черезъ двѣ или черезъ три, она цапнула за ногу своего собственнаго прежняго хозяина.

Особенно не любили наши собаки вѣстовыхъ казаковъ, быть можетъ, отчасти и потому, что казаки эти были вѣчно голодны и заявляли притязаніе на часть пищи изъ нашего дневнаго оборота. Пища на сѣверѣ вещь серьезная и нелегко добываемая. Даже на кости изъ супа были три партиі претендентовъ. Во первыхъ такъ называемая

артели жигановъ изъ нашего собственного состава. Обѣденныя порціи были невелики и жиганы всегда чувствовали голодъ. Они имѣли право на всѣ кухонные остатки, а также на испорченные продукты изъ общей кладовой. Вторая партія претендентовъ на кости были туземные прихлебатели и приживалки съ вѣстовымъ казакѣмъ во главѣ. Собакамъ принадлежала только третья очередь. Немудрено, что онѣ не любили туземныхъ гостей.

Съ утра до вечера казакъ сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, скучалъ, заглядывалъ въ кухню и ожидалъ съѣстной подачки. Въ сущности говоря, онъ стерегъ только котель съ мясомъ. Стоило дежурному зазѣваться, верхній кусокъ мяса тутъ же переходилъ изъ котла прямо въ кожаный карманъ верхней одежды нашего казеннаго сторожа. Иные для этой цѣли приносили съ собою подъ платьемъ особый желѣзный крючекъ, которымъ мѣстная женщины переворачиваютъ мясо въ котлѣ. Впрочемъ казенный вѣстовой при случаѣ старался быть полезнымъ. Особенно это относилось къ рубкѣ дровъ для кухни. Рубка дровъ лежала на обязанности нашихъ очередныхъ дежурныхъ. Дѣло это на сильномъ январскомъ морозѣ довольно неприятное. Выйдетъ какойнибудь юноша въ валенкахъ и худыхъ рукавицахъ и начнетъ тюкать топоромъ. А казакъ ужъ тутъ, подстерегаетъ случай. Чуть дежурный отложилъ на минуту топоръ, казакъ за топоръ, и начинать дѣйствовать съ несравненнымъ проворствомъ туземцевъ во всѣхъ домашнихъ работахъ. Иной дежурный поретивше, желая исполнить свой долгъ до конца, начнетъ отнимать топоръ у услужливаго казака, а тотъ не даетъ, рубить. Въ нѣсколько минутъ цѣлая груда дровъ нарублена, и казакъ уже таскаетъ на кухню охапку за охапкой. Тогда ему обезпечена полная обѣденная порція.

Таково было наше тюремное заключеніе въ Колымскѣ. Хотя оно и не имѣетъ прямого касательства къ моему разсказу, но я описалъ его для того, чтобы сразу объяснить мѣстныя отношенія. Дѣло въ томъ, что начальство и казаки одинаково насъ боялись. Насъ было много, жили мы всѣ вмѣстѣ, крѣпко держались другъ за друга. Люди мы были новые, съ мѣстной точки зрѣнія совершенно непонятные. Въ добавокъ при каждомъ разѣ присланъ особый формуляръ, въ которомъ были прописаны разные страхи. Въ прежнія времена начальство имѣло привычку преувеличивать своихъ противниковъ и расписывать ихъ разными сужальскими красками. Противниковъ было мало и поле зрѣнія не было достаточно наполнено. Жандармы и полиція смотрѣли въ микроскопъ. Теперь противниковъ много, поле зрѣнія переполнено, начальство уменьшаетъ и смотритъ въ телескопъ. Все старается утѣшить себя, что бѣда еще не такъ велика.

Какъ бы то ни было, по отношенію къ намъ Колымское начальство держалось тактики оборонительной и пассивной. Если угодно, Колымскъ былъ первой русской республикой, гораздо раньше Дебальцевской, Читинской, Яитгорской и иныхъ. Обиждо былъ именно тотъ же самый. Наша община существовала сама по себѣ, а начальство само по себѣ. Отношенія между нами были то

дружественныя, то враждебныя. Иногда доходило до полнаго разрыва.

Столкновенія случались все больше по праздникамъ и по табельнымъ днямъ.

Помню, однажды, на Александра Невскаго, начальство устроило выпивку и зажгло иллюминацію. Наши немедленно въ видѣ политической демонстраціи устроили контръ-выпивку, и послѣ того иллюминацію погасили и всѣ площадки стащили съ забора. Начальство съ своей стороны заперлось въ полицейскомъ домѣ и не выходило до полночи.

Впрочемъ, отношенія были большей частью дружественныя. Исправникъ былъ изъ петербургскихъ околончныхъ и прѣхалъ въ Колымскъ прямо съ Невскаго. Онъ былъ вдовъ, игралъ въ карты, пилъ горькую и жестоко скучалъ. Отъ скуки онъ сталъ читать книги, принимался даже за Маркса, но не осилилъ. Читалъ онъ зимою за поемъ, запрета и дня три не выходитъ, все съ книгой сидитъ и даже не спитъ.

Однако, гораздо охотнѣе онъ игралъ въ винтъ. Винтъ—игра сибирская, особенно цѣнная для полярныхъ городовъ. Въ зимніе вечера—либо давиться, либо козырять съ присыпкой въ маломъ шлемѣ въ бубнахъ. Въ Колымскѣ винтили всѣ, полиція, купцы и мы съальные. У насъ былъ свой кругъ, и случалось, винтили мы жестоко, по двое сутокъ и по 48 роберовъ сряду. Провинитимъ этакихъ два дня, а потомъ баста на цѣлый мѣсяцъ. А между тѣмъ въ полицейско-купеческомъ кружкѣ винтеровъ было немного и часто за развѣздами не хватало четвертаго партнера. Тогда начиналась медленная агонія. Исправникъ ходилъ по улицѣ и старался поймать политическаго партнера. А у насъ, бывало, какъ на грѣхъ, винтовая полоса уже прошла. На карты смотрѣть противно. Ходить исправникъ, ловить партнера. Встрѣтитъ на улицѣ, приста-нетъ.—«Пожалуйста, пойдемте, на три роберочки!»—А какое на три. Только войди, двери на запоръ, хочешь не хочешь, играй. Отговариваешься отъ него, а онъ все ноетъ и за рукавъ тянетъ. Пока потеряешь терпѣнье, дашь ему тычка, вырвешь рукавъ и бѣжать домой, а онъ гонится сзади не за тычкомъ, а за партнеромъ, до самой двери.

Особенно сумасбродная жизнь бывала у насъ весною. Трудно описать полярную весну понятными чертами для того, кто ее не испыталъ. Зеленой весны нѣтъ въ полярныхъ широтахъ. Пока рѣки не вскрылись, деревья все обнажены. Потомъ вскрываются рѣки, листья распускаются въ три дня и начинается лѣто.

Но въ сѣверныхъ широтахъ есть другая весна, ярко-бѣлая, вся въ снѣгу и въ морозѣ, залитая рѣжущимъ свѣтомъ, до снѣжной слѣпоты, до солнечнаго одуренія.

Еще такъ недавно тянулася долгая зимняя ночь. Выйдешь въ полдень изъ избы, посмотришь на югъ, на краешкѣ неба горитъ тусклая заря, не горитъ, мерцаетъ, да тутъ же и погаснетъ. Не

живешь, прѣпенъешь. Дыханье мерзнетъ и скрипитъ отъ холода, лошади пройдетъ вся въ бѣломъ облакѣ, занесенная инеемъ.

Ледъ на рѣкѣ трехаршинной толщины, лопнетъ отъ мороза, какъ будто пушка выстрѣлитъ. Потомъ опять тихо, темно, тайга не шелочнется, все умерло и даже вѣтеръ умеръ и надъ печной трубой стоитъ высокій, прямой, сверху кудравый столбъ дыма и тоже не гнется, какъ будто застылъ или умеръ. И кажется, что вѣчно такъ будетъ, холодъ, тьма, тишина, смерть.

Однако, съ половины января замѣтно, что день прибавляется. Что дальше, то замѣтнѣе. 9 марта—равноденствие, отъ солнца до солнца 12 часовъ, а въ концѣ марта заря съ зарей сходится. Съ половины апрѣля уже день не гаснетъ, только съ утра до вечера онъ ярко-золотой, а съ вечера до утра ярко-розовый. Днемъ на припекѣ снѣгъ таетъ, а въ тѣни зимній холодъ. Около полудня талая вода журчитъ, ручьи звенятъ и роются подъ снѣгомъ, а ночью все сковано, морозъ градуосудъ въ тридцать. И все-таки всѣмъ существомъ ощущаешь воскресение природы и эта весна, какъ чудный праздникъ, солнечно-яркой и свѣтло-нарядной. Какъ будто каждый разъ самъ рождаешься на свѣтъ вмѣстѣ съ оживающей тундрой и тайгой.

Въ маѣ солнечный блескъ какъ бы ожесточается. На рѣкахъ и озерахъ снѣгъ сходитъ и гладкій ледъ блистаетъ, какъ жесткое зеркало. Въ полночь большое красное солнце стоитъ на краю гладкаго ледяного горизонта и жжетъ его своимъ колючимъ блескомъ и не можетъ сжечь. Кругомъ протянулись багровыя полосы, пучки золотыхъ нитей. Все красно и расплавлено, все какъ будто пламенѣетъ, самый воздухъ горитъ и не сгораетъ...

Солнце, блескъ, а ѣды нѣтъ. Запасы съѣдены. Жители выскребли изъ амбаровъ послѣднія крохи, якуты подняли пояса, гложутъ рыбы головы и запиваютъ кирпичнымъ чаемъ, чернымъ и густымъ, какъ смола. Собаки отпущены на волю, благо ѣздитъ нельзя, дороги испортились. Никто ихъ больше не кормитъ. Отъ голоду онѣ качаются на ходу и лаютъ беззвучно, какимъ то хриплымъ шопотомъ.

Провизія у всѣхъ оскудѣла, даже у начальниковъ и у поповъ. Кое у кого есть мясо, но оно вывѣтрилось и прогоркло. Мука есть, но жиръ вышелъ, и жарить не на чемъ. Все, что осталось, безвкусно, какъ трава.

У насъ, впрочемъ, и безвкусное подобралось. Каждый день за столъ садятся пятьдесятъ человѣкъ, не считая постороннихъ. Не напасешься на такую ораву. Теперь негдѣ купить, если бы даже было на что. Что запасли съ осени, съѣли. Староста начинаетъ сокращать выдачу. Мы съ своей стороны получаемъ молчаливое право дѣлать набѣги на его кладовыя и похищать все, что сколько нибудь пригодно для ѣды. Что у волка въ зубахъ, то Егорій даль!..

Острѣе всего послѣдняя недѣля передъ вскрытиемъ рѣки. Ночи нѣтъ. Вчера и завтра слились въ одно сплошное сегодня. Дни путаются

и какъ то выпадаютъ изъ недѣли. Въ одной недѣлѣ четверга не было, въ другой воскресенья. Никто не спитъ, ни люди, ни собаки, ни птицы въ кустахъ. Собаки и люди бродятъ у рѣки и стерегутъ воду, какъ голодная чайка. Ибо въ водѣ «ожива», первая рыба, которая оживитъ отошедшаго жителя. Вдоль закраины льда уже явилась «заберега», узкая полоска талой воды. Съ каждымъ днемъ она все шире, но матерой ледъ приросъ къ берегу, никакъ не можетъ отстать, выплывитесь коробомъ и всплывъ на верхъ. Какъ только ледъ пройдетъ, рыба хлынетъ валомъ и начнется лѣтній праздникъ.

А перелетная птица уже летитъ мимо, утки всѣхъ сортовъ, сухія и водяныя, мелкія и крупныя, черные турпаны, сѣрыя шилохвостки, савки, дутки, чирки, гуси-казарки и гуси-гуменники, крахали, лебеди кликуны, гагары всѣхъ видовъ. Днемъ и ночью, безъ передышки, стая за стаей янется къ сѣверу на тундренныя озера. Гамъ, крикъ, клекотъ, звонъ крыльевъ, трубные звуки лебедей. У кого есть ружье, тотъ сидитъ на мысу, стережетъ добычу. Но птицы знаютъ колымскіе нравы и надъ городомъ взлетаютъ кверху. Къ тому же мѣстныя ружья плохи и «въ летячую птицу» вовсе не попадаютъ, а только «въ сидячую». Наши тоже ходятъ съ ружьями, иной разъ убьютъ утку или гуся, но что значить одинъ гусь на всю компанію. Съ утра до вечера думаемъ только объ ѣдѣ. Все идетъ въ дѣло: рыба въ кожа, черные комья прѣлой нерки, рыбій жиръ, остатки собачьяго корму, салныя свѣчи. Свѣчи нѣрѣдко бывали такъ называемыя «утопшія». Староста выливалъ ихъ изъ сала коровъ, утонувшихъ въ болотѣ, а чтобы онѣ не оплывали, подмѣшивалъ къ салу разной химической дряни. Но намъ было все равно. Иногда онъ грозилъ, что подмѣшаетъ мышьяку, но угрозы этой ни разу не исполнилъ.

Весна 1893 года была для насъ памятнѣе другихъ. Въ эту весну изъ Якутска неожиданно прѣхалъ старшій совѣтникъ областного управления Сальниковъ съ разными порученіями отъ губернатора Скрыпицына.

Сальниковъ даже для Якутска былъ человѣкъ совершенно необыкновенный.

Начать съ того, что въ немъ было вершковъ двѣнадцать росту и больше восьми пудовъ вѣсу. Брюхо у него было огромное, какъ бочка. Эту бочку можно было налить до верху спиртомъ, безъ особаго вреда для ея хозяина. По женской части Сальниковъ тоже былъ ходокъ. Онъ былъ холостъ, но жилъ семейно съ одной изъ своихъ любовницъ, замужней женщиной. Законный мужъ жилъ тутъ же и дѣти безразлично называли папой и того и другого.

Съ другой стороны Сальниковъ былъ въ то время единственный человѣкъ съ университетскимъ образованіемъ на казенной службѣ въ Якутской области. Жители, впрочемъ, не вѣрили, что онъ окончилъ настоящій университетъ, и пустили слухъ, что въ сущности это не Сальниковъ, а нѣкій бродяга, который убилъ настоящего Сальникова, завладѣлъ его бумагами и поступилъ на службу.

Въ Сибири такіа дѣла бывали, но зтоуть Сальниковъ былъ настоящимъ. По образованію онъ былъ юристъ и попалъ въ Якутскъ судебнымъ слѣдователемъ, но на одномъ допросѣ погорячился, ударилъ послѣдственнаго кулакомъ и убилъ его наповалъ. За такой подвигъ Сальниковъ и самъ попалъ подъ судъ, но въ Восточной Сибири такіа дѣла тануться подолгу и кончаются ничѣмъ. Тѣмъ временемъ Сальниковъ перешелъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ и быстро дослужился до старшаго совѣтника.

Первое порученіе, данное губернаторомъ Сальникову, состояло въ томъ, чтобы открыть новый торговый путь изъ Гижигинска въ Колымскъ. Губернаторъ посмотрѣлъ на карту, прикинулъ, что изъ Гижиги до Колымска близко, а Гижига стоитъ на морѣ, стало быть, туда приходятъ пароходы, — и послалъ своего совѣтника открывать новый путь напрямикъ, какъ вороны летаютъ. Это обыкновенный бюрократическій методъ. Николай I по зтому методу построилъ Николаевскую желѣзную дорогу, а графъ Сергѣй Витте Манджурскую соединительную линію съ вѣткой на Портъ-Артуръ. Въ данномъ случаѣ отъ Колымска до Гижиги дѣйствительно было недалеко, верстъ 600 или 650, но ѣздить было невозможно, ибо на Гижигинской тундрѣ лошади пропадаютъ отъ безкормицы.

Сальниковъ, впрочемъ, порученіе исполнилъ, въ Гижигу пробрался на лошадяхъ, но лошадей по дорогѣ растерялъ. Изъ Гижиги онъ вернулся съ большими трудностями вмѣстѣ съ чукотскимъ кочевьемъ. Чукотскій олонскій староста Омрелькутъ вывезъ его на собственныхъ оленяхъ. Ѣхать было тяжело. Три оленя упряжки пали одна за другой подъ грузнымъ совѣтникомъ. По прибытіи въ городъ на радость начальство устроило балъ. На балу Омрелькутъ напился и раздѣлся до нага. Когда его хотѣли убраться, онъ изъясилъ претензію выѣхать изъ залы верхомъ на казакѣ точно также, какъ толстый начальникъ ѣхалъ на его оленяхъ. Сальниковъ призналъ справедливость притязанія и велѣлъ своему деньщику подставить спину.

За рѣкою противъ города, откуда пришелъ чукотскій караванъ, Сальниковъ распорядился поставить столбъ съ надписью: *Дорога генерала Скрипичина*. Скрипичина въ то время была только статскій совѣтникъ. Нечего говорить, что купцы по этой дорогѣ не поѣхали, а года черезъ три и столбъ завалился.

Впрочемъ, путешествіе Сальникова началось лѣтомъ, мѣсяца черезъ три послѣ описываемой мной вѣсны.

Второе порученіе Сальникова касалось ревизіи казенныхъ суммъ и всего полицейскаго управленія. Такія ревизіи въ Сибири производятся быстро и легко, можно сказать, въ промежутки между двухъ карточныхъ сдачъ. Подсчеты ведутся на мѣлокъ, повѣрка магазиновъ на глазомъ. Зная, что Сальниковъ съ исправникомъ поладилъ безъ затрудненій.

Знаеть только ночь глубокая,
Какъ поладили они...

Третье порученіе касалось насъ, ссыльныхъ. До якутскихъ вла-

стей дошли свѣдѣнія, что мы забрали слишкомъ много воли. Получить эти свѣдѣнія было немудрено. Съ каждой почтой изъ Колымска въ Якутскъ посылались доносы. Ихъ писали попы и дьячки, отставной казачій командиръ, отданный подъ судъ за растрату и отсиживавшійся отъ своего дѣла въ Колымскѣ, какъ въ неприступной крѣпости, уголовные поселенцы и купеческіе приказчики.

Сальникову было поручено во-первыхъ изслѣдовать справедливость доносовъ, во-вторыхъ изыскать мѣры къ нашему обузданію, а заодно и обслѣдовать вопросъ объ уменьшеніи казеннаго пособия, которое намъ ежемѣсячно выдавалось и безъ котораго мы должны были погибнуть голодной смертью.

Я охотно вѣрю, что Сальниковъ выѣхалъ изъ Якутска въ самомъ черносотенномъ настроеніи и съ искреннимъ желаніемъ обуздать и урѣзать. Но дѣло въ томъ, что дорога отъ Якутска до Колымска тянется на 3000 верстъ и обладаетъ секретомъ всеобщаго демократическаго уравненія. Каждому одинаково холодно, тоскливо и неудобно. Лѣсныя избушки одинаково стынуть и дымать, особенно знаменитая Бездверная, первая съ юга. Колочий вѣтеръ не разбираетъ лицъ, морозъ забирается въ самыя именитыя кости. Когда испытаешь все это на собственной шкурѣ, охота подтягивать и урѣзывать какъ то отходить назадъ.

Сальниковъ ѣхалъ, мерзъ, голодалъ и постепенно изъ чернаго становился краснымъ.

На пути между Якутскомъ и Колымскомъ лежитъ Верхоянскъ. Сальниковъ остановился въ Верхоянскѣ на одинъ день. Ему нужно было лекарство, немного пряностей и сухихъ овощей, ибо для большей легкости онъ взялъ съ собой весьма мало припасовъ. Все это онъ могъ достать только у политическихъ ссыльныхъ. Допускаю также, что ему хотѣлось увидѣть человѣчскія лица, не гнусныя и не рабскія, какъ у встрѣчавшихъ его чиновниковъ, услышать слово, несѣбственное искательствомъ и страхомъ. И за этимъ тоже приходилось обращаться къ политическимъ ссыльнымъ.

Однимъ словомъ Сальниковъ прѣѣхалъ въ Колымскъ совѣмъ краснымъ, можно сказать, лѣвымъ кадетомъ.

Вмѣсто обузданія онъ старался войти съ нами въ добрыя и пріятельскія отношенія. Онъ уже говорилъ не о сокращеніи, а напротивъ о возможномъ увеличеніи казеннаго пособия.

На второй день по прибытіи Сальниковъ снялъ мундиръ и надѣлъ красную рубаху. Вмѣстѣ съ мундиромъ онъ какъ бы сбросилъ на время чиновничью часть своей души и вернулъ себѣ старую студенческую душу той эпохи, когда онъ распѣвалъ съ друзьями:—«Будемъ пить за того, кто «Что дѣлать» писалъ», хаживалъ на кулачные бои съ мѣщанами, но еще никого не убивалъ кулакомъ.

Мы, однако, оставались холодно къ зтому превращенію и держались насторожѣ. Мы предвидѣли, что на обратномъ пути Сальниковъ перемѣнитъ свою раскраску въ той же самой постепенности и, достигнувъ Якутска, представитъ губернатору Скрипичину самый черносотенный рапортъ и такимъ образомъ исполнитъ третье порученіе.

Сальниковъ, какъ водится, остановился у исправника. Почти тотчасъ же по его прїѣздѣ началось непрерывное пьянство Со-вѣтнннхъ и исправникъ пили сами и поили другихъ. На Колямѣ водки не знаютъ, а пьютъ спиртъ и притомъ не очищенный. Онъ стоитъ дорого, два, три и даже пять рублей за бутылку. Впрочемъ исправникъ приготовился къ прїѣзду ревизора и припасъ пять флагъ спирту. Фляга это плоскій боченокъ, приспособленный къ перевозкѣ выюкомъ и вмѣщающій три ведра.

Несмотря на дороговизну колымскіе жители страстно привержены къ выпивкѣ. Они готовы отдать за глотокъ спирту послѣднюю лисью шкуру, даже послѣднюю ѣду. Если бы хватило, они были бы готовы опиться до смерти. Общее мнѣніе гласитъ: «за рюмку не жалко дать вырѣзать кусокъ тѣла». Особенно цѣнится выпивка въ голодную пору.

— На тощакъ сильнѣе разбираетъ,—говорятъ жители.—Голодный отъ запаху пьянъ...

Не мудрено, что все наличное мужское населеніе городка лнуло къ пирующему начальству. Сальниковъ поилъ всякаго, но льстивые и запуганные обыватели не удовлетворяли его. Ему хотѣлось настоящей человѣческаго общества. Хмилъ у него былъ ласковый и болтливый. Ему нужны были слушатели для его «дружескихъ рѣчей».

Изъ нашего общества иные тоже были бы непрочъ выпить, особенно весною на солнышкѣ. Но пировать съ филистимлянами была не подходящая статья. По отношению къ мѣстнымъ филистимлянамъ наше общество дѣлилось на три партіи. Крайнїе лѣвые держались замкнуто и непримиримо. Легкомысленная часть держалась болѣе примирительно и даже не гнушалась филистимскаго хлѣба-соли. Центръ колебался между той и другой тактикой. Весною впрочемъ всѣ партіи мѣшались. Люди соединялись въ случайныя группы, бродили по городу 48 часовъ краду, потомъ падали отъ усталости и засыпали на цѣлыя сутки.

Это было четырнадцатого мая утромъ. Мы побывали на рѣчномъ берегу, потомъ взобрались на косогоръ и пошли по узкой дорожкѣ мимо кладбища и церкви. Это была единственная полоска городской земли, пригодная для прогулокъ. По обѣ стороны ея были кочки, лужи воды, корявый кустарникъ, пни и прочіе тому подобныя предметы мѣстной городской жизни.

Насъ было человекъ десять. Были мои близкіе прїатели, Гримбергъ и Скальскій. Гримбергъ былъ родомъ еврей, плотный и черный, похожий на негра. Онъ былъ человекъ удалый и страшный спорщикъ. Въ этомъ человекѣ сидѣли двѣ души, одна—воина, другая—казуиста. Первая толкала Гримберга на головоломныя дѣла. По поводу второй мы говорили, что Гримбергъ любитъ положить въ фундаментъ инфузорію и построить на ней вавилонскую башню. Лѣтъ черезъ пять, когда Гримбергъ, наконецъ, вернулся въ Россію, обѣ стороны его духа нашли себѣ примѣненіе. Во-первыхъ онъ сталъ писателемъ экономистомъ и принялъ дѣятельное участіе въ

полемику по поводу борьбы классовой, профессиональной и профессионально-политической. Вмѣстѣ съ тѣмъ Гримбергъ погрузился съ головой въ пропаганду и агитацию, велъ кружки, читалъ рефераты, ѣздилъ черезъ границу, сидѣлъ въ тюрьмѣ.

Скальскій былъ высокій и бѣлокурый, съ холодной головой, сдержанный и страстный. Послѣ, въ Россіи, Скальскій сильно развернулся, а въ тюрьмѣ онъ сидѣлъ до смихъ поръ. Оба они, и Гримбергъ, и Скальскій, теперь принадлежатъ къ «меньшевикамъ».

Кромѣ этихъ двухъ былъ еще Полозовъ, донской казакъ, огромный и грузный, хотя всетаки меньше Сальникова, Илья Жигатовъ, тщедушный, злой и спокойный, Черноусовъ, печальный резонеръ, Крафтъ, Мартеніусъ и другіе.

У церкви дорожка расширялась и переходила въ площадку. На площадкѣ было сборище. Это Сальниковъ и К^о пировали на открытомъ воздухѣ. Повидимому, они расположились на самой дорогѣ не безъ умысла. Это была какъ бы застава, для того, чтобы задерживать всѣхъ прохожихъ и привлекать ихъ къ участію въ пиршествѣ.

Сальниковъ сидѣлъ въ центрѣ группы на опрокинутомъ боченкѣ, другой боченокъ стоялъ передъ нимъ въ видѣ стола. Оба эти боченка были пустыя. Третій былъ наполовину полонъ спиртомъ. Въ одной изъ клепокъ его было круглое отверстие, крѣпко заткнутое деревяной втулкой. Исправникъ сидѣлъ возлѣ Сальникова на связкѣ хвороста; другіе полицейскіе чины усѣлись прямо на землѣ. Кругомъ толпились казаки и мѣшчане. Они попеременно смотрѣли на начальство и на боченокъ такими откровенными, наивно-вождежьскими взглядами. На боченкѣ, изображающемъ столъ, стоялъ большой мѣдный чайникъ, виденъ налитый спиртомъ, и нѣсколько стакановъ и чайныхъ чашекъ.

Закуски не было видно, но поодаль горѣлъ костеръ. У костра примостился желѣзный треножникъ, а на треножникѣ стояла большая желѣзная сковорода.

Въ прибрежной водѣ были замечаны мелкія сѣти. Въ эти сѣти могли попасться развѣ шурята и окуни. На Колямѣ въ другое время такую мелочь не считаютъ даже за рыбу. Но теперь каждая такая рыбка имѣла тотчасъ же попасть на сковороду и превратиться въ жаркое.

Въ Россіи, какъ извѣстно, выпиваютъ, закусываютъ селедкой, потомъ вспоминаютъ, что рыба плаваетъ, и по этому поводу снова выпиваютъ. Здѣсь только выпивали, а рыба тѣмъ временемъ дѣйствительно плавала въ водѣ.

Свернуть съ дорожки было некуда. Мы пошли прямо на костеръ.

— Гуляете?—началъ Сальниковъ, поднимая къ намъ свое широкое лицо и любвеобильные глаза.

— Да!—отозвался Жигатовъ.—А вы, выпиваете?

— Да-а!—въ свою очередь вздохнулъ Сальниковъ.—Не хотите ли съ нами?

— По какому случаю пирь?—спросил Жигатов. — Къ завтра готовитесь?

— А завтра что?—невинно спросил Сальниковъ.

— Завтра годовщина коронации.

— Скажите,—воскликнул Сальниковъ,—а я забыл!..

— Сохрани Богъ,—вырвалось у него при взглядѣ на наши хмуренные лица.—Мы такъ себѣ пьемъ... Выпейте съ нами за компанію...

Жигатовъ посмотрѣлъ на Полозова, потомъ на Гримберга. Гримбергъ неожиданно усмѣхнулся. Ему пришла въ голову блажная мысль.

— Знаете, Иванъ Дмитричъ,—сказалъ онъ.—Мы бы можетъ и выпили. Но намъ не совсѣмъ ловко пировать въ такой день. Развѣ, если условіе поставить.

— Какое условіе?—живо спросил Сальниковъ. — Я заранѣе согласенъ.

— Чтобъ этотъ праздникъ вышелъ, какъ антиправительственная манифестация.

— Манифестация!—воскликнул Сальниковъ,—отъ всего сердца.

Онъ такъ ударилъ по боченку кулакомъ, что всѣ стаканы звякнули, потомъ взялъ одинъ стаканъ и грузно поднялся на ноги.

— Слушайте, звѣри! (это относилось не къ намъ, а къ жителямъ, а можетъ быть также и къ собакамъ, стоявшимъ поодаль въ такомъ же напряженномъ ожиданіи).

— Сколько жертвъ было принесено во имя идеи. Эти жертвы не пропали даромъ. На алтарь пылаетъ пламя, вольное слово надъ міромъ гремитъ. Пью за русскую идею! Да здравствуетъ республика!

Онъ говорилъ совершенно искренно. Быть можетъ, онъ даже забылъ, что онъ казенный совѣтникъ, и думалъ въ эту минуту, что онъ студентъ среди студентовъ, ссыльный среди ссыльныхъ, жертва, пострадавшая за „русскую идею“.

— Да здравствуетъ республика!—дружно отозвался нашъ хоръ.

— Ура!—подхватили казаки,—публика!..

Началось нѣчто гомерическое, тройной крѣпости, какъ спиртъ, стоявшій предъ нами въ чайникѣ и боченкѣ. Сальниковъ обнимался съ Гримбергомъ, Жигатовъ съ исправникомъ. Потомъ Сальниковъ и Полозовъ пробовали поднимать другъ друга на поясахъ. Скальскій плясалъ русскую вмѣстѣ съ маленькимъ смѣшнымъ старичкомъ изъ отставныхъ казаковъ.

Старичка по уличному звали Гагарой за кривыя ноги и пронзительный голосъ. Гагара плясалъ плохо, кривыя ноги путались и заплетались.

Скальскій ухалъ и вскрикивалъ: — Вы, мертвые, дѣлай и его холодное лицо странно противорѣчило этому буйному веселью.

Изъ дальнѣйшаго мнѣ памяты только отдѣльные эпизоды.

Гримбергъ и Сальниковъ сидятъ рядомъ на землѣ. Гримбергъ глядитъ на костеръ. Костеръ весь пылаетъ. Скворода стоитъ уже не на треножникѣ, и прямо на пылающихъ вѣткахъ.

Казаки, наконецъ, поймали шуку. Ее сейчасъ будутъ жарить.

— Это огонь!—говоритъ Гримбергъ.

— На алтарь пылаетъ пламя—отвѣчаетъ Сальниковъ.

— Пылаетъ,—соглашается Гримбергъ.—Костеръ пылаетъ. Это я понимаю.

— Живетъ, пылаетъ, а мы что?.. Мы прозябаемъ въ этомъ холодномъ гробу...

— Я хочу сообщить съ этимъ огнемъ, — внезапно вскрикиваетъ онъ и вскакиваетъ на ноги и подбѣгаетъ къ костру. Къ нашему величайшему изумленію онъ поднимаетъ полы и садится прямо на сквороду.

Мы тоже вскакиваемъ и успѣваемъ дернуть его съ костра. Онъ не потерпѣлъ особаго ущерба.

— Сидите спокойно!—увѣщаетъ его Сальниковъ,—экая горячка!.. Огонь душевный ярче, огонь внутренней.

Но Гримбергъ не слушаетъ.—Я хочу сгорѣть — упорно повторяетъ онъ,—испелиться, по вѣтру развѣяться.

Улучивъ минуту, онъ вскакиваетъ и опять бросается на костеръ.

— Отстань,—кричитъ онъ мнѣ свирѣпо,—каменное сердце!..

Жигатовъ и исправникъ стоятъ другъ противъ друга.

— Давай, выпьемъ на брудершафт!—предлагаетъ исправникъ.

— Отстань!

— А какая это у васъ трубка, — переводитъ исправникъ разговоръ на другую тему.—Новенькая? Покажите.

— Глиняная,—отрывисто отзывается Жигатовъ,—не про вашу честь.

Лицо исправника принимаетъ упрямое выраженіе. Внезапнымъ движеніемъ онъ вырываетъ у Жигатова трубку изо рта и бросаетъ ее далеко въ сторону.

Глаза Жигатова вспыхиваютъ злымъ огнемъ. Онъ протягиваетъ руку, срываетъ съ исправника шапку и бросаетъ ее вслѣдъ за трубкой.

Лицо исправника темнѣетъ.

— Ты чего?—ворчитъ онъ.—Я тебѣ могу въ морду дать..

— А я тебѣ въ другую!

— Ха ха ха!—краткая вспышка полицейской злобы кончается смѣхомъ.—Сергѣй, подними шапку!..

Молодой казакъ, денщикъ исправника, молча и проворно приноситъ начальственную шапку.

— Трубку подними!—приказываетъ Жигатовъ.

— Не смѣй!—кричитъ исправникъ. Сергѣй безпомощно разводитъ руками.

— Егорша, подними трубку!

Егорша—городской нищій. Такихъ нищихъ двое. Оба зовутся Егорши. Одинъ—Егорша Худой, другой—Егорша Тунгусъ. Оба они тутъ и оба кормятся подачками изъ нашей столовой.

Егорша Тунгусъ поднимаетъ трубку и приноситъ Жигатву.
Теперь очередь исправника разводить руками.—Тутъ я ничего не могу подѣлать!—говоритъ онъ.—Это ваши люди.

Сальниковъ и Черноусовъ сидятъ рядомъ на землѣ. Черноусовъ странный человекъ. Молодецъ, прекрасный работникъ, мастеръ на всѣ руки, съ виду веселый и даже разговорчивый, но въ сущности безнадежно-грустный. Когда онъ выпьетъ, эта грусть выходитъ наружу. Въ душѣ его есть что-то надломленное. Лѣтъ черезъ пять Черноусовъ перебрался въ Иркутскъ и тамъ въ два года внезапно соскочилъ, посядѣлъ и даже одряхлѣлъ. Теперь, онъ, кажется, умеръ.

— Я былъ человекъ вольный,—говоритъ Черноусовъ,—а теперь я арестантъ.

„Прилетали къ соловью два сокола,

заводить онъ пріятнымъ и протяжнымъ голосомъ,

„Взяли, взяли соловья къ себѣ домой,

„Посадили его въ клѣточку,

„За серебряну рѣшеточку“.

Онъ поетъ, какъ плачетъ, но лицо его спокойно.

— Не плачьте!—говоритъ Сальниковъ и плачетъ самъ. Слезы катятся градомъ по его лицу.

— Я цѣню вашу муку!—говоритъ онъ.—Дайте пожать вашу мужественную руку.

— Будьте вы прокляты!—отвѣчаетъ Черноусовъ.

— Ужъ ты пой, воспѣвай, соловей,
При кручинѣ утѣшай насъ молодцовъ...

— Гринбергъ измѣнилъ направленіе своихъ мыслей и отъ огня перешелъ къ водѣ. Только что онъ избржалъ Жанну д'Аркъ, теперь перешелъ на роль Офелии. Онъ бродитъ по поясу въ ледяной заберегѣ. Я хожу по песку у самой воды и стараюсь выманить его на берегъ, какъ русалку. Я помню, что у него большая нога, и это приключение можетъ кончиться для него печально. Но онъ упорствуетъ.

— Ура!—кричитъ онъ,—сейчасъ ледъ тронется. Я уплыву вмѣстѣ съ полови водой...—На волю изъ душнаго плѣна, на волю, на буйную волю...

Дальше мои воспоминанія прерываются. Знаю только, что мы трое съ Гринбергомъ и Скальскимъ очутились въ нашей общественной бібліотекѣ, занимавшей отдѣльную избу. Изба эта была заперта висячимъ замкомъ, ключъ отъ замка лежалъ у Гринберга въ карманѣ.

Мы забрались внутрь, заснули на полу и проснулись на другой день послѣ полудня и съ тяжелой головой. Но страннѣе всего было то, что дверь оказалась по прежнему заперта на замокъ и ключъ лежалъ у Гринберга въ карманѣ.

Бр!.. Скверно!..

Наше празднованіе въ сущности было преждевременно. Коронацію слѣдовало праздновать только на слѣдующее утро. Въ должный часъ городской протоіерей отецъ Алексѣй явился въ церковь служить молебень. Въ церкви никого не было. Только двѣ старухи стояли у стѣны, да еще подсудимый командиръ, котораго Сальниковъ почему то не влюбилъ и не принималъ его къ себѣ. Сальниковъ утверждалъ, что отъ командира дурно пахнетъ.

Отецъ Алексѣй тоже былъ въ своемъ родѣ достоинъ примѣчанія. Это былъ маленький полникъ, круглый, колючій, съ хмурымъ лицомъ и непріятнымъ смѣхомъ. У отца Алексѣя было семейное горе. Его попадая открыто для всего города жила съ помощникомъ исправника. Въ Колимскѣ господствуютъ нравы совершенно содомскіе.—У насъ вода такая!—говорятъ жители въ объясненіе и спокойно переходятъ всѣ границы приличія. Отецъ Алексѣй тѣмъ не менѣе долго не зналъ о своемъ несчастьи, но когда наконецъ узналъ, то ничего не сказалъ и не сдѣлалъ, только сталъ скучать и задумываться. Мало-по-малу онъ совсемъ повихнулъ и наконецъ въ одинъ праздничный день послѣ службы онъ вышелъ на амвонъ и возгласилъ: Православные христіане, выслушайте мою проповѣдь! Ти-ни-ни!.

Въ церкви произошло смѣтеніе. Отецъ Алексѣй ушелъ изъ церкви, пересталъ служить и скоро умеръ.

Но теперь отцу Алексѣю было не до проповѣди.

— Гдѣ люди?—спрашивалъ онъ яростнымъ голосомъ.

— Спать—объяснили командиръ.—Только сейчасъ легли,

— А начальство гдѣ?

— Тоже спать!—сказалъ командиръ,—всю ночь съ политическими пьянствовали, а насъ съ вами не звали.

Не долго думая, отецъ Алексѣй принялъ драматическую позу и провозгласилъ анафему граду сему и жителямъ его и правителямъ его, затѣмъ демонстративно отряхнулъ прахъ съ ногъ своихъ и ушелъ изъ церкви.

Вечеромъ Сальникову доложили объ анафемѣ. Онъ разсвирѣпѣлъ, тутъ же взялъ листъ бумаги и сталъ строчить:

— Сего числа городской протоіерей отецъ Алексѣй Трифоновъ, прїидя въ церковь въ возбужденномъ видѣ, вмѣсто установленнаго молебна произнесъ хульные слова, о чемъ почтительнѣйше доношу вашему преосвященству, и прочая и прочая.

Изъ всего этого дѣла ничего не вышло. Во-первыхъ, отецъ Алексѣй и подсудимый командиръ написали по встрѣчному доносу. А во-вторыхъ, почта ушла только черезъ два мѣсяца и неизвѣстно, были ли доносы дѣйствительно отправлены въ Якутскъ. Почту задерживалъ Сальниковъ и онъ могъ уничтожить всѣ три доноса.

Так мы отпраздновали коронацію въ 1893 году.

Лѣтомъ, какъ сказано выше, Сальниковъ отправился въ Гижигу, а осенью вернулся обратно. Въ январѣ мѣсяцъ онъ вернулся въ Якутскъ, и въ числѣ прочихъ рапортовъ представилъ также соображенія о нашемъ обузданіи.

Плодомъ этихъ соображеній поздней весной 1894 года, ровно черезъ годъ послѣ описаннаго мною праздника, исправникъ полу-чилъ секретный циркуляръ о томъ, чтобы по возможности обуз-дать наше право разѣздовъ по Колымскимъ пустынямъ.

Мы впрочемъ прочли этотъ циркуляръ раньше исправника. Почта по обыкновенію пришла въ растерзанномъ видѣ. Оболочки паке-товъ истерлись въ труху. Газетные номера, казенныя бумаги и частныя письма перемѣшались въ одну общую груду. Разобрать эту груду, какъ слѣдуетъ, могли только мы, ссыльные. Мы перетряхали Правительственный Вѣстникъ и Сенатскія Вѣдомости номеръ за номеромъ, вылавливали оттуда письма и казенныя предписанія и раскладывали все это по именамъ и категориямъ. Скальскій отли-чался особеннымъ искусствомъ въ этой области. Иное имя онъ опре-дѣлялъ по единственной уцѣлѣвшей буквѣ, подобно тому какъ Кювье по единственному зубу опредѣлялъ породу ископаемаго животнаго.

Поэтому мы первые прочли секретный циркуляръ, но прочитавъ передали его исправнику. Онъ тоже прочелъ, ничего не сказалъ, и спряталъ циркуляръ въ столъ.

Не знаю, что онъ отвѣтилъ въ Якутскъ «генералу Скрипичи-ну». Поздней осенью пришло извѣстіе поважнѣе этого цирку-ляра. О нашей Колымѣ лучше сказать: не осенью, а раннею зимою, ибо рѣка стала уже въ двадцатыхъ числахъ сентября.

Была темная ночь съ морозомъ и вьюгой. Мы съ Скальскимъ шли по той же городской тропинкѣ, направляясь домой. Внезапно мимо насъ промчался верховой и повернулъ къ полицейскому дому.

— Нарочный изъ Якутска,—мелькнуло у насъ въ головахъ. Въ такое время такъ скакать могъ только нарочный.

— Кто умеръ?—крикнулъ я въ догонку всаднику. Спѣшныя на-рочные присылались только въ случаѣ смерти высокопоставленныхъ особъ.

— Царь умеръ,—донеслось спереди.

— Гдѣ убили?—крикнулъ Скальскій на весь городъ. По старой памяти 1881 года намъ показалось, что мартовская трагедія повто-рилась.

— Самъ умеръ,—глухо донеслось изъ темноты.

Эта смерть произошла естественнымъ путемъ.

На другой день вьюга утихла. Въ ясномъ небѣ взошло зимнее солнце. У насъ на душъ тоже было свѣтлѣе. Жандармскіе гене-ралы и полковники, отправляя насъ въ ссылку, все разсчитали, только не разсчитали смерти. Тринадцатилѣтній кошмаръ кончился для насъ и для всей Россіи. Начиналась эпоха безмысленныхъ меч-таній. Правда, мы досидѣли до конца срокъ своей ссыльной неволи,

но мы смотрѣли впередъ и души наши были свободны. Ибо кто чувствуетъ себя свободнымъ, тотъ уже свободенъ.

Еще Мирабо сказалъ: «Враги ваши кажутся вамъ великими, по-тому что вы стоите на колѣняхъ. Встаньте съ колѣнь!»

Нынѣ колѣнопреклонная Россія стала вставать на ноги. Скоро она поднимется во весь свой огромный ростъ.

Танъ.

Самодержавіе Николая I-го и французское общественное мѣніе.

(Окончаніе).

VI.

Книга Кюстина, являющаяся лишь собраніемъ путевыхъ набросковъ, впечатлѣній и размышленій изъ области политической философіи, — возбудила чрезвычайно большой интересъ не только во Франціи, но и въ Англии, и даже въ Германіи (тамъ, гдѣ цензура ее пропустила). Не только искренность тона, живость изложенія была тому причиною: Кюстинъ первый, въ сущности, заставилъ европейскую публику вспомнить, что Николай царствуетъ не только надъ поляками; что въ Россіи страдаютъ и русскіе; что есть не только «польскіе ужасы», но и «русскіе ужасы». Отсутствие явнаго протеста въ Россіи заслонило весьма сильно этотъ фактъ отъ глазъ европейскаго общества. Кюстинъ попробовалъ разогнать этотъ тумачъ, — и показать самодержавіе en chair et os, какъ и чѣмъ оно живетъ на самомъ дѣлѣ, — а не въ изображеніи казенныхъ хвалителей.

Интересъ къ Россіи замѣтно оживился, и въ 1844 году вышла въ Англии, а въ 1845 году была переведена на французскій языкъ начальникомъ отдѣленія французскаго министерства торговли — Ноблэ — трехтомная книга о Россіи и Николаѣ 2). Переводчикъ прямо ставитъ въ связь появленіе и переводъ этой книги съ интересомъ, возбужденнымъ книгою Кюстина въ Англии и Франціи. И, дѣйствительно, авторъ неоднократно ссылается на Кюстина, показанія котораго онъ обильно дополняетъ и подтверждаетъ своими собственными, хотя отмѣчаетъ нѣсколько неточностей въ разсказѣ Кюстина (въ тѣхъ частяхъ книги послѣдняго, которыя не имѣютъ прямого отношенія къ нашей темѣ и поэтому не были нами затронуты).

Въ книгѣ видны, дѣйствительно, признаки долгаго пребыванія

1) См. «Визол» сентябрь.

2) Révelations sur la Russie ou l'empereur Nicolas et son empire en 1844, par un résident anglais. Ouvrage traduit de l'anglais par M. Noblet et annoté par M. Cyprien Robert. vols: I—III. Paris, 1845.

въ Россіи и внимательныхъ наблюденій надъ русскою жизнью. И предъ читателемъ — абсолютизмъ выступаетъ въ какихъ то апокалиптическихъ формахъ — проклятій, тяготящаго надъ миллионами одичалыхъ, несчастныхъ, униженныхъ рабовъ, не смѣющихъ даже жаловаться на свою участь. Авторъ настаиваетъ, что *нельзя* сравнить «несчастій шестидесяти миллионъ русскихъ подданныхъ» съ несчастнымъ положеніемъ какого бы то ни было класса, напр., въ Англии: онъ горячо доказываетъ, что русский деспотизмъ сотворилъ для своихъ жертвъ такой адъ, который стоитъ *внѣ* всякихъ европейскихъ сравненій. Безопасность режима, холодная и всегда одинаковая, рельефно оттѣняется авторомъ: «впродолженіе девятнадцати лѣтъ его царствованія всего 7 человекъ были приговорены къ смерти, что не мѣшаетъ тому, что, въ дѣйствительности, отъ руки палача въ его царствованіе погибло, вѣроятно, больше, нежели во всѣ остальные царствованія вмѣстѣ. Правда, уже не рубятъ головъ, не сажаютъ на колъ, какъ прежде, не привѣшываютъ на желѣзный крюкъ; но цѣлыми отрядами польскихъ плѣнниковъ сѣкли до тѣхъ поръ, пока не наступала смерть. За политическіе проступки (онъ имѣетъ тутъ ввиду бунтъ военныхъ поселеній, а также «увѣщаніе» унатовъ) тысячи людей подвергались наказанію кнутомъ или плетью, которые обрываютъ мускулы и обнажаютъ кости отъ мяса длинными полосами; они умираютъ день или два спустя или, если временно остаются живы, то погибаютъ еще до прибытія въ Сибирь, куда ихъ немедленно посылаютъ. Расправы эти съ врагами онъ считаетъ болѣе жестокими, чѣмъ расправы Бирона. И такъ какъ этотъ режимъ пользуется неслыханными въ былые вѣка средствами угнетенія, то нашъ авторъ полагаетъ, что онъ осуществляетъ то, о чѣмъ Неронъ римскій могъ лишь мечтать. «Россію», пишетъ нашъ авторъ, «можно назвать странною жи по преимуществу. Главное дѣло для управляемыхъ состоитъ въ томъ, чтобы обманывать агентовъ правительства; для агентовъ правительства — въ томъ, чтобы обманывать императора; для императора — въ томъ, чтобы одной части народа внушить вѣрованіе въ своемъ (Николая) небесномъ избранничествѣ и что онъ — есть представитель Бога на землѣ, живое Провидѣніе, — а другой части народа — внушить идею, что онъ человекъ рока, противъ счастья и власти котораго всякое сопротивленіе было бы тщетно». Воззрѣніе на внутреннюю политику правительства необычайно пессимистично: «Николай не улучшаетъ, — онъ съ каждымъ днемъ ухудшаетъ положеніе человека въ своемъ государствѣ». Въ искреннія намѣренія царя по части борьбы съ крѣпостнымъ правомъ, коренною звюю русской жизни, авторъ не вѣритъ: «Императоръ, самый крупный собственникъ во всей имперіи, — аболіціонистъ по отношенію къ рабамъ *друихъ* собственниковъ». Авторъ не находитъ страннымъ, что всякія попытки улучшить положеніе вещей въ Россіи — остаются на бумагѣ: онъ почти всегда затрагиваютъ, по существу дѣла, «сложные интересы» самодержавія, а поэтому и ничѣмъ не кончаются, ибо царь — всемогущъ.

Особая глава посвящена главному орудію деспотизма: политической полиціи. Авторъ отмѣчаетъ культъ шпионства въ Россіи. Только за высшія заслуги, за громкіе подвиги даютъ почетное добавленіе къ фамилии: и вотъ, рядомъ съ Дибичемъ-Забалканскимъ и Паскевичемъ-Эриванскимъ,—вниманіе читателя обращается на Шервуа-Вэриано, получившаго это названіе за предательство и шпионство. Много говорится объ «арміяхъ шпионовъ», о колоссальныхъ денежныхъ средствахъ, о безграничныхъ полномочіяхъ, которыми располагаетъ начальникъ 3-го отдѣленія. Тутъ же, какъ водится, прибавлены фантастическіе рассказы о чудесахъ, совершаемыхъ 3-мъ отдѣленіемъ съ людьми, которые кажутся ему «опасными». Правда, вмѣсто выдумокъ о дамъ, взятой съ бала и проведшей четырнадцать лѣтъ въ Сибири безъ объясненія причинъ и т. п., авторъ смѣло могъ бы рассказать много ничѣмъ не уступающихъ дѣйствительныхъ фактовъ въ томъ же родѣ. *Оклеветать* третье отдѣленіе мудрено, ибо всякая клевета, въ концѣ концовъ, сбивается на *слабленіе* истины и кажется не клеветою, а апологіею.

Авторъ категорически, изъ вѣрнаго источника, сообщаетъ, что за границу русское шпионство процвѣтаетъ: въ одномъ Парижѣ шпионовъ, слѣдящихъ за пребывающими тамъ русскими,—сто пятьдесятъ человѣкъ. Много говоритъ онъ о вымогательствахъ, которыми пускаетъ въ ходъ 3-е отдѣленіе относительно богатыхъ людей; еще больше говорить онъ о продажности и гнусности общей полиціи. (Между прочимъ рассказано о преступленіи петербургскаго будочника, убивавшаго и грабившаго людей; по словамъ автора, это дѣло «получило необычную огласку»). Вѣроятно, рѣчь идетъ о томъ самомъ дѣлѣ, за *разговоръ* о которомъ Герцена Николай сослалъ въ Новгородъ).

О личной храбрости Николая авторъ мнѣнія не столь опредѣленнаго, какъ другіе писатели. Онъ отмѣчаетъ, между прочимъ, будто и 14-го декабря, и въ польскую войну царь держался внѣ сферы огня. Вообще же онъ признаетъ природный эгоизмъ одною изъ коренныхъ чертъ его характера, обусловливающихъ многіе его поступки и общее направленіе его политики. Во всякомъ случаѣ онъ не видитъ ничего, что бы Николай принесъ въ жертву для блага народа. Даже о правосудіи въ судебныхъ дѣлахъ, онъ заботится будто бы постольку, поскольку онъ не заинтересованъ въ томъ или иномъ исходѣ дѣла. «Всѣ его заботы, *когда его фамильные интересы это позволяютъ*,—направлены, къ улучшенію матеріальнаго состоянія его народа»,—замѣчаетъ авторъ въ другомъ мѣстѣ. «Суровость и мстительность», отсутствіе милосердія—считаетъ онъ также характерными свойствами Николая.

Мы оттого остановились на этомъ французскомъ переводѣ англійской работы,—что эти «*Révélations*» вмѣстѣ съ книгою Кюстина оказали очень замѣтное, исполнѣ ясно опредѣлимое вліяніе на сформированіе во Франціи мнѣнія о николаевскомъ режимѣ, о характерѣ этого режима не только въ Польшѣ, но и въ коренной

Россіи. О книгахъ же Н. Тургенева ¹⁾ и Ивана Головина ²⁾ мы, конечно, въ предлагаемой статьѣ говорить не имѣемъ никакого основанія: эти книги не только написаны не французами, но и сколько-нибудь замѣтнаго вліянія на французскую литературу о николаевской Россіи—не оказали.

VII.

Конецъ царствованія Луи-Филиппа не отмѣченъ во Франціи особеннымъ интересомъ къ Николаю и Россіи. Даже стоны Польши стали доноситься все глуше и производили уже меньшее впечатлѣніе.

Легкая салонная болтовня Меримэ ³⁾ не можетъ идти (по содержательности и по оказанному ею вліянію) въ сравненіе съ книгою Кюстина, но, конечно, имя автора не могло не привлечь читателей. Авторъ ко всему относится съ легкою игривостію, шуточкою и беззаботною ироніей; къ русскому правительству, впрочемъ, онъ сохраняетъ отношеніе полной независимости. Въ предисловіи онъ шутиливо жалуется (явно намекая на ярость вызванную въ Петербургѣ книгою Кюстина), что, вотъ, прежде лучше было рассказывать о путешествіяхъ, нежели въ новое время. Такъ, Шарэнъ описалъ политику шаха персидскаго, Марко-Поло разоблачилъ великаго могола,—и «это не смущало ни въ чемъ лицевареніе этихъ высокихъ величествъ»,—а въ новое время того и гляди такого разсказчика уже никогда въ страну вторично не пустятъ. Теперь «они слушаютъ голосъ прессы и боятся его: они осведомляются о новомъ произведеніи печати и, если заглавіе возбуждаетъ ихъ тревогу, они его пробрѣгаютъ съ лихорадочнымъ безпокойствомъ, которое охватываетъ актера при видѣ фельетона». Точка зрѣнія Меримэ такова. Человѣкъ, прѣбывавшему въ Россію, приходится жить въ тяжелой атмосферѣ, въ которой онъ задыхается,—но нужно «предоставить Россіи устраиваться какъ ей угодно и быть счастливою по своему»,—и не слѣдуетъ мѣшаться со своею критикою. Иначе Россія можетъ иностранцу отвѣтить какъ одна женщина въ комедіи: «Зачѣмъ вымѣниваетесь? Мнѣ нравится быть битой» (стр. XII). Въ Россіи Меримэ «не ненавидитъ абсолютное правительств», по крайней мѣрѣ—относится къ нему «какъ благосклонный зритель»; *любитъ*—же онъ въ Россіи «свѣжую икру». Такова его profession de foi.

Вся книжка написана въ подобномъ тонѣ, въ тонѣ болтающаго и порхающаго легкомыслія. Нашего туриста больше занимаетъ быть и пейзажи, нежели политика и социальныя особенности. И его больше, нежели кого-либо, сбиваетъ съ толку молчаніе, отсут-

¹⁾ La Russie et les russes (8 vols) 1847.

²⁾ La Russie sous Nicolas I (1845).

³⁾ Une année en Russie, lettres à M. Saint-Marc Girardin par Henri Merimé. Paris 1847.

стве слышного протеста, и встречая что-либо возмутительное, онъ, по собственному признанию, склоненъ думать, что, можетъ быть, для Россіи тутъ ничего возмутительнаго нѣтъ. Онъ—большой любитель русскаго языка, но читать нечего: газеты въ Петербургѣ—тоже самое, говоритъ онъ, что была Gazette de France при Людовикѣ XIV, — т. е. собраніе казенныхъ сообщений, приказовъ и т. п.; литераторамъ позволяютъ только браниться между собою. Слова «республика, хартія, конституція» такъ преслѣдуются цензурою, что по мнѣнію Меримэ не одинъ честный гражданинъ Кіева или Владиміра можетъ умереть съ счастливою мыслью, что на вашигтонскомъ тронѣ сидитъ монархъ божьею милостію. Вообще русскія газеты сдѣланы столь спокойными, что даже чтеніе ихъ можно рекомендовать для успокоенія нервовъ. Русскую исторію онъ называетъ мартирологомъ, но, опять таки, убѣжденъ почему-то, что «угнетеніе и пытки» Россія переносила съ охотою, съ увлеченіемъ. И онъ глубоко убѣжденъ, что Россія не только обожала, но и продолжаетъ обождать абсолютную власть (стр. 83). «Казарма господствуетъ здѣсь надъ всѣмъ социальнымъ строемъ, пишетъ онъ (стр. 93),—но и это съ согласія «Россіи», ибо она имѣетъ настроеніе «вродѣ древняго Рима». Этотъ методъ разсужденія примиряетъ нашего автора со всѣмъ, что онъ видитъ въ Россіи. Но тамъ и сямъ проскальзываетъ съ немъ пониманіе объективнаго значенія самодержавія для страны, которая имъ пользуется; такъ, онъ «дрожитъ», когда слышитъ, какъ иногда русскіе, наиболее просвѣщенные, говорятъ спокойно о тѣхъ или иныхъ хотя бы частичныхъ перемѣнахъ; онъ пугается этого спокойствія, «ибо Богъ знаетъ, что останется дѣльмъ, разъ уже приближатъ молотъ къ этому зданію, которое имѣетъ новый фасадъ и пробѣданный червями корпусъ». И тутъ же, какъ бы забывая объ этомъ, Меримэ продолжаетъ восхищаться военною мощію Россіи, ея величіемъ и вліяніемъ на міръ,—и настаивать, что слава и могущество дѣлаютъ русскіхъ подданныхъ счастливыми... «Фасадъ» николаевскаго строя, очевидно, обладалъ способностью гипнотизировать даже людей, разгадавшихъ, что за нимъ скрывается!

Иногда случалось Меримэ слышать и кое-какія жалобы (къ сожалѣнію, онъ не говоритъ объ этомъ точнѣе), но, повидимому, и онъ не разубѣдили его въ правдивости основнаго его воззрѣнія.—что нечего подданныхъ Николая жалѣть, если они сами себя не жалѣютъ...

Нѣсколько оживилась вражда къ Николаю въ свободомыслящей прессѣ подъ вліяніемъ извѣстій объ участіи Кракова. На этотъ разъ вражда подогрѣвалась и раздраженіемъ французской дипломатіи, не скрывавшей своего протеста предъ поступкомъ восточныхъ державъ. Сразу умолкли тѣ и безъ того немногіе голоса, которые говорили

о возможности лучшихъ отношеній между Россіей и Франціей¹⁾.

Если уничтоженіе краковской республики при дѣятельномъ участіи Николая подняло противъ него во французской оппозиціонной прессѣ бурю негодованія,—зато подобно тому, какъ послѣ нападеній Кюстина нашелся у Николая безкорыстный защитникъ, въ лицѣ Николая Греча, случайно бродившаго въ парижскомъ пассажѣ, случайно купившаго книгу Кюстина, и случайно опубликованнаго по поводу этой книги свое негодованіе,—такъ и теперь, въ 1847 г. не вытерпѣло ретивое у нѣкоего Онора Арнуля, и онъ мужественно выступилъ въ печати на защиту Николая Павловича. Главная тема его размышленій—это, конечно, Краковъ,—и онъ находитъ, что присоединеніе Кракова къ Австріи имѣетъ свои выгоды для поляковъ «съ религіозной точки зрѣнія»: поляки-католики и австрийцы—тоже католики; и вообще, гибель Кракова не заключаетъ въ себѣ ничего такого, чѣмъ стоило бы возмущаться. Дальше идутъ укороженныя размышленія по тому поводу, что оппозиціонныя газеты, вообще, плохо и невѣрно судятъ о Николаѣ, обнаруживаютъ къ нему упорную вражду—и не видятъ, что необходимо стремиться къ франко-русскому союзу. «Мы громко заявляемъ, франко-русскій союзъ—есть единственный приемлемый прочный и вѣрный», восклицаетъ Арнулъ²⁾. Николай любитъ французовъ: «посмотрите, не есть ли онъ уже—провидѣніе нашихъ ученыхъ, нашихъ артистовъ? Онъ поощряетъ искусства, вознаграждаетъ роскошно, по царски за полезныя открытія» и т. д. И, кромѣ того, за него говорятъ привлекательныя черты выбранныхъ имъ министровъ: «Выборъ министровъ обнаруживаетъ въ императорѣ Николаѣ глубокое знаніе людей и обстоятельство въ превосходный тактъ». «Много-ли у насъ во Франціи государственныхъ людей», въ истинномъ вдохновеніи продолжаетъ авторъ: «которыхъ мы могли бы противопоставить г-ну Нессельроде? или князю Ванильчикову? (такъ Арнулъ называетъ Васильчикова). Много ли у насъ безкорыстныхъ, способныхъ

¹⁾ Укажемъ кстати на самое доступнѣе изъ такихъ немногихъ примечательныхъ писаній, появившихся въ сороковыхъ годахъ: на книгу «De la Russie et de la France, entretiens politiques par un inconnu (Paris, 1842).

Странное впечатлѣніе производитъ эта анонимная книга «О Россіи и Франціи». Авторъ—пропагандиръ заключеннаго франко-русскаго союза, причемъ во имя этого патріотическаго предпріятія относится къ самодержавію не только съ подобающею случаю участивою (какъ его сопотечественники 50 лѣтъ спустя), но и съ нѣкоторымъ жаромъ. Въ этой книгѣ больше всего острастки тотъ пріестъ военной силъ самодержавія, который бесспорно стоилъ тогда въ глазахъ публики необычайно высоко. Игнъ въ виду эту идѣю дипломатическаго сближенія «Неизвѣстный» пытается реабилитировать и русскія абсолютныя въ глазахъ своихъ сопотечественниковъ. Видно, что русскіе обыватели страстно обожаютъ Николая, и что абсолютныя—идеальнѣе для Россіи образъ правленія. Авторъ горячо протестуетъ противъ того, чѣмъ Николая уподобили «марокскому султану»,—но фактовъ въ пользу русскаго самодержавія не представляетъ никакихъ, а распыляется въ волнахъ размышленій о царствѣ, какъ возможномъ орудіи цивилизаціи въ Россіи.

²⁾ La vérité sur l'empereur Nicolas et les journaux français. Par Honoré Arnaud, (Paris, 1847), стр. 13-я.

³⁾ Ibid, стр. 27.

и преданных администраторов, как граф Вронченко, министр финансов? как г. Уваров, министр народного просвещения? и вы называете варваром такого монарха! Брошюрка кончается совѣтомъ французской журналистикѣ не увлекаться «сплетнями» и «очернениемъ» російскаго императора. — Объ этомъ голословномъ и трескучемъ наборѣ фразъ, озаглавленномъ столь кричащимъ образомъ («Правда объ императорѣ Николаѣ и французскія газеты»), мы упомянули больше затѣмъ, чтобы показать, въ какое затруднительное положеніе попадали неумѣлые защитники Николая Павловича, когда имъ нужно было себѣ же себѣ измыслить факты въ пользу своего тезиса: Арнулъ, напримѣръ, искренно повидимому полагаетъ, что оказываетъ Николаю Павловичу цѣнную услугу, освѣщая его блескомъ лучей, исходящихъ отъ Вронченки, Васильчикова, Нессельроде и Уварова: другіе фактическихъ указаній— въ его брошюрѣ никакихъ нѣтъ, —этотъ «выборъ министровъ»— гвоздь защиты царя отъ хулителей.

Подводя итоги всему сказанному, мы можемъ отмѣтить, что литература о Николаѣ I довольно отчетливо освѣтила предъ французскою публикою то, что старался скрыть официальная, дипломатическая недомолвки: уже до 1848—49 гг.—Николай предсталъ предъ Франціей какъ смертельный, неутомимый и неумолимый врагъ свободы и правъ гражданина не только въ раздавленной Польшѣ, но и въ Россіи, во имя якобы «величія» которой работали Нессельроде и Паскевичи. Общественное мнѣніе было вполне подготовлено къ тому, что самодержавіе всегда вышлается влуду, гдѣ возможно будетъ поддержать чужое рабство. Кризисъ 1848—49 гг. принесшіи русско-венгерскую войну,—уже не давъ ничего новаго для характеристики Николая I: венгерскій походъ былъ лишь логическимъ выводомъ изъ всего, что къ этому времени уже знали о царѣ французы.

VIII.

Во время общеевропейскаго кризиса 1848—49 гг., особенно же съ весны 1849 года, когда Николай сталъ обнаруживать явныя намѣренія вмѣшаться въ европейскія дѣла и послать армию въ Венгрію,—грозное значеніе для Европы русскаго самодержавія ярко предстало предъ общественнымъ сознаніемъ. Достаточно просмотрѣть такія умѣренныя, и отчасти, реакціонныя газеты, какъ «Temps» и «Journal des Debats» за первые мѣсяцы 1849 года, чтобы оцѣнить то раздраженіе, смѣшанное съ живѣйшимъ безпокойствомъ, которое внушала Николай французскимъ руководящимъ буржуазнымъ кругамъ своею надменною политикою и явнымъ желаніемъ властно вліять на судьбы Европы. Венгерская же кампанія 1849 года только усилила эти чувства. За эпоху 1848—49 гг. сначала европейскіе троны, а потомъ сама революція по очереди оказывались безидеальными и побѣжденными, и одна только сила—сила русскаго царя оставалась въ полномъ обладаніи всѣгдашняго престижа. Это-

то особенно пугало и безпокоило. И кромѣ того, даже Турцію считали ¹⁾ болѣе близкою къ духу вѣка и къ гуманности, нежели петербургское правительство, которое только тѣмъ и отозвалось на современныя движенія, что грозило залить ихъ кровью русскіхъ солдатъ. Безпокойство это особенно усиливалось тѣмъ, часто подчеркиваемою мыслью, что въ самой Россіи ни на какія революціонныя потрясенія, которыя могли бы остановить поднятую руку Николая, надѣяться нѣтъ возможности. О дѣлѣ Буташевича-Петрашевскаго Европа узнала только то, что угодно было русскому правительству опубликовать во всеобщее свѣдѣніе. Тщетно искали мы во французскихъ газетахъ 1849—50 гг. какихъ-нибудь самостоятельныхъ извѣстій объ этомъ дѣлѣ. Въ ежегодникѣ „Annuaire des deux Mondes“, задавшемся цѣлью давать свѣдѣнія важнѣйшимъ происшествіямъ въ разныхъ странахъ Европы, мы находимъ слѣдующія строки о петрашевцахъ ²⁾: «Было невозможно, чтобы революціонный кризисъ не подѣйствовалъ съ 1848 года на русское воображеніе, столь впечатлительное и столь живое. При абсолютномъ режимѣ проекты нововведеній, естественно, принимаютъ форму заговоровъ. На самомъ дѣлѣ, тайное общество образовалось въ Петербургѣ: съ какимъ положительнымъ намѣреніемъ? Неизвѣстно. Но несомнѣнно, съ общей и смутной мыслью дойти до насильственнаго дѣйствія противъ правительства, то есть противъ императорскихъ особъ: это характеръ, который принимаютъ естественно всѣ заговоры въ Россіи. Общество было открыто втеченіи 1849 года, и двадцать одинъ членъ ассоціаціи былъ присужденъ къ разстрѣлу». Въ прилѣчаніи перечислены осужденные, а затѣмъ «Annuaire» продолжаетъ: «императоръ, ознакомившись съ рапортомъ аудиторіата, счелъ долгомъ смягчить наказаніе; но смягченіе совершилось въ драматическихъ формахъ, которыя нравятся абсолютнымъ правительствамъ и которыя свойственны также личному характеру императора. Двадцать одинъ осужденный были выведены на мѣсто казни, въ присутствіи войскъ, собранныхъ какъ бы для того, чтобы присутствовать при трагическомъ спектаклѣ. Тутъ, читаютъ приговоръ къ смерти, затѣмъ были сбѣланы всѣ приговоренія къ казни; наконецъ, въ послѣдній моментъ является адъютантъ, который объявляетъ арестантамъ, что императоръ ихъ помиловалъ. Взамѣнъ, они лишены всѣхъ гражданскихъ правъ и осуждены, сообразно со степенью виновности каждаго, одни—къ казторжнымъ работамъ въ рудникахъ или въ крѣпостяхъ, другіе къ зачисленію въ армию послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго заключенія. Это событіе было официально объявлено манифестомъ, опубликованнымъ 6 января 1850 года. Такова была единственная ошибка, которую имѣлъ царизмъ съ революціоннымъ духомъ внутри имперіи съ 1848 года. Какъ видятъ, этотъ заговоръ зародился въ мелкомъ служащемъ дворянствѣ и въ буржуазии. Забѣгать также,

¹⁾ См. напр., «Temps», 7 Mai 1849.

²⁾ Annuaire des deux Mondes. Année 1850 (Paris 1851), стр. 754.

что в немъ участвовали только русскіе и не было поляковъ. Въ этомъ двойномъ отношеніи онъ былъ благотворно расчитанъ; но что отнимало у него всю его важность,—это то, что онъ былъ задуманъ въ европейскомъ революціонномъ духѣ; онъ вдохновлялся идеями, которыя обращались въ Германіи, въ Италіи, въ Венгріи,—безъ особеннаго безпокойства насчетъ того, созданы ли (эти идеи) для Россіи». Такъ же, какъ и здѣсь,—быль съ небылицею насчетъ петрашевцевъ была распространена всюду въ Европѣ, куда только, вообще, дошла вѣсть объ этомъ дѣлѣ. Но, конечно, не петрашевцы могли интересовать Европу въ этомъ страшномъ 1849 году. Усмирненіе Венгрии при помощи русскихъ войскъ наполнило негодованіемъ всѣхъ независимо мыслящихъ людей. Для какой-то надобности,—быть можетъ, для известнаго воздѣйствія на слишкомъ уже взволнованное общественное мнѣніе Европы, «въ самыхъ высшихъ кругахъ» Россіи необычайно сурово и демонстративно порицали казни и издѣвательства, которыми австрійское правительство отомстило венграмъ послѣ побѣды русскихъ войскъ надъ возставшими. Едва ли удалось этимъ маневромъ кого-нибудь обмануть, ибо одновременно русское правительство совмѣстнъ съ австрійскимъ задумало заставить султана выдать венгерскихъ и польскихъ инсургентовъ, бѣжавшихъ въ Турцію. Франція и Англія поддержали султана, и онъ рѣшительно отказалъ въ этомъ требованіи. Такъ, и пришлось ретироваться ни съ чѣмъ. Эта дипломатическая неудача вызвала во французскомъ обществѣ взрывъ злорадства... Настроеніе, такъ ярко послѣдствіемъ сказавшееся въ 1854 году, уже явно давало себя чувствовать. Но страхъ, все болѣе усиливающейся, не покидалъ европейское общественное мнѣніе. Можно сказать, что со времени паденія Наполеона, съ 1814 года, сила Россіи никогда такъ высоко не дѣлилась въ Европѣ, какъ въ 1849—51 гг. О тенденціяхъ же этой силы никто никогда и не заблуждался, особенно послѣ усмирненія Венгрии: «говорили, что царь со времени революцій этихъ послѣднихъ двухъ лѣтъ намѣренъ стать великимъ префектомъ полиціи Европы; да, префектомъ полиціи съ посохомъ и тиарою, такъ же, какъ со шпагою»,—читаемъ мы въ томъ же умѣренномъ и сдержанномъ «Ежегодникѣ», который уже цитировали. Та же оторопь предъ силою царизма сказывается и во всей французской прессѣ этихъ лѣтъ; въ прогрессивныхъ органахъ это чувство смѣшивается со злобою, въ реакціонныхъ и умѣренныхъ съ почтеніемъ и какъ будто съ завистью къ блаженному «порядку» въ Россіи, который обнаруживаетъ такую стойкость «*Revue des deux Mondes*»,¹⁾ напр., все доискаясь до причины непомѣрнаго, нигдѣ въ Европѣ не бывающаго могущества монархической власти въ Россіи, находятъ, что «царизмъ имѣетъ двойной базисъ»,—а именно «религіозную власть» и «панславизмъ». Правительство русское, думаетъ журналъ, держится прежде всего страхомъ, а также «энтузіазмомъ», внушаемымъ своимъ подданнымъ. «Поддерживать въ

сердцѣ подданныхъ этотъ духовный терроризмъ—вотъ постоянная забота русскаго правительства». Тутъ журналъ ссылается на Мицкевича, рассказывающаго, что Минихъ во время войны противъ турокъ отдалъ приказъ по войскамъ, *встрѣчающій* солдатамъ заблѣвать чуюю подъ страхомъ быть за это погребенными живою. И все это не препятствуетъ журналу относиться къ царизму съ робкимъ почтеніемъ: не надо, впрочемъ, забывать, что для буржуазіи, для правящихъ слоевъ тогашней Франціи,—Франціи, пережившей іюньскіе дни и вступившей въ періодъ реакціи,—«префектъ полиціи», даже не фигуральный, а самый «настоящій» былъ желаннымъ героемъ дня. Отсюда—почтеніе; а ужъ оторопь—вслѣдствіе неизвѣстности, не захочетъ ли царизмъ, уничтожая революцію, за одно уже уничтожить и Европу?

Французская реакція, особенно усиливающаяся къ концу второй республики, отразилась и на литературѣ о Россіи. Ненависть къ николаевскому режиму во имя свободолубія уже перестаетъ сказываться, ненависть къ Николаю, какъ къ дипломатическому врагу Франціи и противнику возстановленія бонапартовской династіи еще не начинаетъ проявляться. Къ этому времени относятся кое-какія совершенно безцвѣтныя работы о Россіи, о которыхъ либо совсѣмъ не стоить упоминать, либо можно сказать нѣсколько словъ. Такова напр., книга Мармье¹⁾, вышедшая почему-то въ двухъ изданіяхъ, и являющаяся собраніемъ писемъ путешественника изъ Россіи, Географія, этнографія, исторія очень его занимаютъ и поглощаютъ большую часть работы. Есть кое-какія замѣчанія, указывающія, что передягъ съ Кюстиниомъ не прошла даромъ для французскихъ путешественниковъ: полицейскій генералъ, очаровательно принявшій Мармье, приставилъ къ нему шпионовъ. Полиція носить въ Россіи форму зеленую—цвѣтъ надежды, и голубую—цвѣтъ небесной лазури,—замѣчаетъ Мармье,—и является эта полиція скрытымъ и всемогущимъ механизмомъ. «Человѣкъ, котораго въ двадцать разъ встрѣчали бродячимъ походкою фланера по проспекту или читающимъ съ весьма важнымъ видомъ газеты въ кафе Бранже» вдругъ можетъ явиться къ вамъ и потребовать вашего отъѣзда въ 24 часа. Но ужъ! Мармье констатируетъ, какъ и другіе путешественники, что полиція очень нѣжно относится къ ворамъ и мошенникамъ, лишь бы «они не дѣлали шума». Но, въ общемъ, Мармье совершенно повидимому безразличенъ къ «деспотизму», который, и по его заявленію, царитъ въ Россіи. Отсутствіе общественного протеста въ Россіи заставляетъ его не останавливаться на ужасахъ николаевщины въ коренныхъ русскихъ губерніяхъ, въ Петербургѣ и въ Москвѣ,—а о Польшѣ онъ говоритъ съ явнымъ состраданіемъ, и ужасается предъ тѣмъ желѣзнымъ игомъ, которое давитъ несчастную страну: разговоры съ поляками все-таки просѣдили его отчасти, а разговоры въ русскими, попадавшими ему въ Россіи, не могли не сбить его

¹⁾ *Revue des deux Mondes*, 1850, 15 Mars, стр. 1102—1103.

¹⁾ *Lettres sur la Russie, la Finlande et Pologne*, par X. Marmier (Paris 1851).

съ толку: очевидно, онъ все встрѣчался съ «патріотами» узаконеннаго образца, или съ людьми, видѣвшими въ немъ французскаго сотрудника Бенкендорфа и Дубльета: ибо рисковано было тогда говорить не только о Николаѣ Павловичѣ, но даже о будочникѣ, *улиценномъ* въ Петербургѣ въ убійствѣ и грабежѣ.

IX.

Война 1853—55 гг. породила, вообще, довольно много книгъ и памфлетовъ о Россіи—либо справочнаго характера, либо враждебно-шовинистическаго. Особаго интереса и та, и другая группа печатныхъ произведеній о Россіи для насъ не представляетъ. Слѣдуетъ замѣтить, что памфлеты черпаютъ свое фактическое содержаніе большею частью либо изъ Кюстина, либо изъ Révelations (уже отмѣченнаго перевода съ англійскаго, вышедшаго въ 1845 году). Главный позоръ Россіи—«самодержавный кнутъ»—играетъ, конечно, видную роль въ памфлетной литературѣ. Скажемъ нѣсколько словъ о двухъ-трехъ образчикахъ.

Въ книгѣ «Кнутъ и русскіе»¹⁾ Жермэнъ де-Ланьи (лично побывавшій въ Россіи) высказываетъ о русскомъ самодержавіи рядъ мнѣній, успѣвшихъ, повидимому, стать къ концу царствованія Николая I ходячими во французскомъ обществѣ. Авторъ говоритъ, что прежде, при Иванѣ IV и Петрѣ I цари травили людей дикими животными и собственноручно рубили головы. «Теперь—варварство такое самое, какъ нѣкогда, только оно облекается въ болѣе либеральныя—и осмѣлѣло сказать—въ болѣе цивилизованныя формы». Онъ настаиваетъ, что о Россіи распространяются въ Европѣ часто невѣрныя предствленія,—благодаря самимъ русскимъ. «Привычка къ притворству и лести заходить у нихъ такъ далеко, что всѣ безъ исключенія дѣлаются тамъ сообщниками правительства съ цѣлью обманывать и вводить въ заблужденіе самую грубою ложью путешественниковъ», «которые иначе могли бы узнать истину. Переходя къ жгучему вопросу о томъ, кто желаетъ въ Россіи воевать, — авторъ замѣчаетъ, что ни солдаты, ни крестьяне—ибо тѣ и другіе—безсловесные рабы и если бы ужъ возымѣли мысль о крестовомъ походѣ,—то противъ непосредственныхъ своихъ угнетателей. (Не надо забывать, что россійская дипломатія въ 1853 году особенно много разглаживала о ревностномъ и благочестивомъ стремленіи, внезапно обнявшемъ вѣроподобныхъ Николая Павловича, бороться за ключи отъ Гроба Господня). Такъ кто же хочетъ войны? Духовенство? Но авторъ смѣется надъ этою мыслью. «Царь управляетъ церковью, какъ онъ управляетъ своею арміею и своими рабами». Царя въ синодѣ представляетъ «одинъ изъ его адъютантовъ, кавалерійскій офицеръ», «генералъ Протасовъ управляетъ духовенствомъ, какъ полкомъ». Дворянство? Оно

¹⁾ Le Knout et les russes. Mœurs et Organisation de la Russie, par Germain de Lagny. Paris, 1853. (стр. 324).

въ такомъ же рабствѣ у царя, какъ всѣ другіе обитатели Россіи. Таково мнѣніе французскаго публициста объ участи русскаго народа въ подготовкѣ той войны, которую придворные лакеи всѣхъ ранговъ, мундиромъ и ирять пытались изобразить «народною» и «священною».

Очевидно, логика фактовъ оказалась могущественнѣе официальной лжи наиболее живаго изъ всѣхъ тогдашнихъ правительствъ: не только одного Ланьи не удалось обмануть русскому самодержавію; мы встрѣчали въ политической прессѣ Франціи и Англии того времени аналогичныя мнѣнія—о полной непричастности русскаго народа къ войнѣ, затѣянной отъ его имени.

Самодержавіе рисуетъ Ланьи въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Полиція, главное орудіе власти,—всесильна, и человѣку, живущему въ Россіи, рекомендуется во избѣжаніе неприятностей,—быть ко всему и всѣмъ вполнѣ равнодушнымъ: «быть гуманнымъ»—настолько же воспрещено, какъ разговаривать о политикѣ». (Можно подумать, что Ланьи зналъ о неприятностяхъ, постоянно причинявшихся доктору Гаазу московскими властями). Произволь такъ, что «исчезновенія людей весьма часты. Результатъ ли это преступленій, или дѣйствіе таинственнаго царскаго правосудія, или мести могущественныхъ лицъ этой страны? Никто не можетъ сказать». Полиція воруетъ, дѣлаетъ всякія беззаконія,—но вовсе не охраняетъ безопасности гражданъ; все ея вниманіе направлено на политическое шпионство. «Полиція больше занимается мыслями каждаго, чѣмъ безопасностью гражданъ. Если въ Россіи собираются три человѣка,—двое изъ нихъ шпионы, — говорятъ (по увѣренію автора) сами русскіе.

«Россія—огромная казарма»,—резюмируетъ авторъ. Онъ приводитъ во всѣхъ подробностяхъ примѣры наказанія кнутомъ, шпиртунами, плетями,—и картина николаевскаго самодержавія выходитъ въ общемъ весьма живою (несмотря на нѣкоторыя утвержденія анекдотическаго характера,—впрочемъ, бывшія «на границѣ вѣроятнаго» въ тѣ времена). Любопытно, что о личности Николая авторъ хорошаго мнѣнія, и въ этомъ смыслѣ отличается отъ большинства независимыхъ писателей, занимавшихся тогдашею Россіею. Для характеристики невѣжества касательно политическихъ тенденцій русскаго общества, отмѣיתי упорно повторяемое утвержденіе о какихъ то много разъ якими повторявшихся «вплотъ до 1848 года» попыткахъ аристократіи и чиновниковъ—свергнуть или убить царя,—всегда кончавшихся неудачею, благодаря его мужеству и хладнокровію. Очевидно, тутъ мы имѣемъ дѣло съ «фольклорными» отзывами 14-го декабря и дѣла петрашевцевъ: въ перепечатанномъ на Западѣ официальномъ извѣщеніи о петрашевцахъ—обозначены были чины участниковъ, что и сбилось съ толку, повидимому, не одного Ланьи.

Маленькій шовинистическій памфлетъ Люрэна «Le Mannequin Russe»¹⁾ имѣетъ цѣлью уподобить всецѣло Россію манекену и

¹⁾ Le Mannequin russe. Pamphlet, par Louis Lurin (Paris 1854).

этим успокоить людей, боящихся наступившего уже военного столкновения съ Николаемъ. Армія, флотъ, правосудіе, религія, администрація, правительство, цивилизація—все это въ Россіи будто бы автоматы — безсловесныя машины, повинующіяся своему господину. Жизни никакой въ Россіи нѣтъ, есть только маршетыки и автоматы, и ихъ 60 милліоновъ,—повторяетъ авторъ на всѣ лады. Законъ, правосудіе, суды—все это въ Россіи лишь поддѣлки и украшения, ибо для манекеновъ это не нужно, а рабство, неподвижность, молчаніе, страхъ—это все—настоящее. Таковы мнѣнія автора...

Въ заключеніе упомянемъ еще объ одномъ памфлетѣ, появившемся ужъ тогда, когда военный провалъ николаевскаго режима сталъ на очереди дня.

Вышедшая въ началѣ крымской войны и быстро потребовавшая новаго изданія книга Фредерика Лакруа ¹⁾ имѣла шумный успѣхъ, самая распространенная газета, начиная съ «Figaro», ее обильно цитировали и, вообще, она, безспорно, оказала влияние на общественное мнѣніе. Въ основу ея положена «рукопись одного дипломата, долго жившаго въ Россіи», а также замѣтки путешественниковъ, очень приближенныхъ къ императору и двору; пользовался авторъ и раньше вышедшими сочиненіями о Россіи. Книга написана въ весьма спокойномъ тонѣ, съ подчеркнутымъ стремленіемъ къ полному безпристрастію. Хорошія стороны національнаго характера Лакруа отмѣчаетъ съ видимымъ удовольствіемъ. Согласно съ своимъ заявленіемъ въ предисловіи,—авторъ старательно исключилъ изъ книги всякія «личности», все, что касалось характеристики Николая и членовъ императорской фамилии, — ибо цѣлью его было прежде всего говорить объ учрежденіяхъ страны, а не о личности ея обладателя.

Лакруа посвящаетъ самодержавію специальную главу (Le despotisme). Онъ настаиваетъ, что Россія — болѣе деспотическое государство, нежели Персія и Турція, даже болѣе, нежели Китай. Всюду, говоритъ онъ, абсолютизмъ смягчался хоть какими-нибудь традиціями, учрежденіями и т. п. въ Россіи же ничего подобнаго нѣтъ. При этомъ, «у русскихъ—деспотическій принципъ вооруженъ съ головы до ногъ», армія «удесятеряетъ его силу», и авторъ отмѣчаетъ весьма понятную заботливость Николая объ этомъ орудіи его власти. «Русское правительство есть идеалъ деспотической власти; можно даже сказать, идеалъ, отягченный всѣмъ самымъ чудовищнымъ, самымъ необычайнымъ, что только можетъ породить злоупотребленіе властью». Приводя примѣры самыхъ дикихъ и звѣрскихъ насилій русскаго абсолютизма надъ человѣческимъ достоинствомъ, честью, жизнью, надъ здравымъ смысломъ, надъ всѣми понятіями о правѣ и нравственности, Лакруа не перестаетъ напоминать, что все это лишь необходимая, логическая послѣд-

ствія русской политической системы. «Странности, противорѣчія, даже безуміе—все это понятно у суды, который произноситъ свои приговоры по прихоти дурныхъ или хорошихъ страстей и можетъ послать человѣка на смерть подъ влияніемъ тяжелаго сна или дурного пищеваренія». «Съ русскимъ деспотизмомъ споръ невозможенъ. Приказъ, подписанный или отданный господиномъ, нелѣпъ, невѣроятенъ; ничего не значитъ, исполненіе должно послѣдовать немедленно. То, что царь говорить—должно быть хорошо, то, что онъ хочетъ—должно быть выполнено». Конечно, въ главѣ о самодержавіи почетное мѣсто авторъ отводитъ кнуту (le Knout), «сквозь-строю» (который пишется у него такъ: skross-stroi), палкамъ, сѣченою и т. д. и т. д.

Характерно, что большая часть иностранцевъ также говорила о кнутѣ и палкахъ непосредственно въслѣдъ за анализомъ основъ нашей политической самобытности. Авторъ не жметъ, не преувеличиваетъ въ своихъ описаніяхъ; и, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ чувствуетъ, что ему прямо могутъ не повѣрить на Западѣ. «Россія—классическая страна чудесъ; здѣсь происходятъ вещи столь необычайныя, что тотъ, кто не знаетъ этой удивительной страны, отнесетъ ихъ къ области сказокъ и лжи», говоритъ онъ. Въ доказательство онъ приводитъ желаніе Николая, чтобы сгорѣвшій Зимній дворецъ былъ выстроенъ въ одинъ годъ. «Этого tout de force быть исполненъ; но изъ шести тысячъ рабочихъ, занятыхъ этимъ трудомъ втеченіе суровѣйшей зимы, большое число умерло отъ переломления и холода». Авторъ отмѣчаетъ тѣ страхи, которымъ подвержена эта самая жестокая и неограниченная власть. Страхную силу этой власти (въ тѣ времена), полнѣе отсутствіе оппозиціи, всеобщее рабство, самое полное, самое унизительное, самое восточное рабство всего народа предъ своимъ владыкою—онъ признаетъ всецѣло; «русская знать лежитъ на животѣ предъ самодержцемъ», замѣчаетъ онъ. И все таки — власть неспокойна; она бдитъ, подслушиваетъ, шпионитъ, варварски караетъ за малѣйшія проблескъ свободной мысли. «Ни въ одной странѣ шпионство не организовано лучше, нежели въ Россіи. Въ Петербургѣ стѣны имѣютъ уши»; въ каждомъ домѣ, въ каждомъ публичномъ мѣстѣ—шпионы и предатели. «Почтовая тайна—есть чистѣйшая фикція. Никакая печать не священна для русской полиціи. И это признается (полиціею) громко, гласно, какъ самая простая вещь». Частные люди, даже знать, иногда прямо боятся получать письма иначе, какъ по почтѣ, именно оттого, что почта, по крайней мѣрѣ, прочитывается и цензируется письма, а если получишь чрезъ посольнаго—то тамъ вдругъ окажется что нибудь неблагонадежнаго! Даже слуги великой княгини Елены Павловны убоялись какъ-то принять письмо посланное ей англичаниномъ Рэксомъ—не по почтѣ, а чрезъ лакея. «Всѣ русскіе воспитаны въ суевѣрномъ страхѣ предъ тѣмъ, что напоминаетъ идею власти. Повиноваться и молчать, обожать самодержца, если возможно,—боятся его, если нѣтъ другого чувства, отречься отъ себя самого, чтобы

¹⁾ Les Mystères de la Russie. Edition politique et moral de l'empire russe, par M. Frederic Lacroix. Deuxième tableau. Paris, 1854.

все отдать требующим властителям, подавить всякий порыв ума или сердца къ независимости, примирить съ тѣмъ, чтобы втеченіе всей своей жизни быть только солдатамъ подъ ружьемъ, пользоваться слухомъ и зрѣніемъ, только чтобы видѣть и слышать приказанія или разрѣшенія власти, обречь себя на роль нѣмого въ области политики, исторіи, философіи и религіи, пріучиться къ притворству, къ обману, къ лести и низости—таковъ катехизисъ, по которому русскіе учатся общественной жизни». Безгранично рабочіе знати предъ царемъ мысленно поражаетъ Лакруа. «Царь есть центр стремленія всѣхъ сословій, ось, вокругъ которой движется все это странное общество. Нужно дѣлать столько вещей, чтобы ему понравиться, и избѣгать столькож, чтобы его не разгнѣвать, что зотъ смертный богъ, въ нѣкоторомъ родѣ, составляетъ единственную заботу русской знати. Тѣ, которые его не любятъ,—боятся его». Удивляетъ нашего автора то, «что въ Россіи демонстративныя изъявленія любви подданныхъ къ монарху — обязательны; на орденъ онъ смотритъ лишь какъ на средство сдѣлать всѣ эти «преданности» болѣе ретивыми. Въ то время какъ въ другихъ странахъ, пишетъ онъ, ордена предназначены для вознагражденія заслугъ предъ отечествомъ, «въ Россіи это—средство вознаградить за низость и возбудить честолюбіе придворныхъ». Жизнь при дворѣ онъ констатируетъ страшнѣйшую. «Императоръ и хотѣлъ бы не быть обманываемымъ, но всегда имъ будетъ; печальная участь . . . ! Онъ даже не узнаетъ никогда въ точности положенія своихъ обширныхъ владѣній, какія провинціи страдаютъ, какія части населенія жалуются, какихъ улучшеній требуютъ тѣ или другія части имперіи». Обманъ русскихъ царедворцевъ, длящийся «изъ царствованія въ царствованіе», Лакруа считаетъ такимъ невообразимымъ, что европейцы даже и понять трудно всѣ размѣры этой наглой царедворческой лжи. Только лезть этихъ вельможъ по размѣрамъ своимъ можетъ сравниться съ ихъ лживостью. «Развѣ неизвѣстно, что въ 1837 году знати одной провинціи рѣшила превратить домъ,—въ которомъ остановился царь во время одного своего путешествія,—въ часовню, гдѣ бы ежедневно возносились молитвы о сохраненіи дней этого государя?» Лакруа не видитъ никакой перемены даже въ способахъ лести и обмана при Николаѣ I — сравнительно съ эпохою, напр. Екатерины: если знаменитое путешествіе Екатерины на югъ было обставлено всевозможными бутафорскими деревнями и театральнымъ благополучіемъ,—то при путешествіи Николая съ императрицею въ Одессу,—по всей дорогѣ власти устраивали аналогичныя декорации, кокетливо разукрасивали постройки и т. д.). Во всемъ этомъ удовольствіи автора *очевидны* этихъ старинъ преданныхъ властей — два французскихъ путешественника, случайно находившихся на мѣстѣ дѣйствія. Предательство при дворѣ также приводитъ Лакруа въ недоумѣніе своею обнаженностью и безцеремонностью.

1) „Тотъ же корыстный шарлатанизмъ, тѣ же лживыя уловки, тѣ же страсти — и при путешествіи нынѣшняго самодержца въ тѣ же губерніи“, говоритъ онъ.

«Деспотизмъ принижаетъ всѣхъ тѣхъ, которые подвергаются его дѣйствию», онъ оподляетъ характеры и ожесточаетъ сердца до того, что дѣлаетъ ихъ чуждыми всякому чувству милосердія, деликатности и благородства. «Въ Россіи, какъ только какою нибудь придворной впадетъ въ немилость,—всѣ отъ него отдаляются. Нѣтъ у него уже друзей, покровителей; вокругъ его подвергшейся заклятію особы образуется пустыня; это—Кантъ послѣ своего преступленія, это—среднѣвковой отлученный, которому отзакывали въ водѣ и соли, и прикосновенія котораго боялись».

Въ картинѣ, рисуемой Лакруа, вся русская жизнь, по мысли правительства, *должна* быть ничѣмъ инымъ, какъ только эманацией, исходящей отъ самодержца; и въ матеріальной и въ духовной области никто и ничто не должно имѣть самостоятельнаго существованія. «Самодержецъ есть самъ по себѣ и папа, и соборъ. Онъ рѣшаетъ самые трудные богословскіе вопросы, модифицируетъ богослуженіе, какъ желаетъ, заставляетъ принять новыя вѣрованія, декретируетъ святыхъ—и оставляетъ ихъ. Императоръ Николаѣ настолько хорошо понимаетъ, что религія, какъ на нее смотреть и какъ ее практиковать въ его имперіи, необходима для его деспотизма, что онъ безжалостенъ ко всему тому, что можетъ посягнуть на это основаніе его могущества».

Въ обрисовкѣ дикой, неустойчивой свирѣпости полиціи относительно народа, ея безграничной продажности, продажности всей администраціи сверху до низу, Лакруа сходится съ другими авторами. И онъ не видитъ возможности для абсолютизма помочь бѣдѣ, хоть немного измѣнить администрацію къ лучшему. «Зло неизлѣчимо. Впрочемъ, царь и не попробуетъ его излечить; онъ слишкомъ заинтересованъ въ сохраненіи этого порядка вещей, чтобы не стараться его поддержать. Очевидно, что если бы его подчиненные хотели подняться въ нравственномъ отношеніи, то онъ бы нашелъ въ нихъ безконечно менѣе послушанія и готовности исполнять его деспотическія приказанія». Больше всего возмущаетъ нашего автора, что эта самая, столь безжалостная и свирѣпая полиція «относится съ совершенною отеческою снисходительностью къ вора́мъ», съ которыми входитъ въ соглашеніе насчетъ дѣлежа добычи...

Другія части книги Лакруа не относятся непосредственно къ нашей темѣ. Безотрадное впечатлѣніе отъ всей картины,—картины глубочайшаго рабства, гдѣ рабы душатъ и угнетаютъ другъ друга,—и всѣ вмѣстѣ являются безсловеснымъ стадомъ въ рукахъ общаго владыки, гдѣ власти сверху до низу творятъ неслыханныя преступленія—это впечатлѣніе отъ книги Лакруа должно было смягчиться (съ точки зрѣнія его тогдашнихъ французскихъ читателей)—новое нотоу, почти невѣдомое его предшественникамъ: онъ очень скептически относится къ арміи и флоту Николая I и не вѣритъ въ ихъ мнимую несокрушимость. Вспомнимъ славнофила и патриота Хомякова, который въ Крымскую кампанію тоже *не желалъ* побѣды русской арміи,—и воздадимъ должное тому строю, который умѣлъ объединить на единомъ чувствѣ и враговъ Россіи, и ея дѣтей: ибо, ко-

нечно, будь книга Лакруа какимъ нибудь чудомъ доступна тогда Хомякову,—онъ, можетъ быть, кое-съ чѣмъ не согласился бы или оскорбился,—но для него *тоже* мрачною общей картины *слычалась бы* надеждою, что силы Николая I окажутся не такими огромными, какъ ихъ рисовала легенда...

X.

Нужно сказать, что литература о Россіи въ періодъ Крымской войны, вообще, не такъ интересна тутъ для насъ, какъ можно было-бы ожидать: за вычетомъ шовинистической брани противъ непріятеля мало что остается такого, что стоило бы сколько нибудь подробно отмѣтить. Больше всего это перепѣвы Кюстина, «Révelations» и другихъ старыхъ книгъ.

Анонимная книга о Россіи «La Russie et la Turquie devant l'Europe»¹⁾, несмотря на свои 478 страницъ, не говоритъ ничего маломальски обстоятельнаго о Николаѣ и его режимѣ. Она больше занята дипломатическою исторіею 1853—54 г.г., турецкими дѣлами, значеніемъ восточной войны для Европы и пр. О Николаѣ г.даются свѣдѣнія отрывочныя и безпорядочно разбросанныя. Онъ очень крѣпкаго здоровья. Любитъ носить мундиръ дивизионнаго генерала вообще, любитъ военныхъ, и всякій разъ, какъ Франція отправляла къ нему посломъ генерала,—царь встрѣчалъ его съ большой симпатіею. Поддерживаетъ очень суровую дисциплину не только въ арміи, но и въ своей семьѣ, и при дворѣ, и среди всѣхъ, кто его окружаетъ и пр. и пр., все въ такомъ же родѣ. Составилось лубочное представленіе объ отношеніи русскихъ къ Николаю, вѣчно повторявшееся всѣми, кто долженъ былъ наскоро написать о немъ, что подъ перо попадаетъ: онъ считается отцомъ своего народа, послѣ царя Небеснаго народъ обожаетъ его больше всего. «Лучшій день для русскаго въ его жизни—это когда его императоръ обращается къ нему съ словомъ», и т. д. Все это находимъ и въ названной книжкѣ; впрочемъ ея авторъ такъ торопится перейти къ своей непосредственной темѣ, что личность Николая и русскій режимъ затронуты у него въ самой бѣглою, поверхностной, конспективной формѣ. Это—справочная книжка для большой публики, написанная по поводу войны и предназначенная для ориентировки читателя газетъ, чтобы удобнѣе было слѣдить за происшествіями.

Книга Дюссье²⁾, профессора Сень-Сирскаго военного училища, разсматриваетъ начавшійся конфликтъ съ военной точки зрѣнія и съ этой же стороны Россія его исключительно интересуетъ. Для

насъ тутъ любопытны лишь нѣкоторыя мелкомъ высказанныя соображенія автора о русскомъ самодержавіи. Онъ не надѣется на скорый миръ, какія бы пораженія ни пришлось потерпѣть Россіи: «самодержцы не пріучили насъ къ тому, чтобы мы видѣли, что они принимаютъ въ рассчетъ потери и убытки, налагаемые войною на ихъ подданныхъ». Это по части матеріальныхъ послѣдствій пораженія; что же касается моральныхъ, то здѣсь дѣло устраивается еще проще: потерянное сраженіе объявляютъ выиграннымъ, и «вмѣсто траура—заставляютъ служить благодарственное молебствіе». Идетъ дальше рѣчь и о «варварскомъ» преслѣдователѣ польскихъ католиковъ и униатовъ и тому подобные комплименты, но по существу не говорится почти ничего. Бюрократію русскую онъ характеризуетъ такъ: «русская бюрократія—формалистична, погружена въ бумажное производство, ей свойственна волокита. Она нагла и алчна». Вообще же авторъ, несмотря на свою вражду къ Россіи, пользовался по видимому, только благоприятными русскому правительству трудами (Чихачевымъ, Демидовымъ, Гакстгаузеномъ), а поэтому небольшая глава о русскомъ правительствѣ у него вышла очень блѣдно и невѣрно въ смыслѣ фактовъ. Если Дюссье хотѣлъ дать справочную книгу о Россіи, то Баро Рулонъ задаясь болѣе широкою цѣлью³⁾: онъ указываетъ на Россію какъ на могучаго и страшнаго врага Европы и въ доказательство излагаетъ русскую исторію. Книга написана подъ влияніемъ Кюстина, на котораго авторъ и ссылается. На подданныхъ Николая шовинистъ-авторъ смотритъ какъ на «стадо», управляемое «кнутомъ»—и въ войнѣ союзниковъ противъ Россіи усматриваетъ самозащиту цивилизаций противъ варварства. Эта книга—отраженіе взглядовъ клерикальной части французскаго общества, которую, какъ сказано, Николай Павловичъ вооружилъ уже давно противъ Россіи преслѣдованіемъ польской церкви и униатовъ; клерикалы ненавидѣли его поэтому не меньше, нежели прогрессисты: зтотъ оригинальный «блокъ» общественнаго мнѣнія Франціи удалось устроить только одному Николаю изъ всѣхъ крупныхъ и мелкихъ абсолютныхъ монарховъ тогдашней Европы.

Скажемъ два слова о книгѣ, хотъ и не французскою написаной,—но слѣды влияния которой отразились на памфлетахъ и памфлетныхъ статьяхъ, посвященныхъ личности царя 54—55 г. Книга «La Vérité sur l'empereur Nicolas»³⁾—написана, безспорно, русскимъ человѣкомъ,—за котораго и выдаетъ себя анонимъ. Онъ глубочайшимъ образомъ ненавидитъ Николая, считаетъ его лицемеромъ и утверждаетъ, что какъ во время декабрьскихъ событій 1825 г., такъ и въ эпоху бунта военныхъ поселеній государь проявилъ будто-бы малодушіе. Онъ подчеркиваетъ какъ выдающіяся черты его характера—деспотизмъ и лицемеріе. Авторъ отмѣчаетъ также жесто-

¹⁾ Полное заглавіе: «La Russie et la Turquie devant l'Europe. Aperçu historique sur ces deux états. Gouvernement, religion, moeurs et coutumes. Portraits de Nicolas I et d'Abdul-Medjid. Testament politique et authentique de Pierre le Grand. Causes de la guerre actuelle. Campagnes de 1853—1854. Paris (Morel éditeur), 1854.

²⁾ Force et faiblesse de la Russie au point de vue militaire, par L. Dussieux, professeur à l'école impériale militaire de Saint-Cyr. Paris 1854.

³⁾ Dangers pour l'Europe. Origine progrès et l'état actuel de la puissance russe. Question d'orient au point de vue politique, religieux et militaire, par C. H. Barault-Rouillon (Paris 1854).

³⁾ La vérité sur l'empereur Nicolas. Histoire intime de sa vie et de son regne, par un russe. Paris, 1864 (319 страницъ).

кость «онъ дошелъ до того, что единственный между всѣми современными государями, онъ часто усиливаетъ наказанія, къ которымъ приговариваютъ судебныя мѣста и военные суды».

Эта книга прямо и непосредственно повляла, между прочимъ, на «Исторію» Николая, написанную Огюстомъ Роланомъ и вышедшую въ свѣтъ уже въ 1855 году¹). Роланъ тоже настаиваетъ на тенденціи Николая не смягчать, а усиливать суровость судебныхъ приговоровъ, и приводитъ разсказъ о княгинѣ Сангушко, умолявшей Николая о смягченіи участи мужа, котораго отправляли въ ссылку въ Сибирь,— причѣмъ выслушавъ мольбу, Николай велѣлъ принести приговоръ и собственноручно присягнулъ: «*тышкома!*» Въ книгѣ упоминается о многихъ злѣвѣствѣхъ режима; говорится объ «умиротвореніи» Польши, о томъ, какъ было приказано забирать дѣтей у нуждающихся лицъ въ Польшѣ— и отдавать ихъ въ кантонисты, причѣмъ, чтобы установить списокъ жертвъ, полицейскіе комиссары предварительно пригласили всѣхъ нуждающихся дать о себѣ и своихъ семьяхъ свѣдѣнія, якобы для раздачи имъ вспомошествований²) и т. п. Любопытно, что авторъ, повторяя вмѣстѣ съ другими мнѣніе о чувствительности Николая къ отзывамъ иностранной печати, утверждаетъ, что его больше всего беспокоятъ именно газеты, а не книги,—*исключая книгу г. Кюстина*. Роланъ повторяетъ извѣстіе русскаго анонима (о которомъ мы только что говорили),— что Николай старательно собираетъ все появляющееся о немъ на иностранныхъ языкахъ: книги, брошюры, альбомы съ наклейками газетныхъ вырѣзокъ— все это хранилось въ его кабинетѣ и постоянно пополнялось. Русскій консулъ въ Санъ-Франциско получилъ орденъ Станислава только за то, что прислалъ Николаю номеръ газеты съ извѣстіемъ съ Сандвичевыхъ острововъ: въ газетѣ излагался разговоръ американскаго представителя съ мѣстнымъ королемъ Камегамохю, въ какомъ разговорѣ шла рѣчь о Николаѣ Павловичѣ.

Слѣдуетъ замѣтить, что французскія газеты 1854—55 г.г., падая на Николая, больше повторяли то, что было имъ извѣстно изъ 30—40-хъ г.г.,— вариировали лишь тѣ факты и впечатлѣнія,— какіе дала публикѣ охарактеризованная выше литература о Николаѣ. Впрочемъ, нападки эти, такъ сказать, имѣли преимущественно на сей разъ шовинистическое направление и происхождение: Николая трюмили за «ненасытное честолюбіе», за стремленіе «поглотить Турцію» и т. д.—О деспотизмѣ и произволѣ— газетамъ, ходившимъ въ свѣтъ при режимѣ Морни и Персины, — говорить уже было не столь ловко, какъ при Людовикѣ Филиппѣ или при второй республикѣ.

Во всякомъ, случаѣ, — ни одна война Наполеона III (ни, даже, война съ Австріей 1859 г.) не была принята такъ сочувственно

¹) Auguste Rolland, Histoire politique et anecdotique du czar Nicolas I, empereur des russes (Paris 1885).

²) Rolland. Histoire polit. et anec. du czar Nicolas I, стр. 61.

даже непримиримыми врагами французскаго императора, — какъ именно война противъ Николая. Сидѣвшій въ тюрьмѣ республиканецъ и революціонеръ Барбесъ — съ живѣйшимъ удовольствіемъ узналъ о войнѣ съ Россіей (и даже, одно его частное письмо съ выраженіемъ этихъ чувствъ,—перехваченное администраціей, было причиною того, что Наполеонъ III его помиловалъ). Консервативная часть общества вспоминала убитовъ, ссылку ксендзовъ въ Сибирь, заськаніе до смерти католическихъ монахинь; республиканцы и социалисты говорили о столпѣ всеобщей реакціи, о разгромѣ Польши, объ усмирении Венгріи—и всѣ радовались, съ изумленіемъ видя, что ихъ суевѣрный страхъ предъ «русскимъ колоссомъ» былъ напрасенъ...

О русскіихъ солдатахъ, тысячами безропотно гибнувшихъ въ Крыму — въ Парижѣ думали такъ же мало, какъ и въ самомъ Петербургѣ. Самодержавіе уже научило Европу ненавидѣть тотъ народъ, который больше всего отъ этого самодержавія страдалъ, изъ котораго оно такъ хищнически высасывало, жизненные силы. Немного было во время войны голосовъ, отмѣтившихъ, что не надо смѣшивать Россію съ тѣми, кто ею управляетъ¹). Чтобы указать на одинъ такой голосъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы расставаясь съ нашею темою, дать читателю понятіе о популярной ходячей оцѣнкѣ николаевскаго режима, какъ она сложилась окончательно въ этой роковой, заключительный моментъ его существованія,—мы скажемъ нѣсколько словъ о самомъ выдающемся изъ французскихъ юмористическихъ сборниковъ эпохи Крымской войны.

XI.

Вышедшая въ 1854 году каррикатурная исторія Россіи, иллюстрированная Гюставомъ Дорэ²) является, вообще, образчикомъ тѣхъ общихъ представлений о Россіи, какія были въ это время распространены въ средней публикѣ на Западѣ. Кнутъ, нагайки, цѣлая страница кроваво-красныхъ пятенъ, пытки, рабы лежащія связанными «пачками» на картонномъ столѣ, гдѣ игроки ихъ проигрываютъ и выигрываютъ—вотъ главное содержаніе иллюстрацій. Конечно, дипломатической злобѣ дня — и Николаю Павловичу, — отведено чрезвычайно много мѣста. Вотъ «большой балъ при русскомъ дворѣ», гдѣ изобразженъ Николай, а вокругъ него — спины придворныхъ, ибо они такъ низко кланяются, что головы совсѣмъ не видны. Подпись гласитъ, что изъ этого рисунка всякій можетъ убѣдиться въ справедливости «уже весьма распространеннаго мнѣнія», будто царь превосходитъ ростомъ всю свою націю. Вотъ—театръ:

¹) Хотя о непричастности русскаго народа къ объявленію войны, объ отсутствіи варада въ этомъ смыслѣ—говорилось.

²) Histoire dramatique, pittoresque et caricaturale de la Sainte Russie (Paris, 1854).

въ ложѣ, надъ которой прикрѣплены двѣ перекрещивающіяся нагайки съ черепомъ посрединѣ, стоитъ фигура; всѣ зрители стоятъ безъ шапокъ и у всѣхъ взоры устремлены къ этой ложѣ; капельмейстеръ изъ оркестра лицомъ обращенъ къ стоящей массѣ и дирижируетъ имъ палочкой, — а зади, на сценѣ, изображены «французскіе артисты, весьма удивленные тѣмъ, что имъ предпочтительно даютъ играть роль зрителей». Далѣе, съ прямой ссылкой на Кюстина, изображенъ лежащій въ постели путешественникъ, а изъ стѣны, изъ подъ стола, изъ подъ пола, изъ занавѣсокъ выглядываютъ шпионы. Въ нѣкоторыхъ карикатурахъ подчеркивается изобиліе шпионовъ женскаго пола въ тогдашней Россіи. Живость военныхъ донесеній также отмѣчена: на одномъ рисункѣ изображены горцы, сваливающіе на идущихъ внизу русскихъ солдатъ уничтожающія весь отрядъ глыбы, — а на другомъ — блестящая иллюминація въ Петербургѣ по поводу этой «побѣды», сообразно съ донесеніемъ генерала Остенъ-Сакена. Вообще, живость и рабодѣііе бюрократіи отмѣчены нѣсколько разъ. На стр. 161-й напр., изображенъ Николай, а предъ нимъ губернаторы помахиваютъ кадилницами, изъ коихъ исходитъ вѣііамъ, одинъ же изъ нихъ стоитъ на колянкахъ и лицомъ прижался къ николаевскимъ ботфортамъ. Особенно зловны карикатуры, осмѣивающія самоувѣренность, царившую въ высшихъ сферахъ Россіи предъ этой страшной Крымской войной. Книга издана въ 1854 году — но тамъ есть зловѣщее предсказаніе: лежитъ бумага съ надписью: «объявленіе Франціи — войны», а подъ бумагою подпись: «извѣщеніе о кончинѣ императора Николая I». Частая въ русскихъ официальныхъ устахъ угроза 1812-мъ годомъ, т.-е. возможностью его повторенія, — какъ извѣстно, такъ пріѣлась, что ничего кромѣ насмѣшекъ уже не вызывала (это обстоятельство, между прочимъ, отмѣчено было спустя нѣсколько лѣтъ и нашимъ Добролюбовымъ). На стр. 187 изъ игрушечнаго сундучка выскакиваетъ на пружинкѣ физиономія страшнаго вида, у которой на лбу изображена цифра: 1812. — на знамени въ рукѣ: 1812, и, даже, въ раскрытой пасти та же цифра: 1812. Предъ сундучкомъ хохочетъ французскій солдатъ, а подъ карикатурой подпись: «Le diable des petits enfans». Впрочемъ не надъ народомъ тутъ смѣялись; къ народу русскому злобы нѣтъ. Вотъ изображены погибающіе въ бою русскіе солдаты, которыхъ гонятъ прямо на французскіе штыки чьи-то руки съ нагайкою; одинъ французскій солдатъ говорить другому: «пошадимъ эти бѣдныя жертвы, которая противъ своей воли борятся съ нами».

Такъ, жалостью къ русскому народу и презрительнымъ смѣхомъ надъ внезапно обнаружившимся безсиліемъ его угнетателей и мучителей, кончается эта французская литература «сказаній иностранцевъ» о николаевскомъ режимѣ, которую мы пытались охарактеризовать въ настоящемъ очеркѣ. Страхъ и ненависть къ режиму — смѣнились отвращеніемъ и презрѣніемъ. Но, даже, для краднаго слова и въ разгарѣ войны — враги не всегда включали въ эти чувства весь русскій народъ: — они оставили его въ сторонѣ. Они къ

нему никакъ не отнеслись, ибо онъ въ ихъ глазахъ тогда былъ ничѣмъ. Впрочемъ, вѣдь всѣ министры Николая I и онъ самъ рѣшительно никогда ничего противъ такого мнѣнія иностранцевъ о русскомъ народѣ имѣть не могли и не имѣли: вѣдь они и сами въ сущности всецѣло этого мнѣнія придерживались.

Въ дни, когда русскій народъ освобождается отъ вѣііамъ тягѣтшаго надъ нимъ режима, находятя люди, которые выражаютъ глубокомысленныя опасенія насчетъ «паденія русскаго престижа», «расчлененія Россіи» и прочихъ ужасовъ, грозящихъ государству въ случаѣ его окончательной эмансипаціи отъ абсолютистскаго ига. Мы видѣли, каковъ былъ истинный характеръ того «престижа», которымъ пользовалась Россія, пока она находилась на положеніи вотчины; тѣ «свободы, генія и славы палачи», о которыхъ писалъ Лермонтовъ, — убивали однимъ фактомъ своего существованія и свободу, и генія, и славу страны. Они дѣлали Россію и жалкою, и въ концѣ-концовъ, слабою, — и не ихъ вина, если имъ не удалось превратить ее въ Турцію окончательно. На ихъ бѣду — русскій народъ оказался великимъ народомъ — и оставаться вотчиною не пожелалъ.

Евгеній Тарле.

Къ процессу И. М. Ковальскаго.

Нѣсколько сходовъ по поводу того, въ какой формѣ устроить демонстрацію во время суда надъ Ковальскимъ и его товарищами, не дали никакихъ результатовъ и не привели ни къ какому соглашенію, такъ что вопросъ остался открытымъ, и предоставлено было каждому дѣйствовать на свой рискъ и страхъ, если сами событія не укажутъ ясную для всѣхъ форму, но собраться у зданія суда рѣшили всѣ. И дѣйствительно съ самаго утра въ день суда (19-го іюля 1878 года) со всѣхъ сторонъ къ зданію, гдѣ долженъ былъ происходить судъ, стала стекаться публика. Къ самому зданію собственно насъ не допускали, и мы собрались на противоположной сторонѣ, около трактира Попудова. Когда насъ собралось всего еще только человѣкъ 30—40, явился приставъ „Каракатица“ и сталъ „убѣдительно“ просить насъ разойтись. Его осмѣяли, и онъ ушелъ ни съ чѣмъ. За нимъ явился съ тѣмъ же предложеньемъ полицмейстеръ, потомъ еще кто-то. Грозили разогнать насъ пожарнымъ насосомъ; затѣмъ, окруживши насъ предварительно казаками, заявили намъ, что если, послѣ троекратнаго приказанія разойтись, этого приказанія не исполнимъ, въ насъ будутъ стрѣлять. Но всѣ эти угрозы не подѣйствовали, и насъ въ концѣ концовъ все-таки оставили въ покоѣ, получивши только наше согласіе на то, чтобъ не стоять толпой, а гулять по тротуару небольшими группами и не пытаться переходить на ту сторону, гдѣ судъ. На это мы согласились, и полиція удалилась, а взамѣнъ ея вскорѣ появилось достаточное количество шпионовъ всякаго вида, болѣе или менѣе подходящаго къ виду студента тогдашняго времени: въ козюброткахъ, синихъ охачъ, широкополыхъ шляпахъ и т. д.; но большей частью сейчасъ же узнаваемые, они съ гикомъ и смѣхомъ выпроваживались изъ круга.

5 дней дежурили мы у суда. Кто имѣлъ обязательныя занятія, уходилъ и опять возвращался. Кто занятій не имѣлъ, тотъ и совсѣмъ не уходилъ до позднаго вечера, когда въ судѣ кончались засѣданія. Тутъ же въ трактирѣ закусывали, пили чай и сюда же приходили изъ суда во время перекуривать тѣ немногіе счастливицы, которые, подъ видомъ родственниковъ подсудимыхъ, были допущены въ судъ. Они дѣлали доклады обо всемъ, что тамъ происходитъ и опять уходили туда, а тутъ комментировали ихъ доклады, дѣлали предположенія, догадки на счетъ приговора и волновались.

Съ каждымъ днемъ публики все прибавлялось и прибавлялось. На пятый день къ вечеру народу уже собралось очень много. Говорили потомъ, что во время приговора около суда было тысячи три человѣкъ, но я думаю,

что это преувеличено, хотя къ этому времени собралась масса посторонней публики—то ли сочувствующихъ, то ли просто любопытствующихъ. Въ обѣдъ на пятый день докладчикъ нашъ сообщилъ намъ, что пренія сторонъ окончены, судъ удалился для совѣщанія и къ вечеру можно было ждать приговора. Волнующее ожиданіе охватило всѣхъ, и это состояніе съ каждой минутой становилось напряженнѣе. Будутъ или не будутъ смертныя приговоры? Этотъ вопросъ гвоздемъ сидѣлъ въ головѣ. Вся публика высыпала изъ трактира на улицу и выстроилась на тротуарѣ противъ суда. Сюда пригнана была масса казаковъ, которые выстроились на лошадыхъ лицомъ къ намъ сплошнымъ рядомъ съ пиками, направленными прямо въ насъ, чуть не касаясь насъ. Казалось, при малѣйшей попыткѣ сдѣлать хоть маленькое движеніе впередъ, неминуемо наткнешься на казачью пику. На противоположной сторонѣ разставлены были солдаты съ ружьями. Сколько времени мы тутъ простояли противъ морда казачьихъ лошадей и пикъ—не знаю; знаю только, что ожиданіе было самое томительное. На казаковъ и на ихъ пики никто, я думаю, и не смотрѣлъ. Всѣ глаза направлены были на окна суда. Вотъ зажглись огни, мелькаютъ какія-то фигуры. Напряженная тишина. Слышно только стукъ копытъ казачьихъ лошадей, которыхъ казаки осаживаютъ отъ времени до времени немного назадъ, когда онѣ ужъ слишкомъ къ намъ приближаются. Вдругъ съ противоположнаго тротуара раздается пронзительный, нервно вздрагивающій женскій голосъ, въ которомъ слышится рыданія: „Ковальскому смертная казнь! Ковальскому смертная казнь!“ Это кричала Галина Черныаская, которая, выбѣжавъ первой изъ суда и не имѣя возможности за войскомъ и казаками перебраться на нашу сторону, избѣжала насъ оттуда о приговорѣ. Этотъ крикъ какъ волшебствомъ въ одинъ мигъ перебросилъ насъ на ту сторону. Какъ мы тамъ очутились, какъ не напоролось на устремленныя на насъ пики—я не могу понять и теперь. Знаю только, что я увидѣла себя среди огромной толпы около большого камня, на которомъ стояла Галина Черныаская и все тѣмъ же душо надрывающимъ голосомъ продолжала выкрикивать: „Ковальскому смертная казнь! Ковальскому смертная казнь!“ Въ отвѣтъ на это съ разныхъ сторонъ послышались крики: „Шемкинъ судѣ! Башибузуки! Палачи!“ и т. п. Тутъ солдаты вышли изъ своей пассивной роли и прикладами стали оттѣснять насъ въ боковую улицу. При этомъ одинъ изъ солдатъ, вошедши въ азартъ, ударилъ прикладомъ маленькаго мальчонка лѣтъ пяти, который стоялъ тутъ же не вдалекѣ около какой-то лавочки. Бывшій въ эту минуту вблизи отъ этого мѣста и видѣвшій эту возмутительную выходку Виттенбергъ 1) отвѣтилъ на нее выстрѣломъ изъ револьвера въ солдата, послѣ чего въ насъ сдѣлано было два зала, которыми убито было двое и ранено еще, кажется, двое. Стрѣляли еще нѣкоторые другіе съ нашей стороны, но раньше ли залповъ солдатъ, одновременно ли или послѣ—я ужъ не могу сказать. Остановиться подобрать убитыхъ и раненыхъ не было никакой возможности; сзади напирала толпа и подгоняли прикладами солдаты. Перешагнувъ черезъ упавшихъ, отодвигались дальше. Черезъ двѣ три улицы солдаты насъ оставили, и мы толпой отирались на Приморскій тротуаръ,

1) Похвѣвъ въ 1879 г. въ Николаевѣ.

гдѣ удивленная такимъ появленіемъ мирно гуляющая публика, окружившая насъ изъ любопытства, услышала такую рѣчь: „Господа! Вы вотъ тутъ гуляете, веселитесь, а недалеко отсюда, на Гулевой улицѣ люди приговариваютъ къ смертной казни, другихъ прямо на улицѣ убиваютъ. Неужели это васъ не возмущаетъ?“ и т. д. въ этомъ родѣ. Но стали появляться какія-то темныя личности съ очень ясными намѣреніями, и мы разсыпались кто куда. Въ эту же ночь начались массовые аресты, которые продолжались и въ послѣдующіе дни. Сначала арестовывали извѣстныхъ почему либо полиціи „подозрительныхъ“ лицъ, затѣмъ хватали прямо на улицѣ всякаго, на кого быше на Гулевой шпионы указывали, что онъ тамъ былъ во время демонстраціи. Для этого по городу раздѣбжали и расхаживали патрули, а съ ними шпионы, по указанію котораго они и хватали. Относительно Ковальскаго все-таки надѣялись, что его помилюютъ, какъ-то не вѣрилось еще, что къ политическому преступнику, не царубійцѣ, примѣнять смертную казнь, но 2-го августа мы узнали, что онъ казненъ.

Хр. Г. Гринбергъ-Конъ.

Первое мая въ Россіи.

Въ декабрѣ 1888 года, на конгрессѣ въ С.-Луи, Американская Федерация Труда постановила организовать 1-го мая 1890 г. повсемѣстную манифестацію рабочихъ съ цѣлью громко заявить о своихъ требованіяхъ въ области рабочаго законодательства.

Въ іюнѣ 1889 года въ Парижѣ состоялся первый международный социалистическій конгрессъ, который рѣшилъ устроить въ опредѣленный день международную демонстрацію рабочихъ, такъ чтобы во всѣхъ странахъ и во всѣхъ городахъ въ одинъ и тотъ же день рабочіе провозгласили свою солидарность, предъявивъ правительствамъ одно и то же требованіе законодательнаго сокращенія рабочаго дня до 8-ми часовъ. Въ виду рѣшенія Американской Федерации Труда этимъ условленнымъ днемъ было избрано первое мая.

„Рабочимъ различныхъ націй поручалось выполнить это рѣшеніе тѣмъ способомъ, который окажется возможнымъ при специальныхъ политическихъ условіяхъ ихъ страны“—гласила резолюція. На конгрессѣ присутствовали также и делегаты отъ двухъ русскихъ социалистическихъ организацій—соціалдемократической и народвольческой; но едва ли кто нибудь на конгрессѣ рассчитывалъ, что „спеціальныя политическія условія“ Россіи оставяютъ какіе бы то ни было способы для осуществленія этого постановленія международного конгресса. Однако, мы, граждане Россіи, не только съ честью выполнили нашу обязанность, но, какъ мнѣ думается, въ специально тяжелыхъ условіяхъ нашей дѣятельности придали демонстраціи перваго мая своеобразный характеръ, быть можетъ, болѣе соответствующій идеямъ Парижскаго Конгресса, чѣмъ характеръ западноевропейскихъ майскихъ демонстрацій.

Что русская делегация сама не считала это постановленіе конгресса относящимся къ Россіи, видно изъ того, что въ

90-омъ году, на который была назначена первая международная демонстрація, русскія социалистическія группы не сдѣлали ничего для проведения въ жизнь этой идеи у насъ, въ Россіи. Въ подробномъ отчетѣ о Парижскомъ Конгрессѣ, помѣщенномъ въ 1-мъ номерѣ „Соціалдекрата“ и написанномъ въ явно агитационномъ тонѣ, постановленію о демонстраціи первого мая отведено всего шесть строкъ. Вотъ онѣ.

„Принято также рѣшеніе, предлагающее рабочимъ всѣхъ странъ организовать въ пользу 8-ми-часового рабочаго дня повсемѣстную манифестацію, именно 1-го мая 1890 года, такъ какъ этотъ день еще раньше назначенъ быть для такой же манифестаціи на конгрессѣ Американской Федерациі Труда“.

Вотъ и все. Между тѣмъ эта книжка вышла въ февралѣ 1890 года, т. е. всего за два мѣсяца до первомайской манифестаціи.

Международная манифестація первого мая 1890 г. была величественной и импонировала какъ врагамъ, такъ и друзьямъ рабочаго движенія. „Въ майской манифестаціи приняли участіе тѣмъ или другимъ способомъ работники всѣхъ цивилизованныхъ странъ до маленькой земледѣльческой Норвегіи включительно“, читаемъ мы во второй книжкѣ „Соціалдекрата“, въ статьѣ Г. Плеханова „Даже въ Варшавѣ варварскій гнетъ нашего правительства не помѣшалъ рабочимъ русской части Польши заявить свою солидарность съ рабочимъ классомъ Запада“.

Объ этомъ важномъ событіи редакция „Соціалдекрата“ получила свѣдѣнія, которыя и приведены въ вышеуказанной статьѣ, въ примѣчаніи на стр. 55.

„Уже за нѣсколько недѣль до первого мая по фабрикамъ и мастерскимъ рабочіе начали поговаривать о необходимости присоединенія къ международному празднеству. По мѣрѣ приближенія первого мая возрастало оживленіе въ средѣ рабочихъ, они съ интересомъ слѣдили за всѣми газетными извѣстіями объ агитаціи въ пользу восьмичасового дня на западѣ. Революціонное общество „Пролетаріатъ“ печатало и распространяло въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ прокламацію, въ которой приглашало рабочихъ достойно отпраздновать день первого мая. По фабрикамъ начались свѣдѣнія, толки, разговоры. Рабочіе сочувственно говорили о „четвергѣ“. Наступило первое мая. Въ желѣзнодорожныхъ механическихъ мастерскихъ не работали 5-ое и 7-ое отдѣленія. Фабрики Handke (200—300 чел.), Kerphan (300), Orthwein (200), Gostinsky (число неизвѣстно) и другія стояли. На фабрикахъ Norblein, Prager, Putzer, Lilpp и др. не работала часть работниковъ. Кромѣ того не работало много ремесленниковъ. Энергичнѣе всего показали себя рабочіе изъ Механизлусъ Warsztatów; видя, что ихъ остальные товарищи продолжаютъ работать, они собрались передъ зданіемъ фабрики

и потребовали, чтобы тѣ немедленно бросили работу; въ окна фабрики полетѣли даже камни; явилась полиція, были произведены аресты. Что касается интеллигенціи, то она горячо помогала рабочимъ, доказательствомъ чему служатъ аресты изъ ея среды. Общее число арестовъ простирается до 20, въ томъ числѣ десять рабочихъ. Противъ своего обыкновенія полиція вела себя довольно сдержанно; патрулей не было никакихъ; за то шпіоны явились въ изобиліи“.

Эти обстоятельства, естественно, заставили русскихъ социалистовъ сознать свою ошибку, признавъ, что если наши польскіе товарищи смогли откликнуться на призывъ Парижскаго Конгресса, то „тѣмъ или инымъ способомъ“ могли бы это сдѣлать и русскіе рабочіе, и социалдемократы-интеллигенты напрасно не помощи имъ въ этомъ.

Какъ я уже сказалъ, редакция „Соціалдекрата“ сдѣлала также эту ошибку, удѣливъ вопросу о манифестаціи всего пять холодныхъ строкъ. Послѣ первого мая 1890 года она помѣстила, въ августѣ, большую статью Плеханова (18 стр.) о манифестаціи первого мая, гдѣ собраны интересныя свѣдѣнія о томъ, какъ готовились къ этому дню, и какъ провели его обѣ борющіяся стороны, буржуазія и пролетаріатъ. Сознаніе своей ошибки Плехановъ выразилъ въ формѣ рѣзкихъ упрековъ русской интеллигенціи: „странное въ самомъ дѣлѣ явленіе, во всемъ мѣрѣ нѣтъ „интеллигенціи“, которая бы столько кричала о своихъ социалистическихъ наклонностяхъ, и въ то же время едва ли нѣбудь есть интеллигенція до такой степени „безработная“ на счетъ рабочаго движенія, какъ именно наша русская „интеллигенція“! Зная русскихъ рабочихъ, мы не сомнѣваемся въ томъ, что между ними было много людей съ сочувствіемъ слѣдившихъ за агитаціей въ пользу восьмичасового рабочаго дня. Майскій праздникъ, конечно, нашелъ бы себѣ сочувственный откликъ въ сердцахъ многихъ русскихъ пролетаріевъ. Но что сдѣлала „интеллигенція“ для того, чтобы облегчить имъ выраженіе солидарности съ ихъ западноевропейскими братьями?.. Россія по обыкновенію оказалась самой отсталой страной въ революціонномъ отношеніи. Передъ нашими глазами совершалось движеніе, подобнаго которому не знаетъ исторія, но мы были слишкомъ „интеллигентны“, чтобы принять въ немъ какое нибудь участіе“... „Мы обязаны позаботиться о томъ, чтобы въ будущей майской манифестаціи такъ или иначе приняли участіе и русскіе рабочіе. Какимъ именно образомъ можемъ мы взяться за исполненіе своей обязанности, объ этомъ, разумеется, неудобно разсуждать печатно. Но что при доброй волѣ она легко исполнима, это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію“.

Это было написано по методу, который впоследствии тов. Ленин охарактеризовалъ такъ: „мы предпочитаемъ защищаться, нападая!“ Въ самомъ дѣлѣ, эти упреки къ русской интеллиген-

ции прежде всего относятся къ самому Г. Плеханову, который как интеллигентъ, как социалдемократъ и как членъ русской делегации на Парижскомъ Конгрессѣ, больше чѣмъ кто нибудь могъ и долженъ былъ „облегчить русскимъ рабочимъ“ эту ихъ трудную задачу. Но онъ тогда ничего для этого не сдѣлалъ. Но уже въ слѣдующемъ году, организация, издававшая „Соціал-демократъ“, рѣшила выпустить брошюру о международной демонстраціи и это выполнилъ Плехановъ.

Книжечка состоитъ изъ 32 страницъ малаго формата ¹⁾. Указавъ на то, что „во всѣхъ образованныхъ странахъ Европы и Америки вотъ уже второй годъ происходятъ 1-го мая большія демонстраціи рабочихъ“, авторъ отмѣчаетъ, что „буржуазія очень боится этихъ демонстрацій“, во 1-хъ потому, что онѣ „не ровень часъ“ грозятъ превратиться въ революцію рабочаго класса, во 2-хъ потому, что сокращеніе рабочаго дня до 8-ми часовъ, котораго требуютъ рабочіе на этихъ демонстраціяхъ, очень выгодно для рабочихъ, очень не выгодно для буржуазіи“. „Посмотримъ въ чемъ тутъ дѣло, говоритъ авторъ, почему выгодно для рабочихъ короткій рабочій день?“ Затѣмъ авторъ посвящаетъ половину книжки (16 стр.) выясненію этого вопроса. Далѣе сообщаются краткія свѣдѣнія о продолжительности рабочаго дня на Западѣ и о майской демонстраціи, какъ средствъ борьбы за сокращеніе рабочаго времени (стр. 21—25). Еще далѣе отмѣчаются преимущества политическаго свободнаго прѣпятствія, которыя, несмотря на превозглашенные принципы свободы, западно-европейская буржуазія ставитъ рабочему классу.

Только на 28 страницѣ авторъ говоритъ: „но довольно о другихъ странахъ. Поговоримъ о Россіи. Какъ поступаютъ русскимъ рабочимъ въ виду всемірнаго рабочаго праздника 19-го апрѣля. Собственно говоря, мы не хотѣли рѣшать этотъ вопросъ. Мы хотѣли только рассказать русскимъ рабочимъ о томъ, чего добиваются ихъ заграничные товарищи. Скажемъ одно: очень полезно было бы русскимъ рабочимъ принимать участіе во всемірномъ рабочемъ праздникѣ“. „Правда, жестоко наказывалъ бы ихъ за такое участіе. Но вѣдь вонъ въ губерніяхъ бывшаго Царства Польскаго тѣ же порядки и тѣ же полиціи, что и въ Россіи, а сумѣли же польскіе рабочіе отразивъ 19-е апрѣля“. „Выходить на улицу, дѣлать демонстрацію пока не стоитъ: слишкомъ много потеряли бы мы людей, но не ходить на работу въ день 19-го апрѣля вполнѣ возможно. Наконецъ, всѣ понимающіе дѣло рабочіе должны хотѣть на тайныхъ собраніяхъ праздновать великій день“.

Такимъ образомъ, эта брошюра была не агитационной, а почти

¹⁾ Рабочая Библиотека. Выпускъ пятый. „Ежегодный всемірный праздникъ рабочихъ“ Г. Плеханова. Цѣна 5 коп. Женева. Типографія „Соціалдемократъ“.

исключительно пропагандистской; да иной, конечно, она и не могла быть тогда.

Въ этотъ самый годъ петербургскіе рабочіе осуществили то, о чемъ говорилъ Плехановъ въ указанной брошюрѣ.

Въ ближайшее воскресенье послѣ Перваго Мая они собрались вмѣстѣ на тайную вечерю. Именно религиозной торжественностью и глубокимъ идеализмомъ звучатъ всѣ четыре рѣчи, произнесенныя рабочими на этомъ собраніи. Это были рѣчи вполнѣ сознательныхъ социалдемократовъ и вполнѣ интеллигентныхъ рабочихъ ¹⁾.

„Сегодняшній день долженъ для насъ неизгладимо остаться у каждаго въ памяти. Только сегодня въ первый разъ намъ пришлось собраться со всѣхъ концовъ Петербурга на это скромное собраніе и въ первый разъ слышать отъ товарищей рабочихъ горячее слово, призывающее на борьбу съ нашими сильными политическими и экономическими врагами“. „Мы твердо должны надѣяться на нашу побѣду. Намъ стоитъ только вооружить себя сильнымъ оружіемъ,—а это оружіе есть знаніе историческихъ законовъ развитія человѣчества,— тогда мы всоду побѣдимъ врага. Никакія его притѣвленія и высылки на родину, заточеніе насъ въ тюрьмы и даже высылки въ Сибирь не отнимутъ у насъ этого оружія. Мы всоду найдемъ поле побѣды, всоду будемъ передавать свое знаніе: на родинѣ своимъ крестьянамъ, а въ тюрьмахъ будемъ объяснять арестантамъ, что они тоже люди и имѣютъ всѣ человѣческія права, чтобы они сознали эти права, передали свое знаніе другимъ и организовали ихъ въ группы. Въ этомъ залогъ нашего успѣха!“ (Первая рѣчь).

„На насъ, какъ на болѣе развитыхъ рабочихъ, лежитъ обязанность выяснитъ рабочимъ причины, по которымъ они находятся въ такомъ скверномъ положеніи, и указать выходъ изъ него. Къ чести нашей, я могу сказать, что мы дѣйствительно сознали свои обязанности и несмотря на всѣ прѣпятствія и угрозы нашего подлаго правительства, мы стараемся по мѣрѣ своихъ силъ и способностей развивать окружающихъ насъ рабочихъ“. (Рѣчь вторая).

Въ третьей рѣчи ораторъ изложилъ требованія, которыя теперь составляютъ программу минимумъ социалдемократической партіи. „Въ настоящее время—продолжать онъ—намъ остается только возможность, заняться развитіемъ и организаціей рабочихъ, возможность, которую, надѣюсь, мы и восполь-

¹⁾ Рабочая Библиотека. Выпускъ 6. „Первое Мая 1891 года. Четыре рѣчи рабочихъ, произнесенныя на тайномъ собраніи съ приложеніемъ адреса петербургскихъ рабочихъ Н. В. Шелгунову и предисловіемъ Г. Плеханова. Женева 1892 г. Типографія „Соціалдемократъ“.

зуюса, несмотря ни на какие препятствия и угрозы нашего правительства. А для того, чтобы наша деятельность была как можно плодотворнее, намь необходимо стараться умственно и нравственно развивать себя и других и больше энергично действовать для того, чтобы окружающие насъ люди смотрѣли на насъ, какъ на людей умныхъ, честныхъ и смѣлыхъ и потому съ большимъ доверіемъ относились бы къ намъ и ставили бы насъ въ примѣръ себѣ и другимъ*.

„Братья! говорите четвертый товарищъ; будемъ пользоваться этой работой занимающейся на горизонтѣ нашей русской жизни свѣтлой минутой нашего душевнаго наслажденія. Мы начинаемъ пробуждаться отъ вѣковаго нашего сна, и это уже есть часть внесенная русскими работниками въ общій прогрессъ. Въ 1848 году въ первый разъ раздалось: „Пролетарии всѣхъ странъ, соединитесь!“ Умь человѣческой, свѣтлая этой великой истины, раскинула свое сѣмя чуть не по всему земному шару, а со времени 60-хъ и 70-хъ годовъ и въ нашу забытую Русь, вначалѣ преимущественно въ ряды нашей учащейся молодежи, нашихъ самыхъ лучшихъ друзей, а черезъ нихъ проникаетъ и къ намъ. Будемъ же друзья бороться за истину, не отступимъ шага назадъ до самой своей смертной агоніи“.

Въ предисловіи къ этимъ рѣчамъ Плехановъ съ восторгомъ констатируетъ, что „рабочіе ясно высказали свою программу, они ясно показали, что какъ въ области политики, такъ и въ области экономіи они ни на волосъ не отклоняются отъ великихъ задачъ западнаго пролетаріата. Благодаря этому всякаго рода программные споры чрезвычайно упрощаются“.

Конечно, было увлеченіемъ сказать: „рабочіе высказали свою программу“. Эти рабочіе, какъ они и сами это отмѣтили, были учениками революціонеровъ-интеллигентовъ и очевидно принадлежали къ той самой школѣ, къ которой принадлежалъ и Плехановъ; но его увлеченье и радость болѣе чѣмъ понятны намъ; какимъ энтузіазмомъ полны его строки: „въ наиболѣе развитыхъ кружкахъ русскихъ рабочихъ сознание задачъ рабочаго класса теперь уже приняло настолько определенныя формы, что нашему брату, революціонеру— интеллигенту— остается лишь принять ихъ къ свѣдѣнію и руководству, навсегда прекративъ свои многотѣпныя исканія самой лучшей изъ всѣхъ возможныхъ программъ“.

Здѣсь даже въ Плехановѣ, этомъ „единственномъ европейцѣ между русскими социалистами“, какъ отозвался о немъ старый швейцарскій социалдемократъ Грейлихъ, сказанъ русский интеллигентъ, надъ которымъ онъ всегда такъ много смѣялся и самое имя котораго писаль не иначе какъ въ кавычкахъ.

Мнѣ неизвѣстно, какъ отразились петербургскіе рабочіе на сибудующій годъ первое мая; я нашела объ этомъ только краткое сообщеніе безъ приведенія фактовъ въ одной агитацион-

ной брошюркѣ „Искры“: „Въ 1892 году тайное празднество повторилось въ Петербургѣ“ 1).

Но за то въ этомъ году первое мая ознаменовалось не менѣе важнымъ событіемъ, чѣмъ собраніе Петербургскихъ рабочихъ въ предыдущемъ году. Я имѣю въ виду собраніе и рѣчи еврейскихъ рабочихъ въ Вильнѣ 2). Авторъ предисловія къ этимъ рѣчамъ совершенно справедливо отмѣчаетъ въ нихъ ясное классовое сознанье, самостоятельно продуманныя мысли и положеніе международнаго рабочаго социализма, глубокое сознанье солидарности интересовъ всѣхъ рабочихъ, страстное стремленіе къ знанію и самообразованію, страстную жажду борьбы, готовность на всѣ жертвы, на самопожертвованіе во имя своихъ увбжденій, гордое сознаніе историческаго призванія пролетаріата и непоколебимую увбренность въ побѣду 3). Эти черты гораздо болѣе важно отмѣтить, чѣмъ программную выдержанность рѣчей: вѣдь программные тезисы можно усвоить, какъ школьникъ усваиваетъ азбуку, но чувства, инстинкты складываютъ только въ тяжелой школѣ жизни, зависятъ отъ всего ея уклада. Пionеры социалистическаго рабочаго движенія въ Россіи, носившіе въ себѣ тѣ мощныя духовныя силы, которыя не зависятъ отъ знанія и часто бывають достояніемъ даже неграмотныхъ людей, однако же сознавали всѣ превосходства образованія и потому въ каждой рѣчи мы находимъ апофеозъ науки. Еврейскій рабочій даже еще въ большей степени является апологетомъ разума; но не всегда видятъ, что еврейскій рабочій также является глубоко идеалистичнымъ и подъ часъ даже сентиментальнымъ.

„Мы того мнѣнія, говоритъ одинъ ораторъ-рабочій на жаргонѣ, что только наука и собственная энергія могутъ вывести изъ мрака къ свѣту жизни. Свѣтъ науки 19-го вѣка указываетъ намъ дорогу. Наука управляетъ нашимъ кораблемъ какъ опытный, благоразумный и дальновидный капитанъ. Какъ любящая мать наука перенесетъ насъ въ цѣлости черезъ океанъ слезъ и горя въ страну жизни. Счастливы тоть, чье мужество не падаетъ, чье сердце не содрогается ни при громѣ пушекъ, ни при бѣснѣ вражескихъ мечей, ни тогда, когда буря грозитъ разорвать парусъ бѣднаго корабля!...“ Мнѣ жалко превратить цитату этой красивой и сильной рѣчи! Еще нѣсколько строкъ.

Такой человѣкъ выступаетъ всегда совершенно открыто и свободно говорить правду, не страшась ни тюрьмы, ни крѣпости, ни Сибири, ни рудниковъ, ни зарядныхъ ружей, ни даже самой смерти. Разъ мы одѣлись въ панцирь человечности и въ броню совѣсти, — они могутъ, сколько имъ угодно, гремѣть изъ пушекъ, осипать насъ градомъ пуль: мы будемъ

1) „Пролетарскій Праздникъ“ Изд. „Искры“, апрѣль 1903 г. 16 страницъ.

2) „Первое мая 1892 года. Четыре рѣчи еврейскихъ рабочихъ съ предисловіемъ“, Женева 1893 г. Тип. „Социалдемократической Библиотекы“ стр. XXV + 27.

стоять несокрушимой стѣной, о которую разобьются ядра, сломаются мечи и служители ада утомятся, наконецъ, тиранить настѣтъ...»

Съ тѣхъ поръ прошло пятнадцать лѣтъ и еврейскій пролетариатъ доказалъ, что эти слова не были только словами!

„Развѣ подлые буржуа въ состояннн своими тѣлесными глазами остановить ходъ небесныхъ свѣтилъ? Пѣтъ! А они мечтаютъ убить душу, смѣшные богатыри! Духъ хотягъ они заковать въ цѣпи! Одинъ лучъ свѣта расчлѣтъ самый густой мракъ!.. Такіе люди, какъ Желябовъ, останутся до конца первыми героями на страницахъ русской исторіи, — это записано не чернилами, а кровью ихъ сердца“.....

Революционеры 70-хъ и 80-хъ годовъ умирали на висѣлицахъ съ увѣренностью, что „изъ ихъ костей поднимется мститель суровый“. Они не ошибались.

На этомъ собраннн говорили также двѣ работницы, и въ рѣчи одной изъ нихъ были уже ясно выражены новые методы борьбы, едва тогда возникшіе: агитація на почвѣ экономической борьбы за освобожденіе рабочаго класса; до этого времени социал-демократы ограничивались кружковой пропагандой своихъ идей среди рабочихъ.

Указавъ на „печальное положеніе“ рабочаго класса въ Россіи и призывая къ борьбѣ, виленская работница продолжала: „Но, конечно, каждый человѣкъ долженъ измѣрить свои силы, онъ не долженъ братья за то, чего онъ не въ состоянн сдѣлать. Мы хорошо знаемъ, что все сразу передѣлать мы не можемъ; поэтому мы должны бороться пока съ нашими ближайшими врагами, съ которыми намъ приходится сталкиваться каждый день, съ нашими хозяевами. Мы должны стараться основать кассы и заботиться объ ихъ расширенн; мы должны устраивать стачки. Но, устроить стачку! Насъ пугаетъ самое это слово. Мы изъ за этого можемъ совсемъ лишиться мѣста! Да, друзья, я это вполне чувствую и понимаю. Я знаю, что значить для нашего брата—рабочаго лишиться мѣста. Но у насъ не должны опускаться руки при первой неудачѣ. Мы должны преслѣдовать нашу цѣль до конца жизни“.

* * *

Въ слѣдующемъ, 1893 году, въ празднованн Перваго Мая приняли участіе Латвншскіе рабочіе. Какъ сообщаетъ „Жизнь“: „Въ 1893 году 12 сознательныхъ рабочихъ, представителей рабочихъ кружковъ разныхъ фабрикъ, отпраздновали Первое Мая подъ открытымъ небомъ за Либавскимъ озеромъ“ 1).

О томъ, какъ прошелъ день Перваго Мая въ Петербургѣ въ 1893 году и 1894 и въ 1895 я, къ сожалѣнню, не могу найти въ литературѣ никакихъ указаннй. Я и самъ провелъ эти годы въ Петербургѣ, но у меня не сохранилось никакихъ воспомннаннй

1) „Первое Мая 1902 года“. Изданн Соц.-дем. Орг. „Жизнь“ стр. 19.

объ этомъ днѣ; правда, я былъ тогда еще молодымъ студентомъ, но и тов. Петербуржецъ, въ это время уже принимавшій непосредственное участіе въ агитаціи, ничего не упоминаетъ въ своей книжкѣ о маевкахъ этихъ лѣтъ; поэтому я склоненъ думать, что онъ не былъ отпразднованъ въ Петербургѣ.

Только еврейскіе и польскіе рабочіе неизмѣнно изъ году въ году ознаменовывали день Перваго Мая. По свѣдѣннямъ „Очерковъ по исторіи социалистическаго движенія въ Русской Польшѣ“ 1), въ 1890 году около 10.000 рабочихъ въ Варшавѣ бросили работу. Перваго Мая 1891 года „бросили работу около 8.000 человѣкъ и провинціи не остались праздными зрителями: въ Лодзи забастовала текстильная фабрика Познанскаго (3 т. чел.), въ Жирардовѣ бездѣйствовали громадныя текстильныя фабрики въ теченіе цѣлой недѣли. Тамъ около 9.000 рабочихъ приняло участіе въ стачкѣ, которая поразила властей своей выдержкой и спокойствіемъ. Рабочіе рѣшили не давать полиціи повода вмѣшиваться въ ихъ дѣла и только неистовство баши-бузукъ вывело ихъ изъ равновѣсія. Начались уличные схватки между стачечниками и полиціей, а затѣмъ были вызваны войска и подъ личнымъ предводительствомъ Варшавскаго губернатора Медема приступили къ избиенню беззащитныхъ. Было убито нѣсколько рабочихъ; это была первая бойня, учиненная правительствомъ надъ польскимъ пролетариатомъ“.

„Перваго Мая 1892 года Варшава отступила на второй планъ, а Лодзь стала средоточіемъ движенія; въ Лодзи остановились всѣ фабрики и заводы, а рабочее населеніе въ 100.000 человѣкъ двинулось строено по городу, требуя восьмичасоваго рабочаго дня, увеличенія платы и политической свободы. Заранѣ собраные въ городѣ войска и казаки начали небывалую рѣзню и безчеловѣчнн. Къ вечеру порядокъ былъ восстановленъ, а на улицахъ города осталось 36 труповъ демонстрантовъ“.

„Первое Мая 1893 года нельзя назвать удачнымъ. Бросили работу каменщики да рабочіе кожевеннаго производства. Крупныя заводы и фабрики работали, такъ какъ подъ давленіемъ полицн явились почти всѣ рабочіе; за то фабрики съ малымъ количествомъ рабочихъ почти всѣ приостановили работу. Работу бросило въ общемъ 7—8 тысячъ. Въ другихъ фабричныхъ центрахъ Царства Польскаго Первое Мая прошло почти незамѣтно“.

Точно также еврейскіе рабочіе ежегодно, начиная съ 1892 года, собирались Перваго Мая на тайныя собранн. Въ 1893 году въ Вильнѣ собранн были устроены по отдѣльнымъ профессиональнымъ союзамъ; на всѣхъ ихъ было до 400 человѣкъ.

* * *

1) Biblioteka pol. par. soc. Proletaryat № 8 1904. Львовъ.

О празднестве 1894 года не имеется никаких данных. Не знаю, чем объяснить этот странный перерыв движения. Все перепадет идейной борьбы, совершившейся в созвездных слоях пролетариата, отражалось на том, как был проведен этот день; тем более досаден поэтому недостаток сведений о нем.

Для еврейского рабочего движения в этом отношении особенное значение имело Первое Мая 1895 года, которое справедливо считается „поворотным пунктом в истории еврейского рабочего движения“. Собрания были организованы в Вильню, Минск, Варшаву и Сморгони. В Вильню было уже около 500 организованных в кассы рабочих, из них 250 были созданы на два собрания по 125 человек в каждой. На обоих было выставлено красное знамя и на нем были сданы на еврейском языке надписи требований пролетариата. Очень характерно для стадии экономизма, которую в это время переживало еврейское движение, что эти требования были непосредственными, практическими, чисто экономическими: „Мы боремся за десятичасовой рабочий день, за повышение платы, за лучшее обращение“. Произнесены были речи о революционной деятельности за истекший год и о значении Первого Мая. Затем, сверх намеченного порядка дня, тов. Мартов говорил о политическом положении России и о политических задачах пролетариата. Организаторы собрания не без опасений ринулись сдвигать этот шаг: они не были уверены, что собравшиеся, воспитанные на экономической борьбе, отнесутся сочувственно к политическим тенденциям. Но их опыт убедил их, что уже можно, а следовательно и необходимо расширить задачи агитации среди рабочих: политическая речь была встречена рабочими очень сочувственно.

На другой день было устроено собрание агитаторов, на котором присутствовало 40 человек и где была произнесена речь тем же товарищем, впоследствии изданная за границей, а в настоящее время и в России¹⁾.

Как справедливо отмечено в предисловии к заграничной брошюре, решающим обстоятельством, продуктившим содержание этой речи, является „выступление на арену борьбы рабочих масс, видоизменившее и самую постановку вопроса о политической свободе в России. Теперь главная задача российской социалдемократии заключается не в отвлеченной проповеди наших политических идеалов, а в практическом умении связать политическую агитацию с повседневной борьбой рабочих масс за улучшение своего экономического положения“.

¹⁾ „Поворотный пункт в истории еврейского рабочего движения“. Изд. Союза Рус. Соц. Дем. Женева 1900 года. Материалы для истории еврейского рабочего движения. Изд. „Трибуна“. СПб. 1906 г.

Для осуществления этой задачи приходилось руководствоваться в своей деятельности не только общими принципами научного социализма, но и конкретными соотношением общественных сил и насущными потребностями рабочего движения на данной ступени его развития и в данном районе; поэтому автор речи „должен решительно признать, что цель действующих в еврейской среде социалдемократов состоит в том, чтобы создать специальную еврейскую организацию, которая явилась бы руководительницей и воспитательницей еврейского пролетариата в борьбе за экономическое, гражданское и политическое освобождение“.

В этой речи впервые была определенно формулирована задача, которую, впоследствии блестяще осуществил Бунд, и потому маетка 1895 года является вехою еврейского рабочего движения.

В этом году и московские рабочие присоединились к празднованию Первого Мая. „В этот день впервые собрались они в числе двухсот человек. В речах, сказанных на этот сходок (многие речи говорились рабочими) выражалась надежда, что русские рабочие, выступившие позднее других на борьбу с капитализмом, воспользуются примером своих заграничных собратьев, преодолеть все препятствия на своем пути и скоро найдут надлежащее место во всемирной армии пролетариата. Здесь впервые для Москвы открыто была высказана мысль о необходимости организации и боевой рабочей кассы. Единственно было решено ежегодно устраивать собрания в день Первого Мая“²⁾.

* * *

До 1896 года только польские социалисты выпускали прокламации ко дню Первого Мая и только польские рабочие могли устроить открытые демонстрации на улицах: польское движение является старейшим в России. В 1896 году прокламации появились также и в Петербурге.

„Это были скромный листок, отмеченный на mimeографу в количестве 3,000 экземпляров. С вельчайшими трудностями, — пишет Волжанский, но нам удалось распространить его на всех фабриках и заводах Петербурга и мы торжествовали. А когда через месяц после этого вспыхнула знаменитая стачка 1896 г., рабочие говорили нам, что первым толчком к их объединению был наш маленький, скромный майский листок“³⁾.

Вот эти речи и прокламации наших маеток проино-

¹⁾ „Рабочее движение в Москве“ Работник № 8 — 4. Женева 1897. От Центрального Комитета Московского Рабочего Союза.

²⁾ З. Волжанский, „Болна“ № 6 (газета фракции большинства) 1 мая 1906 г.

сились и писались разными людьми и въ разныхъ мѣстахъ, на разныхъ языкахъ. Едва-ли когда-нибудь дважды подъ рядъ одни и тѣ же лица вмѣстѣ проводили этотъ день: въ тюрьмѣ и ссылкѣ пѣвцы праздника весны воспоминали, что было въ прошломъ году Перваго Мая. Тѣ, кто говорилъ и писали, въ массѣ случаевъ не знали, что говорилось раньше на этомъ праздникѣ и кто будетъ продолжать ихъ рѣчи. И однако неоспоримая преемственность связываетъ событія этого дня изъ году въ годъ.

Въ моей коллекціи социалдемократическихъ прокламацій лежатъ майскіе листки каждый въ отдельномъ конвертѣ, въ архивномъ гробу, раздѣленные десятками другихъ листовъ выпущенныхъ въ течение года отъ мая и до мая. И вотъ, когда и вынулъ ихъ, развернулъ и положилъ рядомъ, они ожили, свидѣтели прошлаго, и кажется, что всѣ они — сосѣдніе листы одной и той же книги и по нимъ можно читать страницу за страницей повѣсть нашей томительно тягостной и упорной борьбы.

Прокламація 1896 года въ Петербургѣ была первою майскою прокламаціей въ Россіи, за исключеніемъ Царства Польскаго. Она была создана на рубежѣ между періодомъ чистой проповѣди социализма и свободы и періодомъ агитаціи, призывовъ къ опредѣленнымъ дѣйствіямъ. Этотъ переходный характеръ отпечатался на ней ярче, чѣмъ самые штрихи ея буквъ, черные на бѣломъ.

Прокламація очень длинна и занимаетъ 3½ страницы писчей бумаги; и не только своими размѣрами, но и содержаніемъ она подходитъ на брошюрку — дань только что пережитому тогда періоду пропаганды.

„Товарищи, посмотрите внимательно на наше положеніе, говоритъ прокламація, оглянемся на ту обстановку, гдѣ мы проводимъ свою жизнь. Что мы увидимъ? Мы работаемъ много, мы создаемъ несмѣтные богатства, золото и ткани, парчу и бархаты, добываемъ изъ нѣдръ земли желѣзо и уголь, строимъ машины, сооружаемъ корабли и дворцы, проводимъ желѣзныя дороги. Все богатство міра создано нашими руками, добыто нашимъ потомъ и кровью. По справедливости мы должны бы были жить въ хорошихъ квартирахъ, носить хорошее платье и уже во всякомъ случаѣ не нуждаться въ хлѣбѣ насущномъ. Но наша заработная плата едва хватаетъ на то, чтобы существовать.“

Далѣе прокламація говоритъ о безысходной нуждѣ и безрадостной жизни рабочаго, о томъ какъ западноевропейскій пролетаріатъ ведетъ свою борьбу и, въ частности, какъ онъ демонстраціей Перваго Мая заявляетъ о своихъ правахъ и о своей волѣ.

Въ прокламаціи ничего не говорится о политической борьбѣ,

о политическихъ задачахъ рабочаго класса. Только пять послѣднихъ словъ показываютъ, что авторы прекрасно помнили объ этихъ задачахъ, но намѣренно, по тактическимъ соображеніямъ, не коснулись ея.

„Товарищи! если мы будемъ дѣйствовать дружно и единодушно — такъ кончается листокъ — то недалеко то время, когда и мы, сомкнувшись въ стройные ряды, будемъ въ состояніи открыто присоединиться къ этой общей борьбѣ всѣхъ рабочихъ всѣхъ странъ безъ различія вѣры и племени противъ капиталистовъ всего міра. И поднимется наша мускулистая рука, надуть позорныя дѣпи неволи; поднимется на Руси рабочей народъ и затрепещутъ сердики капиталистовъ и *встаъ прочіиъ враговъ рабочаго класса*“. (Курсивъ мой).

Въ Москвѣ изъ-за коронаціи несеною 1896 года была такая усиленная слѣжка, что майскій праздникъ отпраздновать не удалось.

Зато въ Нижнемъ Новгородѣ были выпущены двѣ майскихъ прокламаціи, а въ Саратовѣ рабочіе устроили сходку и говорили рѣчи подъ краснымъ знаменемъ.

Еврейскими товарищами въ этомъ году Первое Мая отпраздновано особенно дружно. Въ Варшавѣ передъ Первымъ Мая была распространена особо изданная брошюра, объясняющая значеніе рабочаго праздника: маленькая брошюрка по специальному поводу и здѣсь была предтечей прокламаціонной литературы. А въ Вѣлостокѣ появилось и воззваніе. Въ Минскѣ въ праздникъ участвовало 300 человекъ; въ Вильнѣ 540. На красныхъ знаменахъ было написано: „Мы боремся за свободу стачекъ, собраній, слова и печати“. Это было уже шагъ впередъ отъ прошлгоднихъ чисто экономическихъ лозунговъ, но измѣненіе политическаго строя и тутъ еще не было указано въ числѣ задачъ борьбы.

Въ Царствѣ Польскомъ частныя забастовки произошли въ Варшавѣ, Радомѣ, Кельцахъ, Люблинѣ, Пабіанцахъ, Лодзи, Ченстоховѣ и Домбровѣ.

Заграничная организація социалдемократовъ, „Группа Освобожденія Труда“ выпустила майскій листокъ. Съ тѣхъ поръ русскіе социалдемократы загранично ежегодно издавали къ этому дню спеціальныя брошюры. Листокъ 1896 года состоялъ изъ 12 страницъ in 4°, и имѣлъ на двухъ страницахъ символическую картину Дреера „Рабочій Праздникъ“ — торжественная процессія рабочихъ со знаменемъ и ангеломъ міра на колесницѣ. Это былъ майскій номеръ издававшегося тогда заграницей вепериодическаго сборника „Работникъ“.

* * *

Мы видимъ, такимъ образомъ, что обычай праздновать Первое Мая, хотя только въ крупнѣйшихъ центрахъ движенія

и хотя медленно, но входилъ въ обычай. Въ 1897 году появились впервые еврейскія майскія прокламаціи; онѣ были разбросаны въ Варшавѣ (1,500 шт.), въ Вѣлостокѣ (200); въ Вильнѣ ихъ расплепи на стѣнахъ города въ ночь съ 17 на 18 апрѣля. Собранія были въ Варшавѣ (200 чел.), Вѣлостокѣ (300), Минскѣ (300) и Ковнѣ. Вильня весь день 19 апрѣля была занята войсками. Патрули демонстрировали передъ населеніемъ значеніе этого дня. При такихъ условіяхъ вилenskимъ рабочимъ не было возможности устроить собраніе; но это имѣло неожиданные результаты: спротагандированные рабочіе, не зная что предпринять, стали стекаться со всѣхъ концовъ Вильны въ городской садъ и собрались въ такомъ количествѣ, что садъ принялъ праздничный видъ. Рѣчи не были произнесены, но молчливо каждый чувствовалъ себя соединеннымъ здѣсь съ товарищами по дѣлу; празднество это стало называться „молчаливой демонстраціей“ и оно явилось первымъ шагомъ къ вытѣпленію еврейскихъ рабочихъ на путь уличныхъ демонстрацій.

Польская социалистическая партія (P. P. S.) выпустила рядъ воззваній по обыкновенію и въ этомъ году, но, насколько можно судить по источникамъ, которыми я располагаю, этотъ день нигдѣмъ другимъ не ознаменовался въ польскомъ рабочемъ движеніи.

Въ Петербургѣ тоже былъ выпущенъ майскій листокъ. Мнѣ не удалось узнать, кѣмъ и при какихъ обстоятельствеахъ онъ былъ написанъ; чувствуется однако, что онъ составленъ не тѣми людьми, которые выпустили предыдущій.

„Это не такой праздникъ, товарищи — говорить листокъ по поводу предстоящей мавски — о которыхъ говорятъ намъ въ церквахъ пош; это не праздникъ смиренія, покорности и молитвы; это праздникъ борьбы съ эксплуататорами и притѣпленіями всѣхъ странъ и назаній; праздникъ борьбы, который рано или поздно станетъ праздникомъ побѣды“. „Ежегодно передъ Первымъ Мая проникаются трепетомъ наши враги, начиная съ мелкихъ фабрикантовъ и кончая могущественными Они сознаютъ, что ихъ господству скоро конецъ, они чувствуютъ, что ежегодныя празднованія Перваго Мая — словно смотры и манеры рабочихъ батальоновъ; это удары топора подрубающаго сукъ, на которомъ они сидятъ, это стукъ молотка, заколачивающаго крышку ихъ гроба“.

Мнѣ кажется совершенно ошибочно эта мысль.

Мнѣ, русскіе социалисты, не мало скитались за это время по Западной Европѣ; съ энтузіазмомъ присоединялись мы къ собраніямъ и демонстраціямъ нашихъ товарищей въ Германіи, Австріи, Италиі, Швейцаріи, Франціи, Бельгіи, Голландіи, Англии, Швеціи и Норвегіи. Да позволено мнѣ будетъ здѣсь сказать, что наши запросы остались неудовлетворенными. Сколькихъ изъ насъ охватывало тоскливое чувство въ Западной Европѣ, когда за кружкою пива на загородной прогулкѣ това-

рици равнодушно выслушивали рѣчь о какихъ нибудь злободневныхъ продѣлкахъ буржуазіи!.. „Это не такой праздникъ какъ всѣ другіе!..“ Да? А онъ становится совсѣмъ такимъ же!

Можетъ быть только что сказанное противорѣчитъ высказанному выше мнѣнію, что этотъ листокъ есть содѣяніе страница изъ той же книги съ петербургскимъ майскимъ листкомъ предыдущаго года? Нѣтъ не противорѣчитъ. Въ этихъ двухъ первыхъ майскихъ прокламаціяхъ уже сказались уже намѣтили тѣ два — еще не принципа, но — отѣпка, настроенія, которые мы съ тѣхъ поръ возникли въ нашей партіи, и затѣмъ развивались и крѣпли, слагались въ два различныхъ міровозрѣніи, которыя теперь, въ критическую минуту противостоять другъ другу внутри нашей партіи и окончательная борьба которыхъ предоститъ при свѣтѣ политической свободы.

Но несмотря на это различіе въ тенденціяхъ, прокламаціи 1897 года только продолжаютъ дѣло прокламаціи 1896 года. Она дѣлаетъ совершенно тотъ же переходъ, который сдѣлала рѣчи еврейскихъ социалдемократовъ съ 1895 до 1896 годовъ: отъ чистаго экономизма къ такъ называемому экономизму“. Идея борьбы противъ существующей политической системы самодержавія еще и здѣсь не высказана, но уже выражены пожеланія, неосуществимыя при этомъ режимѣ.

„Такъ будемъ же твердо и неуклонно продолжать разъ начатое дѣло. Будемъ объединяться, будемъ организоваться съ тѣмъ, чтобы запастись силами, потребовать себѣ тѣхъ *первыхъ политическихъ правъ*, безъ которыхъ невозможна никакая широкая борьба: *права устраивать стачки, собранія, союзы и права открыто и свободно говорить и писать о своихъ нуждахъ, т. е. свободы слова и печати*“.

Соотвѣтствие между Петербургомъ и Вильно такъ велико, точно вилenskіе товарищи (на годъ раньше!) только резюмировали петербургскія прокламаціи:

1895 годъ: „мы боремся за десятичасовую рабочій день, за повышение платы, за лучшее обращеніе!“

1896 годъ: „Мы боремся за свободу стачекъ, собраній, слова и печати!“

Это — надписи на майскихъ знаменахъ въ Вильнѣ; это же — резюме петербургскихъ прокламацій на годъ позднѣе; это же — какъ мы увидимъ, требованія всѣхъ другихъ прокламацій въ одномъ городѣ раньше, въ другомъ позднѣе, черезъ нѣсколько лѣтъ. Для антисемитовъ это доказываетъ, что тайное еврейское общество руководило всѣмъ революционнымъ движеніемъ въ Россіи. Для насъ же это признакъ того, что революционное движеніе среди пролетариата русскаго, польскаго, еврейскаго, латышскаго, литовскаго, армянскаго, грузинскаго и проч. и проч. развивалось съ закономерностью явленій природы и у отдѣльныхъ национальностей нашего государства является лишь проявленіемъ одного и того же интернаціональнаго рабочаго движенія,

совершающагося подъ обими для всѣхъ гражданъ Россіи политическими условиями...

Въ этомъ году впервые появились майскія прокламаціи въ Кіевѣ.—Онѣ, какъ ласточки весны, разлетались по всей Россіи, и мы теперь слѣдимъ за ихъ полетомъ. Кіевская майская прокламація была довольно длиннымъ листомъ, подписаннымъ Кіевскимъ Союзомъ Борьбы за Освобоженіе Рабочаго Класа.

Товарищи, завтра по заграничному календарю Первое Мая, говоритъ листокъ, завтра милліоны рабочихъ всего свѣта будутъ праздновать великій майскій праздникъ рабочихъ". „Завтра, вѣроятно, не одна тысяча русскихъ рабочихъ будетъ праздновать этотъ день". „Присоединимся же и мы, кіевскіе рабочіе, ко всемірному рабочему празднику Перваго Мая. Отпразднуемъ и мы, чѣмъ можемъ, этотъ великій день. Пусть каждый изъ насъ забудетъ свои частныя, мелкія дѣла и проникнется мыслью, что онъ членъ общей рабочей семьи, борецъ за общее, великое рабочее дѣло. Пусть скорѣе наступитъ то счастливое время, когда въ день Перваго Мая мы открыто и смѣло выйдемъ на улицу, развернемъ рабочее знамя и громко воскликнемъ: Да здравствуетъ Первое Мая—всемірный праздникъ рабочихъ! Да здравствуетъ борьба за свободу и счастье!"

Такимъ образомъ листокъ апеллируетъ „къ сердцу" рабочего, и его личности, индивидуальности и разъясняетъ ему его задачи. Таковъ былъ прошлогодній Петербургскій листокъ.

Кіевскіе рабочіе не оставили безъ отвѣта этотъ призывъ. Объ этомъ повѣствуетъ „Письмо ко всѣмъ кіевскимъ рабочимъ", выдущенное Кіевскимъ Союзомъ Борьбы и помѣченное 19-ымъ мая: „Кіевскіе рабочіе! Перваго Мая у насъ въ Кіевѣ произошло необыкновенное событіе. 530 желѣзнодорожныхъ рабочихъ бросили послѣ обѣда работу и отправившись по домамъ или за городъ, гдѣ они за дружеской бесѣдой и веселыми игрищами провели остающуюся часть дня". Далѣе указывается все значеніе этого факта открытаго присоединенія рабочихъ Кіева къ международному празднованію Перваго Мая. „Между нами есть не мало людей, говорится далѣе, понимающихъ значеніе майскаго праздника, но Первое Мая до сихъ поръ праздновалось лишь тѣмъ, кто рабочіе собирались вечеромъ послѣ работы по нѣскольку человѣкъ и бесѣдовали про свою тяжелую жизнь, про постоянныя обиды. Явно Первое Мая до сихъ поръ не праздновалось у насъ въ Кіевѣ. Кіевскіе рабочіе! мы всѣ должны быть благодарны желѣзнодорожнымъ товарищамъ за то, что они первые бросили работу въ нашъ праздникъ. Будемъ же готовиться сами и готовить нашихъ менѣе сознательныхъ товарищей къ слѣдующему майскому празднику".

Въ этомъ году группа „Освобожденіе Труда" выпустила заграничей, какъ и въ предыдущемъ году, Майскій листокъ въ 4 страницы in 4°. Въ первой статьѣ посвященной нашимъ майскимъ требованіямъ сказано: „Петербургскіе рабочіе! Посту-

пите съ этимъ закономъ (объ 11½ часовомъ рабочемъ днѣ) такъ, какъ вы уже поступали съ дѣльми рядомъ русскихъ законовъ: бросьте его въ лицо царскому правительству. Русскіе рабочіе! Поддержите нашихъ петербургскихъ товарищей въ этой борьбѣ! Потребуемъ: десятичасового рабочаго дня, свободы слова и собраній, свободы стачекъ, свободы союзовъ".

Написанное здѣсь курсивомъ въ оригиналѣ напечатано очень крупнымъ жирнымъ шрифтомъ, каждое требованіе на отдѣльной строчкѣ съ небольшими комментаріями. Этотъ листокъ былъ изданъ Плехановымъ, Аксельродомъ и Засуличъ, тѣми самими, которые черезъ четыре года, въ 1901 году, позволили Мартову въ редактируемой ими „Зарѣ" назвать „измѣной международному пролетариату" выставленіе въ день Перваго Мая требованія десятичасового, а не восьмичасового дня. О низверженіи самодержавія тоже здѣсь не говорилось. Такимъ образомъ издатели листка безусловно подчинились духу времени, который они въслѣдствіи всѣми правдами и неправдами дискредитировали.

* * *

Мы переходимъ къ 1898 году. Незадолго до маевки, въ мартѣ, произошелъ въ Минскѣ съѣздъ представителей Петербургскаго Союза Борьбы, Кіевской Группы, Рабочей Газеты, Екатеринбургскаго Союза Борьбы¹⁾ и Всеобщаго Еврейскаго Рабочаго Союза Польши и Россіи (Бунда), на которомъ было провозглашено существованіе Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи. Это было лишь формальнымъ признаніемъ факта существованія политическаго движенія новаго социалистическаго направленія въ Россіи. Въ этомъ все историческое значеніе нѣраваго съѣзда. Формы, созданныя имъ, были точнѣе же разрушены полиціей, и до 1902 года не было Центрального Комитета Партіи. Однако же партія, какъ политическое теченіе, росла и крѣпла и сыграла важную роль въ освободительной борьбѣ русскаго народа и всѣхъ народовъ Россіи.

Перваго Мая отъ имени Партіи было издано первое общее для всей Россіи социалдемократическое возваніе. Оно могло и должно было формулировать общія требованія пролетариата Россіи и оно это сдѣлало. По бокамъ его было напечатано: „Восьмичасовой рабочей день, Политическая свобода". Закачивалась прокламація требованіями: свободы стачекъ, слова, печати, собраній и союзовъ; свободы совѣсти и вѣроисповѣданій; равноправія всѣхъ національностей"... Это было повтореніемъ требованій прошлаго года, но къ этому было прибавлено впервые въ социалдемократическихъ прокламаціяхъ: „мы требуемъ созыва парламента, куда народъ будетъ посылать своихъ

¹⁾ Во многихъ документахъ преданныхъ гласности Е. С. Б. не было упомянуто въ кооперативныхъ соображеніяхъ.

выборных людей путем общего, тайного, прямого и равного для всех выбора“.

Навѣки останется историческимъ фактомъ, что социалдемократическая Партия среди безразсѣтнаго мрака реакціи 90-хъ годовъ первая понесла широкимъ кругамъ пролетариата лозунги, которые, къ счастью нашей родины, теперь стали достояніемъ всего народа! Эта партия поэтому съ полнымъ основаніемъ заявляла въ первомъ своемъ манифестѣ, что она „продолжаетъ дѣло и традиціи всего предшествовавшего революціоннаго движенія въ Россіи и, ставя главнѣйшее изъ ближайшихъ задачъ Партіи всецѣло завоеваніе политической свободы, социалдемократія идетъ къ цѣли ясно намѣченной еще славными дѣятелями старой Народной Воли“.

Таково общее значеніе этого важнаго для нашей партіи документа. Перехода затѣмъ къ изученію его внутренней структуры, нельзя не замѣтить въ немъ рѣзкихъ чертъ опредѣленнаго теченія въ нашей партіи; это именно: обособленіе политическихъ правъ въ самодовлѣющую группу интересовъ и отсутствіе указаній на специфическіе стимулы дѣятельности революціоннаго пролетариата. Такъ, думается мнѣ, слѣдуетъ охарактеризовать эти черты; но когда эта прокламація появилась, ее не упрекали въ этомъ, но находили, что она „неудачно составлена“ и не производитъ впечатлѣнія на рабочихъ.

Правда, прокламація начинается сообщеніемъ, что „сегодня рабочіе всего міра“ „выставляютъ требованіе восьмичасоваго рабочаго дня“, и „въ то время какъ заграничій рабочіе пріветствуютъ Первое Мая въ торжественномъ шествіи съ пѣнями и знаменами, свободно и громко заявляютъ о своихъ требованіяхъ, мы, русскіе рабочіе, вынуждены тайкомъ устраивать свои собранія, рискуя при этомъ своей свободой и безопасностью“. Но вся остальная часть прокламаціи говоритъ лишь о преимуществахъ западноевропейскаго политическаго строя надъ русскимъ и о необходимости политической борьбы. Прокламація поэтому носить чисто радикальный характеръ. Невольно спрашиваешь себя, чѣмъ отличается эта прокламація отъ прокламаціи, напримѣръ, Астырева? Единственно тѣмъ, что Астыревъ писалъ безконечно сильнѣе и прерасивѣе.

Эта прокламація была составлена отъ имени Центральнаго Комитета Партіи петербургскими товарищами, такъ называемою группою „Стариковъ“. Кроме того Петербургскій Союзъ Борьбы выпустилъ свою мѣстную майскую прокламацію. Не можетъ не представить высокаго интереса сравненіе этихъ двухъ документовъ, написанныхъ на одну и ту же тему, въ одно и то же время, въ одномъ и томъ же городѣ, членами одной и той же партіи, но принадлежащими къ двумъ идейнымъ теченіямъ, тогда еще не сознавшимъ своей принципиальной об-

особленности¹⁾. Даже планъ, по которому написаны обѣ прокламаціи, одинаковъ. Въ довереніе всего составители прокламаціи Союза Борьбы видимо руководились констукціей прокламаціи предыдущаго года, написанной въ стилѣ прокламаціи Центральнаго Комитета. И однако тонъ этихъ воззваній совершенно оригиналенъ.

„Не такъ давно праздникъ Перваго Мая былъ для насъ мало повятеиъ“, такъ начинается прокламація Союза Борьбы; „но теперь каждый изъ насъ уже знаетъ какой это праздникъ“. Подобно прошлогодней прокламаціи и здѣсь Первое Мая названо праздникомъ борьбы, но эта борьба охарактеризована какъ „медленная, тяжелая, но вѣрная“, по словамъ прокламаціи эта борьба направлена противъ хозяевъ и противъ правительства, которое названо „вѣрнымъ другомъ, помощникомъ и охранителемъ хозяевъ“. Уже по этимъ мелочамъ легко узнать шкоду. Мнѣ кажется, что если бы мнѣ дали такую прокламацію, не сказавъ кѣмъ, когда и гдѣ она написана, я безъ труда угадалъ бы это.

Далѣе говорится о демонстраціяхъ западноевропейскихъ рабочихъ въ день Перваго Мая, говорится то самое, что и въ прошломъ году, и что въ прокламаціи Центральнаго Комитета, но опять едва уловимые штрихи создаютъ совершенно другое впечатлѣніе: „въ этотъ великій день“ „рабочіе собираются дружными отрядами подъ краснымъ знаменемъ“, и „хозяева смотрятъ со страхомъ и удивленіемъ на эту растущую силу“. „Рабочіе оповѣщаютъ весь міръ объ успѣхахъ своей борьбы“ и „громко призываютъ въ свои ряды отсталыхъ“. „Мы быстрымъ шагомъ догоняемъ нашихъ заграничныхъ братьевъ, и они обращаются къ намъ съ пріветливой улыбкой и зовутъ за собою и радуются побѣдамъ новыхъ, давно жданныхъ товарищей“.

Далѣе больше половины прокламаціи отведено вопросамъ экономической борьбы рабочихъ въ Россіи и затѣмъ дѣлается выводъ, что „правительство своими преслѣдованіями только сильнѣе зарождастъ въ нашихъ сердцахъ жажду свободы, жажду низвергнуть съ себя постылое иго гнетущей нужды и безправія“. „Пусть великій день Перваго Мая будетъ для всехъ насъ сигналомъ, призывающимъ къ объединенію и борьбѣ“.

Выѣсто „требованій“ формулированы слѣдующія задачи: „будемъ добиваться сокращенія рабочаго дня и повышенія заработной платы, права стачекъ, права объединяться въ союзы; устранять кассы, собранія свободы слова и печати, свободы политической“.

Такимъ образомъ къ требованіямъ прошлаго года присоединилось одно новое: „свободы политической“; это очень неопредѣленное выраженіе, но въ текстѣ прокламаціи ея противопоставительный характеръ уже ясно виденъ. Однако несомнѣнно, что эта прокламація еще не рѣшалась ясно формулировать за-

¹⁾ Первый былъ перепечатанъ въ № 8, а второй въ № 9—10 „Листка Рабочинаго“. Изданіе Союза Рус. Соц.-дем. Женевы, июль и ноябрь 1898 года.

дачу низвержения самодержавия, как это делала прокламация Центрального Комитета.

Значение маевки в этой прокламации рассматривается не как акт борьбы, но как „сигнал“, символ. В этом чувствуется что-то родственное с речами петербургских рабочих на первой маевке и что-то чуждое другой прокламации, выпущенной одновременно. Так и чудится, что если бы авторы их стояли здесь рядом, как лежать рядом их воззвания, одни бы сказали: „бланкисты“, а другие „идеалисты“!..

Киевский Союз Борьбы выпустил общепартийную первомайскую прокламацию. Она была напечатана в типографии „Рабочей Газеты“ совершенно в таком виде, как и для Петербурга. Измѣнена только подпись.

В этом году и Харьков примкнул к нашему празднованию. За городом было устроено нѣсколько собраний, на которых присутствовало по нѣскольку десятков человек на каждом. Но майских листовок еще не было, хотя к этому времени прокламации уже появлялись в Харьковѣ. „Май 1898 года, если не ошибаемся, впервые праздновался харьковскими рабочими заслуживающим упоминания образом“¹⁾.

Отозвался и Ивано-Вознесенск; его Первое Мая прошло оживленно и обнаружило здоровый рост рабочих организаций.

В Костромѣ²⁾ было перепечатано майский листок Петербургского Союза Борьбы.

Впервое в этом году была выпущена майская прокламация в Екатеринославі.

В Полтавѣ ремесленники устроили собрание, на котором одним рабочим была произнесена речь, напечатанная в № 4 „Рабочей Мысли“.

В Одессѣ давно уже зрѣла мысль о маевкѣ; к ней готовились еще в 94 году, и только аресты 28 января разстроили планы. Теперь там появились прокламации и были разбросаны по городу.

Тифлисскіе рабочие праздновали Первое Мая за городом в усадьях.

Группа „Освобождение Труда“ выпустила брошюру в 32 страницы³⁾. В ней помѣщена прекрасная „сказка—правда“ „Сонъ под Первое Мая“, которая впоследствии много раз была переведена за границей и в Россіи⁴⁾. Впереді брошюры—небольшое предисловіе Плеханова. Полезно отметить два мысли, высказанные им при этом и имѣющія интерес съ точки зрѣнія исторіи развития нашей партіи.

Русскіе рабочие „должны праздновать день Первого Мая.

¹⁾ „Рабочее движение в Харьковѣ“. Изд. Союза Рус. Соц.-Дем. Женева 1900 г.

²⁾ „Рабочее движение в Костромѣ“. Изд. Союза Рус. Соц.-Дем. Женева 1902 г.

³⁾ „Работникъ“. „Майский Листокъ 1898 года“ Женева.

⁴⁾ Теперь всѣмъ известно, что брошюра эта написана Е. Д. Кусковой. Появилась съ именемъ автора „въ дни свободъ“ в Россіи (въ изд. „Дол. Рѣчи“), брошюра эта нѣтъ снова запрещена.

Разумѣется, говорить Плехановъ, у насъ нельзя устраивать демонстраціи: если бы теперь у насъ понимающіе дѣло рабочіе вышли на улицу со знаменами в день Первого Мая (19 апр.), ихъ перестрѣляли бы солдаты и перехватала бы полиція и отъ этого ослабла бы сила нашихъ работихъ“.

Но товарищи въ Россіи въ это время уже готовились къ устройству демонстрацій и „молодой“ заграничный „Союз Русскихъ Соціалдемократовъ“, состоявшій изъ лицъ сравнительно незадолго передъ тѣмъ прѣхавшихъ изъ Россіи, выразилъ это въ своихъ резолюціяхъ о демонстраціяхъ вообще и первомайскихъ въ частности вѣ томъ же 1898 году, осенью. Такимъ образомъ какъ разъ въ это время русское рабочее движение перешло въ своемъ развитіи грань, за которой стали уже возможны первые приемы политической борьбы, демонстраціи, до сего времени признававшіяся вѣ партіи невозможными.

Кромѣ того это опровергаетъ ложную мысль, много разъ высказанную въ печати, будто бы вѣ периодъ такъ называемаго экономизма ортодоксы выдвигали демонстраціи, какъ методъ политической борьбы, но не были поддержаны активными работниками этого періода. Дѣло обстоило какъ разъ наоборотъ.

Вторая мысль Плеханова, которую слѣдуетъ отмѣтить, выражена слѣдующими словами. „Чѣмъ скорѣе просунутъ наши рабочіе, тѣмъ скорѣе придетъ и у насъ то время, когда рабочіе будутъ имѣть законное право открыто собираться и громко говорить о своихъ нуждахъ. А когда у нихъ будетъ это право, тогда имъ уже много легче будетъ бороться со своими хозяевами и тогда уже скоро поймутъ они, какъ положить конецъ хозяйскому гнету и какъ завести такіе порядки, при которыхъ не будетъ ни бѣдныхъ, ни богатыхъ, ни капиталистовъ на наемныхъ работниковъ“.

Здѣсь говорится, что рабочіе для достиженія социализма должны завоевать себя предварительно нѣкоторыя права: право собраний, свободу слова. При этомъ не упоминается, что между этими правами находится право народа законодательствовать черезъ посредство своихъ депутатовъ. Это умолчаніе о низверженіи самодержавія, какъ ближайшей задачѣ рабочего движенія являлось типичнымъ для періода, къ которому относится эта брошюра. Противники этой тогдашней методы писатъ прокламации и листки называли ее „теоріей частичныхъ политическихъ правъ“ и рѣзо осуждали ее, высмѣивали на ихъ взглядъ ненужную осторожность; недосказанности они называли замалчиваніемъ и обманомъ рабочего класса. Въ числѣ этихъ рѣзкихъ критиковъ періода „такъ называемаго экономизма“ былъ и Плехановъ. Поэтому и интересно отмѣтить, что критика *post factum* такъ называемый экономизма, онъ самъ неоднократно служилъ ему.

Вѣ Царствѣ Польскомъ этотъ день прошелъ по обыкновенію еще болѣе оживленно, чѣмъ вѣ центральной Россіи. Польская

Соціалистическая Партія (Р. Р. С.) выпустила воззванія на польскомъ и еврейскомъ языкѣ. Варшавскіе рабочіе дружно откликнулись на этотъ призывъ и устроили внушительную, прекрасно организованную демонстрацію въ Узядовскихъ Аллеяхъ, гдѣ собралось около двухъ тысячъ рабочихъ; арестованные при этомъ были скоро выпущены. Такая же точно демонстрація была устроена въ Основничкахъ. Лодзь молчали. Тяжелыя жертвы 1893 года подавляли въ ней движеніе; но послѣдующія лодзинскія событія, въ особенности событія 1905 года, показали, что то было затишьемъ передъ бурей.

Бундъ издалъ на жаргонѣ 10,000 прокламацій и двѣ брошюры, „О Первомъ Мая“ и „Сонъ подъ Первое Мая“. Кроме того мѣстные комитеты издали свои прокламаціи, въ Минскѣ (800) и Вѣлостокѣ (500). Воззванія Центрального Комитета были распространены въ Варшавѣ, Вильнѣ, Минскѣ, Гроднѣ, Бѣлостокѣ, Лодзи, Витебскѣ и въ двѣнадцати мѣстечкахъ. Прокламація эта на русскомъ языкѣ нигдѣ напечатана не была. Она очень длинна (12 тысячъ буквъ) и носитъ характеръ маленькой брошюры. Въ ней подчеркивается общность дѣла еврейскихъ, русскихъ и польскихъ рабочихъ и выставляются тѣ самыя требованія, что и въ общепартиійной прокламаціи, т. е. не только права общественной и личной свободы, но и участіе народа въ законодательствѣ. Но здѣсь въ еврейскихъ прокламаціяхъ эти требованія были выдвинуты всѣмъ ходомъ развитія идей и потому являлись лишь ближайшимъ шагомъ впередъ, какъ это видно изъ приведенныхъ мною справокъ о лозунгахъ Перваго Мая 1892, 93, 95, 96 и 97 годовъ. Поэтому составители прокламаціи могли крѣпко связать эти требованія съ насущными, реальными интересами движенія. Прокламація подписана такъ: „Центральный Соціалдемократическій Комитетъ. Типографія Всеобщаго Еврейскаго Рабочаго Союза въ Польшѣ и Литвѣ“.

Кіевская Группа Соціалистовъ-Революціонеровъ также выпустила прокламацію къ Первому Мая; если не ошибаюсь, это была ихъ первая майская прокламація¹⁾. Въ ней не формулированы требованія, но разъяснено значеніе этого дня. Тамъ говорится между прочимъ: „Гдѣ шумными манифестациями, гдѣ многолюдными сходками, гдѣ многочисленными собраниями рабочіе всѣхъ странъ привѣтствуютъ близкихъ и отдаленныхъ товарищей и бросаютъ вызовъ общему врагу“. Въ слѣдующемъ номерѣ „Русскаго Рабочаго“ (февраль 1899 г.) корреспондентъ изъ Кіева, описывая предмайскую кампанію, добавляетъ: „день Перваго Мая прошелъ на *этомъ разѣ* благополучно для царизма и капитализма“. (Курсивъ мой). Мы увидимъ впоследствии, что этотъ взглядъ на Первое Мая, какъ на день, который „не роventъ часъ“—какъ говорить Плехановъ—не пройдетъ благо-

получно для царизма и капитализма“, всегда развивался соціалистами революціонерами. Къ сожалѣнію, впрочемъ, я долженъ отказать отъ подробнаго разсмотрѣнія первомайскихъ прокламацій соці. рев., такъ какъ не имѣю ихъ въ достаточномъ количествѣ.

Тамъ ширилось наше великое дѣло, постепенно охватывая всю Россію. Майскій праздникъ уже былъ важнымъ явленіемъ въ общественной жизни и правительство уже съ нимъ считалось, разумеется, по своему: арестами и репрессіями. Прежде въ революціонной средѣ ждали арестовъ къ Рождеству и Пасхѣ; теперь стали ждать къ Первому Мая. Къ этому дню въ 1898 году было произведено въ Россіи, по подсчету „Рабочаго Дѣла“, до тысячи арестовъ.

* * *

1899 годъ продолжалъ дѣло прошлыхъ лѣтъ и, когда, Перваго Мая, были подведены итоги, можно было отмѣтить не только прогрессъ движенія, но и ускорѣніе самаго темпа его; празднованіе Перваго Мая изъ кружкового и тайнаго начинало становиться массовымъ и открытымъ.

Съ этой точки зрѣнія, однако, все еще оставалось передо-вымъ рабочее движеніе окрестій Россіи: польское, еврейское, латышское; но русское движеніе, позже возникшее, развивалось въ томъ же направленіи, что и подтвердилось въ послѣдующіе годы грандиозными демонстраціями въ Харьковѣ, Тифлисѣ, Петербургѣ, затѣмъ въ другихъ городахъ, и, наконецъ, во всѣхъ промышленныя центрахъ Россіи.

Въ 1899 году Первое Мая совпало съ понедѣльникомъ на русской Пасхѣ. Польская Соціалистическая Партія назначила демонстрацію на воскресенье въ Узядовскихъ Аллеяхъ. Партія заранее выпустила прокламаціи и даже воззваніе къ дворникамъ, указывая ихъ нужду и призывая помогать рабочимъ въ ихъ борьбѣ за лучшую долю. Въ 5 часовъ вечера въ назначенное мѣсто стеклось нѣсколько тысячъ рабочихъ; полиція старалась остановить движеніе, но толпа дважды прорвала цѣпь полицейскихъ. Казаки, наконецъ, окружили демонстрантовъ, но цѣль ихъ уже была достигнута.

Двѣ тысячи домбровскихъ углекоповъ прошли по улицамъ Домброва съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсней; казаки явились и здѣсь, но дѣло обошлось безъ ихъ вмѣшательства. Шествіе длилось полтора часа.

Лѣтвские рабочіе—латыши праздновали Первое Мая и по русскому и по западноевропейскому календарю. Они связали свою забастовку съ нѣсколькими мѣстными требованіями повышения заработной платы и сокращенія рабочаго дня. Эта демонстрація является первымъ блестящимъ шагомъ въ переходѣ отъ интенсивной кружковой пропаганды къ экстенсивной массовой агитаціи²⁾, говорить одинъ хроникеръ латышскаго рабочаго

¹⁾ Эта прокламація перепечатана въ „Русскомъ Рабочемъ“ Изд. Союза Рус. Соц. Рев. Лодзин. Октябрь 1898 г.

движения ¹⁾. Это верно. По верно и то, что при этом, как выражается в одной своей рчи Вандервельде, „на терниах окружающих наш путь пришлось потерять ключи от нашего знамени“. Чтобы убедить всю массу рабочих примкнуть къ демонстраци въ честь великой идеи социализма, пришлось ставить еще и непосредственные требования. Мы отчасти уже видѣли и увидимъ снова, что эта тактика была присуща движению и въ другихъ городахъ Россіи, какъ переходная ступень. Этого едва ли можно было избѣгнуть. Но поскольку этотъ практический пріемъ отразился на теоретическихъ соображеніяхъ и ограничивалъ значеніе Перваго Мая актами непосредственной борьбы, онъ несомнѣнно имѣлъ также и отрицательное значеніе.

Забастовка Перваго Мая стараго стиля скоро приняла въ Либавѣ характеръ всеобщей стачки и 5-го мая выплилась въ грандиозную демонстрацію 20 тысячъ рабочихъ. Процессія обошла весь городъ. „Рабочіе были въ восторгѣ, говоритъ хроникеръ, и полны надеждъ. Весь городъ находился въ необычайно возбужденномъ состояніи; ничего подобаго либавцы не переживали раньше“... „Ни раньше, ни послѣ этого замѣчательнаго дня“ — сказано въ статьѣ, которую я цитирую; но теперь это уже устарѣло. Правительство не хотѣло понять глубокаго смысла тогдашнихъ событий, повторявшихся во всей странѣ и „послѣ этого замѣчательнаго дня“ Либавы, какъ и вся Россія, пережила дни еще болѣе замѣчательные. Еще ли мало и теперь?

Бундъ выпустилъ 3.300 экземпляровъ майскаго номера Arbeiterstimme и 12 тысячъ прокламацій, распространенныхъ въ Вильнѣ, Витебскѣ, Минскѣ, Бѣлостокѣ и Варшавѣ. Въ Вильнѣ была устроена въ Городскомъ саду демонстрація, въ которой участвовало до тысячи рабочихъ; было поднято красное знамя, пропѣта Марсельеза, раздавались крики „дойди самодержавіе“, „да здравствуетъ политическая свобода!“ Мы видимъ, такимъ образомъ, что лозунгъ „частичныхъ политическихъ правъ“ былъ оставленъ и замѣненъ требованіемъ уничтоженія самой системы политическаго строя, самодержавія. Майскій праздникъ и на этотъ разъ лишь оповѣстилъ о новой стадіи развитія, въ которую вступило еврейское рабочее движеніе.

А въ Петербургѣ требованія нарастали, казалось, съ досадной медлительностью. Конечно, эта медлительность была относительной: въ теченіе трехъ лѣтъ—1897, 98, 99—развивалась и крѣпла идея политическихъ правъ, которая формулировалась все сильнѣе и полнѣе изъ году въ годъ, какъ это видно по майскимъ прокламаціямъ. Въ этомъ году здѣсь все еще—дань практицизму—выставляется требованіе десятичасоваго дня, повторяется требованіе прошлаго года свободы стачекъ, собраній, союзовъ, отмены административныхъ выслоекъ. Но вѣето туманнаго прошлаго года требованія „и политической свободы“.

теперь мы находимъ слѣдующія строки: „Наши западноевропейскіе товарищи при помощи стачекъ и союзовъ, упорной борьбой за участіе въ изданіи законовъ добились десяти, девяти и даже восьмичасоваго рабочаго дня и хотя отчасти участвуютъ въ управленіи своей страной. Теперь на своемъ знамени Перваго Мая они всѣ выставляютъ какъ свое ближайшее насущное требованіе: восьмичасовой рабочей день и всеобщее избирательное право; и время, когда они добьются своего, уже не далеко. Мы, рабочіе Россіи, идемъ по тому же пути“ (курсивъ мой). Такимъ образомъ, косвенно формулированъ лозунгъ всеобщаго избирательнаго права. Мысль цѣплялась и ползла впередъ медленно, но за то не отрывалась отъ жизни массы. Нельзя упрекать вожаковъ того времени въ медлительности: они сами давно были республиканцами въ душѣ и социалистами. Имъ ничто не было болѣе легкимъ и ничто болѣе желательнымъ, какъ видѣть эти свои мечты выраженными въ прокламаціяхъ; но если бы только они поддались тогда искушенію этихъ мечтаній, тотчасъ перестали бы они быть вожаками, ихъ прокламаціи стали бы выраженіемъ лишь ихъ собственныхъ взглядовъ, взглядовъ маленюкой группы энтузиастовъ, и потеряли бы всякое значеніе.

Прокламація Петербургскаго Союза Борьбы была отпечатана въ Типографіи „Рабочей Мысли“ и была украшена рисункомъ.

Въ прокламаціи Московскаго Комитета Партіи были выставлены тѣ же самыя требованія и самый текстъ написанъ въ томъ же духѣ, какъ и въ Петербургѣ. Сказанное относится и къ листкамъ Кіевскимъ, Екатеринбургскимъ и Довскимъ. Слѣдовательно, несмотря на отсутствіе Центрального Комитета Партіи, прокламаціи были выпущены какъ и отдѣльно Комитетами Партіи, но по общему соглашенію.

Очевидно, что ссылка на политическія требованія западноевропейскихъ рабочихъ и признаніе общности съ ними нашихъ требованій попали въ Петербургскую прокламацію не какъ литературная фраза, а намѣренно, какъ осторожное заявленіе желаній русскихъ рабочихъ. Въ Московской прокламаціи эта самая мысль выражена такъ: „Всѣ (западные европейскіе рабочіе) единодушно требуютъ одного и того же: на красномъ знамени пролетаріата написано теперь его ближайшее требованіе, восьмичасовой рабочей день. Задача рабочихъ въ Россіи тѣ же, что и нашихъ западноевропейскихъ товарищей, но онѣ еще много сложнѣе и труднѣе. Намъ приходится еще добиваться того, что въ другихъ странахъ давно завоевано рабочими, какъ ихъ законное право. Тамъ, въ Европѣ, рабочіе успѣли уже добиться политическихъ правъ и хотя отчасти руководятъ судьбами своей страны, мы же живемъ еще какъ рабы“.

Московская прокламація заканчивается возгласомъ: „да здравствуетъ социалдемократическое рабочее движеніе въ Россіи“.

¹⁾ Первое Мая 1902 г. Изд. Соц.-дем. Орг. „Ліань“ стр. 22.

„да здравствует международная социалдемократия!“ Это тоже было большим шагом вперед для массовой прокламации.

Другую майскую прокламацию написать один московский рабочий, но она поздно была переслана за границу для напечатания и попала только во августовскую книжку „Рабочего Дѣла“ (№ 2—3). Тамъ выставлены требованія „восьмичасового рабочего дня и правъ политическихъ, то есть свободы союзовъ, сходокъ, слова и печати“. Это „то есть“ здѣсь очень характерно: разъясняя понятіе политическихъ правъ, авторъ не включаетъ въ ихъ число право управлять страной черезъ посредство депутатовъ. Эта ненаданная прокламация отмѣняетъ тотъ шагъ впередъ, который дѣлала прокламация, заданная комитетомъ. Однако комитетъ о ней отзывался вполне сочувственно (см. корреспонденцію изъ Москвы въ № 6 „Рабочего Дѣла“) и даже не отмѣчалъ ея недочета; это показываетъ, что обѣ прокламации раздѣляли только одинъ шагъ.

Въ Кіевѣ задолго до Перваго Мая обсуждался вопросъ, какъ его отпраздновать. Въ принципѣ было рѣшено готовиться къ манифестации. Но ее устроить не удалось. Была издана печатная майская прокламация въ 10-ти тысячахъ экземпляровъ, призывавшая къ забастовкѣ съ тѣми же требованіями что въ Петербургѣ и Москвѣ; она расклеивалась и разбрасывалась по улицамъ. „По примѣру прошлыхъ лѣтъ — сообщаетъ Кіевская газета „Впередъ“ — Первое Мая праздновалось небольшими кружками; только отъ Греттера человѣкъ 50 собралось въ Кадетской Рощѣ и расположившись въ желѣзнодорожнаго полотна бѣдствовали о значеніи этого дня“. „По городу ѣздили патрули; въ участкахъ дежурили двѣ роты; Перваго Мая патрули были поставлены у всѣхъ заводовъ“¹⁾. Два собранія были открыты полиціей, на нихъ арестовано 80 рабочихъ и красное знамя.

Красный заголовокъ прокламации заявлялъ о стремленіи рабочихъ къ восьмичасовому рабочему дню; но такъ какъ прокламация призывала къ немедленной забастовкѣ, то, какъ непосредственное требованіе, въ заключеніе прокламации было выставлено требованіе десятичасового дня. Это многое разъясняется въ полемикѣ, вызванной въ нашей партійной литературѣ прокламациями этого года и ихъ требованіями²⁾.

Въ слѣдующемъ послѣ мая номерѣ „Впередъ“³⁾ мы находимъ интересное мнѣніе Кіевскихъ товарищей о принципиальномъ значеніи Первомайскихъ демонстрацій.

„Извѣстно, говорятъ они, что Перваго Мая, въ день величайшаго нашего праздника, во многихъ мѣстахъ рабочіе не ограничиваются забастовкой и предьявленіемъ требованій, а еще

устраиваютъ шествія съ красными знаменами и дѣсьями; они устраиваютъ, такимъ образомъ, демонстрацію и цѣль ея вовсе не та, чтобы увеличить свои требованія или тутъ же получить какую нибудь уступку, а та, чтобы открыто показать, насколько они воодушевлены общей идеей, чтобы публично выразить свое несогласіе съ существующимъ порядкомъ“.

Эти строки, мнѣ кажется, хорошо выражаютъ взглядъ, который, какъ я старался отмѣчать, все время сквозитъ болѣе или менѣе ясно въ прокламацияхъ одного изъ теченій социалдемократіи. Этотъ взглядъ не получилъ теоретическаго обоснованія и былъ побужденъ въ практической дѣятельности другимъ теченіемъ. Но мнѣ кажется, что онъ былъ правильнъ, и что наша партія къ нему вернется.

Майскіе листки Кіевского Комитета были распространены въ этомъ году въ Таращахъ, Черкасахъ, Бобринской, Кременчугѣ, Полтавѣ, Черниговѣ, Жмеринкѣ и другихъ мѣстахъ. Въ Фастовѣ, Черкасахъ и Полтавѣ были устроены рабочими собранія, на которыхъ были произнесены рѣчи.

На электрической станціи читался открыто рабочими Майскій номеръ „Рабочего Дѣла“. Механикъ Данилевскій дасть знать объ этомъ полиціи. Полиція явилась, составила протоколъ и предложила Данилевскому казаковъ.

Я указывалъ, когда Кіевъ, когда Харьковъ примкнулъ къ общему дѣлу; а вотъ въ этомъ году Донецкой комитетъ выступилъ на поле нашей дѣятельности. Его прокламации появились во многихъ центрахъ промышленности Донецкаго бассейна и въ Ростовѣ. Какъ уже было сказано, онѣ выставили общія съ другими городами требованія. 27-го апрѣля эти прокламации были распространены въ Мариуполѣ. Корреспондентъ „Впередъ“, изъ Мариуполя говоритъ, что „хотя онѣ немного опоздали со своими требованіями сокращенія рабочего дня до 10 часовъ, такъ какъ такой рабочий день уже введенъ на одномъ изъ здѣшнихъ заводовъ, а на другомъ работаютъ 10½ часовъ, онѣ все таки не прошли совершенно безслѣдно. Въ ночь на Первое Мая весь Мартеновскій пехъ на старомъ заводѣ бросилъ работу требуя прибавки. Ихъ, хотя и съ трудомъ уприсили проработать ночь, чтобы хоть выпустить металлъ изъ пещей; за то на воротахъ вывѣсили объявленіе, что Мартеновскіе рабочіе имѣютъ право праздновать Первое Мая“.

Въ Кривомъ Рогѣ тоже были разбросаны прокламации. На Донецкомъ чугуноплавильномъ заводѣ онѣ вызвали сильное волненіе и администрація завода вызвала войска⁴⁾.

Въ Екатеринославѣ воззваніе было написано и напечатано въ 3 тысячахъ экземпляровъ самими рабочими; въ немъ были выставлены впервые для Екатеринослава „политическія“ требованія и говорилось о 8-ми часовомъ рабочемъ днѣ; читатель

¹⁾ „Южный Рабочій“ № 1, Екатеринославъ, январь 1900 года.

¹⁾ „Впередъ“. Газета Кіевскихъ Рабочихъ. № 6 май 1899 года.
²⁾ В. П. Иваншинъ въ статьѣ о Первомъ Мая 1899 года закончилъ эти прокламации см. „Раб. Дѣло“, № 2—3, августъ 1899 г. Мартовъ рѣдко ихъ осуждалъ. См. „Заря“ № 2—3.
³⁾ „Впередъ“ № 7 Сентябрь 1899 г.

помнить однако, что это были только „частичныя политическія требованія“. На собраніи присутствовало около 100 человекъ ремесленныхъ рабочихъ. Прокламации были разбросаны по всему городу и во всѣхъ предместьяхъ. Около всѣхъ заводовъ были собраны войска, полиція и казаки. На мосту черезъ Днѣпръ, отдѣляющемъ городъ отъ окрестныхъ заводскихъ поселковъ, находился многочисленный отрядъ полицейскихъ, непронскавшихъ рабочихъ въ городъ. Рабочіе Врянскаго завода, прійдя утромъ Перваго Мая на работу, объявили, что съ обѣда работать не будутъ; тотчасъ явился губернаторъ, полицеймейстеръ, жандармскій полковникъ, но ничего не могли подѣлать. Рабочіе желъннодорожнаго пеха свой заработокъ за этотъ день отдали въ пользу голодающихъ¹⁾.

Въ Тифлисѣ маевка была отпразднована снова въ ущельяхъ.

Въ Харьковѣ майскіе листки были распространены почти во всѣхъ промышленныхъ заведеніяхъ, по словамъ уже цитированнаго отчета. Аресты начались только послѣ маевки. Перваго Мая мѣстность прилегающая къ заводамъ была занята войсками; а за городомъ въ это время происходили собранія, на которыхъ присутствовало 150 человекъ; на нихъ пѣлись революціонныя пѣсни, произнесены были рѣчи и обсуждались тактическіе вопросы: о кассахъ, библиотекахъ, о кружковой пропагандѣ и массовой агитаціи. Была распространена Майская Картина „Рабочаго Дѣла“ и имѣла большой успѣхъ: рабочіи со знаменемъ пришли въ кузницу и зоветъ товарищей бросить работу. Символическая же картина Густава Доре „Марсельеза“, изданная на слѣдующій годъ также „Рабочимъ Дѣломъ“, по словамъ отчета не имѣла успѣха.

Въ Одессѣ было собраніе 60 организованныхъ рабочихъ, на которомъ были произнесены рѣчи. Въ Саратовѣ „Группа Соціал-демократовъ“ распространила гектографированныя майскія воззванія.

Заграницей были выпущены майскій номеръ „Рабочаго Дѣла“, 16 страницъ текста in 4^о и картина. Въ первой статьѣ выяснилось „общее значеніе Перваго Мая для пролетаріата всѣхъ странъ“. Далѣе, въ статьѣ Кричевскаго „май русскаго пролетаріата“, въ международнымъ требованіямъ восьмичасового дня и уничтоженія милитаризма присоединялись политическія требованія; притомъ впервые для заграничныхъ майскихъ листковъ выставлено требованіе демократической конституціи. Такимъ образомъ — провія судьбы — такъ называемые экономисты расширяли „частичныя политическія требованія“, формулированные Плехановымъ въ предыдущемъ и пред-предыдущемъ году въ майскихъ листкахъ, до дѣйствительныхъ политическихъ требованій. Далѣе шла статья Иваншина съ краткимъ очеркомъ

развитія рабочаго движенія въ Россіи; въ ней уже вполнѣ ясно формулировать взглядъ на это развитіе, въслѣдствіи ставшихъ отправнымъ пунктомъ въ дѣятельности и идейной борьбѣ Союза Русскихъ Соціалдемократовъ. Слѣдующая статья говорила о социализмѣ, какъ конечной цѣли рабочаго движенія. Статя оканчивалась такъ: „Майскій праздникъ есть не только борьба за восьмичасовую рабочій день, за общій миръ между народами и за политическую свободу. Майскій праздникъ есть также борьба за ускореніе побѣды социализма“.

Наконѣцъ шла статья Незнамова (Теллова) „Майскій праздникъ рабочихъ и борьба за избирательное право въ Австріи“ и маленькій разсказъ „Стакка“.

Такъ писали „Экономисты“. Читателю можетъ показаться противорѣчивымъ это сочетаніе явныхъ политическихъ и социалистическихъ лозунговъ съ кличкой „экономистовъ“. Здѣсь не мѣсто разъяснять это недоумѣніе и я могу только сказать, что кличка „экономисты“ была дана извѣстному теченію русской соціалдемократіи его противниками и совершенно не соответствовала содержанию взглядовъ этой школы.

Какъ видно изъ описанія событій этого года, празднованіе Перваго Мая распространилось уже очень широко къ этому времени. Правительство знало это и усилвало гоненія. Въ предыдущемъ году, впервые послѣ застоя 80-хъ годовъ и послѣ начала соціалдемократическаго движенія оно произвело всероссійскіе аресты, заперевъ въ тюрьму болѣе тысячи гражданъ. Въ 1899 году оно пошло далѣе. Передъ и тотчасъ послѣ Перваго Мая были арестованы въ Петербургѣ до 250 человекъ, произведено много арестовъ и обысковъ въ Москвѣ, въ Кіевѣ взято 176 человекъ и сдѣлано до 500 обысковъ, въ Гомелѣ 15 арестовано и 30 обыскано, въ Одессѣ взято 200 человекъ, 2 рабочихъ взято въ Уфѣ наканунѣ Перваго Мая¹⁾.

Но это уже казалось недостаточнымъ; движеніе становилось массовымъ и единичнымъ, хотя бы и многочисленными арестами, его уже нельзя было остановить. Правительство рѣшило приступить къ массовому освободительному движенію создать массовое реакціонное движеніе, организовать „черныя сотни“. Первый опытъ правительство сдѣлало въ Николаевѣ въ день Маевки, 19 апрѣля. Рабочее движеніе въ Николаевѣ дѣлало быстрые успѣхи. Къ концу 1897 года тамъ было уже 200 организованныхъ рабочихъ и всѣ рабочіе интересовались ихъ пропагандою. Въ ночь съ 21 на 22 января 1898 года были произведены первые въ Николаевѣ массовые аресты, но и они не остановили событій, и вотъ въ 1899 году въ Николаевѣ была разяграна преледія къ будущимъ событіямъ въ Кшпшевѣ, Гомелѣ, Одессѣ и Бѣлостокѣ.

¹⁾ „Рабочее движеніе въ Еватерипославѣ“. Изд. Союза Рус. Соц. Дем. Женева 1900 г.

1) Раб. Дѣло № 2—3, статья Иваншина.

Погромъ распространился изъ Николаева на Каховку и посадь Березнеговатый. „Попустительство мѣстныхъ властей и направленные православныхъ „благодѣтелей“ привели къ дикимъ разгромамъ жилищъ еврейской бѣдноты, насильямъ надъ еврейской массой. Полиція и войско въ первые дни совершенно не вмѣшивались и дали полную волю неистовамъ озвѣрѣвшей толпы. Охранялись только богачи да правительственные зданія. Буйства были прекращены военной силой лишь тогда, когда толпа принялась грабить дома богатыхъ и присутственныхъ мѣстъ“¹⁾.

Власти сочли тогда однако нужнымъ замаскировать свое участие въ погромѣ; нѣкоторые громилы были арестованы и приуждены къ наказаніямъ, правда, очень незначительнымъ. Но смыслъ этого событія уже тогда былъ совершенно вѣрно понятъ революціонерами, и обозрѣватель „Южнаго Рабочаго“ въ 1-омъ номерѣ уже правильно оцѣнилъ его.

„Въ то самое время, писалъ онъ, когда во всемъ мірѣ изъ конца въ конецъ его, не исключая и самодержавной Россіи, происходили праздники всѣхъ эксплуатируемыхъ безъ различія національностей; когда на всѣхъ языкахъ міра рабочіе заявили о своей солидарности и рѣшимости вести борьбу за освобожденіе отъ эксплуатаціи и деспотизма,—въ Николаевѣ произошли рабочіе беспорядки, имѣвшіе характеръ еврейскихъ погромовъ. Совпаденіе беспорядковъ съ днемъ 19-го апрѣля (Перваго Мая) невольно наталкиваетъ на мысль, не хотѣло ли правительство и его услужливые агенты помѣшать празднованію этого дня сознательными рабочими, устроивъ еврейскій погромъ? А если наша догадка имѣетъ основанія, то доскажемъ и другую нашу мысль, что еще быть можетъ неоднократно правительству будутъ удаваться подобные ходы“...

Дѣйствительность превзошла всѣ эти догадки.

Вл. Акимовъ-Махновецъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Процессъ 17-ти народовольцевъ въ 1883 году.

Читатели встрѣчали уже много разъ на страницахъ «Былого» громкія въ исторіи революціоннаго движенія въ Россіи имена Богдановича, Буцевича, Грачевскаго, Теллалова, Савелія Златопольскаго Анны Корба и другихъ дѣятелей, приговоренныхъ къ тяжкимъ карамъ въ 1883 году. Отчетъ о процессѣ этихъ лицъ опубликованъ не былъ; правительство ограничилось напечатаніемъ лишь самаго краткаго извлеченія изъ обвинительнаго акта да приговора суда. Въ нелегальной литературѣ было напечатано также весьма немного по этому поводу свѣдѣній: по недостатку, конечно, матеріаловъ, дѣло ограничилось напечатаніемъ лишь обвинительнаго акта (и то безъ 5-й главы) да рѣчей на судѣ нѣкоторыхъ изъ подсудимыхъ. Между тѣмъ, этотъ процессъ, на ряду съ процессомъ 20-ти, о которомъ въ «Быломъ» уже сообщены обширныя свѣдѣнія, представляетъ въ высокой степени важное событіе въ судьбахъ народовольческаго движенія. Мы имѣемъ нынѣ возможность дать читателямъ не только полный обвинительный актъ по процессу 17-ти народовольцевъ, но также и другіе матеріалы, къ нему относящіеся. Въ настоящей книгѣ «Былого» мы печатаемъ пока лишь полный обвинительный актъ и приговоръ по этому дѣлу. Въ слѣдующихъ мы дадимъ остальные, имѣющіеся у насъ матеріалы, относящіеся къ этому процессу и сверхъ того воспоминанія по этому же поводу участника процесса 17-ти—Александра Васильевича Прибылева.

Ред.

Обвинительный актъ,

къ которымъ предается суду Особого Присутствія Правительствующаго Сената для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ: 1) дворянинъ Юрій Николаевъ Богдановичъ, 32 лѣтъ; 2) Елизаветградскій мѣщанинъ Савелій Соломоновъ Златопольскій, 25 лѣтъ; 3) сынъ дьякона Михаилъ Федоровъ Грачевскій, 33 лѣтъ; 4) Севастопольскій мѣщанинъ Петръ Абрамовъ Теллаловъ 29 лѣтъ; 5) сынъ священника Яковъ Васильевъ Стефановичъ, 30 лѣтъ; 6) Лебединскій мѣщанинъ Иванъ Васильевъ Каложный, 24 лѣтъ; 7) дочь священника Надежда Семеновна Смирницкая, 30 лѣтъ; 8) крестьянинъ Мн-

¹⁾ Раб. Дѣло № 2—3, статья Сибиряка (Тешловъ).

ской губернии Антою Степановъ Борейша, 24 лѣтъ; 9) ветеринарный врачъ Александръ Васильевъ Прибылевъ, 24 лѣтъ; 10) жена ветеринарнаго врача Раиса Львова Прибылева, 25 лѣтъ; 11) дочь священника Марія Александрова Юшкова, 22 лѣтъ; 12) лишенный всѣхъ правъ состоянія Михаилъ Филимоновъ Клименко, 26 лѣтъ; 13) жена потомственного почетнаго гражданина Анна Павлова Корба, 28 лѣтъ; 14) дворника Антонина Игнатьева Лисовская, 24 лѣтъ; 15) отставной лейтенантъ флота Александръ Вицентьевъ Будевичъ, 32 лѣтъ; 16) дочь купца Хася Гершева (она же Христиня Григорьевна) Гринбергъ, 24 лѣтъ и 17) дочь священника Парасковья Семенова Ивановская, 30 лѣтъ.

I.

Приговорами, состоявшимися въ 1880 и 1881 г. г. какъ въ гражданскихъ такъ и въ военныхъ судебныхъ установленияхъ, признано существованіе тайнаго преступнаго общества, именующаго себя „русской социально-революціонной партіей“, стремящагося, путемъ насильственнаго переворота, къ испроверженію государственнаго порядка и общественнаго строя и совершающаго, для достиженія означенной цѣли, рядъ самыхъ тяжкихъ преступленій, завершившихся злодѣяніемъ 1-го марта 1881 г.

Значительное число членовъ вышеозначеннаго преступнаго общества, присвоившаго себѣ также наименованіе „партіи народной воли“ уже осуждено С.-Петербургскимъ Военнымъ Окружнымъ Судомъ въ октябрѣ 1880 года (дѣло о 16 лицахъ). Особымъ присутствіемъ Правительствующаго Сената въ мартѣ 1881 года (дѣло о злодѣяніи 1-го Марта) и въ февралѣ 1882 г. (дѣло о 20 лицахъ).

Не все однако члены революціоннаго общества могли быть осуждены приговорами означенныхъ судебныхъ установленій. Нѣкоторымъ членамъ общества удалось скрыться отъ преслѣдованія и они, оставаясь на свободѣ, продолжали свою преступную дѣятельность, на что указывали съ одной стороны, появлявшіяся отъ времени до времени подпольныя изданія, а съ другой — новыя проявленія преступной дѣятельности общества.

Всѣдствие сего розыски, направленные къ задержанію скрывавшихся революціонныхъ дѣятелей, а также къ обнаруженію ихъ новыхъ единомышленниковъ, продолжались непрерывно и привели, начиная съ конца 1881 года, къ задержанію, между прочимъ, 17 лицъ, розыскивавшихся по прежнимъ дѣламъ или вновь примкнувшихъ къ такъ называемой „партіи народной воли“.

Задержаніе означенныхъ 17 лицъ произошло при слѣдующихъ обстоятельствахъ:

16 Декабря 1881 г., подъ именемъ Рязанскаго мѣщанина Александра Семенова, былъ задержанъ Севастопольскій мѣщанинъ Петръ Абрамовъ Телаловъ, розыскивавшійся какъ лицо, участвовавшее въ покушеніи на царубійство подъ г. Александровскомъ. По обыску какъ при Телаловѣ, такъ и въ квартирѣ его, по средней Мѣщанской улицѣ д. № 20, было найдено огромное количество преступныхъ изданій. Спустя два дня послѣ ареста Телалова, при выясненіи отношеній поставленнаго, былъ задержанъ въ г. С.-Петербургѣ пропагандировавшій среди рабочихъ молодой человекъ, называвшійся крестьяниномъ Алексѣемъ Николаевымъ и оказавшійся во-

слѣдствіи крестьяниномъ Минской губернии Антономъ Степановымъ Борейшею, бывшимъ студентомъ Технологическаго Института, проживавшимъ подъ именемъ Игнатьева по Англійскому проспекту, въ домъ № 60.

6 февраля, въ г. Москвѣ, въ квартиру лица, задержаннаго по обвиненію въ государственномъ преступленіи, явился съ токомъ преступныхъ изданій незнавшійся человекъ, назвавшійся дворьяниномъ Михаиломъ Огрызко, у котораго были найдены бумаги, указывавшія на принадлежность задержаннаго лица къ „партіи народной воли“. Именованшійся Огрызко оказался сыномъ священника Яковомъ Стефановичемъ, бѣжавшимъ вмѣстѣ съ другими лицами изъ Кіевского тюремнаго замка, гдѣ онъ содержался по обвиненію въ организаціи преступнаго общества среди крестьянъ Чигиринскаго уѣзда.

Вслѣдъ за симъ въ Москвѣ былъ произведенъ рядъ арестовъ выдающихся членовъ общества. Первымъ арестованъ проживавшій въ домъ Вычкова, по Садовой улицѣ, подъ именемъ Проозоровскаго, дворьянинъ Юрій Богдановичъ, который подъ фамиліею Кобозева былъ хозяиномъ сырной лавки по малой Садовой улицѣ въ г. С.-Петербургѣ, изъ которой была заложена подъ пологомъ улицы мина, предназначавшаяся для совершенія злодѣянія 1-го марта 1881 года. Проживавшая вмѣстѣ съ Богдановичемъ подъ именемъ его жены, незнавшая женщина, успѣла скрыться.

Вскоръ затѣмъ 23-го марта 1882 года, по Проугоному переулку, въ домъ № 5, была открыта квартира, въ которой проживали въ качествѣ хозяевъ ея, по пастору на имя супруговъ Беневоленскихъ, бѣжавшіе изъ административной ссылки: мѣщанинъ города Лебедина Иванъ Васильевъ Калужскій и дочь священника Надежда Семенова Смирницкая. По обыску въ квартирѣ названныхъ лицъ, былъ найденъ складъ фальшивыхъ видовъ на жительство, печатей и т. п., а также разныя запрещенныя изданія.

Месяе чѣмъ черезъ мѣсяць спустя были арестованы на улицѣ, проживавшій по Армянскому переулку, въ домѣ Грачева, по подложному виду на имя Богольцова, Елисаветградскій мѣщанинъ Савелій Соломоновъ Златопольскій, розыскиваемый въ качествѣ лица, причастнаго къ покушенію на царубійство подъ г. Москвой въ 1879 году.

Послѣ вышеозначенныхъ арестовъ, произведенныхъ въ Москвѣ, розыски, предпринятыя въ г. С.-Петербургѣ, привели къ обнаруженію въ ночь на 5 іюня 1882 года, по 11 линіи Васильевскаго Острова, въ домъ № 24, такъ называемой „конспиративной“ квартиры, гдѣ изготовлялся динамитъ и метательные снаряды. Въ означенной квартирѣ проживали въ качествѣ хозяевъ ветеринарный врачъ Александръ Васильевъ Прибылевъ и его жена Раиса Львова и, въ качествѣ кухарки, дочь священника Марія Александровна Юшкова, подъ именемъ крестьянки Савинной. Одновременно съ обнаруженіемъ конспиративной квартиры, были арестованы и занимавшія ее лица, а также прихлотившія туда двѣ личности, проживавшія: одна въ Фонарномъ переулкѣ, въ домѣ № 9, подѣ фамиліею Галиновскаго, а другая въ Николаевской улицѣ, въ домѣ № 1, подѣ именемъ Бармагльева, причѣмъ Галиновскій оказался розыскиваемымъ по обвиненію въ участіи въ злодѣяніи 1-го марта съномъ дѣлкомъ Михаиломъ Грачевскимъ, а Бармагльевъ — бѣжавшимъ изъ ссылки, лишеннымъ всѣхъ правъ состоянія Михаиломъ Клименко. Одновременно съ задержаніемъ вышепоименованныхъ лицъ, были

арестованы и находившиеся с ними в постоянных сношениях: жена потомственного почетного гражданина Анна Павлова Корба, проживавшая в д. № 22, по Дворяному переулку, по подложному паспорту на имя Розановой, дочь купца Хаса Гершева, она же Христина Григорьевна Гринбергъ, жившая в доме № 24, по Кирочной улицѣ, подъ фамиліею Каммеръ, и лейтенантъ флота Александръ Викентьевъ Вуцевичъ. Гринбергъ оказалась той самой „Христиной“, на преступную деятельность которой были получены указания при изсѣдованіи приговоровъ къ царевнѣ въ дѣломъ 1880 года въ С.-Петербургѣ.

20-го іюня 1882 года, въ квартиру лица, арестованнаго по обвиненію въ государственномъ преступленіи, явилась женщина, назвавшаяся дворянкой Элеонорой Милошевичъ. Означенная женщина была задержана и оказалась дворянкой Антониной Ігнатьевны Лисовской, розыскиваемой по дѣлу о покушеніи на кражу, посредствомъ подкупа, изъ Кишиневскаго Губернскаго Казначейства.

Наконецъ во время производства розысковъ, направленныхъ къ раскрытію попытокъ такъ называемой „парти народной воли“ организовать революціонныя кружки въ Северо-Западномъ краѣ, 13-го сентября 1882 г. въ г. Витебскѣ, была открыта квартира, въ которой предполагалось устроить тайную типографію. Въ тотъ самый день, когда была обнаружена упомянутая квартира, въ нее явилась только что прибывшая по желѣзной дорогѣ розыскиваемая по прежде упавшимъ на нее обвиненіямъ, дочь священника Парасковья Ивановская, которая и была арестована подъ именемъ жены коллежскаго ассесора Надежды Руничъ.

Всѣ вышеприменованныя лица, за исключеніемъ Борейши, Прибыловой и Юшковой, категорически признали свою принадлежность къ преступному сообществу, именуемому себя „партией народной воли“ а Парасковья Ивановская признала себя сверхъ того и членомъ „исполнительнаго комитета“.

Изъ остальныхъ обвиняемыхъ — Борейша призналъ, что принималъ близкое участіе въ дѣлахъ „парти народной воли“, Прибылова, отвергая свою принадлежность къ революціонному сообществу, объяснила, что вполнѣ сочувствуетъ, однако, его деятельности, а Юшкова заявила, что поступленіе ея въ конспиративную квартиру, въ качествѣ кухарки не было строго обдумано и что до этого времени она никакихъ сношеній съ революціоннымъ сообществомъ не имѣла.

Собранными по отношенію ко всѣмъ вышеазваннымъ 17 обвиняемымъ данными установлено, что независимо отъ общаго для всѣхъ обвиненія въ принадлежності къ террористическому сообществу, на нѣкоторыхъ изъ привлеченныхъ къ настоящему дѣлу лицъ падаютъ еще обвиненія въ участіи въ отдѣльныхъ преступленіяхъ, совершенныхъ для достиженія цѣлей общества.

Означенныя отдѣльныя преступныя дѣянія относятся къ періоду времени съ 1877 года по 1882 годъ.

II.

Организация въ 1877 году преступнаго тайнаго сообщества въ средѣ крестьянъ Чигиринскаго уѣзда, Киевской губернии.

Со времени введенія положенія 1867 г. о поземельномъ устройствѣ государственныхъ крестьянъ въ 9-ти западныхъ губерніяхъ, между крестьянами Черкаскаго и Чигиринскаго Уѣздовъ, Киевской губерніи возникли волненія, выразившіяся въ стремленіи къ измѣненію условій, созданныхъ означенными положеніемъ въ смыслѣ равномернаго распределенія земли между мужскими населеніемъ означенныхъ уѣздовъ въ размѣрѣ отъ 5-ти до 15 десятинъ на душу.

Подобныя волненія, поддерживаемыя частію непониманіемъ самаго положенія, а главнымъ образомъ вѣдлыми слухами о сокрытіи чиновниками „Царскаго Указа“ о всеобщемъ предѣлѣ земли, — до 1877 г. не заходили, однако, далѣе единичныхъ случаевъ сопротивленія при дистрикционныхъ работахъ и разнаго рода хатайствъ со стороны крестьянъ.

Въ началѣ 1877 г. подобное положеніе дѣлъ въ упомянутыхъ уѣздахъ подъ влияніемъ лицъ, принадлежащихъ къ такъ называемой „русской социально-революціонной парти“, значительно измѣнилось, и, принявъ болѣе острый характеръ, выразилось въ организациі въ предѣлахъ Чигиринскаго уѣзда преступнаго сообщества подъ названіемъ „тайная дружина“, имѣвшаго цѣлью подготовить вооруженное возстаніе для захвата и раздѣла въ принадлежащихъ крестьянамъ земель. Возстаніе должно было сопровождаться нападеніемъ на помѣщиковъ, духовенство, представителей другихъ сословій и установленныхъ правительствомъ властей.

Въ „Высочайшей тайной грамотѣ“, приложенной къ уставу общества, вышеозначенныя цѣли сообщества объяснялись и оправдывались слѣдующимъ образомъ.

По словамъ грамоты, Государь Императоръ давно уже даровалъ крестьянамъ для пользованія всю землю, съ освобожденіемъ отъ платежа какихъ либо податей, по помѣщикамъ, духовенству и чиновникамъ, изъ корыстныхъ видовъ, скрыли Царскій Указъ по этому предмету. Далѣе изъ указа видно, что такъ какъ помѣщикамъ помогаетъ Наслѣдникъ Престола, то Государь безсиленъ прівести свою волю въ исполненіе, а потому вынужденъ издать настоящій тайный манифестъ, на основаніи котораго крестьяне должны собраться тайно отъ властей въ особое сообщество, изготовить оружіе, затѣмъ востать противъ помѣщиковъ и другихъ лицъ, отнять у нихъ землю сидовъ и раздѣлить такуюю поровну.

Устанавливая организацию сообщества, упомянутый „уставъ“ опредѣлялъ раздѣленіе „тайныхъ дружинъ“ на кружки, состоящіе изъ 25 чело-вѣкъ крестьянъ живущихъ въ одномъ околоткѣ, каковымъ кружкамъ присвоивалось названіе „Старосты“.

Для вступленія въ подобное старосте требовалось выполненіе приложенной къ уставу присяги, при двухъ поручителяхъ, которые обязывались убить того, за кого ругаются, въ случаѣ если онъ измѣнитъ дѣлу и выдастъ его тайну, такъ какъ, по выраженію манифеста, „нашнники не

должно падать и всякий кто умертвит предателя совершит доброе и богоугодное дело".

Вступивший таким образом в старство, признавался дружинником, обязанным заготовить ратные или пику для восстания. Старство управлялось выборными старостами, на обязанности которых лежало: надзор за дружинниками, вербовка новых членов и приведение таковых к присяге; кроме того старосты составляли „старостную раду“, выбиравшую из среды себя атамана, через посредство которого дружина носилась с так называвшимися „царскими комиссарами“. „Всею дружиною земли русской“, по выражению устава, должен был управлять совет комиссаров, как состоявший из лиц, набранных самим Государем Императором Александром Николаевичем“. Приказание комиссара как личная, так и переданная через атамана, должны были исполняться старостами и дружинниками беспрекословно; в случаях особых нарушений комиссару предоставлялось даже право пронаесения смертных приговоров.

Созданное распространением такового подложного от имени Государя Императора преступное сообщество возникло, как оказалось впоследствии, не по инициативе самих крестьян, а вследствие того, что некоторые из них, будучи высланы в 1875 г. за участие в прежних волнениях по Чигиринскому уезду в Киев, под надзор полиции, были вовлечены в сообщество предложениями и настояниями неизвестного молодого человека, называвшегося „государевым комиссаром Дмитрием Найдюм“. Последний, предвзяв крестьянам приобщенным к настоящему делу „царския бумаги“, успел склонить их принять присягу на служение делу сообщества. Затѣм, по подстрекательству того же Найдюма, упомянутые крестьяне в своем селении Шабельниках, а потом и в других местах стали собирать дружины, причем именовавший себя Найдюм неоднократно предпринимал поездки по деревням и селам Чигиринского уезда, организуя сообщество и поддерживая в крестьянах рѣшимость к вооруженному восстанию в недалеком будущем.

В скором времени сообщество настолько увеличилось число своих членов, что старосты выбрали из среды себя атамана и составили особые списки дружинников, которые и передали упомянутому „комиссару“, а также заготовили пики, установили пароль „Воздвиженец“ и быстро стали разносить пропаганду бунта по окрестным селам. Распространившись далеко за пределы Шабельницкой волости, сообщество охватило села и деревни 12 других волостей и к половине 1877 г. насчитывало уже около 1000 членов. Вследствие сего, признавая свою организационную деятельность оконченною, сообщество рѣшило начать свои дѣйствія съ 1-го Октября 1877 года.

Между тѣмъ ранее сего, начиная съ марта мѣсяца того же года, до подлежащих властей стали доходить свѣдѣнія, указывавшія на существование среди крестьян Чигиринского уезда преступного сообщества, которое вскорѣ и было обнаружено, причемъ 3-го сентября, в деревнѣ Тагалаевкѣ, былъ задержанъ самъ „комиссаръ Найдюм“, оказавшійся сыномъ священника Яковомъ Стефановичемъ.

При производствѣ изслѣдованія по этому делу было установлено, что ближайшими помощниками Стефановича въ дѣлѣ организаціи сообщества

были рядовой Лейба Дейчъ и дворянинъ Иванъ Бохановскій, состоявшіе также какъ и самъ Стефановичъ членами Киевскихъ революціонныхъ кружковъ.

Вышеизложенныя обстоятельства установлены вполне приобщенными къ дѣлу вещественными доказательствами, отобранными при обыскахъ во время производства по сему дѣлу свѣдѣнія, а именно: 1) подложнымъ манифестомъ, 2) уставомъ сообщества съ приложеною къ нему присягою и 3) спискомъ лицъ, входившихъ въ составъ старостъ и именъ и прозваній присяжныхъ и ихъ поручителей, а равнымъ образомъ и приговоромъ Правительствующаго Сената, разсматривавшимъ по существу дѣло объ означенномъ тайномъ сообществѣ въ отношеніи привлеченныхъ къ оному лицъ, за исключеніемъ лишь трехъ главныхъ организаторовъ „тайной дружины“— Стефановича, Дейча и Бохановскаго, которые въ май 1878 г. бѣжали изъ Киевскаго тюремнаго замка при содѣйствіи нынѣ осужденнаго государственнаго преступника Михаила Фроленко.

Дѣятельное участіе названныхъ лицъ въ организаціи преступнаго сообщества, отчасти уже признанное, какъ упомянуто выше, Правительствующимъ Сенатомъ вполне устанавливается по отношенію къ обвиняемому Стефановичу его собственнымъ сознаніемъ, даннымъ при свѣдѣннн, до совершенія побѣга, а также показаніями некоторыхъ осужденныхъ и допрошенныхъ по сему дѣлу лицъ.

Объясненія Стефановича и этихъ лицъ заключаются въ нижеслѣдующемъ.

Признавая фактъ составленія и распространенія подложнаго отъ имени Государя Императора манифеста и организаціи среди крестьянъ тайнаго сообщества, Стефановичъ показалъ, что узнавъ о волненіяхъ въ Чигиринскомъ уездѣ, онъ рѣшилъ принять въ нихъ участіе, мечтая, по его выраженію, возбудить восстаніе и въ другихъ частяхъ государства. Узнавъ, что некоторые изъ крестьянъ высланы уже въ Киевъ подъ надзоръ полиціи, онъ, Стефановичъ, розыскалъ одного изъ нихъ, а именно: Лазаря Тешнику и черезъ него познакомился съ другими его односельчанами. Придя, изъ бѣды съ крестьянами, къ заключенію, что они возбуждены противъ властей и даже не доверяютъ Наслѣднику Престола, считая своимъ защитникомъ лишь Самого Государя Императора, Стефановичъ рѣшилъ воспользоваться такимъ настроеніемъ крестьянъ и составилъ соотвѣтствующую, по его мнѣнію, сему настроенію „тайную грамоту“ и „уставъ тайной дружины“, которые, по отпечатаніи ихъ за границею, при посредствѣ Дейча, были привезены осенью 1876 года въ Киевъ. Въ Филипповъ постъ того же года, Стефановичъ вновь розыскалъ вышеупомянутыхъ крестьянъ и, предвзявъ послѣднимъ установленные имъ документы, объяснилъ, что быть у Государя и получить отъ него приказаніе передать крестьянамъ, что Царь одинъ для нихъ ничего сдѣлать не можетъ, потому что ему въ томъ препятствуютъ Наслѣдникъ и дворяне, вследствие чего, Государь повѣляетъ составить тайнаго дружины, заготовить оружіе и дѣйствовать открытою силою. Крестьяне, послѣ которыхъ убѣщаній, изъявили свое согласіе вступить въ сообщество, и затѣмъ Стефановичъ привелъ ихъ къ присягѣ по составленному имъ самимъ присяжному листу въ особѣ нанятоваго для этой цѣли дома, на Житомирской улицѣ, гдѣ вновь разъяснилъ уставъ и грамоту и затѣмъ прило-

жилъ крестьянамъ отправиться въ свои селенія и набирать членовъ дружины.

Первоначально на родину отправился только Лазарь Тененика, который, вернувшись въ Кіевъ, сообщилъ, что одесельчане его требуютъ личнаго прѣзда Стефановича для разъясненія смысла устава. Стефановичъ, однако, не поехалъ самъ на мѣсто, а снабдилъ Тененику печатнымъ уставомъ съ приказаніемъ передать таковой грамотному Ефиму Олейнику, съ которымъ онъ, Стефановичъ, познакомился за это время, съ тѣмъ, чтобы Олейникъ набиралъ членовъ дружины и приводилъ ихъ къ присягѣ. На Фоминую недѣль Тененика, по условію, вновь явился въ Кіевъ, откуда Стефановичъ съ Тененикою и съ другимъ своимъ товарищемъ отправились по желѣзной дорогѣ въ гор. Черкассы, а оттуда на лошадахъ въ деревню Раасошниця къ крестьянину Охвменко. Въ домъ посѣдлагаго Стефановичъ читалъ собравшимся крестьянамъ печатанную тайную грамоту и по требованію Ефима Олейника, вмѣстѣ со своимъ товарищемъ, принявъ присягу въ удостовѣреніе того, что они также члены дружины; здѣсь же Олейникъ былъ избранъ атаманомъ, такъ какъ въ это время было уже составлено до 20-ти староствъ. Затѣмъ, передъ отъѣздомъ своимъ изъ деревни Раасошниця, Стефановичъ толковалъ смыслъ устава, выразилъ требованіе о заготовленіи дѣлъ и передалъ Ефиму Олейнику и Ивану Писколову два экземпляра печатаннаго устава и нѣсколько формъ присяги. Съ конца мая и по августъ 1877 года, Стефановичъ имѣлъ нѣсколько свиданій съ крестьянами въ разныхъ мѣстностяхъ Черкаскаго и Чигиринскаго уѣздовъ, причемъ снабжалъ крестьянъ экземплярами устава и деньгами какъ для каасы дружины, такъ и для другихъ нуждъ, такъ напримѣръ для жены Лазаря Тененики, который въ то время былъ уже арестованъ. Последнее свиданіе было назначено на 29 сентября, но оно не могло состояться по случаю ареста Стефановича.

Въ заключеніе своего показанія Стефановичъ объяснилъ, что во все время сношенія его съ крестьянами онъ называлъ себя Государевымъ комиссаромъ Дмитріемъ Найдовъ.

Отставной унтеръ-офицеръ Ефимъ Олейникъ и крестьянинъ Лазарь Тененика дали подробныя объясненія о своей дѣятельности въ организациіи общества, при чемъ изложили такую согласно съ обстоятельствомъ, указанными Стефановичемъ.

Изъ означенныхъ показаній, между прочимъ, видно, что комиссаръ Найда, уговоривъ Лазаря Тененику и другихъ его односельчанъ вступить въ общество, заставилъ ихъ прежде всего принять присягу, стоя на колыняхъ передъ Крестомъ и Евангеліемъ, при чемъ предварительно самъ выполнялъ, по требованію крестьянъ, ту же клятву и затѣмъ уже прочелъ и разъяснилъ имъ тайную грамоту, напечатанную на большомъ листѣ съ золотыми краями и съ печатями Государя и комиссаровъ. Въ означенной грамотѣ, по удостовѣреніямъ Олейника и Тененики, говорилось о необходимости вооруженнаго восстанія. Изъ тѣхъ же показаній далѣе оказывается, что, по вступленіи въ общество Олейника, онъ первый преступилъ къ приводу крестьянъ къ присягѣ, которая затѣмъ стала выполняться днемъ и ночью по разнымъ домамъ, такъ что къ 1-му марта вступившихъ въ общество членовъ оказалось 250 человѣкъ. Вслѣдствіе этого въ ночь на 1-е марта дружинники собрались въ степи, около мѣстности „Раскопаня-

Могила“ и выбрали 10-ть старостъ. По передачѣ впоследствии списковъ дружинниковъ комиссару Найду, послѣдній уговаривалъ крестьянъ перемѣнно набрать къ Покрову дню (1-е октября) три общества по 500 человѣкъ каждое, что, по его словамъ, должно было составить округъ.

Крестьяне Иванъ Писковой, Антошъ Комаренко и Андрей Приходько признали полную справедливость обстоятельствъ, указанныхъ въ предыдущихъ показаніяхъ въ отношеніи дѣятельности крестьянъ и комиссаровъ по организациіи общества „тайная дружина“.

При задержаніи Стефановича въ 1877 году и доставленія его въ гор. Кіевъ, онъ былъ предьявленъ Олейнику, Писковому, Тененику и Комаренко, которые признали въ немъ того самого комиссара Дмитрія Найду, о которомъ они упоминали въ своихъ показаніяхъ.

Бывшій, какъ уже было сказано выше, до окончанія настоящаго дѣла, Яковъ Стефановичъ вновь былъ задержанъ въ Москвѣ 6 февраля 1882 г. подѣ фамиліей дворянина Огрызко. По предьявленіи ему удачащаго на него по Чигиринскому дѣлу обвиненія, Стефановичъ призналъ себя виновнымъ въ организациіи тайнаго общества среди крестьянъ Чигиринскаго уѣзда и подтвердилъ данныя имъ въ 1877 г. по означенному дѣлу показанія.

III.

Попушеніе на царубійство и приготовленія къ нему, предпринятія: 1) близъ гор. Алесандровска, Енаториславской губерніи, 18 ноября 1879 года; 2) близъ гор. Москвы, 19 ноября того же года и 3) въ гор. С.-Петербургѣ, лѣтомъ 1880 года.

Послѣ липецкаго сѣзда и во исполненіе принятыхъ на немъ рѣшеній, среди „народовольцевъ“ закипѣла работа. Государственный преступникъ Степанъ Ширяевъ принялся за изготовленіе динамита для нуждъ общества, государственный преступникъ Александръ Михайловъ заявилъ замыслимъ близъ Москвы, на линияхъ Николаевской или Московско-Курской желѣзныхъ дорогъ мѣста, удобнаго для производства взрыва Императорскаго поѣзда; другіе же видные дѣятели общества, въ концѣ сентября 1879 года съѣхались въ гор. Харьковѣ для ближайшаго обсужденія подробностей плана, который неминуемо-бы привелъ къ желанной цѣли — царубійству.

1.

Изъ показаній умершаго обвиняемаго Гольденберга, между прочимъ, видно, что въ 20-хъ числахъ сентября 1879 года въ Харьковѣ прибыли кромѣ него, Гольденберга, еще Николай Колодкевичъ, Андрей Желязовъ, называвшійся среди мѣстнаго кружка „Борасомъ“, Варяниковъ (Кожуниковъ) и Прѣзняковъ, которые привезли съ собой около 3-хъ пудовъ динамита, рабочіе: Окладкѣй и Тихановъ и Татьяна Лебедева. По прѣздѣ въ Харьковъ, Гольденбергъ познакомился съ бывшимъ студентомъ горнаго института, севастопольскимъ мѣщаниномъ Петромъ Абрамовымъ Талаловымъ, получившимъ затѣмъ въ Харьковѣ прозвище „старосты“, и вскорѣ

съ ним облизился. По просьбѣ Гольденберга, желавшаго ознакомиться съ настроеніемъ харьковскаго кружка, знакомыми его, Гольденбергъ, въ квартирѣ учителя Маныча была устроена сходка, на которой присутствовать и Телаловъ, при чемъ Гольденбергъ произнесъ рѣчь съ цѣлью познакомить сочувствовавшую революціонному движенію учащуюся молодежь съ программой вновь народившейся „партіи народной воли“. Въислѣдствіи была вновь устроена сходка на квартирѣ студента Осипова, на которой говорили Желябовъ и присутствовали почти все вышеупомянутые, прибывшіе въ Харьковъ революціонные дѣятели, въ томъ числѣ и Телаловъ. Кромѣ означенныхъ сходокъ, имѣвшихъ цѣлью ознакомленіе молодежи съ террористической программой, съѣхавшіе въ Харьковъ „народовольцы“ рѣшили приступить къ приготовленіямъ къ взрыву Императорскаго поезда еще въ двухъ мѣстахъ, кромѣ Москвы, а именно: подъ Александровскомъ, по линіи Лозово-Севастопольской желѣзной дороги, и подъ Одессой. Сдѣлавъ всѣ нужныя приготовления для приведенія своихъ замысловъ въ исполненіе, сообщники разѣхались въ избранные ими мѣста: Желябовъ, Якимовъ, прибывшая къ этому времени въ Харьковъ, Тихановъ и Окладскій—въ Александровскъ, Татьяна Лебедева, съ частью привезеннаго въ Харьковъ и хранящагося у Гольденберга динамита—въ Одессу, гдѣ уже находился Михаилъ Фроленко; Гольденбергъ—въ Москву для принятія участія въ начинаніи уже тамъ подполья, а Телаловъ, посвященный во всѣ замыслы и вступившій въ это время въ ряды народовольцевъ, остался въ Харьковѣ для организаціи мѣстныхъ революціонныхъ кружковъ и для содѣйствія, въ чемъ окажется нужнымъ, находившимся въ разныхъ пунктахъ соумышленникамъ.

Участіе Телалова въ преступныхъ замыслахъ вышеупомянутыхъ лицъ и содѣйствіе его успѣшному осуществленію задуманнаго царубіиства, кромѣ оговора его Гольденбергомъ и фактовъ посвященія имъ, совместно съ Гольденбергомъ и Желябовымъ, квартиры нѣкоторыхъ студентовъ, подтверждается еще слѣдующими обстоятельствами, удостовѣренными при дознаніи подлежащими свидѣтельскими показаніями:

1) Въ половинѣ октября 1879 г., Телаловъ вмѣстѣ съ Гольденбергомъ, привезли на квартиру студента Кузнецова завернутый въ рогуку предметъ, оказавшійся землянымъ буровомъ, съ просьбой спрятать таковой на нѣкоторое время; не имѣя возможности хранить буровъ у себя, Кузнецовъ передалъ его товарищу своему Сыцяню, у котораго онъ и находился до конца октября, когда Иванъ Окладскій потребовалъ его отъ Кузнецова и увезъ въ Александровскъ.

2) По окончаніи совѣщаній, уѣзжая изъ Харькова въ Москву, Гольденбергъ поручилъ Телалову, оставленный на своей квартирѣ слѣдующій съ динамитомъ, передать Желябову при проѣздѣ его черезъ Харьковъ, для чего привелъ Талалова въ свою квартиру и просилъ хозяйку, акушерку Сикорскую, передать чемоданъ Телалову по его требованію. При проѣздѣ Желябова въ Александровскъ, Телаловъ получилъ чемоданъ отъ Сикорской и передалъ его на вокзалѣ желѣзной дороги на назначенію.

3) Черезъ нѣсколько дней послѣ покушенія 19 ноября подъ Москвой, Телаловъ просилъ Сыцяню принять къ себѣ на храненіе нѣкоторыя вещи и въ тотъ же вечеръ привезъ къ нему на квартиру двѣ шартиры Румкорфа.

лучекъ изолированной проволоки, коробочку съ запалами, два заряженныхъ револьвера и три книжки, каковыя предметы были отобраны у Сыцяню по обыску 27 ноября 1879 года.

Независимо отъ сего, изъ показанія Гольденберга видно, что во время харьковскихъ сходокъ, прибывшій въ Харьковъ рядовой Лейба Дейчъ, возбудилъ вопросъ о томъ, что такъ какъ царубіиство должно совершиться очень скоро, то этимъ событіемъ желательно было воспользоваться не только террористамъ, для ихъ политическаго цѣли, но и для цѣлей всей „революціонной партіи“. Въислѣдствіе чего было предложено напечатать „манифесты“ для распространенія ихъ въ народъ послѣ царубіиства, а для успѣшнаго достиженія этой цѣли, имѣть своихъ людей по деревнямъ. Съ этимъ вопросомъ близко соприкасался Телаловъ, которому было извѣстно содержаніе и цѣль манифестовъ и который долженъ былъ подыскать людей, на мѣстахъ, годныхъ для распространенія революціонныхъ воззваній.

Все вышеизложенное удостовѣряется приговорами: С.-Петербургскаго Военно-Окружнаго Суда и Особого Присутствія Правительствующаго Сената по дѣламъ о 16 и 20 лицахъ, осужденныхъ за государственныхъ преступленій; показаніями умершаго обвиняемаго Григорія Гольденберга; государственныхъ преступниковъ: Степана Шаряева и Ивана Окладскаго; протоколомъ обыска у Сыцяню, и показаніями студентовъ Влалова, Кузнецова и Сыцяню, а также акушерки Сикорской.

Залерканный въ С.-Петербургѣ 16-го декабря 1881 г. подъ именемъ Семенова, Севастопольскій мѣщанинъ Петръ Абрамовъ Телаловъ, признавая свою принадлежность къ тайному обществу, именуемому себя „партіей народной воли“, подтвердилъ въ общихъ чертахъ всѣ вышеизложенныя обстоятельства, относящіяся до его преступной дѣятельности осенью 1879 г. Разбирая отдѣльныя событія, Телаловъ, въ показаніи своемъ, признавалъ свое участіе какъ на сходкахъ, на которыхъ Гольденбергъ и Желябовъ знакомили молодежь съ программой „партіи народной воли“, такъ въ совѣщаніяхъ, на которыхъ велся съ нимъ, Телаловымъ, переговоры объ удобнѣйшемъ храненіи разныхъ доставленныхъ въ Харьковъ орудій и приспособленій, предназначенныхъ для задуманныхъ еще тогда посягательствъ на царубіиство. Далѣе Телаловъ признавалъ, что согласившись содѣйствовать планамъ злоумышленниковъ, онъ передалъ Кузнецову на храненіе буровъ, увезенный въислѣдствіи въ Александровскъ, а затѣмъ въ концѣ октября, передалъ Желябову на вокзалѣ желѣзной дороги динамитъ, оставленный Гольденбергомъ на квартирѣ Сикорской, при чемъ тогда же узналъ определенно отъ Желябова, какия именно мѣста избраны для посягательства на царубіиство, по пути слѣдованія Государя Императора изъ Крыма въ С.-Петербургъ. Наконецъ, нѣсколько дней спустя послѣ московскаго покушенія, онъ, Телаловъ помѣстивъ на квартиру къ Сыцяню спираль Румкорфа, запалы, проволоки и оружіе.

Какъ уже было сказано выше, въ октябрѣ 1879 г., Гольденбергъ уѣхалъ изъ Харькова въ Москву для принятія участія въ работахъ по подполью волотна Московско-Курской желѣзной дороги. Въ началѣ ноября участниками этого злодѣянія были получены свѣдѣнія, что Государь Императоръ,

въ виду дурной погоды, прослѣдуетъ съ южнаго берега Крыма сухими путемъ. Въ виду возникшихъ опасеній, что наличаго динамита будетъ недостаточно для успѣшнаго взрыва Императорскаго поезда подь Москвой, а также въ виду того, что по случаю измѣненія пути сѣздованія Государя Императора дальнѣйшія приготовления къ царевѣйству подь Одессой становились излишними, Гольденбергъ былъ отправленъ 9 ноября въ Одессу, съ цѣлью перевезти имѣвшія тамъ динамитъ въ Москву. Въ Одессѣ Гольденбергъ остановился у Колодкевича, проживавшаго подь именемъ Сидоренко, отъ котораго и получалъ динамитъ. Во время пребыванія своего въ Одессѣ Гольденбергъ видѣлся въ квартирѣ Колодкевича съ известнымъ ему еще ранѣе за члена исполнительнаго комитета Савеліемъ Соломоновымъ Златопольскимъ, съ которымъ, равно какъ и съ Колодкевичемъ, говорилъ о московскомъ подпопнѣ, и, между прочимъ, указывалъ на недостатокъ имѣющагося для сего дѣла денежныхъ средствъ. На слѣдующій день послѣ этого разговора, 13 ноября, Златопольскій пришелъ снова въ квартиру Колодкевича и передалъ Гольденбергу 300 рублей для московскаго предприятия. Въ тотъ же день Гольденбергъ выѣхалъ изъ Одессы въ Москву, а на слѣдующій день былъ арестованъ въ Едисаветградѣ съ динамитомъ и деньгами.

13 апрѣля 1882 года въ гор. Москвѣ былъ задержанъ подь именемъ Боготънова Елисаветградскій мѣщанинъ Савелій Соломоновъ Златопольскій, который, признавъ себя членомъ „партіи народной воли“, объяснилъ, что отговорилъ его Гольденбергомъ совершенно ложно, что ни о какихъ замыслахъ на царевѣйство, осенью 1879 года, ему извѣстна не было, и что въ началѣ ноября 1879 г., въ присутствіи Гольденберга, на квартирѣ Колодкевича онъ передавалъ деньги, но не Гольденбергу и не 300 руб., а Колодкевичу, 500 руб., которые ему были переданы послѣднимъ на храненіе.

3.

Неудавшіяся покушенія на жизнь въ Бозѣ почившаго Государя Императора, осенью 1879 г., въ виду принятаго на лицеекомъ съѣздѣ рѣшенія, побудили участниковъ преступнаго сообщества предпринять новыя приготовления для достиженія своей злодѣйской цѣли.

Весною 1880 г., въ г. Одессѣ и, тѣмъ же года, въ С.-Петербургѣ, приготовлялись два посягательства на жизнь Государя Императора, большая часть участниковъ которыхъ осуждена уже приговорами Особаго Присутствія Правительствующаго Сената по дѣламъ: о злодѣянн 1-го Марта 1881 г. и о 20 лицахъ, обвинявшихся въ государственныхъ преступленіяхъ. Относительно приготовленія въ гор. С.-Петербургѣ, государственный преступникъ Меркуловъ объяснилъ, что катаясь однажды лѣтомъ 1880 года въ лодкѣ съ Грачевскимъ, Желябовымъ, Пресняковымъ, Баранниковымъ, Александромъ Михайловымъ и Тетеркой, онъ, Меркуловъ, слышалъ прохлотившій между названными лицами разговоръ о необходимости заложить динамитъ подь какой-то мостъ по Гороховой улицѣ съ цѣлью посягнуть на жизнь Государя Императора. При этомъ Баранниковъ, по словамъ Меркулова, предполагалъ примѣнить одновременно со взрывомъ моста и металлические снаряды. Изъ содержанія означеннаго разговора Меркуловъ заключилъ, что покушеніе было уже рѣшено ранѣе сего, между упомянутыми ли-

цами. Въслѣдствіи Меркуловъ видѣлъ Желябова, подьѣхавшаго въ лодкѣ къ пристани близъ сада Михайловскаго Дворца, при чемъ бывшіе съ нимъ въ лодкѣ Тетерка и Баранниковъ объяснили Меркулову, что ѣздилъ доставлять динамитъ изъ подь моста на Гороховой улицѣ, но безуспѣшно.

По изслѣдованіи дѣла Екатеринбургскаго канала подь каменнымъ мостомъ и близъ него, 4 мая и 6 іюня 1881 г., были обнаружены 4 гуттаперчевыя подушки, наполненныя чернымъ динамитомъ, въ количествѣ около 7 пудовъ, съ запальными стаканами въ одной парѣ подушекъ.

По осмотру экспертами заключавшагося въ подицахъ чернаго динамита, между прочимъ, было установлено, что по химическому своему составу, означенный динамитъ близко подходитъ къ динамиту, вывучому изъ мины, которая была заложена подь Малую Садовую улицу изъ лавки Кобзова.

Государственный преступникъ Макаръ Тетерка, подтвердилъ въ общихъ чертахъ показаніе Меркулова, присвокупилъ, что всѣ приготовленія къ взрыву были окончены въ и назначенный день Желябовъ, при содѣянн его, Тетерки, долженъ былъ прожизвети взрывъ, но къ назначенному времени онъ, Тетерка, по немнѣзю часовъ, на мѣсто свиданія не явился, а въ тотъ же самый день въ Бозѣ почившаго Государя Императора благополучно прострѣловалъ на южный берегъ Крыма.

Изъ всѣхъ участниковъ означеннаго преступленія, оставался нерозысканнымъ лишь сынъ дьякова Михаилъ Фелоровъ Грачевскій. Будучи задержанъ въ С.-Петербургѣ въ ночь на 5 іюня 1882 г. Грачевскій, признавъ свою принадлежность къ тайному сообществу, именуемому „партіей народной воли“, отъ разясненія своей преступной дѣятельности отказался.

IV.

Покушеніе на кражу изъ Кишиневскаго Губернскаго Казначейства.

Въ декабрь 1880 г., въ г. Кишиневѣ, по Варфоломѣевскому переулку, во дворѣ Швейцарской гостиницы, во флигелѣ, рядомъ съ Губернскимъ Казначействомъ поселились неизвѣстные мужчина и женщина подь именемъ супруговъ Мироненко, у которыхъ въ качествѣ кухарки проживала также какая-то неизвѣстная личность, не предьявлявшая мѣстной полиціи своего вида на жительство.

Вскоръ по приѣздѣ, означенныя лица своею крайне уселенною дѣянью обратили на себя вниманіе полиціи, а послѣ того, какъ паспорта Мироненко были осмотрѣны полиціей, она немедленно, въ январѣ 1881 г., выѣхали изъ Кишинева, несмотря на то, что квартира была нанята ими на годъ.

Вслѣдствіи обнаружилось, что въ одной изъ комнатъ квартиры Мироненко былъ прорыванъ полъ и въ образовавшемся отверстіи въ полтора аршина діаметромъ и ²/₃ аршина шириною, началъ подползъ подь Казначейство, засыпанный ко времени его обнаруженія рыхлою землею, причемъ и самое отверстіе въ полу оказалось заложенымъ отрубками половыхъ досокъ, а образовавшіяся про этой работѣ щели, замазанными и закрашенными.

Приговоромъ Особаго Присутствія Правительствующаго Сената, послѣдо-

вавшим $\frac{7}{15}$ февраля 1882 г. по дѣлу о 20 лицахъ, обвинявшихся въ государственныхъ преступленіяхъ, уже установило: а) что означенный подполкъ совершилъ лицами, принадлежащими къ тайному обществу, присвоившему себя названіе „русской социально-революціонной партіи“, съ цѣлью похищенія изъ Казначейства денегъ, необходимыхъ обществу для достиженія его цѣлей, причемъ начатая работа не могли быть доведены до конца по причинамъ, независявшимъ отъ участниковъ преступления и б) что кромѣ супруговъ Мироненко, оказавшихъ государственными преступниками Мухомовъ Фроленко и Татьянѣ Лебедевой, въ упомянутомъ подлѣнкѣ принимали также участіе государственные преступники Фриделсонъ и Василій Меркуловъ. Изъ показанія Меркулова видно, что похищеніе на кражу денегъ изъ Кишиневскаго Казначейства было сдѣлано по указанію нѣкъ казеннаго преступника Желябова и что въ Одессѣ была приготовлена квартира, въ которой могли бы скрыться участники подлѣнки въ случаѣ успѣшнаго совершенія кражи изъ казначейства.

Всѣ участники означеннаго преступленія уже осуждены приговоромъ Правительствующаго Сената, за исключеніемъ проживавшей въ квартирѣ Мироненко, въ качествѣ кухарки, неизвѣстной женщины, личность которой не была обнаружена до послѣдняго времени, такъ какъ всѣ имѣвшіеся въ отношеніи ея указанія сводились лишь къ тому, что она женщина молодая и называлась „Анна“, „Ганька“ и „Кіевская“.

По задержаніи 20 июня 1882 г. дворника Антоныя Игнатьевой Лисовской, она, признавая свою принадлежность къ террористическому обществу, показала, что съ конца 1880 г. до половины января 1881 г. проживала въ Кишиневѣ въ качествѣ кухарки у Мироненко подъ именемъ „Анны“, съ цѣлью совершенія посредствомъ подлѣнки похищенія денегъ изъ мѣстнаго казначейства, при чемъ и принимала непосредственное участіе въ земляныхъ работахъ. Отъ дальнѣйшихъ объясненій по существу упадающаго на нее обвиненія—Лисовская отказалась.

По предъявленіи Лисовской мѣщанинъ Семену и Аннѣ Галахннмъ и Приставу г. Кишинева Дунскому, означенныя лица признали въ ней ту самую женщину, которая проживала въ г. Кишиневѣ въ квартирѣ супруговъ Мироненко въ качествѣ кухарки послѣднихъ.

V.

Злодѣяніе 1 марта 1881 года.

Неугодною преслѣдуя мысль о царевницѣхъ, члены преступнаго общества, именующаго себя „партіей народной воли“, въ виду неуспѣха, постигшаго сдѣланныя для достиженія этой цѣли весной и лѣтомъ 1880 г. приготовления, въ концѣ того же года, собравшись въ С.-Петербургѣ, умыслили вновь посягнуть на священную жизнь въ Воцѣ почившаго Государя Императора.

Для успѣшнаго осуществленія на этотъ разъ своихъ злодѣйскихъ замысловъ, вожаки общества рѣшили привлечь къ дѣлу всѣ вѣдущія силы террористической фракціи и примѣнить къ новому покушенію, рѣдившемуся уже ранѣе сего мыслью совмѣстнаго дѣйствія взрыва, путемъ подлѣнки одной

изъ улицъ столицы при провѣдѣ Государя Императора, и метательныхъ снарядовъ, изобрѣтеніемъ и усовершенствованіемъ системъ которыхъ были озачены такъ называемые „техники“ общества.

Наиболѣе удобное мѣсто для совершенія злодѣянія было выбрано на основаніи указаній, доставленныхъ особымъ „отрядомъ“, систематически слѣдившимъ подъ руководствомъ нѣкъ казенной государственной преступницы Перовской, за выѣздами почившаго Монарха и за обычнымъ путемъ слѣдованія Его Императорскаго Величества по улицамъ столицы. Выборъ палъ на Малую Садовую улицу и вслѣдъ за тѣмъ общество немедленно приступило къ осуществленію задуманнаго плана.

Въ началѣ декабря 1880 г. подвальное помѣщеніе въ домѣ графа Менгдена по Малой Садовой улицѣ было нанято подъ сырную лавку за 1200 р. въ годъ, крестьяниномъ Евдокимомъ Ермолаевымъ, Кобозевымъ, который тотчасъ же, при посредствѣ нанятыхъ имъ рабочихъ, принялся отдѣлывать помѣщеніе.

Въ первой комнатѣ, имѣвшей выходъ на Малую Садовую улицу, были устроены прилавокъ и вдоль задней и боковыхъ стѣвъ полки, забранныя внизу досками, а самая стѣна была обклеена обоями. Въ сосѣднемъ отдѣленіи подвала, имѣвшемъ два окошечка на Малую Садовую улицу и предназначеннаго для жилья, были также сдѣланы разныя поправки и, между прочимъ, наружная стѣна была обшита тесомъ.

7 Января 1881 г. Евдокимъ Кобозевъ вмѣстѣ съ женщиной, называвшейся его женой Еленой Федоровой, переѣхалъ въ новое помѣщеніе изъ дома № 11 по Невскому проспекту, гдѣ онъ проживалъ съ женой въ меблированныхъ комнатахъ, содержимыхъ крестьянкой Маргаритой Афанасьевой.

Вскорѣ послѣ открытія лавки, называвшейся супругами Кобозевыми обратили на себя вниманіе какъ сосѣднихъ торговцевъ, такъ и мѣстной полиціи неумѣльнымъ веденіемъ дѣла, прѣмами и привычками, несоотвѣтствующими ихъ занятію и несвойственными простымъ торговцамъ. Кобозевъ казался человѣкомъ, стоявшимъ гораздо выше состоянія, жена же его ходила въ шляпкѣ, курила папиросы и часто не ночевала дома.

Вмѣстѣ съ тѣмъ мѣстная полиція обратила вниманіе на то обстоятельство, что лавку Кобозевыхъ посѣщали какіе-то подозрительные люди, которые, уходя поздно ночью, видимо старались не быть замѣченными дворниками. Одна изъ такихъ личностей, будучи простѣею околоточнымъ надзирателемъ Исаемъ Дмитріевымъ, скрылась отъ него на извозчикѣ-лихачѣ.

Вслѣдствіе павшаго по вышеуказаннымъ основаніямъ на лавку Кобозевыхъ подозрѣнія, въ помѣщеніи лавки, 23 февраля 1881 г. былъ произведенъ мѣстный полиціемъ, при участіи техника Мравинскаго, осмотръ, который однако не далъ никакихъ результатовъ. Тѣмъ не менѣе во время осмотра, по удостовѣренію бывшаго участковаго пристава Теглева и дворника Самойлова, Кобозевъ казался смущеннымъ и былъ бѣдѣнъ „какъ смерть“.

Все изложенное удостовѣрено показаніями спрошенныхъ при дознаніи: бывшаго пристава Теглева, помощника его Дерешлада, управляющаго домомъ графа Менгдена Петерсона, дворника Самойлова, околоточнаго надзирателя Дмитріева, Маргариты и Екатерины Афанасьевыхъ и государственнаго преступника Рысакова, а равно протоколами осмотровъ домовыхъ книгъ дома графа Менгдена по Малой Садовой ул. и д. № 75 по Невскому проспекту.

4-го марта 1881 г., вследствие заявления дворниковъ дома графа Менгдена о томъ, что содержатель сырной лавки Кобозевъ съ женой скрылись изъ занимаемаго ими помѣщенія, а въ самой лавкѣ найдена сырая земля и орудія землекопанія, быть произведенъ новый осмотръ означенной лавки. На этотъ разъ по прибытіи на мѣсто Судебнаго Стѣдователя, въ жиломъ отдѣленіи подвала, смежномъ съ лавкой, подъ ближайшимъ къ ней окномъ былъ обнаруженъ проломъ наружной стѣны и подкопъ подъ Малую Саловую улицу.

По осмотру судебнымъ стѣдователемъ, при участіи экспертовъ, какъ внутренности лавки и смежныхъ къ ней помѣщеній, такъ и самого подкopa, оказалось слѣдующее: въ самой лавкѣ, въ стоявшихъ въ ней бочкѣ и кадкѣ и за обшивкой нижней части задней и боковыхъ стѣвъ, было усмотрѣно значительное количество земли; такая же земля была найдена подъ сиденьемъ дивана, въ жиломъ отдѣленіи подвала, а рядомъ, въ подвальныхъ помѣщеніяхъ, оказалось 9 деревянныхъ ящичковъ, наполненныхъ землей. Большая куча земли, прикрытая сверху слоємъ сѣна и 6 мокрыхъ мѣшковъ, въ которыхъ повидимому носили землю. Кроме сего въ разныхъ мѣстахъ были найдены землеконательные и минные инструменты. Въ жиломъ помѣщеніи, подъ первымъ отъ входа окномъ, часть деревянной обшивки наружной стѣны свободно отодвигалась, обнаруживая отверстіе въ стѣбѣ, ведущее въ подземную галлерею, обожженную внутри досками и простирающуюся на двѣ слишкомъ сажени подъ пологомъ улицы.

Въ отверстіи оказалась гальваническая батарея и стеклянка съ жидкостью для снаряженія батареи, а отъ послѣдней шли вдоль по минѣ провода, оканчивавшіеся зарядомъ, состоявшимъ изъ чернаго динамита въ количествѣ около двухъ пудовъ, заключеннаго въ стеклянной бутылѣ и жестиномъ цилиндрѣ. По заключенію эксперта, генералъ-маіора Федорова, система заряда и запаловъ вполнѣ обезпечивала взрывъ, отъ котораго должна была образоваться среди улицы воронка до 2½ сажень въ діаметрѣ, а въ соседнихъ домахъ были бы вышиблены оконныя рамы и могли бы обвалиться печи и потолки.

Паспортъ, по которому проживали Кобозевы, оказался подложнымъ, а настоящее Евдокимъ Ермолаевъ Кобозевъ и жена его Надежда Свиридова, а не Елена Федорова, проживающими—Кобозевъ въ г. Воронежѣ, а жена его въ деревнѣ на родинѣ.

При дальнѣйшемъ изслѣдованіи преступной дѣятельности сообщества, именующаго себя „партіей народной воли“, были получены указанія какъ на личности, скрывавшіеся подъ именемъ супруговъ Кобозевыхъ, такъ и на ближайшихъ участниковъ подкopa, выведеннаго изъ нанятой Кобозевыми лавки.

Приговоромъ Особаго Присутствія Правительствующаго Сената, состоявшимся 9/12 февраля 1882 г. по дѣлу о 20 лицахъ, осужденныхъ за государственныя преступленія, признаю, что подъ именемъ Елены Федоровой Кобозевой проживала государственная преступница Аня Васильева Якимова.

Изъ показаній осужденнаго по упомянутому дѣлу Василія Меркулова были почерпнуты данныя къ установленію личности, именованной Кобозевымъ, который оказался дворяниномъ, Юріемъ Николаевымъ Богдановичемъ.

Михаиль Федоровичъ
ГРАЧЕВСКІЙ.

новичем, раыскивавшимся уже по обвиненію въ государственномъ преступленіи.

Независимо отъ сего изъ показаній того же Меркулова оказалось, что кромѣ руководительства предпріятіемъ, именованнаго Кобозевымъ принималъ и непосредственное участіе въ работахъ по подкосу и первый, вмѣстѣ съ государственнымъ преступникомъ Бараниковымъ (Порфиріемъ), приступилъ къ пролому наружной стѣны подвала.

13 марта 1882 г., въ Москвѣ былъ задержанъ проживавшій подъ именемъ сына надворнаго совѣтника Прозоровскаго дворянинъ Юрій Богдановичъ, въ которомъ свидѣтели: Теглевъ, Лерепландъ, Новиковъ, Самофловъ, Ульяновъ и Екатерина Афанасьева признали лицо, имѣющее большое сходство съ именованнымъ Кобозевымъ, а Маргарита Афанасьева признала въ немъ положительного того самаго Кобозева, который въ концѣ 1880 г. нанялъ у нея меблированную комнату въ домѣ $\frac{1}{2}$ по Невскому проспекту.

Привлеченный къ дѣлу въ качествѣ обвиняемаго, дворянинъ Юрій Николаевъ Богдановичъ, признавая свою принадлежность къ организаціи партіи „народной воли“ и свое участіе въ злодѣйскомъ преступленіи 1-го марта 1881 г. въ качествѣ хозяина сырной лавки въ домѣ графа Менгдена по Малой Садовой улицѣ, гдѣ онъ, проживавъ подъ именемъ Кобозева, отъ дальнѣйшаго разъясненія своей преступной дѣятельности отказался.

Одновременно съ приготовленіемъ къ подкосу въ Малой Садовой улицѣ, нѣкоторые члены преступнаго сообщества занялись подготовленіемъ второй части злодѣйскаго плана — организаціей вспомогательнаго нападенія посредствомъ метательныхъ снарядовъ.

Какъ уже было сказано выше, мысль о примѣненіи метательныхъ снарядовъ, въ качествѣ вспомогательнаго средства, при взрывѣ посредствомъ мины какой-нибудь мѣстности во время прохода Государя Императора, зародилась среди царубицъ значительно ранѣе: такъ государственный преступникъ Бараниковъ, при обсужденіи въ началѣ лѣта 1880 г. проекта взрыва Каменнаго моста, предлагалъ употребить въ дѣло и метательные снаряды.

Такой взглядъ на метательные снаряды, какъ на вспомогательное, а не главное средство къ совершенію царубицтва объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что разрушительная сила новаго изобрѣтенія „техниковъ партіи народной воли“ не была еще испытана.

Подобнаго взгляда на метательные снаряды держался, какъ это видно изъ собственныхъ его объясненій, и одинъ изъ изобрѣтателей употребленныхъ впервые 1-го марта 1881 г. снарядовъ, нынѣ казненный государственный преступникъ Кибальчичъ.

Ближайшую организацію нападенія съ метательными снарядами принялъ непосредственно на себя казненный государственный преступникъ Андрей Желябовъ. Занимаясь устройствомъ среди учащейся молодежи особыхъ группъ для революціонной агитаціи между фабричными рабочими, Желябовъ организовалъ осенью 1880 г. особый, такъ называемый, „террористическій отдѣлъ“, имѣвшій ближайшей цѣлью охрану рабочихъ кружковъ отъ шпіоновъ. Въ составъ названнаго отдѣла, малочисленнаго по числу своихъ членовъ, вошли нѣкоторые вновь примкнувшія къ революціонному

обществу лица из среды учащейся молодежи и некоторые более интеллигентные рабочие.

Для совещаний с лицами, вошедшими в состав „террористического отряда“, Желябов указал квартиру в д. № 27/1 по Троицкому переулку, где с 15 сентября 1880 г. и по 17 февраля 1881 г. проживали под именем супругов Николаевых государственные преступники: Геся Гельфманъ и Макаръ Тетерка.

В этой квартирѣ, около половины февраля 1881 г., Желябов, по показанію Рысакова, „кликнулъ ключъ“, вызывая добровольцевъ для совершения, посредствомъ металлическихъ снарядовъ, покушения на жизнь въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича. На вызовъ Желябова откликнулись четыре человека, которые 1-го марта, вооруженные снарядами, ожидали пробѣда почившаго Монарха сначала въ Малой Садовой улицѣ, а затѣмъ на Екатерининскомъ каналѣ.

Приговорами Особого Присутствія Правительствующаго Сената по дѣлу о злодѣяніи 1-го марта и о 20 лицахъ, обвинявшихся въ государственномъ преступленіи, установлено, что вышеозначенными четырьмя металлическими были: бывшій студентъ Технологическаго Института Игнатій Гривневскій, бросившій смертоносный для Государя Императора снарядъ и умершій отъ полученныхъ при взрывѣ ранъ; вышѣ казенные государственные преступники: Николай Рысаковъ и Тимофей Михайловъ, и избавленный по особому Монаршему милосердію отъ смертной казни Иванъ Емельяновъ.

По собственному показанію государственной преступницы Геси Гельфманъ, квартира ея въ Троицкомъ переулкѣ была „конспиративная“. Изъ этой квартиры Гельфманъ прямо перешла въ д. № 5, по Тельжвой улицѣ, где была устроена новая квартира, специально предназначенная для тѣхъ участниковъ злодѣянія 1-го марта, которые должны были дѣйствовать металлическими снарядами. Въ этой послѣдней квартирѣ Кибальчичъ объясняетъ разговорщикамъ устройство снарядовъ; въ ту же квартиру, утромъ 1-го марта, Перовская и Исаевъ привнеси четыре снаряда, при чемъ Перовская, начертивъ на конвертѣ приблизительный планъ мѣстности, указала металлическимъ и самый порядокъ дѣяствія.

Изъ показанія Перовской, Рысакова и Емельянова видно, что весь успѣхъ задуманнаго злодѣянія былъ рассчитанъ на взрывъ мины въ Малой Садовой улицѣ—на „центральный ударъ“, какъ назвала его Перовская, въ окладина котораго металлические должны были стоять на четырехъ углахъ Малой Садовой, не входя однако въ нее и только послѣ того какъ раздется „звукъ“ должны были проникнуть въ Малую Садовую и бросить свои снаряды. Намѣненіе въ обычномъ пути сдѣланный Государя Императора въ Михайловскій манежъ побудило Перовскую подать разговорщикамъ условленный заранѣе сигналъ, по которому они должны были перейти на набережную Екатерининскаго канала и тамъ дѣйствовать съ одними лишь снарядами.

Тяжкія пораненія, повлекшія за собой мученическую кончину въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича, и болѣе или менѣе опасныя поврежденія, полученные 20 лицами, изъ числа Святы Его Императорскаго Величества и находившихся на набережной проходящихъ, имѣвшихъ послѣдствіемъ смерть нѣкоторыхъ изъ нихъ,—горестной дѣйстви-

тельностью своей—доказали, что разрушительная сила снарядовъ, изготовленныхъ такъ называемыми „техниками“ шайки царевубій, превзошла ожиданія самихъ изобрѣтателей этого смертоноснаго орудія.

При дальнѣйшемъ изслѣдованіи злодѣянія 1 марта 1881 г., успія производившихъ дознаніе въ одинаковой мѣрѣ были направлены на обнаруженіе какъ непосредственныхъ исполнителей злодѣянія, такъ и тѣхъ лицъ, которыя принимали участіе въ изобрѣтеніи и снаряженіи упомянутыхъ снарядовъ, а также въ открытію квартиръ, въ которыхъ изготовлялись снаряды.

24 января 1881 г., при производствѣ дознанія, возникшаго вслѣдствіе ареста государственнаго преступника Александра Михайлова, были получены указанія, что въ началѣ 1880 года „террористы“ имѣли въ Петербургѣ двѣ квартиры, изъ коихъ въ одной, помѣщавшейся въ домѣ № 37 по Б. Подъяческой улицѣ, приготовлялся динамитъ, а въ другой, въ домѣ № 11 по Подольской улицѣ помѣщалась тайная типографія. Въ первой изъ этихъ квартиръ проживали неизвестныя лица подъ именами Григорій Еремѣева, Аннинъ Давыдовъ и Марія Поликарповъ, а во второй: Василій Агатовуловъ, жена его Надежда Семенова и Евгенія Климовичъ. Въ ближайшихъ отношеніяхъ къ означеннымъ квартирамъ находились осужденные на двѣ государственные преступники: Исаевъ, Кибальчичъ, Якимова, Терентьева, Желябовъ и Колодзевичъ, а также розыскивавшіеся до послѣдняго времени Греческій и Ивановскія.

Осмотрами домовыхъ книгъ въ вышеуказанныхъ домахъ удостовѣрено, что Еремѣевъ, Давыдова и Поликарпова проживали въ д. № 37 по Б. Подъяческой улицѣ съ 5 января по 15 іюня 1880 г., а Агатовуловъ съ женой и Евгеніей Климовичъ проживали въ домѣ № 11 по Подъяческой улицѣ съ 8 мая по 23 іюля 1880 г.

Означенныя свѣдѣнія подтвердились, въ главныхъ своихъ частяхъ, показаніями государственныхъ преступниковъ: Исаева, Якимовой и Лебедевой, признавшихъ жительство свое въ д. № 37 по Б. Подъяческой улицѣ, и Кибальчича и Терентьевой, удостовѣрившихъ фактъ проживанія ихъ въ д. № 11 по Подольской улицѣ—перваго тогда имевемъ Агатовулова, а вторая—подъ именемъ Климовичъ. Кроме того Кибальчичъ призналъ, что посылалъ квартиру Исаева въ д. № 37 по Б. Подъяческой улицѣ.

Давая нѣкоторыя разъясненія по дѣлу о злодѣяніи 1 марта, государственный преступникъ Кибальчичъ, между прочимъ, показалъ, что входя вмѣстѣ съ двумя лицами въ составъ такъ называемаго „техническаго отряда“, онъ, вмѣстѣ съ этими лицами, участвовалъ въ изобрѣтеніи и снаряженіи металлическихъ снарядовъ, взрывъ которыхъ причинили смертельныя пораненія почившему Монарху.

Григорій Исаевъ, въ свою очередь, признавъ свое участіе въ изготовленіи динамита, употребленнаго при взрывѣ Зимняго Дворца и заложенаго подъ Каменнымъ мостомъ, объяснилъ, что изобрѣтеніе системы воспламененія металлическихъ снарядовъ посредствомъ стальныхъ трубочекъ, наполненныхъ сѣрной кислотой, принадлежало ему.

Изъ вышеизложенныхъ же показаній Рысакова видно, что 1 марта Утромъ два металлическихъ снаряда были принесены въ Тельжскую уллицу Исаевымъ.

При дальнейшем ходе следствия получились более определенные указания на личность третьего техника, оказавшего сыном дьякона Михаилом Федоровым Грачевским.

Государственный преступник Меркулов, в ряду сделанных им разоблачений, в отношении Михаила Грачевскаго, известного среди революционных деятелей под прозвищем „птица“, между прочим показал: 1) что квартиру Геси Гельфман, в д. № 27/1 по Троицкому переулку, где помещалась типография „Рабочей Газеты“, в числе других лиц, посещал и Грачевский, который приносил съ собою какия-то жестянки, при чем ему, Меркулову, приходилось часто видеть в этой квартир жестяные обрѣзки равной величины; 2) что в началѣ 1881 г. онъ, Меркуловъ, вмѣстѣ съ Желябовымъ, Кибальчичемъ, Гриневскимъ, Рысаковымъ и Тимофеемъ Михайловымъ ѣздилъ въ Парголово пробовать метальные снаряды, изъ коихъ одинъ былъ принесенъ на мѣсто, назначенное для сбора, близъ Клиники Виліе, Грачевскимъ и передать имъ Кибальчичу и 3) что Грачевскій посещалъ какую-то конспиративную квартиру, помещавшуюся въ Могилевской улицѣ.

Посѣщеніе Грачевскимъ квартиры Гельфманъ, кромѣ Меркулова, подтверждалъ и обвиняемый по настоящему дѣлу Антонъ Борейша.

При изслѣдованіи же послѣдняго указація Меркулова оказалось, что, съ 21 июля и по 3 ноября 1880 г., вѣ д. № 7/120 по Могилевской улицѣ, проживалъ пѣвчій Вуженицкій съ женою и кухаркой Марфой Васильевой, при чемъ дворникъ означеннаго дома Мартыянъ Васильевъ признавалъ въ государственныхъ преступникахъ Исаевъ и Теретьевую - Вуженицкаго и Васильеву, которые 3-го ноября вмѣстѣ съ женой Вуженицкаго внезапно скрылись изъ квартиры.

Людица Теретьева признала фактъ проживанія своего подъ именемъ Васильевой.

2 мая 1881 г., подъ именемъ Костецкой, была задержана въ С.-Петербурѣ на улицѣ, дворника Людмила Теретьева; а 5 мая было обнаружено, что Теретьева подъ именемъ Трофимовой, проживала въ д. № 42/14 по Подольской улицѣ, въ квартирѣ Верейскихъ мѣщанъ Григорія и жены его Надежды Пришибинныхъ, которые, однако, до прибытія полиціи успѣли скрыться.

По осмотру квартиры Пришибинныхъ, въ одной изъ комнатъ былъ найденъ типографскій станокъ со всеми принадлежностями для печатанія, разная изданія преступнаго содержанія въ значительномъ количествѣ экземпляровъ, послѣдніе на себѣ слѣды недавней отпечатки, разная рукописи революннаго характера и множество вещественныхъ доказательствъ преступной террористической дѣятельности, изъ которыхъ обратили на себя особое вниманіе: 1) девять стеклянныхъ банокъ, наполненныхъ чернымъ динамитомъ въ количествѣ около 4-хъ пудовъ, совершенно сходнымъ по своему химическому составу съ динамитомъ, извлеченнымъ изъ мины, подвѣшенной подъ М. Садовую улицу; 2) готовый метальный снарядъ, устроенный по той же системѣ, какъ и снаряды, употребленные при злодѣянн 1-го марта; 3) граната, заряженная порохомъ и картучью съ поровеннымъ къ ней стоиномъ; 4) яды: опиѣ, стрихнинъ и цианистый калиѣ; 5) два кивжала, стилетъ и 9-ть такъ называемыхъ финляндскихъ матро-

скихъ ножей, 6) два револьвера, патроны къ нимъ и значительное количество дроби; 7) бланки для письменныхъ видовъ и 8) разная шифрованные письма и записки.

Обвиняемый по настоящему дѣлу Антонъ Борейша, признавъ свое участіе въ типографскихъ работахъ въ квартирѣ именованныхъ Пришибинныхъ, въ которой онъ проживалъ довольно долгое время, заявилъ, что еще до 1-го марта, въ комнаты, гдѣ помещался типографскій станокъ, хранился корзина съ взрывчатыми веществами, которой ему было запрещено касаться. — Описывая свое пребываніе въ квартирѣ Пришибинныхъ, планъ которой онъ начертилъ при дознанн наизусть, Борейша, между прочимъ, указалъ, что 1-го марта 1881 г., вечеромъ, въ типографію пришелъ Исаевъ и прінесъ съ собою рукописную прокламацію „къ рабочимъ“ по поводу событія 1-го марта, которую какъ онъ, Борейша, такъ и Пришибины и Исаевъ печатали всю ночь. При этомъ все они удивлялись, что въ городѣ такъ тихо. 3-го марта, вечеромъ, по требованію Пришибина, свабившаго Борейшу деньгами, послѣдній выѣхалъ въ Москву, при чемъ провожавшій его Пришибинъ искалъ между отъѣзжавшими „либца“, оказавшагося впоследствии государственнымъ преступникомъ Ланганомъ, чтобы познакомиться его съ Борейшей.

По предъявленн дворникамъ дома № 42/14 по Подольской улицѣ Ананію Зорину, Прокошію Яковлеву и Федору Ульянову задержанныхъ по обвиненію въ государственныхъ преступленіяхъ сына дьякона Михаила Грачевскаго и дочери священника Парасковья Ивановской, все названные свидѣтели признали въ нихъ тѣхъ самыхъ лицъ, которые съ ноября 1880 г. и по май 1881 г. проживали въ означенномъ домѣ подъ именемъ и по паспорту верейскихъ мѣщанъ, супруговъ Пришибинныхъ.

Дворникъ дома № 11 по Подольской улицѣ, крестьянинъ Ивановъ, по предъявленн ему Парасковья Ивановской, признавалъ въ ней лицо вполнѣ похожее на жену Агатекулова (Кибальчича), проявляющую въ означенномъ домѣ, какъ уже выше сказано, съ 8-го мая по 23-го июля 1880 г.

Обвиняемые Михаилъ Грачевскій и Парасковья Ивановская отказались отъ всякихъ объясненій по поводу участія ихъ въ злодѣянн 1-го марта, но при этомъ Ивановская признала себя членомъ „исполнительнаго комитета“, а Грачевскій сознался въ томъ, что подъ именемъ Пришибина проживалъ въ конспиративной квартирѣ въ домѣ № 47/14 по Подольской улицѣ, съ ноября 1880 г. и по май 1881 г.

VI.

Преступная дѣятельность сообщества послѣ 1-го марта 1881 года.

Вслѣдъ за совершеніемъ злодѣянн 1-го марта стали появляться изданія подпольной печати, въ которыхъ, отъ имени революннаго сообщества, заявлялось, что несмотря на аресты важныхъ членовъ организаціи, сообщество намерено продолжать свою преступную дѣятельность и стремиться къ достиженію прежде намѣченной цѣли. Подтверженіемъ такой рѣшимости сообщества не сходить съ излюбленнаго имъ кроваваго пути явилось отобранное у Петра Телалова, при его задержанн, письмо, частью зашифрованное, и предзнаначившее, какъ это оказалось впоследствии, для государственнаго преступника Александра Михайлова.

Приступить немедленно къ выполнению своихъ замысловъ сообщество оказалось, однако, не въ силѣхъ. Ослабленное многочисленными арестами, оно прежде всего приняло за организационную работу, съ цѣлью пополнить свои ряды; послѣдствіемъ сего явилось вступленіе выдающихся дѣятелей народнической фракціи въ составъ террористическаго сообщества и образованіе общества краснаго креста народной воли". Въ началѣ 1882 года, сообщество вновь приступило къ выполнению своей программы и ознаменовало свою дѣятельность новымъ убійствомъ, совершеннымъ 18-го марта 1882 г., надъ производившимъ по Высочайшему повелѣнію дознанію о государственныхъ преступленіяхъ генераль-майоромъ Стрѣльниковымъ, а затѣмъ, лѣтомъ того-же года, приступило къ изготовленію динамита и метательныхъ снарядовъ, необходимыхъ для предстоящихъ злодѣяній.

Въ отношеніи каждаго изъ вышепоименованныхъ видовъ дѣятельности террористическаго сообщества, разслѣдованіе обнаружило слѣдующія данныя:

I.

Оближеніе террористическаго сообщества съ дѣятелями народнической фракціи.

При задержаніи Якова Стефановича, у послѣдняго были отобраны письма эмигранта Лейбы Дѣйча, изъ которыхъ между прочимъ оказалось, что Стефановичъ перешелъ изъ народнической фракціи въ террористическое сообщество.

Яковъ Стефановичъ, въ разъясненіе сего обстоятельства, показалъ слѣдующее: во время пребыванія его, Стефановича, за границей къ нему нѣсколько разъ обращались съ предложеніемъ возвратиться въ Россію, но онъ всегда отклонялъ подобныя предложенія, такъ какъ считалъ невозможнымъ сплотить въ серьезную организацію чернопередѣльскія (народническія) силы и вести работу рядомъ съ „сильной, окрышей въ борьбѣ и богатой традиціями организаціей народной воли". Въ послѣднее время Стефановичъ пришелъ къ убѣжденію, что существованіе народническихъ направленія на почвѣ практической дѣятельности стоитъ въ зависимоети отъ соглашенія съ организаціей террористическаго сообщества. Признавая затѣмъ, что весной 1881 г., почва для такого соглашенія существовала болѣе чѣмъ когда либо, Стефановичъ, получивъ новое предложеніе прѣхать въ Россію, на этотъ разъ согласился исполнить обращенную къ нему просьбу и, въ сентябрь мѣсяцъ 1881 г., перешелъ русскую границу. Послѣ переговора въ г. Москвѣ какъ съ чернопередѣльцами, такъ и съ нѣкоторыми представителями сообщества „партіи народной воли", въ числѣ которыхъ находились: обвиняемые по настоящему дѣлу Богдановичъ и Грачевскій и пероэмсканые до настоящаго времени Левъ Тихоміровъ и жена государственнаго преступника Бараникова, Стефановичъ пришелъ къ заключенію о возможности для него вступить въ ряды террористическаго сообщества. Желая склонить къ тому же другихъ членовъ народнической фракціи, Стефановичъ отправился съ этой цѣлью въ г. С.-Петербургъ, гдѣ видѣлся съ оставшимъ мичманомъ Апатоніемъ Булановымъ и другими изъ своихъ прежнихъ единомышленниковъ, назвать фамиліи которыхъ Сте-

фановичъ не пожелалъ. Старанія Стефановича остались не безуспѣшными, и какъ Булановъ, такъ и большинство петербургскихъ чернопередѣльцевъ изъявили согласіе войти въ составъ „партіи народной воли", надѣясь найти въ ея средѣ работу, не противорѣчающую ихъ убѣжденіямъ. Прімуру своихъ петербургскихъ товарищей послѣдовали и народники, проживавшіе въ другихъ городахъ Имперіи и вслѣдствіе сего, въ теченіе зимы 1881—1882 г., личный составъ террористическаго сообщества продолжалъ пополняться вступающими въ него чернопередѣльцами.

Такое показаніе Якова Стефановича находить себѣ подтвержденіе какъ въ содержаніи отобранныхъ у него при обыскѣ писемъ, такъ и въ дознанныхъ посѣщеніяхъ Стефановичемъ Буланова осенью 1881 г. въ С.-Петербургѣ. Послѣднее обстоятельство признано и самимъ Булановымъ.

Осуществившеся, такимъ образомъ, сліяніе значительнаго числа народниковъ съ террористическимъ сообществомъ усилло безъ сомнѣнія посяданіе, но тѣмъ не менѣе приливъ новыхъ, еще не испытанныхъ членовъ не могъ замѣнить для сообщества потерю дѣятелей, закаленныхъ въ террористической борьбѣ.

Вслѣдствіе сего было признано необходимымъ учредить въ составѣ „партіи народной воли" новое общество, которое могло бы служить орудіемъ для освобожденія изъ заключенія и ссылки наиболее полезныхъ членовъ сообщества и для возвращенія послѣднихъ къ ихъ прежней преступной дѣятельности.

Учрежденіемъ, удовлетворяющимъ вышеуказанной цѣли, явилось „общество революціоннаго краснаго креста".

II.

Общество Краснаго Креста Народной Воли.

Объявленіе о возникшемъ въ составѣ такъ называемой социальнореволюціонной партіи общества краснаго креста появилось въ № 7 подпольнаго изданія „Народная Воля", вышедшемъ 23-го декабря 1881 года, при чемъ было указано и на цѣль общества, состоящую въ оказаніи матеріальной и нравственной поддержки всѣмъ лицамъ, подвергшимся гоненію за свободу мысли и совѣсти.

Не задолго передъ симъ, 16 декабря, при задержаніи обвиняемаго Петра Телалова у него были отобраны рукописный уставъ „общества освобожденія", къ числу задачъ котораго, кромѣ матеріальной и нравственной помощи „всѣмъ лицамъ подвергшимся гоненію и пострадавшимъ за свободу мысли и совѣсти" отнесена организація побѣговъ и освобожденіе лицъ заключенныхъ.

Существованіе обнаруженной такимъ образомъ новой преступной организаціи подтвердилось и отобранными у Якова Стефановича письмами эмигранта Дѣйча, въ которыхъ также упоминается о вновь возникшемъ обществѣ краснаго креста, при чемъ изъ тѣхъ же писемъ видно, что означенное общество имѣло заграничій своими представителями эмигрантовъ: Петра Лаврова и Вѣру Засулличъ.

Яковъ Стефановичъ объяснялъ, что не принадлежа къ организаціи

красного креста, онъ тѣмъ не менѣе вполне сочувствовалъ цѣлямъ, преслѣдуемымъ названнымъ сообществомъ, а потому и принималъ участіе въ устройствѣ его заграничнаго отдѣла и вступилъ поэтому поводу въ письменные переговоры съ Петромъ Лавровымъ и Вѣрою Засуличъ.

Изъ показаній жены ссылаго Надежды Маковой видно, что организаторомъ „общества красного креста“ въ Россіи былъ Кірій Богдановичъ, подл непосредственнымъ руководствомъ котораго сложился московскій отдѣлъ общества. Независимо отъ сего Макова удостовѣрилась, что Богдановичъ рассказывалъ ей, въ концѣ 1881 г., о томъ, что онъ недавно возвратился изъ Сибири, гдѣ также есть агентъ общества „красного креста“ нѣкто Юферовъ.

Показаніе Надежды Маковой подтверждается: во 1-хъ) найденной у Богдановича сигнатурой отъ лекаря, отпущающаго на имя Гаврича изъ ашкени въ г. Томскъ; во 2) установленнымъ при расслѣдованіи настоящаго дѣла пребываніемъ въ Августъ мѣсяцѣ 1882 г. въ г. Томскѣ личности, именовавшей себя почетнымъ гражданиномъ Михайломъ Гаховитомъ и въ 3) найденными у Михаила Грачевскаго шифрованными записками, оказавшимися рядомъ адресовъ, проживающихъ въ Сибири и въ Европейской Россіи лицъ, въ числѣ которыхъ находится и адресъ Іоны Юферова въ г. Томскѣ.

При производствѣ по Высочайшему повелѣнію особаго дознанія о сообществѣ „краснаго креста народной воли“, и привлеченнаго къ означенному дознанію крестьянина Тобольской Губерніи Станислава Ярошнскаго была найдена шифрованная записка, въ которой обращаетъ на себя вниманіе слѣдующее мѣсто: « Клименко вѣроятно арестованъ, что повелю къ обыскамъ Тюмени и Екатеринбургъ, откуда узнали о насъ. . . »

Найденное у Ярошнскаго шифрованное письмо написано привлеченнымъ къ дознанію о „красномъ крестѣ“ сыномъ священника Петромъ Орловымъ, адресъ котораго также оказался въ шифрованныхъ запискахъ Грачевскаго.

Сопоставленіе вышеизложенныхъ обстоятельствъ дѣла съ побѣгомъ Михаила Клименко изъ Сибири, лѣтомъ 1881 года, приводитъ къ заключенію, что изъ числа найденныхъ у Михаила Грачевскаго адресовъ, нѣкоторые относились до лицъ, принадлежащихъ къ организаціи „общества красного креста“, и что Клименко бѣжалъ изъ мѣста ссылки при содѣйствіи означенной организаціи.

Возвращенный такимъ образомъ, при содѣйствіи общества „краснаго креста“ изъ Сибири, Михаилъ Клименко не замедлилъ проявить свою дѣятельность, участвуя въ новомъ преступленіи, совершенномъ во имя задачъ, преслѣдуемыхъ социально-революционнымъ сообществомъ.

III.

Убіство Генералъ-Майора Стрѣльникова.

18 Марта 1882 года, въ городѣ Одессѣ, на Николаевскомъ бульварѣ, въ 9 часовъ пополудни, выстрѣломъ изъ револьвера былъ убитъ Военный Прокуроръ Кіевского Военно-Окружнаго Суда Генералъ-Майоръ Стрѣльни-

ковъ, находившійся въ г. Одессѣ, для производства по Высочайшему повелѣнію дознаній о государственныхъ преступленіяхъ.

Выстрѣлъ былъ направленъ съиди въ голову въ то время, когда генералъ Стрѣльниковъ сидѣлъ на одной изъ скамеекъ боковой аллеи бульвара, обращенной къ Приморской улицѣ.

Судебно-медицинскимъ вскрытіемъ установлено, что рана, нанесенная Генералу Стрѣльникову, принадлежа къ разряду безусловно смертельныхъ, должна была повлечь моментальную смерть.

Убійца, тотчасъ послѣ выстрѣла въ генерала Стрѣльникова, побѣжалъ съ бульвара на Приморскую улицу и успѣлъ съѣсть въ пролетку, съ которой поджидалъ его одинъ изъ его соучастниковъ. Скрыться однако преступника не успѣли и, не смотря на оказанное ими вооруженное сопротивление, были задержаны при содѣйствіи собравшейся толпы.

Арестованные лица назвали себя одинъ, дворяниномъ Косогорскимъ, а другой сыномъ Тифлискаго гражданина Степановымъ.

Признавая свою принадлежность „къ партіи народной воли“, назвашіеся Косогорскимъ и Степановымъ, показавъ, что убійство генерала Стрѣльникова, рѣшенное еще два года тому назадъ, совершенно ими по порученію „исполнительнаго комитета“, такъ какъ генералъ Стрѣльниковъ своею дѣятельностью вообще и въ особенности успѣшнымъ преслѣдованіемъ революціонныхъ дѣателей на югъ, представлялъ непреодолимое препятствіе къ осуществленію цѣлей общества.

Приговоромъ Одесскаго Военно-Окружнаго Суда, согласно которому означенные государственные преступники казнены, установлено, что пролетка, на которой предполагали скрыться убійцы генерала Стрѣльникова, равно какъ и запряженная въ пролетку лошадь, были приобретены Косогорскимъ и Степановымъ при дѣльномъ участіи третьяго лица, не принимавшаго, однако, непосредственнаго участія въ самомъ убійствѣ, лишь по взаимному согласію убійцъ.

Первое указаніе на участіе въ дѣлѣ третьяго лица было получено при задержаніи убійцъ и вытекало изъ вопроса назвашагося Косогорскимъ о томъ, арестованъ ли ихъ третій товарищъ.

Полученное такимъ образомъ указаніе на третьяго участника убійства нашло себѣ подтвержденіе при изслѣдованіи обстоятельствъ, непосредственно предшествовавшихъ совершенію убійства.

Свидѣтельскими показаніями было установлено, что именовавшій себя Степановымъ, 17-го марта 1882 г., при содѣйствіи мѣщанина Барбашева, началъ дрожжи у крестьянина Баранова и купилъ за 215 руб. лошадь у крестьянина Сигалъева, при чемъ въ означенныхъ сдѣлкахъ принималъ участіе еще другой молодой человѣкъ, небольшого роста, черноватыя, съ маленькою бородкой, но не тотъ, который называлъ себя Косогорскимъ. Кромѣ сего, показаніями прислуги Крымской гостиницы, въ которой проживалъ какъ покойникъ генералъ-майоръ Стрѣльниковъ, такъ и именовавшій себя Степановымъ, выяснено, что послѣдняго посѣщала какой-то неизвѣстный молодой человѣкъ.

Именовавшій себя Степановымъ призналъ, что при наймѣ пролетки и покупкѣ лошади, вмѣстѣ съ нимъ находился одинъ его знакомый, который, зная о планѣ убійства, не былъ однако обязанъ принимать въ немъ не-

посредственного участия и хотя перед совершением преступления катался вместе с ним, Степановым, въ приобретённом ими сообще экипажъ, но вышелъ изъ экипажа при въѣздѣ въ городъ съ Молдаванки.

Впоследствии было обнаружено, что осужденные: Степановъ—государственный преступникъ Халтуринъ, виновникъ взрыва, произведеннаго въ Зимнемъ Дворцѣ 5-го февраля 1880 г., а Косогорскій—бывшій вольнослужитель С.-Петербургскаго Университета, сынъ коллежскаго секретаря Желваковъ; личность же третьяго соучастника названныхъ лицъ въ убійствѣ генерала Стрѣльникова оставалась невыясненною, до открытій, дѣломъ минушаго года, въ 11 линіи Васильевскаго Острова, конспиративной квартиры и до задержанія лицъ, посѣщавшихъ означенную квартиру.

Задержанный въ ночь на 5-е іюня подъ именемъ Бармалъева, лишенный всѣхъ правъ состоянія, государственный преступникъ Михаилъ Филимоновъ Клименко, признавая свою принадлежность къ „парти народной воли“, сознался въ участіи въ убійствѣ генерала Стрѣльникова и далъ по этому поводу слѣдующее показаніе: послѣ побѣга, въ май 1881 г. изъ Сибири, куда былъ посланъ по приговору Кіевскаго Военно-Окружнаго Суда, онъ, Клименко, прибылъ въ Москву и тамъ вступилъ въ сношеніе съ членами преступнаго сообщества; въ февралѣ 1882 г. ему было предложено отправиться въ Одессу для организаціонныхъ работъ, тѣмъ онъ охотно воспользовался, рассчитывая изъ Одессы ѣхать за границу. По прибытіи въ Одессу, онъ нашелъ тамъ нѣкоторыхъ революціонныхъ дѣятелей, въ томъ числѣ и Халтурина, съ которыми сталъ встрѣчаться ежедневно, обѣдая вмѣстѣ въ кухмистерской. Однажды при такой встрѣчѣ, Халтуринъ сообщилъ ему, что рѣшено убить генерала Стрѣльникова, что онъ, Халтуринъ, будетъ ближайшимъ участникомъ этого преступленія и что такъ какъ оно будетъ совершено по такому же плану, какъ убійство генерала Мезенцева, то необходимо приобрести дрожки и лошадь. Противъ означеннаго плана онъ, Клименко, представлялъ возраженія, но безуспѣшно. По приглашенію Халтурина онъ, Клименко, отправился съ нимъ къ барышнику для покупки лошади, которая и была куплена въ его присутствіи, при чемъ, такъ какъ у Халтурина не оказалось нужной суммы денегъ, то онъ, Клименко, далъ на эту покупку выписку изъ него 100 рублей. Послѣ прибытія въ Одессу Желвакова, Халтуринъ сообщилъ Клименко, что дѣямъ убійства назначено 18-го марта и что въ совершеніи этого преступленія приметь участіе Желваковъ. Въ самый день убійства онъ, Клименко, вмѣстѣ съ Халтуринымъ проѣхался на купленной лошади по городу, а затѣмъ отправился на бульваръ, а Халтуринъ поѣхалъ на Приморскую улицу, гдѣ, въ условленномъ мѣстѣ, долженъ былъ ждать Желвакова; на бульварѣ онъ, Клименко, присутствовалъ при совершеніи убійства и видѣлъ, какъ Желваковъ и Халтуринъ были задержаны, послѣ чего онъ остался еще нѣсколько дней въ Одессѣ, откуда уѣхалъ, боясь быть арестованнымъ.

Имѣющимися въ дѣлѣ данными удостоверяется, что Клименко, въ описываемый имъ періодъ времени, дѣйствительно находился въ г. Одессѣ и входилъ въ сношенія съ нѣкоторыми революціонными дѣятелями въ квартирѣ мѣщанинъ Симановичъ, при чемъ, изъ показанія свидѣтеля оберъ-офицера сына Дмитрія Петрова видно, что разсказываемая по обвиненію въ государственномъ преступленіи Вѣра Филипповна говорила ему, Петрову, что

Клименко прибылъ въ Одессу по „спеціальному дѣлу“, а греческая подданаго Логанулоу объяснила, что Клименко, проживавшій у нея на квартирѣ подъ фамиліею Петрова, выхалъ съ квартиры совершенно неожиданно вечеромъ 21-го марта, въ ея отсутствіе, передавъ ключъ дворнику.

По предвѣщеніи Клименко крестьянину Баранову и мѣщанину Барбашеву, они признали въ немъ полное сходство съ лицомъ, присутствовавшимъ при покупкѣ Халтуринымъ лошади, при чемъ, какъ тотъ, такъ и другой присвокупили, что означенное лицо передало Халтурину недоставашіе у него для уплаты за лошадь 100 руб.

IV.

Весной 1882 года было получено свѣдѣніе о томъ, что въ г. С.-Петербургѣ прибыли для организаціонныхъ работъ нѣкоторые изъ выдающихся революціонныхъ дѣятелей. Предпринятымъ для выясненія сего обстоятельства розыскомъ было установлено, что проживавшій въ д. № 9 по Фонарному переулку, подъ именемъ дворянина Галиновскаго неизвѣстный человѣкъ имѣлъ частыя сношенія съ женщиной, именовавшей себя вдовой почетнаго гражданина Розановой и молодымъ человекомъ, называвшимся дворяниномъ Бармалъевымъ, изъ которыхъ первая жила по Дровяному переулку въ д. № 22, а послѣдній въ Николаевской улицѣ въ д. № 1. Галиновскій постоянно встрѣчался съ Розановой и Бармалъевымъ на улицахъ, при чемъ они вели между собой переговоры, тщательно стараясь при этомъ скрываться. Названныя лица въ то же время встрѣчались съ многими другими то въ городѣ на улицахъ, то на загородныхъ гуляньяхъ, при таинственной и повидному заранѣ условленной обстановкѣ, а также посѣщали нѣкоторыхъ лицъ на ихъ квартирахъ. Къ числу личностей, имѣвшихъ такимъ образомъ сношенія съ Галиновскимъ и его знакомыми, принадлежалъ лейтенантъ флота Александръ Бувевичъ, проживавшій по Малой Мастерской улицѣ въ д. № 3, и женщина, жившая подъ именемъ дворянки Каммеръ, въ д. № 24, по Кирочной улицѣ. Установленное за выше названными лицами наблюденіе выяснило также, что квартиры Галиновскаго и Розановой какъ будто старательно скрывались и не посѣщались никѣмъ. Дальнѣйшими наблюденіями было обнаружено, что Галиновскій и Бармалъевъ часто посѣщали квартиру ветеринарнаго врача Прибылева, по 11 линіи Васильевскаго Острова въ д. № 24, при чемъ неоднократно привозили въ означенную квартиру разные предметы, покупаемые въ аптекарскихъ складахъ и въ магазинахъ хирургическихъ инструментовъ.

Всѣдствие добытыхъ такимъ образомъ данныхъ, а также въ виду того, что паспорта, по которымъ проживало большинство выше названныхъ лицъ, оказались подложными, въ ночь на 5 іюня 1882 года, были произведены аресты Галиновскаго, Розановой и Бармалъева, а также Бувевича и Каммеръ. Одновременно съ означенными арестами были произведены обыскъ въ квартирѣ супруговъ Прибылевыхъ, при чемъ, кромѣ послѣднихъ была задержана жившая у нихъ въ качествѣ кухарки женщина, именовавшая себя крестьянкой Маріей Савиной.

Всѣдъ за сямъ было обнаружено, что подъ именемъ Галиновскаго

скрывался розысквавшийся по обвинению в государственном преступлении Михаил Грачевский, а под именем Вармалова—блуждавший из ссылки Михаил Клименко; что под фамилиями Розановой и Каммер проживала жена потомственного почетного гражданина Анна Корба и дочь купца Хаса (онъ же Христина) Гринбергъ, а также, что Мария Савина—дочь священника Марія Юшкова.

Осмотромъ квартиры Прибылевыхъ вполне установлено, что въ ней находилась лабораторія, въ которой приготовлялись динамитъ и металевые снаряды.

Квартира Прибылевыхъ, какъ оказалось по осмотру, состояла изъ 4-хъ комнатъ, передней, кухни и ванны; изъ нихъ три комнаты были жилища, четвертая же была занята лабораторіей. Въ комнатѣ, служащей лабораторіей, полъ обитъ войлокомъ и сверху клеенкой, а въ одномъ углу комнаты прикрытъ кромѣ того досками; въ этой комнатѣ находились комодъ, столъ и табуретки; на комодѣ видны слѣды недавнихъ химическихъ работъ, а на ближайшемъ къ комоду окнѣ, лежали записки о приготовлении взрывчатыхъ веществъ, раскрытыя на той страницѣ, гдѣ излагается наставленіе о приготовленіи динамита.

При ближайшемъ же осмотрѣ, съ участіемъ экспертовъ, всего находившагося въ квартирѣ Прибылевыхъ, слѣдующіе предметы обратили на себя особое вниманіе:

А) въ комнатѣ, служившей лабораторіей: коробки отъ бертолетовой соли, сѣрнистая сурьма, смесь бертолетовой соли съ сурьмой, фарфоровыя ступки съ остатками приготовлявшихся въ нихъ взрывчатыхъ веществъ, коробка съ составомъ для приготовления стоина, гуттаперчевые и стеклянные ареометры для опредѣленія плотности, стеклянная трубка, наполненная сѣрною кислотой, четыре химическія стаканчика съ остатками гремучаго студня, такой же стаканъ, наполненный нитроглицериномъ, пробирные и химическіе стаканчики, флаконъ съ ртутью, напильники, ножницы, обрѣзокъ рейсфедера съ пригнанной къ нему свинцовой пробкой, приговленной для капсулы, корзина и въ ней мѣшокъ съ аміачной селитрой и свертокъ съ хлопчатобумажной свѣтлыней, три пустыхъ бутылки изъ подъ дымящейся азотной кислоты, бутылъ изъ подъ глицерина, бутылъ изъ подъ сѣрной кислоты, корзина съ машинкой для приговленія мороженаго, бутылка со спиртомъ въ 90%, двадцати фунтовая бутылъ съ сѣрною кислотой въ корянкѣ, банка съ сѣрною кислотой, цинковый сосудъ, служащій для охлады, три стеклянныхъ сосуда и въ одномъ изъ нихъ треножникъ и разныя сосуды, употребляемые въ химическихъ лабораторіяхъ.

Въ ящикахъ комода, стоявшаго въ лабораторіи, оказались: пироксилинь въ пашкахъ, около четырехъ фунтовъ чернаго динамита, вата, гуттаперчевыя трубки и плоскій цинковый сосудъ эллиптической формы, съ двумя отверстиями: одно для наполненія, а другое для приспособленія его къ произведенію взрыва; сосудъ этотъ начиненъ бѣлой массой, при чемъ на стѣнкахъ его видны слѣды дѣйствія развѣдывающаго вещества. Кромѣ всѣхъ перечисленныхъ принадлежностей лабораторіи, въ той же комнатѣ найдены черныя шпурокъ съ крючкомъ, повидному приспособленный для ношенія того либо на шеѣ.

Б) Въ комнатѣ, служившей спальней, въ нижнемъ ящикѣ комода най-

дены вполне готовый и заряженный металевый снарядъ съ припаяннымъ къ нему крычкомъ, устроеннымъ для ношенія снаряда на шпурокъ.

В) Въ комнатѣ, гдѣ помѣщался кабинетъ, въ гардеробномъ шкафу найдены четыре бутылки съ нитроглицериномъ въ количествѣ около 30 фунтовъ и мужское и женское платье, прожеженное исплотами. Между мужскимъ платьемъ оказались, между прочимъ, брюки и пиджакъ. Въ той же комнатѣ находились книги и записки о составѣ и изготовленіи взрывчатыхъ веществъ и запаловъ. Здѣсь же найдены два небольшихъ ящика со шрифтомъ и штампъ съ готовымъ наборомъ печатнаго заголовка „Истинность добровольнаго сбора редакціи Народной Воли“.

Г) Въ кухнѣ оказалась паяльный приборъ и цинковыя трубочки, подобныя тѣмъ, которыя входятъ въ составъ снарядовъ, наденнаго въ спальнѣ.

По заключенію эксперта миноваго офицера лейтенанта Смирнова, найденный въ квартирѣ Прибылевыхъ металевый снарядъ, по внутреннему устройству своему, вполне соответствуетъ тѣмъ снарядамъ, какіе были употреблены при злодѣянн 1-го марта, по вѣншей же своей формѣ, онъ представляетъ цинковый цилиндрической сосудъ съ отбѣннымъ крычкомъ. Такая форма придана снаряду повидному для того, чтобы металышкы могъ носить его на груди.

Въ разясненіе устройства конспиративной квартиры Прибылевыхъ и отношенія къ ней обвиняемыхъ, дознаніемъ обнаружены нижеслѣдующія данныя:

Изъ показанія Грачевскаго видно, что въ половинѣ апрѣля 1882 г. онъ какъ „членъ технической группы“ получалъ отъ „исполнительнаго комитета“, чрезъ его агента, порученіе организовать техническую школу для обученія нѣсколькимъ лицъ приготовленію взрывчатыхъ веществъ, начиная съ гремучей ртути и до пироксилина и видовъ динамита, употребляемыхъ въ боевыхъ дѣлахъ партіи, а также устройству миновъ и металевыхъ снарядовъ. Принявъ сдѣланное ему отъ „исполнительнаго комитета“ предложеніе, Грачевскій заваялся прискаеміемъ лица, въ квартирѣ котораго можно бы было устроить вышеупомянутую школу, и остановилъ свой выборъ на Прибылевѣ и на вѣвѣтѣ послѣдшаго Равель Гросманы. Получивъ согласіе названныхъ лицъ, Грачевскій поторопиль ихъ свадьбу, послѣ которой они поселились въ Серапильской гостинницѣ и стали прискивать удобную для своихъ цѣлей квартиру, которая и была найдена на Васильевскомъ островѣ по 11 линіи въ д. № 24. Денежныя средства на устройство квартиры были даны Грачевскимъ, который также озабочился прискаеміемъ лица, пригоднаго для роли кухарки Прибылевыхъ и привелъ къ нимъ для этой цѣли Марію Юшкову, снабдивъ послѣднюю фальшивымъ паспортомъ. Въ устроенной такимъ образомъ квартирѣ Грачевскій, по его словамъ, преподавалъ читать только демонстраціи лекціи, но затѣмъ получилъ отъ агента „исполнительнаго комитета“ предложеніе помѣстить на квартиру Прибылевыхъ остатки отъ прежнихъ запасовъ динамита, пироксилина и гремучей ртути, а также заваяться приговленіемъ динамита въ томъ количествѣ, которое окажется возможнымъ. Прибылевъ согласился исполнить и послѣднее предложеніе „исполнительнаго комитета“ и вслѣдствіе сего, Грачевскій перевезъ въ ихъ квартиру, найденные въ послѣдней предметъ, послѣ чего и было приступлено къ изготовленію динамита, въ чемъ, равно

как и в лекциях, принимали участие несколько лиц, назвать которых Грачевский не пожелал. Относительно найденного в квартире Прибыле-вых метательного снаряда Грачевский объяснил, что такой был им приготовлен для одной из последних демонстративных лекций, а не для боевых целей, для которых снаряд и не был пригоден, потому что не будучи герметически закрыт, не был обеспечен от вибрации в себя влажности воздуха. Другой небольшой снаряд, наполненный черным динамитом, мог, по словам Грачевского, служить только для защиты какого либо помещения от вторжения посторонних лиц и так как ствйки снаряда были изъедены газами динамита, то Грачевский имль намерение его уничтожить. В заключение своего показания Грачевский объяснил, что проживавшая в конспиративной квартире женщины, Раиса Прибылева и Мария Юшкова занимали исключительно содержанием в отрицательности квартиры и в лекциях и работах никакого участия не принимали.

Объяснения Грачевского о негодности для дла метательного снаряда опровергаются заключением эксперта, бывшего офицера лейтенанта Смирнова, а показания Грачевского о характере произволившихся в конспиративной квартире работ и обь отношениях к последним Прибылевой и Юшковой не вполне согласуются с нижеизложенными показаниями прочих обвиняемых.

Ветеринарный врач Александр Прибылев показал, что получить отъ „исполнительного комитета“, через посредство Грачевского, предложение устроить на два мьсеца квартиру для приготовления взрывчатых веществ, онъ изъяснил на такое предложение свое согласие и 7-го мая нанял и устроил для означенной цели, на средства партін, квартиру, в которой и поселился с женой и сь Юшковой, именованшейся Савиной. Цель, для которой „исполнительный комитет“ находил нужным приготовить взрывчатые вещества, не была ему, Прибылеву, известна и работа производилась пока лишь сь изъюю опыта; кь изготовлению же нужного количества взрывчатых веществ полагали приступить в слъдующем мьсецѣ. Вь лабораторіи, кромѣ проживавших вь квартирѣ лицъ, работали, по словам Прибылева, еще Грачевский и приведенный послъднимъ Клименко; вь квартиру же приходила еще разъ или два Гринбергъ, которая, насколько помнитсѣ Прибылевъ, принесла найденные у него два листа сь типографскимъ шрифтомъ и штампъ сь наборомъ печатнаго заголовка листа добровольнаго сбора „народной воли“.

Кь такому показанію Прибылевъ присвокупил, что записки и сочинения о взрывчатыхъ веществахъ были принесены Грачевскимъ, который давалъ и денежные средства на покупку нужныхъ для лабораторіи материаловъ.

Раиса Прибылева, объяснила, что и ей не было извѣстно сь какою именно целью изготовлялись взрывчатые вещества, показала, что она принимала участие вь изготовлении означенныхъ веществъ и что найденные вь квартирѣ вата, глицеринъ, сосуды, вь которыхъ промьшлялся нитроглицеринъ, и нъкоторые другіе предметы, были куплены лично ею. Относительно метательнаго снаряда Прибылева объявила, что такой былъ, насколько она помнитъ, принесенъ вь квартиру уже готовымъ. Признавъ затъмъ свое

знакомство сь Грачевскимъ и Клименко, Прибылева заявила, что Гринбергъ не знаетъ.

Марія Юшкова объяснила, что перешла на нелегальное положение 17 мая, когда и получила отъ Прибылева паспортъ на имя Савиной. Сь означеннымъ паспортномъ Юшкова, по ея словамъ, сперва отправилась вь меблированную комнату на Гончарной улицѣ, а уже оттуда, по просьбѣ вѣда, перѣехала на жительство вь квартиру Прибылевыхъ, гдѣ участие ея, Юшковой, вь изготовлении взрывчатыхъ веществъ, заключалось вь промьшляніи нитроглицерина. Признавъ затъмъ, что волокы и клеенка для обивки пола лабораторіи были куплены ею, совместно сь Раисой Прибылевой, Юшкова присвокупила, что метательныхъ снарядовъ она вь квартирѣ не видала, и что она Грачевского, Клименко и Гринбергъ не знаетъ.

Михаилъ Клименко показал, что вскорѣ послѣ прѣзда его вь С-Петербургъ, вь концѣ мая 1882 г. онъ встрѣтился сь Грачевскимъ, послѣ чего тотчасъ же отправился сь нимъ вь квартиру Прибылевыхъ для участия вь изготовлении динамита. Сь того времени, онъ, Клименко, сталъ ежедневно посъщать означенную квартиру для работъ вь лабораторіи, причѣмъ присвоилъ туда и нужные для работъ материалы. Пояснивъ затъмъ, что главное его занятіе состояло вь приготовлении нитроглицерина, Клименко призналъ, что метательный снарядъ былъ изготовленъ, какъ образецъ, вь квартирѣ Прибылева.

Участіе Клименко вь приготовлении взрывчатыхъ веществъ, помимо его сознания, доказываетсѣ найденными вь квартирѣ Прибылевыхъ броками Клименко и оказавшимися на рукахъ послъднего желтоватыми пятнами и поврежденіями кожи, происшедшими, по заключенію врачей, отъ дѣйствія кислоты и преимущественно азотной кислоты.

Близкое участіе вь устройствѣ конспиративной квартиры Прибылевыхъ принимала Анна Корба. Изъ показанія послъдней видно, что первоначальные переговоры сь Прибылевымъ обь устройствѣ означенной квартиры велись ею, Корба, сь вѣдомъ Грачевского, и что послъдній принялъ на себя дальнѣйшія сношенія сь Прибылевымъ лишь послѣ того, какъ ей удалось договорить Прибылева устроить вь своей квартирѣ динамитную мастерскую. По словамъ Корба, Прибылевъ согласился устроить у себя конспиративную квартиру только вь виду краткосрочности дѣла, такъ какъ квартира была нужна только мьсеца на полтора.

Хася (она же Христина) Гринбергъ признала, что была три раза вь квартирѣ Прибылевыхъ и знала о произволившихся вь ней работахъ, хотя участія вь нихъ не принимала. Вь одно изъ посъщій квартиры Прибылевыхъ, Гринбергъ, какъ это видно изъ ея показанія, принесла найденные при обыскѣ два асеневыхъ ящика сь шрифтомъ. Далѣе, изъ показанія Гринбергъ оказывается, что она знакома сь Грачевскимъ сь 1878 г. и видѣлась сь нимъ до послъдняго времени, а также, что она знаетъ Анну Корба, о которой однако отказалась давать какія либо показанія.

Александръ Вудевичъ, признавая свое знакомство сь Грачевскимъ и Анной Корба, показалъ, что считая экономическую и политическую революцію неизбежною, онъ примкнулъ къ „партіи народной воли“, стремящасѣ сь такому перевороту; что отношенія его, Вудевича, къ партіи выражались вь знакомствѣ сь ея представителями, вь полученіи запрещенныхъ изъ

даній и во временномъ ихъ храненіи, и что въ практическія предпріятія партіи онъ посвященъ не былъ. Относительно совмѣстности своего воинскаго званія съ принадлежностію къ революціонному сообществу, Буцевичъ объяснилъ, что считаетъ себя обязаннымъ, въ качествѣ русскаго офицера, защищать интересы Россіи и ея Государя Императора до тѣхъ поръ, пока интересы Россіи и ея Государя солидарны между собою, но что когда означенные интересы окажутся не совмѣстными, то онъ, Буцевичъ, признаетъ своимъ долгомъ стать на сторону народа. Далѣе изъ показанія Буцевича объ его отношеніяхъ къ Грачевскому и Корба оказы-вается, что Буцевичъ познакомился съ Корба въ мартѣ или апрѣлѣ 1882 г. чрезъ посредство лица, назвать которое онъ не пожелалъ, а затѣмъ уже черезъ Корба завелъ знакомство и съ Грачевскимъ. Съ Корба онъ, Буцевичъ, встрѣчался только на улицахъ, а съ Грачевскимъ, который былъ и у него на квартирѣ, онъ видѣлся преимущественно у одного своего знакомаго, при чемъ велъ съ Грачевскимъ бесѣды только „теоретическаго характера“.

Михаилъ Грачевскій, признавая свое знакомство съ Клименко, Гринбергъ и Буцевичемъ, объяснилъ, что познакомился съ послѣднимъ въ концѣ апрѣля или въ началѣ мая 1882 г. и продолжалъ съ нимъ знакомство „въ интересахъ партіи“. Отъ болѣе подробныхъ объясненій своихъ отношеній къ названнымъ лицамъ, а также къ Аннѣ Корба и Юшковой, Грачевскій отказался.

Показаніями чиновъ полиціи, наблюдавшихъ за всѣми вышепоименованными лицами, установлено, между прочимъ, что квартиру Грачевскаго въ домѣ № 9 по Фонарному переулку, посѣщала только одна Корба и что Буцевичъ, въ Маѣ мѣсяцѣ, имѣлъ свиданіе съ Грачевскимъ на улицахъ Васильевскаго Острова.

Одновременно съ арестованіемъ Грачевскаго, Буцевича, Корба и Гринбергъ у названныхъ лицъ были произведены обыски, по которымъ найдено слѣдующее:

1) У Грачевскаго—большое число экземпляровъ революціонныхъ изданій, руководство къ миному искусству, чертежи къ этому руководству, 36 списковъ съ печатей разныхъ присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ, гербовая бумага, паспорта и другіе документы, гербовыя марки, списокъ предметовъ, купленныхъ для миноваго дѣла, три программы организаціи революціонныхъ группъ, десять рукописей противоправительственнаго характера, револьверъ, патроны, кинжалъ и кастетъ. Между вышеупомянутыми рукописями обращаютъ на себя особое вниманіе: а) разсужденіе о необходимости лучшей организаціи партіи для болѣе успѣшной борьбы съ правительствомъ; б) разсужденіе о необходимости сгнѣнія польской партіи съ русской, для одной общей революціонной цѣли и в) воззваніе къ офицерамъ русской арміи, начинающееся словами: „товарищи по оружію“, каковымъ воззваніемъ офицеры приглашаются стать на сторону революціонной партіи для ниспроверженія Самодержавнаго правительства.

2) У Буцевича—около 400 экземпляровъ разныхъ печатныхъ и гектографированныхъ изданій преступнаго содержанія, между которыми находятся газеты: „Народная Воля“, „Черный Передѣлъ“, „Земля и Воля“, журналы: „Впередъ“, „Набатъ“, программы „исполнительнаго комитета“ и про-

Александръ Викентьевичъ
БУЦЕВИЧЪ.

кламаціи, изданныя отъ имени „исполнительнаго комитета“ по поводу разнах преступленій террористическаго характера и царевубійства 1-го марта 1881 года. Кроме того у Будиича найдены три кастета.

3) У Корба—принадлежности ручнаго типографскаго станка, 57 экземпляровъ фотографическихъ карточекъ государственныхъ преступниковъ и большое количество запрещенныхъ изданій, а также рукописи, при чемъ нѣкоторыя изъ послѣднихъ оказались въ конвертѣ съ надписью „для редакціи“.

4) У Гринбергъ—около 500 экземпляровъ разныхъ запрещенныхъ изданій, программы „исполнительнаго комитета“ и брошюры преступнаго сообщества.

VII.

Вспомогательная дѣятельность Калюжнаго и Смирницкой какъ лицъ, за вѣдывавшихъ паспортнымъ бюро социально-революціоннаго сообщества.

23 марта 1882 года, въ гор. Москвѣ, по Прогоному переулку, въ домѣ Волковой, была обнаружена конспиративная квартира, хозяевами которой оказались: бывшій студентъ Харьковскаго Университета Иванъ Васильевъ Калюжный и дочь священника Надежда Семеновна Смирницкая, проживавшіе въ означенномъ домѣ, съ 27 сентября 1881 г. по виду на имя супруговъ Ивана Федосеева и Надежды Николаевны Беневоленскихъ.

Прибывшіе для производства обыска въ означенной квартирѣ полицейскіе чины застали Калюжнаго на лѣстницѣ, ведущей изъ нижняго этажа дома въ мезонинъ, гдѣ помѣщалась самая квартира; Смирницкая же заперлась въ квартирѣ и отказалась открыть входную дверь, которая, вслѣдствіе сего, была взломана. Вошедшія въ квартиру лица, производившія обыскъ, застали Смирницкую сидѣющею на диванѣ и равшею какія-то бумаги, клочками которыхъ были усыяны полъ обѣихъ комнатъ, составляющихъ квартиру, въ желѣзной же печкѣ былъ найденъ пепелъ отъ сожженной бумаги.

При обыскѣ были обнаружены различныя принадлежности для составленія подложныхъ видовъ на жительство, уже изготовленные паспорта, бланки различныахъ правительственныхъ учреждений, а также различныя противоправительственныя изданія и т. п.

При подробномъ осмотрѣ найденныхъ въ квартирѣ Калюжнаго и Смирницкой предметовъ, въ числѣ таковыхъ оказались между прочимъ: 1) 96 фальшивыхъ печатей разныхъ правительственныхъ мѣстъ и учреждений; каждая печать была завернута въ клочекъ бумаги, на которомъ набросанъ проектъ предполагавшагося къ составленію письменнаго вида; 2) подушка, нашитая составомъ, употребляемымъ для оттиска печатей; 3) нѣсколько листовъ вошеной бумаги; 4) 270 экземпляровъ формъ видовъ на жительство и другихъ документовъ; 5) 116 чистыхъ бланковъ, употребляемыхъ для письменныхъ видовъ, выдаваемыхъ разными мѣстами и учреждениями; 6) 31 экземпляръ готовыхъ письменныхъ видовъ; 7) пять пакетовъ съ гербовыми марками, въ числѣ которыхъ находились и марки, употребляемыя при проискѣ паспортовъ въ гор. С.-Петербургѣ и Москвѣ; 8) значительное

количество экземпляров различных №№ „Народной Воли“, „Черного Предвѣда“ и „Рабочаго Листка Черно“, а также различных прокламацій, въ томъ числѣ 111 экземпляровъ программы „исполнительнаго комитета“, 172 экземпляра воззванія „Русскому рабочему народу“ и т. д.; 9) различныя рукописи противоположительнаго содержания, изъ которыхъ нѣкоторыя очевидно предназначались для печати; въ одной изъ такихъ рукописей царубство одобряется какъ средство для испроверженія существующаго государственнаго порядка; 10) студенческая масса, по химическому изслѣдованію оказавшаяся массою, употребляемою для гектографовъ.

Найденныя въ квартирѣ Калужнаго и Смирницкой предметы не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что въ означенной квартирѣ помѣщало паспортное бюро, снабжавшее подложными видами на жительство членовъ революціоннаго сообщества.

Такое назначеніе конспиративной квартиры Калужнаго и Смирницкой подтверждается нижеслѣдующими обстоятельствами дѣла:

Между видами на жительство, найденными въ квартирѣ Калужнаго и Смирницкой, оказался ключекъ свидетельства на имя вдовы титулярнаго совѣтника Маріи Казимировны Г—ской. Дознаніемъ установлено, что означенный ключекъ составляетъ часть подложнаго свидетельства Кременчугскаго городского полицейскаго управленія отъ 3 іюля 1881 г. за № 7549, на имя Маріи Казимировны Гусевой и что по этому виду, въ началѣ 1882 г. проживала въ г. Вильно обвиняемая Антонина Лисовская.

По предъявленіи Лисовской вышеупомянутаго ключка документа, она показала, что таковой дѣйствительно составляетъ часть того свидетельства, по которому она проживала въ г. Вильно, и что свидетельство это было ею уничтожено, за исключеніемъ означенной части, переданной ею лицу, назвавъ которое она, Лисовская, отказалась.

Въ числѣ фальшивыхъ печатей была найдена также печать Бобрѹскаго полицейскаго управленія. Дознаніемъ выяснено, что подобная же печать была приложена къ подложному виду на жительство, выданному будто бы изъ Бобрѹскаго полицейскаго управленія 8 іюня 1881 г. за № 4544, на имя дворянина Михаила Викентьева Огрыско, по каковому виду проживалъ въ г. Москвѣ обвиняемый Ільковъ Стефановичъ.

Обвиняемые Иванъ Калужный и Надежда Смирницкая, признавая свою принадлежность къ социально-революціонному сообществу „народной воли“, заявили, что занимаются „революціонными дѣлами“ и живутъ на средства, получаемыя отъ „партіи“. Отъ всякихъ дальнѣйшихъ показаній по существу дѣла они отказались. Равнымъ образомъ Смирницкая отказалась отъ всякихъ объясненій по поводу найденныхъ въ ихъ квартирѣ предметовъ. Калужный же показалъ, что часть означенныхъ предметовъ составляетъ его собственность, а прочіе принадлежатъ революціонному „бюро“, что нѣкоторыя изъ найденныхъ бумагъ писаны его, Калужнаго, рукой и что видъ на имя Беневоленскихъ, по которому онъ проживалъ вмѣстѣ съ Смирницкой, подложный.

Послѣднее обстоятельство, по провѣркѣ его дознаніемъ, вполне подтвердилось.

УШ.

Принадлежность обвиняемыхъ къ преступному сообществу. Свѣдѣнія о личности каждаго изъ нихъ.

Въ отношеніи нѣкоторыхъ изъ обвиняемыхъ разслѣдованіемъ обнаружены не вошедшія въ предшествующіе отдѣлы данныя, изобличающія означенныхъ лицъ въ принадлежность къ социально-революціонному сообществу. Такого рода данныя, а также свѣдѣнія о личности каждаго изъ обвиняемыхъ заключаются въ нижеслѣдующемъ:

1.

Юрій Николаевъ Богдановичъ, 32 лѣтъ, дворянинъ Пековской губерніи, холостъ.

По окончаніи курса въ земледѣрно-таксаторскихъ классахъ въ г. Пековѣ, вступилъ въ 1869 г. на службу, въ качествѣ Великолукскаго уѣднаго землемера. Въ 1871 году вышелъ въ отставку и поселился въ Петербургѣ, гдѣ былъ волнослужителемъ Медико-Хирургической Академіи откуда, по его собственному выраженію, вышелъ вслѣдствіе требованій революціоннаго дѣла. Въ 1874 г., во время голода въ Самарской губерніи, Богдановичъ, какъ это видно изъ его показанія, обещалъ голодавшія мѣстности и подъ впечатліемъ видѣнныхъ имъ блдствій рѣшилъ посвятить себя народному дѣлу.

Для того, чтобы стать ближе къ народу, онъ въ теченіи 1874 года изучалъ кузнечное мастерство въ кузницѣ, устроенной братомъ его, Николаемъ Богдановичемъ, въ селѣ Воронинѣ, Торопецкаго уѣзда, Пековской губерніи. Въ Воронинѣ, одновременно съ Юріемъ Богдановичемъ, проживали: нынѣ казенныя государственныя преступникъ Александръ Соловьевъ и государственный преступникъ Адрианъ Михайловъ. Въ 1875 и 1876 гг. Богдановичъ принималъ участіе въ съѣздахъ представителей революціоннаго движенія, происходившихъ въ Москвѣ и С.-Петербургѣ. Для осуществленія выработанной на послѣднемъ изъ означенныхъ съѣздовъ, такъ называемой „народнической программы“, Богдановичъ великимъ постомъ 1877 г. прибылъ въ г. Самару, гдѣ поселился вмѣстѣ съ обвинявшимся въ государственномъ преступленіи дворяниномъ Александромъ Ивановымъ Иванвичемъ Писаревымъ.

По показанію Писарева, онъ, въ теченіи 1877 г. подъ именемъ Григорія Ивановича Лебединцева, занималъ мѣсто писаря сначала въ Богдановскомъ, а затѣмъ въ Страховскомъ волостныхъ правленіяхъ, причемъ въ обоихъ этихъ мѣстахъ Юрій Богдановичъ, подъ именемъ Мартына Николаевича Платонова, былъ его помощникомъ.

Въ началѣ мая 1878 г. Богдановичъ прибылъ въ Саратовъ, гдѣ, подъ именемъ Гитевскаго, занимался въ продолженіи 7 мѣсяцевъ у мѣстнаго нотаріуса Праотцева, а затѣмъ отправился въ Вольскъ, гдѣ, по рекомендаціи Праотцева, работалъ короткое время въ конторѣ нотаріуса Флорова. Лѣтомъ 1878 г., Богдановичъ, по настоянію Вольскаго уѣднаго предводителя дворянства Флорова, былъ назначенъ писаремъ въ Царевническую во-

лостное правление, каковую должность занимал в продолжении 8 месяцев. В Паревшицъ Богдановича посещали: нынѣ казенный государственный преступникъ Соловьевъ, служившій подъ именемъ Печкарева писаремъ Стригайского волостного правления, и Иванчичъ-Писаревъ, занимавшій такую же должность въ Балтадомъ волостномъ правлении и проживавшій по виду на имя Александра Ивановича Страхова; видомъ этимъ Писарева, по его показанію, снабдилъ Богдановичъ. Кроме того Богдановича посещали: розыскиваемая по обвиненію въ государственномъ преступленіи Вѣра Филиппова и сестра ея, нынѣ осужденная Евгения Фигнеръ, которая проживали въ селѣ Вязиновѣ, гдѣ первая исполняла должность фельдшерницы.

Произведеннымъ членомъ С.-Петербургской Судебной Палаты Шуйскимъ предварительнымъ слѣдствіемъ о тайномъ сообществѣ, стремившемся испровергнуть существующій въ Имперіи государственный и общественный строй, а также дознаніями по поводу ареста въ С.-Петербургѣ Вѣры Чепурной и о пребываніи государственнаго преступника Соловьева въ Самарской и Саратовской губерніяхъ установлено, что Богдановичъ со всеми вышеупомянутыми лицами, т. е. съ Соловьевымъ, Филипповою, Фигнеръ и Иванчичамъ-Писаревымъ находился въ близкихъ, т. е. дружескихъ отношеніяхъ.

Весною 1879 г. Богдановичъ выѣхалъ изъ Саратова и отправился въ С.-Петербургъ, куда прибылъ 1-го апрѣля, т. е. наканунѣ покушенія Соловьева. Желая избѣгнуть ареста, такъ какъ послѣ событія 2 апрѣля его начали усиленно розыскивать, Богдановичъ уѣхалъ въ провинцію и возвратился въ Петербургъ лишь осенью того же года. Здѣсь онъ узналъ о новой программѣ, принятой на лицезкомъ съѣздѣ. Въ 1880 г., получивъ приглашеніе „исполнительнаго комитета“ принять участіе въ приготовленіи къ царевѣдствію, Богдановичъ поселился въ домъ графа Менгдена, по Малой Садовой улицѣ, гдѣ подъ именемъ крестьянина Кобозева, нанявъ сырую лавку, изъ которой былъ выведенъ подполье подъ полотно улицы.

Проживъ, послѣ 1-го марта, мѣсяца 1½ или 2 въ Петербургѣ, Богдановичъ перѣѣхалъ въ Москву для новой организационной работы и затѣмъ, какъ сказано выше, ѣздилъ въ Сибирь. Въ Москвѣ Богдановичъ проживалъ подъ именемъ Прозоровскаго, въ домѣ Бочкова, на Садовой улицѣ, и тамъ былъ арестованъ 10-го марта 1882 года.

2.

Обвиняемый Михаилъ Федоровъ Грачевскій, сынъ дьякона Саратовской епархіи, 33-хъ лѣтъ, женатъ, воспитывался на счетъ родителей въ Саратовской Духовной Семинаріи, а затѣмъ поступилъ въ Технологическій Институтъ, но въ обоихъ заведеніяхъ курса не окончилъ.

Привлекался къ дѣлу о преступной пропагандѣ въ Имперіи и въ 1878 году былъ приговоренъ Особымъ Присутствіемъ Правительствующаго Сената къ аресту на 1 мѣсяцъ, а впоследствии былъ выславъ въ административномъ порядкѣ въ Архангельскую губернію; въ 1879 г. съ мѣста ссылки бѣжалъ.

До своего ареста, послѣдовавшаго 5-го июня 1882 года, Грачевскій про-

живалъ въ Петербургѣ подъ именемъ дворянина Могилевской губерніи Августина Андреева Галиновскаго, причемъ осмотроу книги на записъ жильцовъ въ домѣ № 9 по Фонарному переулку удостовѣрено, что въ означенномъ домѣ онъ поселился 26-го марта 1881 года, а до того, въ теченіи 3-хъ дней, проживалъ въ д. № 17 по Гороховой улицѣ.

3.

Обвиняемая Парасковья Семеновна Ивановская, 30 лѣтъ, дочь священника Тульской епархіи, дѣвица. Первоначальное образованіе получила въ Тульскомъ женскомъ Духовномъ Училищѣ и по окончаніи въ 1872 году курса въ немъ, выдержала экзаменъ на знаніе домашней учительницы.

Съ 24-го января и по 24-е марта 1881 года, Ивановская проживала въ Москвѣ, въ гостиницѣ „Европа“ и въ домѣ Пановой, по Введенскому переулку, подъ именемъ дворянки Черниговской губерніи Анны Марченко. Изъ показанія крестьянки Агулины Шибинковой, служившей кухаркой у Ивановской и о проживавшаго съ ней подъ именемъ Леонида Марченко дворянина Поддубскаго, видно, что сурруговъ Марченко посѣщали обвиняемые по настоящему дѣлу Калужный и Богдановичъ.

Изъ дѣла видно, что съ 7-го августа и по 5 сентября 1882 г. Ивановская проживала въ г. Харьковѣ, въ д. Чуваевскаго, по Троицкому переулку, подъ именемъ жены губернскаго секретаря Фроловой.

Ивановская была арестована 13-го сентября 1882 г., тогчасъ по прѣѣздѣ своемъ въ г. Витебскъ, гдѣ она остановилась въ квартирѣ еврея, проживавшаго по подложному паспорту. При задержаніи обвиняемая предъявила паспортъ на имя жены коллежскаго assessora Надежды Александровны Руничъ, оказавшейся по провѣркѣ подложнымъ. По обыску у назвавшейся Руничъ были, между прочимъ, найдены: листокъ добровольнаго сбора въ пользу редакціи „Народной Воли“, и рецептъ доктора Вышинскаго, въ Харьковѣ, на имя Фроловой.

4.

Елисаветградскій мѣщанинъ Савелій Соломоновъ Златопольскій былъ задержанъ 19 апрѣля 1882 года, въ гор. Москвѣ, по Малой Дубянкѣ, подъ именемъ оберъ-офицера сына Константина Николаева Богольцова. По обнаруженіи его квартиры оказалось, что онъ проживалъ по аттестату, выданному Вѣдостоко-Сокольскимъ Съѣздомъ Мировыхъ Судей за № 153.

По обыску у Златопольскаго были найдены листокъ для сбора пожертвованій въ пользу „краснаго креста партіи народной воли“ и свидѣтельство Одесскаго полиціеистра за № 3570 на имя дочери канцелярскаго служителя Анны Кватковской.

Первоначальныя свидѣнія о революціонной дѣятельности Златопольскаго были получены изъ показанія умершаго обвиняемаго Григорія Гольденберга, знавшаго Златопольскаго съ 1874 г. По показанію Гольденберга, Златопольскій въ 1879 г., проживая въ Одессѣ, находился въ близкихъ сношеніяхъ съ государственными преступниками Колодковичемъ, Фроленко и Дрончикомъ и около этого времени былъ избранъ въ члены такъ назв-

ваемого „исполнительного комитета“. По словам Гольденберга, Савелій Златопольскій принадлежалъ въ числу видныхъ дѣятелей революціоннаго общества и даже былъ въ Одессѣ „главнымъ центромъ“. Государственный преступникъ Меркуловъ, въ ряду сдѣланныхъ имъ разоблаченій, между прочимъ, показалъ, что посѣщая квартиру Геси Гельфманъ въ д. № 27/4 по Троицкому переулку, онъ тамъ встрѣчалъ Савелія Златопольскаго, носившаго кличку „Савки“.

Обвиняемый по настоящему дѣлу Антонъ Борейша, подтвердивъ указаніе Меркулова на посѣщеніе Златопольскимъ „конспиративной квартиры“ Гельфманъ, добавилъ, что жилецъ Златопольскаго и въ квартирѣ Пришибинныхъ, гдѣ помѣщалась тайная типографія „Народной Воли“, при чемъ Златопольскій въ означенной квартирѣ сдѣлалъ фальшивую полицейскую справку на его, Борейши, паспортъ.

Привлеченные къ дознаніямъ въ Кіевѣ и Одессѣ по обвиненію въ государственныхъ преступленіяхъ и спроченные по настоящему дѣлу въ качествѣ свидѣтелей: казакъ Петлицкій и дворня Саранчевъ и Масловъ показали, что въ концѣ 1880 года, одинъ изъ нихъ, Петлицкій, встрѣчалъ Златопольскаго въ Кіевѣ, въ квартирѣ одного революціоннаго дѣятеля и при встрѣчахъ толковалъ съ нимъ о замыслахъ тогда убійствѣ офицера отдѣльнаго корпуса жандармовъ Сулейкина, причемъ Златопольскій давалъ по сему предмету практическія совѣты и указанія. Послѣ нѣсколькихъ свиданій, Златопольскій объяснилъ, что исполненіемъ предполагаемаго преступленія надо пока приостановиться, чтобы не помѣшать задуманному въ Петербургѣ болѣе серьезному террористическому предпріятію и во всякомъ случаѣ не приступать къ дѣйствию безъ его, Златопольскаго, разрѣшенія. Въ январѣ 1881 г. Масловъ и Саранчевъ встрѣчались Златопольскаго въ Одессѣ, причемъ онъ велъ усиленную агитацію въ духѣ программы партіи „Народной Воли“. Изъ Одессы Златопольскій уѣхалъ въ февралѣ 1881 года.

Осмотромъ подлежащихъ домовыхъ книгъ удостовѣрено, что Златопольскій, подъ именемъ Боголюбова, въ періодъ времени съ 23 мая по 21 октября 1881 г., проживалъ въ С.-Петербургѣ, въ гостиницѣ „Россія“; съ 22 по 29 декабря 1881 г., въ Москвѣ, тоже въ гостиницѣ „Россія“; съ 4 января по 4 марта 1882 г., снова жилъ въ Петербургѣ, а затѣмъ переехалъ въ Москву, гдѣ и жилъ до своего ареста, по Армянскому пер. въ домѣ Грачева.

Привлеченный къ дѣлу въ качествѣ обвиняемаго, Златопольскій, сознавшійся въ принадлежности къ партіи „народной воли“, признавалъ, между прочимъ, и посѣщенія имъ квартиры Геси Гельфманъ въ Троицкомъ переулкѣ, куда онъ, по его словамъ, ходилъ для свиданій съ Грачевскимъ.

Изъ дѣла видно, что Савелій Соломоновъ Златопольскій, Елисаветградскій мѣщанинъ, 25 лѣтъ отъ роду, холостъ; по окончаніи въ 1873 году Николаевской гимназіи, поступилъ въ Технологическій Институтъ, но въ 1875 г., по болѣзни вышель, не окончивъ курса.

5.

Севастопольскій мѣщанинъ Петръ Абрамовъ Телаловъ, 29 лѣтъ отъ роду, холостъ. По окончаніи гимназическаго курса, поступилъ въ 1870 году въ Горный Институтъ, откуда, за участіе въ студенческихъ беспорядкахъ,

былъ исключенъ въ 1874 году и сосланъ въ административномъ порядкѣ въ Костромскую губернію. Въ 1875 году Телаловъ былъ возвращенъ изъ ссылки и до 1879 года проживалъ въ Симферополѣ, а въ концѣ означеннаго года перешелъ на „нежелательное“ положеніе и сталъ жить, по его собственнымъ словамъ, на средства революціоннаго общества.

16-го Декабря 1881 года Телаловъ былъ задержанъ въ Петербургѣ подъ именемъ рязанскаго мѣщанина Семенова, причемъ при немъ были найдены: книжка безъ пометъ, нѣсколько экземпляровъ печатныхъ произведеній подпольной печати и разныя записки и рукописи, изъ коихъ обратилъ на себя особое вниманіе: 1) уставъ тайнаго революціоннаго общества, входящаго въ составъ „партіи народной воли“, озаглавленнаго „обществомъ освобожденія“, о которомъ уже было сказано выше; 2) программа польской социально-революціонной партіи, помѣченная 18 Ноябремъ 1881 года, въ которой проводится мысль объ объединеніи революціонеровъ польскихъ съ русскими; 3) письмо, адресованное лицу, находящемуся въ заключеніи, начинающееся словами: „Дорогой Саша, дорогой другъ“ и подписанное „Твоя Анна“, и 4) выписки изъ артиллерійскаго журнала, трагунткою о приготовленіи, примѣненіи и дѣйствии боевыхъ ракетъ.

По обыску въ квартирѣ Телалова, въ д. № 20 по Средне-Мѣщанской улицѣ было найдено: 3 револьвера съ патронами къ нимъ, прифрѣтъ въ двухъ деревянныхъ ящикахъ, множество рукописей преступнаго содержанія и около 700 печатныхъ экземпляровъ разныхъ запрещенныхъ изданій. По предьявленіи эксперту, завѣдывающему лабораторіей Михайловской Артиллерійской Академіи, Генералъ-Маіору Федорову записей, относящихся къ приготовленію и дѣйствию ракетъ, послѣдній заявилъ, что свидѣнія эти выписаны изъ артиллерійскихъ журналовъ, изъ статей общедоступныхъ, что и ракеты, о которыхъ говорится въ выпискахъ, вслѣдствіе неправильнаго своего полета, могутъ быть употребляемы только противъ массъ людей. Относительно письма за подписью „Анна“ дознаніемъ, какъ объ этомъ будетъ изложено ниже, установлено, что оно писано Анной Корба и предназначалось для передачи содержавшемуся въ то время въ С.-Петербургской крѣпости нынѣ осужденному государственному преступнику Александру Михайлову.

Изъ показаній обвиняемаго по настоящему дѣлу Борейши и привлеченнаго къ дознанію о распространеніи преступной пропаганды среди Петербургскихъ рабочихъ, бывшаго студента Кампанца, а равно и квартирной хозяйки послѣдняго—Прусской подданной Фазель, видно, что съ конца 1880 г. Телаловъ въ Москвѣ и Петербургѣ занимался организаціей систематической пропаганды между рабочими и, между прочимъ, въ послѣднее время, въ С.-Петербургѣ стоялъ во главѣ кружка лицъ изъ учащейся молодежи, занимавшихся такой пропагандой и собиравшихся для обсужденія вопросовъ, касающихся ихъ дѣятельности въ квартирѣ Кампанца.

Кромѣ сего изъ показаній Борейши видно, что въ Ноябрь 1881 года онъ видѣлъ Телалова въ портерной лавкѣ вмѣстѣ съ Златопольскимъ, появившимъ въ это время кличку Филиппа Давилова.

Осмотромъ домовыхъ книгъ удостовѣрено, что съ 29 Сентября 1880 года и до Августа 1881 года Телаловъ, подъ именемъ Семенова, проживалъ въ

Москву, сначала въ „Торговой гостиницѣ“, а затѣмъ на Маросейкѣ въ домъ Хвошинскаго, въ Августѣ 1881 года онъ переехалъ въ Петербургъ, гдѣ также подъ именемъ Семёнова первоначально проживалъ въ гостиницѣ „Москва“, а затѣмъ до дня своего ареста, въ д. № 20 по Средней Мѣшанской улицѣ.

6.

Анна Павлова Корба, урожденная Мейнгардтъ, 32 лѣтъ отъ роду, жена потомственного почетнаго гражданина, по происхожденію дворянка, воспитывалась и жила въ домѣ своихъ родителей до выхода въ 1868 году замужъ. Живя въ 1877 году въ г. Минскѣ, она разсталась съ мужемъ и въ концѣ означеннаго года отправилась въ Руминь въ качествѣ сестры милосердія и, пробывъ тамъ до весны 1878 года, возвратилась въ Петербургъ, гдѣ заболѣла тифомъ. Выздоровѣвъ, обвиняемая прожила нѣсколько времени въ имѣніи своей сестры, а лѣтомъ 1879 года прибыла снова въ Петербургъ и проживъ нѣкоторое время съ мужемъ, окончательно съ нимъ разошлась. Съ осени 1879 года и до 1-го Февраля 1880 года Анна Корба служила въ правленіи завакваской желѣзной дороги и въ это время познакомилась съ женой государственнаго преступника Бараникова—Маріей Кожурниковой. Сойдись съ послѣдней ближе, Корба поселилась съ нею на одной квартирѣ и черезъ нее завязала сношенія съ членами преступнаго сообщества. По отъѣздѣ Кожурниковой изъ Петербурга, обвиняемая сообщила, что Кожурникова разсыкается полиціей, вследствие чего она, Корба, опасаясь преслѣдованія, въ началѣ 1880 года выѣхала изъ Петербурга и затѣмъ, перейдя на нелегальное положеніе, стала жить, по ее собственнымъ словамъ, на средства „партія народной воли“.

Обвиняемая Корба была арестована въ ночь на 5 Юня 1882 года въ домѣ № 22 по Дровяному переулку, гдѣ она проживала съ 25 Февраля того же года подъ именемъ вдовы почетнаго гражданина Софьи Розановой, причѣмъ отобранннй у нея паспортъ на это имя оказался по провѣркѣ подложнымъ; до переезда же въ эту постѣдную квартиру, Корба подъ тѣмъ же именемъ жила съ 16 Января въ д. № 23 по М. Морской улицѣ.

Изъ дѣла видно, что по слнченіи почерка письма, отобраннаго у Телодрова, за подписью „Твоя Анна“, съ почеркомъ руки Анны Корба, эксперты пришли къ заключенію, что письмо это писано послѣдней.

Обвиняемая Корба признала, что означенное письмо писано ею и предназначалось содержавшемуся въ то время въ С.-Петербургской крѣпости нынѣ осужденному государственному преступнику Александру Михайлову.

По доставленіи Анны Корба въ С.-Петербургскую крѣпость по обыску въ ея одеждѣ было найдено 5 записокъ, писанныхъ упомянутымъ Александромъ Михайловымъ изъ мѣста заключенія.

7.

Александръ Викентьевъ Будиновичъ, отставной флота лейтенантъ, привлеченный къ дознанію въ бытность свою на действительной службѣ, послѣдніе 7 лѣтъ состоялъ при Министерствѣ Путей Сообщенія; 32 лѣтъ отъ роду, вдовецъ. Окончилъ курсъ въ Морскомъ училищѣ и въ Морской Ака-

деміи, а затѣмъ въ Институтѣ Инженеровъ Путей Сообщенія. До дня своего ареста, 5 Юня 1882 года, обвиняемый проживалъ въ д. № 3 по Малой Мастерской вмѣстѣ со своей матерью, сестрами и малолѣтней дочерью.

Изъ дѣла видно, что въ числѣ бумагъ, отобранныхъ у обвиняемаго по настоящему дѣлу Грачевскаго, было найдено рукописное воззваніе преступнаго содержанія къ „товарищамъ по оружію“, причѣмъ, по слнченіи почерка, коимъ оно писано, съ почеркомъ руки обвиняемаго Будиновича, эксперти пришлель къ заключенію, что воззваніе писано послѣднимъ.

Обвиняемый Будиновичъ съ своей стороны призналъ, что воззваніе было переписано имъ съ другой рукописи, предназначавшейся для распространенія въ печати.

8.

Хаса Гершева, она же Христія Григорьева, Гринбергъ въ 1878 г., въ гор. Одессѣ поступила въ качествѣ работницы въ сапожную мастерскую австрійскаго подданнаго Янковича, но чрезъ три дня была удалена изъ мастерской, потому, что проводила время въ разговорахъ съ рабочими, которымъ, по выраженію свидѣтеля Янковича, толковала о свободѣ и давала читать книги. Вскорѣ послѣ выгнѣтія Гринбергъ изъ мастерской, на ея имя было получено изъ гор. Николаева, Херсонской губерніи, за подписью „Фелика“ письмо, въ которомъ выражена просьба сообщить подробности о вооруженномъ сопротивленіи, оказанномъ при производствѣ обыска въ квартирѣ Виттень (дѣло о государственныхъ преступникахъ Ковальскомъ, Витавескомъ и другихъ). Изъ показанія бывшаго матроса Николая Фоменко видно, что въ 1877—1878 г.г. въ обществѣ лицъ, пропандандированныхъ среди матросовъ въ гор. Николаевѣ, вращалась нѣкая молодая дѣвушка по имени Христія.

Гринбергъ признала, что была знакома съ Николаемъ Фоменко и что была работницей въ магазинъ Янковича, но при этомъ объяснила, что поступила въ послѣднемъ исключительно съ дѣлью изучить башмачное ремесло и отошла отъ него потому, что онъ предълагилъ условія, на которыя она не могла согласиться.

Государственный преступникъ Меркуловъ, давая подробныя показанія о прнготовленіяхъ къ царевубиству въ гор. С.-Петербургѣ лѣтомъ 1880 г., между прочимъ, объяснилъ, что въ означенное дѣло ему приходилось нѣсколько разъ кататься на лодкѣ съ ближайшими участниками упомянутыхъ прнготовленій, при чемъ, однажды, когда онъ ѣздилъ въ лодкѣ съ Желябовымъ, Прѣсяновымъ, Тетеркой, Грачевскимъ и Бараниковымъ, съ ними были еще двѣ женщины, изъ которыхъ одну звали „Христей“.

Гринбергъ признала, что действительно лѣтомъ 1880 года она каталась съ нѣсколькими лицами, въ числѣ которыхъ былъ Меркуловъ, но названъ остальныхъ, бывшихъ въ лодкѣ лицъ, отказалась.

Изъ показанія мѣщаники Вадюхи Хлѣбниковой оказывается, что въ 1881 году, въ гор. Одессѣ, у нея на квартирѣ проживала женщина подъ фамиліей Спекторовой. Когда пришло извѣстіе о злодѣяніи 1-го Марта, Хлѣбникова тотчасъ же сообщила своимъ жильцамъ объ ужасномъ событіи, на что Спекторова отозвалась словами: „что-жъ за важное дѣло, что Царя убили“. Обвиняемая Гринбергъ признала, что проживала въ г. Одессѣ подъ фамиліей Спекторовой.

Михаилъ Грачевскій призналъ свое знакомство съ Гринбергъ и посещения послѣдней, а Савелій Златопольскій объяснилъ, что знаетъ Гринбергъ съ давнихъ поръ, какъ свою землячку.

Гринбергъ 24 лѣтъ отъ роду, еврейка, двѣца, купеческая дочь, уроженка г. Николаева Херсонской губ., гдѣ и воспитывалась въ частномъ пансіонѣ. Изъ дѣла видно, что Гринбергъ подъ именемъ дворянки Елисаветы Каммеръ проживала въ Петербургѣ съ 24 Августа 1881 года и до Мая 1882 г. въ д. № 24 по Кировой улицѣ, а съ послѣдняго времени и до ареста 3-го Іюня 1882 г. въ № 16 по Сергіевской улицѣ.

9.

Михаилъ Филимоновъ Клименко, 26 лѣтъ отъ роду, уроженецъ Бессарабской области, по происхожденію дворянинъ, холостъ. По окончаніи курса наукъ въ Одесской Ришельевской гимназіи, поступилъ въ Новороссійскій Университетъ, изъ котораго перешелъ въ Кіевскій—Св. Владиміра, по курсу въ немъ не окончивъ, такъ какъ въ 1880 году былъ арестованъ по обвиненію въ принадлежности къ тайному преступному сообществу. Составившимся въ томъ же году приговоромъ Кіевского Военно-Окружнаго Суда былъ осужденъ по лишенію всѣхъ правъ состоянія къ ссылкѣ въ каторжную работу на 15 лѣтъ, но по конфирмаціи этого приговора Кіевскимъ, Подольскимъ и Волынскимъ Генералъ-Губернаторомъ, посланъ на поселеніе въ Сибирь, откуда бѣжалъ въ май 1881 года.

10.

Александръ Васильевъ Прибылевъ, 24 лѣтъ отъ роду, сынъ священника, уроженецъ г. Камышлова, Пермской губерніи, женатъ на Розаннѣ (нареченной при св. крещеніи Раисой) Гросманъ. Воспитывался первоначально въ Екатеринбургской и Пермской гимназіяхъ, а затѣмъ окончилъ курсъ при Медико-Хирургической Академіи съ званіемъ ветеринарнаго врача. Въ 1878 году былъ арестованъ за участіе въ студенческихъ безпорядкахъ.

11.

Раиса Львова Прибылева, 25 лѣтъ отъ роду, еврейка, принявшая православіе, жена ветеринарнаго врача, уроженка Кіевской губерніи, Черкаскаго уѣзда. Окончила курсъ частной гимназіи въ гор. Одессѣ, а затѣмъ, по прибытіи въ Петербургъ, поступила на женскіе врачебные курсы, въ числѣ слушательницъ которыхъ и состояла до своего ареста.

Изъ дѣла видно, что Прибылевы вступили въ бракъ 2-го мая 1882 г., а 14-го того же мая перѣехали на жительство въ конспиративную квартиру въ домъ № 24 по 11 линіи Васильевского Острова.

12.

Марія Александровна Юшкова, 22 лѣтъ, дочь священника Черниговской епархіи, до 18 лѣтъ проживала съ родителями въ Черниговѣ, гдѣ окончила курсъ женской гимназіи, а по прибытіи, затѣмъ, въ Петербургъ, посѣдую-

ательно окончила фельдшерскіе и маринскіе акушерскіе курсы. Изъ дѣла видно, что обвиняемая Юшкова съ 7 мая и по день своего ареста, 5 Іюня 1882 года, подъ именемъ мѣщанки Савиной проживала въ квартирѣ Прибылева въ домъ № 24 по 11 линіи Васильевского Острова.

13.

Надежда Семенова Смирницкая, 30 лѣтъ, двѣца, дочь священника Кіевской епархіи, воспитывалась дома. Съ 1878 года, возвращаясь въ Кіевскіхъ революціонныхъ кружкахъ, находилась въ близкихъ сношеніяхъ съ убитымъ при вооруженномъ сопротивленіи властямъ Иваномъ Ивченвичемъ и участвовала на сходкахъ, на которыхъ обсуждались разные террористическія предпріятія и въ томъ числѣ убійство князя Крапоткина. По словамъ Гольдберга, Смирницкая, послѣ совершения имъ упомянутого преступленія, хлопотала о прискананіи ему убійца, безопаснаго отъ преслѣдуемой полиціи.

Въ май 1879 года Смирницкая, за принадлежность къ образовавшемуся въ Кіевѣ преступному кружку подъ названіемъ „Пифиникъ“, была выслана административнымъ порядкомъ въ Сольвычегодскъ, откуда, однако, впоследствии скрылась.

14.

Иванъ Васильевъ Калюжный, 24-хъ лѣтъ отъ роду, холостъ, Лебединскій, Харьковской губерніи, мѣщанинъ. По окончаніи курса Сумской классической гимназіи, поступилъ въ Харьковскій Университетъ, но за участіе въ студенческихъ безпорядкахъ, до окончанія курса былъ высланъ въ городъ Володу, откуда скрылся въ мартѣ 1880 года.

Съ 27 сентября 1881 года и до дня ареста—23 марта 1882 года, Калюжный и Смирницкая проживали въ Москвѣ въ домѣ Волковой, по Прогонному переулку, по подложному паспорту на имя супруговъ Беневоленскихъ. Свидѣтельница, крестьянка Елена Васильева, служившая кухаркой у обвиняемого по настоящему дѣлу Юрія Богдановича, во время жительства его въ Москвѣ подъ именемъ Прозоровскаго, признала въ Калюжномъ лицѣ, посѣщавшемъ Прозоровскаго.

15.

Сынъ священника Яковъ Васильевъ Стефановичъ, послѣ побѣга изъ Кіевского тюремнаго замка, отправился, какъ это видно изъ его собственнаго показанія, за границу, откуда возвратился въ Россію въ іюль 1879 г. прямо въ С.-Петербургъ, гдѣ вступилъ въ образовавшееся тогда революціонное общество подъ названіемъ „земля и воля“, а послѣ распада таковаго на двѣ фракціи: „народной воли“ и „чернаго передѣла“, примкнулъ къ послѣдней. Вълѣтъ за симъ Стефановичъ отправился въ Одессу, гдѣ, проживая подъ чужимъ именемъ, занимался пропагандой между рабочими. Послѣ покушенія на царейство 19 ноября 1879 г., Стефановичъ, боясь быть арестованнымъ, ухвѣлъ изъ Одессы въ С.-Петербургъ, откуда въ концѣ декабря 1879 г., вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Дейчемъ,

уехал за границу. Проживая за границей и оставаясь верным тенденциям „черного передья“, Стефанович поддерживал сношения лишь с петербургскими своими единомышленниками, которым оказал услугу напечатанием за границей 2-х номеров газеты „Черного Передья“ и доставлением русских заграничных, противоправительственных изданий. Возвратившись в Россию, Стефанович, как уже сказано выше, вступил в „партию народной воли“ и содействовал ей слиянию с чернопередьяцами, а также учреждению заграничного отряда вновь возникшего общества красная креста. Кроме сего Стефанович посвятил свою деятельность изданию за границей для России журналов и книг революционного содержания и вступил по этому вопросу с эмигрантами Лавровым, Плехановым и Дельчеве. За означенное дело Стефанович, по его словам, ввязался с темъ большой охотой, что, по его мнению, такт называемая серьезная революционная литература въ последние годы была совершенно заброшена. Организация „народной воли“ принимала на себя расходы по вышеозначенному предприятию, о-же, Стефанович, являлся только посредникомъ между нею и той частью русской эмиграции, которая была готова помочь издательскому делу. По условию между обими сторонами упомянутыя издания не должны были носить партійнаго характера, что давало возможность привлечь къ этому делу такихъ известныхъ эмигрантовъ какъ Плехановъ, Лавровъ, Вѣра Засуличъ и друг., не раздвѣляющихъ программы „народной воли“.

При предъявленіи Стефановичу фотографическихъ карточекъ лицъ, привлеченныхъ къ настоящему делу, онъ призналъ свое знакомство съ Богдановичемъ, Грачевскимъ, Телаловымъ, Корба, Златопольскимъ и кроме того объяснилъ, что онъ встрѣчался въ Москвѣ съ Каложинымъ и Парасковіею Ивановскою, съ которыми однако познакомился еще не успѣлъ.

Въ разъясненіе и подтвержденіе вышеизложеннаго показанія Стефановича по поводу его литературнаго предпріятія за границей, дознаніемъ выяснено, что еще въ ноябрѣ 1881 года полиціей, путемъ розысковъ, были получены два №№ „Народной воли“, предназначавшихся для отсылки за границу; на одномъ изъ означенныхъ №№ оказалась надпись, въ которой лицо, подписавшееся словомъ „редакторъ“ предлагало отпечатать этотъ №. Кроме того къ этимъ №№ была приложена записка, въ которой „редакция“ поручала перепечатаніе приложеннаго № „Народной Воли“, а также № 4 „Черного Передья“ какому-то Евгению и сообщила послѣдному условія, на которыхъ перепечатаніе могло быть доущено.

Стефановичъ призналъ, что приведенная надпись на № „Народной Воли“ и записка къ Евгению писана имъ, при чемъ послѣдняя была адресована Дельчу. По словамъ Стефановича онъ подписался „редакторъ“ и „редакция“ единственно для того, чтобы требованіе, изложенное въ запискѣ, представлялось болѣе авторитетнымъ.

По осмотру бумагъ и другихъ предметовъ, отобранныхъ у Стефановича при его задержаніи, а также взятыхъ по обыску въ его квартиру, слѣдующіе изъ нихъ оказались имѣющими значеніе для дѣла: 1) 449 печатныхъ экземпляровъ воззванія подъ заглавіемъ: „Соборное уложеніе христіанскаго братства“. Воззваніе это состоитъ изъ двухъ частей: въ одной изъ нихъ заключается приглашеніе всѣхъ безъ различія вѣроисповѣданій вступать

въ тайное сообщество, посягающее названіе: „Христіанское братство“; во второй части воззванія изложена самая организція сообщества, при чемъ задачѣю ставится борьба съ существующимъ правительственнымъ порядкомъ, а конечною цѣлью—ниспроверженіе этого порядка; 2) 314 печатныхъ экземпляровъ воззванія подъ заглавіемъ: „Соборное посланіе христіанскаго братства ко всѣмъ чтущимъ святое ученіе Христа“. Въ означенномъ воззваніи доказывается, что „существующее правительство и всѣ его установленія и законы, какъ основанные на неправдѣ, подавленіи и гоненіи свободнаго исканія истины, слѣдуетъ считать незаконными и противными заповѣдямъ Божиимъ и свободѣ и духу христіанскаго ученія“; 3) 368 экземпляровъ бумажныхъ обложекъ, очевидно предназначенныхъ для вышеупомянутаго воззванія съ печатными заглавіемъ: „Соборное посланіе христіанскаго братства ко всѣмъ чтущимъ святое ученіе Христа“; 4) шесть экземпляровъ прокламацій, помѣченныхъ 2 марта 1881 года отъ комитета „народной воли“ „къ честнымъ мирянамъ, православнымъ крестьянамъ и всему народу русскому“. Въ названныхъ прокламаціяхъ предлагается крестьянамъ отправлять своихъ ходоковъ къ вновь вступившему на престолъ Государю Императору Александрѣ III съ заявленіемъ о своихъ нуждахъ и съ ходатайствомъ объ удовлетвореніи таковыхъ; 5) одинъ № газеты „Черный передья“ и нѣсколько брошюръ противоправительственнаго содержанія; 6) нѣсколько писемъ, между которыми обращаетъ на себя вниманіе весьма пространное письмо изъ за границы отъ 21-го января (2-го февраля), начинающееся словами: „Дорогой мой братъ“ и относящееся по своему содержанию до разныхъ предметовъ революціонной дѣятельности, при чемъ многія мѣста этого письма зашифрованы; 7) сурчужный отгискъ печати „христіанскаго братства“, съ надписью славянскими буквами „праведно у Бога воздати скорбь оскорбляющимъ“; 8) оказавшіяся подложными билетъ Бобруйскаго городского полицейскаго управленія отъ 8 июня 1881 г. за № 4574 на имя дворянина Михаила Викентьева Огрызко.

По поводу всего найденнаго у него при обыскѣ, Стефановичъ, уклоняясь отъ разъясненія какъ зашифрованныхъ мѣстъ въ письмахъ, такъ и вообще ихъ содержанія, показалъ, что всѣ запрещенныя изданія оныхъ получены случайно на храненіе отъ своего знакомаго, который, опасаясь обыска, не могъ оставлять ихъ въ своей квартирѣ. Что же касается писемъ, то хотя таковыя и были обращены къ нему, Стефановичу, но относятся къ другимъ лицамъ, и имѣютъ, по его словамъ, коллективное значеніе.

Осмотромъ домовою книги по дому Нобеля въ гор. Москвѣ въ 1 уч. Пятикудной части, а также показаніями свидѣтелей установлено, что съ 31 января 1882 г. по день ареста, Стефановичъ проживалъ въ означенномъ домѣ по подложному виду на имя Огрызко.

Осенью 1879 г., передъ совершеніемъ покушенія на царсубіество въ Москвѣ и Александровскѣ и приготовленій къ этому злодѣянію въ Одессѣ, Стефановичъ, по показанію умершаго обвиняемаго Григорія Гольденберга, находился въ Россіи и проживалъ въ Одессѣ. Въ это время Стефановичъ, по словамъ Гольденберга, зная о готовившихся посягательствахъ на жизнь почившаго Монарха, возбуждалъ среди своихъ единомышленниковъ вопросъ о распространеніи въ народѣ, послѣ удачнаго покушенія манифе-

етовъ, призывающихъ крестьянъ отправить своихъ ходоковъ къ вновь вступившему на престолъ Государю Императору съ заявленіемъ о своихъ нуждахъ. По удостовѣренію Гольдберга подобнаго содержанія манифесты были уже тогда изготовлены и находились у Стефановича.

Въ разъясненіе приведенныхъ указаній Гольдберга, Стефановичъ показалъ, что ему, какъ не состоявшему въ организаціи „народной воли“, осенью 1879 г. не могло быть извѣстно о готовившихся тогда посягательствахъ на царубійство, но, что находясь въ Россіи и зная, что сформировавшійся тогда „исполнительный комитетъ“ поставилъ себя цѣлью совершеніе царубійства, онъ, Стефановичъ, въ интересахъ чернопередвѣческой партіи, действительно возбуждалъ вопросъ о манифестѣ, упоминаемомъ Гольдбергомъ.

Яковъ Стефановичъ, какъ это видно изъ его объясненій и изъ собранныхъ о немъ свидѣній, 29 лѣтъ отъ роду, сынъ священника, уроженецъ Черниговской губерніи; по окончаніи курса гимназіи, поступилъ въ Кіевскій университетъ, но будучи на 2 курсѣ, скрылся, вслѣдствіе обвиненія его въ преступныхъ сношеніяхъ съ дворяниномъ Жебузинымъ, привлеченнымъ къ дѣлу о революціонной пропагандѣ въ Имперіи; затѣмъ былъ привлеченъ, какъ выше упомянуто, къ дѣлу объ организаціи преступнаго сообщества въ средѣ крестьянъ Чигиринскаго уѣзда, Кіевской губерніи, и послѣ побѣга изъ Кіевского тюремнаго замка, въ май 1878 года, скрылся за границу.

16.

Крестьянинъ Минской губерніи, Пинскаго уѣзда, Антонъ Степановъ Бореиша, выражая раскаяніе въ прежнихъ своихъ заблужденіяхъ, показывалъ, что по окончаніи курса въ Бѣлостокскомъ реальномъ училищѣ, онъ, въ 1877 году, поступилъ въ Технологическій Институтъ, но, не чувствуя призванія быть техникомъ, вышелъ со второго курса, намѣреваясь поступить въ Петровскую Земледѣльскую Академію, куда, однако, не былъ принятъ; послѣ того онъ изучалъ практически сельское хозяйство подъ руководствомъ бывшаго профессора Энгельгарта въ имѣніи послѣдняго, а затѣмъ, въ январѣ 1880 года возвратился въ Петербургъ и сталъ прискипать сабъ работу. Поискъ эти не были особенно успѣшны, вслѣдствіе чего ему приходилось испытывать большой недостатокъ въ матеріальныхъ средствахъ. Находясь въ такомъ положеніи, онъ познакомился съ бывшимъ студентомъ Технологическаго Института Игнатіемъ Гриневцкимъ, который вслѣдствіи принялъ участіе въ злодѣяніи 1-го марта 1881 г. и умеръ отъ ранъ, полученныхъ при взрывѣ брошеннаго имъ снаряда. Сначала это знакомство ограничивалось встрѣчами, а заснѣмъ онъ, Бореиша, поселился вмѣстѣ съ Гриневцкимъ и прожилъ на одной съ нимъ квартирѣ до августа 1880 г. Затѣмъ Гриневцкій, переехавши въ отдѣльную квартиру, продолжалъ посѣщать его, Бореишу, и однажды сдѣлалъ ему предложеніе заняться пропагандой среди рабочихъ, на что онъ откликнулъ, что готовъ принять на себя это дѣло лишь послѣ того, какъ ближе познакомится съ основными началами политической экономіи. Въ декабрѣ 1880 г. тотъ же Гриневцкій предложилъ ему принять участіе въ работахъ тайной типографіи „Рабочей Газеты“, послѣ чего, приведя его въ трактиръ, познако-

милъ тамъ съ государственными преступникомъ Колодковичемъ, съ которымъ онъ, Бореиша, отправился въ квартиру Геси Гельфманъ, по Троицкому переулку, и съ этого времени сталъ тамъ работать на типографскомъ станкѣ. Въ типографіи ему приходилось встрѣчать многихъ нелегальныхъ лицъ, въ томъ числѣ и государственнаго преступника Исаева. Въ концѣ декабря, квартира по Троицкому переулку была оставлена и его занятія въ типографіи прекратились. Въ первыхъ числахъ января Исаевъ, являсь къ Бореишѣ, предложилъ ему работать въ тайной типографіи „Народной Воли“ и повелъ его въ домъ № 44^{1/2} по Подольской улицѣ, въ квартиру, занимаемую Грачевскимъ, гдѣ онъ и работалъ, какъ уже сказано выше, до начала 1881 г. 3-го или 4-го марта онъ, Бореиша, вмѣстѣ съ государственными преступникомъ Лангансомъ выѣхалъ по желѣзной дорогѣ въ Москву, гдѣ познакомился съ Телаловымъ, отъ котораго и сталъ получать средства къ жизни, а когда Телаловъ собрался уѣхать изъ Москвы, то свелъ его съ нѣкимъ „Александромъ“, который продолжалъ снабжать его, Бореишу, денежными средствами и дать ему нелегальный видъ. Находясь въ Москвѣ до сентября 1881 года онъ, Бореиша, при посредствѣ Телалова, извѣстнаго ему тогда подъ именемъ Петра Николаевича, познакомился съ нѣсколькими нелегальными лицами, въ томъ числѣ съ Калужскимъ и принималъ участіе въ обсужденіи плана пропаганды среди рабочихъ, но нѣкимъ практическимъ дѣломъ не занимался. Въ сентябрѣ онъ переехалъ изъ Москвы въ Петербургъ, гдѣ опять встрѣтилъ Телалова; послѣдній свелъ его на квартиру студента Кампанца на Васильевскомъ островѣ, гдѣ собиравшись сходки лицъ, преступно дѣятельностью которыхъ руководилъ Телаловъ. На означенныхъ сходкахъ толковали о способѣ пропаганды среди рабочихъ, а также было сдѣлано распределеніе занятій пропагандой по районамъ города, причемъ ему, Бореишѣ, была отведена мѣстность за Нарвской заставой. Знакомясь затѣмъ съ рабочими, Бореиша въ теченіи 1881 г. снабжалъ ихъ запрещенными изданіями, получаемыми отъ Телалова.

При задержаніи Бореиши, у него были отобраны 7 номеровъ „Рабочей Газеты“, рукописи подъ заглавіемъ „Эксплоатація рабочихъ на Балтійскомъ заводѣ“ и нѣсколько адресовъ лицъ, проживающихъ въ разныхъ городахъ. Упомянутая рукопись содержитъ въ себѣ описаніе притѣсеній, какимъ подвергаются рабочіе со стороны управленія.

Обвиняемый Бореиша объясняетъ, что отобранные у него номера „Рабочей Газеты“, онъ получилъ отъ Телалова, а адреса приобрѣлъ совершенно случайно съ цѣлью пользоваться ими для рассылки прокламаціи и подпольныхъ изданій.

Привлеченные къ дѣлу о преступной пропагандѣ среди Петербургскихъ рабочихъ, бывшіе студенты Петербургскаго Университета Кампанецъ и Судakovъ признали, что въ квартирѣ первого изъ нихъ происходили сходки, посѣщаемыя Телаловымъ и Бореишею.

Мѣщанинъ Александръ Малаховъ призналъ въ Антонѣ Бореиша лицо, принадлежавшее для пропаганды среди рабочихъ въ портурно, содержимую имъ, Малаховымъ, по Большой Дворянской улицѣ.

Осмотрѣвъ домовыхъ книгъ, а также показаніями ряда свидѣтелей удостовѣрено, что Бореиша проживалъ: съ іюня по сентябрь 1880 г. въ

С.-Петербургъ, по Вознесенскому проспекту, въ домъ Дихачева, подъ своимъ настоящимъ именемъ, вмѣстѣ съ бывшимъ студентомъ Гриневичкимъ; съ 6-го апрѣля по 6-е сентября 1881 г. въ Москвѣ, подъ именемъ Горбунова, въ Александрійскомъ подворьѣ, по Садовой улицѣ, въ домъ Ерохина, и по Фурманову переулку въ д. № 140, а съ 20 сентября 1881 г. и по дѣлу ареста, въ С.-Петербургѣ по Английскому проспекту въ д. № 60 подъ именемъ Игнатъева.

17.

Антонина Игнатъева Лисовская, 24 лѣтъ, дворянка, уроженка Волынской губерніи, воспитывалась въ Устюжской женской прогимназіи, на казенный счетъ; въ послѣднее время, по ея объясненію, жила на средства „партии народной воли“.

По показанію обвинявшагося въ государственномъ преступленіи умершаго сына купца Григорія Гольденберга онъ, послѣ совершения убійства харьковскаго губернатора князя Крапоткина, скрывался въ Кіевѣ въ квартирахъ лицъ, принадлежавшихъ къ революціонному сообществу, и тамъ встрѣчался съ Антониной Лисовской.

Дворянинъ Александръ Родзевичъ, привлекавшійся къ дознанію объ организаціи революціоннаго кружка въ средѣ учащейся польской молодежи („польская гмина социалистовъ“), сиротенный въ качествѣ свидѣтеля по настоящему дѣлу, показалъ, что Антонина Лисовскую онъ встрѣчалъ на сходкахъ, происходившихъ осенью 1880 года въ г. Кіевѣ. На свиданіе ей въ то время предложеніе вступить въ польскій кружокъ, Лисовская, по показанію Родзевича, отвѣчала отказомъ и заявила, что принадлежитъ къ „партии народной воли“ не сочувствуетъ мирной пропагандѣ, а признаетъ лишь террористическую дѣятельность.

По показанію обвиняемаго Антона Вореяши, онъ встрѣчался съ Лисовской, въ іюль и августъ мѣсяцахъ 1881 г. въ Москвѣ, гдѣ она жила подъ именемъ жены революціоннаго дѣятеля извѣстнаго оубъ, Вореяши, подъ именами „Александръ съ бородой“, „Себастьянъ“ и „Архипъ Арсеньевъ“.

Осмотромъ домовыхъ книгъ, а также показаніями свидѣтелей установлено, что Лисовская проживала въ слѣдующихъ городахъ по подложнымъ видамъ: въ апрѣль 1881 г. подъ именемъ дочери священника Краснощѣпцовой, въ г. Варшавѣ, откуда скрылась вслѣдствіе того, что обратила на себя вниманіе мѣстной полиціи; въ началѣ 1881 года, подъ именемъ дворянки Милашевичъ, въ Москвѣ; въ началѣ 1882 г. подъ именемъ Гаевской въ Вильно и подъ именемъ Милашевичъ въ Минскѣ въ мартѣ 1882 г. и съ половины мая по 1 іюня того же года въ г. Витебскѣ.

Изъ извѣстныхъ въ дѣлѣ свѣдѣній видно, что во время проживанія Лисовской подъ именемъ Гаевской въ Вильно, въ означенномъ городѣ велась революціонная пропаганда лицами, принадлежавшими къ сообществу, именуемому себя партией „народной воли“, а также устраивалась тайная типографія.

Признавая, что она дѣйствительно проживала въ Вильно подъ именемъ Гаевской, Лисовская относительно принадлежности своей къ революціонной организаціи въ Сѣверо-Западномъ краѣ никакихъ объясненій дать не пожелаала.

Въ квартирѣ обвиняемыхъ Калужнаго и Смирницкой, при производствѣ въ ней обыска, между прочими видами на жилищество были найдены, какъ уже сказано выше, клочки того самаго документа на имя Гаевской, по которому Лисовская проживала въ Вильно.

На основаніи всего вышеизложеннаго:

I.

1) Дворянинъ Псковой губерніи, Юрій Николаевъ Богдановичъ, 33 лѣтъ; 2) Елсаветградскій мѣщанинъ Савелій Соломоновъ Златопольскій, 25 лѣтъ; 3) сынъ дьякона Михаилъ Федоровъ Грачевскій, 33 лѣтъ; 4) Севастопольскій мѣщанинъ Петръ Абрамовъ Телаловъ, 29 лѣтъ; 5) сынъ священника Яковъ Васильевъ Стефановичъ, 30 лѣтъ; 6) Лебедянской мѣщанинъ Иванъ Васильевъ Калужный, 24 лѣтъ; 7) дочь священника Надежда Семенова Смирницкая, 30 лѣтъ; 8) крестьянинъ Минской губерніи, Антонъ Степановъ Вореяша, 24 лѣтъ; 9) ветеринарный врачъ Александръ Васильевъ Прибылевъ, 24 лѣтъ; 10) жена ветеринарнаго врача Раиса Львова Прибылева, 25 лѣтъ; 11) дочь священника Марія Александрова Юшкова, 22 лѣтъ; 12) лишенный всѣхъ правъ состоянія Михаилъ Филимоновъ Клименко, 26 лѣтъ; 13) жена потомственного почетнаго гражданина Анна Павлова Корба, 28 лѣтъ; 14) дворянка Волынской губерніи, Антонина Игнатъева Лисовская, 24 лѣтъ; 15) отставной лейтенантъ флота Александръ Викентьевъ Буевичъ, 32 лѣтъ; 16) дочь купца Хаса Гершева (она же Христина Григорьевна Гринбергъ), 24 лѣтъ и 17) дочь священника Парасковья Семенова Ивановская, 30 лѣтъ; обвиняются въ томъ, что вступили въ тайное сообщество, именуемое себя „русское социально-революціонною партией“, имѣющее дѣлю ниспровергнуть, посредствомъ насильственнаго переворота, существующій въ Имперіи государственный и общественный строй, при чемъ преступная дѣятельность означеннаго сообщества проявлялась въ рядѣ посягательства на жизнь Священной особы въ Возѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича, въ убійствахъ и покушеніяхъ на убійство должностныхъ лицъ и въ приготовленіяхъ къ совершенію новыхъ злодѣяній такого же характера.

II.

Изъ числа вышепоименованныхъ лицъ, нижеизложенныя обвиняются въ томъ, что дѣйствуютъ для достиженія вышеуказанной преступной цѣли упомянутаго сообщества:

1) Телаловъ—а) знала о приготовляемомъ посягательствѣ на Священную жизнь въ Возѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича посредствомъ взрыва полотна Лозово-Севастопольской желѣзной дороги близъ г. Александровска, Екатеринбургской губерніи, для успѣшнаго совершенія задуманнаго злодѣянія, помѣстивъ на квартиру другаго лица земляной буравъ, завѣдомо для него, Телалова, долженствовавшій служить для заложения мины подъ полотно желѣзной дороги и передать нинѣ казенному государственному преступнику Андрею Желязову чюмадонъ съ динамитомъ, долженствовавшимъ завѣдомо для него, Телалова, служить

для взрыва Императорского поезда; б) постъ совершении 18 ноября 1879 г. описанного выше покушения на царейство подъ г. Александровскомъ, скрытъ въ квартирѣ другого лица нѣкоторые предметы, завѣдомо для него, Телалова, служившіе для совершения вышеозначеннаго покушения.

2) Златопольскій — въ ноябрѣ 1879 г., зная о приготовляемомъ подъ г. Москово покушении на Священную жизнь въ Возѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича посредствомъ взрыва полотна Московско-Курской желѣзной дороги, для содѣйствія успешному выполнению означеннаго преступнаго замысла передалъ одному изъ участниковъ онаго деньги въ количествѣ 300 руб. сер.

3) Грачевскій — въ томъ 1880 г. участвовалъ вмѣстѣ съ другими лицами въ обсужденіи плана посягательства на царейство посредствомъ взрыва въ С.-Петербургѣ Каменнаго моста при проѣздѣ въ Возѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича.

4) Юрій Богдановичъ, Грачевскій и Ивановская — согласились между собою и съ другими лицами, нѣмъ уже осужденными, посягнуть на Священную жизнь въ Возѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича посредствомъ а) взрыва полотна одной изъ улицъ столицы при проѣздѣ Его Императорскаго Величества и б) металлическихъ взрывчатыхъ снарядовъ, при чемъ въ исполненіе такого умысла:

Богдановичъ нанялъ подъ именемъ крестьянина Кобозева подвальную лавку въ домѣ графа Менгдена по Малой Садовой улицѣ и провѣлъ изъ нея подъ означенную улицу подполье съ устроенною въ немъ миною, которая не была взорвана лишь потому, что въ назначенный для царейства день, 1 марта 1881 г., Государь Императоръ изволилъ просѣдовать не по Малой Садовой улицѣ, а по набережной Екатерининскаго канала, гдѣ вооруженные металлическими снарядами единомышленники его, Богдановичъ, и причинили посредствомъ означенныхъ снарядовъ Государю Императору тяжкія пораненія, повлекшія за собою мученическую кончину Его Императорскаго Величества.

Грачевскій — участвовалъ вмѣстѣ съ другими лицами въ изобрѣтеніи и изготовленіи металлическихъ взрывчатыхъ снарядовъ, при посредствѣ которыхъ и было совершено злодѣяніе 1 марта 1881 г.

Грачевскій и Ивановская — въ періодъ времени съ 6 ноября 1880 г. по май 1881 г. были подъ именемъ мѣщанъ Пришибинныхъ хозяевами такъ называемой конспиративной квартиры на углу Подольской улицы и Мадаго Паркосоельскаго проспекта въ д. № 41/4, гдѣ хранились взрывчатая пещевства и помѣщалась тайная типографія подпольнаго органа общества «Народная Воля», въ каковой типографіи 1 марта 1881 г. и были отпечатаны преступныя воззванія по поводу совершившагося того же числа злодѣянія.

Означенныя преступленія предусмотрены ст. 241, 242, 243 и 249 улож. о нак. изд. 1866 г.

Сверхъ перечисленныхъ обвиненій нижепоименованыя лица обвиняются еще въ томъ, что для способстванія достиженію вышеуказанной преступной цѣли тайнаго общества, именующаго себя «русской социально-революціонной партией»:

I.

Клименко — согласившись вмѣстѣ съ другими лицами лишить жизнь провиндившаго по Высочайшему повелѣнію дознанію о государственныхъ преступленіяхъ Генераль-Маіора Стрѣльникова, часть денежныхъ средствъ, нужныхъ для совершения означеннаго преступленія, при чемъ лично въ убійствѣ 18 марта 1882 г. Генераль-Маіора Стрѣльникова не участвовать.

II.

Лисовская — въ видахъ доставленія названному преступному сообществу денежныхъ средствъ, умыслила вмѣстѣ съ другими лицами похитить казенныя суммы изъ Кишиневскаго губернскаго казначейства и для сего въ декабрѣ 1880 г. и въ январѣ 1881 г. участвовала въ проведеніи подполья подъ зданіе означеннаго казначейства, но намѣренія своего по независимымъ отъ нея обстоятельствамъ не успѣла привести въ исполненіе.

Означенныя преступленія предусмотрены ст. 9, 13, 1454 и 1647 улож. о нак.

Независимо отъ вышеизложенныхъ преступленій обвиняются:

Стефановичъ — въ томъ, что а) въ 1877 г. организовалъ среди крестьянъ Чагиринскаго уѣзда, Киевской губернии тайное сообщество, имѣвшее цѣлью насильственнымъ путемъ совершить захватъ земель, принадлежащихъ другимъ, кромѣ крестьянскаго, сословіямъ для раздѣла таковыхъ земель между крестьянами и б) для осуществленія указаннаго въ предъидущемъ пунктѣ преступленія составилъ подложный будто бы за подписаніемъ въ Возѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича манифестъ, который и употребилъ какъ средство для склоненія крестьянъ къ поступленію въ вышеуказанное сообщество.

Означенныя преступленія предусмотрены ст. 318 и 291 улож. о нак. Клименко — что будучи сосланъ въ Сибирь на поселеніе по приговору Киевскаго Военно-Окружнаго Суда, бѣжалъ въ томъ 1881 г. изъ мѣста ссылки. Преступленіе это предусмотрено 808 ст. XIV Т. Уст. о ссылныхъ.

По вышеизложеннымъ обвиненіямъ, согласно Высочайшему повелѣнію, послѣдовавшему во 2 день февраля 1883 г., и на основаніи ст. 1031 и 1052 уст. улож. суд. 2-й ч. XV Т. Св. Зак. изд. 1876 г. по продолж. 1879 г. поименованные выше: Юрій Богдановичъ, Михаилъ Грачевскій, Савелій Златопольскій, Петръ Телаловъ, Парасковья Ивановская, Яковъ Стефановичъ, Александръ Бупеничъ, Антонъ Воробейша, Александръ Прибылевъ, Паиса Прибылева, Марія Юшкова, Иванъ Калужный, Надежда Смирницкая, Михаилъ Клименко, Антонина Лисовская, Анна Корба и Хася (она же Христина) Гринбергъ предаются суду Особого Присутствія Правительствующаго Сенага для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ.

Составленъ марта 2 дня 1883 г. въ г. С. Петербургѣ.

Подлинный подписали: Товарищъ Оберъ-Прокурора Уголовнаго Кассационнаго Департамента Правительствующаго Сенага *В. Желеховскій*.

ПРИГОВОРЪ.

1883 года *Марта 28*
Апрѣля 5 дня.

По Указу Его Императорскаго Величества, Правительствующій Сенатъ, въ Общомъ Присутствіи для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ въ слѣдующемъ составѣ:

Г. Первоприсутствующій Сенаторъ Д. С. Синеоковъ-Андреевскій.

Г.г. Сенаторы: П. К. Жерве, Н. И. Ягъ, А. И. Сивчицъ, А. В. Бьзлостокскій, А. Д. Батурицъ; Предводители дворянства: Смоленскій Губернскій князь Е. В. Оболенскій, Волоколамскій уѣздный—Д. С. Сивягинъ, С.-Петербургскій городской голова И. И. Глазуновъ и Путиловскій волостной старшина А. А. Шарыпанъ.

При исп. об. Оберъ-Секретаря В. В. Поповъ и исп. об. Помощника Оберъ-Секретаря Н. И. Куницынъ.

Въ присутствіи Товарища Оберъ-Прокурора В. А. Желеховскаго и Товарища Прокурора С.Петербургской Судебной Палаты П. Г. Островскаго.

Слушала дѣло о дворянѣ Юрѣ Богдановичѣ и другихъ въ числѣ 17 лицъ, преданныхъ суду Общимаго Присутствія, согласно Высочайшему повелѣнію, послѣдовавшему во 2-й день Февраля 1883 г. и на основаніи ст. 1031 и 1052 Уст. Угол. Судопр., 2 ч. XV т. Св. Зак., изд. 1876 г. по прот. 1879 г., по обвиненію во вступленіи въ тайное общество, имѣющее цѣлью испровергнуть существующій въ Имперіи государственный и общественный строй и въ разныхъ другихъ преступленіяхъ, направленныхъ къ достиженію вышеуказанной преступной цѣли.

Разсмотрѣвъ дѣло и судебное сѣдствіе и выслушавъ пренія сторонъ, Особое Присутствіе Правительствующаго Сивата находитъ: изъ показаній государственныхъ преступниковъ, умершаго Гольденберга и казеннаго Рысакова обнаружилось, что послѣ неудавшагося 2 Апрѣля 1879 года посягательства на жизнь въ Божѣ почивающаго Государя Императора, среди русскихъ революціонеровъ образовалась тайное общество, имѣющее цѣлью, путемъ насильственнаго переворота, испровергнуть существующее въ Имперіи государственное и общественное устройство. Общество это, принявшее названіе партіи „Народной Воли,“ возникло еще до убійства въ 1878 году Генераль-Адъютанта Мезенцова и покушенія 2-го Апрѣля 1879 г., по получило окончательную организацію лѣтомъ 1879 г., на съѣздѣ въ гор. Липецкѣ Тамбовской губерніи. Главнымъ средствомъ для достиженія упо-

мянутой цѣли участниками съѣзда признано убійство должностныхъ лицъ и царубіство. На послѣдовавшихъ затѣмъ сходкахъ въ Харьковѣ злумышленниками выработанъ планъ систематическаго посягательства на жизнь покойнаго Государя помощью взрывчатыхъ веществъ. Во исполненіе этого плана послѣдовалъ дѣльный рядъ злодѣяній, имѣвшихъ цѣлью царубіство и завершившіяся ужаснымъ событіемъ 1-го Марта 1881 года. Для пріобрѣтенія необходимыхъ для осуществленія цѣлей преступнаго общества средствъ, лѣтомъ 1879 г., незадолго до Липецкаго съѣзда, было сдѣлано нѣкоторыми членами общества покушеніе изъ Херсонскаго Казачейства, посредствомъ подкупа, денегъ около 1½ милліона рублей, затѣмъ, зимомъ 1880—1881 г. тѣмъ же способомъ, сдѣлано было покушеніе на кражу изъ Кишиневскаго Казачейства. Въ Мартѣ 1882 г. было совершено убійство производившаго по Высочайшему повелѣнію дознаніе о государственныхъ преступленіяхъ Генераль-Маіора Стрѣльникова, а въ Маѣ мѣсяцѣ того же года устроена въ Петербургѣ лабораторія для взрывчатыхъ веществъ и металлическихъ снарядовъ. Участники тайнаго общества мало-помалу были обнаружены и нѣмъ преданы суду обвинительной властью въ числѣ 17-ти лицъ, а именно: дворянинъ Юрій Николаевичъ Богдановичъ, 33 лѣтъ, мѣщанинъ Петръ Абрамовъ Телаловъ, 29 лѣтъ, мѣщанинъ Савелій Соломоновъ Златопольскій, 25 лѣтъ, сывъ дьянова Михаилъ Федоровъ Грачевскій, 33 лѣтъ, лишенный всѣхъ правъ состоянія Михаилъ Филимоновъ Клименко, 26 лѣтъ, отставной флота лейтенантъ Александръ Викентьевъ Бучевичъ, 32 лѣтъ, сывъ священника Яковъ Васильевъ Стефановичъ, 30 лѣтъ, дочь священника Прасковья Семенова Ивановская, 30 лѣтъ, жена потомственнаго почетнаго гражданина, изъ дворянъ, Анна Павлова Корба, 28 лѣтъ, крестьянинъ Антонъ Степановъ Борейша, 24 лѣтъ, мѣщанинъ Иванъ Васильевъ Калужанъ, 24 лѣтъ, ветеринарній врачъ Александръ Васильевъ Прибылевъ, 24 лѣтъ, дворянинъ Антонина Игнатьева Лисовская, 24 лѣтъ, дочь купца Хаса Гершева (Христина Григорьева) Грибергеръ, 24 лѣтъ, дочь священника Надежда Семенова Смирницкая, 30 лѣтъ, дочь священника Марія Александровна Юшкова, 22 лѣтъ, и жена ветеринарнаго врача Раиса Львова Прибылева, 25 лѣтъ. Всѣ вышеозначенныя лица обвиняются въ томъ, что вступили въ тайное общество людей, которые, съ цѣлью испроверженія существующаго въ Имперіи государственнаго и общественного строя, провели свои преступную дѣятельность въ убійствахъ, покушеніяхъ на убійство должностныхъ лицъ, въ рядѣ посягательствъ на жизнь Священной Особы Государя Императора Александра Николаевича князичинскихъ убійствомъ въ Божѣ почивающаго Государя и въ приговорахъ къ совершенію новыхъ злодѣяній такого же свойства. Нѣкоторые изъ вышеупомянутыхъ лицъ обвиняются кроме того въ отдѣльныхъ преступныхъ дѣйствіяхъ, направленныхъ къ достиженію цѣли означеннаго преступнаго общества. А именно: 1) Телаловъ въ томъ, что, зная о пріготовлявшемся посягательствѣ на священную жизнь Государя Императора Александра Николаевича посредствомъ взрыва полтова Лозово-Севастопольской желѣзной дороги, близъ города Александровска Бкатеринославской губерніи, въ видахъ успѣшнаго совершенія задуманнаго злодѣянія, помѣстивъ на квартиру другаго лица земляной буравъ, долженствованій завѣдомо для него, Телалова, служить для заложенія мины подъ полтову

железной дороги, и передал казенному впоследствии государственному преступнику Андрею Желябову чемоданъ съ динамитомъ, предназначеннымъ, также заведомо для Таладова, для взрыва Императорскаго поезда, и что послѣ покушенія (18 Ноября 1879 года) на царевѣйство подъ гор. Александровскомъ, о коемъ сказано выше, скрытъ въ квартирѣ другого лица нѣкоторые предметы (спираль Румкорфа, запалы, проволоки и оружіе), заведомо для Таладова служившіе для совершения сего покушенія; 2) Златопольскій, въ томъ, что, зная о приготавливавшемъ въ Ноябрь 1879 г. подъ гор. Москвою, посягательствѣ на жизнь въ Возѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича посредствомъ взрыва полотна Московско-Куроекой железной дороги, для содѣянія успѣшному выполненію преступнаго замысла царевѣйства, передалъ одному изъ участниковъ въ злоумышленія деньги въ количествѣ 300 рублей; 3) Богдановичъ въ томъ, что, согласившись съ другими лицами посягнуть на Священную жизнь Государя Императора Александра Николаевича, для исполненія такого преступнаго умысла, нанялъ подъ именемъ крестьянина Кобозева подвальную лавку въ домъ графа Менгдена, по Малой Садовой улицѣ въ С.-Петербургѣ и провелъ изъ нея подъ ту улицу подкопъ съ приспособленіемъ въ подкопѣ заряженной динамитомъ мины для взрыва улицы въ одинъ изъ проѣздовъ по ней Государя Императора и хотя взрывъ не былъ произведенъ, но потому лишь, что въ назначенный для царевѣйства день 1 Марта 1881 г. было совершено соумышленниками Богдановича преступное посягательство, жертвою котораго палъ въ Возѣ почившій Государь Императоръ, сдѣлавшее неуничтожимъ взрывъ въ Малой Садовой улицѣ; 4) Грачевскій въ томъ: а) что явломъ 1880 г. участвовалъ вмѣстѣ съ другими лицами въ обсужденіи плана посягательства на царевѣйство посредствомъ взрыва въ С.-Петербургѣ Каменнаго Моста, на Гороховой улицѣ, при проѣздѣ черезъ него въ Возѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича; б) что согласившись съ другими лицами посягнуть на Священную жизнь Государя Императора Александра Николаевича, изготовлялъ для совершения сего преступления, совместно съ другими единомышленниками, такого рода металлические взрывчатые снаряды, при посредствѣ которыхъ было совершено злодѣяніе 1 Марта 1881 г. и в) Грачевскій вмѣстѣ съ Ивановскою въ томъ, что содержали, въ періодъ времени съ 6 Ноября 1880 года по Май 1881 года, подъ именемъ мнѣланъ Пришибинныхъ, такъ называемую конспиративную квартиру, на углу Подольской и Малого Царскоевскаго проспекта д. № 42^{1/2}, гдѣ хранили взрывчатыя вещества, должествовавшая служить къ осуществленію умысла совершить царевѣйство и содержали въ той же квартирѣ тайную типографію, принадлежавшую упомянутому тайному сообществу, въ которой 1-го Марта 1881 г. были отпечатаны преступныя воззванія по поводу совершившагося того же злодѣянія; 5) Лисовская въ томъ, что, для представленія сообществу необходимыхъ матеріальныхъ средствъ, она, по согласенію съ другими лицами, поселилась въ 1880 году, подъ ложнымъ именемъ Аниа, въ Швейцарской гостинницѣ г. Кипинева и, съ цѣлью тайнаго похищенія хранившихся въ губернскомъ казначействѣ денегъ, приступила къ работамъ по прорытію подкопа подъ зданіе казначейства, но начатыя работы не могли быть доведены до конца по причинамъ, отъ нея независимымъ, и б) Кли-

менко въ томъ, что, не принимая лично участія въ совершеніи убійства Генераль-Майора Стрѣльникова, но зная объ умыслѣ на это преступленіе, далъ умыслившимъ оное лицамъ деньги, сказанному сообществу принадлежавшія, для покупки лошади, на которой убійцы должны были скрыться послѣ совершения преступленія. Наконецъ Клименко и Стефановичъ обвиняются сверхъ того въ отдѣльныхъ преступленіяхъ, не имѣющихъ отношенія къ цѣлямъ вышеупомянутаго тайнаго преступнаго сообщества, именно: Клименко въ томъ, что, будучи сосланъ, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, въ Сибирь на поселеніе, бѣжалъ отсюда явломъ 1881 года и задержанъ въ 1882 г. въ С.-Петербургѣ; Стефановичъ въ томъ, что въ 1875 г. организовалъ среди крестьянъ Чигиринскаго уѣзда, Киевской губерніи, тайное сообщество, имѣвшее цѣлью насильственнымъ путемъ совершить захватъ земель, принадлежавшихъ другимъ, кромѣ крестьянскаго, сословіямъ, для раздѣла ихъ между крестьянами, и составилъ для осуществленія сего преступленія подложный манифестъ будто бы за подписемъ въ Возѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича, употребивъ манифестъ этотъ какъ средство для склоненія крестьянъ къ поступленію въ означенное преступное сообщество.

Приступая къ обсужденію виновности подсудимыхъ, Особое Присутствіе находитъ:

Богдановичъ сознался въ принадлежности къ означенному выше тайному сообществу, имѣющему цѣлью испровергнуть государственный и общественный строй.

Сознаніе его подтверждается и тѣми же дѣйствіями, предпринятыми въ интересахъ сообщества, которая обнаружены по настоящему дѣлу. Еще въ 1871 году Богдановичъ прекратилъ свои учебныя занятія вследствие требованій, по его собственному выраженію, революціоннаго дѣла. Въ 1875 и 1876 годахъ принималъ участіе въ сѣздахъ представителей революціоннаго движенія, происходившихъ въ Москвѣ и С.-Петербургѣ. Находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ казенными впоследствии государственными преступниками Соловьевымъ, Желябовымъ и другими; проживая въ разныхъ городахъ подъ различными фальшивыми именами. Весною въ 1879 г. прибылъ въ С.-Петербургъ 1-го апрѣля накануне покушенія Соловьева.

Послѣ совершившагося злодѣянія 1-го марта, Богдановичъ озлобился усиленіемъ состава сообщества, значительно ослабленнаго многочисленными арестами, и организовавъ сообщество „краснаго креста партіи народной воли“, долженствующаго служить средствомъ къ оказанію матеріальной и нравственной поддержки лицамъ, подвергшимся преслѣдованію отъ правительства, и вмѣстѣ съ тѣмъ служить орудіемъ къ освобожденію изъ заключенія и ссылки членовъ сообщества. Равнымъ образомъ Богдановичъ сознался въ томъ, что въ концѣ 1880 г. поселился въ домъ графа Менгдена по Малой Садовой улицѣ, гдѣ подъ именемъ крестьянина Кобозева нанялъ подвальную лавку, изъ которой былъ выведенъ подкопъ подъ полотно улицы, съ приспособленіемъ въ подкопѣ заряженной мины для взрыва улицы въ одинъ изъ проѣздовъ по ней Государя Императора Александра Николаевича. Сознаніе Богдановича подтверждается фактомъ подкопа съ приспособленіемъ мины, удостовѣреннымъ актомъ осмотра. Такимъ обра-

зом виновность Богдановича въ преступленіяхъ, по обвиненію въ которыхъ онъ преданъ суду, представляется вполне доказанною.

Виновность Телалова въ принадлежности къ означенному тайному преступному сообществу доказана сознаниемъ его въ семь преступленийъ, а равно участіемъ его въ дѣлахъ сообщества, воплотившимся по дѣлу. По собственнымъ словамъ его, онъ перешелъ на нелегальное положеніе въ 1879 г. и сталъ жить на средства сообщества, называясь разными подложными именами. Въ концѣ 1879 г., онъ принималъ участіе на сходкахъ членовъ сообщества, Гольдберга, Колодкевича, Желябова, Прынькова и др., съѣзжавшихся въ Харьковъ, на которыхъ, между прочимъ, обсуждался планъ царевубіства и рѣшено было приступить къ приготовленіямъ ко взрыву Императорскаго поѣзда подъ Александровскомъ по линіи Лозово-Севастопольской желѣзной дороги и подъ Одессовъ. Съ конца 1880 г. Телаловъ въ Москвѣ и Петербургѣ занимался организацией систематической пропаганды между рабочими и, между прочимъ, въ послѣднее до ареста время стоялъ въ С.-Петербургѣ во главѣ кружка лицъ изъ учащейся молодежи, занимавшихся такой пропагандой и собиравшихся для обсуждения вопросовъ, касающихся ихъ дѣятельности, въ квартирѣ Кампанца. Во время ареста Телалова, при немъ найдены были, между прочимъ, нѣсколько экземпляровъ, запечатанныхъ въ тайной типографіи, программы польской революціонной партіи, въ которой проводилась мысль объ объединеніи революціонеровъ польскихъ и русскихъ, выписки изъ артиллерійскаго журнала, трактующаго о приготовленіи, примѣненіи и дѣйствіи боевыхъ и всякихъ другихъ ракетъ. Экспертъ заявилъ, что выписки эти сдѣланы изъ статей артиллерійскаго журнала общедоступныхъ и что ракеты, о которыхъ говорится въ выпискахъ, могутъ быть употребляемы только противъ массъ людей. Въ квартирѣ Телалова найдено, между прочимъ, три револьвера съ патронами къ нимъ, шприфтъ въ двухъ ящикахъ, множество рукописей преступнаго содержанія и около 700 печатныхъ экземпляровъ разныхъ запрещенныхъ изданій. Виновность Телалова, въ содѣйствіи къ осуществленію задуманнаго плана царевубіства, въ томъ видѣ, въ какомъ она изложена выше, доказывается также сознаниемъ Телалова, а равно показаніями государственныхъ преступниковъ Гольдберга и Сыдяко, и свидѣтелей Блинова, Кузнецова и Сикорской, и протоколомъ обыска у Сыдяко.

Виновность Златопольскаго въ принадлежности его къ упомянутому тайному сообществу доказывается собственнымъ его признаніемъ, а также проявленіемъ усиленной дѣятельности въ интересахъ сообщества; онъ находился въ близкихъ сношеніяхъ съ государственными преступниками Гольдбергомъ, Колодкевичемъ, Фроленко, Арончикомъ и Гесей Гельфманъ. Проживалъ въ разныхъ городахъ подъ вымышленными именами. Государственный преступникъ казакъ Петтичій показалъ, что Златопольскій, въ концѣ 1880 г., въ Киевѣ, въ квартирѣ одного злоумышленника, гдѣ рѣшь шла объ убійствѣ офицера отдѣльнаго корпуса жандармовъ Судейкина, объявилъ, что исполненіемъ предложеннаго преступленія надо пока приостановиться, чтобы не помѣшать задуманному въ Петербургѣ болѣе серьезному террористическому предпріятію и, во всякомъ случаѣ, не приступить къ дѣйствію безъ его, Златопольскаго, разрѣшенія. Достоверность

показаній всѣхъ означенныхъ лицъ по дѣлу не опровергнута. Содѣйствіе Златопольскаго къ осуществленію плана царевубіства выразилась фактически, по собственному его показанію, данному на судѣ, въ томъ, что знаа о приготовлявшемся подъ Москвою покушеніи на Священную жизнь Государя Императора Александра Николаевича посредствомъ взрыва полатна Московско-Курской желѣзной дороги, для успѣшнаго выполненія сего преступнаго замысла, передаетъ Гольдбергу 300 руб., что подтверждается и показаніемъ Гольдберга. Поэтому, обвиненіе Златопольскаго и въ семь отношеній доказано.

Виновность Грачевскаго въ принадлежности къ указанному выше тайному сообществу доказывается сознаниемъ его и тѣми дѣйствіями, которыя имъ дѣйствительно проявлены. Въ 1878 году онъ былъ приговоренъ Особымъ Присутствіемъ Правительствующаго Сената къ аресту на одинъ мѣсяцъ за храненіе запрещенныхъ изданій, а послѣ побѣга въ 1879 году изъ мѣста административной ссылки, проживалъ въ С.-Петербургѣ по подложному паспорту. Независимостью отъ сего, когда нѣкоторые члены сообщества, какъ видно изъ показаній Рысакова, рѣшили употребить, для достиженія преступной цѣли царевубіства, кромѣ подкоповъ, еще и метательныя взрывчатые снаряды, и для совѣщаній по этому предмету указанна была казеннымъ въ послѣдствіи государственнымъ преступникомъ Желябовымъ квартира Гесей Гельфманъ, куда сходился злоумышленникъ, то въ числѣ ихъ бывалъ и Грачевскій, какъ это удостоверено показаніями Меркузова и Вореяши. Притомъ Грачевскій самъ призналъ себя техникомъ преступнаго сообщества. Далѣе Грачевскій былъ хозяиномъ, подъ именемъ Пришибина, такъ называемой конспиративной квартиры на углу Подольской улицы и Малаго Царского переулка проспекта д. № 42/14, въ которой проживалъ съ ноября 1880 г. по май 1881 г. Здѣсь содержалась тайная типографія, въ которой печаталась газета, такъ называемая „Народная Воля“ и прокламація къ рабочимъ по поводу событія 1-го марта, а также найдены разныя изданія преступнаго содержанія, носившія слѣды недавней отпечатки, разныя рукописи революціоннаго характера и множество вещественныхъ доказательствъ преступной террористической дѣятельности, изъ которыхъ важнѣйшіе: 1) девять стеклянныхъ банокъ, наполненныхъ чернымъ динамитомъ въ количествѣ около 4 пудовъ, сходящимъ по химическому составу съ динамитомъ, извлеченнымъ изъ мины, подведенной подъ Малуя Садовую улицу, метательный снарядъ, устроенный по той же системѣ, какъ и снаряды, употребленные при злодѣянн 1-го марта, граната, заряженная порохомъ и картечью, съ проведеннымъ къ ней стопиломъ. Въ другой квартирѣ Грачевскаго, гдѣ онъ проживалъ въ послѣднее предъ арестомъ время, по Фоварному переулку, д. № 9, при обыскѣ найдено, между прочимъ, тоже большое число экземпляровъ изданій преступнаго содержанія, руководство къ миному искусству, чертежи къ этому искусству, 36 съѣнокъ съ печатей разныхъ присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ, списокъ предметовъ, купленныхъ для миноваго дѣла, три программы организаціи революціонныхъ группъ, десять рукописей противоправительственнаго характера; въ числѣ рукописей находилось, между прочимъ, воззваніе къ офицерамъ русской арміи, каковымъ воззваніемъ офицеры приглашаются перейти на сторону сообщества для испроверже-

ния Самодержавнаго Правительства. Наконец Грачевскій прискивает пригодное лицо (Прибылева) для устройства конспиративной квартиры, въ которой выдвывается и учать другихъ выдвываетъ взрывчатая вещества.

Изъ всѣхъ вышеизложенныхъ данныхъ, устрояющихъ всякое сомнѣнiе въ принадлежности Грачевскаго къ означенному выше преступному сообществу, нахождение въ квартирѣ его динамита такихъ же свойствъ, какъ и найденный въ минѣ, устроенной въ подполкѣ въ Малой Садовой улицѣ, метательнаго снаряда, подобнаго употребленнымъ при совершенiи злодѣянiя 1-го марта и посѣщенiе квартиры Геси Гельфандъ, гдѣ между заговорщиками происходили совѣщанiя по предмету изготовленiя этихъ послѣднихъ снарядовъ, доказываютъ виновность Грачевскаго въ изготовленiи, вмѣстѣ съ другими лицами, для совершенiя царевубиства въ упомянутыхъ снарядовъ и храненiи предназначавшихся для той же преступной цѣли взрывчатыхъ веществъ. Равнымъ образомъ представляется доказанномъ собственнымъ сознаниемъ Грачевскаго, согласнымъ съ другими данными дѣла, виновность его въ напечатанiи 1-го марта, по поводу совершеннаго въ этотъ день царевубиства, въ принадлежавшей преступному сообществу типографiи, возбуждающихъ къ бунту прокламацiи. Обвиненiе же Грачевскаго въ участiи съ другими лицами въ обмужденiи плана посягательства на царевубиство посредствомъ взрыва Каменнаго моста, при пробѣдѣ въ Возѣ почившаго Государя Императора, должно быть устранено. Оно отвергается самимъ Грачевскимъ и основано единственно на показанiи государственнаго преступника Меркулова, объясняющаго, что, катаясь однажды лѣтомъ въ 1880 г. въ лодкѣ съ Грачевскимъ, Желябовымъ, Присяжновымъ, Бараниковымъ, Александромъ Михайловымъ и Тетеркой, онъ, Меркуловъ, слышалъ происходившiй между ними разговоръ о необходимости заложить динамитъ подъ какой-то мостъ по Гороховой улицѣ, съ цѣлью посягнуть на жизнь Государя Императора. Но другiе участники въ подобномъ прогулкѣ въ лодкѣ не подтвердили показанiе Меркулова, относящееся къ Грачевскому. При такихъ условiяхъ показанiе Меркулова не представляется достаточнымъ къ обвиненiю Грачевскаго въ семь послѣднемъ преступленiи.

Виновность Клименко въ принадлеженности къ тайному сообществу, имѣющему цѣлью ниспровергнуть существующiй въ Имперiи государственный и общественный строй, въ пособничествѣ къ убiйству Генералъ-Маiorа Стрѣльникова, въ видахъ свѣдѣнiя къ осуществленiю вышеизложенной цѣли общества, и въ побѣгѣ съ поселенiя изъ Сибири, куда онъ, по лишенiи всѣхъ правъ состоянiя, сосланъ былъ по приговору Кіевскаго военно-окружнаго суда по обвиненiю въ недонесенiи о тайномъ сообществѣ,—доказывается сознаниемъ Клименко, согласнымъ съ прочими обстоятельствами дѣла.

Виновность Бувевича въ принадлеженности къ тому же тайному сообществу подтверждается сознаниемъ его въ семь преступленiи, сношенiями его съ подсудимыми Корба и Грачевскимъ и найденнымъ при обыскѣ въ квартирѣ его около 400 экземпляровъ разныхъ печатныхъ и гектографическихъ изданiй преступнаго содержанiя, между которыми находятся газеты Народная Воля, Черный Передель, Земля и Воля, журналы: Впередъ, Натать, программы исполнительнаго комитета и прокламацiи, изданныя отъ имени исполнительнаго комитета по поводу разныхъ преступленiй террори-

стическаго характера и царевубиства 1 марта 1881 г. Весьма существеннымъ доказательствомъ того, что Бувевичъ былъ проникнутъ интересами преступнаго сообщества служить то обстоятельство, что отобранное у Грачевскаго рукописное воззванiе „къ товарищамъ по оружию“, возмутительное содержанiе котораго вкратцѣ указано выше, писано рукою Бувевича.

Виновность Стефановича: а) въ принадлеженности къ тайному сообществу, стремящемуся къ ниспроверженiю насильственнымъ путемъ государственнаго и общественнаго строя; б) въ организацин въ 1877 г. среди крестьянъ Чигиринскаго уѣзда тайнаго сообщества, имѣющаго цѣлью насильственнымъ путемъ совершить захватъ земель, и в) въ составленiи подложнаго манифеста, будто бы за подписанiемъ въ Возѣ почившаго Государя Императора Николаевича и употребленiи сего манифеста, какъ средства къ успешному осуществленiю организацин этого тайнаго сообщества,—доказывается слѣдующими обстоятельствами: 1) показанiемъ самого Стефановича, который объявилъ, что въ послѣднее время, онъ, Стефановичъ, пришелъ къ убѣжденiю, что существованiе народническаго направленiя на почвѣ практической дѣятельности стоитъ въ зависимости отъ согласенiя съ организацией террористическаго сообщества. Поэтому, получивъ предложенiе прѣхать въ Россiю, онъ согласился исполнить обращенiю къ нему просьбу, перешелъ русскую границу въ сентябрѣ 1881 г. и, переговоривъ въ числѣ другихъ съ Богдановичемъ и Грачевскимъ, затѣмъ въ непродолжительномъ времени вступилъ въ ряды террористическаго сообщества и склонилъ къ тому же многихъ другихъ чернопередельцевъ; 2) показанiемъ Гольденберга, что Стефановичъ передалъ ему прокламацiю, предназначавшуюся къ распространенiю въ случаѣ, еслибы задуманное злоумышленниками царевубиство близъ г. Александровка совершилось; 3) отобранными у Стефановича 449 печатными экземплярами воззванiя подъ заглавiемъ „Соборное Уложенiе Христіанскаго Братства“, какое воззванiе приглашаетъ всѣхъ безъ различiя вѣроисповѣданiй вступить въ тайное сообщество, носящее названiе „Христіанскаго Братства“, задачею котораго ставится борьба съ существующимъ правительственнымъ порядкомъ, а конечною цѣлью — ниспроверженiе сего порядка; 4) письмомъ, относящимся по своему содержанiю до разныхъ предметовъ революціонной дѣятельности; 5) присоединеннымъ къ дѣлу обѣ организацин тайнаго сообщества среди крестьянъ Чигиринскаго уѣзда подложнымъ манифестомъ отъ имени Государя Императора, уставомъ общества съ приложенною къ нему присягою и спискомъ лицъ, вступившихъ въ тайную дружину.

Виновность Ивановской въ принадлеженности къ тому же тайному сообществу, имѣющему цѣлью провозвести насильственнымъ путемъ переворотъ въ государственномъ устройствѣ, доказана сознаниемъ ея въ томъ, близкими ея сношенiями съ казеннымъ уже государственнымъ преступникомъ Кибальчищемъ и подсудимымъ Грачевскимъ, съ которыми она проживала въ одной квартирѣ, съ первымъ съ 8 мая по 23 июля 1880 г. по Подольской улицѣ д. № 11, со вторымъ,—подъ именемъ жены Пришибина (Грачевскаго),—съ ноября 1880 года по май 1881 г. Участiе Ивановской въ дѣйствiяхъ, направленныхъ къ осуществленiю замысла о царевубиствѣ и участiе въ напечатанiи 1 марта, по поводу совершеннаго въ этотъ день царевубиства, возбуждающихъ къ бунту прокламацiи, доказывается тѣмъ

же данными, которые обнаружены по обвинению в том же преступлении Грачевского по поводу содержания имъ квартиры подъ именемъ Пришибина на углу Подольской улицы и Малаго Царкосьельскаго проспекта въ домъ № 42/16, гдѣ, какъ сказано выше, существовала тайная типографія, и гдѣ найдено множество вещественныхъ доказательствъ преступной террористической дѣятельности.

Виновность Корба въ принадлежности къ тому же тайному сообществу подтверждается слѣдующими данными, обнаруженными по дѣлу: 1) она созналась въ семь преступленій, показавъ, что, послѣ того, какъ познакомилась съ женою государственнаго преступника Бараникова, въ периодъ времени съ осени 1879 г. по 1-е февраля 1880 г., и чрезъ нее завязала сношенія съ членами преступнаго сообщества, она перешла на нелегальное положеніе и стала жить на средства партіи народной воли; 2) вещественными доказательствами: пра обмыскъ въ квартирѣ Корба найдены принадлежности ручнаго типографскаго станка; 57 экземпляровъ фотографическихъ карточекъ государственныхъ преступниковъ; большое количество запрещенныхъ изданій и рукописи съ надписью на конвертахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ: „для редакціи“. При обмыскѣ Телалова, у него найдено написанное къ государственному преступнику Александру Михайлову письмо отъ Корба, въ которомъ предсказывалось совершеніе новаго царубѣйства, и 3) близкими сношеніемъ съ подсудимымъ Грачевскимъ, которому она содѣйствовала учредить конспиративную квартиру для приготовленія взрывчатыхъ веществъ.

Борейша сознался въ принадлежности къ тому же тайному сообществу, выразивъ раскаяніе въ прежнихъ заблужденіяхъ; онъ показалъ, что въ С.-Петербургѣ занимался работами въ тайныхъ типографіяхъ, помѣщавшихся въ квартирахъ Геси Гельфманъ и Пришибинныхъ (Грачевскаго и Ивановской), что принималъ участіе въ печатаніи прокламацій „къ рабочимъ“ по поводу событія 1 марта, и что въ Петербургѣ занимался пропагандой среди рабочихъ въ отведенной ему мѣстности за Нарвскою заставой и снабжалъ ихъ запрещенными изданіями. При задержаніи Борейши у него были отобраны 7 номеровъ Рабочей газеты, рукописи подъ заглавіемъ: „эксплуатація рабочихъ въ Балтійскомъ заводѣ“ и нѣсколько адресовъ лицъ, проживавшихъ въ разныхъ городахъ.

Также признали свою принадлежность къ означенному выше преступному сообществу: Калужный, Смирницкая и Лисовская, причѣмъ первый объяснилъ, что онъ принадлежитъ къ „организациі“ этого сообщества. Содѣйствіе Калужнаго и Смирницкаго къ осуществленію задѣи тайнаго сообщества выразилось въ томъ, что они содержали въ Москвѣ, на средства сообщества, такъ называемое „паспортное бюро“, изъ котораго выдавались подложные виды на жительство членамъ преступнаго сообщества. При осмотрѣ квартиры были обнаружены различныя принадлежности для составленія подложныхъ видовъ на жительство, изготовленные паспорта, бланки разныхъ правительственныхъ мѣстъ, а также различныя противоправительственныя изданія и рукописи такого же содержанія, изъ коихъ въ одной царубѣйство одобряется, какъ средство для испроверженія государственнаго порядка.

Дѣятельность Лисовской, проживавшей въ разныхъ мѣстахъ подъ лож-

ными именами и по подложнымъ паспортамъ, выразилась въ томъ, что она, съ пѣвою предостереженію сообществу необходимыхъ матеріальныхъ средствъ, поселилась въ г. Кишиневѣ и, согласившись съ другими сообщниками похитить хранящіеся въ Кишиневскомъ губернскомъ казначействѣ деньги, приступила къ работамъ по прорытію полкопа подъ зданіе казначейства, но начатая работа не могла быть доведена до конца, по призывамъ отъ нея независимымъ. Въ семь послѣднемъ преступленіи Лисовская также созналась и виновность ея въ ономъ должна быть признана доказанною.

Виновность Прибылева и Прибылевой въ принадлежности къ тому же тайному сообществу доказывается показаніемъ ихъ и слѣдующими, выяснившимися по дѣлу обстоятельствомъ: 1) Грачевскій показалъ, что въ половинѣ апрѣля 1882 года, онъ, какъ членъ технической группы, получилъ отъ исполнительнаго комитета порученіе организовать техническую школу для обученія нѣсколькихъ лицъ приготовленію взрывчатыхъ веществъ, употребляемыхъ въ боевыхъ дѣлахъ партіи, а также устройству мина и металлическихъ снарядовъ. Принявъ такое предложеніе, онъ, Грачевскій, заявилъ присканіемъ лица, въ квартирѣ котораго можно было бы устроить школу и остановилъ свой выборъ на Прибылевыхъ, которые и согласились устроить для означенной цѣли квартиру на Васильевскомъ островѣ, въ 11-й линіи, въ домѣ № 24. Онъ же, Грачевскій, прискалъ лицо, пригодное для роли кухарки и привелъ къ нимъ Марію Юшкову, снабдивъ послѣднюю фальшивымъ паспортомъ на имя Маріи Савиной. Въ устроенной такимъ образомъ, на средства, данныя Грачевскимъ, квартирѣ предполагалось читать только демонстраціонныя лекціи. Но затѣмъ получено было отъ агента исполнительнаго комитета предложеніе помѣстить остатки отъ прежнихъ запасовъ динамита, пироксилина и гремучей ртуть, а также заняться изготовленіемъ динамита въ томъ количествѣ, которое окажется возможнымъ. Прибылевы согласились исполнить и послѣднее предложеніе исполнительнаго комитета, вслѣдствіе чего онъ, Грачевскій, перевезъ тѣ остатки въ ихъ квартиру. Затѣмъ преступлено было къ изготовленію динамита, въ чемъ, равно какъ и въ лекціяхъ, принимали участіе нѣсколько лицъ. Были приготовлены два металлическихъ снаряда, одинъ для демонстраціонныхъ цѣлей, а другой небольшой снарядъ для защиты каго-либо помѣщенія отъ вторженія постороннихъ лицъ; 2) Корба показала, что она прискала Прибылева, уговорила его устроить въ своей квартирѣ динамитную мастерскую и свела съ Грачевскимъ; при этомъ Корба объяснила, что Прибылевы согласились устроить у себя конспиративную квартиру только въ виду краткосрочности дѣла, такъ какъ квартира была нужна лишь мѣсяца на полтора; 3) Прибылевы показали, что онъ, согласившись на предложеніе Грачевскаго устроить на два мѣсяца конспиративную квартиру для приготовленія взрывчатыхъ веществъ, нанялъ ее 7 мая 1882 г., устроилъ квартиру на средства партіи, и поселился съ женою и Юшковой (Савиной). Пѣль, для которой исполнительный комитетъ находилъ нужнымъ изготовить взрывчатые вещества, ему неизвѣстна. Работа, въ которой принимали участіе и онъ, Прибылевы, производилась лишь для опыта; къ изготовленію же взрывчатыхъ веществъ полагали преступитъ въ слѣдующемъ мѣсяцѣ; 4) осмотромъ квартиры Прибылевыхъ съ участіемъ эксперта, было уста-

новлено, что въ ней находилась лабораторія, въ которой приготавлились динамитъ и металлические снаряды. Въ квартирѣ найдены были, между прочимъ: около 4 фунтовъ чистаго динамита; 4 бутылки съ нитроглицериномъ въ количествѣ около 30 фунтовъ; готовый и заряженный металлическій взрывчатый снарядъ, съ припаяннымъ къ нему крючкомъ, устроеннымъ для ношенія снаряда на шпурѣ и чернымъ шпуромъ съ крючкомъ; 5 Прибылева показала, что она знаетъ о существованіи тайнаго общества, къ которому принадлежитъ Грачевскій, сочувствуетъ цѣлямъ того общества и принимала участіе въ выдѣлкѣ взрывчатыхъ веществъ. Принятыя Прибылевыми участія въ такомъ предпріятіи въ интересахъ преступнаго общества, по распоряженію одного изъ членовъ оного, представляется вѣщать пнми, какъ вступленіемъ въ это общество.

Виновность Гринбергъ въ принадлежности къ тому же обществу доказана также собственнымъ ею въ томъ сознаніемъ. Она показала, что знаетъ Грачевскаго и была знакома съ Прибылевыми, что посѣщала квартиру на Васильевскомъ островѣ, въ 11 линіи, въ домѣ № 24, раза три, знала о производившихся въ ней работахъ и принесла однажды два небольшихъ ящика съ шрифтомъ и штампъ съ готовымъ наборомъ печатнаго заголовка „Листокъ добровольнаго сбора редакціи Народнаго Вола“ и что въ Петербургѣ проживала подъ именемъ дворянки Каммеръ. При обыскѣ квартиры Гринбергъ, въ ней найдено 500 экземпляровъ разныхъ запрещенныхъ изданій, программы исполнительнаго комитета и брошюры преступнаго содержания.

Юшкова не сознается въ принадлежности къ означенному выше обществу, а объясняетъ, что поступленіе ея въ квартиру Прибылевыхъ, въ качествѣ кухарки, составляетъ поступокъ недостаточно обдуманной; что увлекшись мыслью познакомиться съ революціонными дѣятелями, она вѣдалась встрѣчать ихъ въ квартирѣ Прибылевыхъ, и что до рѣшительнаго шага примкнуть къ революціонной партіи или отступиться отъ нея, она хотѣла присмотрѣться къ ихъ дѣламъ. Подобное объясненіе представляется правдоподобнымъ, ибо по дѣлу не открывается никакихъ слѣдовъ преступной ея дѣятельности, напротивъ оказывается, что, имѣя въ нвѣ 22 года, она 18-ти лѣтъ окончила курсъ въ Черниговской женской гимназіи, а затѣмъ, прибывъ въ Петербургъ, посѣдовательно окончила курсы фельдшерскіе и акушерскіе, слѣдовательно занята была учебнымъ дѣломъ. Вслѣдствіе сего нѣтъ достаточныхъ основаній признать ее виновною во вступленіи въ это общество. Но тѣмъ не менѣе нельзя допустить, чтобы она не знала о цѣли общества, къ которому принадлежали Прибылевы и занимавшіеся работами въ квартирѣ Прибылевыхъ Грачевскій и Клименко, и о средствахъ, употребляемыхъ обществомъ для достиженія намѣченной имъ цѣли, ибо въ квартирѣ Прибылевыхъ приготавлились именно тѣ средства, которыми пользуется преступное общество, т. е. динамитъ и металлические снаряды. Юшкова участвовала даже въ работахъ по изготовленію взрывчатыхъ веществъ. Вслѣдствіе сего нельзя не признать ее виновною въ томъ, что не принадлежа къ вышеозначенному тайному обществу, стремимуся къ ниспроверженію государственнаго и общественнаго строя, но зная о цѣли, къ которой стремится это общество, и средствахъ, употребляемыхъ имъ для достиженія сей цѣли, вступила, подъ непривадежающимъ

ей именемъ, въ качествѣ кухарки, въ квартиру Прибылевыхъ, гдѣ и участвовала въ приготовленіи для означеннаго общества взрывчатыхъ веществъ.

Установивъ факты виновности педусудимыхъ и обращаясь къ опредѣленію наказанія за совершенныя ими преступленія, Особое Присутствіе находить, что всѣ подсудимые, кромѣ Юшковой, за вступленіе въ тайное общество, имѣвшее цѣлью ниспровергнуть государственннй и общественный строй, а Юшкова—за принятіе участія въ дѣйствіяхъ того общества съ знаніемъ о цѣли сихъ дѣйствій, подлежатъ по 249 ст. Улож. лишенію всѣхъ правъ состоянія и смертной казни (1 п. 17 ст. Улож.) Тому же наказанію подлежатъ на основаніи 241, 242 и 243 ст. Улож. Богдановичъ, Телаловъ, Грачевскій, Златопольскій и Ивановская за каждое изъ совершенныхъ ими преступныхъ дѣяній, имѣвшихъ главною задачею царубѣйство, для достиженія цѣлей вышеупомянутаго тайнаго общества. По существованію этого наказанія, оно остается неизмѣннымъ и по совокупности преступленій этихъ послѣднихъ пяти подсудимыхъ (152 ст. Улож.). Точно также наказаніе по 249 ст. Улож. должно остаться неизмѣннымъ и по отношенію къ подсудимымъ Грачевскому, Ивановской, Лисовской, Стефановичу и Клименко, виновнымъ—Грачевскій и Ивановская—по 251 ст. Улож. въ напечатаніи возбуждающихъ къ бунту прокламаций, Лисовская—по 1647 и 114 ст. Улож. въ покушеніи на тайное похищеніе денегъ изъ Кашинскаго казначейства, Стефановичъ—по 318 ст. Улож. въ организациі преступнаго тайнаго общества въ средѣ крестьянъ Чагиринскаго уѣзда и 291 ст. Улож. въ составленіи подложнаго манифеста, и Клименко—по 1454, 13 и 121 ст. Улож. въ не необходимомъ пособничествѣ къ убійству Генералъ-Маюра Стрѣльникова и по 808 ст. XIV т. Уст. о смыслѣ, въ побѣгѣ изъ мѣста ссылки за пределы Сибири, такъ какъ преступленіе, предусмотрѣнное въ 249 ст. Улож., по важности наказанія, покрываетъ всѣ остальные преступныя дѣянія означенныхъ пяти подсудимыхъ. Перехода затѣмъ къ опредѣленію самой отвѣтственности подсудимыхъ, Особое Присутствіе находить, что Богдановичъ, Телаловъ, Грачевскій, Златопольскій, Бувеничъ и Клименко подлежатъ наказанію, опредѣленному въ 1 п. 17 ст. Улож., безъ всякаго смягченія: Богдановичъ, Телаловъ, Грачевскій и Златопольскій—потому, что они были однимъ изъ самыхъ видныхъ дѣятелей преступнаго общества и, кромѣ того, изъ нихъ Богдановичъ принималъ рѣшительныя мѣры къ осуществленію преступнаго умысла о царубѣйствѣ, а Грачевскій, Телаловъ и Златопольскій оказали къ тому содѣйствіе; Клименко, какъ участвовавшій въ одномъ изъ важныхъ террористическихъ предпріятій, именно: въ убійствѣ Генералъ-Маюра Стрѣльникова; Бувеничъ какъ офицеръ, намѣившій знаменіи и своему Царственному вождю. Стефановичу и Ивановской Особое Присутствіе признаетъ возможнымъ, на основаніи 135 ст. Улож. и 744 ст. Уст. Угол. Суд., понизить слѣдующее по 1 п. 17 ст. Улож. наказаніе на одну степень, назначивъ имъ, по 1 ст. 19 ст. Улож., лишеніе всѣхъ правъ состоянія и ссылку безъ срока: Стефановича— въ категоріи работы въ рудникахъ, и Ивановскую—на заводѣхъ, въ виду того, что Стефановичъ хотя и имѣетъ за собою много лѣтъ революціонной дѣятельности, но таковая не имѣла террористическаго характера и при томъ вступленіи Стефановича въ вышеозначенное преступное общество, отно-

сящееся ко времени недавнему, было результатом настоящих видных членов сообщества, приглашавших постоянно в течение трех лет Стефановича вступить в такт называемую партию „народной воли“, а Ивановская постоянно находилась под влиянием прежде Кибальчича, а потом Грачевского, обнаруживших наиболее настоящих и преступной воли в разных преступных предприятиях для дѣл общества, к которому они принадлежали. Остальнымъ всемъ подсудимымъ Особе Присутствие, на основании 135 ст. Улож. и 744 ст. Уст. Угол. Суд., полагаетъ понизить наказание, определенное в 1 п. 17 ст. Улож., на двѣ степени, назначивъ оное по 2 степ. 19 ст. Улож. подсудимымъ: Корба—въ высшей мѣрѣ, а всемъ прочимъ—въ низшей, т. е. лишивъ ихъ весьхъ правъ состоянія, Корбу сослать въ каторжные работы на заводахъ (73 ст. Улож.) на двадцать лѣтъ, а подсудимымъ Борейшу, Калужнаго, Прибылева, Лисовскую, Грибертъ, Смирницку, Прибылеву и Юшкову—на пятнадцать лѣтъ; Борейшу, Калужнаго и Прибылева—въ рудникахъ, а Лисовскую, Грибертъ, Смирницку, Прибылеву и Юшкову—на заводахъ (73 ст. Улож.). При этомъ понижении наказания, Особе Присутствие руководствуется относительно Корба тѣмъ, что хотя она принадлежитъ къ числу главныхъ дѣлателей преступнаго сообщества и участвовала въ устройствѣ квартиры для приготовления взрывчатыхъ веществъ, но, какъ видно изъ дѣла, дѣйствовала не вполне самостоятельно, а подъ влияниемъ Грачевскаго и другихъ не менѣе закоренѣлыхъ государственныхъ преступниковъ. Прочимъ нельзя не принять во вниманіе предшествовавшую преступленію благотворительную дѣятельность ея, выразившуюся въ устройствѣ въ г. Минскѣ общества вспомоществованія бѣднымъ учащимся и въ служеніи въ качествѣ сестры милосердія въ послѣднюю войну; Борейши—тѣмъ, что не имѣлъ въ преступномъ сообществѣ особаго значенія и что не принималъ участія ни въ одномъ изъ террористическихъ дѣяній сообщества, а исполнялъ порученія второстепеннаго свойства, впоследствии же чистосердечно раскаялся въ своихъ заблужденіяхъ; Калужнаго—тѣмъ, что будучи молодъ и необладая твердымъ характеромъ, поддавалъ подъ влияніе энергическихъ и настоящихъ членовъ преступнаго сообщества и вообще игралъ второстепенную роль въ средѣ своихъ соумышленниковъ; Прибылева—тѣмъ, что былъ вовлеченъ въ преступное сообщество, вступленіе въ которое послѣдовало въ весьма недавнее время; Лисовской—тѣмъ, что дѣянія ея въ интересахъ преступнаго сообщества ограничивались, какъ показываетъ дѣло, покушеніемъ на тайное похищеніе изъ Кипшевскаго губернскаго казначейства денегъ; Грибертъ—тѣмъ, что дѣятельность ея по дѣламъ преступнаго сообщества весьма незначительна; она проявляла лишь въ храненіи печатныхъ изданій преступнаго содержанія и въ привнесеніи въ квартиру Прибылевыхъ двухъ ящиковъ съ шрифтомъ и штампомъ съ готовымъ наборомъ печатнаго заголовка „Листокъ добровольнаго сбора релакціи Народной Воли“, Смирницкой—тѣмъ, что не оказала участія ни въ какихъ дѣяніяхъ террористическаго свойства; Прибылевой—тѣмъ, что была вовлечена въ преступное сообщество съ одной стороны Грачевскимъ, а съ другой—примѣромъ своего мужа и что состояла въ сообществѣ весьма недолгое время; Юшковой—тѣмъ, что поступленіе ея въ квартиру Прибылевыхъ въ качествѣ кухарки представляется поступкомъ необдуманнымъ съ достаточной

строгостью, легко объясняемымъ ея молодостью (32 года) и легкомысліемъ и что въ устройствѣ квартиры она не участвовала.

Опредѣливъ такимъ образомъ слѣдующія по закону подсудимымъ наказания, Особе присутствіе въ виду особенныхъ обстоятельствъ, касающихся Прибылевой, Борейши, Юшковой и Грибертъ и заключающихся въ томъ: по отношенію къ Прибылевой,—что, при своемъ увеличивающемся характерѣ, она особенно была склонна подчиниться влиянію другихъ лицъ, въ данномъ случаѣ—Грачевскаго и ея мужа, въ отношеніи Борейши,—что онъ выразилъ чистосердечное раскаяніе въ своихъ заблужденіяхъ и пожелалъ о совершенныхъ имъ преступленіяхъ, въ отношеніи къ Юшковой,—что при молодости своей и недостаткѣ житейской опытности, ей не легко было ограждать себя отъ посторонняго влияния и что при всемъ томъ она не рѣшилась однако прямо вступить въ преступное сообщество, а въ отношеніи Грибертъ,—что она вовлечена въ сообщество другими, воспользовавшись ея молодостью и не будучи причастна ни къ одному изъ дѣяній террористическаго характера, вообще имѣла въ сообществѣ маловажное значеніе, находитъ справедливымъ, на основаніи 153 и 154 ст. Улож. и 775 ст. У. У. С., ходатайствовать предъ Его Императорскимъ Величествомъ о смягченіи слѣдующаго означеннымъ подсудимымъ по закону наказанія, назначеніемъ Прибылевой каторжныхъ работъ на заводахъ, по 7 степ. 19 ст. Улож., на четыре года, а Борейши, Юшковой и Грибертъ, по 1 степ. 20 ст. Улож.,—сылки на поселеніе въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ Сибири, съ лишеніемъ притомъ весьхъ правъ состоянія.

По сему соображеніямъ особе присутствіе опредѣляетъ:

1) Подсудимымъ: дворянина Юрія Богдановича, 33 лѣтъ, мѣщанина Петра Тезлаова, 29 лѣтъ, мѣщанина Савелія Златопольскаго, 25 лѣтъ, сына дѣкона Михаила Грачевскаго, 33 лѣтъ, лишеннаго весьхъ правъ состоянія Михаила Клименко, 26 лѣтъ, и оставагого лейтенанта флота Александра Буневича, 32 лѣтъ, на основаніи 241, 242, 243, 251, 249, 1454, 152 ст. Улож. о наказ. и 808 ст. Уст. о ссылк., лишивъ весьхъ правъ состоянія, подвергнуть смертной казни, черезъ повѣшеніе; 2) сына священника Якова Стефановича, 30 лѣтъ, и дочь священника Прасковью Ивановскую 30 л., на основаніи 241, 242, 243, 249, 251, 291, 318, 152, 135 и 73 ст. Улож. о наказ., лишивъ весьхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы безъ срока: Стефановича—въ рудникахъ, а Ивановскую—на заводахъ; 3) жену потомственнаго почетнаго гражданина, изъ дворянъ, Аппу Корба, 28 лѣтъ,—на основаніи 249, 135 и 73 ст. улож. о наказ., лишивъ весьхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы на заводахъ на двадцать лѣтъ; 4) подсудимымъ: крестьянина Антопа Борейшу, 24 лѣтъ, мѣщанина Ивана Калужнаго, 24 лѣтъ, ветеринарнаго врача Александра Прибылева 24 л., дворянку Антонину Лисовскую, 24 лѣтъ, дочь купца Касю (Христинну) Грибертъ, 24 лѣтъ, дочь священника Надежду Смирницкую, 30 лѣтъ, дочь священника Марію Юшкову, 22 лѣтъ, и жену ветеринарнаго врача Раису Прибылеву, 25 лѣтъ, на основаніи 249, 1647, 152, 135, 114 и 73 ст. Улож. о наказ., лишивъ весьхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы на пятнадцать лѣтъ, Борейшу, Калужнаго и Прибылева въ рудникахъ, а Грибертъ, Лисовскую, Смирницкую, Юшкову и Прибылеву—на заводахъ; 5) на основаніи Уст. Угол. Суд. 945 ст. п. 1 настоящаго приговора, въ отношеніи дворянъ Богдановича, Лисовской,

Корба и отставного флота лейтенанта Бувевича, представить, чрез министра юстиціи, на усмотрѣніе Его Императорскаго Величества на предметъ лишенія ихъ всѣхъ правъ состоянія, а Бувевича и лишенія ордена Св. Станислава 3-й степени; 6) участь подсудимыхъ Борейши, Гринбергъ, Юшковой и Прибыловой, во вниманіе къ особеннымъ, уменьшающимъ вину ихъ обстоятельствамъ, на основаніи 153, 154 ст. Улож. о наказ. и 775 ст. Уст. Уг. Суд., повергнуть въ порядкъ, указанномъ въ послѣдней статьѣ, на манеръ Его Императорскаго Величества милосердіе съ ходатайствомъ, не благоугодно ли будетъ Его Императорскому Величеству повелѣть: Прибылову сослать къ каторжныя работы на заводахъ на четыре года, а Борейшу, Гринбергъ и Юшкову сослать на поселене въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ Сибири, съ лишеніемъ этихъ 4-хъ подсудимыхъ всѣхъ правъ состоянія; 7) возмѣщеніе судебныхъ, по настоящему дѣлу, издержекъ, по приведеніи ихъ въ надлежащую известность, на основаніи 990, 991, 992 и 993 ст. Уст. Угол. Суд., обратитъ на всѣхъ вышепоименованныхъ виновныхъ, съ круговою ихъ друга за друга отвѣтственностію; въ случаѣ же несостоятельности ихъ, принять, согласно 999 ст. того же устава, на счетъ казны, и 8) съ вещественными доказательствами по настоящему дѣлу поступитъ на основаніи 777 ст. Уст. Угол. Судопроизводства.

Шестеро приговоренныхъ къ смертной казни прожили съ мая дѣл на шеѣ въ теченіе почти двухъ мѣсяцевъ, и лишь 28-го мая смертная казнь была замѣнена имъ безсрочными каторжными работами. Нѣкоторые изъ остальныхъ осужденныхъ также получили незначительныя смягченія приговора, и лишь Стефановичу срокъ каторжныхъ работъ былъ уменьшенъ до 4-хъ лѣтъ. Приговоренные къ смертной казни были заточены въ казематы, гдѣ *вст безъ исключенія* и окончили дни свои: Телаловъ въ Алексѣевскомъ рavelинѣ, а Богдановичъ, Бувевичъ, Клименко, Грачевскій и Златопольскій въ Шлиссельбургѣ. Изъ остальныхъ осужденныхъ окончили жизнь самоубійствомъ на Карѣ Калужный и Смирницкая. Тамъ же скончалась и Лисовская. Нѣтъ въ настоящее время въ живыхъ и Раисы Прибыловой. Такимъ образомъ, изъ *семнадцати* осталось *семь...*

Ред.

Арестъ И. Н. Мышкина.

Исполить Никитичъ Мышкинъ, какъ извѣстно, арестованъ въ Вилуйскѣ, куда онъ пріѣхалъ подъ видомъ жандармскаго офицера, съ подложнымъ предписаніемъ касательно Н. Г. Чернышевскаго. Принято думать, что эта попытка освобожденія Чернышевскаго окончилась неудачей благодаря случайности: Мышкинъ, будто-бы, неправильно выдѣлъ аксельбанты и тѣмъ выдалъ себя. На самомъ дѣлѣ причина ареста была иная.

Въ архивѣ Олекминскаго окружнаго полицейскаго управленія хранится переписка между Якутскимъ Областнымъ Правленіемъ и Олекминскимъ исправникомъ по поводу ареста Мышкина. Я имѣлъ случай видѣть подлинникъ этой переписки и тогда же сдѣлать изъ нея выписки. Въ январѣ 1904 г. я послалъ за границу изложеніе всего дѣла съ указаніемъ именъ, датъ и номеровъ каждой бумаги, а черновики копій пришлось уничтожить. Посланное мною сообщеніе видѣть не было напечатано, — оно, очевидно, пропало. Считаю нелишнимъ возстановитъ факты по памяти. При этомъ будутъ неизбежны пропуски, частности могутъ быть переданы неточно, но за вѣрность основныхъ фактовъ ручаюсь.

Переписка начинается съ бумаги на имя олекминскаго исправника. Въ ней сообщается о побѣгѣ неизвѣстнаго, явившагося подъ именемъ жандармскаго офицера Мецеринова въ Вилуйскъ, арестованнаго тамъ, отправленнаго подъ конвоемъ въ Якутскъ и скрывшагося съ дороги. Исправнику предписывается произвести розыски. Вместе съ тѣмъ излагаются и обстоятельства ареста въ слѣдующемъ видѣ.

Незадолго до пріѣзда Мецеринова въ Вилуйскъ, тамоншій исправникъ подучилъ письмо отъ своего помощника, объявшагося округъ. Помощникъ писалъ, что онъ встрѣтилъ Мецеринова и сомнѣвается въ его званіи по слѣдующимъ мотивамъ: 1) Мецериновъ ѣхалъ безъ казаковъ (должностныхъ лицъ въ глухихъ мѣстахъ Якутской области обыкновенно конвоируютъ казаки); 2) онъ сказалъ, что ѣхалъ черезъ Олекминскъ, но ничего не могъ разсказать объ олекминскомъ исправникѣ и проч., слѣдовательно не видался съ олекминскими чинами, что для

должностного лица невѣроятно; 3) онъ сказалъ, что ѣдетъ взять Чернышевскаго по предписанію иркутскихъ властей, между тѣмъ существовалъ циркуляръ никога не допускать къ Чернышевскому безъ особаго предписанія якутскаго губернатора. Кроме того въ бумагѣ упоминается о *недавнемъ* предписаніи усилить наблюдение за Чернышевскимъ. Предупрежденный помощникомъ, виллойскій исправникъ арестовалъ мнѣ много жандармскаго офицера тотчасъ по его пріѣздѣ въ Виллойскъ.

Во второй бумагѣ олекминскій исправникъ извѣщаетъ, что бѣжавшій съ дороги мѣшкимъ Мещериновъ вновь задержанъ. Далѣе слѣдуютъ вопросы: какимъ образомъ олекминская полиція могла не знать о прѣздѣ Мещеринова черезъ городъ? Кто далъ ему лошадей? Предписывается впредь не допускать прѣзда частныхъ лицъ по олекминско-виллойскому тракту. Отвѣта олекминскаго исправника я не помню, — кажется его и не было. Во всякомъ случаѣ въ отвѣтъ не было ничего характернаго, и остается невыясненнымъ вопросъ: дѣйствительно ли Мышкинъ прѣхалъ черезъ Олекминскъ, или онъ повернулъ съ Лены раньше, напримѣръ, въ Мухтуй или близъ Нохтуйска.

Наконецъ, въ третьей бумагѣ якутскій губернаторъ сообщаетъ олекминскому исправнику объ отвѣтѣ, полученномъ изъ 3-го отдѣленія на донесеніе объ арестѣ Мещеринова. 3-е отдѣленіе сообщаетъ, что арестованный долженъ быть на самомъ дѣлѣ отставнымъ подпоручикомъ Грибоѣдовымъ, и что съ нимъ въ Сибирь должна находиться нѣкая Зинаида Асентова.

По этому поводу нужно сказать, что въ 90-хъ годахъ я встрѣчалъ въ Петербургѣ старика Грибоѣдова (нынѣ умершаго), на котораго указывали, какъ на человѣка, который въ молодости бѣдилъ съ Мышкинымъ въ Сибирь освобождать Чернышевскаго ¹⁾. Фамиліи Зинаиды Асентовой я нигдѣ въ печати не встрѣчалъ.

Изъ разсказаннаго мною явствуетъ съ очевидностью, что еще задолго до пріѣзда Мышкина въ Виллойскъ у петербургской полиціи имѣлись агентурныя свѣдѣнія не только о томъ, что существуетъ замѣреніе освободить Чернышевскаго, но отчасти и о лицахъ, задумавшихъ принять участіе въ этомъ дѣлѣ. Въ виду этого предписано было усилить наблюдение за сидѣвшимъ въ виллойской тюрьмѣ Чернышевскимъ. Попытка Мышкина была, такимъ образомъ, заранее обречена на неудачу, какъ по причинѣ осведомленности полиціи, такъ и въ виду особенныхъ условий жизни въ пустынной Якутской области ²⁾.

М. Александровъ.

¹⁾ Это невѣрно. Въ то время, когда Мышкинъ уѣхалъ въ Сибирь, Грибоѣдовъ скрылся за границу и, не зная мѣстоахожденія послѣдняго, власти почему-то заодзорили, что онъ отправился въ Сибирь. *Ред.*

²⁾ Надо думать, что взлозненія въ этой замѣтѣ обстоятельства, вызвавшія арестъ Мышкина, не были известны и ему самому. Тѣмъ дѣлнѣе, конечно, въ историческомъ отношеніи замѣтка М. С. Александрова. *Ред.*

Въ Шлиссельбургѣ ¹⁾.

Пища духовная.

XXXIII.

Я выдѣлилъ въ особую главу нашу духовную пищу.

Въ началѣ я уже называлъ нѣсколько книгъ, читанныхъ мною въ первый годъ заточенія, и тѣмъ далъ уже читателю нѣкоторое понятіе о характерѣ нашей умственной пищи. Съ теченіемъ времени она разнообразилась все больше и больше. Такъ какъ самъ я не стоялъ на высотѣ всѣхъ знаній и не могъ перечестъ всего, что находилось въ нашемъ распоряженіи, то мнѣ необходимо сойти съ личной почвы для того, чтобы ознакомить читателя полнѣе съ нашей сокровищницей знанія и, можно сказать, съ главнымъ жизненнымъ нервомъ, поддерживавшимъ въ насъ душу живую, охранявшимъ насъ отъ окончательнаго душевнаго разложенія.

На первыхъ порахъ, когда весь день, за исключеніемъ 2-хъ часовъ прогулки, проводился въ камерѣ, читалось особенно много. Запасъ книгъ небольшой и число нечитанныхъ быстро сокращалось.

Поэтому при каждомъ визитѣ кого-нибудь изъ Петербурга мы засыпали посѣтителей заявленіями о присылкѣ книгъ, заявленія эти дѣлались разнo. Одни просили прислать «чтонибудь по исторіи», «чтонибудь по естествознанію». Другіе называли прямо тѣхъ или другихъ авторовъ, которыхъ знали по старой памяти. Если генералъ былъ въ духѣ и не пьянъ, или плотно и пріятно позавтракалъ передъ визитомъ, онъ относился внимательно къ нашимъ заявленіямъ и приказывалъ своему адъютанту тутъ же записать ихъ. Затѣмъ мы ждали приблизительно съ полгода результатовъ и обыкновенно на одну изъ пяти просьбъ получали то или другое удовлетвореніе.

Въ первый же годъ моей жизни посѣтилъ насъ Шебеко, тов. мин., завѣдующій полиціей, только что назначенный на мѣсто извѣстнаго своего жестокостію Оржевскаго, котораго прогнали въ Вильну послѣ нашего процесса. Со мной и Лукашевичемъ Шебеко

¹⁾ См. „Билетъ“ кн.—4, 6, 7 8 и 9.

былъ тогда необыкновенно любезенъ. Товарищи острили по этому поводу, что онъ намъ обязанъ повиновеніемъ и потому старался выразить намъ признательность за нашу услугу. Съ предупредительной улыбкой онъ спрашивалъ у меня, не могу ли я сдѣлать какого нибудь заявленія. И когда я сказалъ, что мнѣ желательно было-бы получить полный сводъ законовъ, онъ даже просилъ отъ удовольствия, точно я польстилъ ему этой просьбой.

— Помилуйте, отвѣтилъ онъ: у насъ тамъ они даромъ вѣляются! Пришлемъ, непременно пришлемъ!

И приказалъ адъютанту записать.

Но за всѣ 18 лѣтъ я такъ и не добился этого свода, хотя еще раза два повторялъ эту просьбу разнымъ лицамъ. Очевидно имъ совсѣмъ не хотѣлось, чтобы мы читали тамъ что-нибудь насчетъ своихъ «правовъ» и затѣмъ цитатами оттуда повергали въ смущеніе своихъ высокочинныхъ покровителей. Это дѣйственное невѣдѣніе законовъ систематически поддерживалось въ нашихъ душахъ вплоть до послѣдняго года, вопреки явному требованію, что никто не долженъ отговариваться ихъ невѣдѣніемъ. Зато любопытно было слышать, когда мѣстное начальство называло *закономъ* тотъ или другой § своей инструкции. Когда въ 1903 году вышло новое уложеніе о наказаніяхъ, мы стали просить свою администрацію купить намъ его. Смотритель (Правоторовъ) обещалъ, будучи въ Петербургѣ, спросить разрѣшенія у директора, которымъ былъ тогда Лопухинъ, юристъ, и, можно думать, поборникъ и насадитель юридическихъ знаний. По словамъ Правоторова бесѣда его съ директоромъ на этотъ счетъ была кратка, но вполне ясна.

— Заключенные говорятъ, что вышло новое уложеніе и просятъ купить его имъ.

— Да вышло. Вотъ оно лежитъ (и показалъ экземпляръ его). Но оно къ нимъ не относится, а потому и читать его имъ нѣтъ надобности.

Эта аргументація была особенно замѣчательна тѣмъ, что въ скоромъ времени это уложеніе примѣнено было именно къ однимъ политическимъ преступленіямъ, и значитъ должно бы относиться только къ намъ и никому другому.

Послѣ паденія Плева намъ, все-таки, наконецъ, купили его. Однако, эта охрана насъ отъ явы законности была совершенно излишней. У насъ все-таки были въ библиотекѣ и старое уложеніе, и уставъ о ссыльныхъ, и судебные уставы, полученные нами поммо департамента, откуда мы могли вычитать сколько угодно опасныхъ для нихъ цитатъ. Да болѣе откровенные изъ нихъ и не смущались этимъ, а прямо заявляли: «къ этой тюрьмѣ никакіе законы не относятся». И дѣйствительно, наивно было разсуждать о законности въ тюрьмѣ, гдѣ ровно 10 л. просидѣлъ на каторжномъ положеніи штабсъ-капитанъ М. Ф. Лаговскій, посаженный туда безъ всякаго суда и слѣдствія и несшій совершенно одинаковую участь съ лицами, приговоренными по суду къ бесчестнымъ каторжнымъ работамъ.

XXIX.

Пока книги присылались намъ изъ департамента натурой, мы всецѣло зависѣли отъ его усмотрѣнія и смотрѣли на свои книжные хлопоты какъ на лоттерее: авось вытасишь выигрышный билетъ и тебѣ пришьютъ какъ разъ то, чего ты хотѣлъ и что требуется тебѣ настоятельно по ходу твоихъ занятій. А не пришьютъ, такъ похорони и свои умственные запросы и стремленія, какъ ты похоронилъ все остальное.

Но когда, съ 1897 г., намъ ассигновали опредѣленную сумму на выпускъ книгъ (именно 140 р.), наше положеніе при этомъ улучшилось очень мало. Мѣстный полковникъ либо разрѣшалъ, своею властью, покупать все, что мы закажемъ, либо нѣтъ, смотря по вѣянію въ высшихъ сферахъ. Но чаще составленный нами списокъ книгъ, которыя мы хотѣли бы купить на ассигнованныя деньги, отправлялся въ департаментъ, гдѣ ваялся не менѣе полугода и возвращался къ намъ съ урѣзками, въ которыхъ никакой проныцательный умъ не могъ усмотрѣть ни системы, ни основаній. Запрещенныя нынче книги мы нарочно записывали снова на будущій годъ и получали разрѣшеніе. Это полное отсутствіе руководящей мысли при запрещеніи и разрѣшеніи было очевидно даже нашимъ жандармамъ, которые въ книгахъ вообще были столько же свѣдущи, какъ и въ китайскомъ языкѣ. Спросишь, бывало, офицера, завѣдующаго покупкой книгъ:

— Ну, скажите пожалуйста, почему запретили мнѣ „Полное географическое описаніе нашего отечества подъ ред. Семенова?“

— А вы, отвѣчаетъ онъ хладнокровно, напишите ее опять въ слѣдующій разъ, и тогда получите разрѣшеніе.

Даже Гефдингъ, очерки психологии, былъ запрещенъ однажды. Всякій, у кого только бывалъ обыскъ, — а у кого-то теперь онъ не бывалъ? — знаетъ изъ практики, до чего невѣжественны въ книжныхъ вещахъ полицейскіе и жандармскіе агенты, ищущіе въ вашей библиотекѣ чего-нибудь предосудительнаго. Изъ нашихъ списковъ, послывавшихся въ департаментъ, мы имѣли неоднократно случай вывести убѣжденіе, что ихъ командиры, засѣдающіе въ департаментѣ, не менѣе невѣжественны. Когда ваши духовные интересы находятся въ рукахъ бурбона, облеченного неограниченную властью и высоко о себѣ думающаго и въ то же время круглаго невѣжды, — вы замѣчаете это на каждомъ шагѣ, потому что самоувѣренный бурбонъ постоянно попадаетъ въ просакъ. Если бы вы могли удовлетворять свои духовные запросы иными путями, независимо отъ него, то это зрѣлище своимъ глубокимъ комизмомъ доставило бы вамъ много развлечения. Но мы были всецѣло въ ихъ рукахъ, постоянно чувствовали грубое прикосновеніе къ невиннѣйшимъ интеллектуальнымъ интересамъ, и потому намъ было не до смѣху.

Стоитъ ли прибавлять, что область социальныхъ наукъ пользовалась особымъ вниманіемъ нашихъ властей и что громадное боль-

шинство ихъ запрещеній обрушивалось именно въ эту сторону. Тутъ запрещались книги исключительно за то, что въ своемъ заглавіи содержали терминъ „соціальный“. Никакому, напр., даже департаментскому невѣждѣ не пришло бы въ голову запрещать намъ Исторію древняго Рима. Но когда вышла въ свѣтъ, недавно, *соціальная* исторія древн. Рима, и мы выписали ее, понятно намъ запретили.

Это дало поводъ Г. А. Лопатину какъ-то предложить намъ— изгнать изъ нашихъ списковъ разъ навсегда терминъ „соціальный“, а писать вмѣсто него „салициловый“. Онъ же неоднократно пикировался по этому поводу съ департаментскими чиновниками, живописуя въ письмахъ къ своему брату ихъ безграмотность, безстыдство и наглость. Письма, конечно, читались въ Петербургѣ и возвращались ему обратно съ увѣдомленіемъ, что такое письмо отправлено быть не можетъ, и съ требованіемъ передѣлать его.

XXX.

Но курица по зернышку клюетъ, да съята бываетъ, говорить пословица. И несмотря на всѣ эти препоны, у насъ кое-что накопилось. Все, что ни попадало къ намъ, оставалось у насъ и составляло вкладъ въ нашу библиотеку. Поменьшечку, изъ года въ годъ, она расширялась, и къ концу нашей жизни въ ней считалось не менѣе 3,000 томовъ.

Образованію такой библиотеки больше всего помогли намъ журналы, гдѣ въ объявленіяхъ и библиографическихъ отдѣлахъ мы находили заглавія книгъ, и благодаря которымъ могли до нѣкоторой степени стоять на уровнѣ современныхъ знаній въ любой отрасли наукъ.

Съ цѣлью постоянно слѣдить за книжными новинками, мы писывали много лѣтъ подрядъ „Извѣстія книжныхъ магазиновъ Вольфа“, которая давали намъ почти тотчасъ послѣ выхода даже въ такіе дни, когда не давали никакихъ журналовъ, кромѣ строго научныхъ.

Во избѣжаніе вторженія въ нашу библиотеку какого-нибудь поборника помраченія, который могъ бы приказатъ изъять лишнія книги, мы въ послѣднее время стали всячески сжимать каталогъ, веденіе котораго находилось всецѣло въ нашихъ рукахъ. Для этого авторъ съ многотомными и многоразличными сочиненіями записывался обязательно подъ однимъ №. Такъ подъ однимъ № стояли сочиненія Спенсера, Милля, Маколея, Карѣва, Золя, Дюма, Мопасана, Диккенса, М. Твэна, Шекспира и др. Точно также журналы разныхъ лѣтъ, но одного названія, числились подъ однимъ №. И все-таки у насъ было свыше 2000 номеровъ. Отдѣлъ изящной литературы, въ первые годы рѣшительно не разрѣшавшейся намъ, былъ особенно богатъ. Почти всѣ выдающіеся заграничные романисты были въ полномъ собраніи, и часто на двухъ языкахъ. Рус-

скихъ было мало. Но ихъ легко было достать изъ канцеляріи, откуда намъ давали даже Горькаго, правда послѣ многократныхъ обращеній. Отказы всегда аргументировались тѣмъ, что Горькаго не любятъ въ департаментѣ.

Каталогъ трудами Стародворскаго въ 1902 г. былъ разбитъ на много отдѣловъ, и въ каждомъ у насъ можно было найти кое что достойное вниманія. Тамъ были: лингвистика, медицина, физика и математика, зоология, ботаника, геология, анатомія и физиология, юридич. науки, статистика, беллетристика, путешествія и пр. Человѣкъ съ универсальнымъ, хотя и дилеттантскимъ интересомъ, жаловаться особенно не приходилось. Къ сожалѣнію, это богатство образовалось для насъ довольно поздно. Силы значительно ослабли. Интересъ къ знанію, безжизненному и непродуктивному, постепенно охладѣвалъ. И то, что въ молодые годы схватывалось и усвоивалось въ мѣсяцы, теперь приходилось изучать годы. П. В. Карповичъ, первый свѣжій человѣкъ, появившійся у насъ послѣ долгаго зстоя, выразилъ рѣзкое порицаніе составу нашей библиотеки.

Для него, искавшаго отвѣтовъ почти исключительно на современные запросы общественной жизни, наша библиотека давала слишкомъ мало. Онъ только что оторвался отъ богатыхъ книгохранилищъ Европы и не переживалъ нашего прежняго убожества. Извѣстное дѣло: другая точка зрѣнія,— другія и сужденія.

XXXI.

Опасенія же наши насчетъ изыятія и сокращеній изъ нашей библиотеки имѣли подъ собой серьезныя основанія. Въ 1889 г. П. Н. Дурново, бывши у насъ съ визитомъ, усмотрѣлъ у кого-то въ камерѣ Исторію французской революціи Кинз и полюбостыствовалъ заглянуть въ нашъ каталогъ. Тамъ было десятка два названій, которыя ему очень не понравились, почти исключительно изъ книгъ, привезенныхъ съ собой въ тюрьму нѣкоторыми изъ товарищей. Ранѣе этого ихъ разрѣшено было внести въ нашу библиотеку, теперь же онъ приказалъ ихъ изъять. Такъ какъ книги тогда были единственнымъ содержаніемъ нашей жизни, то почти всѣ мы были буквально потрясены этимъ бесмысленнымъ распоряженіемъ. Намъ казалось это началомъ возврата къ старому, когда кромѣ религіозныхъ книгъ не давали никакихъ, и когда люди готовы были идти на всякую крайность, вплоть до самоубійства, лишь бы избавить себя отъ такого idiotскаго прозябанія.

«Нѣтъ, лучше смерть, чѣмъ это», думалось и теперь почти каждому. Положеніе казалось настолько серьезнымъ и внушающимъ опасенія, настроеніе наше было такъ тревожно и безнадежно, что почти безъ всякихъ соглашеній, дѣлать которыя тогда было невозможно при нашей изолированности, рѣшено было выразить протестъ единственнымъ доступнымъ тюремъ способомъ— голодовкой.

Как ни бессмысленным кажется для многих этот самоубийственный способ дѣлать неприятности своему врагу своимъ бокомъ, онъ имѣетъ за себя много резоновъ. И самый фактъ его частой повторяемости въ наши дни служитъ лучшимъ аргументомъ въ его пользу. Чтобы судить о голодовкѣ правильно, нужно принять во внимание импульсы, подъ какими складывается рѣшимость прибѣгнуть къ ней. Обыкновенно она является результатомъ не холодного обдуманнаго вывода, а какого-нибудь сильнаго аффекта, назревавшаго постепенно въ тюремномъ положеніи или возникшаго сразу, благодаря случайной причинѣ, какъ это было у насъ. Слѣдовательно, къ сужденію о ней не приложимы доводы разсудка людей, не бывавшихъ въ подобномъ положеніи. Но помимо этого, голодовка имѣетъ за себя и объективное основаніе, потому что она воздѣйствуетъ на людей, отъ усмотрѣнія которыхъ всецѣло зависитъ устранить или не устранить причину голодовки. Во многихъ случаяхъ, гдѣ причина голодовки лежитъ въ простой и даже незаконной небрежности, она даетъ лишній стимулъ для лицъ, вѣдающихъ судьбы людей и совершенно не думающихъ о нихъ.

А самое главное,—она, какъ и всякій ненормальный и выходящій изъ ряда вонъ пріемъ, чревата всякими неожиданными. Благодаря этому, мѣстная администрація, которая присутствуетъ при ходѣ этой драмы, теряетъ увѣренность въ завтрашнемъ днѣ. Для нея, какъ для всѣхъ вообще чиновниковъ, дороже всего эта именно увѣренность и это отсутствіе опасеній. А тутъ вдругъ ей приходится 5, 6, 7, 8, 9 дней, изъ минуты въ минуту переживать подъ этой гнетущей мыслью и постоянно тревожить себя вопросомъ: а какъ-то посмотреть высшее начальство, которое обыкновенно съ важностью отмалчивается, какъ на самую голодовку, такъ и на mogućія произойти изъ нея неожиданности.

Девять жуткихъ дней провели и мы среди разнообразныхъ ощущеній, сопровождающихъ муки голода. Девять длинныхъ дней, изъ часу въ часъ, изъ минуты въ минуту мы переживали сложныя и мучительныя чувства, наединѣ съ самими собой, ничѣмъ не занятые и не отвлекаемые отъ болѣзненнаго самосозерцанія. Чтобы не измѣнить тона объективнаго разсказчика, я не внесу и въ этотъ драматическій эпизодъ лирическихъ нотъ. Физиологія давно и совершенно точно описала процессъ голоданія и всѣ связанныя съ нимъ психическія явленія. Къ этому я не прибавилъ-бы здѣсь ни одной детали.

Послѣдніе дни всѣ мы (я голодовкѣ не участвовалъ кажется только четверо), лежали почти безъ движенія, какъ больные. Пищу перестали ставить мнѣ какъ и другимъ съ перваго же дня, какъ я отказался отъ нея и сказалъ вахмистру: «вѣдь все равно я буду выливать въ ватерклозетъ: такъ зачѣмъ же попусту изводить ее?»

На 8-й кажется день Буцинскій, и безъ того на половину больной, окончательно свалился. Докторъ завелъ къ нему и сказалъ, что ничѣмъ не можетъ помочь, пока больной самъ намѣренно изводитъ себя. Въ то же время Стародворскій вскрылъ себѣ

гвоздемъ артерію на рукѣ съ цѣлью самоубійства и выпустилъ нѣсколько стакановъ крови, но былъ во время усмотрѣнъ. Выходило, такимъ образомъ, что мы, болѣе крѣпкіе, спекулируемъ на жизнь болѣе слабыхъ, или болѣе порывистыхъ. Не всѣ подумали объ этомъ заранѣе. Но когда такая перспектива стала воочью передъ глазами всѣхъ на самомъ порогѣ роковой рязвязки, отъ нея быстро отшатнулись. Изъ нашего угла, гдѣ были самые немощные, Буцинскій и Морозовъ, вышло предложеніе объ окончаніи протеста, и голодовку прекратили. Только Вѣра Николаевна да Юрковскій голодали еще лишніхъ два дня, пока не сдались на просьбы товарищей.

Какъ часто бываетъ, непосредственныхъ результатовъ она не принесла никакихъ, развѣ только расшатала окончателно здоровье Буцинскаго, который затѣмъ недолго протянулъ. Но безслѣдно она не прошла, и какъ одно изъ звеньевъ въ ряду причинъ, подкапывавшихъ суровые тюремные порядки, она сыграла свою роль. Возвратомъ къ старому въ книжномъ дѣлѣ не было, и никогда больше не повторялось въ нашей жизни это вторженіе въ бібліотеку съ цѣлью производить въ ней сокращенія. И это несмотря на то, что въ ней накопилось, безъ вѣдома департамента, не мало книгъ, которыя были бы выброшены оттуда безъ всякаго милосердія любымъ ретивымъ охранителемъ. Нѣсколько книгъ были записаны даже въ каталогъ не подъ своимъ заглавіемъ.

Отобранныя же книги мы получили полностью года черезъ 3 отъ Пахаловскаго, который принесъ ихъ изъ канцеляріи, гдѣ все это время онъ лежалъ неприкосновеннымъ и, разумѣется, безъ всякаго употребленія.

Зачѣмъ былъ продѣланъ этотъ экспериментъ in anima viii?

XXXII.

Какъ и во всей русской жизни, руководимой исключительно взглядомъ начальства, у насъ этотъ «взглядъ» особенно рельефно отражался на бібліотечномъ дѣлѣ. Чего не разрѣшилъ одинъ директоръ, то разрѣшалъ другой, его преемникъ. Продуктъ его разрѣшенія, книга, развѣ сданная, лежала неприкосновенно въ бібліотекѣ. Ее всегда можно было взять и читать вторично, даже третично. Она не терла вдругъ своей цѣнности. Всякій новый бурбонъ, запрещавшій купить новыя книги вродѣ имѣющихся у насъ, не касался того, что уже было. Если бы онъ каждый разъ перебиралъ бібліотеку сообразно своимъ вкусамъ, намъ житья не было-бы.

Не то съ журналами. Старые прочитанные журналы не могли возбуждать никакого интереса. Намъ нужны были новыя. И запрещеніе касающееся ихъ обрушивалось на насъ всею тяжестью, создавая такую атмосферу лишенія, величины котораго, можетъ быть, не представляя себѣ ясно и самъ запретитель. Даже митро-

полить, вообще сдержанный и несклонный выражать осуждение по адресу начальства, при посещении насъ въ июль 1904 г. назвалъ запрещеніе намъ журналовъ безцѣльной жестокостью.

Первый свѣжій журналъ намъ дали, должно быть, въ 1890 г. Этого, съ позволенія сказать, журналъ былъ «Паломникъ», и даль намъ его священникъ по моей личной просьбѣ. Какъ ни мизерно его содержаніе, и какъ ни мало оно соответствуетъ нашему міровоззрѣнію, но его читали всѣ поголовно. До такой степени сильно было желаніе видѣть бумагу, недавно вышедшую изъ типографіи, въ тщетной надеждѣ найти тамъ какіе-нибудь отголоски общественной жизни. Отголоски эти, правда, находили, точнѣе истолковывали. И начитавшись такого журнала за цѣлый годъ, люди увлекшіеся спѣшили съ заключеніемъ:

— Ну, и ханжество же разлито всюду по Россіи.

У каждаго до такой степени сильна была потребность быть синономъ своего времени, а не исторической категоріей, витавшей только въ области историческихъ временъ, что самый видъ года 1890, доселѣ нигдѣ больше невиданный въ печати, былъ уже пріятенъ. Это было какъ бы ничточка, которая привязывала насъ къ современности. вмѣстѣ съ этимъ ослабилось одно изъ самыхъ тяжелыхъ чувствъ—чувство насильственной отрешенности.

Это была первая ласточка. Весны она еще не дѣлала, но за нею со временемъ прилетѣли другія. Въ 1892 г. мы уже имѣли разные иллюстрированные журналы за прошлый годъ. И сколько же ихъ было тогда! Нива, Звѣзда, Сѣверъ, Историческій Вѣстникъ, Живописное Обзорѣніе, Природа и Люди, Родина, Лучъ, Развѣдчикъ, даже Будильникъ или Стрекоза и др. въ этомъ родѣ. Изъ департамента прислали намъ серію «Нивъ» дѣтъ за 5—6. Остальные журналы собирались тутъ же отъ служащихъ. Часть выписывалась въ канцелярію. Ихъ давали якобы для переплета: переплетная мастерская въ это время была въ полномъ ходу и нѣсколько лицъ работали тамъ почти непрерывно. Гангартъ получилъ формальное разрѣшеніе давать намъ иллюстрированные журналы кажется уже потомъ, послѣ того, какъ такая выдача ихъ въ переплетную вошла въ обычай.

Журналы давали въ началѣ января разомъ за весь годъ. И при такомъ обилии ихъ, да при страстномъ желаніи найти въ нихъ какъ можно больше интереснаго, мы поглощали массу дребедени и тратили на просмотръ ихъ столько времени, что послѣ этого стали, должно быть, значительно глупѣе. Читаніе серьезное отходило на задній планъ, а такіе, съ позволенія сказать, органы, которыхъ ни при какихъ другихъ обстоятельствахъ не сталъ бы въ руки братъ, здѣсь не только бралъ, но и читалъ, соблазняясь ихъ свѣжестью. Думалось, что все, что ново, то и есть послѣднее слово. Къ тому же, о чемъ бы тамъ ни говорилось, все это были отголоски жизни, которая дразила насъ своею недоступностью.

На первыхъ порахъ дали, можетъ быть, не всѣ названные журналы. Пока ихъ было мало, старался слѣдить за всѣми ими. Но

въ концѣ концовъ напльвъ ихъ былъ такъ великъ (всякому утеру и даже родственнику утера хотѣлось переплестъ ихъ на даровщинку!), что скоро послѣдовало насыщеніе. А потому нѣкоторые поступали прямо въ переплетную и ихъ просматривали развѣ только тѣ, кто работалъ надъ ними. И только позднѣе, иногда черезъ годъ, я узнавалъ изъ отчета всю бездну премудрости, излившейся надъ нами.

Позднѣе, когда мы стали работать за плату, а охотниковъ сидѣть въ переплетной не было, эта бездна значительно сократилась.

XXXIII.

Какъ только совершился этотъ напльвъ, почувствовалась необходимость въ особомъ должностномъ лицѣ, которое вѣдало бы пріемъ и сдачу этого литературнаго матеріала, а главное, распредѣленіе его между жаждущими читать. Сдѣлать это было нелего, потому что всякому хотѣлось снять сливки какъ можно скорѣе. Поэтому на тѣ журналы, гдѣ хроника была содержательнѣе, спросъ былъ со всѣхъ сторонъ. Устроить же частый обмѣнъ въ тюрьмѣ, не переставшей еще быть одиночною, было совсѣмъ не легко. И нашъ бібліотекаръ превратился въ «бухгалтера движенія», который пускалъ журналы въ ходъ, регулировалъ его, слѣдилъ за правильностью и при малѣйшемъ уклоненіи направлялъ ихъ опять на должный путь.

Для этого выработалась практикой такой пріемъ. Предварительно бібліотекаръ спрашивалъ всѣхъ посредствомъ подписного листа, содержащаго списокъ выданныхъ ему смотрителемъ журналовъ: кто какой желаетъ читать ранѣе и на сколько времени думаетъ брать. Положимъ, одни хотѣли читать прежде «Сѣверъ», другіе «Звѣзду», третьи «Живописное Обзорѣніе» (и того до 150 №№), и большинство склонялось одолжать въ 5 №№ въ день.

Тогда бібліотекаръ расчленялъ всѣхъ своихъ кліентовъ на группы, сообразно ихъ желаніямъ, журналъ тоже разбивается на пучки или еженедельныя порціи, положимъ въ пять №№, каждая порція заключается въ особую папку, на которой наклеивается списокъ читателей по порядку, определенному жребіемъ (т. н. маршрутъ) и первая папка каждаго изъ 3-хъ журналовъ сдается вахмистру для раздачи по номерамъ (въ официальныхъ сношеніяхъ мы именовались не фамиліями, а номерами). На другой день онъ выпускаетъ вторія папки (съ №№ 6—10), на третій—третьи (№№ 11—15) и т. д. Если насъ 21 чел. то на 7-й день въ движеніи будетъ уже 21 папка. Каждый, прочитавши свою порцію, отправляетъ ее далѣе по маршруту черезъ вахмистра, для чего въ папку вкладывается билетикъ съ номеромъ лица, слѣдующаго за нимъ. По этимъ №№ дежурные и разносили папки, обыкновенно во время раздачи утренняя чая.

Но нерѣдко случалось, что дежурный ошибется и передастъ

папку не тому адресату (прочитавши напр. 11 вмѣсто 17). Межъ тѣмъ истинный адресатъ, не получая должнаго, бѣтъ тревогу и требуютъ свою порцію у библиотекаря. Тотъ пускается на поиски и дѣлаетъ это стучомъ, потому что въ первое время никакой другой способъ опроса не допускался. Стучъ не всякій услышитъ или не всякій пойметъ, папки не оказывается, и библиотекарь терпится въ догадкахъ, куда она могла пропасть. Благодаря разсѣянности нѣкоторыхъ, она залеживалась иногда у нихъ по нѣсколькимъ дней. Въ свою очередь нарушение единичного могло повести за собой путаницу въ дальнѣйшемъ движеніи, распутывать которую становилось еще труднѣе. Нервные люди при этомъ нервничали. И всѣ подобныя мелочи иногда давали тонъ нашей обыденной жизни.

Но если нарушеній не было и все шло правильно, то каждый получалъ свою порцію, иногда двѣ, даже три, если журналовъ накоплялось много. Получалась непрерывная цѣпь, которая, какъ и всякій круговоротъ, затягивала человѣка и давала ему иллюзію обязанности—прочестъ ежедневно положенное, несмотря ни на какія случайныя увлеченія ремесленными либо огородными работами. Приходишь иногда послѣ какой-нибудь тяжелой работы, весь изломанный, въ грязь и поту. Но вмѣсто отдыха сначала проглоти свою порцію духовой пищи, иначе ты, навѣрное, никогда не вернешь ее къ себѣ.

XXXIV.

Горемыкинъ, послѣ своего визита въ 1896 г., разрѣшилъ намъ всѣ журналы безъ исключенія за прошлый годъ, независимо отъ ихъ иллюстрированности. У насъ стали покупать Вѣстникъ Европы, Міръ Божій, Русское Богатство, Revue des Revues, Reviv of Reviews, Научное Обзорѣніе, Хозяинъ. Последніе два, впрочемъ, были разрѣшены и раньше, какъ научныя и техническія. Гангартъ давно уже выписывалъ для насъ Ремесленную газету, чертежи и рисунки которой много помогли намъ въ развитіи столярныхъ и токарныхъ вкусовъ и навыковъ. Давалъ онъ ее намъ не считаясь со временемъ и циркулярами, прямо по мѣрѣ выхода. А когда это упростилось, мы выпросили у него и «Ниву» на тѣхъ же основаніяхъ и читали ее всегда изъ недѣли до марта 1902 г., т. е. почти 10 лѣтъ подрядъ. Давалъ онъ ее свободно потому, что въ ней почти не было хроники, ради которой и дѣлались эти сроковыя ограниченія. Далѣе, самъ департаментъ по нашей просьбѣ присылалъ, начиная съ 1894 г., Вѣстникъ Финансовъ, по полугодію или по третиамъ, нарушая, такимъ образомъ, самолично то предписаніе о прошломъ годѣ, которое онъ давалъ. Примѣръ былъ заразителенъ, и потому мѣстная администрація по особенно была строга на счетъ годичнаго возраста журналовъ и стала давать сначала «Хозяинъ» и «Научное Обзорѣніе.» а затѣмъ и другіе все въ болѣе свѣжемъ видѣ.

Департаментъ же разрѣшилъ намъ въ 1898 году выписать ежедневное изданіе Times'a и такимъ образомъ окончательно сгладить разницу между журналомъ и газетой. Въ виду этого Обухъ безпреставно выдалъ въ 1900 году 1-го января «Новое Время» за прошлый годъ, правда въ разрозненномъ видѣ, но все же въ большемъ количествѣ номеровъ. Если же прибавить сюда періодическія изданія, которыя мы стали получать черезъ доктора Безроднова изъ подвижного музея учебныхъ пособій (Начало, Жизнь, Новое Слово, Образование), то можно сказать, что въ отношеніи періодической печати въ последнее время мы были обставлены недурно и періодъ 1898—1901 г. можно назвать «эпохой просвѣщенія» въ нашемъ уныломъ и замкнутомъ мірѣ. Недоставало только свѣжей газеты, да и то годъ или два получался Сынъ Отечества (1899—1900), не считая еще газеты-журнала «Петербургъ», которая сама себя называетъ самой маленькой газетой. Любопытно, что я не встрѣчалъ рѣшительно нигдѣ объявленій объ изданіи этого «журнала», выходившаго тогда 3 раза въ недѣлю, кромѣ Ириновскаго вокзала на Охтѣ, откуда вѣзять въ Шлиссельбургъ. Простая ли это случайность? Эти газеты, равно какъ и Times постепенно стали выдавать намъ по мѣрѣ ихъ выхода.

XXXV.

Одновременно съ этими послабленіями насчетъ современныхъ свѣдѣній въ печати, окружающіе насъ унтера перестали держать языкъ за зубами и помаленьку втянулись въ откровенныя бесѣды съ нами, какъ на темы изъ мѣстной жизни, такъ и на общественныя. Свою администрацію они всегда цѣнили по достоинству и посвящали насъ во всѣ детали ихъ финансовыхъ операций (съ ремонтомъ, поставками и пр.), именуя ихъ обычнымъ теперь въ печати грубымъ терминомъ, т. е. воровствомъ. Особенно, когда настала Бурская война и сочувствіе Бурашъ невольно сблизило насъ, мы не рѣдко читали съ ними на корридорѣ «сарая» какъ свою газету, такъ и ту, которую они приносили съ собой. За чтеніемъ слѣдовало обсужденіе и пренія. Но каждый разъ какъ мы старались подчеркнуть выгоды англійскаго способа правленія сравнительно съ русскимъ, они стыдливо опускали глаза въ землю. Изрѣдка только какой-нибудь ретивый изъ нихъ, увлекшись перечисленіемъ неправдъ, чинимыхъ русскими властями, неожиданно всколицалъ:

— Бить ихъ надо, такихъ сякихъ!

Мы смѣялись, но видѣли, что это только одно «плѣнной мысли раздраженіе», и что послѣ этой вспышки увлекшійся жандармъ можетъ самъ на себя донести со слезами раскаянія.

Ихъ «политическую зрѣлость» я лучше всего охарактеризую, расказавши свою бесѣду съ однимъ такимъ велевѣрчивымъ хулителемъ русскихъ порядковъ. Въ Шлиссельбургѣ только что ввели

казенную продажу водки, и онъ ругалъ ее какъ только могъ. Я возражалъ, начитавшись Вѣстника Финансовъ, гдѣ ее превозносили выше небесъ. При этомъ я рассказалъ описанную тамъ экспертизу, когда десятокъ свѣдущихъ винопиіцъ перепробовали въ департаментѣ неокладныхъ сборовъ водки всѣхъ русскихъ заводовъ и единогласно вынесли резолюцію, что лучше казенной водки нѣтъ. Унтеръ спокойно выслушалъ и еще спокойнѣе сказалъ:

— Да если бы меня пригласили туда, то и я сказалъ бы, что лучше казенной нѣтъ.

На мое удивленіе и вопросъ: «почему?» онъ столь же невозмутимо отвѣтилъ, какъ бы удивляясь моей наивности:

— Да вѣдь за это чины и ордена даютъ!

XXXVI.

Начитавшись только что полученныхъ журналовъ, наша публика стремилась въ «клубъ», чтобы облегчить себя отъ излишняго бремени. Одинъ читалъ одно, другой другое, иной читалъ черезуръ бѣгло и въ головѣ у него не осталось отчетливыхъ воспоминаній. Начинается порывистый обмѣнъ «новостей»: А слышали?.. А читали?.. и т. д.

Если слышали или читали всѣ собесѣдники, оказывается иногда, что кто-нибудь не дочиталъ или понялъ неправильно. Загорается споръ, идетъ провѣрка другъ друга и затѣмъ неизбежно пари: увѣряю, что тамъ такъ сказано... Другой увѣряетъ, что сказано иначе. Затѣмъ бѣгутъ домой или къ собесѣдямъ на розыски печатнаго первоисточника, и истина восстанавливается.

Получалась, такимъ образомъ, иллюзія переживания «современныхъ событій». Эта иллюзія заставляла спорщиковъ забывать, что событіе, о которомъ они говорятъ, описано, можетъ быть, еще годъ назадъ и давно кануло въ лету, и что, въ частности, спорить горячо и судить о современности по тѣмъ обрывкамъ ея, которые совершенно случайно проникали въ печать, было очень рискованно.

Подобно тому, какъ по Паломнику нельзя было составить никакого сужденія о современности, нельзя его было составить и по тогдашнимъ газетамъ. Для лицъ, безусловно отрѣзанныхъ отъ живого общенія и отъ слуховъ, питавшихъ русское общество въ то время, онѣ давали чрезвычайно убогій матеріалъ. Сейчасъ, какъ я пишу эти строки, всѣ газеты заполнены телеграммами и сообщеніями политическаго характера. Если бы правительствомъ было въ силахъ сейчасъ своротить ту же цензуру, какая была тогда, всѣ газеты содержали бы массу свѣдѣній о вскрытіи рѣкъ, объ открытіи навигаціи, о пожарахъ и наводненіяхъ, о пріѣздѣ и отъѣздѣ градоправителей и т. д. въ этакомъ родѣ. И читатель, читающій въ какомъ-нибудь Шлюшинѣ подобную хроніку, былъ бы лишенъ всякихъ свѣдѣній о самыхъ животрепещущихъ интересахъ, которыми волнуется сейчасъ все общество. Въ частности, сатири-

ческая пресса показала, какіе сюжеты въ ней преобладаютъ съ разрѣшенія и безъ разрѣшенія цензуры.

Если вообще русскій читатель того времени читалъ больше между строкъ, то въ частности мы должны были усиленнымъ творчествомъ воображенія создавать эту междустрочную хроніку. Чтеніе періодическихъ изданій давало, такимъ образомъ, новое поприще къ обнаруженію этого творчества. И такъ какъ оно проявлялось не у всѣхъ одинаково и не у всѣхъ въ одномъ направленіи, то мы очень часто, благодаря этой субъективной предпосылкѣ, вычитывали изъ однихъ и тѣхъ же изданій различныя вещи. Особенно рѣзко это сказалось въ послѣдній годъ, когда двое изъ нашихъ товарищей, слишкомъ «патріотически» настроенныхъ, принимали за чистую монету все, что официально сообщалось о войнѣ, и потомъ жестоко спорили со скептиками. Послѣдніе смотрѣли на это, какъ на сплошное вранье и судили «героевъ» Ялу, Порть-Артура и всѣхъ прочихъ такъ, какъ они заслуживали съ общесторической точки зрѣнія, которая гласитъ: истиннаго героизма не ищи въ арміи того государства, которое основано на кнутѣ, несправедливости и безправіи, и гдѣ сверху до низу все продажно и живо.

XXXVII.

Я не могу перечислить всѣхъ періодическихъ изданій, которыя перебивали у насъ въ разное время. Списокъ ихъ вышелъ бы довольно длиннымъ. Въ началѣ 1902 года мы получали каждый день по какому-нибудь новому изданію за текущій годъ, не считая тѣхъ, которые давались гуртомъ за прошлый годъ. Это были: Times, Harmsworth Magazine, Review of Reviews, Gartenlaube, Illustration europäene, «Хозяинъ», «С.-Петербургскіе» и «Нива». Въ 1901 г. сверхъ того получались «Климатъ» (Деминскаго) и «Журналь Птицеводства».

Я завѣдывалъ въ это время книжнымъ дѣломъ и уже привыкъ получать ежедневно что-нибудь новенькое, какъ вдругъ случился нашъ крахъ, и всѣ выдачи сразу же были приостановлены. Перепугавшее начальство, которому навѣрное сообщили о готовящейся ревизіи, стало усиленно отбирать у насъ всякую литературу, еще недавно наполнявшую наши камеры. Въмѣстѣ съ кипами газетъ «Новое Время» и «Россія» Гудзь поусердствовалъ отобрать даже сборники «Нивы» («Литературное приложеніе»). Въ одинъ день мы вдругъ сѣли какъ раки на мели.

Чего стоило намъ приспособиться въ эти дни къ такому лишенію, едва ли стоить распространяться объ этомъ. Въ турьмѣ всякое новое отнятіе на фонѣ общихъ лишеній чувствуется особенно интенсивно. Такое же лишеніе, какое теперь надъ нами разразилось, было невообразимо тягостно. Только благодаря тому, что весь интересъ у насъ сосредоточился на участи Вѣры Николаевны, сорвавшей погоны съ Гудзя, мы могли сравнительно легко пере-

нести первая недѣля кризиса. А когда тревога за Вѣру Николаевну стала стихать и мы успокоивались на мысли, что дѣло окончится ничѣмъ, радость отъ такой развязки нѣсколько вознаградила насъ за литературныя утраты. Къ тому же мы имѣли уже основаніе думать, что репрессія надъ нами есть результатъ событій «на волнѣ», и что если это есть отместка *намъ*, то, очевидно, за что-то серьезное, сдѣланное *и.м.*

XXXVIII.

Въ первое время, пока политика Плеве еще не опредѣлилась въ отношеніи насъ, намъ обѣщали вернуть отнятое въ недалекомъ будущемъ. Но затѣмъ всякія обнадѣиванья скоро прекратились: очевидно, не тѣмъ запахло въ воздухѣ. Продолжали давать по инерціи только „Хозяинъ“, какъ журналъ, трактующій о въ добреніи и проч. матеріяхъ, имѣющихъ непосредственное приложеніе къ нашей жизни. Но и въ немъ сначала начали вырывать хроніку, а потомъ и совсѣмъ прекратили выдачу подъ тѣмъ предлогомъ, что «Хозяинъ» пересталъ выходить. Въ свое же время мы узнали, что это было неправда, но невѣданныхъ номеровъ Яковлевъ такъ и не возвратилъ, несмотря на всѣ хлопоты.

Остались у насъ только строго научные журналы: Knowledge (ежемѣс.), Naturwissenschaftliche Wochenschrift (еженед.) Chemical News (еженед.) и Журналъ Физико Химическаго Общества (ежемѣс.). Иностранные журналы выдавали намъ вскорѣ послѣ ихъ выхода, но съ нѣкоторой задержкой, ссылаясь на то, что они просматриваются. По словамъ смотрителя, английскіе журналы просматривалъ кто-то изъ англичанъ съ мѣстной фабрики, принадлежащей английской К°. И намъ горько было слышать, что нашлся англичанинъ, способный исполнять обязанности сыщика въ интересахъ нашихъ жандармовъ. Въ Knowledge'ѣ нѣрдко были вырваны листы съ объявленіями, очевидно рукою импровизованной цензуры.

Даже «Извѣстія» Вольфа были запрещены въ это время. Но что извѣстія! Это все-таки періодическій органъ. Запретили даже календари—всѣ, кромѣ отрывныхъ. Мы смѣялись, что нами править, должно быть, тайное общество, которое не допускаетъ, чтобы мы знали ихъ имена, печатающіяся обыкновенно въ календаряхъ. Въ началѣ 1904 г. я какъ то при свиданіи спросилъ Яковлева прямо:

— Вѣдь Вы не дадите мнѣ календарь Гатцука? при чемъ дѣя наглядности указалъ тутъ же на этотъ календарь за 1901 г.

— Нѣтъ, не дамъ, отвѣчалъ онъ столь же опредѣленно.

— Тогда не дадите ли мнѣ вотъ этой статистической таблицы, которая къ нему прилагается ежегодно? Все остальное можете оставить у себя.

Онъ обѣщалъ. Черезъ нѣсколько дней я получить этотъ Календарь за 1904 г. Изъ него вырвано было все, что указывало на современность, въ томъ числѣ и „сказаніе объ открытіи мошей

Св. Серафима Саровскаго“. Конечно, это было усердіе мѣстныхъ властей, но они правильно рѣшили, что открытіе мошей есть дѣло политическое, и потому сказаніе о немъ, какъ обо всемъ политическомъ, не должно быть допущено до насъ.

Въ это время мнѣ не давали даже церковныхъ Вѣдомостей, официальнаго органа св. Синода, который я уже много лѣтъ получалъ отъ священника регулярно. А такъ какъ нельзя было привести никакого резона о такомъ отказѣ, то смотритель принесъ мнѣ отвѣтъ якобы отъ лица священника, къ которому я отправилъ его съ просьбой:

— «Батюшка въ этомъ году не выписывалъ ихъ!»

Это была явная ложь, одна изъ тѣхъ лжей, которыя приходилось скрѣпля сердце выслушивать отъ нихъ ежедневно во всѣхъ дѣловыхъ сношеніяхъ.

На другой годъ я выдѣлся со священникомъ наединѣ, и потому этотъ резонъ было неудобно повторить. Поэтому обѣщали Церковныя Вѣдомости выдать, но послѣ специального просмотра. И вотъ начинается этотъ просмотръ и танется затѣмъ цѣлые мѣсяца. Лѣнныя и оупѣбныя, онѣ даже такой работы не могли сдѣлать безъ сильнаго долговременнаго напряженія. Вырывать что-нибудь изъ „св. хлцовъ“ было чрезчуръ зазорно, поэтому они задерживали цѣлые №№, если тамъ встрѣчалось что нибудь недопустимое съ ихъ точки зрѣнія.

На мой прямой вопросъ къ Правоторову:

— Да почему это вы даже Синодскія Вѣдомости не можете выдать полностью?

Онъ отвѣчалъ съ особой многозначительной интонаціей:

— Нельзя! Все они лѣзутъ туда, куда ихъ не спрашиваютъ. Это значило: позволяютъ себѣ судить о чемъ-то другомъ, выходящемъ изъ сферы узко церковной. Это неразумное дѣло такъ забавно и такъ недипломатично отразило на себѣ все то, чему оно насыщалось въ департаментскихъ сферахъ, что мнѣ оставалось только поучаться при видѣ того, какъ одно охранные вѣдомство, присвоившее себѣ монополію охранительныхъ функций, ревниво смотритъ на вторженіе въ свою область другого охранительнаго вѣдомства. Подобное этому, говорить, можно встрѣтить только въ глухой провинціи, гдѣ постоянно пикируются между собой власти полицейская и жандармская—изъ за наградъ и добычи, перебиваемыхъ другъ у друга.

За эти цѣлые два года нами выданы еще, кромѣ названныхъ, только два техническихъ журнала, одинъ англійскій, другой американскій, которые выписывались, очевидно, англичанами, служащими на Шлоссъ хлопчатобумажной фабрикѣ. Вѣроятно владѣльцемъ этихъ изданій было то же самое лице, которое оказывало услуги Яковлеву, производя просмотръ нашихъ собственныхъ англійскихъ журналовъ.

Такъ какъ за 1902 г. нами уже были выписаны до катастрофы «Мірѣ Божій» и «Русское Богатство», то намъ въ концѣ концовъ въ-

дали их. Но, Боже мой, что это были за журналы. По устному полномочию отъ департамента, на которое ссылались наши власти, они вырвали изъ нихъ не только всю хронику, но и всѣ статьи, которая, на ихъ просвѣщенный вкусъ, казались „неудобными“. Вырваны были даже такія статьи, какъ „Биконфильдъ, государственный дѣятель“. Не одно поколѣние русскихъ писателей переживало много мучительныхъ часовъ, проводя продукты своей мысли сквозь цензуру. Но никому и никогда еще не приходилось переносить такой цензуры, какъ эта. Она, какъ и всюду, тоже была неодинакова: на усердіе зрителя мы жаловались сверхусердствующему Яковлеву, и тотъ иногда обнаруживалъ „великодушіе“, и приносилъ самолично то цѣлую хронику, болѣе невинную, за какой-нибудь одинъ мѣсяцъ, то цѣлую статью. Не нужно и добавлять, что всѣ журналы послѣ такой операціи распались на отдѣльные листочки и вообще имѣли самый невозможный видъ.

И все-таки жажда новизны была такъ сильно въ насъ, что она пересиливала отвращеніе къ такому изуродованію и къ ежедневнымъ хлопотамъ по поводу каждой вырванной вещи. А потому мы и на слѣдующій годъ выписали тѣ же журналы на деньги, ассигнованныя намъ на книги, хотя и получали за свои деньги меньше половины печатныхъ листовъ. Вырванъ былъ даже разсказъ Вересаева „На поворотѣ“.

XXXIX.

Особенно тщательно охраняли насъ въ 1904 г., съ открытіемъ военныхъ дѣйствій, отъ всякихъ свѣдѣній о войнѣ и даже отъ самыхъ намековъ на войну.

О началѣ войны мы узнали уже въ февралѣ того же года по газетному обрывку, который подсунулъ былъ однимъ изъ нашихъ добрыхъ геніевъ. Такой же геній подсунулъ намъ и свѣдѣніе объ убійствѣ Сипягина, которое вовсе не было занесено вѣтромъ, какъ ошибочно огласилъ это М. Ю. Ашенбреннеръ, самъ не знавшій этого. Затѣмъ, по лицамъ унтерговъ, читавшихъ газеты ежедневно на нашихъ глазахъ, мы слѣдили за ходомъ военныхъ дѣйствій. И, признаться, судили о немъ совершенно правильно. На лицахъ ихъ ежедневно читалось одно и тоже:

— Никакого успѣха!

Только о смерти Макарова мы узнали изъ журнала Ф. Х. общества, причѣмъ тамъ была вырвана цѣлкою статья, посвященная ученымъ заслугамъ этого адмирала. Но гдѣ, при какихъ обстоятельствахъ и какъ онъ умеръ, ничего не было извѣстно. За весь 1904 г. больше мы не узнали ничего. Въ писмахъ всякій намекъ на войну тщательно вымарывался. Полову писали, что его тетка ухаживаетъ за больными и *ранеными*: последнее слово было густо замазано чернилами. Но и тутъ однажды не досмотрѣли и въ писмѣ къ Вѣрѣ Николаевнѣ пропустили строку, что ея родственникъ докторъ отправился на войну. Это дало намъ по-

водъ заговорить съ начальствомъ о войнѣ открыто. Конечно, они отрицали самый фактъ ея существованія, и Голубчикъ готовъ былъ клаяться и божиться, что никакой войны у насъ нѣтъ.

Наконецъ мы дожили до того, что война и формально объявилась. Это было въ ноябрѣ 1904 г., когда намъ опять возвратили разрѣшеніе, на самоѣмъ дѣлѣ никогда официально не отмѣнявшееся, читать журналы за прошлый годъ. Кому мы были обязаны этой реставраціей правъ, я не знаю. Яковлевъ, конечно, приписывалъ это себѣ. Но мы уже слишкомъ хорошо знали, что онъ могъ только лишать да отнимать, а отнюдь не возвращать. Даже и здѣсь онъ постарался изгнать газеты окончательно изъ этого разрѣшенія, а прошлый годъ истолковалъ въ узко буквальномъ смыслѣ, т. е. выдавалъ то, что вышло изъ печати ровно годъ тому назадъ. Сначала онъ хотѣлъ выдавать такъ изъ недѣли въ недѣлю; но потомъ смягчился и сталъ давать разомъ за мѣсяцъ, причѣмъ въ послѣднихъ числахъ этого мѣсяца мы получали все, что печаталось въ будущемъ мѣсяцѣ прошлаго года.

XI.

Установилась весьма своеобразная иллюзія, какъ будто мы очутились на такой отдаленной планетѣ, до которой свѣтовые лучи достигаютъ ровно черезъ годъ. Мы слѣдили шагъ за шагомъ, съ попятною постепенностью, за рядомъ событий и такъ входили въ курсъ дѣла, что готовы были считать ихъ за самонѣвышнія. Также спрашивали другъ друга: что новаго? и также передавали другъ другу „свѣдѣнія“ о томъ, что было годъ назадъ. То, что мы читали сейчасъ, намъ казалось совершившимся въ теченіе этого мѣсяца. А то, что читали въ прошлый разъ, представлялось совершившимся мѣсяцъ тому назадъ.

Когда Портъ-Артуръ уже палъ и разразилась Мукденская катастрофа, когда окончательно и для слѣпыхъ стали явны полныя неудачи русскаго оружія, мы только что приступили къ чтенію перваго мѣсяца войны и къ описанію тѣхъ всеобщихъ „ликваній“, которыми будто-бы повсюду было встрѣчено объявленіе войны. Едва ли кто-нибудь въ Россіи, кромѣ насъ, имѣлъ случай перечитывать всѣ „патріотическія“ завыванія первыхъ дней войны— въ то время, когда крушеніе надеждъ было уже полное и когда лакейство и глупость смиренномудрствующихъ писателей выступало съ особенной назидательностью. Особенно, когда суемыслие они выдавали за волю и намѣреніе Божества.

Сами жандармы подъ влияніемъ пораженій и событій внутренней жизни стали разговорчивѣе и начали передавать устно кое-что о самыхъ послѣднихъ новостяхъ, о которыхъ прочесть мы могли-бы только черезъ годъ. Такимъ образомъ мы узнали главное и про Мукденъ, и про походъ Рождественскаго, и про Цусиму.

Послѣ всякаго наиболѣе крупнаго краха дежурные, у которыхъ

въ груди билось солдатское сердце, не могли сдержатъ своего негодованія и, не взирая на строжайшій запретъ, увлекались разговорами промежъ себя такъ громко, что кое-что долетало и до насъ. И доставалось же тутъ злосчастному Куропаткину, этому недавнему идолу, баловно судьбы и надеждъ Россіи! Офицера тоже рассказывали многое, преимущественно по «Новому Времени».

Потомъ подъ влияніемъ газетъ, рѣчи нашихъ унтеровъ стали дышать укоризной по адресу бюрократіи. И особенно забавно было слышать эти укоры изъ устъ нашего вахмистра, который самъ былъ типичнѣйшимъ воплощеніемъ бюрократическаго режима въ своей сферѣ.

— Ну, думалось при этомъ, „Царство, раздѣлившееся на ся непремѣнно запустѣетъ“.

Наконецъ, лѣтомъ 1905 г. доходили до моихъ ушей такія рѣчи о самодержавіи и ограниченіи его, читанныя унтерами въ газетахъ, за которыя прежде насъ въ Сибирь высылали. Было очевидно, къ чему идти. Вскорѣ мы получили и положеніе о Булыгинской Думѣ въ № Правительств. Вѣстника, который былъ намъ данъ по специальной просьбѣ. Единственнымъ же свѣжимъ періодическимъ органомъ были только «Извѣстія» Вольфа, гдѣ мы читали необыкновенныя для насъ вещи о *свободѣ* совѣсти, печати и пр. Наконецъ, получили даже книжку «Конституціонное государство» — сборникъ статей, трактовавшихъ въ общедоступной формѣ вещи, совершенно непозволительныя для русской печати.

И все это время у насъ одинъ глазъ былъ устремленъ на вопросы текущаго момента, а другой съ прежней постепенностью перечитывалъ битву при Тюренченѣ, Цзинжоу, Вафангоу, Дашичао, Ляоянѣ, вплоть до Шахэ, послѣ ознакомленія съ которой мы вышли на волю. Подробностей о взятіи Портъ-Артура, Мукденской и Цусимской катастрофъ мнѣ такъ и не пришлось читать до сихъ поръ.

XLII.

Въ настоящій моментъ, когда ликвидировали въ Шлиссельбургѣ охранявшее насъ жандармское управленіе, наша бібліотека, какъ говорятъ, перевезена въ департаментъ полиціи и, вѣроятно, далеко не въ полномъ составѣ. Смотрѣли на нее, какъ на казенное имущество, и поступали, конечно, соответственно этому. Между тѣмъ въ ней, по самой скромной оцѣнкѣ, было по крайней мѣрѣ рублей на 500 нашихъ собственныхъ книгъ.

Кромѣ тѣхъ книгъ, которыя присылались изъ департамента, а затѣмъ покупались на ассигнованныя намъ деньги, въ нашу бібліотеку вошли:

1) книги, привезенныя съ собой многими товарищами. Ихъ насчитывалось болѣе 150 названій.

2) Книги, купленныя на деньги, оказавшіяся у нѣкоторыхъ изъ товарищей при доставкѣ ихъ въ Шлиссельбургъ, въ томъ числѣ

и на деньги, вырученныя отъ продажи костюма и проч. вещей Карповича. Костюмы же всѣхъ прочихъ, въ томъ числѣ и мой, какъ говорятъ, были преданы сожженію.

3) Книги, которыя мы покупали на свои заработанныя суммы. Напр. въ одномъ 1904 году было затрачено не менѣе 25 руб. изъ этихъ суммъ. Такъ оплачены были напр. десяти томныя воспоминанія Фабра (Souvenirs enthomologiques) и журналъ физико-хим. общества.

4) Книги, пожертвованныя намъ частью черезъ подвижной музей изъ Петербурга, частью черезъ Пахаловича и др. чиновъ администраціи.

Я еще не говорилъ, что Пахаловичъ вообще доставлялъ намъ много книгъ для чтенія. Откуда онъ ихъ бралъ, мнѣ неизвѣстно; но онъ охотно и въ изобиліи доставлялъ ихъ, на русскомъ и франц. языкахъ и притомъ большею частью такого сорта, какихъ мы не могли рассчитывать получить официальнымъ путемъ. Отъ него напр. мы могли получать все главное по политической экономіи, начиная съ Маркса, который въ то время, особенно въ жандармскомъ вѣдомствѣ, считался настоящимъ жулопомъ. До этого, отдѣлъ политич. экономіи у насъ представленъ былъ исключительно Шторхомъ, забытымъ русскимъ экономистомъ временъ Александра I, и Тьеромъ съ его трактатомъ «о собственности». Многія изъ доставленныхъ черезъ Пахаловича книгъ, въ томъ числѣ и три тома свода законовъ, поступили совсѣмъ въ нашу бібліотеку.

Юнь 1906 г.
Выборгъ.

М. Новорусскій.

Эпизодъ изъ жизни В. Г. Бѣлинскаго.

(По неизданнымъ даннымъ).

I.

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1848 года въ Петербургѣ случилось слѣдующее происшествіе.

Въ домѣ Буданиной, что по Гороховой улицѣ между Садовой и Семеновскимъ мостомъ было подано письмо или, какъ въ то время говорили, «пашквиль»⁴. Подаль письмо неизвестной молодой человѣкъ, по описанію, «средняго роста, лицо бѣлое, носикъ острый, въ сѣрой шинели, фуражка à la polka». Письмо было доставлено въ III-е отдѣленіе и доложено начальнику его графу А. Ф. Орлову. Повидимому, въ намѣренія автора какъ разъ и входило, чтобы шефъ жандармовъ (онъ же начальникъ III отдѣленія) прочелъ это письмо. Письмо же заключало въ себѣ обращеніе къ графу Орлову нижеслѣдующаго содержанія¹):

Орловъ!

Ни древняя, ни средняя, ни новая исторія не передаютъ намъ столь почетнаго примера тому, что совершается въ наше время! — Западъ просвѣщенной Европы, отъ Франціи до Россіи, взволновался—ринулся къ испроверженію властей.— Что причиною такого бурнаго, всеобщаго возстанія народовъ противу властей? — сами власти! — Законы, которыми охраняется безопасность, созидается счастье и благоденствіе народа, парализированы властями! — Жадность къ обогащенію, неправосудіе и наглое самовластіе поведителей народовъ, а равно и тѣхъ, которые окружаютъ троны ихъ, эти надменные памятники злополучнаго народа, угнетаютъ все, что ниже ихъ и что поручено ихъ власти, все это, въ безуміи своемъ, вѣдумали считать неравными имъ созданіями Божиими, не изъ того же, будто бы, матеріала, какъ и они, созданными, а какими то презрѣнными тварями, или вещами, стоящими внѣ природы человѣческой, сработанными неискуснымъ мастеромъ или случайною игрою природы.—Сверхъ того, захвативъ себѣ всѣ преимущества и отличія, народу оставили только тяжкій кровавый трудъ и горькую нищету.

Вотъ источникъ, изъ котораго по Западу Европы пролился бурный потокъ, угрожающій теперъ, справедливо парализовать личныя власти и со-

крушить ихъ могущество. Народы долго стонали подъ бременемъ необузданнаго самовластія!—Этому стону не внимали Цари, усыпленные своими крошечниками—что остается дѣлать измученному народу? Употребить свою силу противу беззаконной силы властей! Нарушителей закона, Божескаго и человѣческаго, злоупотребителей власти, — низпровергнуть ихъ, установить новый порядокъ, согласный съ благомъ народа, порядокъ, пользу котораго ближе знаетъ и чувствуетъ самъ народъ, ибо цари, до безчувственнаго оупьяненія упившись своимъ величіемъ, забыли, что они цари, подобныхъ имъ человѣковъ.

Не дерзость, не безуміе, какъ реветь Николай, а светлое благоразуміе, просящее изъ света наукъ, угрожаетъ подобнымъ возстаніемъ, не Россіи, а мерскимъ властямъ въ Россіи—урокъ данный властямъ просвѣщенными народами запада, долженъ быть прочитанъ имъ и у насъ въ Россіи, ибо между нашими властями есть люди, вышедшіе изъ вонючей грязи, и эти-то люди, не по достоинству и прямой заслугѣ отечеству, поднявшись изъ ничтожества на опасную высоту власти, смотрятъ съ нее на все и на всѣхъ, что ниже ихъ, съ презрѣніемъ давять, угнетаютъ все въ угожденіе своему обожаемому кумиру. Такъ! урокъ этотъ неизбежно долженъ выполниться и разразиться надъ пустыми и надутыми головами властолюбцевъ — будетъ! и будетъ тоже въ Россіи, если еще не въ сильнѣйшемъ, какъ на западѣ, разгарѣ озлобленнаго народа русскаго, страшнаго на поляхъ битвы, ужаснаго въ ялу мятежа противу разсвирѣпѣвшаго беззаконія властей. Истые по крови и вѣрѣ угнетенные русскіе, должны ожидать этой минуты, какъ благословенія небесъ!... стонъ народовъ услышанъ небесами на Западѣ Европы!...

Орловъ! ты хвалишия дружбою къ Николаю! скажи ему, что ежели нехочетъ онъ, чтобы царствованіе его заключилось позоромъ и низверженіемъ

..... то пусть ежели его благо неразрывно съ благомъ русскихъ, какъ говоритъ онъ всенародно, пусть предупредитъ у насъ ужасную грозу, которая поучительно поднялась съ Запада Европы. — пусть выникнетъ въ дѣйствія своихъ обаятелей крошечниковъ, подлыхъ министровъ— пусть поклонитъ слухъ свой къ воплю обиженныхъ, угнетенныхъ и слѣдовательно раздраженныхъ противу властей, а такихъ у насъ, къ несчастію, много! очень много!—пусть добросовѣстно—съ заботливымъ вниманіемъ заглянетъ въ разные низшіе и высшіе, до сената и дальѣ суды,—эти торжища юстиціи, въ которыхъ правосудіе продается публично, ненаказанно — пусть для блага народа истребитъ разсвирѣпѣвшее тамъ зло неправосудія и лихонства — пусть выникнетъ, какъ непростаннымъ налогами на разные предметы ограбляется народъ въ пользу своего властелина и его любимцевъ— прочтемъ что объ этомъ плодитъ слова напрасно—Царская Славянка, есть свѣдѣніи, подлый памятникъ несправедливости и насилія памятникъ постыдный для жадности ненасытившаго еще ограбленіемъ народа!

Будетъ!... и будетъ такъ.. а некакъ думаетъ Николай съ своими крошечниками!.. Сѣмя искусною рукой брошенное въ подготовленную землю, при тщательномъ и неусыпномъ надзорѣ, хотя и будетъ можетъ быть по-лито кровью, однако вырастетъ, принесетъ желаемый плодъ и жатву обильную!..

¹) Приводимъ съ сохраненіемъ правописанія.

Так судьбы раздраженного народа вступили нынѣ въ славу борьбу съ судьбою царей, — сладко, беззаботно уснувшихъ въ объятяхъ неограниченнаго самовластія, тиранскаго для человечества. народы вышли уже изъ младенческой колыбели—возмужали—нелзя теперь ублаживать ихъ ничтожными ласками—эфемерными обещаніями, однимъ словомъ безстыдно обманывать, а въ случаѣ устрашать силою власти, которая, предъ глазами всего свѣта, замаралась въ беззаконныхъ дѣйствіяхъ!

Начинается борьба страшная, великая; но давно и глубоко обдуманная, восторжествуетъ надъ ложными земными богами, подлою лестію такъ называемыми, которые сдѣлались презрѣнными и отвратительными въ глазахъ угнетенныхъ народовъ!..

Разумейте Цари! что гласъ народа есть Гласъ Божій, покайтесь яко съ народомъ Богъ.

Исты Русскій.

Не знаемъ, какое впечатлѣніе произвела на Орлова эта своеобразная прокламація, содержаніе которой стало извѣстнымъ III-му отдѣленію. Кѣмъ бы ни было написано это обращеніе, оно во всякомъ случаѣ характерно для настроенія извѣстной, весьма незначительной, конечно, части общества въ 1848 году.

Дѣлу съ „пашкилемъ“ или, точнѣе, дѣлу „о безыменномъ письмѣ съ возмутительными предсказаніями насчетъ будущаго въ Россіи“ былъ данъ ходъ. III-е отдѣленіе рѣшило разыскать автора. На письмѣ Л. В. Дуббельтъ положилъ слѣдующую помѣтку: „спросить Булгарина“, а на запискѣ о лицѣ, подбросившемъ письмо, его же рукой помѣчено „искать въ типографіяхъ.“

Вѣрный другъ III-го отдѣленія Ф. В. Булгаринъ пустилъ въ ходъ свои критическія способности и весьма скоро, на основаніи критическаго анализа, представилъ рукопись, озаглавленную имъ весьма деликатно: „догадки“. На самомъ дѣлѣ „догадки“ представляли сплошной доносъ. Вотъ онъ:

Догадки.

1. Письмо непременно писано человѣкомъ, владѣющимъ хорошо Русскимъ языкомъ.—Еслибъ мнѣ пришлось поправлять слогъ, едва ли я нашелъ бы что поправить.—Относительно правописанія очевидно, что *яли* (ѣ) поставлены *умишленно* не на своихъ мѣстахъ.—Писалъ письмо Русскій человѣкъ, а Русскіе, не знающіе основательно грамматики, по свойству Русскаго произношенія,—смягчающаго букву *е* и всегда ставятъ *ь*, тамъ гдѣ должно быть *е*. Въ письмѣ напротивъ *ѣ* поставлены иногда правильно; а чаще вмѣсто *ь*—стоитъ *е*. Слово *Кромешники* находящееся въ письмѣ доказываетъ, что Авторъ занимался Русскою Исторіею—ибо это слово не употребляется ни въ разговорѣ, ни въ Писаніи словесности—и первый Карамзинъ ввелъ его въ Исторію, означая словомъ *Кромешники* (правильно *кромѣшники*) тѣлохранителей Царя Іоанна Васильевича Грознаго, названныхъ *отричниками*. *Кромѣшникъ*—то же что *злой духъ*, отъ тѣмъ *кромѣшійя* т. е. *ада*.

2. Воспоминаніе о покупкѣ Государемъ Славянки могло превратиться въ преступленіе только въ головѣ человѣка близкаго къ кругу Графини Воронцовой-Дашковой. Бабушка Графа В. А. Соллогуба, извѣстнаго писателя,

урожденная Нарышкина, тетка покойнаго Кирилла Александровича Нарышкина, слѣдовательно, Графъ В. А. Соллогубъ близкій родственникъ Графини Воронцовой-Дашковой. Не говорю, что Соллогубъ писалъ письмо—но какъ у него бывають Литературныя Собранія, равно и у Князя Одоевского, на которыхъ собираются всѣ сотрудники и издатели Отечественныхъ Записокъ и Современника, т. е. писатели, такъ называемой натуральной школы, то невозможно, чтобъ въ этихъ собраніяхъ не было рчи о Славянкѣ, занимавшей все высшее общество.—Тутъ у одного изъ присутствующихъ въ собраніи могла родиться мысль о явной несправедливости, оказанной Графинѣ Воронцовой-Дашковой.

3. Болѣе и смѣлѣе другихъ вопіютъ нынѣ въ пользу революцій, молодой писатель Бутковъ, сотрудникъ Отечественныхъ записокъ и Современника, авторъ юмористическаго сочиненія: „Петербургскія Вершины“. Некрасовъ, издатель Современника (одинъ изъ трехъ издателей: два другіе суть Цензоръ Никитенко и Иванъ Ивановичъ Панаевъ)—и несчастный Фейгинъ, пріятель Краевскаго, который часто обрѣдаетъ у Фейгина. Фейгинъ почитаетъ себя обиженнымъ и раззореннымъ несправедливостію. Бутковъ родомъ изъ мѣщанъ, былъ прежде письмоводителемъ или домашнимъ Секретаремъ у Фейгина и писалъ дѣловыя бумаги и проекты, подъ его диктовку. У Фейгина есть идеи—но онъ не знаетъ Русскаго языка, хотя страстный охотникъ морать бумагу.

Этотъ Бутковъ, года за два предъ симъ, явился ко мнѣ, въ самомъ несчастномъ видѣ. Я его призрѣлъ, далъ денегъ, напечаталъ нѣсколько его статей, но замѣтивъ въ немъ безпокойный духъ и революціонныя правила, за которыхъ онъ въ нашей редакціи прозванъ ожесточеннымъ, я посоветовалъ ему оставить Сѣверную Пчелу и перейти къ Краевскому и Никитенкѣ, по сходству образа мыслей—что онъ и сдѣлалъ, и принять въ общѣ редакціи. Иногда Бутковъ заходитъ въ редакцію Сѣверной Пчелы, къ нашему корректору, кажется посылаемый Либеральною партіею: однажды я засталъ его въ редакціи—и онъ до моего прихода объявилъ,—что жизнь моя находится въ опасности и что при первомъ возмущеніи меня убьютъ, какъ приверженца Правительства. Мои корректоры и писцы пересказали мнѣ это, въ шутку въ присутствіи Буткова и я также, шутя, возразилъ: „если будетъ бунтъ—Бутковъ защититъ меня и поставитъ у моего дома почетную стражу“.—Недѣли черезъ двѣ послѣ этого—я получилъ, черезъ городскую почту, грозное письмо, въ которомъ угрожаютъ убить меня, если я не перестану писать въ защиту Самодержавія.

Некрасовъ самый отчаянный коммунистъ: стоитъ прочесть стихи его и прозу въ С.-Петербургскомъ Альманахѣ, чтобъ удостовериться въ этомъ. Онъ страшно вопіетъ въ пользу революцій.

4. Названіе Государя въ письмѣ Нѣмцемъ—приводитъ невольно къ заключенію, что письмо писано человѣкомъ незнающимъ Нѣмецкаго языка—ибо эти люди у насъ болѣе прочихъ вопіютъ противу Нѣмцевъ, ненавидятъ ихъ и подобно шайкѣ Рылѣева считаютъ Царскую фамилію Нѣмцекою. Таковы Бутковъ и Некрасовъ.

Мѣры къ отысканію автора письма.

1. Мнѣ кажется, что лучше всего начать съ того, что уже было сдѣлано, когда къ фельдфебелямъ были разосланы возмутительныя письма, а именно забрать всѣ рукописи у издателей газетъ и журналовъ и въ Конторѣ Края, издателя Справочнаго Энциклопедическаго Лексикона. Особенное внимание должно обратить на Отечественныя записки (печатаемая въ типографіи Глазунова), Современникъ (печатается у Праца въ домѣ Греча), Русскій Инвалидъ (въ Военной Типографіи) и Литературную Газету (не знаю гдѣ, ибо не вижу газеты) и пересмотрѣть и сравнить рукописи Буткова и Некрасова.

2. Бутковъ и Некрасовъ любятъ оба выпить, а Бутковъ таскается по трактирамъ и недавно едва не былъ схваченъ за вранье, какъ онъ самъ рассказывалъ въ редакціи Сѣверной Пчелы. Некрасовъ ведетъ себя повыше и упивается шампанскимъ, и упившись вретъ.—Нельзя ли найти человѣка, который бы напоилъ ихъ и пораспросилъ.

3. Славянка—въ письмѣ есть такое явное указаніе, что можно навѣрно предполагать, что письмо вышло изъ круга, въ которомъ находятся люди близкіе къ обществу Графини Воронцовой-Дашковой, а слогъ письма доказываетъ, что оно писано Литераторомъ. А какъ у насъ только одинъ Литературный кругъ, именно издателей и сотрудниковъ Отечества. Записокъ и Современника, къ которому примкнули два человѣка изъ общества Графини Воронцовой-Дашковой—именно Соллогубъ и Князь Одоевскій—то въ этомъ кругѣ и должно отыскивать автора письма.

4. Полагаю, что этимъ однимъ письмомъ не ограничится партія. Весьма полезно было бы, еслибъ во всѣхъ лавочкахъ и мѣстахъ гдѣ принимаются письма на городскую почту были штемпели съ нумерами, т. е. чтобы каждое мѣсто имѣло свой нумеръ или пожалуй букву, и получивъ письмо, тотчасъ клеймилъ его, чтобы узнать изъ какого мѣста прислано письмо. Это облегчило бы розысканія.

З а к л ю ч е н і е .

Не дай Богъ никого доведеть до бѣды подозрѣннѣмъ, но зная характеристику безпощадныхъ людей и ихъ отношенія, легче добраться до истины и найти виновнаго. Авторъ письма такой злодей, что по моему мнѣнію хуже убійцы.—Не дерзая представлять моихъ мнѣній, но мнѣ кажется, что въ нынѣшнее время Государю Императору слѣдовало бы одному прогуливаться пѣшкомъ раннимъ утромъ во кругъ Дворца, загроможденномъ лѣсами со стороны Большой Миллионной и по пустой Дворцовой Набережной. Революціонеры во всей Европѣ боятся *одного* Императора Николая Павловича; Прусская и Австрійская Польши объяты уже пламенемъ; въ Русской Польшѣ страхъ держать всѣхъ въ покоѣ; въ Россіи есть революціонные фанатики, не хуже французскихъ, что доказываетъ и *письмо*. Спокойствіе миллионныя людей зависитъ отъ *одного лица*—и это лицо—отвѣтственно предъ Богомъ и человѣчествомъ за наше счастье и спокойствіе. Точно такъ, какъ фанатики озлоблены противу Наполеона,—нынѣ озлоблены противу Императора

Николая Павловича—и невѣрять, чтобы Россія не вмѣшалась въ дѣла Европы. Самъ Король Прусскій въ своей Прокламціи, объявилъ, что опасность угрожаетъ Германіи *съ двухъ сторонъ*. Какія же это стороны:—*Франція и Россія*.—А какъ не повѣрить Королю Прусскому, бывшему вѣрному союзнику Россіи?—Развѣ чужіе края не могутъ выслать эмиссаровъ? Примемъ это ужасное *письмо*, какъ предостереженіе, исполненное провидѣннѣмъ, и упавъ предъ престоломъ, воскликнемъ: *осторожность!*

Не входя въ детальныя розысканія по совѣту Булгарина, III-е отдѣленіе рѣшило почеркъ „пашквиль“ сравнить на первыхъ порахъ съ почерками двухъ литераторовъ: Н. А. Некрасова и В. Г. Бѣлинскаго. Съ этой цѣлью Михаиломъ Максимовичемъ Поповымъ, бывшимъ школьнымъ учителемъ В. Г. Бѣлинскаго, были написаны приглашенія явиться въ III-е отдѣленіе и Некрасову и Бѣлинскому.

Н. А. Некрасовъ на приглашеніе поспѣшилъ отвѣтить слѣдующимъ письмомъ.

Ваше Превосходительство
Милостивый Государь
Михаилъ Максимовичъ!

Въ отвѣтъ на приглашеніе Ваше, честь имѣю увѣдомить Васъ, что я явлюсь въ третье отдѣленіе въ понедѣльникъ слѣдующей недѣли, т. е. послѣ завтра.

Принося Вашему Превосходительству глубокую благодарность за великодушное предувѣдомленіе о причинѣ приглашенія, — имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ и совершенной преданностью

Вашего Превосходительства
Милостиваго Государя
Покорнѣйшій Слуга
Н. Некрасовъ.

27 марта 1848 г.

СПБ.

2.

Извѣстно, что послѣдніе мѣсяцы своей жизни В. Г. Бѣлинскій былъ уже очень боленъ, слабъ, рѣдко вставалъ съ постели. Къ страданіямъ болѣзни присоединились еще терзанія его нервы цензурная наладка и, наконецъ, полицейскія. Въ февралѣ 1848 года Михаилъ Максимовичъ Поповъ, бывший наставникъ Бѣлинскаго, а въ это время довѣреннѣйшій чиновникъ Л. В. Дубельта, прислалъ своему ученику приглашеніе явиться въ III отдѣленіе къ Л. В. Дубельту, который „желалъ бы познакомиться“ съ критикомъ. Приглашеніе это перепугало больного Бѣлинскаго и его друзей. Онъ самъ уже былъ такъ слабъ, что не могъ двинуться изъ дома и отвѣтить Попову, что онъ боленъ и явится, лишь только поправится. 27 марта послѣдовало подтвержденіе перваго письма. М. М. Поповъ писалъ:

„Слышала я, что прежняя записка моя нѣсколько напугала васъ милостивый государь Виссаріонъ Григорьевичъ.

Въ приглашеніи васъ нѣтъ другой причины, кромѣ того, что Леонтій Васильевичъ желаетъ познакомиться съ вами.

Вы, как литераторъ, пользуетесь извѣстностію; объ васъ часто говорятъ: очень естественно, что управляющій III-мъ отдѣленіемъ и членъ цензурнаго комитета желаетъ узнать васъ лично и даже сблизиться съ вами*.

Въ слѣдующихъ строкахъ М. М. Поповъ повторялъ приглашеніе явиться въ III отдѣленіе ¹⁾.

Биографы Бѣлинскаго, въ томъ числѣ и А. П. Пыпинъ ²⁾, не зная настоящихъ причинъ, вызвавшихъ письмо и приглашеніе Бѣлинскаго, строили различныя предположенія. Но дѣло было очень просто: III-е отдѣленіе заподозрило въ авторствѣ „паксвилля“, между прочимъ, и Бѣлинскаго. Его хотѣли поразспросить по этому поводу, а кстаи и посравнить его почеркъ съ почеркомъ паксвилля. Съ этой цѣлью и было послано приглашеніе.

27-го же марта Бѣлинскій отправилъ М. М. Попову слѣдующее письмо (до сихъ поръ неизданное).

Милостивый Государь
Михаилъ Максимовичъ.

Изъ послѣдней вашей ко мнѣ записки я увидѣлъ, что вы не получили моего отвѣта на первую,—отвѣта, который я вручилъ вашему же посланному. Это обстоятельство вдвойнѣ для меня неприятно и прискорбно: и вы и Его Превосходительство Леонтій Васильевичъ можетъ думать, что я отлыниваю и какъ будто хочу пританцовывать несуществующимъ въ этомъ мірѣ, потому что и не являюсь и не даю отъ себя никакого отзыва. Если бы я и дѣйствительно предвидѣлъ себѣ въ этомъ приглашеніи бѣду, — и тогда такая манера избѣгнуть ея была бы слишкомъ дѣтскою и смѣшною. Ваша первая записка сначала точно привела меня въ большое смущеніе и даже напугала, тѣмъ болѣе, что нервы у меня все это время такъ раздражены, что и менѣе важныя обстоятельства дѣйствуютъ на меня тяжело и болѣзненно; но потомъ я скоро успокоился, тѣмъ болѣе, что былъ увѣренъ въ доставленіи вамъ моего отвѣта. Въ немъ писалъ я къ Вамъ, что, по болѣзни, не выхожу изъ дому. Я и теперь еще не оправился, и докторъ запретилъ мнѣ ходить до тѣхъ поръ, пока не просохнетъ земля и не установится теплая погода. Теперь же для меня, какъ для всѣхъ чахоточныхъ, самое опасное время: чуть простудишься слегка, и опять появятся ранки на легкихъ, какъ это уже не разъ со мною было. Конечно, я не въ постелѣ, и только безъ опасности для моего здоровья не могу выйти изъ дому, но въ крайности выйти могу. Только въ такомъ случаѣ, я очень боюсь, что Его Превосходительство, вмѣсто того, чтобы, изъ разговора со мною, узнать, что я за человѣкъ, узнаетъ только, какъ я кашляю до рвоты и до истерическихъ слезъ. И ваше послѣднее письмо застало меня въ актѣ рвоты, такъ что я ужъ и не знаю, какъ я смогу расписаться въ книгѣ о полученіи. Со спины моей не сходятъ мушки да горчичники, и я съ трудомъ хожу по комнатѣ. Смѣю надѣяться, что такія причины могутъ мнѣ дать право, не боясь навѣть на себя дурного мнѣнія со стороны Его Превосходительства, отсрочить мое съ нимъ свиданіе еще на нѣкоторое время, пока не устано-

вится весна и я не почувствую себя хоть немного крѣпче. Будьте добры, Михаилъ Максимовичъ, какъ Вы прежде бывали ко мнѣ добры, потрудитесь увѣдомить меня, могу ли я поступить такъ. Меня пользуетъ главный докторъ Петропавловской больницы г. Тилманъ; онъ можетъ подтвердить справедливость моихъ словъ о состояніи моего здоровья.

Въ надеждѣ вашего отвѣта, имѣю честь остаться вашимъ, Милостивый Государь, покорнымъ слугою В. Бѣлинскій.

27 марта, 1848 г.

Но III-му отдѣленію не столь важно было личное знакомство съ Бѣлинскимъ. Почеркъ его такъ же, какъ и почеркъ Некрасова, былъ совсѣмъ не похожъ на почеркъ обращенія къ Орлову; поднятаго въ домѣ на Гороховой. На этомъ основаніи М. М. Поповъ докладывалъ Л. В. Дубельту:

Изъ писемъ Бѣлинскаго и Некрасова Ваше Превосходительство изволитъ усмотрѣть, что почерки ихъ не сходны съ почеркомъ безымяннаго писма.

Бѣлинскому я уже отвѣчалъ, чтобы онъ не беспокоился и пожаловалъ къ Вашему Превосходительству, когда дозволитъ его здоровье, хотя бы черезъ мѣсяцъ или черезъ два.

Для дальнѣйшихъ розысковъ, не лучше ли испросить разрѣшенія графа: потребовать отъ Краевскаго и Никитенко по одной подлинной рукописи, изъ старыхъ или изъ новыхъ, всѣхъ сотрудниковъ О. З. и Совр.; а послѣ, если здѣсь ничего не найдемъ, потребовать рукописи отъ Края. Предлогомъ можно поставить то, что Ваше Превосходительство, какъ членъ комитета подъ предсѣдательствомъ кн. Меншикова, встрѣчаетъ надобность, рассмотреть черновыя рукописи всѣхъ сотрудниковъ, дабы видѣть, что въ нихъ было уничтожаемо и пропускаемо цензурой. Комитетъ уже не тайна для литературы.

Но графу А. Ф. Орлову рвеніе его подчиненныхъ показалось очевидно, чрезмѣрнымъ, и происки Булгарина не принесли желаннаго плода. По докладѣ ему всѣхъ обстоятельствъ произведеннаго отдѣленіемъ слѣдствія графъ не выразилъ согласія на предложенный Булгаринымъ и Поповымъ планъ дѣйствія.

На докладной запискѣ Попова Дубельтъ написала: „графъ не согласенъ“. Тѣмъ и кончилось дѣло о „возмутительномъ писмѣ“.

п. щ.

¹⁾ Приглашенія въ III отдѣленіе В. Г. Бѣлинскаго въ 1848 году напечатаны въ „Русской Старинѣ“ (т. XXXVI, 1882 г., ноябрь, стр. 434—435).

²⁾ См. его книгу: „В. Г. Бѣлинскій, его жизнь и переписка“ СПб. 1876 т. II стр. 380—381.

Семья декабристовъ.

(По неизданнымъ матеріаламъ.)

Михаилъ Федоровичъ Орловъ, его тестъ Н. Н. Раевскій—герой 12-го года, пушкинскій „Демонъ“ А. Н. Раевскій, М. Н. Волконская, урожденная Раевская, Клишиневъ въ 1821 году, Одесса въ 1823-мъ и слѣдствіе надъ Орловымъ и Волконскимъ въ 1826 году—кто любить жизнь Пушкина и знаетъ исторію декабристовъ, тому эти имена и цифры говорить много. И тотъ знаетъ также, что эти лица, какъ разъ въ эти годы, связаны между собой не только родственными узами, но составляютъ въ совокупности какъ-бы историческую ячейку, видную и типичную для того времени. Изобразить строеніе и быть такой ячейки, рассказать безъ притязаній, какъ отразился въ ея судьбахъ основной историческій процессъ данной эпохи,—это, вѣроятно, наиболѣе совершенный изъ всѣхъ не-художественныхъ способовъ воспроизвести характеръ какаго-нибудь миновавшаго времени. Именно такова задача предлагаемыхъ страницъ. Нарисовать такую картину можно, разумѣется, только на основаніи достаточнаго числа непосредственныхъ документовъ, современныхъ событіямъ,—и въ настоящемъ случаѣ это оказалось возможнымъ: сотни писемъ, поблекшихъ отъ времени, сохранили намъ не только наматъ дѣль и отношеній, но до извѣстной степени и самую атмосферу тогдашней жизни. Эти письма когда-то вскрывались дрожащими отъ волненія руками и сами трепетали жизнью, но долетѣвъ до дѣли и передавъ вѣсть, они падали на землю, какъ голубь, охваченный сномъ. Почти чрезъ всѣхъ оми оживаютъ для насъ. Это не воспоминанія и не лѣтописи; это рассказываютъ о себѣ день за днемъ сама жизнь, само взволнованное ею чувство, самъ работающій надъ нею умъ. До сихъ поръ мы знаемъ хорошо, т.-е. по непосредственнымъ матеріаламъ, только три момента изъ исторіи декабристовъ: 1) ихъ политическіе взгляды въ разгаръ движенія—по ихъ уставамъ и проектамъ, 2) ихъ психологію во время слѣдствія—по ихъ показаніямъ, и 3) ихъ психологію въ поздней ссылкѣ, въ 50-хъ годахъ, когда большинство изъ нихъ писало свои мемуары.

Намъ не достаетъ одного, и, можетъ быть, самаго важнаго звена: мы никогда не сумѣемъ понять правильно движеніе декабристовъ, пока не уяснимъ себѣ истинной исторіи ихъ роста и сформированія.

I.

Когда въ 1816 году М. Ф. Орловъ окончательно вернулся въ Россію, ему было всего 28 лѣтъ, но онъ успѣлъ уже сдѣлать блестящую карьеру¹⁾. Сынъ младшаго брата екатерининскихъ Орловыхъ, онъ воспитывался въ аристократическомъ пансіонѣ аббата Николая, юношей вступилъ въ Кавалергардскій полкъ, быстро выдвинулся въ Отечественной войнѣ и уже въ 1812 году былъ назначенъ флигель-адъютантомъ къ государю. Александръ полюбилъ его; ему поручили онъ въ 1814 году заключить капитуляцію Парижа, его-же послалъ затѣмъ въ Данію для заключенія договора о присоединеніи Норвегіи къ Швеціи, назначили его генералъ-майоромъ своей свиты и держали въ большой близости къ себѣ. Дорога Орлова вела, казалась, круто вверхъ. У него было въ избыткѣ все, что нужно для успѣховъ въ свѣтѣ: молодость, знатность, богатство, расположение царя, открытый и смѣлый характеръ, прекрасная, представительная наружность. Между тѣмъ, всѣ эти дары фортуны не пошли ему въ прокъ и его дальнѣйшая жизнь сложилась, въ смыслѣ карьеры, вполне неудачно. По прѣздѣ въ Петербургъ его звѣзда очень скоро идетъ на уклонъ,—и, надо замѣтить, это вовсе не было дѣломъ случайности, а произошло въ силу естественной логики вещей.

Дѣло въ томъ, что Орловъ, подобно большинству будущихъ декабристовъ, вернулся изъ французскаго похода обуйаннымъ пылкимъ патриотизмомъ и жаждой дѣятельности на пользу родины. Онъ принадлежалъ, повидимому, къ числу самыхъ нетерпѣливыхъ. Н. И. Тургеневъ, сблизившійся съ нимъ за границей, характеризуетъ его такъ: „Подобно всѣмъ людямъ съ живой и пылкой душою, но безъ устойчивыхъ идей, основанныхъ на прочныхъ знаніяхъ, онъ увлекался всѣмъ, что поражаало его воображеніемъ“. Какъ-разъ сблизненіе съ Тургеневымъ въ 1815 году, въ Нанси, дало сильный толчекъ его либеральнымъ стремленіямъ. У насъ есть только очень смутныя свѣдѣнія объ адресѣ къ царю, который составилъ Орловъ по своему возвращеніи въ Россію²⁾. Это была петиція объ уничтоженіи крѣпостного права; кромѣ самого Орлова, ее подписали многіе высшеіе сановники, въ томъ числѣ Васильчиковъ, Воронцовъ и Буудовъ. Дальнѣйшая судьба этого адреса неизвестна, но для

¹⁾ Факты вѣншей біографіи М. Ф. Орлова см. въ *Остатк. арх.* т. I, стр. 457—9. и *Русе. Біограф. Слов.*, т. 06—08, 1905, ст. г. А. Петрова; здѣсь же и біографія.

²⁾ Записки С. Г. Волконскаго, I изд., стр. 407.

Орлова онъ повидимому не имѣлъ никакихъ неприятныхъ послѣдствій: отношеніе къ нему пара осталось дружественнымъ по-прежнему. Волѣе точныя данныя имѣются о другой либеральной попыткѣ Орлова, относящейся къ 1817 году. Весною этого года, т. е. чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ по возвращеніи въ Петербургъ ¹⁾, онъ былъ выбранъ въ члены безвѣснаго и вѣснаго литературнаго общества „Арзамасъ“. По заведенному обычаю всякій новозбранный долженъ былъ произнести надгробное слово одному изъ членовъ, конечно, живому. Въмѣсто этого Орловъ выступилъ съ серьезной рѣчью, въ которой указывалъ, что недостойно мыслящихъ людей заниматься пустяками и литературными препирательствами, когда кругомъ такъ много нужнаго дѣла, и умолялъ своихъ сочленовъ дать дѣятельности общества иное, болѣе патристическое направленіе. Онъ предлагалъ съ этой цѣлью двѣ мѣры: во-первыхъ, завести журналъ, „когого статьи новостью и смѣлостью идей пробудили-бы вниманіе читающей Россіи“, во-вторыхъ, представить каждому изъ живущихъ не въ столицѣ членовъ уредить въ мѣстѣ его пребыванія филиальное общество подъ руководствомъ главнаго, и такимъ образомъ покрыть всю Россію сѣтью отдѣленій ²⁾. Этотъ широкій планъ не встрѣтилъ достаточнаго сочувствія среди членовъ и остался втунѣ, но мысль о журналѣ получила ходъ и не была осуществлена только потому, что правительствомъ отказано въ разрѣшеніи. До насъ дошла программа этого предполагаемаго журнала. Первое мѣсто въ немъ долженъ былъ занимать политическій отдѣлъ, который брали на себя Орловъ, Н. Тургеневъ и Д. Сиверинъ; цѣлью его ставилось „распространеніе идей свободы, приличныхъ Россіи въ ея теперешнемъ положеніи, согласныхъ со степенью ея образованія, не разрушающихъ настоящаго, но могущихъ приготовить лучшее будущее“ ³⁾. Какъ известно, всѣ первыя попытки совмѣстной дѣятельности у будущихъ декабристовъ носили именно такой—просвѣтительно-реформаторскій, а не революціонный характеръ.

Потерпѣвъ неудачу въ „Арзамасѣ“, Орловъ рѣшилъ дѣйствовать самостоятельно. Способъ дѣйствія направивался самъ собою, въ соотвѣтствіи съ духомъ времени и примѣромъ Западной Европы. Позднѣе, на допросѣ 1826 года, Орловъ показывалъ, что образцомъ ему служилъ Тургендбундъ: по примѣру послѣдняго онъ задумалъ образовать тайное общество, „составленное изъ самыхъ честныхъ людей, для сопротивленія тиранству и другимъ безпорядкамъ, кои слишкомъ часто обличаются во внутреннемъ управленіи Россіи“ ⁴⁾. Слѣдую увлеченію,

охлаждаемому тогда передовымъ слоемъ русскаго общества, онъ хотѣлъ придать предполагаемому кружку полумасонскій характеръ и съ этой цѣлью привлечь къ своему замыслу графа Дмитріева-Мамонтова, сильно интересовавшагося русскимъ масонствомъ. Къ нимъ примкнуло еще нѣсколько лицъ, въ томъ числѣ Н. И. Тургеневъ; союзъ долженъ былъ называться Обществомъ Русскихъ Рыцарей, и Орловъ собирался представить его уставъ на утвержденіе царя. Извѣстно, что завязавшіеся переговоры между Орловымъ и Александромъ Муравьевымъ о слияніи этого общества съ возникшимъ незадолго Союзомъ Спасенія, не привели ни къ чему, да и самое общество Русскихъ Рыцарей въ концѣ концовъ не состоялось ¹⁾.

Всѣ эти патристическія затѣи Орлова, слѣдовавшія одна за другой на краткое промежуткѣ меньше чѣмъ въ годъ (съ конца 1816 по конецъ 1817 г.), свидѣтельствовали о такомъ кичливомъ усердіи къ общему благу, которое, при личной близости Орлова къ императору, недолго могло оставаться безнаказаннымъ. И дѣйствительно, скоро Орловъ нарвался на крупную неприятность.

Подобно большинству позднѣйшихъ декабристовъ, онъ соединялъ съ просвѣщеннымъ либерализмомъ горячее чувство національнаго достоинства, доходившее подчасъ до того, что Н. И. Тургеневъ, европеецъ до мозга костей, мѣтко называлъ патристизмомъ рабовъ. Это чувство, заставившее Орлова сердиться на Карамзина за то, что онъ въ началѣ своей „Исторіи“ не помѣстилъ какой-нибудь гипотезы о происхожденіи славянъ, „лестной родословному чванству народа русскаго“ ²⁾, было въ 1817 году тяжело оскорблено дарованіемъ конституціи Польшѣ и слухами о намѣреніи Александра отдѣлится отъ Россіи Литву. Этотъ самый слухъ едва не довела Якушкина до царевѣйства, а Орловъ составилъ записку къ государю, направленную противъ эмансипаціи Польшы, и началъ собирать подписи въ кругу генераловъ и сановниковъ. Императоръ, узнавъ заблаговременно объ этомъ предпріятіи, призвалъ Орлова и потребовалъ составленную имъ записку; Орловъ, конечно не желая выдавать тѣхъ, кто подписался подъ нею, отказался представить ее, заявивъ, повидимому, что она у него пропала ³⁾. Это было послѣднее свиданіе царя съ его бывшимъ любимцемъ. Вскорѣ затѣи Орловъ былъ удаленъ въ Кіевъ на должностъ начальника штаба при 4-мъ корпусѣ, которымъ командовалъ тогда Н. Н. Раевскій. Въ Кіевѣ онъ прожилъ съ лишнимъ два года, и слѣдующій его служебный этапъ—назначеніе въ Кишиневъ.

¹⁾ Зимѣ и весну 1815—16 г. Орловъ по болѣзни провель въ Парижѣ, дѣло—на волахъ въ Барезжѣ, и въ Петербургъ вернулся въ ноябрѣ 1816 г.

²⁾ Н. Тургеневъ, „La Russie et les Russes“, I, 172—3, Вилья, нов. изд., ч. V, 51—52.

³⁾ Бунаки Жуковскаго, см. Отчетъ И. Публ. Библ. за 1887 г., приложение, стр. 82.

⁴⁾ Записка о тайномъ обществѣ, представленная Орловымъ съдѣстельной комиссіи 1826 г., Довнаръ-Запольскій, *Мемуары декабристовъ*, 1906, стр. 3 и 25.

¹⁾ Русск. Стар. 1904 года, мартъ, 491; апрѣль, 26. Тургеневъ I, 222—224. *Докладъ сѣдств. ком. по дѣлу 14 дек.*

²⁾ Остаф. арх. I, 347 и 653.

³⁾ Русск. Стар. 1904, мартъ, 491—2, Тургеневъ, I, 86, Якушкинъ 45. „Записка“ Орлова, у Д.-Занольскаго, лит. соч., стр. 3.

невъ начальникомъ дивизіи въ 1820 году—быть новой почетной ссылкой, наполовину, впрочемъ, добровольной.

II.

Его письма за кievскій періодъ представляютъ драгоценный матеріалъ для характеристики настроенія и образа мыслей его сверстниковъ объ эту пору. Что представлялъ собою будущій декабристъ около 1819 года, т. е. въ разгаръ дѣятельности Союза Благоденствія, объ этомъ приходится судить вообще только по показаніямъ декабристовъ на слѣдствіи 1826 г., да по ихъ воспоминаніямъ, записаннымъ еще десятки лѣтъ поздиѣ. И тотъ, и другой родъ свидѣтельствъ, конечно, не даютъ вѣрной картины; въ нихъ надо учитывать забывчивость, сознательный и иногда тенденціозный подборъ чертъ, наконецъ, невѣрное освѣщеніе въ зависимости отъ иной, новой точки зрѣнія на вещи. Здѣсь же предъ нами современныя и завѣдомо-непосредственныя показанія, субъективность которыхъ только повышаетъ ихъ цѣну.

„Живу спокойно,—пишетъ Орловъ изъ Кіева сестрѣ (по мужу Везобразовой) ¹⁾—а чтобы быть счастливымъ, ты знаешь, мнѣ уже давно не нужно ничего другого, какъ не быть несчастнымъ. Эта философія отнюдь не должна удивлять тебя во мнѣ. Я вижу славу вдали, и можетъ быть когда-нибудь я добуду немного ея. Жить съ пользою для своего отечества и умереть оплакиваемымъ друзьями—вотъ что достойно истиннаго гражданина, и если мнѣ суждена такая доля, я горячо благодарю за нее Провидѣніе“.—Тутъ все типично: и этотъ стоицизмъ при едва сдерживаемомъ избыткѣ силъ, и готовность принести себя въ жертву общему благу, и мечты о славѣ, явно навіяныя республиканскими героями Плутарха, и, можетъ быть, болѣе всего—потребность изліянія всѣхъ этихъ чувствъ въ челоувѣкъ уже давно вышедшемъ изъ юности (Орлову было въ это время лѣтъ 30), въ генераль-маіорѣ и начальникѣ штаба. Еще характернѣе слѣдующее его письмо къ самому Везобразову, мужу сестры, отъ 26 марта 1819 г. Рѣчь идетъ о борьбѣ, которую приходится вести Везобразову на его служебномъ посту въ Тамбовѣ. „Вѣрю,—пишетъ ему Орловъ по-русски,—вѣрю, сколь трудно тебѣ бороться съ устроеннымъ неурядиствомъ нашего внутренняго правленія, и что система злодѣевъ, соединенныхъ тѣсно для избѣжанія несчастія, сильнѣе, нежели порывъ одного отъ всѣхъ оставленнаго гражданина... Рано или поздно честность, умъ и добродѣтель должны взять верхъ, и сіе время, можетъ быть, не такъ отдаленно, можетъ быть на

закатѣ нашихъ дней увидимъ мы, любезный другъ, сіе дивное преобразование отечества нашего и ступимъ въ гробъ убитенной ногой (sic). Я о семъ только и думаю, и посреди разлитія всѣхъ пороковъ вижу съ упованіемъ добродѣтельную молодежь, возрастающую съ новыми правилами и безъ старыхъ предрасудковъ“.

„Я лѣнливъ немножко писать,—продолжаетъ онъ; да и къ тому же рѣдко пишу и по осторожности. Чѣмъ болѣе близки ко мнѣ и къ сердцу моему тѣ, съ коими бесѣдую, тѣмъ болѣе льются мои мысли, и въ разгаръ откровенія я пишу. Сіе стремленіе откровенности предъ нынѣшнимъ осторожнымъ вѣкомъ не есть добродѣтель. Она часто губитъ, да и самъ я уже нѣсколько разъ страдалъ отъ себя. Мнѣ друзья говорятъ: „неужели ничто тебя не исправитъ?“ Я имъ отвѣчаю: „да гдѣ-жъ порокъ? докажете, что дурно,—я исправлюсь“. Я думаю, что я правъ. Можетъ быть я останусь долго, можетъ быть и всегда въ моемъ ничтожествѣ, но по крайней мѣрѣ, ежели какой-нибудь благоприятный вѣтръ поведетъ меня выше, то принесу въ даръ Отечеству безпорочную жизнь и характеръ чуждый вѣмъ подлостямъ нынѣшняго вѣка“. Въ концѣ письма онъ обращается къ сестрѣ. „Благодарю тебя, любезная сестра, за присланную попону. Я ею покрою любимаго коня, а ежели-бъ открылось какое-нибудь средство стать грудью за Россію, то въ минуты отдохновенія подъ чистымъ сводомъ небесъ самъ лягу на нее и буду вспоминать о любезной сестрѣ. Пиши ко мнѣ и поцѣлуй всѣхъ дѣтей. Дай Богъ вамъ счастья и покоя, а мнѣ жизни бурливой за родную страну“.

Воинственныя нотки, звучаія въ этихъ письмахъ, вовсе не были простой данью романтизму. Мы увидимъ сейчасъ, что всѣ эти приготовления „стать грудью за Россію“, это ожиданіе „благопріятнаго вѣтра“ имѣли для самого Орлова совершенно реальныи смыслъ: онъ вполне сознательно ставилъ свое будущее въ зависимость отъ неминувшаго и близкаго общаго переворота. За два года онъ успѣлъ далеко передвинуться вглубь; теперь его занималъ уже не вопросъ объ искорененіи, съ одобренія верховной власти, лихоимства и прочихъ золъ, а вопросъ о коренномъ злѣ русской жизни—о безконтрольности и произволѣ этой самой власти, и по свойственной ему вѣрности онъ считалъ эту задачу разрѣшимой сейчасъ-же, безъ всякой подготовки. Въ томъ же 1819 году Денисъ Давыдовъ, тогда начальникъ штаба по соседству, въ Кременчугѣ, писалъ другому другу Орлова, знаменитому впоследствии П. Д. Киселеву: „Мнѣ жалокъ Орловъ съ его заблужденіемъ, вреднымъ ему и бесполезнымъ обществу; я ему говорю и говорю, что онъ болтовнею своею воздвигаетъ только преграды въ службѣ своей, которую онъ могъ-бы быть истинно полезнымъ отечеству. Какъ онъ ни дождь, а ни ему, ни бѣшеному Мамонову не страхнутъ абсолютизма въ Россіи“. Еще рельефнѣе письмо Киселева къ

¹⁾ Это, какъ и всѣ дальнѣйшія письма, цитируемая въ настоящей статьѣ безъ указанія источника, печатается здѣсь впервые, съ рукописныхъ подлинниковъ, и гдѣ не оговорено противное—въ переводѣ съ франц. языка.

самому Орлову того же времени: „Всѣ твои сужденія, въ теоріи прекраснѣйшія, на практикѣ неисполнимы. Многие говорили и говорить въ твоёмъ смыслѣ; но какая произошла отъ того кому польза? Во Франціи распри заключились тиранствомъ Наполеона... Вездѣ идеологи—вводители новаго въ цѣли своей не успѣли, а лишь дали предлогъ къ большому и новому самовластию правительствъ... Ты знаешь и увѣренъ, сколь много и тебя уважаю; но мысли твои неправильны и, конечно, съ сердцемъ твоимъ не сходятся. Неудовольствія, грусть, сношенія съ краснорѣчивыми бунтовщиками и, сознаюсь, несправедливое бездѣйствіе, въ которомъ ты оставленъ,—вотъ тому причина. Скинь съ себя тебѣ непріятное. Не словами, но дѣломъ будь полезенъ; оставь шайку крикуновъ и устрями отличныя качества свои на пользу настоящую. Преобразователемъ всего не каждому быть можно; но я повторяю: каждому опредѣлено, каждому предназначено увеличивать блаженство общества, а ты, Орловъ, отъ добраго отшельцемъ быть не долженъ. Въ сужденіяхъ моихъ могу ошибаться, но цѣль моя благонамѣренная, и потому одинакая съ твоею. Разница въ томъ, что ты даешь волю воображенію твоему, а я ускроняю свое; ты ищешь средствъ къ улучшенію участи всѣхъ—и не успѣшь, а же—нѣсколькихъ только,—и успѣть могу. Ты полагаешь, что историкъ должно корень зла, а я—хоть срѣзать дурныя вѣтви. Ты опредѣляешь себя къ великому, а я—къ положительному“ 1).

Тутъ было, конечно, очень много честолюбія, понятнаго при такомъ избыткѣ силъ; но оно безусловно подчинилось идее, т. е. направилось исключительно на цѣли общаго блага, съ пренебреженіемъ отвергая обычную мишуру чиновъ и почестей. Когда весной 1819 г. открылась вакансія начальника штаба гвардіи, и друзья Орлова въ Петербургѣ захотѣли выставить его кандидатуру на эту видную должность, онъ рѣшительно отвергъ ихъ предложеніе: „Что мнѣ дѣлать въ Петербургѣ?—писаль онъ по этому поводу А. Раевскому.—Какъ я возьму на себя должность, которую оставить можно только вслѣдствіе опалы, занимать—только по милости. Вы меня знаете: похозяйли я на парадворца и достаточно-ли гибка моя спина для работнѣхъ поклоновъ? Едва я займу это мѣсто, у меня будетъ столько же враговъ, сколько начальникомъ. Нѣтъ, милый другъ, я охотно уступаю моимъ соискателямъ всѣ почести, спасаю свою честь. Да и то сказать: есть-ли тутъ повышеніе? Вѣдь и мѣсто начальника штаба я взялъ не такъ, какъ дѣлаются старикомъ или каретникомъ. Это не ремесло, и мнѣ вовсе не хочется на всю жизнь замкнуться въ узкій кругъ заботъ объ изготовленіи плановъ, задуманныхъ другими или мною для другихъ, смотря по характеру моихъ начальниковъ. Конечно, лучше быть начальникомъ главнаго штаба, чѣмъ начальникомъ

бригады, но еще лучше командовать дивизіей. Поэтому я оставлю свое нынѣшнее мѣсто развѣ только для того, чтобы принять командованіе, а не для того, чтобы повиноваться другому, потому что изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ начальниковъ я предпочитаю того, кому сейчасъ подчиненъ. Но оставимъ отъ разговора о предметѣ, который меня вовсе не занимаетъ. Желаю всякаго благополучія старому и новому начальникамъ штаба гвардіи, но предпочитаю мое ничтожество ихъ величію...

„Я дать нѣсколькимъ лицамъ то же порученіе, что намъ, именно—узнать, начинаютъ-ли забывать меня? Вы одинъ поили меня и отвѣчали мнѣ въ смыслѣ моего вопроса. Что вы пишете о моемъ положеніи при дворѣ, это я зналъ заранее и нисколько этому не удивляюсь. У меня хватаетъ самолюбія вѣрить, что я останусь ненужнымъ до тѣхъ поръ, пока направление внутренней политики не заставитъ призвать къ дѣламъ людей благомыслящихъ и умѣющихъ видѣть дальше своего носа. Вѣрите мнѣ: всѣ, кто сейчасъ дѣйствуетъ, истощаются въ бесплодныхъ усиліяхъ. Еще не настало время, когда старанія будутъ вознаграждаться обильными послѣдствіями. Пусть инне возвышаются путемъ интригъ: въ концѣ концовъ они падутъ при всеобщемъ крушеніи, и потому они уже не поднимутся, потому что тогда будутъ нужны чистые люди. Я понимаю, что мои слова нѣсколько загадочны, но ихъ смыслъ мнѣ вполне ясенъ, и можетъ быть когда-нибудь и вы признаете правильной мою точку зрѣнія и всю мою систему. Можетъ быть также я не увижу даже зари того прекраснаго дня, о которомъ мечтаю, но отъ того моя система не станетъ менѣе вѣрной для тѣхъ, кто переживетъ меня.

„Такъ думать только немногіе—и въ этомъ-то наше несчастье. Найдись у насъ десять человѣкъ истинно благомыслящихъ и вмѣстѣ даровитыхъ, все приняло бы другой видъ. Что до меня, то я чувствую довольно силы въ самомъ себѣ, чтобы служить не для карьеры, а изъ гражданскаго долга. Вѣдь чего я въ сущности хочу? Нѣсколько болѣе широкой сферы дѣятельности, потому что я чувствую въ себѣ больше способностей, чѣмъ могу примѣнить въ моей обстановкѣ. Что-жъ! я буду ждать, буду ждать, если нужно, и десять лѣтъ. Это будетъ мнѣ только впрокъ, такъ какъ энтузіазма, основаннаго на любви къ принципамъ, я не утрачу, и приобрету разсудительность, являющуюся всегда плодомъ опыта. Итакъ, больше не говорите со мною тѣмъ языкомъ, какимъ написано выше послѣднее письмо. Улыбка фортуны не значитъ для меня ничего, событіе—все“. Въ заключеніе—у него просьба къ Раевскому: „Вы такъ хорошо вѣдали, что я значу при дворѣ; теперь узнайте, какъ относится ко мнѣ общественное мнѣніе. Лыку себя мыслью, что на этотъ разъ ваши свѣдѣнія окажутся болѣе утѣшительными. Или, можетъ быть, я ошибаюсь?“

1) Русск. Стар. 1887, іюль, стр. 228 и сл.

III.

Однако, въ ожиданіи „событія“ не приходилось сидѣть сложа руки—и Орловъ съ первыхъ же дней своего пребыванія въ Кіевѣ дѣятельно принимается за общественную работу. Будучи по роду своей должности отрѣзанъ отъ непосредственнаго общенія съ солдатами, онъ не могъ примѣять свои гуманныя убѣжденія въ предѣлахъ самой службы, какъ поздѣе въ Киншиневи, и его усилія естественно направились, главнымъ образомъ, на дѣло просвѣщенія.

Уже въ мартѣ 1818 года онъ обращается къ комитету „Общества начального образованія въ Парижѣ“ (Société d'instruction élémentaire) съ любознательнымъ письмомъ, текстъ котораго дошелъ до насъ¹⁾; оказывается, что 22 февраля 1816 г. онъ былъ выбранъ членомъ этого общества, цѣль котораго заключалась въ устройствѣ школъ по способу взаимнаго обученія. Онъ пишетъ, что, будучи назначенъ начальникомъ штаба въ Кіевѣ, онъ засталъ здѣсь ланкастерскую школу на 40 кантонистовъ, учрежденную ген. Раевскимъ. Теперь, принявъ это дѣло въ свои руки, онъ довелъ контингентъ учащихся до 600 человѣкъ. Обращаясь къ комитету французскаго общества, онъ проситъ считать его и впредь членомъ послѣдняго и не отказать ему въ поддержкѣ; онъ хотѣлъ-бы завязать правильныя сношенія съ комитетомъ, и на первый разъ проситъ выслать ему всѣ отчеты общества и лучшія сочиненія о методѣ Ланкастера.

Орловъ оказался пионеромъ этого дѣла въ Россіи. Ланкастерская метода тогда только начинала прививаться у насъ,—самое „Общество учрежденія училищъ по способу взаимнаго обученія“ было основано только въ 1819 г., и Кіевская школа, созданная усиліями и личными затратами Орлова, послужила образцомъ для всѣхъ военно-сиротскихъ училищъ. Въ 1819 г. число учениковъ дошло въ ней до 800 чел., и учебная программа, въ отличіе отъ другихъ аналогичныхъ школъ, не ограничивалась уже чтеніемъ, письмомъ и счетомъ, а обнимала и грамматику, катехизисъ и священный исторію. На посѣщавшихъ ее школа производила самое выгодное впечатлѣніе. Анонимный корреспондентъ „Рус. Инвалида“ пишетъ въ № 85 за 1819 г., что стараніями генераловъ Раевского и Орлова это заведеніе приведено въ такую степень совершенства, „что видѣть его и не восхищаться онымъ были бы двѣ совершенно несовѣстныя идеи“. Еще восторженнѣе отзывается о школѣ Орлова извѣстный И. Р. Мартосъ, посѣдившій ее въ 1820 г. Онъ пишетъ въ ней уже 1800 учащихся, распределенныхъ на 8 классовъ; по его свидѣтельству, сюда присылались для обученія канто-

нисты изъ многихъ другихъ мѣстъ, и обученными здѣсь учителями уже были открыты такіе-же школы въ Москвѣ, Могилевѣ и Херсонѣ, такъ что эта школа, говоритъ Мартосъ, является, такъ сказать, „маткою взаимнаго обученія въ Россіи“¹⁾.

Въ связи съ ланкастерской методой стоитъ и дѣятельность Орлова въ кіевскомъ отдѣленіи Библейскаго общества. Въ августѣ 1819 года, будучи избранъ вице-президентомъ отдѣленія, онъ произнесъ въ торжественномъ собраніи общества обширную, тщательно составленную рѣчь, которая по содержанию сдѣлала-бы честь и любому общественному дѣятелю нашего времени. Поблагодаривъ за избраніе и съ горячимъ сочувствіемъ очертивъ просвѣдѣтельные заслуги Библейскаго общества, онъ выступилъ съ предложеніемъ, которое открывало обществу совершенно новое поле дѣятельности: онъ предлагалъ устроить въ Кіевѣ бесплатную приходскую школу всеобщаго обученія для сиротъ и дѣтей бѣдныхъ родителей числомъ до 300 человѣкъ и содѣйствовать возникновенію такихъ-же школъ въ другихъ городахъ. Вся рѣчь дышала искреннимъ энтузіазмомъ къ дѣлу просвѣщенія массъ и смѣлымъ либерализмомъ. Говоря о противникахъ, которыхъ вѣроятно встрѣтитъ его предложеніе, Орловъ мастерски изобразилъ нравственный обликъ обскуранта. Эти люди, говоритъ онъ, вездѣ и всегда одинаковы. Любители не добродѣтелей, а только обчаеваютъ отцовъ нашихъ, хулители всего новаго, враги свѣта и отражи тьмы, они—настоящіе псадія средневѣковаго варварства. Во Франціи они гонятъ свободомысліе и противятся введенію предвѣдѣтельнаго строя; въ Германіи они защищаютъ остатки феодальныхъ правъ; въ Испаніи они раздуваютъ костры инквизиціи, въ Италіи возстаютъ противъ распространенія Св. Писанія; наконецъ, наша исторія полна ихъ усилій противъ возрожденія Россіи. Они были личными врагами нашего великаго преобразователя и бунтовали противъ него московскихъ стрѣльцовъ; при Елизаветѣ они порицали уничтоженіе смертной казни, при Екатеринѣ хулили ея Наказъ, и еще теперь, когда лучи просвѣщенія начинаютъ озарять наше отечество, они употребляютъ всѣ старанія, чтобы вернуть его къ прежнему невѣжеству и отградить отъ вторженія наукъ и искусствъ. Эти политическіе старовѣры убѣждены, что они—избранники, которымъ всѣ остальные люди обречены

¹⁾ Кіев. Стар. 1897 г., изд.—анг., стр. 65 и сл. Записка Мартоса о школѣ Орлова любопытна и какъ показатель тѣхъ великихъ надеждъ, какія возлагало тогда наше общество на ланкастерскую систему въ смыслѣ быстрого просвѣщенія массъ. Онъ пишетъ: „Смотря на сей превосходный способъ, въ намѣ вѣкъ, мношество достигавшій, переходить скорыми шагами изъ тьмы во свѣтъ, открывающій великолѣпныя виды къ дальнѣйшему просвѣщенію, нельзя не сказать: вотъ наступилъ послѣдній времена невѣжества, которое стремляясь пасть въ бездну, какъ Луциферъ, со всѣми темными легионами своими; а божественный свѣтъ ума, коего всѣ желаютъ съ неистовію, взмлетъ на верхъ круга народныхъ смысловъ и будетъ озарять всѣхъ и вся, такъ удобно и легко, какъ озаряетъ вселенную свѣтъ солнца“.

¹⁾ Отчетъ Имп. Публ. Библ. за 1896 г., стр. 192—5.

въ рабство самимъ Промысламъ, и въ этой увѣренности они присваиваютъ себѣ всѣ дары небесныя и земныя, всякое превосходство, а народу предоставляютъ одни труды и терпѣныя; отсюда родились всѣ тираническія системы правленія, начало которыхъ слѣдуетъ искать не столько въ чашелюбіи самихъ властелиновъ, сколько въ изобрѣтательности льстившихъ имъ и друзей невѣжества 1).

Для того времени рѣчь Орлова была незауряднымъ явленіемъ, и она имѣла большой успѣхъ. Якушкинъ и П. И. Дмитриевъ рассказываютъ, что она распространилась во множествѣ списковъ. Виземскій былъ въ восторгѣ: „Ну, батюшка, ораторъ!—писаль онъ А. И. Тургеневу.—Онъ и тебя за поясъ заткнулъ: не прогнѣвайся! Вотъ пустилъ козла въ огородъ! Да здравствуетъ Арзамасъ! Я въ восхищеніи отъ этой рѣчи... Орловъ недожиданнаго похвоя. Наше правительствѣ не выбирать, а удалять умѣть съ мастерскою прозорливостію“. Тургеневу рѣчь показалась ужъ слишкомъ смѣлою; отдавая должное пылкому патриотизму Орлова, онъ рѣшительно осуждалъ его легкомысленный радикализмъ. „Лучше въ М. Орловѣ есть страсть его къ благу отечества. Она оберегаетъ въ немъ душу его, благородную и возвышенную. Но недостатокъ въ учебномъ образованіи вездѣ замѣтенъ: вотъ школа аббата Никола! Умъ и сердце въ немъ свои, а ученье, т. е. недостатки въ ономъ, принадлежатъ образу воспитанія... Я отдаю справедливость его чувству, которое изливается изъ прекрасной души. Вездѣ ищетъ онъ пользы отечества, вездѣ мечтаетъ о возможномъ благѣ его. Я бы держалъ его близъ государя, но держалъ бы на привязи, ибо въ немъ нѣтъ ничего обдуманнаго, а опытъ доказалъ уже намъ, какой успѣхъ отъ несозрѣлыхъ плановъ, отъ желанія обратить въ дѣйство все, что свернется въ головѣ, не озаренной свѣтлымъ гласомъ государственныхъ познаній и наблюдений... Нѣтъ, пусть служитъ Орловъ нѣкоторое время внутри Россіи, пусть узнаетъ ее лучше насъ—и тогда, если сохранить жаръ къ добру, пусть пріѣдетъ сюда согрѣвать оледѣнѣлыя члены членовъ Государственнаго Совета и совр.“ 2) Однако Виземскій упорно продолжалъ защищать рѣчь Орлова, и даже въ литературномъ отношеніи, заявляя, что отъ пера, очиненнаго шпагою, большаго требовать нельзя 3).

Если уже и до того Орловъ представлялъ собою очень замѣтную величину въ кругу либерально-настроенной молодежи, то эта рѣчь, ходившая по рукамъ и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ, должна была еще увеличить его популярность. Около этого же времени немало толковъ вызвали два его письма къ Д. Бутурлину по поводу выхода въ свѣтъ книги послѣдняго о

русскихъ военныхъ походахъ въ XVIII столѣтіи. Эти письма замѣчательны горячимъ протестомъ противъ крѣпостнаго права 4). Такъ, осуждая общій духъ словословія, проникающій все „Вступленіе“ Бутурлина, онъ говоритъ: „Другъ мой! Нѣтъ никого на свѣтѣ, кто-бы болѣе меня привязанъ былъ чувствомъ къ славѣ Отечества! но не время теперь самимъ себя превозносить. Ты видишь все съ высокой точки умозрѣнія—съ поля сраженія. Войди въ хижину бѣднаго Россіянина, истощеннаго отъ рабства и несчастья, и извлеки отсюда, еслии можешь, предвозвѣщеніе будущаго нашего величія!“ Та-же мысль повторяется и во второмъ письмѣ: „Россія подобна исполну ужасной силы и величины, изнемогающему отъ тяжба внутренней болѣзни“. Любопытны слѣдующія строки, характеризующія политическія взгляды Орлова: „Все твое разсужденіе (о датчанахъ) основано на ложномъ правилѣ. Датчане, вручивъ самовластіе одному человѣку, не исполнили сего, чтобы спасти независимость ихъ отъ вѣнскихъ враговъ; но единственно, чтобы избавиться отъ самовластія многихъ. Они вольнымъ переходомъ передали изъ рукъ нѣсколькихъ олигарховъ въ руки одного деспота. Я тутъ ничего великаго не вижу, кромѣ великаго непонятія о достоинствѣ народа вообще и о достоинствѣ человѣка въ частномъ отношеніи. Хотя говоря о семъ предметѣ ты старался зацѣпить всѣ нѣжкѣйшія струны моего сердца; но правила моея жизни, которыя заключаются въ истинной и непреклонной ненависти къ тиранству, не позволили мнѣ вѣдаться въ разставленные тобою сѣти. Я остался непоколебимымъ въ моемъ мнѣніи, и если бы былъ датчаниномъ, то проклянулъ бы то мгновеніе, въ которое предки мои подвергли меня игу деспотизма, такъ точно, какъ Россіянинъ долженъ проклянуть тотъ несчастный законъ, который осудилъ на рабство большую часть нашихъ согражданъ“.

Всѣ эти рѣчи и письма, и самая дѣятельность Орлова въ Кіевѣ доставили ему почетную извѣстность. Мы увидимъ дальше, какое видное мѣсто онъ сразу занялъ въ Союзѣ Благоденствія. Но уже въ началѣ 1819 г., когда въ „Вѣстникѣ Европы“ появилась безъ подписи первая статья Каченовскаго, направленная противъ „Исторіи“ Карамзина („Письма отъ Кіевскаго жителя къ другу“), ее не задумались въ Москвѣ приписать Орлову 5); Якушкинъ, познакомившійся съ нимъ только въ 1820 г., уже раньше много слышалъ о немъ отъ своихъ друзей, какъ о человѣкѣ „высшаго разрядъ“, а Волконскій называетъ его „свѣтиломъ среди молодежи“. Въ самомъ Кіевѣ онъ быстро сосредоточилъ вокругъ себя все, что было наиболее образованнаго и передоваго какъ въ русскомъ, такъ и въ польскомъ мѣст-

1) Рѣчь Орлова напечатана въ Сборникѣ Им. Рус. Ист. Об., т. 78, 1891 г. стр. 519—528.

2) Остаф. арх. I, 299, 306, 297, 346.

3) Письма Орлова къ Бутурлину не напечатаны; за сообщеніе ихъ приношу благодарности П. Е. Щеголеву.

4) Остаф. арх. I, 192.

номъ обществѣ. Въ его домѣ стали собираться замѣчательный кружокъ людей, которыхъ объединяли увлеченіе европейской образованностью и свободными формами политическаго быта и страстные мечты объ обновленіи Россіи. Въ эту атмосферу весною 1819 г. попалъ Волконскій, прѣбывавшій на контрактѣ въ Кіевѣ и остановившійся по старой пріязни у Орлова. Нѣсколько недѣль, проведенныхъ имъ здѣсь, по его словамъ, опредѣлили его дальнѣйшую участь: ежедневныя общенія съ Орловымъ и его кружкомъ, говоритъ онъ, «оказали сильное вліяніе на меня, развили во мнѣ чувства гражданскаго, и я вступилъ въ новую колею убѣжденій и дѣйствій. Съ этого времени началась для меня новая жизнь». Дѣйствуя въ Кіевѣ, Орловъ вмѣстѣ съ тѣмъ конечно не порывалъ связей и со столичными друзьями, велъ переписку съ Вяземскимъ, Раевскимъ, обоими Тургеневыми и др., и Н. И. Тургеневъ въ серединѣ 1819 года посылалъ ему на просмотръ проспектъ задуманнаго имъ политическаго журнала ¹⁾.

И все-таки онъ чувствовалъ себя неудовлетвореннымъ, томился и рвался вонъ изъ этой обстановки; душа жаждала подвиговъ, — не этой медленной работы на общее благо, а именно «бурной жизни за родную страну». Надуманный стоицизмъ тутъ мало помогалъ. «Золотые дни моей молодости уходятъ, — пишетъ онъ А. Раевскому въ томъ-же 1819 году, — и я съ сожалѣніемъ вижу, какъ пылъ моей души часто истощается въ напрасныхъ усиліяхъ. Однако не закладывай отсюда, что мужество покидаетъ меня. *Одно событіе* — и все измѣнится вокругъ меня. Дунеть вѣтеръ, и ладья вновь поплыветъ. Кому изъ насъ вѣдомо, что можетъ случиться? На все готовый, я понесу въ уединеніе или на арену дѣятельности чистый характеръ, — преимущество, которымъ не многіе могутъ гордиться въ нынѣшній вѣкъ.»

IV.

Командиромъ 4-го корпуса, т. е. ближайшимъ начальникомъ Орлова въ Кіевѣ, былъ, какъ уже сказано, старикъ Раевскій. Орловъ былъ свой человѣкъ въ его семьѣ, и эта близость привела скоро къ женитбѣ молодого генерала на старшей дочери Раевскаго, Екатерины Николаевны. Со старшимъ сыномъ Раевскаго, Александромъ, служившимъ эти годы въ Петербургѣ, Орловъ былъ друженъ еще по боевому товариществу и совместной жизни во Франціи: мы видѣли выше, что между ними шла переписка уже въ 1819 году. Съ другой стороны, Пушкина Орловъ зналъ еще по Петербургу, а съ младшимъ изъ Раевскихъ, Николаемъ, Пушкинъ былъ уже до своей ссылки на югъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. — Такъ завязался

¹⁾ Остаф. арх. I. 260.

узель, въ которомъ жизнь Пушкина на нѣкоторое время сплелась съ жизнью Раевскихъ и Орлова.

Когда будетъ написана біографія Пушкина, Раевскимъ и Орлову будетъ отведено въ ней видное мѣсто. Въ теченіе четырехъ лѣтъ (1820 — 24) вліяніе разныхъ членовъ этой семьи было доминирующимъ въ его жизни. Сначала четырехмѣсячное путешествіе со всеми Раевскими на Кавказъ и въ Крымъ, затѣмъ двухлѣтняя близость съ Орловымъ въ Кишиневѣ, наконецъ, тѣсная дружба съ Александромъ Раевскимъ въ Одесѣ, и на придачу долгая влюбленность въ одну изъ барышень Раевскихъ, должны были ярко отразиться на развитіи Пушкина, — и это какъ разъ въ тѣ годы, когда окончательно складывались его характеръ и мировоззрѣніе. Наибольшую важность представляетъ здѣсь, конечно, рядъ личныхъ вліяній, — а это были, каждая въ своемъ родѣ, все богатыя и самобытныя индивидуальности; но важны и тѣ общія идейныя теченія, съ которыми онъ столкнулся въ этомъ кругу. Только пять лѣтъ назадъ кончилась Отечественная война, гдѣ старикъ Раевскій былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей, гдѣ Орловъ связалъ свое имя съ капитуляціей Парижа, гдѣ и Александръ Раевскій получилъ свое боевое крещеніе; въ нихъ навѣрное еще не совсѣмъ остыло патриотическое и военное одушевленіе тѣхъ дней, и ихъ разсказы были для Пушкина живою летописью эпохи. Вмѣстѣ съ тѣмъ чрезъ нихъ же въ Кишиневѣ и Каменкѣ онъ соприкоснулся непосредственно съ тѣмъ общественнымъ движеніемъ, которое привело затѣмъ къ 14-му декабрю. Такимъ образомъ, чрезъ эту семью шли оба главныхъ вліянія, которыя опредѣлили политическую мысль Пушкина: монархическій патриотизмъ 12-го года и революціонная идеологія декабристовъ. Если прибавить къ этому, что и съ Вайнеромъ Пушкинъ познакомился благодаря Раевскимъ, то ихъ важная роль въ исторіи его жизни и творчества будетъ очевидна.

Центральной фигурой этого Пушкинскаго кружка была, конечно, сама Раевскій, человекъ выдающийся не только по военному таланту, но и по высокимъ душевнымъ качествамъ, прекрасный члвкъности и прамотой натуры и полнымъ отсутствіемъ аффектаціи, очаровавшій двухъ нашихъ поэтовъ — Ватюшкова въ 1814 г. и Пушкина въ 1820-мъ. Послѣдній съ восторгомъ отзывался о его ясномъ умѣ, свободномъ отъ предрассудковъ, сильномъ характерѣ, простой и прекрасной душѣ, готовой на участіе и дружбу. Мы увидимъ дальше, какъ много нѣжности таилъ въ себѣ подъ суровой оболочкой этотъ знаменитый русскій генералъ, такъ похожий на античнаго полководца ¹⁾.

Въ серединѣ мая 1820 г. Раевскій съ младшимъ сыномъ Николаемъ и двумя дочерьми-подростками, въ томъ числѣ Маріей,

¹⁾ Сколько-нибудь свсноя біографія Раевскаго нтъ; біографію см. въ Рус. Вѣстн. 1898 г., мартъ.

будущей декабристкой Волконской, пустился в путь из Киева на Кавказскія воды, куда уже до нихъ прибылъ, чтобы лечитъ старую рану въ ногѣ, его старшій сынъ, Александръ. Какъ известно, этой скромной лечебной поѣздкѣ суждено было стать исторической: въ Екатеринославѣ, по пути изъ Киева на Кавказъ, Николай Раевскій младшій (т.-е. сынъ) разыскалъ своего петербургскаго пріятеля Пушкина, только-что прѣхавшаго въ ссылку и лежавшаго здѣсь въ жестокой лихорадкѣ, и съ согласия Янцова Раевскіе увезли съ собою молодого поэта на Кавказъ и потомъ въ Крымъ. Эта встрѣча въ Екатеринославѣ едва-ли была случайной. Раевскіе безъ сомнѣнія знали, что въ Екатеринославѣ найдутъ Пушкина. 7 мая одна изъ дочерей, Екатерина Николаевна, посылала изъ Петербурга письмо брату Александру въ Кіевъ, объясняя въ P. S., почему оно идетъ почтою: „мама забыла послать его съ Пушкинымъ“, а изъ писемъ старика видно, что въ Екатеринославъ они прѣхали въ 10 ч. веч. и уѣхали изъ него на другой день послѣ завтрака; между тѣмъ молодой Раевскій еще въ тотъ-же вечеръ успѣлъ разыскать Пушкина и къ полудню уладилъ его поѣздку.

Четыре мѣсяца, проведенные Пушкинымъ на Кавказѣ и въ Крыму среди Раевскихъ, принадлежатъ къ счастливѣйшимъ днямъ его жизни. Въ сентябрѣ, рассказывая въ письмѣ къ брату объ этой поѣздкѣ, онъ писалъ: „Суди, были-ли и счастливъ: свободная, безпечная жизнь въ кругу милаго семейства, жизнь, которую я такъ люблю и которой никогда не настанжалася; счастливое полуденное небо; предѣстный край, природа, удовлетворяющая воображенію, горы, сады, море; другъ мой, любимая моя надежда увидѣть опять полуденный берегъ и семейство Раевского“.

Въ эти мѣсяцы, когда Пушкинъ (какъ онъ вѣдоминьалъ уже много позднѣе) подолгу сиживалъ на берегахъ Подкумка съ Александромъ Раевскимъ,—у послѣдняго шла дѣятельная переписка съ Орловымъ, остававшимся въ Кіевѣ.

30 мая 1820 г. Орловъ пишетъ ¹⁾: „Я обѣщалъ писать и посылать газеты. И то, и другое исполню, въ надеждѣ, что твои общанія также исполнятся, любезный Александръ Николаевичъ. Ожидать буду твоего отвѣта съ нѣтерпѣніемъ, помни, что онъ мнѣ дастъ подробное понятіе о положеніи того края, въ которомъ ты основалъ свою жизнь на нѣкоторые время“. „Новостей политическихъ мало,—пишетъ онъ далѣе.—Говорятъ, что въ Римѣ открытъ заговоръ и что по сему случаю 35 тыс. австрійцевъ выступили къ сему городу... Вездѣ огонь живетъ подъ пепломъ, и я очень думаю, что 19-й вѣкъ не пробѣжитъ до четверти безъ развитія какихъ-нибудь странныхъ происшествій“. На дняхъ пріятельскіе рассказы пояснили ему многое, но эти извѣстія онъ не можетъ довѣрить бумагѣ. „Когда увидишь

¹⁾ По-русски, какъ и слѣдующія письма.

Алексея Петровича (Ермолова), бей ему отъ меня челомъ. Поклонъ и простого римскаго гражданина не долженъ быть отвергнутъ римскимъ проконсуломъ, какова бы ни была его слава“. Въ концѣ письма характерная просьба—отвѣчать по-русски. О томъ же проситъ потомъ однажды Пушкинъ изъ Кишинева брата.

19 іюня Орловъ пишетъ: „Посылаю тебѣ нѣсколько газетъ, въ которыхъ найдешь все то-же, что и прежде, то есть безконечные споры между гасителями, коихъ не должно пускать тушить, и свѣтителямъ, коимъ не должно позволять жечь.“

„Я, наконецъ, назначенъ дивизионнымъ командиромъ. Прощаюсь съ мирнымъ Кіевомъ, съ симъ городомъ, который я почиталъ сперва за политическую ссылку, и съ коимъ не безъ труда расстаюсь. Милости твоего батюшки всегда мнѣ будутъ предостоять и я едва умѣю выразить, сколь мнѣ прискорбно переходить подъ другое начальство. Но должно было рѣшиться. Иду на новое поприще, гдѣ самъ буду настоящимъ начальникомъ“.

Послѣднее сохранившееся письмо, отъ 13 октября, любопытно, какъ свидѣтельство полной зрѣлости мысли въ области конкретныхъ политическихъ вопросовъ.

„Любезный другъ, благодаря за твое занимательное письмо изъ Крыма, которымъ я тѣмъ болѣе былъ доволенъ, что оно писано по-русски и довольно-чистымъ русскимъ языкомъ. Извѣстія о Грузіи и ея подвигахъ или намѣреніяхъ Ермолова весьма важны, но мнѣ кажется, что со всѣмъ его умомъ онъ довершитъ общаго усокоенія той страны не въ состояніи. Такъ-же трудно поработитъ чеченцовъ и другіе народы того края, какъ сгладить Кавказъ. Это дѣло исполняется не штыками, но временемъ и просвѣщеніемъ, котораго и у насъ не забыточно. При паденіи листовъ сдѣлать еще экспедицію, повалить нѣсколько народа, разобьютъ толпу неустоенныхъ враговъ, заложатъ какую-нибудь крѣпость и возвратятся во-свои, чтобы опять ожидать осени. Этотъ ходъ дѣла можетъ принести Ермолову большія личныя выгоды, а Россіи никакихъ. Впрочемъ, я не его виню. Обстоятельства и прежнія мѣры начальниковъ и предѣстниковъ его сдѣлали изъ Грузіи въ отношеніи нашего Отечества, такъ сказать, политическую фистулу. Черезъ оную Россія потеряла много крови и соковъ. Но со всѣмъ тѣмъ въ этой непрерывной войнѣ есть что-то величественное, и храмъ Януса для Россіи, какъ для древняго Рима, не затворяется. Кто кромѣ насъ можетъ похвастаться, что видѣлъ вѣчную войну?“

V.

Когда Пушкинъ въ сентябрѣ, разставшись съ семьей Раевскихъ, прѣхалъ въ Кишиневъ, куда его начальникъ Янцовъ

тѣмъ временемъ перевелъ свою канцелярію изъ Екатеринослава, онъ уже засталъ здѣсь Орлова, который, наконецъ, послѣ пятикратнаго отказа, получилъ дивизию, именно 16-ую пѣхотную дивизию второй арміи, стоявшую въ Кишиневѣ. Этимъ назначеніемъ онъ былъ обязанъ ходатайству главнокомандующаго 2-ой арміи, гр. Витгенштейна, и давней дружбѣ съ Киселевымъ, который въ то время состоялъ начальникомъ штаба при Витгенштейнѣ. Очевидно, ему съ большою неохотой вручали активное командованіе, да и то лишь возможно дальше отъ центра, въ далекой и некультурной окраинѣ.

Какъ свидѣлствуютъ письма, Орловъ выѣхалъ изъ Кіева въ Кишиневъ 10 іюля 1820 г. Въ Тульчинѣ, по пути изъ Кіева на мѣсто новой службы, онъ сталъ членомъ Тайнаго общества. Его привали Фонъ-Визинъ, Пестель и Юшневскій. Позднѣе, на слѣдствии по дѣлу 14 декабря, онъ заявлялъ, что къ вступленію въ Союзъ Благоденствія его побудили ихъ упреки, „что зная всё ихъ тайны и имена многихъ, не великодушно мнѣ не раздѣлять ихъ опасности“¹⁾. Это звучитъ правдоподобно, — и во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что онъ вступилъ въ тайное общество безъ мысли объ активной революціонной дѣятельности. Въ одномъ изъ лѣтнихъ писемъ къ А. Раевскому на Кавказѣ, сообщая о своей встрѣчѣ съ С. И. Тургеневымъ, онъ съ большимъ сочувствіемъ отзывался о перемѣнѣ, происшедшей въ Тургеневѣ: „Правила оставилъ тѣ-же, но скромность въ выраженіяхъ, постепенность въ желаніяхъ, принятіе плана жизни и службы доказываютъ, что наступило время зрѣлости и что разсудокъ взялъ перевѣсъ надъ пылкостью страстей“. Эти слова характеризуютъ настроеніе самого Орлова. Конечно и онъ остался тотъ же и все такъ же вѣрилъ въ неизбежность „событія“, но все яснѣе становилось ему, что надо запастись терпѣніемъ, что для „событія“ нужно особенное стеченіе обстоятельствъ, котораго, можетъ быть, придется еще долго ждать; а пока нельзя же было жить все на бивуакахъ, надо было подумать о томъ, чтобы „принять планъ жизни и службы“. Сюда присоединялось еще и личное соображеніе: онъ уже давно любилъ Екат. Плк. Раевскую и какъ-разъ теперь готовился просить ея руки. Итакъ, онъ ѣхалъ въ Кишиневъ съ мыслью о болѣе прочномъ устройствѣ, и мы видѣли, какъ доволенъ онъ былъ своимъ новымъ назначеніемъ, которое открывало ему сравнительно широкій просторъ для мирной культурной дѣятельности. Въ томъ самомъ письмѣ, которымъ онъ извѣщалъ А. Раевского о своемъ переводѣ въ Кишиневъ, онъ писалъ: „Политика запружена и Богъ знаетъ когда потечетъ. Я также строю умственную насыпь, чтобъ запрудить мысли мои. *Пукай покоятся до времени*“.

Имъ пришлось покаяться недолго. Осенью этого же года,

когда рѣшенъ былъ вопросъ о созывѣ на январь въ Москву виднѣйшихъ членовъ Союза Благоденствія, — въ числѣ предлагаемыхъ участниковъ съѣзда были намѣченъ и Орловъ, и хотя онъ вступилъ въ тайное общество всего нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, его участіе признали настолько важнымъ, что Якушкинъ, ѣхавшій по этому дѣлу въ Тульчинъ, долженъ былъ нарочито, съ письмомъ отъ Фонъ-Визина, захватить въ Кишиневъ, чтобы пригласить на съѣздъ Орлова.

Въ своихъ запискахъ Якушкинъ подробно описалъ и это первое свое знакомство съ Орловымъ, и роль послѣдняго на московскомъ съѣздѣ. Его правдивость стоитъ внѣ сомнѣній, но и здѣсь, какъ во всякихъ мемуарахъ, надо строго различать три вещи: 1) объективные факты, 2) отношеніе къ нимъ автора въ моментъ самаго дѣйствія, и 3) его отношеніе къ нимъ въ моментъ писанія. Записки свои Якушкинъ писалъ много лѣтъ спустя; его разсказъ проникнутъ явнымъ недружелюбіемъ къ Орлову, и это его отношеніе часто рѣзко противорѣчитъ не только самимъ фактамъ, которые онъ передаетъ, но и его собственному *тогдашнему* отношенію къ этимъ фактамъ, поскольку оно явствуетъ изъ его же разсказа.

Такъ, его разсказъ съ совершенной очевидностью свидѣлствуетъ о томъ, что Орловъ произвелъ на него какъ нельзя болѣе выгодное впечатлѣніе, и не только какъ симпатичный человѣкъ, располагавшій съ собою добротою и ласковостью обращенія, но и какъ убѣжденный и крайне дѣльный членъ тайнаго общества. Онъ разсказываетъ, что на его увѣщанія прѣхать въ Москву Орловъ отвѣчалъ, что пока навѣрное обещать не можетъ, и съ своей стороны звалъ его къ Давыдовымъ въ Каменку, куда самъ ѣхалъ съ Охотниковымъ. Якушкину очень не хотѣлось, да и незачѣмъ было, ѣхать въ Каменку, но когда Охотниковъ шепнулъ ему, что, ѣдуки съ ними, онъ легче уговоритъ Орлова, — Якушкинъ рѣшился ѣхать къ Давыдовымъ и, прѣхавши, прожилъ у нихъ все время, что и Орловъ, т. е. дѣлу недѣлю; при прощаніи Орловъ дѣйствительно далъ ему слово прѣхать на съѣздъ въ Москву. Надо знать непоколебимую убѣжденность Якушкина и его твердый характеръ, чтобы понять смыслъ этого эпизода. Очевидно, узнавъ Орлова лично, онъ считалъ его присутствіе на съѣздѣ дѣломъ исключительной важности.

О поведеніи Орлова на этомъ съѣздѣ существуетъ два диаметрально-противоположныхъ показанія. Одно принадлежитъ Якушкину, въ другомъ совпадаютъ три другихъ участника съѣзда — Волковскій, Граббе и Н. Тургеневъ. Якушкинъ разсказываетъ, что Орловъ привезъ писанный проектъ условій, на которыхъ онъ соглашался быть членомъ Общества; именно, онъ предлагалъ перейти къ крайнимъ революціоннымъ дѣйствіямъ и прежде всего завести тайную типографію и фабрику фальшивыхъ ассигнацій. Разуздѣлся, его планъ вызвалъ только общее

¹⁾ М. В. Довнар-Запольскій, *Мемуары декабристовъ*, 1906 г., стр. 6.

изумление; „но ему,—говорит Якушкин,—того-то и нужно было. Помолвленный на Раевской, въ удобство ей роднымъ отъ рѣшился прекратить всѣ сношенія съ членами Тайнаго Общества; на возраженія наши онъ сказалъ, что если мы не принимаемъ его предложеній, то онъ никакъ не можетъ принадлежать къ нашему Тайному Обществу. Послѣ чего онъ уѣхалъ и ни съ кѣмъ изъ насъ болѣе не видался“.

О такомъ предложеніи Орлова ни однимъ словомъ не упоминаютъ трое другихъ участниковъ сѣзда, Волконскій,—какъ мы видѣли, старый другъ Орлова—сѣхался съ нимъ (и Охотниковымъ) въ Тульчинѣ, чтобы выѣсть фхатъ на сѣздъ въ Москву. Проѣздомъ чрезъ Киевъ, рассказываетъ онъ, Орловъ рѣшился сдѣлать давно задуманный шагъ—просить руки Екат. Ник. Раевской. Переговоры шли черезъ А. Н. Раевского, и послѣдній поставилъ ему кореннымъ условіемъ выходъ изъ тайнаго общества, такъ что, выѣжая изъ Кіева, Орловъ былъ въ нерѣшительности, что ему дѣлать. Обстоятельства указали ему выходъ. На сѣздѣ съ самаго начала получено было извѣщеніе отъ петербургской думы, что правительство слѣдуетъ за дѣйствіями тайнаго общества и что поэтому благоуразуміе будетъ формально закрыть общество и дѣйствовать каждому въ одиночку. Такъ и было рѣшено, и къ этому рѣшенію прикнулъ Орловъ. То же самое рассказываютъ о сѣздѣ и роли Орлова Тургеневъ и Граббе, причемъ первый сообщаетъ, что Орловъ съ самаго начала заявилъ о своемъ намѣреніи выйти изъ общества, а второй добавляетъ, что предложеній, приписываемыхъ Якушкинымъ Орлову, послѣдній не дѣлалъ, иначе ихъ слышали бы всѣ—„тѣмъ болѣе, что его слова непремѣнно принимались съ напряженнымъ вниманіемъ“¹⁾.

Показаніе Якушкина настолько противорѣчитъ духовному облику Орлова и въсьмъ фактамъ его дальнѣйшей жизни (между прочимъ, и позднѣйшимъ отношеніямъ къ нему такихъ непреклонныхъ революционеровъ, какъ Охотниковъ или В. Ѳ. Раевскій), что его приходится совершенно отвергнуть²⁾. На такое низкое лицемѣріе Орловъ былъ неспособенъ, да ему и не простили бы его. Ошибка объясняется просто: Якушкинъ, очевидно запамятовалъ, слѣдовать въ этомъ мѣстѣ своихъ воспоминаній запискѣ тайнаго агента Грибовскаго, составленной, конечно, на основаніи доносовъ и сплетенъ³⁾. Дѣло было безъ сомнѣній такъ, какъ изобразилъ его Волконскій. Предъ нами письмо

Орлова къ сестрѣ отъ 12 февраля (1821 г.) изъ Кіева; извѣщая сестру о своей помолвкѣ съ Раевской, онъ извиняется, что изъ Москвы не заѣхалъ къ ней въ Ярославль: „нетерпѣніе узнать исходъ моего предложенія заставило меня слѣзнуть обратно“. Очевидно, по пути въ Москву онъ сдѣлалъ предложеніе чрезъ А. Раевского, который обещалъ приготовить ему отвѣтъ къ обратному проѣзду; значитъ дѣло было за согласіемъ Екат. Ник. и ея родителей.

VI.

Свадьба состоялась 15 мая 1821 года. Въ Кишиневѣ молодые зажили на широкую ногу, занявъ два смежныхъ дома и держа свой столъ открытымъ для всей военной молодежи. Орловъ былъ не только самое важное послѣ намѣстника лицо въ городѣ и не только большой баринъ и аристократъ, но и человекъ высокаго стовншій надъ тошю по образованности, характеру и убѣжденіямъ. Вигель въ нѣсколькихъ злобныхъ строкахъ очень живо изображаетъ кишиневскую обстановку Орлова: „Прискорбно казалось не быть принятымъ въ его домъ, а чтобы являться въ немъ, надобно было болѣе или мѣнѣе развѣдять мнѣнія хозяина... Два демагога, два изувѣра, адьютанты Охотниковъ и майоръ Раевскій съ жаромъ витійствовали. Тутъ былъ и Липранди... На бѣду попался тутъ и Пушкиль, котораго сама судьба всегда совала въ среду недовольныхъ. Семь или восемь молодыхъ офицеровъ генеральнаго штаба вѣстныхъ фамилій... съ чадолюбіемъ были воспріяты. Къ ихъ пылкому патриотизму, какъ полныя къ розѣ, сталъ прививаться тутъ западный либерализмъ. Передъ своимъ великимъ и неудачнымъ предпріятіемъ нѣрѣдко посѣщалъ сей домъ съ другими соумышленниками князь Александръ Исклантъ... Все это говорилось, все это дѣлалось при свѣтѣ солнечномъ, въ виду дѣлой Вессарабин“. Вигель не преувеличиваетъ: все, что мы знаемъ о кишиневской жизни Орлова, показываетъ, что онъ дѣйствительно былъ здѣсь центромъ политическаго вольнодумства, а его домъ—какъ бы либеральнымъ клубомъ. О степени этого вольнодумства можно судить по тому, что всѣмъ ближе къ Орлову были въ Кишиневѣ два крайнихъ радикала—его адьютанты Охотниковъ и вѣстный В. Ѳ. Раевскій¹⁾.

¹⁾ Биографія В. Ѳ. Раевского написана П. Е. Щеголевымъ и издана отдѣльно въ 1905 г. О рано умершемъ Охотниковѣ извѣстно мало; вотъ его любопытная характеристика, сдѣланная М. Ф. Орловымъ въ письмѣ къ жентѣ (Орловъ пишетъ изъ своей калужской деревни въ апрѣлѣ 1823 г.): „Охотниковъ пробылъ здѣсь два дня, и все раскрывалось, все разбавляно, изложивъ всѣ свои философскія воззрѣнія, увозить теперь это письмо, съ тѣмъ, чтобы сдать его на почту въ Козельскъ или Мещовскъ. Не знаю ничего несноснѣе этого злополучнаго нравственнаго совершенства, которое оговариваетъ всякій чужой поступокъ и беретъ на себя роль холмчей совѣсти своихъ друзей. Въ сущности онъ прекраснѣйшій и достой-

²⁾ Сравни показаніе Комарова.—Донари-Заловскій, цит. соч., стр. 34—35.
³⁾ Въ письмѣ къ редактору „Колокола“ по поводу выхода въ свѣтъ записокъ Якушкина П. И. Тургеневъ говоритъ, между прочимъ: „Я нахожу также нѣсколько несовмѣстимыхъ и неспрѣчныхъ разсказовъ о другихъ лицахъ, а именно о Мисъ Орловѣ“ (Колоколъ, № 165, отъ 1 фев. 1868 г.).
⁴⁾ См. Записки П. А. Якушкина, стр. 54, и П. Стар. 1872, VI, стр. 602.—Кромѣ того: Тургеневъ, *La Russie et l' R.*, I 118. Волконскій 410—12, П. Стар. 1873, мартъ, 374 и 1872 май 775 сл.

Въ этомъ домѣ Пушкинъ былъ едва-ли не ежедневнымъ гостемъ¹⁾.

„У насъ, — пишетъ Екат. Ник. брату Александру (конецъ 1821 г.), — безпрестанно идутъ шумные споры — философіе, политическіе, литературные и др.; мнѣ слышно ихъ изъ дальней комнаты. Они заняли бы тебя, потому что у насъ немало оригиналовъ“. „Пушкинъ, — пишетъ она въ другой разъ (12 ноября 1821 г.), — больше не корчитъ изъ себя жестокаго, онъ очень часто приходитъ къ намъ курить свою трубку и разсуждаетъ или болтаетъ очень приятно. Онъ только что кончить оду на Наполеона, которая, по моему скромному мнѣнію, хороша, сколько я могу судить, слышавъ ее частью одинъ разъ“. „Мы очень часто видимъ Пушкина, который приходитъ спорить съ мужемъ о всевозможныхъ предметахъ. Его тереншій конекъ — *вѣчный миръ аббата Сен-Пеера*. Онъ убѣжденъ, что правительства, совершенствуясь, постепенно водворятъ вѣчный и всеобщій миръ и что тогда не будетъ проливаться иной крови, какъ только кровь людей съ сильными характерами и страстями, съ предприимчивымъ духомъ, которыхъ мы теперь называемъ великими людьми, а тогда будутъ считать лишь разрушителями общественного спокойствія. Я хотѣла-бы видѣть, какъ-бы ты сдѣлалась съ этими спорщиками“ (23 ноября 1821 г.). Во время одной отлучки жены изъ Кишинева Мх. Фед., разсказывая ей въ письмѣ, какъ проходитъ его день, писалъ: „Къ обѣду собираются мои приятели. Послѣ обѣда иногда ѣзжу верхомъ. Третьяго дня побѣжалъ со мною Пушкинъ и грохнулся о-земь. Онъ умѣетъ ѣздить только на Пегасѣ, да на донской о-земь. 8 декабря 1822 г. Екат. Ник. пишетъ брату: „Посылаю тебѣ письмо, кажется отъ Пушкина; его принесла г-жа Тихонова... Пушкинъ послалъ Николаю отрывокъ поэмы, которую не думаетъ ни печатать, ни кончать. Это странный замыселъ, отзывавшейся, какъ мнѣ кажется, чтеніемъ Байрона. — Его дали Муравьевымъ, которые привезутъ его тебѣ“²⁾. Это были, конечно, „Братья-разбойники“. Въ Кишиневъ прѣѣзжали къ Орловымъ родные — Раевскіе, Давыдовы, все люди уже близкіе Пушкину, и самъ онъ ѣздитъ съ Орловыми въ Кіевъ и Каменку къ ихъ роднымъ; словомъ, онъ сталъ какъ бы приемнымъ членомъ семейства.

нѣйшій человекъ, и я люблю его отъ всей души, но у него привычка говорить другому въ лицо самая грубая истинна, не догадываясь, что каждый изъ нихъ бьетъ того словомъ по головѣ“. Справ. отзывъ Липранди, Р. Арх. 1866 № 8—9. стр. 1252.

¹⁾ Что Орловъ зналъ его еще изъ Петербурга, доказывается письмомъ Орлова къ А. Н. Раевскому на Кавказъ, отъ 8 июля 1820 г., — гдѣ есть „поклонъ юному Аргуту Пушкину“.

²⁾ Отмѣчу здѣсь-же для полноты слѣд. строки изъ письма М. Ф. Орлова къ жевѣ изъ Кіева отъ 29 мая 1824 г.: „Пушкинъ былъ посланъ на саранку. Онъ воевалъ съ нею и послѣ весьма трудной кампаніи *вчера вернулась*, отстувивъ предъ несмѣтнымъ неприятелемъ“.

VII.

Однако вернемся къ Орлову. Мы видѣли, съ какими мыслями онъ ѣхалъ въ Кишиневъ: новая должность открывала ему большій просторъ для гуманитарной дѣятельности и, главное, ставила его въ непосредственное общеніе съ „народомъ“ въ лицѣ сѣрой солдатской массы. На эту массу и направилось теперь все его вниманіе. Его первой заботой по пріятіи начальства надъ 16-й дивизіей было категорически запретить употребленіе на ученьяхъ папокъ, шомполовъ и тесаковъ, его вторымъ дѣломъ — призвать В. Ф. Раевского къ управленію уже раньше учрежденной при дивизіи ланкастерской школы. И затѣмъ въ продолженіе всего двухлѣтняго времени своего командованія дивизіей онъ широко и энергично дѣйствовалъ въ этихъ двухъ направленіяхъ. Онъ не только совершенно искоренилъ жестокость въ обращеніи съ солдатами, но и всѣми мѣрами старался пробуждать въ нихъ чувство человѣческаго достоинства, — напримеръ, принималъ жалобы относительно наказаній, которымъ они подвергались со стороны ихъ ближайшаго начальства, и наряжалъ слѣдствія по такимъ дѣламъ. Дивизионная ланкастерская школа подъ руководствомъ В. Ф. Раевского развилась блестяще, и то, что дѣлалось въ ней и что вскорѣ погубило Раевского, дѣлалось, конечно, съ вѣдома и одобренія Орлова. Не ограничиваясь Кишиневомъ, Орловъ основалъ рядъ такихъ же училищъ въ тѣхъ городахъ и мѣстечкахъ дикой тогда Бессарабіи, гдѣ были расположены отдѣльныя части его дивизіи, и тратилъ на нихъ немало собственныхъ денегъ.

Военные нравы въ тогдашней Россіи были жестоки. Въ той-же Бессарабіи, кромѣ 16-ой, Орловской, дивизіи, стояла другая — 17-ая, которую командовалъ Желтухинъ. Чтобы получить наглядное представленіе о положеніи русскаго солдата въ то время, достаточно прочитавъ небольшую „записку“ о прощесствіи, случившемся въ этой дивизіи въ 1822 году, хранящуюся въ Военно-ученомъ архивѣ. Въ маѣ этого года корпусный командиръ Сабаньевъ, обративъ вниманіе на участившіеся побѣги изъ 17-ой дивизіи, гдѣ изъ одного только Екатеринбургскаго полка за шесть недѣль бѣжало 28 человекъ, поручилъ майору Липранди и аудиторю Маркову произвестн слѣдствіе. Допросивъ пять человекъ дезертировъ, Липранди такъ излагалъ ихъ показанія:

„1-е. Жители продовольствовали ихъ такъ дурно, что солдаты терпѣли даже голодъ.

2-е. Учене слишкомъ изнурительное производится два раза въ день, во время коего всегда по нѣсколько человекъ падаютъ во фронтъ отъ сильной затыжки на груди ранцевыхъ ремней и за малѣйшую ошибку, начина отъ дивизионнаго командира до

последняго унтеръ-офицера бьютъ. Одинъ изъ нихъ показать, что когда зашли по отдѣленнымъ направо, унтеръ-офицеръ замѣтилъ его въ ошибкѣ и билъ до тѣхъ поръ по шеѣ и лицу, пока упалъ безъ чувствъ; вообще, унтеръ-офицеры даютъ по нѣсколько сотъ палокъ. Сверхъ всего этого по вечерамъ учатъ ихъ пунктикамъ изъ рекрутской школы.

3-е. Содержание аммуниціи въ требуемой чистотѣ, разоряя ихъ, затрудняетъ до невѣроятности. Ранцы во всей дивизіи выворочены и лакируются сапожною ваксою на собственный счетъ солдатъ; перевязи и портузѣи назираютъ бѣлымъ воскомъ послѣ мѣду. Въ случаѣ же невыполненія по неизмѣннѣ денегъ и иныхъ средствъ таковыхъ требованій, наказываютъ жестоко, какъ, напримѣръ, 2-й гренадерской роты капитанъ за невычищеніе воскомъ перевязи наказалъ одного изъ нихъ 300 ударами палокъ.

4-е. Сии самыя причины вынудили ихъ бѣжать, къ чему 1-я гренадерской роты рядовой, служащій 12-тъ лѣтъ, бывший уже въ двухъ войнахъ и имѣющій три раны, прибавилъ, что онъ хотѣлъ застрѣлиться, но какъ христіанинъ предпочелъ умереть отъ руки басурмановъ и потому бѣжалъ, зная, что они рѣжутъ головы; но имѣя несчастье быть пойманнѣмъ, просить, чтобы его разстрѣляли.

5-е. Бѣжавшихъ 17-й дивизіи за границей въ Молдавіи очень много, такъ что почти въ каждомъ селеніи встрѣчаешь русскаго—многіе изъ нихъ турками взяты и будутъ доставлены.

6-е. Второй баталіонъ Екатеринбургскаго полка содержитъ караулъ въ Липканахъ и Хотинѣ, что отстояши сутки въ караулѣ въ Липканахъ идутъ въ Хотинъ и прійдя послѣ полуночи начинаютъ чистить аммуницію и утромъ вступаютъ снова въ караулъ. Въ этотъ-же день дѣлаютъ и ученье для того, что генераль Желтухинъ, несмотря ни на какія обстоятельства, требуетъ, чтобы резервные баталіоны равнялись въ ученьи дѣйствующимъ⁴.

На этомъ черномъ фонѣ дѣятельности Орлова выдѣляется яркимъ пятномъ. Читатель не постыжется на насъ, если мы приведемъ здѣсь два образчика Орловскихъ приказовъ по дивизіи; съ той поры прошло 80 лѣтъ, но и теперь военные нравы еще далеко не достигли того уровня человечности, какой ставилъ себя цѣлью Орловъ. Вотъ одинъ изъ его первыхъ приказовъ, изданный 3 августа 1820 года, т. е. черезъ недѣлю или двѣ по его прибытіи въ Кишиневъ.

„Вступивъ въ командованіе 16 пѣхотного дивизіею, я обратилъ первое мое вниманіе на пограничное расположеніе оной и на состояніе нижнихъ чиновъ. Разсматривая прежній ходъ дѣлъ, я удивился великому числу бѣглыхъ и дезертировъ. Устрашился, увидѣвъ, что начальство для прекращенія побѣговъ принуждено было приступить къ введенію смертной казни въ сей дивизіи, тогда какъ она казнь въ мирное время цѣной

Россіи неизвѣстна. Сіе должно доказать каждому и всѣмъ, сколь велико то зло, для искорененія котораго принята правительствомъ столь строгая мѣра, противная столь общему обычаю Отечества нашего.

„Побѣги въ войскахъ могутъ случиться отъ многихъ разныхъ причинъ, изъ коихъ главнѣйшія суть:

1) Недостатокъ въ пищѣ и пропитаніи. Я не думаю, чтобы нашелся хотя одинъ чиновникъ въ дивизіи, который осмѣлился не допустить содату слѣдующему ему пищу, положенную правительствомъ; но ежели сверхъ чаянія моего, таковыя злоупотребленія существуютъ гдѣ-либо въ полкахъ вѣрнопоймѣ дивизіи, то виновные недолго отъ меня скроются, и я обявлюсь передъ всѣми честнымъ моимъ словомъ, что предавъ ихъ военному суду, какого бы званія и чина они не были, всѣ прежнія ихъ заслуги падутъ предъ сою непростительною виною, ибо нѣтъ заслугъ, которыя могли бы въ такомъ случаѣ отвратить отъ преступнаго начальника тажжаго наказанія.

2) Послабленіе военной дисциплины. Симвъ разумію я нѣкоторый духъ безпечности и нерадінія, въ частныхъ начальникахъ тѣмъ болѣе предосудительный, что примѣръ ихъ дѣйствуетъ быстро на самихъ солдатъ, порождаетъ въ нихъ послѣднихъ лѣность и отъ лѣности всѣ пороки. Я прошу гг. офицеровъ заняться крѣпко своимъ дѣломъ, быть часто съ солдатами, говорить съ ними, вслушать имъ всѣ солдатскія добродѣтели, пецись о всѣхъ ихъ нуждахъ, давать имъ примѣръ дѣятельности и возбуждать любовь къ Отечеству, поручившему имъ свое храненіе и свою безопасность.

Когда солдатъ будетъ чувствовать все достоинство своего званія, тогда однимъ разомъ прекратятся многія злоупотребленія, а отъ сего перваго шага будетъ зависеть все устройство дивизіи. Большая часть солдатъ легко поймутъ таковыя наставленія, они увидятъ попеченіе начальства и сами почувствуютъ свои обязанности. Я самъ почитаю себя честнаго солдата и другомъ и братомъ.

3) Слишкомъ строгое обращеніе съ солдатами и дисциплина основанная на побояхъ. Я почитаю великимъ злодѣемъ того офицера, который, слѣдуя внугнешней силѣй ярости, безъ осмотрительности, безъ предварительнаго обличенія, часто безъ нужды и даже безъ причины употребляетъ вѣрнопоймѣ ему власть на истязаніе солдатъ. Я прошу гг. офицеровъ подумать о слѣдующемъ: отъ жестокоств и несправедливости въ наказаніяхъ можетъ родиться отчаяніе, отъ отчаянія произойти побѣги, а побѣгъ за границу наказывается смертью; слѣдовательно начальникъ, который жестокоствю или несправедливостю побудитъ солдатъ къ побѣгу, дѣлается настоящимъ его убійцею; строгость и жестокоств сущъ двѣ вещи разныя, одна прилична тѣмъ людямъ, кои сотворены для начальства, другая свойственна тѣмъ только, коимъ никакого начальства поручать не должно.

Симъ правиломъ я буду руководствоваться, и гг. офицеры могутъ быть увѣрены, что тотъ изъ нихъ, который облчится въ жестокости, лишится въ то же время навсегда команды своей.

Изъ сего приказа моего легко можно усмотрѣть, въ какомъ духѣ я буду командовать дивизіею. Въ слѣдующихъ приказахъ я дамъ на сей предметъ положительныя правила, но я желаю, чтобы прежде всего гг. начальники вынули въ мое намѣреніе, и убѣдившись въ необходимости такого съ солдатами обращенія, сдѣлались бы мнѣ сподвижниками въ учрежденіи строгой, но справедливой дисциплины.

„Предписываю въ заключеніе прочитать приказъ сей войскамъ въ каждой ротѣ самому ротному командиру, для чего, буде рота разбѣяна по разнымъ квартирамъ, то сдѣлать общій объѣздъ онымъ. Ежели при объѣздѣ полковъ солдаты по спросѣ моему скажутъ, что имъ сей приказъ не извѣстенъ, то я за се строго вышшу съ ротныхъ командировъ. Подлинный подпisać Генераль-майоръ Орловъ 1-й“.

Другой приказъ Орлова относится къ январю 1822 г., т. е. къ послѣднимъ днямъ его командованія 16-ой дивизіей:

„Думалъ я до сихъ поръ, что ежели нужно нижнимъ чинамъ дѣлать строгіе приказы, то достаточно для офицеровъ просто объяснить ихъ обязанности, и что они погнутъ за счастье исполнять всѣ желанія и мысли своихъ начальниковъ; но къ удивленію моему вышло совсѣмъ противное. Солдаты внемлютъ одному слову начальника; сказали: побѣги васъ безчестятъ, и побѣги прекратились. Офицеровъ напротивъ того просили неотступно укротить ихъ обращеніе съ солдатами, занимаясь своимъ дѣломъ, прекратить самоуправныя наказанія, считать себя отцами своихъ подчиненныхъ; но и по сихъ поръ многіе изъ нихъ, несмотря ни на увѣщанія мои, ни на угрозы, ни на самые строгіе примѣры, продолжаютъ самоуправное управленіе вѣрными имъ частями, бьютъ солдатъ, а не наказываютъ, и не только пренебрегаютъ исполненіемъ моихъ приказовъ, но не уважаютъ даже и голоса самого главнокомандующаго.

„Въ Охотскомъ пѣхотномъ полку гг. майоръ Веркейскій, капитанъ Гимбутъ и прапорщикъ Понаревскій жестокостями своими вывели изъ терпѣнія солдатъ. Общая жалоба нижнихъ чиновъ побудила меня сдѣлать подробное изслѣдованіе, по которому открылись такіа неистовства, что всѣхъ сихъ трехъ офицеровъ принужденъ представить я къ военному суду. Да испытываютъ они въ солдатскихъ крестахъ, какова солдатская должность. Для нихъ и для имъ подобныхъ не будетъ во мнѣ ни помилованія, ни состраданія.

„И что жъ? лучше ли былъ баталіонъ отъ ихъ жестокости? ни частной выправки, ни точности въ маневрахъ, ни даже опрятности въ одѣяніи я ничего не нашелъ; дисциплина упала, а

нѣтъ солдата въ баталіонѣ, который бы не почувствовалъ своими плечами, что есть у него начальникъ.

„Послѣ сего примѣра, кто меня увѣритъ, что есть польза въ жестокости и что русской солдатъ, сей достойный сынъ отечества, который въ цѣлой Европѣ почитаемъ, не можетъ быть доведенъ безъ побоевъ до исправности? Мнѣ стидно распространяться болѣе о семъ предметѣ, но пора быть увѣреннымъ всѣмъ тѣмъ гг. офицерамъ, кои держатся правиламъ и примѣрамъ Веркейскаго и ему подобныхъ, что я имъ не товарищъ и они заблаговременно могутъ оставить сію дивизію, гдѣ найдутъ во мнѣ строгаго мстителя за ихъ беззаконныя поступки.

„Обратимся къ нашей военной исторіи: Суворовъ, Румянецъ, Потемкинъ, всѣ люди, пріобрѣтшіе себѣ и отечеству славу, были друзьями солдатъ и пеклись объ ихъ благосостояніи. Всѣ же изверги, кои одними побоями доводили ихъ полки до наружной исправности, всѣ погибли или погинули; вотъ примѣры, которые ясно говорятъ всѣмъ и каждому, что жестокое обращеніе съ нижними чинами противно не только всѣмъ правиламъ, но и всѣмъ опытамъ. Въ заключеніе всего объявляю по Дивизіи: 1-е, г. Майору Веркейскому отказать отъ баталіона, а на мѣсто него назначаю 32-го Егерскаго полка майора Юмина, 2-е, г. капитану Гимбуту отказать отъ роты, 3-е, г. прапорщику Понаревскому отказать отъ всякаго рода командъ, 4-е, всѣхъ сихъ офицеровъ представляю къ военному суду и предписываю содержать на гауптвахтѣ подъ арестомъ впредъ до разрѣшенія начальства.

„Кромѣ сего по дѣлу оказались менѣ виноватыми слѣдующіе офицеры, какъ-то: поручнику Васильеву въ уваженіе того, что онъ молодыхъ лѣтъ и билъ тесаками нижнихъ чиновъ прежде приказовъ г. главнокомандующаго, г. корпуснаго командира и моего, майорамъ Карчевскому и Данишевичу, капитану Парчевскому, штабъ-капитанамъ Станкевичу и Гнилоусову, поручикамъ Калковскому и Тимченку и подпоручнику Китицину за самоуправныя наказанія, за битые изъ собственныхъ своихъ рукъ, дѣлаю строгій выговоръ. Объявляю имъ двѣ вещи: первую, что такъ какъ многіе изъ нихъ не спрошены комисіею, то могутъ они, если чувствуютъ себя невинными, рапортомъ прямо на мое имя требовать суда, но тогда подвергнутся всѣмъ послѣдствіямъ онаго, и 2-е, что ежели еще за ними откроются таковыя поступки, то подвергнутся участи Веркейскаго, Гимбуты и Понаревскаго.

„Предписываю приказъ сей прочитать по ротамъ и объявить совершенную мою благодарность нижнимъ чинамъ за прекращеніе побоевъ въ теченіе моего командованія“.

Когда, позднѣе надъ Орловымъ было наложено слѣдствіе, ему между прочимъ былъ поставленъ въ вину случай съ рядовымъ Суярченкой, и вотъ какъ самъ Орловъ излагалъ это дѣло

въ своемъ отвѣтномъ донесеніи. Во время смотра 31-го егерскаго полка при опросѣ 9-ой роты рядовой Алексѣй Суярченко заявилъ ему, что ротный командиръ, поручикъ Турчаниновъ, ударить его эфесомъ въ бокъ такъ сильно, что онъ долго не могъ дышать. Орловъ вызвалъ Турчанинова въ кругъ роты и пригрозилъ, что отниметъ у него команду; Турчаниновъ извинился, прося приписать свой поступокъ минутой вспыльчивости, а не обычаю обращаться жестоко съ нижними чинами. Чтобы удостовѣриться въ этомъ, Орловъ, отославъ поручика, опросилъ роту, и когда всѣ солдаты единогласно подтвердили ему, что не имѣютъ никакой другой жалобы на своего ротнаго командира, онъ снова призвалъ Турчанинова въ кругъ роты и сказалъ ему:

— Вы счастливы, что командуете честными солдатами, которые не хотѣли воспользоваться гнѣвомъ моимъ противъ васъ. Ваша участь зависѣла отъ нихъ. Если-бъ одинъ рядовой еще пожаловался на васъ, то послѣ примѣра вашей вспыльчивости, въ коемъ вы сами предо мною сознались, я былъ бы принужденъ отдать васъ подъ слѣдствие и отнять роту. Помните мое снисхожденіе и старайтесь на будущее время не употреблять законопротивныхъ наказаній.

VIII.

Не прошло и года, какъ имя командира 16-ой пѣхотной дивизіи сдѣлалось какъ-бы нарицательнымъ. Разумѣется, объ немъ пошла двойная слава. Какъ смотрѣли на него подчиненные и солдаты, объ этомъ, можно сказать, художественно свидѣтельствуешь донесеніе тайнаго агента изъ Кишинева, 1821 года. Въ ланкастерской школѣ, сообщаетъ онъ, учатъ „кромѣ грамоты“ „и толковать о какомъ-то просвѣщеніи“. „Нижніе чины говорятъ: дивизионный командиръ (т. е. Орловъ) нашъ отецъ, онъ насъ просвѣщаетъ. 16-ю дивизию называютъ орловщиной... Липранди (подполковникъ, членъ тайнаго общества) говоритъ часовымъ, у него стоящимъ: „не утайвайте отъ меня что васъ обидѣтъ, я тотчасъ доведу до дивизионнаго командира. Я вашъ защитникъ. Молите Бога за него и за меня. Мы васъ въ обиду не дадимъ, и какъ часовые, такъ и вѣстовые наставленіе сіе передайте одинъ другому“¹⁾. Здѣсь характерно и отношеніе къ Орлову Липранди. Еще болѣе, интимнѣе преданъ ему былъ Охотниковъ, а В. Ѳ. Раевскій въ мартѣ 1822 года изъ Петропавловской крѣпости писалъ кишиневскимъ друзьямъ:

*Скажите отъ меня Орлову,
Что я судьбу мою суюзу
Съ терпѣньемъ мраморнымъ сносили,
Нигдѣ себя не пѣмнѣилъ.*

¹⁾ Рус. Стар. 1888 декабрь, 657—8.

Очевидно, ему еще и тутъ было нужно и дорого одобреніе Орлова.

А начальство Орлова, ближнее и дальнее, смотрѣло на него косо и позаботилось учредить за его дивизіей секретный надзоръ. Прежде всего, его дивизія сильно отставала по фронтовой части, потому что безъ смертнаго боя нельзя было влопить знаменитые три учебныхъ шага; а затѣмъ, въ штабѣ 2-ой арміи, къ которой принадлежала дивизія Орлова, уже знали о неблагонадежности В. Ѳ. Раевского. Начальникомъ этого штаба былъ Киселевъ, искренно любившій и уважавшій Орлова, но державшійся правила, что „въ службѣ нѣтъ дружбы“.

Надо думать, что Сабанѣевъ, корпусный командиръ, т. е. ближайшій начальникъ Орлова, ждалъ только перваго случая, чтобы освободиться отъ него. Такимъ случаемъ и явился небольшой бунтъ въ Камчатскомъ полку, входившемъ въ составъ Орловской дивизіи. Узнавъ объ этомъ происшествіи отъ самихъ ослушниковъ, Орловъ приказалъ бригадному командиру Пущину произвести слѣдствіе, а самъ въ тотъ-же день, какъ и предполагалъ заранѣе, выѣхалъ къ большой женѣ въ Кіевъ. Тайно извѣщенный Сабанѣевъ награнулъ изъ Тирасполя на слѣдующій день, когда Пущинъ еще и не начиналъ слѣдствія, и, не заставъ Орлова, поднялъ шумъ¹⁾. Это было въ декабрѣ 1821 года, всего чрезъ полгода послѣ женитьбы Орлова. Въ высшихъ военныхъ сферахъ началось противъ него дѣло, еще болѣе осложнившееся послѣ того, какъ въ февралѣ слѣдующаго года Киселевъ рѣшился наконецъ арестовать В. Ѳ. Раевского по обвиненію въ преступной пропагандѣ среди солдатъ.

Орлова обвиняли въ томъ, что онъ распустилъ дисциплину въ своей дивизіи, потакаетъ солдатамъ, ведетъ понибраторство съ подчиненными, выѣрлѣ учебныя заведенія первому вольному умцу въ арміи. Ему ставились въ вину, между прочимъ, и приведенные выше два его приказа, а также чтеніе ихъ передъ ротами. Разобрать дѣло было поручено Киселеву. Онъ не приписывалъ Орлову преступныхъ замысловъ,—онъ только обвинялъ его въ слабости и чрезмѣрной добротѣ, которую-де пользовались люди, какъ Раевскій, для достиженія своихъ цѣлей; и еще болѣе онъ осуждалъ „фашиную филантропію“ Орлова, утверждающаго, „что нравственные способы приличнѣе и полезнѣе тѣхъ, которые невѣждами употребляются“; все хорошо въ мѣру, говорилъ Киселевъ: не надо калѣчить людей, но и палки у унтеръ-офицеровъ неважѣе отнимать, да и вообще „мечтанія Орлова хороши въ теоріи, но на практикѣ нигуда ни годятся“. Сабанѣевъ и слышать не хотѣлъ объ оставленіи Орлова дивизионнымъ командиромъ, и самъ Киселевъ соглашался, что Орлову 16-ой дивизіей болѣе командовать нельзя²⁾.

¹⁾ Воспоминанія Липранди, Р. Арх. 1866 № 10, стр. 1438—41.

²⁾ Сборн. И. Р. Истор. Общ., т. 78, стр. 90—118. Заболотскій-Десовскій, Графъ П. Д. Киселевъ, т. 1, стр. 158 слл.

Киселевъ предлагалъ Орлову почетный выходъ—проситься въ отпускъ, „на воды“, а тамъ ему дать другую дивизию; но Орловъ заупрямился и требовалъ формальнаго суда. Дѣло тянулось почти полтора года и получило большую огласку, повидимому—даже и за предѣлами Россіи. „Сабанѣвъ думалъ, что однимъ ударомъ меня сшибетъ, — писалъ Орловъ А. Раевскому.—Ударилъ и подулъ въ пальцы: самъ себя ушибъ. Онъ надѣялся, что при первомъ случаѣ я отклонюсь отъ командованія дивизіи и испугаюсь, но я самъ требовалъ изслѣдованія, и тогда онъ взялся за клевету“. Орловъ жилъ въ это время то въ Кишиневѣ, то въ Кіевѣ, то въ своей калужской деревнѣ. Онъ чувствовалъ себя совершенно правымъ. Вскорѣ послѣ происшествія въ Камчатскомъ полку и тотчасъ послѣ ареста Раевского, онъ писалъ женѣ изъ Тульчина, куда поѣхалъ для разговора о своемъ дѣлѣ съ главнокомандующимъ 2-ой арміи, гр. Витгенштейномъ: „Мой планъ защиты совсѣмъ готовъ у меня въ головѣ, и если только разумъ способенъ одерживать верхъ надъ слѣпымъ, неразумнымъ и своекорыстнымъ усердіемъ,—я думаю, что настоящій случай докажетъ мою правоту съ полной ясностью и что Сабанѣвъ своей опрометчивостью лишилъ себя всякаго права на расположеніе нашихъ общихъ начальниковъ“ (16 февр. 1882). А въ ноябрѣ онъ писалъ кн. Вяземскому: „Дѣло мое идетъ и продолжается. Чужіе края и отечество наполнились странными слухами, и посреди общаго вранья трудно постичь настоящій ходъ дѣла. Объ ономъ я распространяться не буду, но вообрази себѣ собраніе глухой черни, смотрящей на воздушный шаръ. Одни говорятъ—это чортъ летитъ, другіе—это явленіе въ небѣ, третьи—чудеса, и пр. и пр. Спускается балонъ, и что-жъ? Холастина, надутая газомъ. Вотъ все мое дѣло. Когда шаръ спустится, вы сами удивитесь, что такъ много обо мнѣ говорили. Впрочемъ все сіе дѣло меня крѣпко ожесточило и тронуло до крайности. Ежели я достигъ равнодушія, то черезъ сильную борьбу“¹⁾.

Онъ не сдавался на увѣщанія Киселева, настаивалъ на судѣ, требовалъ вопросовъ пунктовъ, а тѣмъ временемъ Киселеву пришлось по семейнымъ дѣламъ внезапно уѣхать за границу, гдѣ онъ пробылъ до начала 1823 года,—и дѣло Орлова было рѣшено уже, повидимому, безъ его участія: приказомъ отъ 18 апрѣля, Орловъ былъ лишентъ дивизіи и назначенъ состоять по арміи—, то-есть по фабрикѣ, и заниматься своими дѣлами. Это самое,—писалъ онъ женѣ,—они могли-бы сдѣлать уже годъ назадъ*. Фактически онъ командовалъ дивизіей только полтора года. Его военная карьера, такъ блестяще начавшаяся, была кончена. Новаго назначенія ему не дали, и ближайшіе три года, до ареста въ концѣ 25-го года, онъ занимался приведеніемъ въ порядокъ своего имѣнія и стекляно-фарфоровога завода въ Ма-

¹⁾ Рус. Арх. 1884, 4, стр. 391.

санскомъ уѣздѣ, жилъ то въ деревнѣ, то въ Москвѣ, ѣздилъ въ Крымъ и т. д.¹⁾ Онъ былъ, повидимому, на самомъ дурномъ счету въ смыслѣ политической благонадежности, и его не спускали съ глазъ. Въ собственноручной запискѣ Александра I, найденной послѣ его смерти въ его кабинетѣ, среди шести видныхъ генераловъ, наиболее зараженныхъ пагубнымъ духомъ вольномыслія и являющихся какъ-бы главными очагами заразы въ арміи, названъ и Орловъ²⁾, а позднѣе, въ концѣ 1825 г., Дибичъ доносилъ, что Орловъ, содѣйствуя распространенію тайнаго общества въ арміи, старался, но тщетно, заодно съ сыновьями генерала Раевского заразить черноморскій флотъ³⁾. Этотъ глупый доносъ оновывался безъ сомнѣнія на томъ, что лѣтомъ 1825 г. Орловъ ѣздилъ въ Крымъ съ дѣлюю купить участокъ земли на Южномъ берегу. Тамъ, между прочимъ, онъ въ Симферополѣ свидѣлся съ давнимъ пріятелемъ—Грибоѣдовымъ.

М. Гершензонъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Вотъ кстати любопытныя цифровыя данныя о его состояніи и о тогдашнихъ дѣлахъ. Въ іюль 1822 г. онъ сообщаетъ женѣ расцѣт, по которому хотѣлъ бы продать это имѣніе съ заводомъ, если бы нашлся покупатель: 230 заводскихъ рабочихъ—по 1 тыс. руб., 500 крестьянъ—по 300 руб., 23.000 десятинъ—по 30 руб., постройки—70.000 руб., инструменты—50.000, матеріалъ—100.000, а всего 1.290.000, но если бы дали миліоны, то вылъ бы.

²⁾ Рус. Стар. 1883, дек., стр. 669.

³⁾ Шильдеръ, Николай I, т. I, стр. 238.

Историческая библиографія.

- П. Кропоткинъ. „Записки революціонера“. Съ предисловіемъ Георга Брандеса. Издательство „Свободная мысль“. Спб. 1906. VIII + 435 + 7 нумер. стр. in-12°. Цѣна 1 руб.
- „Записки революціонера“. Съ предисловіемъ Георга Брандеса. Съ англійскаго. Переводъ Діонео, подъ редакціей автора. Единственное издание, разрѣшенное для Россіи авторомъ, пересмотрѣнное и дополненное имъ. Изданіе товарищества „Знаніе“. Спб. 1906. XVI + 472 стр. in - 8°. Цѣна 1 р.

Князь П. А. Кропоткинъ былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей русскаго революціоннаго движенія 70-хъ годовъ. Это—гениальный человѣкъ. Будучи самымъ крупнымъ дѣятелемъ, — по уму, знаніямъ и способностямъ кружка „Чайковцевъ“, — онъ занимался пропагандой социально-революціонныхъ идей среди петербургскихъ фабричныхъ рабочихъ. Съѣздивъ въ 1872 г. за-границу, кн. Кропоткинъ поступилъ тамъ въ члены Интернаціонала; въ томъ-же году онъ вернулся назадъ въ Петербургъ и съ того времени уже не сходилъ съ разъ и навсегда избраннаго имъ революціоннаго пути, занимаясь въ то же время и научной дѣятельностью. Въ науку онъ внесъ много цѣннаго. Такъ, изучая (1862—67 гг.) Амурскій край, Маньчжурію и Восточную Сибирь ¹⁾, будучи секретаремъ отдѣленія физической географіи Рус. Геогр. Общества, Кропоткинъ напечаталъ въ изданіяхъ этого общества ²⁾ рядъ крупныхъ работъ по геологіи и географіи этихъ странъ, а, посѣтивъ съ научной цѣлью Финляндію, онъ въ своемъ трудѣ (напечатанномъ уже въ то время, когда авторъ сидѣлъ за семью замками въ мрачной Петропавловской крѣпости ³⁾ впервые научно доказалъ, что Швеція, Финляндія и значительная часть Россіи въ ледниковый періодъ представляли собой (какъ теперь Гренландія), страну, покрытую сплошнымъ льдомъ и вѣчнымъ снѣгомъ. Этотъ послѣдній незаконченный трудъ легъ въ основаніе

¹⁾ См. рядъ его статей по географіи, орографіи и геологіи этихъ странъ въ „Запискахъ“ и „Извѣстіяхъ“ Вост.-Сибирск. Отдѣла Рус. Геогр. Общества и въ „Русск. Вѣстникъ“ М. Н. Каткова за 1862—67 гг..

²⁾ См. „Записки Рус. Геогр. Общества“ кн. III и V, 1873—75.

³⁾ См. „Записки Рус. Геогр. Общества“ 1876 г.

установленнаго научно возрѣнія на геологическое прошлое Россіи. Да и послѣдствіи, уже будучи эмигрантомъ и анархистомъ, Кропоткинъ обработалъ большую часть отдѣла о Россіи въ знаменитой всеобщей географіи его друга—анархиста Элизэ Реклю.

Арестованный въ 1874 году, Кропоткинъ былъ посаженъ въ Петропавловскую крѣпость. Переведенный оттуда, по случаю болѣзни, въ военно-сухопутный госпиталь, онъ, съ помощью своихъ товарищей по революціонному дѣлу, убѣжалъ оттуда. Описаніе его побѣга (стр. 309—319 по изд. «Своб. мысли» и 332—342 по изд. «Знанія») представляетъ собою одно изъ интереснѣйшихъ мѣстъ «Записокъ» и читается съ захватывающимъ интересомъ.

Въ общемъ, «Записки революціонера» князя Кропоткина представляютъ собою не только весьма цѣнный матеріалъ для исторіи нашего революціоннаго движенія семидесятихъ годовъ, но являются также и замѣчательнымъ произведеніемъ въ художественно-литературномъ отношеніи. Съ большимъ талантомъ рисуетъ авторъ бытъ и нравы «дореформенной», крѣпостной Россіи сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ, московскую и деревенскую жизнь того времени (по художественному мастерству многія страницы здѣсь напоминаютъ «Семейную хронику» и «Дѣтскіе годы Багрова внука»), хотя описываемая обоими, столь различными по убѣжденіямъ, авторами времена отдѣлены цѣлымъ полустолѣтіемъ). Хорошо и ярко описаны также пробужденіе Россіи послѣ севастопольскаго погрома, воспитаніе автора въ лажескомъ корпусѣ, придворная жизнь, которую авторъ видѣлъ въ качествѣ камеръ-пажа, страствованіе автора по Сибири въ 60-хъ годахъ, кружокъ «чайковцевъ» и ихъ революціонная пропаганда среди петербургскихъ рабочихъ, пребываніе автора во французской центральной тюрьмѣ Клэрво (въ 1883—86 гг.) и пр., и пр. Мы не приводимъ здѣсь выписокъ и цитатъ изъ книги Кропоткина, такъ какъ это безъ нужды удлиннило бы нашу рецензію, тѣмъ болѣе, что публика и безъ насъ оцѣнитъ эту замѣчательную книгу. Рѣдко, очень рѣдко появляются у насъ такія книги,—это *raî nantes* in *gurgite vasto*, по выраженію одного древняго писателя.

Въ заключеніе мы должны сказать нѣсколько словъ о двухъ лежащихъ передъ нами изданіяхъ «Записокъ революціонера». Мы сравнивали оба эти изданія съ лондонскимъ изданіемъ 1902 года. Оказалось, что оба рецензируемыя изданія представляютъ собою перепечатку текста лондонскаго изданія, причѣмъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (стр. 115, 123, 126, 127, 369, 372 въ изд. «Своб. Мысли» и стр. 123, 134, 135, 395 и 398 въ изд. «Знанія») сдѣланы пропуски противъ лондонскаго изданія. Очевидно, пропуски эти сдѣланы по цензурнымъ соображеніямъ. Въ изданіи «Своб. Мысли» эти пропуски обозначены нѣсколькими строками точекъ. Въ изданіи же «Знанія» на стр. 395 и 398 эти пропуски ничѣмъ не обозначены, а на стр. 123, 134 и 135 авторъ замѣнилъ эти пропуски новыми вариантами. Въ этихъ двухъ-трехъ вариантахъ да въ прибавкѣ одной фразы объ Эли Реклю (450 въ изд. «Знанія») и за-

ключаются всё «дополнения» в издании «Знания». Во всем-же оставленном оба русские издания представляют перепечатку лондонского издания 1902 года. Къ изданию же «Знания» приложено предисловие автора, датированное декабрём 1905 года (въ Лондонѣ).

Д. П. Сильчевский.

Ф. Давъ. *Изъ истории рабочаго движенія и социалъ-демократіи въ Россіи 1900—1904 г.г. Изд. Донской Речи.* Книжка Г. Дана написана въ 1904 г. къ Амстердамскому международному социалистическому конгрессу. Бросятся въ глаза именно это обстоятельство: книга написана для европейцевъ, сдержанно, почти объективно, съ большими количествомъ важныхъ для истории конкретныхъ факторовъ. Факты подобраны добросовѣстно и довольно полно изображаютъ картину развитія рабочаго движенія отъ стачки на отдѣльной фабрикѣ до массоваго политическаго выступленія въ 1903 году. Что касается ея идейнаго содержания, то въ немъ—при томъ-же видимомъ стремленіи къ объективности — сквозятъ тѣмъ не менѣе рѣзкая полемическая нота, по которымъ легко узнать не объективнаго изслѣдователя всѣхъ теченій социаль-демократической мысли и практики въ Россіи, а лишь представителя извѣстной фракціи. Г. Давъ — представитель «меньшевизма». Авторъ, выпуская свою книгу въ 1906 г., не нашелъ нужнымъ сдѣлать въ ней измѣненій примѣнительно къ изменившимся условіямъ какъ снаружы, такъ и внутри партіи. По его словамъ «и сейчасъ еще ближайшее прошлое накладываетъ на все свой отпечатокъ». Совершенно вѣрно. На социаль-демократіи, какъ партіи, сыгравшей видную роль въ движеніи 1905—6 г., это прошлое висѣло и виситъ до сихъ поръ мертвымъ камнемъ и понять его можно лишь съ точки зрѣнія тѣхъ условій, въ которыхъ ей пришлось развиться. Книга автора, поэтому, не только не теряетъ, но выигрываетъ въ свой цѣлности отъ того, что въ ней наиболѣе цѣльно, безъ всякой переработки, отпечатлѣлось это прошлое. «Періодъ, истекшій со времени послѣдняго международнаго конгресса (Парижскаго), былъ знаменательной эпохой въ жизни всего русскаго общества, и въ частности рабочаго движенія и руководящей имъ Р. С. Д. партіи», такъ начинаетъ авторъ свою книгу. Изъ дальнѣйшаго изложенія мы однако видимъ, что закономерно развивающееся русское рабочее движеніе не нашло въ социаль-демократіи своей руководящей инстанціи. Во второй половинѣ 90-хъ годовъ рабочее движеніе — въ формѣ стачекъ—принимаетъ широкіе размѣры. Какъ пользуется этими стачками социаль-демократія? Руководитъ-ли ими? Нѣтъ. «Не нужно забывать, что, при отсутствіи свободы печати и систематическомъ подавленіи цензурой свѣдѣній о рабочемъ движеніи и при почти полномъ отсутствіи профессиональныхъ союзовъ, огромное большинство стачекъ возникаетъ и протекаетъ чисто стихійно... Партийнымъ организациямъ, во всякомъ случаѣ, до сихъ поръ не удалось подчинить своему руководству все стачечное движеніе, для этого не хватаетъ ни силъ, ни средствъ, ибо самое простое — на европейскій масштабъ—вмѣшательство социаль-демократіи въ ходъ стачки, при условіяхъ нелегальной дѣятельности, предполагаетъ сравнительно огромную затрату революціонной энергіи». Кромѣ «условій» мѣшало вмѣшательству социаль-демократіи въ чисто рабочія дѣла и «концентрированіе вниманія ея за послѣдніе годы, главнымъ образомъ на непосредственную политическую

агитации и борьбѣ, и уже на второмъ съѣздѣ партіи былъ поставленъ вопросъ объ исправленіи этой односторонности» (стр. 9). Но, быть-можетъ, эта «односторонность» давала возможность партіи быть руководящею политической движеніи пролетаріата? Посмотримъ. Первая политическая демонстрація организуется студентами, а первая демонстрація въ Петербургѣ (въ мартѣ 1901 г.) организуется во имя требованія академической свободы. Рабочій классъ не остается безучастнымъ зрителемъ этого общественнаго движенія. Вскорѣ-же онъ присоединяется къ демонстрирующей интеллигенціи, а затѣмъ уже сами социальдемократическіе комитеты организуютъ демонстраціи. *Присоединеніе* широкихъ рабочихъ массъ къ демонстрирующей русской демократіи наглядно устанавливало неразрывную связь въ самодержавной Россіи социальдемократическаго и демократическаго движеній. Дальнѣйшее развитіе движенія показало, что только благодаря этой связи могла такъ могуче развиться русская революція, такъ побѣдоносно идти противъ абсолютизма.

Узкія рамки нелегальныхъ партийныхъ комитетовъ не позволяли имъ не только руководить, но и слѣдить (при отсутствіи свободы печати) за ходомъ рабочаго движенія. А между тѣмъ условія русской жизни — политическій гнетъ и развивающийся капитализмъ—гнали рабочихъ по пути широкихъ массовыхъ и легальныхъ организаций. Въ этомъ своемъ стремленіи къ легальности, къ естественной своей формѣ—массовому проявленію, наше рабочее движеніе заглянуло на минуточку въ участокъ. Какъ это ни странно, но полицейскій участокъ былъ въ 1901 году колыбелью той формы организации, которая въ 1905 году выступила въ лицѣ Совѣта раб. деп. во главѣ русской революціи. Мы говоримъ о попыткѣ чиновника московскаго охраннаго отдѣленія, Зубатова, «организовать» рабочій классъ въ участкѣ и... во славу самодержавія. Онъ, дѣйствительно, его организовать... на свою погибель. Найдя легальную форму для своего существованія рабочій классъ смель и Зубатова и его иезуитскіе замыслы. Авторъ достаточно полно обрисовываетъ эту страничку изъ истории рабочаго движенія (стр. 41—44). Онъ забылъ только упомянуть, что организация Зубатова называлась: «Совѣтъ рабочихъ механическаго производства». Въ 1905 году совѣтъ рабочихъ депутатовъ уже не механическаго производства, а всего рабочаго класса Петербурга показалъ г. изъ охраннаго отдѣленія, любителямъ широкихъ массовыхъ организаций, куда идетъ рабочій классъ, легализованный въ своихъ проявленіяхъ. Войдя въ участокъ забитымъ рабомъ самодержавія, отдавшись на время «руководству» Зубатова, онъ вышелъ оттуда уже въ 1903 году закаленнымъ борцомъ, стихійно рвущимся къ осуществленію *своихъ собственныхъ задачъ*. Урокъ ясенъ: можно купить за деньги отдѣльнаго рабочаго и развратить его до предательства, но нельзя купить *цѣлый классъ*, нельзя заставить его *предать* свои интересы... Самодержавіе не могло помѣшать стихійному развитію рабочаго движенія, но оно сильно мѣшало его организации. Оно до сихъ поръ мѣшало и мѣшаетъ созданію классовой пролетарской партіи, крайне несовершеннымъ прообразомъ которой была «Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ» 1905 года. А между тѣмъ созданіе классовой партіи было по словамъ Дана «основною проблемой», стоящей передъ русской социальдемократіей. Къ разрѣшенію этой основной проблемы и стремилась все время соц. дем. партія, въ этомъ стремленіи—ея история. Какъ же рѣшалась эта проблема? Въ отличие

от западно-европейского рабочего движения, русская социалдемократия выступила вначале на историческую сцену не как организация передового слоя пролетариата, въ процессъ политической борьбы пришедшаго къ сознанию своихъ классовыхъ интересовъ; она родилась, прежде всего, какъ организация части революціонной интеллигенціи, разочаровавшейся въ прежнихъ методахъ борьбы за свободу и понявшей, что въ капиталистически развивающейся Россіи только пролетаріатъ можетъ дать надежную опору для борьбы съ самодержавнымъ строемъ* (стр. 57).

Въ этомъ характерѣ зарожденія русской социалдемократіи и лежитъ тотъ мертвый камень, который тянетъ ее къ интеллигентскимъ образованіямъ и мѣшаетъ ей стать истинно-классовой партией *самою* рабочего класса. Костюмъ былъ шитъ раньше, чѣмъ нашлся субъектъ, которому онъ пришелся-бы впору. Вотъ почему и въ книгѣ Дана мы постоянно встрѣчаемся съ этими интеллигентскими начинаніями, выдаваемыми за задачи соц. дем. рабочей партіи. Г. Данъ излагаетъ, однако, эти задачи съ невозмутимой серьезностью. «За послѣдніе годы болѣе серьезно были поставлены вопросы о надлежащей теоретической и практической подготовкѣ учащихся къ той роли пропагандистовъ и агитаторовъ, которую они должны въспослѣдствіи выполнять въ рядахъ партіи. Не говоря уже о студентахъ-соціалдемократахъ, имѣющихъ свои организации при всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, и учащихся старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній—мужскихъ и женскихъ—организовывались за послѣдніе годы довольно прочно. Размѣры нашего очерка не позволяютъ намъ долѣе останавливаться на этомъ вопросѣ; поэтому мы ограничимся указаніемъ, что эти гимназическіе кружки не только посвящаютъ свое время теоретическому изученію социализма, но—особенно въ тѣхъ городахъ, гдѣ не имѣется высшихъ учебныхъ заведеній,—оказываютъ весьма серьезныя практическія услуги организациямъ социалдемократической партіи; изъ своей среды они выдѣляютъ не только исполнителей чисто-техническихъ функцій, но подчасъ и пропагандистовъ для рабочихъ и кружковъ» (стр. 56—7). Это случилось въ 1904 году, т. е. въ самый разгаръ стихійнаго рабочего движения, когда передъ партией стоялъ вопросъ не объ организации «гимназистовъ» и даже уже не о пропагандѣ въ рабочемъ классѣ, а объ организации массъ для самостоятельнаго рѣшенія своихъ дѣлъ. Въмѣсто того, чтобы искоренять уродливое явленіе нашей жизни—участіе гимназистовъ, которымъ еще нужно изученіе алгебры и грамматикѣ, въ роли пропагандистовъ задачъ рабочего класса,—партія ставитъ себѣ задачей ихъ организацию и подготовку!... Мы остановились на этой мелочи, потому что она характерна для внутренней жизни партіи. Образованная изъ интеллигентовъ, «разочаровавшихся» въ другихъ методахъ борьбы, изъ студентовъ, гимназистовъ,—партія вѣчно искала сближенія съ новой силой русской жизни, пролетариатомъ. Она мечтала о немъ, она служила ему, она жертвовала собой ради его счастья, но... она не была имъ, не была партией пролетариата, какими являются западно-европейскія партіи, выросшія изъ рабочего движения, а не для него. Только исходя изъ этой точки зрѣнія,—ненормальнаго образованія партіи—и можно разобраться въ тѣхъ распряхъ, которыя раздирали ее во все время ея существованія. Не имѣя возможности слиться съ рабочимъ классомъ въ силу условий русской жизни, партія постепенно сложилась въ конспиративную организацию

профессиональныхъ революціонеровъ для пропаганды среди рабочихъ. Но, вѣдь, пропагандировать нужно что нибудь. Когда пропагандистъ живетъ и питается не только книжной теоріей, но и самимъ движеніемъ, его пропаганда является синтезомъ теоріи и жизни, чистой идеи и конкретныхъ фактовъ. Его рѣчь образна, его лозунги задеваютъ самую живую струну живой, а не абстрактной человѣческой души. Наконецъ, пропагандистъ можетъ оперировать съ книжной теоріей надъ небольшимъ кружкомъ наиболее интеллигентныхъ рабочихъ, но масса требуетъ иныхъ приемовъ пропаганды, идетъ за иными вождями. Долго и упорно толковала рабочимъ социалдемократія о прибавочной стоимости, о капитализмѣ и социализмѣ, о демократической республикѣ и прочіихъ нужныхъ, но холодныхъ абстрактныхъ вещахъ; пришелъ сыщикъ—Зубатовъ и его помощникъ Шавичъ. Заговорили они объ экономическихъ нуждахъ и широкой для ихъ защиты организациі, — и масса встала и пошла. Еще рѣшительнѣе пошла она за другимъ темнымъ человѣкомъ, за Галономъ. А масса свѣтлыхъ, самоотверженно преданныхъ дѣлу социализма лицъ не могли увлечь за собой *ни разу* болѣе или менѣе широкихъ слоевъ рабочего класса. Секретъ въ томъ, что Зубатовъ и Галонъ готовили не отдѣльныхъ умныхъ рабочихъ, а вѣрзали въ толщу рабочего класса; они несли ему не квинтъ-эссенцію научнаго социализма, а интересы дня, интересы его жизни. Полицейская прикосновенность позволяла имъ дѣлать это дѣло въ широкомъ масштабѣ, что недоступно было подпольной партіи, спрятанной не только отъ полиціи, но и отъ широкихъ массъ рабочего класса. Но послушаемъ автора. «Основной партійной организациі являются мѣстные комитеты и группы... Каждый мѣстный комитетъ, состоящій обыкновенно изъ 5—6, рѣдко болѣе, членовъ, самостоятельно пополняетъ свой составъ въ случаѣ выбытія изъ него членовъ или нужды въ людяхъ. Комитетъ организуетъ группы пропагандистовъ и агитаторовъ, а также различныя техническія группы... Другъ съ другомъ района, нѣрвдко съ большимъ ущербомъ для дѣла, весьма мало связаны изъ-за соображеній конспиративнаго характера. Пропганда ведется въ небольшихъ рабочихъ кружкахъ (человѣкъ въ 10), по заранѣ намѣченному плану. Однако, недостаткомъ подходящихъ интеллигентныхъ силъ и полицейскія трудности не позволяли до сихъ поръ поставить это дѣло такъ, какъ того требуетъ его важность. Съ одной стороны пропагандисты изъ интеллигентной молодежи часто оказываются недостаточно подготовленными къ выпавшей на ихъ долю функціи, съ другой—вслѣдствіе невозможныхъ полицейскихъ условій занятія часто ведутся нерегулярно, бросаются на серединѣ намѣченнаго курса и т. д.» (стр. 79). Но, можетъ быть, благодаря хорошо налаженному интеллигентскому аппарату, хорошо велась агитация? Агитация велась за послѣдніе годы очень оживленно, но, главнымъ образомъ, посредствомъ прокламаций. Устраивать агитационныя собранія, въ которыхъ рабочіе принимали-бы живое участіе въ разработкѣ политическихъ вопросовъ, претъствовали, прежде всего, полицейскія условія. Кромѣ того, стремленіе охватить агитационнымъ словомъ, хотя бы въ самой обидѣ формулировкѣ, возможно большую массу рабочихъ заставляло отдавать предпочтение прокламациямъ и *подчасъ забывать о всей важности политическаго востанія передового слоя рабочихъ, востанія, достигаемаго активнымъ участіемъ этихъ рабочихъ въ детальномъ обсужденіи текущихъ политическихъ вопросовъ и въ вырабаткѣ*

того политического поведения, которого должны держаться рабочий класс во всем данном случае.

Благодаря такой постановке агитации создается в значительной мѣрѣ такое положение, что даже передовые слои пролетариата не столько активно участвуют в выработкѣ и направлении дѣятельности партіи, сколько пассивно воспринимают и, по мѣрѣ возможности, приводят въ исполнение лозунги, выработанные без их сознательнаго участія и даваемые „сверху“ комитетомъ. Съ другой стороны, стиснутая въ узкія рамки прокламационная агитация поневодѣ должна ограничиваться „схематизированіемъ“, постановкой политическихъ вопросовъ въ ихъ самомъ общемъ видѣ; а между тѣмъ, только знакомство съ самимъ механизмомъ политическихъ событий, съ ихъ движущими пружинами и сложной обстановкой можетъ дать пролетариату, въ лицѣ его передовыхъ слоевъ, возможность настолько ориентироваться въ политической жизни страны, чтобы умѣть всегда и всюду найти линію, соответствующую классовымъ интересамъ пролетариата. Наконецъ, агитация, какъ она сложилась за послѣдніе годы, имѣла еще одинъ очень существенный недостатокъ. Силою вещей она велась почти всегда *post factum*; разъясняя (поскольку разъясняя) смыслъ уже происшедшихъ событий, не *добиваясь* цѣлью подготовить активное и сознательное *эмпатическое* пролетариата въ ту пеструю смѣну событий политической жизни, которыхъ можно было ожидать впередѣ” (стр. 80, курсивъ въездъ нашъ). Можно подумать, что все это писалъ не г. Данъ, а злой „критикъ“ социалдемократіи, — экономистъ, ревизионистъ... Мы сдѣлали эту длинную выдержку, т. к. она чрезвычайно важна; она отвѣчаетъ на вопросъ, поставленный нами выше: руководила-ли партія политическимъ движеніемъ пролетариата? Оказывается — нѣтъ, не руководила; она лишь *post factum* разъясняла события. Это печальное признание не останавливаетъ, однако, автора отъ жестокой и чрезвычайно пристрастной критики „экономизма“, особенно разившагося именно въ тотъ періодъ, который характеризуется стихійнымъ развитіемъ широкаго стачечнаго движенія. „Сущность экономизма, послѣдовательной выразительницей котораго была газета „Рабочая Мысль“ (осн. въ 1897 г.) сводилась въ общихъ чертахъ, къ представленію, что борьба за политическую свободу есть дѣло буржуазіи, „чисто-рабочіе“ же интересы требуютъ, прежде всего, борьбы профессиональной, борьбы лишь съ непосредственно ошущаемыми массой притѣсненіями и за непосредственно ею сознаваемые интересы. Въ конечномъ счетѣ такая постановка вопроса сводилась къ ограниченію самостоятельности рабочаго движенія лишь сферою профессиональной борьбы и отказу отъ организационной самостоятельности *политической* рабочей партіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ социализма въ его научномъ видѣ” (ст. 59). Такъ характеризуетъ авторъ экономизмъ. Недобросовѣстность подобной характеристики была бы очевидна для всякаго, считающаго себя „экономистомъ“, если бы авторъ не говорилъ: „самъ сторонникъ „экономизма“ не дѣлалъ этихъ крайнихъ выводовъ изъ занятой имъ позиціи и не понимали всего ея политическаго значенія“. Оказывается, они — не понимали, но понялъ ее г. Данъ и еще... „марксистская фракція, которая и эти выводы отчетливо сформулировала въ своемъ „символѣ вѣры“ (Credo¹⁾). Эта фракція положила

начало тому чисто-либеральному направленію, которое представлено теперь органомъ г. Струве („Освобожденіе“). (стр. 59—60) Пишущій исторію г. Данъ мало осподомленъ о сущности „Освобожденія“. Политическій журналъ, первоначально безъ всякой политической организационной, возникъ по инициативѣ не русскихъ ревизионистовъ, а русскихъ земцевъ. Рѣшительно ничего общаго съ ревизионизмомъ журналъ не имѣлъ. Его задача была внѣ рабочего класса и состояла въ томъ, чтобы будить широкое общественное мнѣніе, организовывать общественныя силы. Ревизионизмъ мыслитъ лишь въ нѣдрахъ социалдемократической партіи. Ничего социалдемократическаго въ организационномъ „Союзѣ Освобожденія“ не было. Это была не прочная, надолго время рассчитанная организационная, а временное политическое образованіе, противопоставленное самодержавному абсолютизму. Уже 17-го октября сдѣлаю неуживчивое подобное соединеніе. Передъ немногими русскими ревизионистами стоялъ въ 1900 г. вопросъ: или биться въ стѣны большевизма и меньшевизма въ безплодную растрату силъ, или же сдѣлать дѣйствительно политическое дѣло, помогая организационно трудносоединяемымъ элементамъ буржуазной демократіи исключительно въ дѣлахъ политическихъ выступленій. Дальнѣйшее показало, что идея была правильной

и, писавшей „Credo“ никогда не существовало, а было вотъ что. Жили заграничій двѣтелица, N. N. и M. M. Они сражались съ „ортодоксіей“ русской социалдемократіи, будучи однако горько преданы идеѣ социалдемократической рабочей партіи и интересамъ рабочаго движенія въ Россіи. Никакаго политическаго движенія рабочихъ въ Россіи въ то время не было. Было стачечное движеніе чисто экономическаго характера. Сначала „Бундъ“, потомъ „Рабочая Мысль“, потомъ N. N. и M. M., потомъ „Рабочее Дѣло“ начали настаивать на томъ, что, если соц.-дем. партія хочетъ быть партией рабочихъ, она должна подойти къ нимъ, исходя не изъ абстрактныхъ учений Маркса и Энгельса, а изъ ихъ непосредственныхъ интересовъ. Затѣмъ: опираясь должна эта партія не на велія людскія, заграничій спидичихъ, а на *самостоятельность рабочихъ*, въ какомъ бы видѣ эта самостоятельность не выражалась, хотя бы, напримеръ, въ видѣ похороновыхъ касокъ. Въ то время такая самостоятельность только и выражалась въ стачкахъ на экономической подкладкѣ и кое-гдѣ на попыткахъ организовать професіон. движеніе. „Экономисты“ были поцѣпанными самостоятельности масей въ ихъ различныхъ видахъ, и формулировали это главнымъ образомъ въ статьѣ г. N. N., начавшейся отъ „Vademecum“²⁾ Г. В. Плехановымъ. Статья называется: „Отвѣтъ на брошюру Аксельрода: „Къ вопросу о современныхъ задачахъ и тактикѣ русскихъ социалдемократовъ“. Вся статья написана въ доказательство необходимости исходить въ образованіи партіи изъ интересовъ рабочихъ. Въ ней говорится, что „созаніе рабочихъ не тѣсто, лѣпить изъ рабочаго „мѣ“ (интеллигентна) призвана по собственному образу и подобию, „Мы“ и „наши“ усилія могутъ лишь доводить то, чему училъ рабочаго классъ“. (Vademecum, стр. 49) Или: „исторія дѣлается массами, поэтому созаніе только масей является историческимъ факторомъ“, и т. д. Эти, подобная и шаблонная для современной психологіи вещи, тогда были приняты за злой „экономизмъ“, а авторъ (N. N.) подвергнутъ анафемѣ. Проклятые истинными социалдемократами³⁾ N. N. и M. M. уехали въ Россію, но на границѣ N. N. были арестованы и увезены въ Петербургъ. Въ Петербургѣ же пріѣхалъ и M. M. и подъ вліяніемъ заграничной распри съ правѣвшими продолжалъ бесѣды на острыхъ темахъ марксизма и рабочаго движенія въ Петербургской литературной средѣ, въ которой тогда еще было довольно много „ортодоксовъ“.

¹⁾ Здесь не лишнимъ будетъ рассказать, какъ дѣлается исторія⁴⁾. Никакой „фрак-

и организация выросла. Никогда никакой рабочей политикой „Освобождение“ не задавалось, никогда на очень нечистоплотную критику с д. не отъѣчало, чтобы не увеличивать тѣхъ дряжь, которая не возвышалась, а унижала русскую интеллигенцию. Въ вѣдрахъ же „Союза Освобождения“ ревизионисты высказывались *принципиально* противъ организации Союзомъ рабочихъ массы: не классовая организация не можетъ организовывать класса. Выводить изъ „Credo“ буржуазный либерализмъ можетъ лишь тотъ, кто читалъ „Credo“ не для идеи, а... для ругательства. Но что это были за страшная слова, написанная въ ужасномъ „Credo“? Приглашение понять задачи *русской* политики и не переносить чужихъ задачъ и чужихъ формулъ на русскую почву. Само ужасное для русскихъ марксистовъ въ этомъ „Credo“ была слѣдующая мысль: „Разговоры о самостоятельной рабочей политической партии суть не что иное, какъ продуктъ переноса чужихъ задачъ, чужихъ результатовъ на нашу почву... Политическая невинность русского марксиста—интеллигента, скрытая за головными разсуждениями на политическія темы, можетъ сыграть съ нимъ скверную шутку“; „Credo“ самымъ рѣшительнымъ образомъ приглашало не тратить силъ на игру въ „самостоятельную рабочую партию“, образование которой невозможно въ русскихъ политическихъ условіяхъ, и отдавать борьбу за политическую свободу, *изъ разгнѣданной рабочей массы въ этой борьбѣ отъ другихъ борющихся классовъ народа.*

Что же касается „принципиальнаго отказа экономистовъ отъ политической борьбы“ (стр. 60), то эта нехорошая неправда принадлежитъ къ числу тѣхъ полемическихъ приѣмовъ, которые такъ сильно компрометируютъ с. д. партию. Въ статьѣ противъ Аксельрода Н. Н. констатируетъ, что „у насъ есть теперь (1898 г.) рабочее движеніе, но оно не носитъ *свое* политическаго характера“ и говорить далѣе: „до сихъ поръ (до 1898 г.) въ Россіи не было политической агитации, и мы полагаемъ, что для нея еще нѣтъ въ Россіи мѣста. Сколько времени пройдетъ еще до того момента, когда отъ поли-

Однажды послѣ горячаго спора къ М. М. обратился съ просьбой формулировать кратко свои взгляды на ширные вопросы, чтобы удобнѣе было въ спорѣ опереться на что либо стройное и цѣльное. М. М. одинъ, безъ всякихъ соучастниковъ, набросалъ спѣшно и не для печати краткое изложеніе своихъ взглядовъ. Бумаженка была взята къмы то изъ участниковъ спора. Прошло нѣкоторое время. Авторъ „взглядовъ“ на бумаженкѣ совсѣмъ забылъ объ ея существованіи. Его другъ Н. Н. все еще сидѣлъ въ тюрьмѣ и не подозревалъ, въ какую исторію попадетъ М. М. Вдругъ въ одинъ прекрасный день въ руки М. М. попадается „Протестъ“ 17 социалдемократовъ противъ какого то еретическаго „Credo“. М. М. читаетъ и съ воступленіемъ видитъ, что это „Credo“—ничто иное, какъ его бумаженка, съ наскоро набросанными для спора положеніями. Изумленію его не было предѣловъ, когда затѣмъ, въ дальнѣйшемъ, это несчастное „Credo“ стало историческимъ документомъ, социалдемократія была объявлена въ опасности, а сами авторы (увъ, у соц. дем. тогда множилось въ глазахъ) избѣгивали врагами социалдемократіи. Кто это „Credo“ напечаталъ, кто на бумаженкѣ поставилъ это заглавіе (въ подлинникѣ—заголовка не было), М. М. и до сихъ поръ не знаетъ. Все изложенное—точно, такъ какъ авторомъ „Credo“ была я, пишущая эти строки. За подписью М. М. въ Vademecum'ѣ опубликованъ мои частныя письма къ членамъ „Группы Освобожденія Труда.“

Е. К.

ческой пропаганды мы сможемъ перейти къ политической агитации? Мы этого не знаемъ. Быть можетъ, моментъ этого наступитъ черезъ годъ, быть можетъ черезъ 10 лѣтъ. Но несомнѣнно, что въ данную минуту никто изъ практическихъ дѣятелей движенія серьезно не думаетъ о политической агитации и не считаетъ ее своевременной“ (Vademecum, стр. 51—2). Ожиданія Н. Н. сбылись. Черезъ 3 года, въ 1901 г., начались политическія демонстраціи. Черезъ 5 лѣтъ, въ 1903 г. произошла первая всеобщая забастовка, организованная въ Одессѣ Шавевичемъ. Черезъ 7 лѣтъ, въ 1905 году, совершилась великая русская революція, въ которой пролетаріатъ въ лицѣ желѣзнодорожнаго союза и Совѣта раб. деп. сыгралъ такую рѣшающую роль. Все это не помѣшало г. Дану въ 1904 г. въ докладѣ с. д. партии на международный конгрессъ, утверждать грубую... неправду, смѣшывая констатированіе факта—притомъ вѣрное констатированіе факта—съ принципиальнымъ опредѣленіемъ задачъ движенія. Пролетаріатъ не велъ въ 1898 г. прямой политической борьбы, онъ велъ только косвенную борьбу съ самодержавіемъ путемъ развитія своей *коллективной* самостоятельности и *массовою нарушеніемъ законовъ*, изданныхъ самодержавнымъ правительствомъ противъ его интересовъ (см. у Н. Н. въ Vademecum'ѣ стр. 55—57) Констатированіе этого факта г. Данъ на международномъ социалистическомъ конгрессѣ выдалъ за принципиальный отказъ экономистовъ отъ политической борьбы...

Тутъ же г. Данъ даетъ намъ интересную справку о силахъ соц. дем. партии въ то время. Въ 1900 г. дѣйствовало: 6 комитетовъ, 3 группы и въ 9 городахъ дѣлались „попытки“ социалдемократической агитации и пропаганды. Въ 1904 г., въ 50 губ. Евр. Россіи, безъ Кавказа и Сибири, с. д. партия насчитывала 29 комитетовъ, 11 мѣстныхъ группъ (стр. 53—5). Комитеты обыкновенно состояли изъ 5—6 человекъ, рѣдко болѣе. Группы, вѣроятно, имѣли вдвое менѣе членовъ. Въ такомъ случаѣ активныя социалдемократовъ работало:

въ 1900 г. 63 чел.

„ 1904 г. 207 чел.

Конечно, еще меньше активныхъ соц.-дем. въ 1898 г., когда экономисты констатировали отсутствіе политическаго рабочаго движенія. Съ ростомъ соц.-декократа, силь появилась возможность перейти отъ политической агитации къ организации политическихъ демонстрацій (1901 г.). Данъ говоритъ о нихъ: „Скоро, однако, начали обнаруживаться и отрицательныя стороны такого движенія (демонстрацій). Прежде всего, какъ ни велико было иногда скопленіе зрителей, и какъ ни мало было среди нихъ сочувствующихъ демонстрантамъ, активныхъ участниковъ демонстрацій обыкновенно было не особенно много, въ лучшемъ случаѣ нѣсколько сотенъ. Благодаря этому, демонстранты почти никогда не могли дать успѣшнаго отпора полиціи и казакамъ, набрасывающимся съ нагайками и звѣрски избивавшимъ всѣхъ, попадавшихъ подъ руку... Кроме избіянія демонстрантовъ, демонстраціи всегда сопровождались массовыми арестами, а такъ какъ огромное большинство участниковъ стояло въ болѣе или менѣе близкихъ отношеніяхъ съ партійными организациями, и трудно было при такомъ публичномъ выступленіи соблюдать всѣ правила конспираціи (конспирація при публичномъ выступленіи! ? Е. К.),—аресты эти нерѣдко вели къ разрушенію

организаций, созданных съ таким трудом". Поэтому, с-д партия рекомендовала осторожность, «советуя обратить усиленное внимание на лучшую подготовку и организацию демонстраций и не стремиться во чтобы то ни стало множить их число» (стр. 26—7). Если осторожность нужна была в 1902—4 г., то темъ большую осторожность в ненужной растрате силъ слѣдовало соблюдать въ 1898—900 г.г., въ периодъ «экономизма», когда силъ у партии было въ нѣсколько разъ менѣе, чѣмъ въ послѣдующій периодъ «Искры».

Въ своемъ изложении г. Дань совершенно игнорируетъ влияние количественнаго роста силъ на тактику партии и формы самодѣятельности рабочихъ. Что можно сдѣлать съ 1000 людьми, то является фразой у 10 человекъ. Вообще въ экскурсияхъ г. Дана въ исторію партии мы напрасно стали бы искать философію ее развитія; эти экскурсіи дѣлаются имъ въ цѣляхъ фракціонной полемики, той полемики, которая наложила такую своеобразную печать на всю литературу партии.

Къ сожалѣнію, эта полемика не ограничилась областью литературы. Она безжалостно врѣзалась въ жизнь, въ само рабочее движеніе. Г. Дань спокойнымъ тономъ рассказываетъ намъ самую черную страницу въ исторіи социал. дем. интеллигенціи, — разрушеніе организацией «Искры» рабочихъ социалдемократическихъ организаций, созданныхъ въ периодъ «Рабочаго Дѣла». Экономизмъ вполнѣ послѣдовательно привелъ къ образованію рабочихъ группъ, простой численный ростъ которыхъ неизбѣжно долженъ былъ вывести рабочее движеніе на арену политической борьбы. «Эпоха экономизма и «Рабочаго Дѣла», говоритъ г. Дань, оставила въ наслѣдіе организацию, опирающуюся на небольшую сравнительно слой лучше оплачиваемыхъ рабочихъ. Вся организация была построена, или, по крайней мѣрѣ, должна была быть построенной, на принципѣ выборности. Но такъ какъ дѣйствительно массовые выборы при наличныхъ условіяхъ были совершенно невозможны, то на дѣлѣ выборы бывали лишь выраженіемъ воли небольшого круга обученныхъ рабочихъ, который примыкалъ къ комитету» (стр. 64—5). Какъ извѣстно во всѣхъ странахъ ядро соц. дем. движенія составляютъ обученные рабочіе, аристократія рабочего класса, наиболѣе культурный слой рабочихъ. Въ русскомъ рабочемъ движеніи руководящую роль играютъ рабочіе механическихъ заводовъ и типографіи. Поэтому возмущаться съ такимъ тихимъ комитетомъ не приходится. Самъ г. Дань, формулируя въ 1904 г. задачи будущаго, говоритъ: «Все должно быть направлено къ тому, чтобы, по крайней мѣрѣ, передовые слои пролетариата становились активными участниками и творцами партийной политики» (стр. 80). Зачѣмъ-же было въ 1900 г. разрушать организации передовыхъ слоевъ пролетариата и уничтожать ихъ участіе въ партийной жизни? Ссылка на защиту ими своихъ профессиональныхъ интересовъ — пустая фраза, которая могла быть убѣдительно только для анти-экономической фракціи с. д. интеллигенціи. Причину надобно искать въ другомъ мѣстѣ. Подъ флагомъ «Искры» создавалось не рабочее движеніе, а организация революционеро-специалистовъ (стр. 68). «Организационный планъ «Искры» состоялъ въ созданіи партийной организации профессиональныхъ революционеро-специалистовъ» (стр. 66). А рабочія с. д. организации — во славу единой россійской с. д. партии — были разрушены. Были уничтожены ячейки, изъ которыхъ могла вырасти настоящая с. д. рабочая партия. Такъ понимала с-д

интеллигенція задачу созданія классовой рабочей партии. — Теперь эта мрачная страничка исторіи принадлежитъ прошлому. Теперь опять становится на очередь вопросъ о созданіи рабочей, а не интеллигентской и гимназической соц.-демократіи. Разрушивъ организации рабочихъ, «Искра» насадила организации гимназистовъ. Теперь, въ 1906 г., повидимому, начинается обратная работа. Ставится на очередь тѣ самыя задачи, къ разрѣшенію которыхъ было приступлено въ 1898—900 г.г., — задачи, оттертая побѣдою интеллигентской фракціи профессиональныхъ революционеро-специалистовъ въ рядахъ социалдемократіи.

Г. Дань прекрасно нарисовалъ намъ картину «партии», вынужденной руководить рабочимъ классомъ не по слѣдамъ событій, не предупреждая ихъ, а post factum. Чтобы рабочий классъ сложился въ партию, нужно, наконецъ, оставить интеллигентское строительство и найти тѣ живыя и конкретныя рабочія организации, лишь соединеніе которыхъ создастъ намъ партию. Рабочій классъ, столь единодушно выступавшій въ русской революціи, еще не создалъ прочныхъ организаций для защиты своихъ повседневныхъ классовыхъ интересовъ. Эти организации лишь строятся. Только исходя изъ этой самодѣльной постройки, можно намѣтить черты той партии, которая будетъ истинно рабочей, которая будетъ вести рабочий классъ къ единообразному проявленію его какъ класса не post factum, а передъ событіемъ.

Уже у г. Дана есть указанія на это самостоятельное строительство рабочего класса — профессиональные союзы. Въ 1903 г. возникъ союзъ московскихъ типографскихъ рабочихъ. Этотъ союзъ началъ съ чисто экономической организациі и очень скоро принялъ программу Р. С. Д. Р. партии. Дань не упоминаетъ о деклараціи, которая была написана по этому поводу. Типографіки заявляли, что они — социал-демократы, но никакого большевизма и меньшевизма не знаютъ, а такъ какъ существующая соц.-дем. организация есть соединеніе двухъ враждующихъ фракцій, то они и предпочитаютъ пока остаться просто социалдемократами. Кромѣ того указывалось, что вѣчные провалы партийныхъ интеллигентовъ могутъ помѣшать ихъ строительству. Въ 1904 г. Дань пишетъ: «нерѣшеннымъ остается и вопросъ о возможномъ и желательномъ организационномъ отношеніи такихъ профессиональныхъ союзовъ къ партии» (стр. 46). Въ 1906 г. на этотъ вопросъ можно дать отвѣтъ: при малѣйшемъ намекѣ на политическую свободу профес. союзы растутъ съ небывающей быстротой и почти всѣ оказываются социал-демократическими. Классовое разслоеніе въ Россіи зашло такъ далеко, что иначе и быть не можетъ. Союзъ Московскихъ типографовъ сыгралъ въ 1905—6 г. выдающуюся революционную роль, — треть-юнионистскій характеръ не помѣшалъ ему быть ультра-политическимъ, когда этого потребовали условія. Отсюда выводъ: профес. союзы, въ которые такъ охотно и скоро организуется русскій рабочий классъ, могутъ въ то же время быть ячейками для будущей политической рабочей партии. Благодаря своему рѣзко-классовому характеру русскіе союзы социал-демократичны по существу, и при малѣйшей возможности образованія политической партии войдутъ въ нее въ качествѣ полноправныхъ членовъ и определятъ собою ее. Другимъ русломъ, по которому пойдетъ строительство партии, будетъ созданіе политическихъ клубовъ рабочихъ, библиотечныхъ организаций и кружковъ саморазвитія рабочихъ. Объединеніе рабочихъ для удовлетворенія ихъ духовныхъ интересовъ въ клубы и кружки имѣетъ для

парти, пожалуй, даже большее значение, чѣмъ профессиональные союзы. Для сложенія парти изъ такихъ ячекъ рѣшающее значение будутъ имѣть выборы въ русской парламентъ, когда онъ будетъ, наконецъ, завоеванъ. Вообще условіемъ образования самостоятельной рабочей парти по прежнему—какъ и во времена Сгедо—является сверженіе бюрократическаго произвола и установленіе хотя бы minimum'a политической свободы. Это—задача все еще обще-демократическая, а не социаль-демократическая. До тѣхъ же поръ, пока Habeas corpus не будетъ основнымъ условіемъ русской жизни, г. Дану придется еще написать много книжекъ о серьезныхъ задачахъ «парти»—въ организациі гимназистовъ и объ агитациі среди рабочихъ... post factum.

Книга читается съ большимъ интересомъ и мы желаемъ ей широкаго распространенія. Она наводитъ на многія размышленія, не безполезна въ наше время обезцѣненія всѣхъ старыхъ цѣнностей...

Е. Кусова.

Книги и другія изданія, поступившія въ редакцію.

- Изданія О. Н. Поповой.
В. Гого. На баррикадѣ. Ц. 20 к.
А. В. Меттеръ. Въ поискахъ правды и смысла жизни. Очеркъ изъ истории русскаго масонства. Ц. 30 к.
Сергѣевъ-Ценский. Убийство. Ц. 2 к.
С. Лозинскій. Революція 1848 г. въ Венгрии. Ц. 12 к.
Теодоръ Липпсъ. Руководство къ психологии пер. съ нѣм. М. А. Лихарева. Ц. 1 р. 50 к.
В. Вологдинъ. Народная школа и рабочий классъ. Ц. 8 к.
Темы жизни. Ежедневное изданіе 1906 г.
№ 1. Вып. I. А. Луначарскій. Очеркъ развитія интернационала. Ц. 10 к.
Вып. II. В. Тотоманцъ. Профессиональные союзы рабочихъ. Ц. 5 к.
Вып. III. А. Ельницкій. Георгій Валентиновъ Плехановъ. Ц. 7 к.
№ 2. Вып. I. I. Ларскій. Общество будущаго. Ц. 6 к.
Вып. II. А. Е. Лосицкій. Избирательная система Государственной Думы. Съ диаграммами. Ц. 12 к.
№ 3. Вып. I. Б. Веселовскій. Земскіе либералы.
Вып. II. Л. Клейнбортъ. Въ тюрьмѣ и ссылкѣ. Ц. 7 к.
Вып. III. М. Ашешовъ. Александръ Николаевичъ Радищевъ. Ц. 8 к.
№ 4. Вып. I. Л. Гуревичъ. 9 января. По даннымъ анкетной комисси. Ц. 10 к.
Вып. II. П. Румянцевъ. Освободительное движеніе и Государственная Дума.
Вып. III. П. Л. Берлинъ. Первый нѣмецкій парламентъ. Ц. 10 к.
№ 5. Вып. I. П. Масловъ. Русская революція и народное хозяйство. Ц. 5 к.
Вып. II. Б. Веселовскій. Крестьянскіе бунты. Ц. 6 к.
Вып. III. М. Боголѣповъ. Война и финансы. Ц. 5 к.
№ 6. Вып. I. Д. Зайцевъ. Государственное страхованіе рабочихъ. Ц. 8 к.
Вып. II. В. Вологдинъ. Чему жизнь рабочихъ учить. Ц. 6 к.
Вып. III. А. Ельницкій. Первое мая въ Россіи. Ц. 8 к.
№ 7. Вып. I. В. Львовъ. Девяностые годы и творчество В. Вересаева. Ц. 12 к.
Вып. II. I. Давыдовъ. Какъ расходуются народныя деньги. Ц. 5 к.
Вып. III. К. Пономаревъ. Пролетаріатъ на Кавказѣ. Ц. 7 к.
№ 8. Вып. I. П. Румянцевъ. Крестьянство и социаль-демократія. Ц. 5 к.
Вып. II. А. Глѣбовъ. Общественныя работы. Ц. 12 к.
№ 9. Вып. I. А. Ельницкій. Первые шаги рабочаго движенія въ Россіи. Ц. 12 к.
№ 10. М. Боголѣповъ. 9 миллиардовъ рублей. Ц. 5 к.
№ 11. Н. Коробко. Свобода совѣсти. Ц. 5 к.
№ 12—13. А. Ульяновскій. Женщины въ процессѣ 50-ти. Ц. 15 к.
№ 14. Н. Димъ. Сельскій пролетаріатъ въ Россіи. Ц. 12 к.
Домашке. Аграрная реформа „Образоват. Библиот.“. Ц. 50 к.

- Русское Свободное Слово № 2 Полное собр. сочинений, запрещенных русской цензурой гр. Л. Н. Толстого. П. Ц. 65 к.
- Верховатов. Работы в Германии под ред. пр.-доц. Н. А. Рожкова изд. „Колоколь“ Ц. 15 к.
- Н. Н. Фирсовъ. Разношница, какъ социологическое и психологическое явление народной жизни. Изд. Т-ва Вольфъ. Ц. 30 к. СПб. 1906 г.
- Издания Л. Ф. Маркса:
- Э. С. Шифферс. Самоучитель шахматной игры. Ц. 2 р.
- А. Н. Плещеевъ. Стихотворения изд. 4-ое.
- О. П. Петровъ. Русская стенография. Ц. 1 р. 50 к.
- З. А. Рагозина. История одной души. Ц. 80 к.
- Омулевский. Сочинения т. I и II. Ц. 1 р. 50 к. томъ.
- Бар. Н. Н. Торнау. Атласъ по отечествовѣдѣнію ч. II Сибирь и Туркестанъ. Ц. 1 р. 20 к.
- Э. Ф. Нелидова. Очерки по истории новѣйшей русской литературы; Библ. „Свободная Россія“ № 28. Ц. 1 р. 50 к.
- А. Пыпинъ. Характеристика литературы: мѣнѣи отъ 20-хъ до 50-хъ год. Историческіе очерки изд. 3-ье. Ц. 3 р.
- Книгоиздательство „Общественная Польза“:
- П. Е. Щеголевъ. Первый декабристъ Владимиръ Раевскій 2-ое изд. Ц. 30 к.
- П. Эль. Социально-сатирические этюды. Ц. 80 к.
- Н. А. Бородинъ. Государственная Дума въ цифрахъ. Ц. 25 к.
- К. Марксъ. Революція и контр-революція въ Германии съ пред. Каутскаго. Ц. 25 к.
- Л. Басильевскій (Плохоцкий). Современная Польша и ея политическія стремленія. Ц. 50 к.
- Этьенъ Бюиссонъ. Всеобщая стачка съ прил. статьи Н. Кудрина Всеобщая забастовка. Ц. 15 к.
- Жоржъ Вейль. История социального движенія во Франціи пер. М. Брагинскаго. Ц. 1 р. 80 к.
- Искра за два года. Сборникъ статей. Ц. 2 р. 25 к.
- Дневникъ падшей. Ц. 70 к.
- Издание Д. Е. Жуковского.
- Куно Фишеръ. История новой философіи т. I Декартъ, его жизнь, сочиненія и учение.
- Книгоизд. Мягкова „Народная Мысль“.
- К. Гюсманъ, Л. де-Брунеръ и Л. Бертранъ. 75 лѣтъ буржуазнаго господства. Перев. съ изд. Бельг. раб. парт. М. Мирсона. Ц. 50 к.
- А. Веберъ. Налоги пер. съ фр. Лидова. Ц. 30 к.
- Л. Бертранъ. История кооперации въ Бельгійи вып. II съ иллюстр. т. I ч. 3-ья изд. „Колоколь“.
- Д. И. Курскій. Англійскій рабочий. Ц. 5 к. изд. „Колоколь“.
- Гуго Бергъ. Долой безработицу! Съ пред. Вильбранта книгоизд. „Свободная Пресса“. Ц. 25 к.
- Дм. Самойловъ. О рабочихъ профессиональныхъ союзахъ М. 1906 г. Ц. 25 к. Книгоизд. „Молодая Россія“.
- М. Якобій. Къ аграрному вопросу М. 1906 г. Ц. 15 к.
- За книжкой № 4. 1906 г. Ц. 7 к. Обзоръ новыхъ книгъ и книжнаго дѣла изд. „Святель“.
- М. Нордау. Ложь капиталистическаго строя, пер. съ нѣм. С. Кувшинскаго. Книгоизд. „Народная Трибуна“. Ц. 20 к.
- Журналъ Русская Историческая Библиотека № 3. Процессъ шестнадцати террористовъ 1880 г. Подъ ред. и съ прим. В. Бурцева. Ц. 60 к. Складъ при книгоизд. „Донская Рѣчь“.
- Книгоиздательство „Донская Рѣчь“:
- Викторъ Юго. Клодь Ге. Ц. 3 к.
- Катехизисъ рабочего пер. Куликера. Ц. 3 к.
- А. Фругавинъ. Петропавловская крѣпость. Ц. 5 к.
- Послѣдній день Колева. Ц. 3 к.
- Е. А. Звягинцевъ. До чего нужда довела крестьянъ. Ц. 5 к.

- Министры слуги народа вып. I. Ц. 3 к.
- Пѣсни борьбы. Стихотворения. Ц. 8 к.
- И. П. Бѣлокозскій. За что и почему?
- О. Волькенштейнъ. Вопросъ о всеобщей забастовкѣ въ Германии.
- Н. А. Кабановъ. Какъ улучшить крестьянское хозяйство.
- Ламенне. Слово вѣрующаго. Ц. 6 к.
- Издания Глаголева.
- Парусь. Россія и революція. Ц. 1 р.
- Л. Г. Дельчъ. 16 лѣтъ въ Сибири. Ц. 1 р.
- В. К. Агафоновъ. Наука и жизнь. Складъ въ кн. маг. „Обществ. Польза“. Ц. 1 р.
- Издания Т-ва И. Д. Сытина:
- Пр. Довнар-Запольскій Тайное общество декабристовъ. Ц. 1 р.
- Пр. Александръ Трачевскій. Наполеонъ I, первые шаги и консульство 1764—1804 гг. Ц. 25 к.
- Р. Пельманъ. Очеркъ греческой истории въ связи съ историческимъ вѣдѣніемъ Изд. Об-ва вспомог. оконч. курсъ наукъ на СПб. В. Ж. К. Ц. 2 р.
- Полное собраніе сочинений Н. Г. Чернышевскаго т. I и т. IX СПб. 1906 г.
- Газеты: Голось солдата № 1 1906 г. Изд. Воен. Орг. Пет. Ком. пар. С.—Р. Пролетарій №№ 1, 3, 4 1906 г. Орг. Моск. и Пет. Ком. Р. С.—Д. Р. П. Солдатская газета № 1 изд. Ц. к. пар. С.—Р. 1906 г.
- Казарма № 7. Орг. Воен. Орг. при Пет. Ком. Р. С.—Д. Р. П.
- Буревѣстникъ № 1 1906 г. Органъ русскихъ анархистовъ-коммунистовъ. Событія дня № 4, 6 и 7. Рига 1906 г.
- Голось солдата № 11—12 и 15. Рига Риж. С.—Д. Воен. организ.
- Листокъ № 2 Еврейск. С.—Д. раб. пар. „Пойалей-Ционъ“.
- Трудъ № 1—2 Рабочая газета Пет. Ком. пар. С.—Р. сент. 1906 г.
- Голось Пролетарія № 1 12 сент. 1906 г. Р. С.—Д. Р. П.
- Красноярскій рабочий №№ 1, 3, 4 и 5 1905 г. Р. С.—Д. Р. П.
- Бюллетень № 1, 2, 4 Красн. Ком. Р. С.—Д. Р. П. (окт., нояб. и дек. 1905 г.).
- Летучій листокъ № 10 и № 11 июнь 1906 г. Иркут. Ком. Р. С.—Д. Р. П.
- Нараскій рабочий листокъ 23 сент. 1906 г. № 1. Изд. Нарвск. района Р. С.—Д. Р. П.
- Извѣстія Совѣта Рабочихъ Депутатовъ № 10 14 дек. 1905 г.
- Голось солдата № 1 Военно-револ. газета Тамбовъ 15 сент. 1906 г.
- Еженедѣльный Листокъ № 1 21 мая и № 4 Всероссийск. Воен. Союзъ Сов. Ватр. Гарнизона 1906 г. Нар. с.—р.
- Социалдемократъ № 2 Рабочая газета ноябрь 1904 г. годъ I.
- Socialistk Organ P. P. S. №№ 156—178, 181—191. 1906 г.
- Gazeta Ludowa Organ P. P. S. № 15 Lipca 1906 г.
- Der deutsche Arbeiter in Polen № 9 Organ P. P. S. Lodz sept 1906 г.
- Lodzianin № 21 Lodzki org. P. P. S. 13 wrzesnia 1906 г.
- Der Bund № 10 и 11 Organ. Всеоб. Евр. Раб. Союзъ. въ Л. П. и Р. 1905 г.
- Zehna Latvijas Dildewum¹⁹ 1906 г.
- Сборникъ „Воля“ Нараски.
- 7 листокъ Краснояр. Ком. Р. С.—Д. Р. П. (окт.—декабрь 1905 г.).
- 7 листокъ Краснояр. Ком. Р. С.—Д. Р. П. (май—июль 1906 г.).
- 3 листка Том. Ком. Р. С.—Д. Р. П. (нояб. июль и авг. № 93, 100 и 101 1905 г.).
- 2 листка Ком. Краснояр. „Союза учащихся“ 1905 г. (декабрь).
- Бюллетень № 1 Ком. Красн. „Союза учащихся“ дек. 1905 г.
- Свѣтъ № 1 и 2 (дек. 1905 г.) орг. Крас. Ком. „Союза учащихся“.
- Нѣсколько листковъ, резолюцій и воззваній солдатъ служъ и раб. Сиб. ж. д. окт.—дек. 1905 г.
- Конфискование №№ „Привольскаго Края“ № 215 и прил. къ №№ 39, 40 и 218
- Волна № 8. 14 мая 1906 г. Саратовъ.
- Народный Листокъ № 1 мая 1906 г. и № 2 Сиб.
- Матушка-Волга № 1 1906 г. Нижній-Новгородъ.
- „Къ свободѣ!“ № 2 Иванъ-Вольный. Говорить совѣсть. Будущіе люди. Книгоизд. П. Оленина. Ц. 3 к.

5 листовъ 1905 г. Всеоб. Евр. Раб. Союза въ Л. П. и Р.
 6 листовъ 1905 г. Вил. Ком. Бунда.
 16 брошюръ на еврейскомъ языкѣ изд. Бунда.
 18 брошюръ различныхъ зарубежныхъ изданий. Всеоб. Евр. Раб. Союза и Р. С.-Д. Р. П.
 25 различ. брошюръ и листовъ изд. Р. Р. С. въ Варш. и Лодзи.
 Революционный бюллетень № 1 Фед. Ком. Разр. С.-Д. орг. Латыш. с.-д. р.-б. 27 нояб. 1905 г.
 Обязательныя постановленія. Того же изд. 6 дек. 1905 г.
 1 мая ко всѣмъ рабочимъ и работникамъ парт. С.-Д.
 Ко всѣмъ рабочимъ и работникамъ Россіи апр. 1902 г. Конф. пред. ком. Р. С.-Д. Р. П. СИБ. Ком. (Союзъ Борьбы) Ц. К. Бунда, Союзъ южн. орг. „Искра“, Союзъ русскихъ с.-д. за границей и Заг. Ком. Бунда.
 Нѣсколько листовъ Костр. Ком. и Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. 1905 г.
 Нѣсколько листовъ къ солдатамъ отъ Совѣта Батум. и отъ Сов. Тифлис. гарниз.
 Посланіе къ русскому крестьянскому рабочему народу отъ Георгія Гапона 1905 г.
 Борьба разгорается! Област. Ком. Закавказья пар. С.-Д. 4 сент. 1906 г.
 Ко всѣмъ гражданамъ Баку и его районовъ (на 3 языкахъ по поводу однопод. забаст. 4 сент.) отъ Бак. орг. Р. С.-Д. Р. П., Бак. Ком. п. с.-р., Арм. федер. „Дашнакестей“ Бак. Ком. арм. с.-р. орг. Мусульм. с.-д. организ. „Гумматъ“ Мусульм. с.-р. организ. „Ифтиганъ“.
 Ко всему народу, Ком. С.-Д. Фр. Гос. Думы, Ком. Тр. Гр. Г. Д., Ц. К. Р. С.-Д. Р. П., Ц. К. пар. С.-Р., Ц. К. П. Н. С., Ц. К. Б. Вс. Евр. С. въ Л. П. и Р.
 Въ Петербургскому пролетариату П. К. пар. С.-Р. 25 июля 1906 г.
 Извѣщеніе отъ Ком. Тр. Гр. Гос. Думы. авг. 1906 г.
 Товарищи! выбирайте въ С. Р. Д. отъ мастер. Валт. ж. д. Ком. пар. С.-Р.
 Товарищи-солдаты! 2 листка Испол. Ком. Кроншт. Воен. Рев. Орг. пар. С.-Р. 8 ав. 1906 г.
 Уставъ и листовъ партій Академ. порядка студ. Импер. Унив. Св. Владим. Граждане! Генерала Мина болѣе нѣтъ Ц. К. п. С.-Р. 18 ав. 1906 г.
 Извѣщеніе 2-го съѣзда Закавказ. Област. Союза пар. С.-Р.
 Товарищи! Закавказск. Ком. пар. С.-Р.
 Манифестъ ко всему русскому крестьянству Ком. Тр. Гр. Г. Д. Ком. С.-Д. ф. Г. Д. Всер. Кр. Союзъ, Ц. К. пар. С.-Р. Ц. К. пар. Р.-С.-Д. Р. П., Всер. Желѣзнодорож. Союзъ.
 Пролет.-рабочій и крестьяннинъ, готовься! Сѣв.-Кавк. Минераловод. раб. союзъ пар. С.-Р. 4 июля 1906 г.
 Отвѣтъ черносотенцамъ. Риж. С.-Д. Воен. Орг. авг. 1906 г.
 Нѣсколько листовъ Кавказ. Обл. Ком. Бак. орг. п. С.-Р., Тиф. Ком. пар. С.-Р. и Кубан. Ком. пар. С.-Р.
 Нѣсколько листовъ къ солдатамъ Ком. Воен. Рев. Орг. Варш. Воен. Окр. авг. и сент. 1906 г.
 Товарищи фельдшера! Союзъ Кавказ. Воен. фельдшеровъ 18 сент. 1906 г.
 Трудящийся народъ! Отъ Всер. Кр. Союзъ Подольск. губ.
 2 листка къ солдатамъ Воен. орг. пар. С.-Р.
 Нѣсколько листовъ къ солдатамъ Воен. Орг. при П. К. Р. С.-Д. Р. П.
 Къ обществу. Общество помощи полит. ссылки и заключ. (Красный Крестъ).
 Памяти Владиміра Мазурина Испол. Ком. споз. фр. с.-р. сент. 1906 г.
 Къ солдатамъ, казакамъ и матросамъ Бак. орг. пар. с.-р. 21 сент. 1906 г.
 Ко всѣмъ самарскимъ рабочимъ ав. 1906 г. Сам. Ком. Р. С.-Д. Р. П.
 Военно-полевые суды. Оплоз. фракц. С.-Р. сент. 1906 г.
 Зинаида Васильевна Конопляникова Изд. Сѣв. Обл. Ком. пар. С.-Р.
 Товарищи! Отъ унив. гр. С.-Р. П. Ш. С. Ст. Тр. С.-Д. партіи Литвы сент. 1906 г.
 Нѣсколько лист. Всер. Кр. Союза и Всерос. Желѣзнодорож. Союза 1905 г.
 Манифестъ по войскамъ армии и флота: Военный Союзъ.
 Нѣсколько воззваній Союза Кавказскихъ офицеровъ.

Граждане! Бат. Ком. Всер. союз. Мусульм. р. п., Ц. Р. Ком. арм. фед., Бат. Ком. Груз. Рев. пар. соци.-фед., Бат. Ком. пар. С.-Р., Б. К. Р. С.-Д. Р. П.
 Отъ партіи с.-р. къ казакамъ Куб. гр. с.-р.
 Не давайте солдатамъ! Обл. Ком. Центр. Обл. пар. с.-р. сент. 1906 г.
 Наши товарищи—экспроприаторы. Оплоз. фрак. С.-Р. сент. 1906 г.
 Товарищи—артиллеристы! Артиллер. 3-ей брига. Воен. рев. орг.
 Правительство, Дума и революція. Изд. Ц. К. Евр. Социалист. раб. пар.
 Извѣщеніе о первомъ учредительномъ съѣздѣ еврейск. социалист. раб. пар. апр. 1906 г.
 Государственная Дума. Ко всѣмъ еврейскимъ рабочимъ Литов. района Ком. евр. раб. пар. „Поалей-Ционъ“.
 Письмо къ членамъ партіи по вопросу о созывѣ экстр. съѣзда Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. 19 Авг. 1906 г.
 Товарищи! Армавир. гр. Сѣв.-Кавказ. союза Р. С.-Д. Р. П., апр. 1906 г.
 Что дѣлать съ помѣщиками и съ начальствомъ, которое ихъ защищаетъ? Кресты. Орг. Симф. Ком. Тавр. Союза пар. С.-Р. сент. 1906 г.
 Нѣсколько листовъ изд. Коканскаго и Туркест. Комитетовъ пар. С.-Р.

Редакция очень проситъ издателей, редакторовъ и авторовъ высылать ей приостановленныя по суду или администраціей, а также изытыя изъ продажи, изданія періодическія или неперіодическія.

Въ пользу политическихъ ссыльныхъ получено:

1) Изъ Балты отъ г. Шахермана	90 р. — к.
2) Изъ Решта (Персія) сборъ съ русско-армянскаго вечера	424 „ 56 „

Итого 514 р. 56 к.

Деньги отправлены по назначенію.

Современная летопись.

В течение сентября в газетах находим нижеследующий сообщения о приговорах по политическим делам и смертных казнях:

1) Москва, 1 сентября. В 4 часа утра во двор московской губернской тюрьмы был приведен в исполнение смертный приговор военно-полевого суда над бывшим студентом Владимиром Мазуриным, 24 лет.

2) В Вязой Церкви, 1 сентября. Вчера, в 3 часа дня, военно-полевым судом Смоленской и Пашковской приговорены к расстрелу. В 3 часа ночи, 1 сентября, приговор приведен в исполнение. Оба лица обвинялись по делу о грабеж банка.

3) В Одессе, 1 сентября. Военным судом приговорены к каторжным работам на 6 лет 8 месяцев мясничий Махлис за участие в разбойничьем нападении на магазин столярных принадлежностей.

4) В С. Петербурге, 31 августа. В военно-окружном суде при закрытых дверях слушалось дело по обвинению молодого солдата 92 пехотного пехотного полка Кутузова в распространении среди войск суждений, возбуждающих к нарушению обязанностей военной службы, по 131 ст. уголовного уложения. Военно-окружной суд признал Кутузова виновным и приговорил его к лишению всех прав состояния и ссылке на поселение.

5) В Митаве, 2 сентября. Военно-полевой суд приговорил латвийцев Яноса и Берниа за ограбление казенного винного склада в Фрайенбурге, причем похищено 3.900 р., и за грабеж в имениях — к попомщению, а Пельца — к четырехлетней каторге.

6) 2 сентября в I отд. ОПБ. окружного суда слушалось дело мещ. Карапета Задикова, обвинявшегося в вооруженном сопротивлении полиции. Суд приговорил Задикова в тюрьму на 8 месяцев.

7) В Тифлисе, 2 сентября. В кавказском окружном суде слушалось дело четырех нижних чинов миангрельского полка, выданных из общаго производства о 20 нижних чинах, за болтливость подслушанных. Один оправдан, трое приговорены в дисциплинарный батальон от 3-х до 2-х лет за неисполнение приказаний начальства.

8) В Варшаве, 2 сентября. Вчера в военно-окружном суде разбиралось дело Стефана Фурвала и Станислава Козацкого, обвиняемых в разбой по предварительному соглашению с другими лицами. Суд приговорил Фурвала к каторжным работам на 29 лет, а Козацкого оправдал.

9) В Кирсановке, 3 сентября. Кончилось дело о поджоге и разграблении имения „Вортек“ в ноябрь прошлого года. Четверо приговорены в арестантския роты на 3½ года, шестеро к заключению в тюрьму на 8 месяцев, остальные оправданы.

10) В Киеве, 3 сентября. Военно-окружным судом приговорены к расстрелянию подпоручик 5 сапернаго батальона Жадановский, признанный главным участником сапернаго бунта в Киеве. Приговор представляется на усмотрение командующаго войсками. 7 сентября командующим войсками смертная казнь подпоручику Жадановскому, обвиняемому в участии в восстании саперов в ноябрь 1905 г., заменена безсрочной каторгой.

11) В Москве, 3 сентября. В исход третьяго часа, в губернском тюремном замке приведен в исполнение смертный приговор над 19-летним рабочим Евгением Зетревилем, осужденным накануне военно-полевым судом за вооруженное сопротивление при задержании. Зетревль играл довольно крупную роль в организации всех вооруженных нападений и в стрельбе в полицейских.

12) В Варшаве, 3 сентября. Приведен в исполнение приговор военно-окружного суда о смертной казни через повешение над Станиславом Бружеским, за вооруженное нападение на казенную винную лавку и убийство сидельца, и над Шай Рудницким, за покушение на убийство околоточнаго надзирателя.

13) В Варшаве, 5 сентября. Военно-окружный суд приговорил крестьян Кватека и Нитку к каторжным работам на 20 лет за участие в разбойном нападении на казенную винную лавку в Варшаве. Десятилетний Выгольный за нападение в Лодзи на полицейский патруль приговорен к каторжным работам на 10 лет.

14) В Митаве, 5 сентября разгромлены революционный агитатор и грабитель Серголюк и террорист Силин, который овладевший в мятежные дни местечком Фрауэнбург, обложил жителей податями, набрал себе отряд влохотранпель и держал население в страхе.

15) Временный военный суд в крепости Свеаборг, заслушав дело о фельдшере 2-го финляндскаго стрѣльцова полка Иване Яковлеве и нижних чинах морских команд свеаборгскаго порта, всего в числ 98 человекъ, признать виновными фельдшера Яковлева и 87 нижних чинов морских команд свеаборгскаго порта в том, что сговорившись между собою, они согласились принять участие в яномъ восстании свеаборгской крепостной артиллерии, с целью завладеть свеаборгскою крепостью, чтобы заставить правительство исполнить требования трудовой партии. Суд приговорил подсудимых: 1) Ивана Яковлева, 2) Кузина, 3) Пеля (он же Павлов), 4) Кулбакова, 5) Янеткова, 6) Роговскаго, 7) Муравьева, 8) Назарова, 9) Парфенова, 10) Елизарова, 11) Целевскаго, 12) Ермолина, 13) Николаичука, 14) Татарченко, 15) Соловьева, 16) Болшикова и 17) Самиевича — к смертной казни через расстреляние; В) 53 человекъ — к каторжным работам на различные сроки; В) 18 человекъ — к отдаче в исправительныя арестантския отдѣлены на сроки отъ 5 до 6 летъ и Г) остальных 11 человекъ суд оправдал.

Приговор этот утвержден командиром 22-го армейскаго корпуса

и въ отношеніи приговоренныхъ къ смертной казни приведенъ въ исполненіе 5 сего сентября.

16) Въ Москвѣ, 7 сентября, въ 2 часа дня, пять молодыхъ людей совершили нападеніе на магазинъ представителя сѣвернаго стекольнаго общества, Франка, находящагося на Дубянской площади, и, забравъ изъ кассы 400 рублей, бросились бѣжать, но все они были переловлены, одинъ изъ нихъ раненъ полицейскими и деньги были отобраны.

Все пять молодыхъ людей были преданы военно-полевому суду, который *приговорилъ: подсудимыхъ Морозова, 19 лѣтъ, Волкова 20 лѣтъ, Смирнова 21 года и Гаврилова 20 лѣтъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе и Кондакова къ безсрочнымъ каторжнымъ работамъ.*

9 сентября на разсвѣтъ приговоръ этотъ былъ приведенъ въ исполненіе.

17) Въ С.-Петербургѣ 7 сентября въ главномъ военномъ судѣ слушалась кассационная жалоба крестьянъ Густава Якобсона, Александра Зенке и мѣщанина Жанко Штрауманъ, приговоренныхъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе временнымъ военнымъ судомъ въ Митавѣ.

Главный военный судъ оставилъ ихъ кассационную жалобу безъ послѣдствій. 28 сентября Якобсонъ, Зенке и Штрауманъ казнены.

18) Въ Одессѣ 7 сентября. Военно-полевымъ судомъ *приговоренъ къ смертной казни расстрѣляніемъ Леонъ Тарло*, убившій при задержаніи городского и дворника и ранившій другого городского. *Сегодня, въ 12 часовъ дня, въ зданіи тюрьмы приговоръ приведенъ въ исполненіе.*

19) Въ Одессѣ 8 сентября. Военный судъ призналъ Шабатова, Хутадае и Водочкае виновными въ разбойномъ, но предварительному соглашенію, нападеніи на ресторанъ въ загородномъ саду „Аркадія“, сопровождавшемся похищеніемъ 3000 рублей. Шабатовъ приговоренъ къ каторгѣ безъ срока, Хутадае срокомъ на 20 лѣтъ, Водочкае на 15 лѣтъ.

20) 7 сентября въ петербургскомъ военно-окружномъ судѣ при закрытыхъ дверяхъ слушалось дѣло по обвиненію крестьянина Тверской губерніи Терентія Богданова въ убійствѣ городского.

Военно-окружный судъ призналъ Богданова виновнымъ и приговорилъ его къ смертной казни черезъ расстрѣляніе, но постановилъ ходатайствовать о замѣнѣ ея каторгой на 20 лѣтъ.

21) Въ Варшавѣ 8 сентября. Въ военно-окружномъ судѣ разбиралось дѣло *Яна Урлашчика*, обвиняемаго въ разбѣгѣ, въ сообществѣ съ другими необнаруженными лицами. Признавъ его виновнымъ, судъ *приговорилъ его къ смертной казни черезъ повѣшеніе.*

12 сентября смертный приговоръ приведенъ въ исполненіе.

22) Во Владивостокѣ 8 сентября въ засѣданіи сессіи Иркутской судебной палаты разсматривалось политическое дѣло Федоровича, обвинявшагося въ распространеніи прокламатій социал-демократическаго характера. Федоровичъ приговоренъ къ заключенію въ крѣпость на 8 мѣсяцевъ, съ зачетомъ времени пребыванія въ предварительномъ заключеніи.

23) Въ Кьльцахъ 8 сентября. *Приведено въ исполненіе смертный приговоръ военно-полевого суда надъ двумя преступниками, задержанными въ андреевскомъ уѣздѣ: Цабой и Главоцкимъ; оба расстрѣляны.*

24) Въ Мариуполѣ 9 сентября. Военно-полевой судъ приговорилъ *По-*

молайбушкина, ограбившаго казенную винную лавку и стрѣлявшаго въ сидѣльца, къ смертной казни черезъ расстрѣліе. *Сегодня приговоръ приведенъ въ исполненіе.*

25) Въ Черниговѣ 8 сентября. Изъ числа обвинявшихся 41 человекѣ крестьянъ въ разгромѣ имѣнія Моргона приговорены 34 къ тюремному заключенію, отъ 4 мѣсяцевъ до 4 лѣтъ, съ лишеніемъ правъ, семь человекѣ оправданы.

26) Въ Екатеринославѣ 9 сентября. Выѣздной сессіей суда въ Новомосковскѣ, по дѣлу объ аграрныхъ безпорядкахъ изъ 161 обвиняемыхъ 61 оправданы, 100 приговорены къ тюрьмѣ отъ 6 до 3 мѣсяцевъ, многие съ лишеніемъ правъ.

27) Въ Кіевѣ 10 сентября. Кассационная жалоба присужденныхъ къ смертной казни Прокофьева и Пинчевъ, ограбившихъ винную лавку, и Рудановскаго, участвовавшаго въ вооруженномъ нападеніи на магазинъ Здравскаго, оставлены главнымъ военнымъ судомъ безъ уваженія. 19 сентября *приговоръ приведенъ въ исполненіе: Рудановскій, Пинчевъ и Прокофьевъ повѣшены.*

28. Въ Вильнѣ 10 сентября. Военно-окружный судъ, разсмотрѣвъ дѣло нѣкихъ чиновъ жѣзнодорожнаго батальона ефрейторовъ *Старобубеца и Грюкова, писаря Фурманскаго и рядового Видешина* по обвиненію въ подстрекательствѣ на станціи Бараловичи къ вооруженному возстанію во время декабрьскаго забастовки *приговорилъ обвиняемыхъ къ смертной казни черезъ расстрѣліе.* Защитникомъ капитаномъ Сазоновымъ подана кассационная жалоба.

29) Въ Луганскѣ 11 сентября. Сегодня въ 5 ч. утра *приведенъ въ исполненіе смертный приговоръ надъ разбойникомъ Черноматовымъ.* Его товарищъ приговоренъ къ безсрочной каторгѣ.

30) Въ Верхнедѣпровскѣ 11 сентября. Окружнымъ судомъ съ сельскими представителями разсмотрѣно въ Верхнедѣпровскѣ первое изъ дѣлъ о погромахъ, произведенныхъ крестьянами въ уѣздѣ въ 1905 г. За разгромленіе экономіи Филиппова приговорены къ заключенію въ арестантскія отдѣленія четверо на два года и четверо на 6 мѣсяцевъ.

31) Въ Вильнѣ 11 сентября. Военно-окружный судъ приговорилъ мѣщанина Таубмана за принадлежность къ „Бунду“ и храненіе оружія къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ четыремъ годамъ каторжной работы.

32) Въ Екатеринбургѣ 11 сентября. Судебная палата разсмотрѣла дѣло десяти политическихъ преступниковъ, обвинявшихся въ изготовленіи и храненіи взрывчатыхъ снарядовъ. Трое приговорены къ каторжнымъ работамъ, шестеро въ ссылку на поселеніе, одинъ оправданъ.

33) Въ Одессѣ 11 сентября. Военный судъ приговорилъ авархистовъ Финкельштейна и Глазова къ каторжнымъ работамъ на 6 лѣтъ, Берковича и Пружанскаго къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе. Все 4 обвиняемыхъ осуждены за разбойничье нападеніе на складъ машинъ Левинскаго.

34) Въ Кіевѣ 11 сентября. *Крестьянинъ Шаранъ* за убійство пристава Сосяницкаго уѣзда *приговоренъ военно-окружнымъ судомъ къ повѣшенію.* Командующій войсками *казнь замѣнилъ каторгой на 20 лѣтъ.*

35) Въ Кьльцахъ 11 сентября. Военно-полевой судъ приговорилъ *ше-*

стереть убитый крестьянина села Домашевидъ къ *разстрѣлянію*. Приговоръ приведенъ въ исполненіе.

11 сентября *разстрѣляны*: *Валура, Борншій, Кубанскій, Мишталъ и Москаль*; первые 4—жители Къльць, пятый—деревни Мастоно, Къльцеаго уѣзда.

36) 11 сентября въ петербургскомъ военно-окружномъ судѣ слушалось дѣло двухъ нижнихъ чиновъ финскаго стрѣльцова полка Эпштейна и Лобанова. Они обвиняются въ агитаціи и пропагандѣ среди войска въ г. Выборгѣ.

Судъ призналъ ихъ виновными и приговорилъ къ лишенію воинскаго званія, всѣхъ правъ и ссылкѣ на поселеніе.

37) 11 сентября въ особомъ присутствіи спб. судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей слушалось дѣло о германской подданной Вуръ Эдуардовнѣ Шгольтерфордъ и сынѣ кол. ассесора Борисъ Федоровичъ Другановъ по обвиненію ихъ по 2 ч. 126 ст. угол. улож.

Послѣ непродолжительнаго совѣщанія судебная палата, признавъ обоихъ подсудимыхъ виновными по 126 ст. уг. ул., приговорила ихъ къ лишенію всѣхъ правъ и къ ссылкѣ въ каторжные работы, každого на 15 лѣтъ.

38) Въ Одессѣ 12 сентября. Приговореннымъ военнымъ судомъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе—Гитису, Чичкану, Мелигину и Вобееву смертная казнь замѣнена каторжными работами на разные сроки.

39) 12-го сентября, на разсвѣтѣ совершена въ Москвѣ по *примовору военно-полевого суда новая смертная казнь*: повѣшенъ рабочій *Семенъ Грачевъ*.

40) 12 сентября въ петербургскомъ военно-окружномъ судѣ въ закрытомъ засѣданіи слушалось дѣло называющаго себя Викторомъ Васильевымъ по обвиненію въ убійствѣ ген. Козлова.

Судъ призналъ Васильева виновнымъ и приговорилъ его къ смертной казни черезъ повѣшеніе.

Раннимъ утромъ 19 сентября въ шлессбургской крѣпости былъ приведенъ въ исполненіе смертный приговоръ надъ неизвестнымъ, именовавшимъ себя на судѣ Викторомъ Васильевымъ, убившимъ по ошибкѣ 1 июля въ Петергофѣ ген.-м. Козлова, который былъ приватъ за ген.-л. Д. Ф. Трепова.

41) Въ Батумѣ 12 сентября. Вызванная сессія тифлисской судебной палаты приговорила Рогожаникова за противоправительственную пропаганду среди солдатъ къ ссылкѣ на поселеніе; Гогипайшвили за вымогательство денегъ, у фирмы „Шуцъ и Циммерманъ“—къ тюремному заключенію на полтора года.

42) Въ Гельсингфорсѣ 12 сентября. Временнымъ военнымъ судомъ въ Свеаборгѣ вынесенъ приговоръ по дѣлу нижнихъ чиновъ свеаборгской мѣстной роты, участвовавшихъ въ востаніи, въ числѣ 174 подсудимыхъ. *Четыре изъ нихъ приговорены къ смертной казни черезъ разстрѣляніе.*

43) Въ Перми 12 сентября. За убійство въ минушемъ году двухъ казачковъ на мотовидихинскомъ заводѣ военный судъ *приговорилъ Занольскаго къ смертной казни черезъ повѣшеніе*, причемъ постановилъ ходатайствовать о замѣнѣ ему этого наказанія каторгой; Иванова—къ заключенію въ крѣпости на одинъ годъ. Сиведель оправданъ.

44) Въ Луганскѣ 12 сентября. *по примовору военно-полевого суда разстрѣляны трое грабителей: Мамзевъ, Демисовъ и Лехотовъ*, мѣстные воры по профессіи.

45) Въ Кіевѣ 13 сентября. Военно-окружный судъ, рассмотрѣвъ дѣло по обвиненію *Яковсона* въ покушеніи на убійство городского при ограбленіи денежныхъ пакетовъ у почтальона, и *Демиско*, ограбившаго того же почтальона, *приговорилъ первого къ смертной казни черезъ повѣшеніе*, а второго къ каторжнымъ работамъ на 15 лѣтъ.

46) 13 сентября въ петербургскомъ военно-окружномъ судѣ слушалось дѣло по обвиненію рабочаго лугидовскаго завода Ивана Тедизнскаго въ убійствѣ городского 13 июля этого года.

Судъ призналъ Тедизнскаго виновнымъ и приговорилъ его къ смертной казни черезъ повѣшеніе.

47) Въ Тифлисѣ особое присутствіе судебной палаты приговорило къ ссылкѣ на поселеніе Марію Суверову, обвиняющуюся въ храненіи бомбъ и агитаціи въ войскахъ.

48) Въ Сосновицахъ 13 сентября. Въ Вендѣи *разстрѣляны приговоренныи военно-полевымъ судомъ Леоновичъ*, обвинявшійся въ покушеніи на ограбленіе кассы фабрики въ Сргжемешацкѣ и въ вооруженномъ сопротивленіи при его задержаніи.

49) Въ Одессѣ 13 сентября. *Военный судъ приговорилъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе анархиста-коммуниста Израила Лохотилова*, убившаго директора южно-русскаго общества печатнаго дѣла Кирхнера.

Судъ постановилъ ходатайствовать передъ командующимъ войсками о смягченіи участи подсудимаго. Ходатайство оставлено безъ послѣдствія 22 сентября *приговоръ приведенъ въ исполненіе.*

50) Въ Варшавѣ 14 сентября въ окружномъ судѣ разбиралось дѣло о Мечиславѣ Янишевскомъ, Петрѣ Вржосѣ, Григоріи Коноцкѣ и Антоновѣ Вапуцкѣ, обвиняемыхъ въ разбояхъ, сопровождаемыхъ вооруженнымъ нападеніемъ на воинскій конвой и убійствомъ одного конвойнаго и ямщика. Признавъ ихъ виновными, судъ приговорилъ Вржоса и Коноцку къ безсрочной каторгѣ, Янишевскаго и Вапуцку къ 20 годамъ каторги.

Въ тотъ же день разсматривалось дѣло о мѣщанинѣ Михаилѣ Кукульскомъ, обвиняемомъ въ участіи въ сообществѣ, оставившемъ для насильственнаго измѣненія установленнаго въ Россіи государственнаго строя. Судъ приговорилъ Кукульскаго къ пятнадцати годамъ каторги.

51) Въ Асхабадѣ 14 сентября по дѣлу о безпорядкахъ, бывшихъ 13 іюня среди нижнихъ чиновъ второго закаспійскаго стрѣльцова батальона, военно-окружный судъ вынесъ сегодня резолюцію: на каторжные работы приговорены: одинъ безсрочно; десять—на двадцать лѣтъ, одинъ—на четыре года; четверо—къ арестантскимъ отдѣленіямъ отъ двухъ до 5 лѣтъ, одинъ къ дисциплинарному батальону на одинъ годъ; сто двадцать—отъ трехъ до восьми недѣль ареста на хлѣбъ и на воду. Судебъ оправданы.

52) Въ Къльцахъ 14 сентября. военно-полевого судъ *приговорилъ грабителей Газа, Бенялючица и Тененбаума къ смертной казни*. 15 сентября на разсвѣтѣ *смертный приговоръ приведенъ въ исполненіе.*

53) Въ Новороссійскѣ 14 сентября. *Преданныи военно-полевоому суду за-*

держанный преступник, участвовавший въ ограблении сборщика въ казенной винной лавкѣ и ранившій городского, *сегодня утром расстрелян.*

54) Въ Ригѣ, 14 сентября. Приговоромъ военно-полевой суда ченстоховские мѣщане *Адамусъ и Дебальскій*, бросившіе въ вагонъ трамвая бомбу, *присуждены къ смертной казни.*

15 сентября, *приведенъ въ исполненіе смертный приговоръ* надъ Адамусъмъ и Дебальскимъ.

55) Екатеринославъ, 15 сентября. Судебная палата, рассмотрѣвъ дѣла Гоца, Литвиненко и Руденко, обвиняемыхъ по 126 и 129 статьямъ, приговорила первыхъ двухъ къ году крѣпости. Руденко оправданъ.

56) 15 сентября, въ петербургской судебной палатѣ слушалось дѣло по обвиненію слушательницы женскаго медицинскаго института В. Балынской и студента военно-медицинской академіи Голованова въ принадлежности къ партіи социалистовъ-революцiонеровъ и распространеніи прокламацій среди войскъ. Палата признала ихъ виновными и приговорила къ 2 годамъ заключенія въ крѣпости, съ зачетомъ времени предварительнаго заключенія—съ 19 декабря 1905 года.

57) Въ Къльцахъ, 15 сентября. Военно-полевой судъ приговорилъ *Осина Дуду* за убійство жителя деревни Бялогонъ Миллера *къ смертной казни через повѣшаніе.*

58) Кѣльцы, 16 сентября. Приговоренные полевымъ судомъ къ смертной казни *Осипъ Дуда*, убійца Миллера въ деревнѣ Бялогонъ и *Франца Брона*, совершившія нѣсколько грабежей въ олькушскомъ уѣздѣ, *сегодня на расстрѣл разстрѣляны.* (ПА).

59) Ватумъ, 16 сентября. Военно-полевой судъ приговорилъ *Клядазе* за ограбленіе духана *къ смертной казни черезъ расстрѣліаніе.* Въ виду молодости и неопытности преступника генералъ-губернаторъ *замѣнилъ казнь каторгой на 12 лѣтъ.* Другой обвиняемый, Сванцлзе, оправданъ.

60) Въ Варшавѣ, 16 сентября, военнымъ судомъ приговорены *Фридриховскій—къ смертной казни* за вооруженное нападеніе на лавку, *Вольцехъ—* въ арестантскимъ ротамъ на три года, за покушеніе на жизнь солдата, *Добриаль—* къ ссылке на поселеніе за распространіе прокламацій. Ольговскій и Манель оправданы.

Приговоръ военно-полевой суда *о повѣшеніи Романа Фридриховскаго приведенъ въ исполненіе.*

61) Въ Варшавѣ, 17 сентября. За убійство земскаго стражника военно-окружной судъ приговорилъ Подчаскаго и Михалюка къ каторжнымъ работамъ на 20 лѣтъ, Адамовича же къ безсрочной каторгѣ.

62) Кронштадтъ, 17 сентября, въ 1 ч. дня временнымъ военнымъ судомъ вынесена резолюція по дѣлу о матросскомъ мятежѣ, коей бывшій членъ Государственной Думы Оникпо приговоренъ къ лишенію всѣхъ правъ и ссылке на поселеніе; крестьяне Драничевъ, Рыбаковъ, Федоровъ—оправданы; *изъ восьми чиновъ флота 19 человекъ приговорены къ смертной казни черезъ расстрѣліаніе*, 12 человекъ приговорены къ каторжнымъ работамъ безъ срока, 23 человекъ на 20 лѣтъ, 7 человекъ на 15 лѣтъ, 8 человекъ на 10 лѣтъ, 60 человекъ на 6 лѣтъ, 22 человекъ на 4 года, 429 приговорены въ арестантскія отдѣленія и въ тюрьму гражданскаго вѣдомства на разные сроки. Всѣ осужденные лишены воинскаго званія.

Оправдано 129 человекъ, кромѣ вышеперечисленныхъ вольныхъ. Приговоръ посланъ на утверженіе и д. коменданта, генералу Адлербергу.

Приговоръ по дѣлу о матросскомъ бунтѣ въ Кронштадтѣ уже подтверждаетъ комендантомъ крѣпости.

21 сентября. *Приговоръ надъ матросами, присужденными къ смертной казни, приведенъ въ исполненіе сегодня въ 6 часовъ утра* за городомъ, близъ батареи Липке. Исполнителями приговора были матросы.

63) Въ Вѣлостокъ, 17 сентября. Незвѣстный, покушавшійся вчера на убійство городского, оказался мѣщаниномъ Ломжинской губерніи, *Стенаномъ Вычскимъ.* Военно-полевымъ судомъ онъ приговоренъ къ смертной казни *черезъ повѣшаніе.* Приговоръ приведенъ въ исполненіе.

64) Въ Ревель, 17 сентября. Крестьянинъ Августъ *Линдоръ* приговоренъ къ смертной казни *черезъ расстрѣліаніе.* 18-го приговоръ приведенъ въ исполненіе.

65) Саратовъ, 18 сентября. Скутельминъ, тяжело раненный начальникомъ тюрьмы Шгалова, военнымъ судомъ приговоренъ къ смертной казни. Судъ постановилъ ходатайствовать о замѣнѣ смертной казни 15-ти-лѣтней каторгой.

66) Бахмутъ, 17 сентября. Военно-полевой судъ приговорилъ *четыре* ограбившихъ казенную винную лавку въ Новоседовѣкъ *къ смертной казни через повѣшаніе.*

67) Тамъ же. Военно-полевымъ судомъ приговорены *два злоумышленника*, за ограбленіе вѣровскаго волостнаго правленія, *къ смертной казни черезъ повѣшаніе.* 18 сентября на расстрѣлъ приведенъ въ исполненіе смертный приговоръ *надъ грабителями казенной винной лавки въ селѣ «Новоседовѣкъ»* и вѣровскаго волостнаго правленія. *Всѣ шестеро расстрѣляны.*

68) Въ Либавѣ, 18 сентября. Въ субботу морской полевой судъ приговорилъ 23 матросовъ за бывшіе беспорядки на суднѣ «Рига» къ каторжнымъ работамъ на разные сроки.

69) Въ Бахмутѣ, 18 сентября. Военно-полевой судъ, за ограбленіе въ поселкѣ Никиткова хлѣбной лавки Платова, *приговорилъ къ повѣшенію трехъ человекъ.* Приговоръ сегодня утромъ *приведенъ въ исполненіе.*

70) Въ Москвѣ, 19 сентября, военный судъ приговорилъ рядового софійскаго полка Попова за распространіе прокламацій въ дисциплинарный батальонъ на 2 года.

71) Въ Кутаисѣ, 19 сентября. *Приведенъ въ исполненіе смертный приговоръ* военно-полевой суда *надъ Ясономъ и Бауретомъ Пракадзе*, обвинявшимися въ разбойномъ нападеніи на большой дорогѣ.

72) Въ Благовѣщенскѣ, 19 сентября. Временный военно-окружной судъ, рассмотрѣвъ дѣло 80 нижнихъ чиновъ 21 восточно-сибирскаго полка, обвиняемыхъ въ возстаніи и неповиновеніи начальству, приговорилъ шестерыхъ къ смертной казни, трехъ къ каторгѣ, 19 къ дисциплинарнымъ батальонамъ, двое оправданы. Приговоръ направленъ на подтвержденіе главнокомандующему.

73) Въ Варшавѣ, 19 сентября. Военный судъ рассмотрѣлъ вчера дѣло о крестьянахъ *Жуковскомъ, Каччикѣ, Броуэрѣ и Литинскомъ*, обвиняемыхъ въ разбойничьемъ ограбленіи винныхъ лавокъ и принадлежности къ пар-

тин, стремящейся к ниспровержению революционным путем государственного строя, а также дядю о мещанин Вайдман, обвиняемого в покушении на убийство железнодорожного сторожа. Судь приговорил *первого* *четырем* *к смертной казни через повешение*, а последнего к ссылке в каторгу на 8 лет.

74) В Кронштадт, 20 сентября. В военно-морском судъ рассмотрю дѣло по обвинению матроса гвардейскаго экипажа Николая Мусоргина въ распространеніи среди нижнихъ чиновъ прокламаций революціоннаго характера. Мусоргинъ приговоренъ къ заключенію въ крѣпости на 5 лѣтъ, съ замѣной заключеніемъ въ дисциплинарный батальонъ на то же срокъ.

75) В Херсонѣ, 20 сентября. *Семь участниковъ* нападенія на каховское отдѣленіе петербургскаго международнаго банка *приговорени* военно-полевымъ судомъ *къ расстрѣлянію*. *Приговоръ приведенъ въ исполненіе*; остальные два участника присуждены къ 20 годамъ каторжныхъ работъ.

76) В Одессѣ, 20 сентября. Военный судъ приговорилъ къ каторжнымъ работамъ на 13 лѣтъ 5 мѣсяцевъ мѣщанинъ Ефимова, бросившаго бомбу въ бакалейный магазинъ Рейдена, отказавшаго дать деньги въ пользу анархистовъ-коммунистовъ.

77) В Ватумѣ, 20 сентября. По *приговору военно-полевого суда* вчера въ оградѣ тюрьмы *казненъ революнистъ*, совершившій грабежъ на улицѣ.

78) В Кильцахъ, 20 сентября. Утромъ, по приговору военно-полевого суда, *расстрѣляни трое рабителей: Иванъ Шалмоускій, Францъ Банковскій и Иванъ Шукевичъ*.

79) В Митава, 20 сентября. Расстрѣляны по приговору военно-полевого суда *лашки Бразманъ и Фрейманъ*, явившіеся въ домъ Вилькса и застрѣлявшие на глазахъ матери двадцатилѣтняго сына.

80) В Калишѣ, 20 сентября. *Приговоръ* военно-полевого суда *о расстрѣляніи мѣщанина Рутта* за нападеніе на часового въ Здунской Волѣ *приведенъ въ исполненіе*.

81) В Благовѣщенскѣ, 20 сентября. Временный военно-окружный судъ, рассмотрѣвъ дѣло обвиняемыхъ по 129 и 130 ст. угол. улож. делегатовъ амурскаго казацкаго населенія, приговорилъ одного къ шести, 3-хъ къ четыремъ годамъ каторги, 8-хъ къ ссылке на поселеніе, 7-хъ къ тремъ годамъ, 5-хъ къ одному году крѣпости. Въ числѣ осужденныхъ восемь учителей, 9 делегатовъ оправданы. *Приговоренъ за убійство к смертной казни осемью поселенцевъ Гелогиминъ*.

82) В Новочеркасскѣ, 20 сентября. Привлеченный къ отвѣтственности по 129 ст. подсудимый Кузнецовъ осужденъ палатой къ заключенію въ крѣпость на одинъ годъ.

83) В Севастополѣ, 20 сентября. По дѣлу о безпорядкахъ на броненосцѣ «Три Святителя», при приговореніи къ стрѣльбѣ по крѣпостной артиллеріи во время безпорядковъ въ июлѣ мѣсяцѣ изъ 17 подсудимыхъ (четыре скрылись) двое присуждены къ каторгѣ, четверо къ арестантскимъ ротамъ, пятеро въ дисциплинарный батальонъ. Одинъ оправданъ.

84) В Варшавѣ, 20 сентября. За участіе въ нападеніи на кассу общества взаимнаго кредита въ Варшавѣ окружный судъ приговорилъ Славинскаго и Плоскаго къ каторжнымъ работамъ—перваго на 14, втораго на 4 лѣтъ.

85) В Екатеринбургѣ, 21 сентября. Военно-полевымъ судомъ разбирается дѣло Васова и Михова объ ограбленіи въ селѣ Новыя Кайдаки лавочки. *Васовъ приговоренъ къ расстрѣлу*. *Приговоръ* сегодня въ 6 часовъ утра *приведенъ въ исполненіе*. Миховъ оправданъ.

86) В Кіевѣ, 21 сентября. Военно-окружной судъ, рассмотрѣвъ дѣло по обвиненію пяти челоувѣкъ, въ томъ числѣ двухъ рядовыхъ, въ крадѣ совмѣстно съ часовыми, скрывшимися отъ суда, 60 казенныхъ винтовокъ изъ склада 19 запаснаго батальона въ Житомирѣ, приговорилъ къ каторгѣ двоихъ на 6 лѣтъ, а троихъ на два года.

87) В Вильвѣ, 21 сентября. Военно-окружной судъ приговорилъ рядового Хайтмана, по обвиненію его въ оскорбленіи унтеръ-офицера и подстрекательствѣ къ возстанію, къ лишенію воинскаго званія и всѣхъ правъ состоянія и къ безсрочнымъ каторжнымъ работамъ.

88) 21-го сентября, въ спб. главнымъ военнымъ судъ рассматривалась кассационная жалоба по дѣлу крестьянъ Эриста Знатса, Фрица Берзиня и Яниса Пелдте, приговоренныхъ временнымъ военнымъ судомъ въ Митава—первыхъ двое къ смертной казни черезъ повѣшеніе, а третій—въ каторгу на 4 года. Главный военный судъ оставилъ жалобу безъ послѣдствій.

89) В Саратовѣ, 21 сентября. Судебная палата съ участіемъ сословныхъ представителей приговорила крестьянина Сидоренко къ заключенію въ тюрьму на 1 годъ съ зачетомъ 8 мѣсяцевъ, проведенныхъ въ тюрьмѣ до суда, за передачу въ Царцанѣ прокламаций нижнимъ чинамъ бендерскаго полка «Возвращаю къ солдатамъ» и за храненіе въ квартирѣ прокламаций. Сидоренко обвинялся по 129 и 132 ст. угол. улож.

90) В Орлѣ, 22 сентября. Мѣщанинъ Тимофеевъ, обвиняемый въ принадлежности къ обществу сѣверо-западной организаціи социаль-революціонеровъ, приговоренъ харьковской судебной палатой къ заключенію въ крѣпость на 1 годъ съ зачетомъ предварительнаго заключенія.

91) Военно-полевой судъ въ городѣ *Гаролими приговорилъ къ смертной казни черезъ расстрѣляніе Симона Николайчука* за грабежъ и убійство *Якова Гурина*. Приговоръ приведенъ въ исполненіе.

92) Саратовѣ, 22 сентября. Судебной палатой съ сословными представителями судился крестьянинъ Пчелинцевъ, который въ октябрѣ и декабрѣ прошлаго года въ селѣ Петровскѣ подговаривалъ повстанцевъ не идти на службу. Пчелинцевъ приговоренъ къ заключенію въ тюрьму на 11 мѣсяцевъ съ зачетомъ 8 мѣсяцевъ, проведенныхъ имъ въ предварительномъ заключеніи.

93) В Митава, 22 сентября. Военнымъ судомъ *Адамовичъ* и бывший ученикъ реальнаго училища *Гринюфъ* приговорены за террористическіе разбои *къ смертной казни*.

94) В Москвѣ, 22-го сентября. Въ судебной палатѣ рассматривалось дѣло о сынѣ священника Пономаревъ, мѣщанинъ Зиготинъ и крестьянинъ Варгазинъ. Обвиняемые были арестованы третьяго декабра прошлаго года, при чемъ у нихъ были найдены принадлежності приготовления бомбъ. Варгазинъ оправданъ, Пономаревъ и Зиготинъ приговорены къ заключенію въ крѣпости на 4 года каждый, съ зачетомъ десяти мѣсяцевъ предварительнаго заключенія.

95) Вь Варшавь, 21 сентября. Военный судь, раасмотрѣвъ дѣло о крестьянахъ Франкъ, Зюльковскомъ, Сикорѣ и Прухнякѣ, обвиняемыхъ въ покушеніи на убійство земскихъ стражниковъ, приговорилъ ихъ каторжнымъ работамъ: перваго на 6 лѣтъ и трехъ на 3 года.

96) Вь Холмѣ, 22 сентября. Крестьянинъ ново-александрійскаго уѣзда *Посинъ* 26 лѣтъ, обвиняемый въ разбѣ и грабежѣ *сеюна утрома распурила* по приговору военно-полевого суда.

97) Варшава, 22 сентября. Варшавскій военно-окружной судь, рааобразъ дѣло *Мартина Митько*, обвиняемаго въ вооруженномъ сопротивленіи законнымъ требованіямъ стражниковъ, приговорилъ его къ шести годамъ каторжныхъ работъ.

98) Новочеркасскъ, 22 сентября. Казацкъ *Авдѣевъ* за произнесеніе рѣчей противъ отправки на службу казаковъ приговоренъ судебной палатой къ заключенію на годъ и 8 мѣсяцевъ.

99) Вь Стародубѣ, 22 сентября. Приговоромъ особаго присутствія кievской судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей, обвиняемыхъ по статьямъ 51, 126, 103 и 130 уг. ул., политические присуждены къ заключенію въ крѣпости безъ зачета тюремнаго заключенія: бывшая фельдшерница *Роза Руссина* студентъ *Федоръ Лагутенко*, волостной старшина *Егоръ Куриленковъ* на 3 года, бывший студентъ *Владиміръ Суничи* на 2 года. Другіе обвинявшіеся политические еврей *Самуилъ Кричевскій* и *Бисей Виничковъ* скрылись. Учитель *Иосифъ Лосикъ* безсмыдно исчезъ изъ залы суда.

100) Вь Мпгавѣ, 22 сентября. Дѣло о 30 латышахъ и литовцахъ, которые въ декабрѣ прошлаго года помощью собравшихся шаекъ вытѣснены въ власть изъ Виндавы, окончилось обвиненіемъ 14 подсудимыхъ. Изъ нихъ д. с. с. *Шитовскій* приговоренъ на основаніи 125 статьи улож. о нак. къ заключенію въ крѣпости на 3 мѣсяца. Круанытъ къ каторгѣ на 4 года, семеро другихъ обвиняемыхъ къ ссылкѣ на поселеніе, а остальные къ заключенію въ тюрьмѣ.

101) Вь Новочеркасскѣ, 22 сентября. За распространеніе листовъ антиправительственнаго характера среди солдатъ за произнесеніе такихъ же рѣчей среди казаковъ палатой осуждены урядникъ *Турковъ*—къ заключенію въ крѣпость на полтора года и штатскіе *Повоцковъ* и *Пышковъ*—на одинъ годъ каждый.

102) Вь Одессѣ, 22 сентября. Военный судь приговорилъ къ ссылкѣ въ каторжную работу безъ срока младшаго писаря полевого жандармскаго эскадрона *Ускурскаго*, обвинявшасго въ нанесеніи оскорбленія прапорщику *Федоренко*, вѣхавшему на трамваѣ вмѣстѣ съ ротой модняскаго полка.

103) Вь Керчи, 22 сентября. Судебной палатой за оскорбленіе полицмейстера и коменданта города по поводу безпорядковъ 9 января приговорены обвиняемые *Смутковъ* и *Верштрамъ* къ тюремному заключенію на 6 мѣс. каждый.

104) Вь Ченстоховѣ, 22 сентября. По приговору военно-полевого суда *расстреляны 10 человекъ за участіе въ разныахъ грабежахъ и насилиахъ*. Изъ нихъ семеро люди молодые, трое старше 40 лѣтъ.

105) Вь Нижнемъ-Новгородѣ, 23 сентября. Приговоромъ военно-окруж-

наго суда рабочій сормовскихъ заводовъ *Локастовъ*, стрѣлявшій въ полъ въ инженера *Русакво*, приговоренъ къ тюремному заключенію на 5 лѣтъ.

106) Вь Москвѣ 23 сентября состоялся военно-полевой судъ, которому былъ преданъ московскій Генераль-губернаторомъ бывший студентъ мѣщанинъ города *Ефремова*, *Пироговъ*, по обвиненію въ томъ, что 21 сентября на станціи *Вородино*, московско-брестской жел. дор. онъ при преслѣдованіи его, отстрѣляваясь изъ револьвера, однимъ выстрѣломъ убилъ нановалъ желѣзнодорожнаго жандарма *Павлова*, другимъ—ранилъ кондуктора *Труханскаго*. *Военно-полевой судъ приговорилъ Пирогова къ смертной казни чрезъ повѣснне*. Казнь будетъ совершена въ воскресенье на рассвѣтѣ.

107) Перновъ, 23 сентября. Полевой судъ вчера приговорилъ къ *расстрѣливаю кавказскихъ мичманъ Дегеля и Уласкиа, крестьянина Адамсона* за ограбленіе и раненіе лиясарскаго дворохозяина *Тохва*. Приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе немедленно.

108) Зугдиды, 23 сентября. *Шотія приговорилъ* военно-полевымъ судомъ къ *расстрѣливаю* за вооруженное сопротивленіе полиціи.

109) Тифлисъ, 23 сентября. Военно-полевой судъ *приговорилъ къ смертной казни* черезъ повѣснне *Жемеля* Кутаисской губерніи *Серадзе*, ограбившаго казначея гимназіи, 23 сентября *приговоръ приведенъ въ исполненіе*.

110) 23 сентября петербургскимъ военно-окружнымъ судомъ приговоренъ къ расстрѣлу рядовой новочеркасскаго полка *Матвѣевъ*. Онъ обвинялся въ нанесеніи оскорбленія дѣйствию офицеру. Между тѣмъ выяснилось, *Матвѣевъ* участвовалъ въ японской войнѣ и былъ награжденъ за отличіе георгиевскимъ крестомъ. Приговоръ уже подтвержденъ помощникомъ командующаго и долженъ быть приведенъ въ исполненіе 25 сентября.

111) Вь Владивостокѣ, 23 сентября. Кончили военно-полевой судъ надъ лицами, ограбившими сибирскій банкъ. *Платеро приговорены къ смертной казни*; шесть оправданы. Приговоръ идетъ на конфирмацію.

112) Вь Одессѣ, 23 сентября. Военный судъ приговорилъ къ тюремному заключенію на 2 года унтеръ-офицера перекопскаго полка, *Топчѣва*, оскорбившаго офицера въ маѣ сего года, во время безпорядковъ среди нижнихъ чиновъ, возвращавшихся на родину съ театра войны и выразившихъ недовольство по поводу недоброкачественности подаанной солиныи.

113) Вь Орлѣ, 23 сентября. Здѣсь обвинялись 55 крестьянъ малорухангельскаго уѣзда за участіе въ разгромѣ скопомъ экономіи *Леонтьевыхъ*. Харьковская судебная палата 22 оправдала, *Кулешева* приговорила на 3 съ половиной года, *Бѣликова* на 2 года въ исправительная арестантскія отдѣленія, еще одного на 1 годъ, малозлѣтнго участника на 4 мѣсяца, а всѣхъ остальныхъ на 10 мѣсяцевъ въ тюрьму.

114) Вь Варшавѣ, 23 сентября. По дѣлу о крестьянахъ *Левандовскомъ* и *Бертрандѣ*, обвиняемыхъ въ покушеніи на убійство жандармскаго унтеръ-офицера, судъ приговорилъ перваго къ каторжнымъ работамъ на 4 года, а втораго оправдалъ.

115) Рига, 26 сентября. Разсмотрѣвъ вторично дѣло о *пяти грабителяхъ*, военно-полевой судъ приговорилъ *Смурисса, Цетте, Красовскаго* и *Дреймана*, совершившихъ цѣлый рядъ вооруженныхъ грабежей, къ *смертной казни*; *Кальнинъ* оправданъ. При первомъ разборѣ 3 были оправданы,

а 2 приговорены къ каторжнымъ работамъ на 20 лѣтъ. *Генераль-губернаторъ*, въ виду несовершеннолѣтїа и чистосердечнаго раскаянїа *Смирнова*, замѣнилъ ему смертную казнь *двадцатилѣтней каторгой*. 27 сентября въ 4 часа утра *приведенъ въ исполненіе приговоръ надъ осужденными: Пятно, Красовскимъ и Дрейманомъ*. Смургуе казнь замѣнена 20-тилѣтней каторгой.

116. Въ Варшавѣ, 24 сентября. По приговору военно-полевого суда *преданы вчера смертной казни черезъ разстрѣлиіе дезертиры Вдовичико и Ференс* за вооруженное нападеніе на чиновъ полицїи, и *черезъ повѣщенїе крестьянине Чубашикъ* за разбой въ лѣвѣхъ и стрѣльбу изъ револьвера въ преслѣдовавшихъ его лицъ.

117) Въ Сѣдлецѣ, 24 сентября. Въ Гарволинѣ по приговору военно-полевого суда *казненъ Критеръ* за вооруженный грабежъ ласкаржевской гмины.

118) Въ Варшавѣ военно-полевой судъ *приговорилъ къ смертной казни слесаря Накосекаго* за убійство околочнаго надзирателя. 26 сент. *приговоръ приведенъ въ исполненіе*.

119) Послѣ трехдневнаго разбирательства въ московской судебной палатѣ закончилося разсмотрѣніе, при участїи сословныхъ представителей, дѣла о бывшихъ студентахъ Бергѣ и Сахаровѣ и рабочихъ Коуровскомъ, Савосиныхъ и Климовѣ, обвинявшихся въ участїи въ вооруженномъ возстанїи, убїйствѣ городского, пораненїи околочнаго надзирателя. Палата приговорила Коуровскаго, по лишенїи всѣхъ особыхъ правъ, къ заключенїю въ арестантскїя отдѣленїа на четыре года; бывший студентъ Сахаровъ и Савосиы приговорены къ заключенїю въ крѣпости: первый на 8 мѣсяцевъ второй на одинъ годъ. Климовъ и бывший студентъ Бергъ оправданы.

120) 25 сентября въ военно-окружномъ судѣ слушалось дѣло по обвиненїю рядового 3-го финляндскаго стрѣлковаго полка Стефана Компановскаго въ агитаціи среди войскъ. Судъ призналъ Компановскаго виновнымъ и на основанїи п. 1 и 2 ст. 130 уголов. улож. приговорилъ его къ лишенїю воинскаго званїа и къ ссылкѣ на поселеніе.

121) Въ Влаговищенскѣ, 25 сент. Временный военно-окружной судъ по дѣлу объ убїиствѣ часовыхъ дѣлъ мастера Шаринерева *приговорилъ подсудимыхъ Пасихевича, Есеева, Рабова и Юдину къ смертной казни черезъ повѣщенїе; подсудимыхъ Емельянова, Пучнина, Муздину и Иванову къ ссылкѣ на каторжную работы*.

122) За убїиство и грабежъ въ деревнѣ Сваты гарволинскаго уѣзда, по постановленїю полевого суда, *разстрѣлянъ въ Гарволинѣ крестьянинъ Николайчикъ*.

123) Въ Кутаисѣ, 25 сентября. По приговору полевого суда, за ограбленїе фургоищниковъ *разстрѣлянъ Несторъ Кварра*. Второй обвиняемый—не несовершеннолѣтній Бочуцава, только присутствовавшій при грабежѣ, но не принимавшій активнаго участїа, оправданъ.

124) Ревель, 26 сентября. По приговору военно-полевого суда, въ 6 ч. утра *казненъ крестьянинъ Мадисъ Примецъ* за вооруженный разбой на большой дорогѣ.

125) Сѣдлецъ, 26 сентября. Въ городѣ Гарволинѣ въ 6 час. утра по приговору военно-полевого суда *казненъ глава разбойничьей шайки, оперировавшей въ ласкаржевской гминѣ, Стефанъ Серанскїй*.

126) Кутаисѣ, 26 сентября.—Осужденные за разбой по приговору военно-полевого суда жители Кутаисскаго уѣзда, *Герасимъ Юбаде и Калемъ Тараделидзе—разстрѣляны*.

127) Въ Вильвѣ, 26 сентября. Военно-окружной судъ приговорилъ рядового Малевицка за распространенїе прокламаціи среди войскъ къ лишенїю воинскаго званїа, всѣхъ правъ состоянїа и къ ссылкѣ на поселеніе.

128) Въ Варшавѣ 25 сент. въ военномъ судѣ разсматривалось дѣло о мѣщанахъ Коликѣ, Ромацкомъ, Ротштейнѣ и мѣщанкахъ Лейманѣ и Брамсѣ, обвиняемыхъ въ принадлежнсти къ еврейской социалистической партїи „Бундъ“, поставившей себѣ цѣлью ниспроверженіе насильственнымъ путемъ существующаго образа правленїа въ Россїи. Судъ приговорилъ: первого къ каторжнымъ работамъ на 2 года 8 мѣсяцевъ, двухъ послѣдующихъ къ ссылкѣ на поселеніе. Обѣ женщины оправданы.

129) Въ Варшавѣ, 27 сентября. Въ военномъ судѣ разсматривалось вчера дѣло Новака, Боручкаго и Домбровскаго, обвиняемыхъ въ убїиствѣ городского и покушенїи на убїиство солдата. Первыхъ двухъ судъ оправдалъ, а Домбровскаго *приговорилъ къ смертной казни черезъ повѣщенїе*.

130) Въ Лодзи, 27 сентября. Военно-полевой судъ приговорилъ *пятиркихъ грабителей, оперировавшихъ въ Лосскомъ уѣздѣ, къ смертной казни черезъ разстрѣлиіе*. Приговоръ приведенъ въ исполненїе.

131) Ковна, 27 сентября. По дѣлу о Вилевичѣ, Станкевичѣ, Чейлытько, Скршитускомъ и Баталинѣ, обвинявшихся въ разбой съ цѣлью вымогательства денегъ для политическихъ цѣлей и убїиствѣ купца Рабиновича, согласно вердикту присяжныхъ засѣдателей, окружной судъ приговорилъ къ лишенїю всѣхъ правъ и ссылкѣ въ каторжныя работы Вилевича на 8 лѣтъ, Станкевича на 5 лѣтъ и 4 мѣсяца, Скршитусскаго на 4 года, Баталинѣ и Чейлытько оправданы.

132) Въ Петербургѣ рабочей Калашниковъ былъ преданъ суду по обвиненїю въ томъ, что нанесъ дзельному при исполненїи обязанностей легкуу рану, при сознанїи послѣдствїей своего дѣланїа.

Спб. военно-окружной судъ, разсмотрѣвъ это дѣло въ засѣданїи 27 сентября, приговорилъ *Калашникова къ смертной казни*, по постановленїю ходатайствовать передъ главнокомандующимъ о смягченїи наказанїа.

133) Москва, 27 сентября. Въ судебной палатѣ съ участїемъ сословныхъ представителей разсматривалось дѣло крестьянина Андрїанова, обвиняемаго по 100 ст. ул. Ему приписывалось, что онъ во время декабрьскаго возстанїа портилъ желѣзнодорожные пути, чтобы помѣшать провозу въ Москву войскъ. Палата признала его виновнымъ въ участїи въ скопищѣ, препятствовавшемъ движенїю поѣздовъ, и приговорила по 123 ст. къ заключенїю въ тюрьму на годъ съ зачетомъ предварительнаго девятимѣсячнаго заключенїа.

134) Въ Вильвѣ, 27 сентября. Судебная палата, разсмотрѣвъ сегодня политическїя дѣла мѣщанина Колеснича и мѣщанина Чижиковой по обвиненїю въ храненїи бомбъ и оружіа, приговорила первого къ каторжнымъ работамъ на четыре года, вторую палата оправдала.

135) Основицы, 27 сентября. Въ Бѣдинѣ *разстрѣляны по приговору военноплевого суда Иосифъ Бембасъ, Францъ Супернакъ, Осипъ Зайонисъ и Теофиль Ендрушекъ*.

136) Вь Вильяв, 27 сентября. Судебная палата рассмотрела дело по обвинению в принадлежности к тайному обществу и в хранении взрывчатых веществ мѣщанъ Хан Чижикъ и Калмана Талесника, въ квартирахъ которыхъ найдено по 4 бомбы. Чижикъ оправдан, а Талесникъ приговоренъ къ каторжнымъ работамъ на 4 года.

137) Черниговъ, 27 сентября. Окружной судъ по делу о разгромѣ и поджогѣ построекъ въ октябрь прошлаго года въ имѣнии гродненскаго предводителя дворянства, Кровольскаго-Гривневскаго, приговорилъ двухъ крестьянъ къ каторжнымъ работамъ на шесть лѣтъ, 30—къ отдачѣ въ арестантскія роты отъ одного года до 6 лѣтъ, 12—къ тюремному заключенію отъ 8 мѣсяцевъ до 2½ лѣтъ. Десять оправданы.

138) Въ Киевѣ, 28 сентября. Военно-окружной судъ рассмотрѣлъ дело крестьянъ села Грузскаго, лутыльскаго уѣзда, Курской губерніи, Казыны, Шешеня, Роточенко, Мшценко и Газезянна, обвинявшихся въ умыленномъ убійствѣ въ декабрь 1905 г., въ селѣ Грузскомъ, полицейскаго урядника Геля и въ покушеніи на убійство пристава Кляйцева и стражника Счастливцева. По первому обвиненію всѣ оправданы, по второму обвиненію первые трое признаны виновными, причемъ *Калмана приговоренъ къ смертной казни черезъ повѣшаніе*, а Шешень и Роточенко къ каторгѣ на 15 лѣтъ; остальные оправданы.

139) Сосновицы, 28 сентября. Арестованные въ Сосновицахъ на Дембовой горѣ 5 обвинявшихся въ принадлежности къ боевой организаціи, полемымъ судомъ приговорены: женщина—къ каторжнымъ работамъ, четверо мужчинъ—къ смерти.

140) Калишъ, 28 сентября. Въ Ленчицѣ въ 8 ч. 50 м. утра *растерзаны* по приговору военно-полевого суда *Андрей Свйтославскій* и *Людвигъ Павлюкъ* за вооруженный грабежъ.

141) Въ Васильковѣ, 28 сентября. Сегодня состоялся военно-полевого суда надъ крестьянствомъ села Романовки Иваномъ Чупринимъ, за нахождение у него 5 бомбъ въ Фастовѣ. Чуприна приговорили къ 15-тилѣтней каторгѣ.

142) Въ Царичанѣ, 28 сентября. Временный военно-окружной судъ, рассмотрѣвъ дело нижнихъ чиновъ бобрускаго полка, обвиняемыхъ въ устройствѣ демонстраціи при предъявленіи экономическихъ требованій командиру полка, приговорилъ 7 нижнихъ чиновъ къ отдачѣ въ дисциплинарный батальонъ на 2 года и 2 мѣсяца, 6—на 2 года съ лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ и 4-хъ аресту на 20 дней; трое нижнихъ чиновъ оправданы.

143) Киевѣ, 28 сентября. Военно-окружной судъ *приговорилъ* за бросаніе бомбы въ банкскій домъ Ратера въ Китомирѣ *Полоскаго* къ повѣшанію, *Гыка*—къ каторжнымъ работамъ на 8 лѣтъ. Лумельскій и Гальбинъ оправданы.

144) Въ Киевѣ. Судебная палата приговорила Диву Нейманъ къ заключенію въ крѣпость на одинъ годъ за революціонную пропаганду въ войскахъ. Обвинявшійся въ революціонной пропагандѣ среди крестьянъ Възникъ присужденъ къ заключенію въ крѣпость на 1½ года.

145) Рига, 29 сентября. Военно-полевого суда по делу о пораненіи и убійствѣ городскихъ приговорилъ *Ширину* и *Вальдейма* къ смертной казни,

Берзина и Луяпа, къ заключенію въ тюрьму на 8 лѣтъ, а остальныхъ обвиняемыхъ оправдалъ.

30 сентября. Смертный приговоръ военно-полевого суда надъ *Шириню* и *Вальдейма* приведенъ въ исполненіе.

146) Въ Ревелѣ, 29 сентября. Военно-окружной судъ, рассмотрѣвъ два дела, изъ которыхъ одно политическое (распространеніе въ войскахъ прокламаціи), приговорилъ: по первому делу портного Кокмана късылкѣ на поселеніе съ лишеніемъ всѣхъ правъ.

147) Въ Юзовкѣ, 29 сентября. Военно-полевого суда приговорилъ *шестерыхъ* изъ 12 членовъ шайки, терроризировавшей населеніе, къ смертной казни.

30 сентября. По приговору военно-полевого суда *ночью растерзаными 6 террористовъ*. Остальные 6, обвиняемыхъ по тому же дѣлу, оправданы въ недостаткомъ уликъ, но привлекаются къ уголовной ответственности по другимъ преступленіямъ.

148) Въ Кельцахъ, 30 сентября. По приговору военно-полевого суда *растерзаными два грабителя, изъ нихъ—одинъ русский*.

149) Митава, 30 сентября. Военный судъ приговорилъ *латвишей Талмана* и *Предена* за вооруженный разгромъ винной лавки къ смертной казни.

150) Въ Луганскѣ, 30 сентября. По приговору военно-полевого суда *растерзаны двое* за динамитное покушеніе въ Палловскѣ.

151) Въ Варшавѣ, 30 сентября. Военный судъ, рассмотрѣвъ дело о крестьянѣ *Мотелѣ*, обвиняемомъ въ вооруженномъ нападеніи на патруль и нанесеніи тяжелой раны гороловому, *приговорилъ его къ смертной казни* черезъ повѣшаніе.

152) Вильява, 30 сентября. Судебная палата приговорила мѣщанина Останова за бросаніе бомбы въ третій участокъ съ цѣлью убійства помощника пристава Соколовскаго къ шести годамъ тюремнаго заключенія.

153) Въ Прибалтійскомъ краѣ, 2 сентября въ Феллинѣ военно-полевого суда приговорилъ къ смертной казни чрезъ растрѣпаніе *Ганса Пейна* и *Ганса Лиденберга*, оказавшихъ вооруженное сопротивление женскому волостному старшинѣ при попыткѣ задержать ихъ, причемъ убитъ былъ одинъ крестьянинъ и ранены двое. *Приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе въ тотъ же день*, на сѣнокосѣ усадьбы Лойгу, въ томъ же самозѣ мѣстѣ, гдѣ совершенно было преступленіе. При исполненіи приговора присутствовала огромная толпа крестьянскихъ жителей.

154) — Въ Доблевѣ, Курляндской губ., 3 сентября по подозрѣнію въ участіи въ нападеніи *растерзаными рабочій Озолъ*. 4 сентября *растерзаными сапожникомъ Вакусъ* и еще одинъ невѣстный мѣстный рабочій, тоже но по дознанію въ нападеніи.

155) По дорогѣ отъ Огрескална драгуны въ сосѣдней усадьбѣ Сежастъ замѣтили трехъ вооруженныхъ лицъ, нившихъ у колодца воду. Драгуны пустились въ карьеръ и двухъ изъ нихъ поймали, а одинъ удралъ. Пойманныхъ отправили въ Эссенгофъ, гдѣ они были подвергнуты допросу, а *потомъ растерзаными* и погребены на мѣстномъ кладбищѣ; но черезъ нѣсколько дней солдатами были вырыты трупы и сфотографированы.

156) — Фестень, 6 сентября вечеромъ, по словамъ «Латвія», драгунами арестованы 2 члена вѣявской волости Тинаяны и Лѣпны, изъ которыхъ

первою разстреляли в тот же день, а другою лишь на другой день. Оба они, как слышно, разстреляны потому, что съ недлю тому назад на каком-то празднестве поссорились съ нѣкимъ Р. и хотѣли его убить.

157) Въ Рубажской волости арестовано 5 лицъ. 13 сентября разстрелянъ усадьбовладѣлец Кинитъ, недавно выпущенный изъ тюрьмы.

155) Въ Невальской волости разстреляны солдатами нѣкій *Боба*.

159) Въ Ригѣ, 18 сентября. На-дняхъ въ Кокенгаузенѣ застрѣленъ солдатъ при попыткѣ къ бѣгству революціонеръ, обвинявшійся въ убійствѣ корнета Козлянинова.

160) Въ Кокенгаузенѣ 14 сентября,—какъ сообщаетъ „Balss“,—на берегу Двины възкучіоннымъ отрядомъ разстреляны пять *человѣкъ*.

161) Рига, 21 сентября. Изъ Шрундена, гольдингенскаго уѣзда, сообщаютъ, что тамъ въ последнее время карательными отрядами разстреляно 10 *человѣкъ*. Въ Пампелми, того же уѣзда, пять *человѣкъ*.

162) Въ Песвайской волости разстреляно по подозрѣнію въ участіи въ сожженіи нѣмѣнн Кальснау, нѣкій *Крунисис*.

Въ Рудбауской волости възкучіонный отрядъ разстрелялъ 3-хъ *лицъ*. Послѣ этого начальникомъ отряда было заявлено, что если грабежи будутъ повторяться, то будутъ разстреляны шесть *лицъ* и т. д.

163) Въ Пильтвѣнѣ, 24 сентября, въ усадьбѣ Веждукъ, во время обиска, по словамъ „Муусу Лайки“, драгунами разстреляно *слабодумный батракъ*.

Въ теченіе сентября печать подвергалась нижеслѣдующимъ преслѣдованіямъ:

1) Въ Тифлисѣ, 31 августа. Приостановлено на неопредѣленное время изданіе грузинской газеты „Иверія“.

2) Тамъ же, 31 августа. По распоряженію тифлискаго генераль-губернатора конфискованъ сатирический журналъ „Комаръ“. Редакторъ Давидицъ арестованъ. Типографія опечатана.

3) Тамъ же, 2 сентября. По распоряженію генераль-губернатора, закрыта газета „Обновленіе“.

4) Въ Киевѣ, 2 сентября. Редакторъ „Кіевскихъ Отголосковъ“ приговоренъ начальникомъ края къ мѣсячному аресту.

5) Въ Вильнѣ, 3 сентября. Редакція бѣлоросскаго газеты „Наша Доля“ за помѣщеніе въ первомъ номерѣ, отъ 1 сентября, ложныхъ свѣдѣній о дѣйствіяхъ правительства и за перепечатаніе записки о доходахъ Императорской фамилии, оштрафована генераль-губернаторомъ на 200 рублей.

6) Въ Ставрополѣ, 3 сентября. По распоряженію генерала Литвинова, закрыты обѣ частныя газеты „Сѣверно-Кавказскій Край“ и „Братство“. Типографіи ихъ опечатаны.

7) Въ Вяткѣ, 4 сентября. Князь Горчаковъ издалъ 2 сентября цѣлѣкъ шесть обязательныхъ постановленій. Однимъ изъ нихъ воспрещается: „распространять такіа произведенія печати, которыя по своему содержанію могутъ вызвать недобѣре къ правительственной и общественной власти или возникновеніе волненій въ населеніи“.

8) Въ Петербургѣ, 4 сентября. Въ четвертомъ часу ночи, въ типографію П. П. Сойкина, гдѣ печатается газета „Современная Россія“, явился приставъ и предъявилъ редактору-издателю газеты Н. Г. Молоцову распоря-

женіе градоначальника о приостановкѣ газеты на основаніи положенія чрезвычайной охраны. Газета „Современная Россія“ разслалась подписчикамъ приостановленной газеты „Современная Жизнь“ и успѣла выпустить всего 3 номера.

9) Въ Варшавѣ. По распоряженію генераль-губернатора приостановлено изданіе „Новой Газеты“. Редактору приостановленной еженедѣльника „Свопъ“ оберъ-полицімейстеръ, по распоряженію военной власти, предложилъ въ теченіи 3 дней выѣхать за предѣлы края.

10) Въ Петербургѣ. Редакторъ приостановленной газеты „Современная Жизнь“ получилъ одновременно копию съ обвинительныхъ актовъ по слѣдующимъ преступленіямъ: въ № 94 газеты, „Совр. Жизнь“ за статью „Впечатлѣнія Дня“—4 п. 129 ст. угол. улож. и п. 6 ст. 5 отд. VIII врем. правилъ; въ № 100 за примѣчаніе въ отдѣлѣ „Печать“ и перепечатку воззванія офицера К.—5п. 129 ст. угол. улож. и 6 ст. VIII отд. врем. прав.; въ № 108, 111 и 113—за статьи и записки—1 и 5 п. ст. 129.

11) Въ Подгваѣ, 4 сентября. Редактору лубенской газеты „Хлѣборобъ“, Шеметъ, привлекается къ ответственности за изданіе газеты явочнымъ порядкомъ.

12) Въ Ригѣ, 4 сентября. Особое присутствіе судебной палаты приговорило редактора „Рижскихъ Вѣдомостей“ Витвицкаго за перепечатаніе выдержки изъ декабрьскаго воззванія рабочьхъ организацій по ст. 129 улож. о наказ. къ заключенію въ тюрьму на одинъ мѣсяць.

13) 4 сентября отъ всѣхъ редакторовъ московскихъ періодическихъ изданій администраціей отобрана подписка въ томъ, что они не будутъ поименно называть въ печати тѣхъ офицеровъ, которые въ качествѣ членовъ входятъ въ составъ военно-полевыхъ судовъ.

14) Въ Петербургѣ 4 сентября въ судебной палатѣ слушалось дѣло по обвиненію редактора-издателя газеты „Радикаль“ присяжнаго повѣреннаго М. С. Маргуліаса.

Подсудимому инкриминируются цѣлѣкъ рядъ статей помѣщенныхъ въ №№ отъ 1 до 6-го, на которомъ и прекращено было самое изданіе газеты. Палата вынесла обвинительный приговоръ, назначивъ установившуюся норму редакторской кары—1 годъ крѣпости.

Кромѣ того, подсудимому запрещено въ теченіи 6 лѣтъ быть редакторомъ или издателемъ какого бы то ни было періодическаго изданія, а газету „Радикаль“ закрыть навсегда.

На приговоръ палаты будетъ принесена кассационная жалоба.

15) Тамъ же, 4 сентября, утромъ, чинами полиціи отбирались у гаетчикова номера новой газеты „Свобода и Жизнь“.

16) Тамъ же, 5-го сентября конфискована послѣдняя книжка журнала „Русское Богатство“.

17) Тамъ же. Въ ночь съ 5 на 6 сентября въ типографію Воейкова явился полиція съ предписаніемъ градоначальника о закрытіи газеты „Военный Голосъ“. Часть номеровъ была уже готова, ихъ уничтожили, наборъ рассыпалъ, стереотипы разбили.

На основаніи положенія о чрезвычайной охранѣ газета „Военный Голосъ“ приостановлена.

18) Въ Киевѣ, 6 сентября. По распоряженію генераль-губернатора, за-

рыта газета „Кіевскіе Отголоски Жизни“ на время военного положенія въ Кіевѣ.

19) Въ Варшавѣ. По распоряженію временнаго генералъ-губернатора прекращено на время военного положенія изданіе еженедѣльника „Шмерлендъ Польскій“.

20) Въ Тифлисѣ. Редакторъ журнала „Встань спящіи“ свящ. Врихневичъ приговоренъ на годъ въ крѣпость; редакторъ газеты „Гвоздь“ приговоренъ на годъ въ крѣпость.

21) Въ Петербургѣ, 6 сентября редакціи „Журнала для всѣхъ“ было предъявлено постановленіе г. спб. градоначальника, изданное на основаніи положенія о чрезвычайной охранѣ, въ силу котораго журналъ приостанавливается на неопредѣленное время. Одновременно послѣдовало распоряженіе о конфискаціи двухъ послѣднихъ книгъ журнала.

22) Въ Симферополь, 6 сентября. Редакторъ „Жизни Крыма“, бывшій членъ государственной думы князь Оболенскій, привлекается къ суду по 129 ст., за корреспонденціи изъ села Валокъ.

23) Въ Варшавѣ, 7 сентября. По распоряженію варшавскаго генералъ-губернатора, прекращено на время военнаго положенія изданіе газеты „Золотой Рогъ“.

24) Въ Петербургѣ 7 сентября, въ 8 ч. вечера, въ книгоиздательство „Донская Рѣчь“ (Лиговка, 44) явился помощникъ пристава съ подобающей свѣтой и предъявить предписаніе спб. цензурнаго комитета по дѣламъ печати, о конфискаціи брошюры „Союзъ подъ 1 мая“. Е. Кусково“. Копификовано 400 экзѣм. Характерно, что книга эта издана въ ноябрѣ 1905 г., а предписаніе объ „изыятіи“ послѣдовало въ сентябрѣ 1906 г.

25) Въ Самарѣ, 7 сентября. Редакторъ „Самарской Газеты“ Костеринъ приговоренъ судебной палатой къ двумъ мѣсяцамъ тюрьмы съ замѣною штрафомъ въ 500 руб. и воспрещеніемъ редакторства на 5 лѣтъ. Газета закрыта навсегда.

26) Въ Севастополь запрещена Скрыдловымъ розничная продажа газ. „Товарищъ“.

27) Въ Петербургѣ, 7 сентября. Послѣдній (35-й) номеръ еженедѣльнаго журнала: „Хроника Еврейской Жизни“ конфискованъ на основаніи положенія о чрезвычайной охранѣ за статью о сѣвѣдскихъ событіяхъ.

28) Въ Варшавѣ. Конфискованъ 35-й номеръ польской газеты „Еврейская Жизнь“. Приостановлена на время военнаго положенія газета „Еврейскій Голосъ“.

29) Въ Тифлисѣ, 8 сентября. Приостановлена армянская газета „Зангъ“; типографія опечатана; редакторъ высылается.

30) Въ Кіевѣ, 8 сентября. Генералъ-губернаторомъ приостановленъ на время военнаго положенія, издающийся священникомъ Кмитой журналъ „Отголоски сельскихъ пастырей“.

31) Въ Петербургѣ 8 сентября приставъ 2 участка литейной части прибылъ въ помѣщеніе книгоиздательства Н. Глаголева (Невскій просп., 92) съ предписаніемъ старшаго инспектора по дѣламъ печати наложить арестъ на только что выпущенную издательствомъ книгу Парвуса: „Россия и революція“, въ количествѣ 10.200 экз. Послѣ произведеннаго по всѣмъ помѣщен-

ныхъ издательствъ обыска, арестовано 657 экз., остальные книги оказались распоряданными.

32) Въ Вильнѣ, 8 сентября. Редакторъ литовской газеты „Naugase Gadune“ г-жа Брозавичъ, въслѣдствіе отказа заплатить штрафъ въ 200 рублей, наложенный на нее за печатаніе невірныхъ свѣдѣній о доходахъ императорской фамилии, подвергнута аресту на одинъ мѣсяць.

33) Въ Петербургѣ. — Редакторъ замѣненаго къ выпуску журнала „Голосъ Безработнаго“ получилъ заявленіе о томъ, что петербургскій градоначальникъ не шельзъ возможнымъ разрѣшить журналъ съ подобнымъ названіемъ.

34) Тамъ же 7 сентября, въ 7 час. вечера, въ типографіи „Надежда“ конфискованы № 12 „Голоса Приказчика“.

35) Тамъ же. 9-го сентября комитетомъ по дѣламъ печати наложенъ арестъ на № 1 журнала „Хлѣбъ и работа“ и на № 9 „Журналъ Для Всѣхъ“ (сентябрь).

36) Тамъ же. Конфискована недавно вышедшая въ свѣтъ брошюра Ст. Струмилина „Долой забастовщиковъ!“ изд. „Новой библиотеки“.

37) 9-го сентября корреспонденты кіевскихъ газетъ „Кіевская Газета“ и „Торговая Газета“, жітомірской „Вольнь“ а рижской „Дювайтунгъ“ сообщили своимъ редакциямъ содержаніе статей „Рѣчь“ и „Страны“ о провокаціи на 11-е сентября черносотенной газетой „Объединеніе“ бойни. Администрация телеграфа, снесши съ „къмъ садуетъ“, вычеркнула это сообщеніе изъ телеграммъ корреспондентовъ, не предупредивъ ихъ объ этомъ и не возвративъ платы за телеграммы.

38) Определеніями судебной палаты, состоявшимися 18 сентября, утвержденны наложенные комитетомъ по дѣламъ печати аресты на журналъ „Міръ Божій“ за печатаніе въ № 8 статей: „Политическое обозрѣніе“, „Армія и общество“ и „Христосъ въ Варшавѣ“, причѣмъ редакторъ г. Батюшковъ привлекается къ отвѣтственности по 73, 4 и 5 п. п. 129 ст. уг. улож. и 6 ст. VIII отд. закона 24 сентября 1905 г., а также на брошюры: „Златникъ. Рядовой Обибазовъ“, „Саблина. Женщина-работница“, „Крамольскъ“, „Новая нагорная проповідь“, „Шихтеръ. Государственная Дума и ея роль въ освободительномъ движеніи“ и „Некрасовъ. Кто не желаетъ дать народу ни земли, ни воли“.

39) С.-Петербургскимъ комитетомъ по дѣламъ печати возбуждены вопросы о привлеченіи къ уголовной отвѣтственности слѣдующихъ лицъ: 1) редактора газеты на латышскомъ языкѣ „Peterburgas Lapa“ Ю. А. Равингъ, — по п. 4 ст. 129 угол. улож., съ наложеніемъ на № 43 газеты ареста; 2) редактора-издателя газеты „Перепомъ“ Н. А. Демчинскаго, по п. 1 ст. 129 угол. улож., и 3) редактора-издателя „St. Peterburger Zeitung“ П. П. фонъ-Кюгельгена и отвѣтственнаго редактора той же газеты К. П. фонъ-Кюгельгена, — по п. 1 ст. 129 угол. улож.

40) 10 сент. петербургскимъ комитетомъ по дѣламъ печати наложены аресты на нижеслѣдующія произведенія печати:

1) П. Крапоткина „Хлѣба и воли“, съ предисловіемъ Элизэ Реклю. Книгоиздательство „Свободная Мысль“. 2) Н. Левина „Пересмотръ аграрной программы рабочей партіи“ № 1. Петербургъ. 3) О баррикадной и уличной

бурьёв. Ад. Арабидзе. 4) Е. Кукова „Сонъ подь первое мая“ (сказка-права). Изданіе Н. Парамовна.

Тамъ же комитетомъ наложены аресты на брошюры подь заглавіемъ:

1) „Русское свободное правительство, Вѣлостокскій погромъ“. 2) „Передъ грозой“, сборникъ изъ газетъ Сѣверна Россія“. 3) И. Индвина „О. Виконтъ“. Анархическій индивидуализмъ. 4) „Рассказы изъ русской исторіи“ Пиншко. 5) А. А. Николаева „Крестыанская библиотека“ № 2. Первая Государственная Дума. 6) Ф. Волховской, „Друзья среди враговъ. Изъ воспоминаній стараго революціонера“.

41) Парсокосельскій исправникъ и земскій чинальчикъ 2-го участка прибыли въ Лисинскую волость и отобрали отъ всѣхъ подписчиковъ газетъ „Uusi Inkeri“ подписку, что они не будутъ больше получать этой газеты. Газета „Uusi Inkeri“ — прогрессивнаго направленія.

42) Въ Петербургъ комитетомъ по дѣламъ печати конфискована брошюра Льва Дейча „къ 25-тилѣтію марта 1881—1906 г.“

43) Сегодня отъ всѣхъ редакторовъ московскихъ періодическихъ изданій администраціей отобрана подписка въ томъ, что они не будутъ поименно называть въ печати тѣхъ офицеровъ, которые въ качествѣ членовъ входятъ въ составъ военно-полевыхъ судовъ.

44) По постановленію судебной палаты, приостановлено изданіе журнала „Наше Слово“, органа „Бунда“.

45) Въ Варшавѣ редактору приостановленной газеты „Курьеръ Новый“ предложено въ теченіе пяти дней выхъзть за предѣлы Царства Польскаго. По распоряженію генераль-губернатора приостановлено на время военнаго положенія изданіе газеты „Новины“, юмористическаго журнала „Стрѣла“ и другаго журнала, выходящаго безъ названія.

46) Московскій градоначальникъ пригласилъ къ себѣ редактора газеты „Новые Дни“ и объявилъ ему, что онъ сдѣлалъ представленіе генераль-губернатору о закрытіи газеты на основаніи положенія о чрезвычайной охранѣ.

47) Въ Кіевѣ, 11 сентября. Кіевскій комитетъ по дѣламъ печати предписалъ конфискацію иллюстрированныхъ открытокъ, изображающихъ Таврической дворець и содержащихъ текстъ выборскаго воззванія.

48) Во Владивостокѣ, 12 сентября. Военно-окружнымъ судомъ вынесена резолюція о бышемъ редакторѣ журнала „Природа и люди Дальняго Востока“, а также газеты „Далекий Край“, обвиняемомъ по второму пункту 132 статьи новаго уголовного уложенія. Редакторъ приговоренъ на полтора года въ крѣпость.

49) Въ Елисаветградѣ, 13 сентября. Генераль-губернаторъ приостановилъ на седьмомъ номерѣ за вредное направленіе „Вѣстникъ Свободы“, замѣнявшій „Новую Волну“, направленіе партіи народной свободы.

50) 13 сентября, въ петербургскомъ окружномъ судѣ слушалось известное дѣло дѣйствительнаго статскаго совѣтника Лаврова, обвинявшагося въ составленіи и распространеніи воззванія, возбуждающаго одну часть населенія противъ другой, по 1036 ст. уложенія о наказаніяхъ. Судъ призналъ Лаврова виновнымъ и приговорилъ его къ низшей мѣрѣ наказанія — штрафу въ 100 рублей, а при несостоятельности — аресту на 10 дней.

51) Въ Ярославлѣ, 13 сентября. Конфискованъ вчерашній номеръ „Сѣверной Рѣчи“.

52) Въ Астраханѣ, 14 сентября. Губернаторомъ восстановлена цензура. Цензируютъ вице-губернаторъ и три чиновника. Конфисковано четыре выпуска газетъ.

Редакторъ „Вѣстника Сибири“ приговоренъ къ 1 году крѣпости.

53) Въ Одессѣ, 14 сентября. Генераль-губернаторомъ воспрепятствована розничная продажа газеты „Вѣче“, въ виду помѣщенія вымышленныхъ сообщеній изъ Одессы, возбуждающихъ вражду между частями населенія.

Въ Иркутскѣ, 15 сентября. Генераль-губернаторъ приостановилъ изданіе газеты „Восточная Сибирь“.

54) Въ Кіевѣ, 13 сентября. Генераль-губернаторъ оштрафовалъ редактора газеты „Кіевская Рѣчь“ на 1,000 руб.

Въ Петербургѣ 14 сентября ночью, на основаніи положенія о чрезвычайной охранѣ, изданіе газеты „Переломъ“ приостановлено.

55) Въ Варшавѣ, 16 сентября. — Редактору приостановленнаго юмористическаго журнала „Муха“ предложено выхъзть за предѣлы Царства Польскаго въ мѣста, гдѣ не введено особое положеніе или границу. Онъ избралъ выхъзть за границу, куда и вывезенъ. Арестованъ редакторъ юмористическаго журнала „Бонкъ“.

56) Въ Луганскѣ, 18 сентября. Телеграммой военнаго генераль-губернатора приостановлена на все время военнаго положенія газета „Донецкая Рѣчь“.

57) Въ Москвѣ, 18 сентября. Газета „Новые Дни“ приостановлена, на основаніи положенія о чрезвычайной охранѣ.

59) Въ Харьковѣ, 18 сентября. Редакторъ „Южнаго Края“, Воронежскій, оштрафованъ генераль-губернаторомъ на 3,000 рублей.

60) Въ Петербургѣ 18 сентября полиція явилась въ помѣщеніе редакціи „Переломъ“ и конфисковала всѣ находившіеся тамъ экземпляры газеты.

61) Тамъ же 18 сентября, въ помѣщеніе книгоиздательства „Впередъ“ (на Караванной) явилась полиція и конфисковала 190 экземпляровъ брошюры Крѣзова „Программа занятій въ кружкахъ высшаго типа (конспектъ лекцій)“, цѣна 8 копѣекъ.

62) Тамъ же № 2 „Хлѣба и работы“, журнала безработныхъ, такъ же какъ и № 1-й, былъ конфискованъ полиціей въ день выхода.

63) Тамъ же. По распоряженію цензурнаго комитета въ типографіи М. Люндорфа и К. (Морская, д. 19), арестована брошюра „Карменъ. За что?“, изданіе книгоиздат. „Впередъ“.

64) Тамъ же. 21 сентября с.-петербургскимъ комитетомъ наложенъ арестъ на № 27 „Сегодня“ и № 67 газеты „Товарищъ“.

64) Въ Петербургѣ отдано распоряженіе о конфискаціи газеты „Товарищъ“ отъ 21 сентября, послѣдняго номера латышской газеты „Таугастъ Теизистъ“ и всѣхъ имѣющихся въ продажѣ послѣднихъ номеровъ еженедѣльника „Голосъ Печатника“.

65) Въ Баку 20 сентября. Высылается изъ предѣловъ Баку сотрудникъ „Русскаго Слова“ Польсускъ за извращеніе, какъ значится въ приказѣ генераль-губернатора, происходившихъ въ городѣ событій.

66) Въ Тифлисѣ 21 сентября. Закрыта вновь народившаяся армянская

социально-демократическая газета „Норхоск“. Типография, где печаталась газета, закрыта.

67) Вь Киевъ 21 сентября. Редакторъ газеты „Народъ“ Лашниковъ, обвинявшійся по 128 и 129 статьямъ, признанъ виновнымъ лишь по 128 ст. и приговоренъ къ году заключенія въ крѣпости.

68) 23 сентября въ спб. окружномъ судѣ рассматривалось дѣло редактора-издателя журнала „Рабочій Миръ“ Архангельского, привлеченнаго къ отвѣтственности за статью Варвары Авчинниковой: „Итоги“, помѣщенную въ № 4 названнаго журнала. Судъ приговорилъ В. Архангельскаго къ 2 мѣсяцамъ и 15 днямъ тюремнаго заключенія.

69) Въ Петербургѣ комитетомъ по дѣламъ печати наложенъ арестъ на первый выпускъ сборника „Народно-соціалистическое обозрѣніе“.

70) Въ Подтавъ 21 сентября. Конфискованъ сегодняшній номеръ „Червома“. Газета больше не выходитъ въ виду отказа типографіи отъ дальнѣйшаго печатанія.

71) Въ Симферополѣ 23 сентября. Редакторъ „Жизни Крыма“, бывшій членъ государственной думы, князь Оболенскій, за статью по поводу казни Шмидта, судебной палатой приговоренъ къ заключенію въ арестномъ домѣ на три мѣсяца.

72) По постановленію петербургскаго комитета по дѣламъ печати наложенъ арестъ на слѣдующія произведенія печати: 1) Мартовъ. Рабочее дѣло въ Россіи, 2) Кропоткинъ и Дж. Вернесъ. Всеобщая стачка. 3) Эльнеръ. Дуэль передъ судомъ общества. 4) Швецовъ (С. Марусинъ). Въ ожиданіи казни. 5) Кр—ковъ. „Программа заявлять въ кружкахъ высшаго типа“. 7) Танъ. „Стихотворенія“. 8) Петращевъ. „Триста дѣтъ“, 1806—1906. 9) 3-я сборникъ изд. „Многочіе“.

73) Судебнымъ слѣдователемъ въ г. Ригѣ привлеченъ къ отвѣтственности по 129 ст. угол. улож. мировой судья рижско-вольмарскаго уѣзднаго сѣзда Чешингъ за составленіе напечатанной въ газетѣ „Прибалтійскій Край“ статьи подъ заглавіемъ „Тягчайшая изъ забастовокъ“.

74) Ѡ. М. Овипко будетъ привезенъ въ Ставрополь для участія въ борьбѣ дѣла о напечатаніи въ ставропольской газетѣ „Голосъ“ „Письма въ сѣдѣ“. Обвиняется Ѡ. М. Овипко по 129 ст. одновременно съ редакторомъ „Голоса В. С. Красновымъ“.

75) 25 сентября, въ 12 часовъ ночи, по распоряженію московскаго градоначальника, на московскомъ вокзалѣ николаевской желѣзной дороги закрыты газетный кіоскъ контр-агентства А. С. Суворина за продажу журналовъ „На распутии“ и „Произволъ“.

76) 25 сентября с.-петербургскимъ комитетомъ по дѣламъ печати наложенъ арестъ на № 203 „Всеобщей маленкой газеты“ въ С.Петербургѣ.

77) Въ Читѣ закрыты „Тайга“ и „Голосъ Забайкалья“.

78) Въ Петербургѣ 27 сентября въ 9 ч. утра, въ типографію „Общественная Польза“ (Вольш. Подъячская, 39) явилась полиція и конфисковала по распоряженію петербургскаго комитета по дѣламъ печати, № 72 газеты „Товарищъ“, въ количествѣ 3000 экземпляровъ. Одновременно было конфисковано 286 экземпляровъ въ конторѣ газеты (Невскій, 19).

79) Въ Харьковѣ 27 сентября. Редакторъ рабочей газеты „Совѣзъ“ оштрафованъ генераль-губернаторомъ за призы къ забастовкѣ на тысячу руб.

80) Въ Тифлисъ 27 сентября. Генераль-губернаторомъ приостановлена на время военнаго положенія газета „Тифлѣскій Листокъ“ за сообщеніе ложныхъ свѣдѣній о дѣйствіяхъ властей.

81) Въ Вильнѣ 27 сентября. Сегодня генераль-губернаторомъ наложенъ штрафъ въ 300 рублей съ замѣной арестомъ въ два мѣсяца на редакторовъ издающейся въ Вильнѣ на еврейскомъ жаргонѣ газеты „Volks-Zeitung“.

82) С.-Петербургскій градоначальникъ на основаніи положенія о чрезвычайной охранѣ приостановилъ издающійся въ Петербургѣ ежедневный журналъ „Еврейская Жизнь“. Поводомъ къ запрещенію явленія послужила напечатанная въ послѣднемъ номерѣ этого журнала корреспонденція изъ Сѣдена.

83) Въ Петербургѣ въ среду 27 сентября, въ 11 час. вечера, въ конторѣ журнала „Вѣстникъ Жизни“ былъ конфискованъ № 11 этого журнала. Полиція нашла всего 24 экземпляра.

84) Определеніемъ судебной палаты, состоявшимся 28 сентября, приостановлено изданіе выходившей въ Петроавдѣскіи газеты „Олоонецкій Край“, а противъ редактора газеты, старшаго фабричнаго инспектора Олоонецкаго губ. В. В. Дмитріева, возбуждено уголовное преслѣдованіе по 2, 3 и 6 п. 129 ст. уг. улож. за напечатаніе статей, возбуждающихъ къ неповиновенію закоу и борьбѣ съ правительствомъ и проч.

85) Въ Киевѣ 28 сентября. Судебной палатой при председателѣ Крицковѣ и прокурорѣ Рыжовѣ редакторъ „Кіевскихъ Отголосковъ“ Гармашевъ приговоренъ къ годичному заключенію въ крѣпости за перепечатку воззванія рабочихъ депутатовъ думы. Гармашевъ признанъ виновнымъ по статьѣ 129 пункты 2 и 6.

86) Въ Петербургѣ 29 сентября на основаніи положенія о чрезвычайной охранѣ, по постановленію градоначальника приостановлено изданіе газеты „Народъ“. Номеръ отъ 29 сентября потому не выпелъ.

Отъ Шлиссельбургскаго Комитета.

Съ 3 мая по 15 октября 1906 г. поступило въ Шлиссельбургскій фондъ: отъ г-жи Яковлевой—5 р.; неизвѣстнаго—1 р.; Н. А. Рубакина—10 р.; А. И. Чеховскаго—10 р.; Маріи Лешеръ—10 р.; М. Ж.—3 р.; А. Аристовой—10 р.; И. Д. Балашова—1 р.; Л. Ф. Павтелъева—90 р.; Е. С. Волковой—70 коп.; В. П. Водозовой—400 р.; г-на А.—на (гонораръ за статью въ „Народномъ Вѣстникѣ“) —23 р. 79 к.; полпоручика В.—скаго—1 р. 50 к.; чрезъ В. Д. Лебедеву отъ товарищей Алексѣя Лашеева—27 р. 20 к.; отъ В. Ф. Коммисаржевской—400 р.; Кириллова—10 р.; А. Бухарцева—10 р.; чрезъ А. Ф. Волкова отъ лицъ, пожелавшихъ остаться неизвѣстными—36 р. 60 коп. М. Л. Лихтенштадтъ—10 р.; г-жи Черем—ской 11 р.; г-на Панкратова (гонораръ за статью въ „Выломъ“) —15 р.; чрезъ редакцію „Былого“ отъ NN—8 р.; Н. И. Торгашева—50 р.; В. В. Калаша—10 р. **Итого 1.153 р. 79 к.**, а съ прежде поступившими всего: деньгами 3.039 р. 65 к. + 100 финск. марокъ и процентными бумагами 4.000 руб.

О поступленіи всѣхъ этихъ пожертвованій Комитетъ съ благодарностью извѣщаетъ жертвователей. Приемъ пожертвованій продолжается (адресъ казначея Комитета: Спб., Троицкая, 11, кв. 22)

Казначей Н. Анненскій.